This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

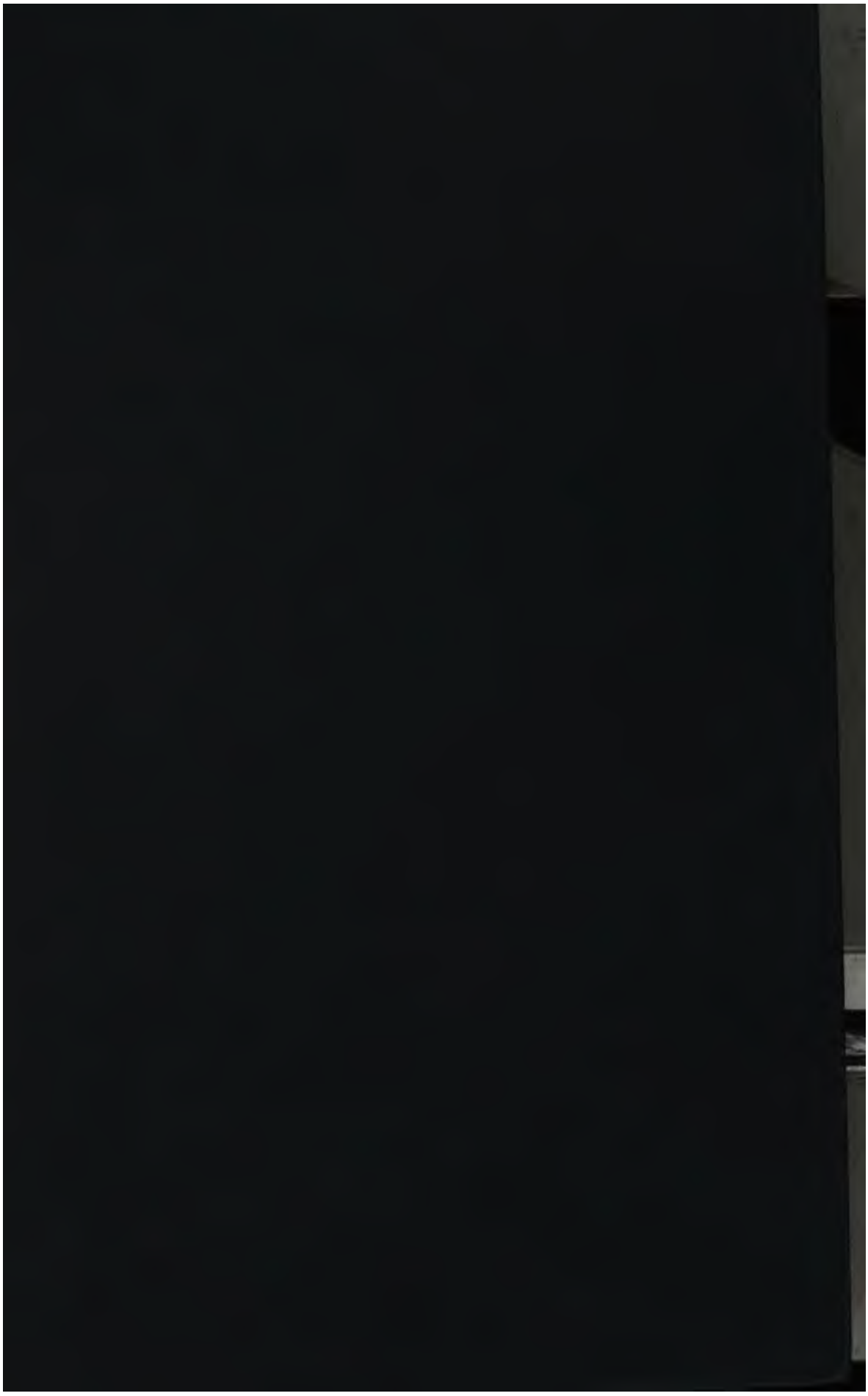
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



1374

Sec. 21/89 d. 22/15

18 137

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1878.

ИЗДАНІЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

продающіяся въ Комитетѣ Правленія и у комиссіонеровъ Академіи.

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ВЫХОДИТЪ ВЪ НЕОПРѢДѢЛЕННЫЕ СРОКИ И СОДЕРЖИТЪ ВЪ СЕБѢ, СВЕРХЪ ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ И ОТЧЕТОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ:

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта**, Я. К. Грота.—**Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи**, П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго.—**Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота.— **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, Его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.— **Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича.— **Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. Н. Лавровскаго.—**Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго.— **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго.— **Литературные труды П. И. Кеппена**, А. А. Куника.—Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго; 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Томъ V. вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія**, И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ**, Я. К. Грота, съ письмами Евгенія къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу.—**О словаряхъ Евгенія**, А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.

Томъ V. вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ**, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.— Цѣна 1 руб. 50 к.

Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — **Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ**, его же. — **О баснях Крылова въ худож. отношеніи**, А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова**, И. И. Срезневскаго. — **О баснях Крылова въ переводахъ на иностр. языки**, А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ** Я. К. Грота.— **Слово въ день юбилея Крылова**, преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница**, драматич. соч. Крылова.— **Пиръ** басня **его же**. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣк. баснях Крылова**, Я. К. Грота; **О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова**, его же. — **Библіографическія и Историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова**, составл. В. Ѳ. Кеневичемъ.— **Матеріалы для біографіи Крылова**, доставл. гг. Кене-

вичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 руб.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «**Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки**», записка П. П. Срезневскаго. — **Записка о томъ же**, А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія**, П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля**, записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, записка Л. П. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, замѣтка Ф. П. Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки къ словарю Даля**, Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю**, Н. Я. Даниловскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи**, Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»**, статья К. П. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII вѣка**, архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи**, В. Макушева. — **Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 г. и очеркъ біографіи А. С. Норова**, составл. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ VIII. **Ломоносовъ какъ писатель.** Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ**, С. П. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**, П. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона**, В. Макушева. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ IX. **Историческія бумаги, собранныя К. П. Арсеньевымъ.** Приведены въ порядокъ и изданы П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ X. **Воспоминаніе о Сперанскомъ**, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи**, Я. К. Грота. — **Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ**, Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара**, П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки**, М. П. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ**, Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненіе къ словарю Даля**, П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ**, Я. К. Грота. Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ первый. М. П. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію** Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749.—1774)**. М. П. Лонгинова. — **Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Undольскаго.** Сост. Я. Ф. Головацкимъ. — **Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ акад. Пекарскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XII. **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ.** П. П. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ.** П. П. Носовича. 1 р. 50 к.

Томъ XIII. **Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная.** Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней Русской литературѣ.

Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова. Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — **Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма.** И. П. Срезневскаго.— **Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II.** А. С. Павлова. — **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта.** Я. К. Грота. Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова. Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. И. Я. Порфирьева. — **Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи).** С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія.** М. А. Колосова.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.
Томъ II (съ рисунками). 1865: 3 руб.
Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 3 руб.
Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.
Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869 2 руб. 50 к.
Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 к.
Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Той же книги 2-е изданіе (общедоступное, безъ рисунковъ).

Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 р. —Томъ II. 1869: 1 р.— Томъ III. 1870: 1 руб. — Томъ IV. 1874: 1 руб. — Томъ V. 1876: 1 руб.— Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865: 1 р. 50 коп.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. П. Пекарскаго. 1865: Спб. 50 коп.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ), Я. Грота. Спб. 1862: 30 коп.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862: 25 коп.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. СПб. 1874. Цѣна 60 коп.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Изданы съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. СПб. 1866: 2 руб.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Сатира Крылова и его «Почта Духовъ». Его же. Спб. 1869: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ Русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 г. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.

Извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 руб.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 руб. 50 к.

Отчетъ о четвертомъ присужденіи Ломоносовской преміи, Я. Грота (разборъ Толковаго Словаря Даля). Спб. 1870: 45 коп.

Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. Спб. 1872: 30 к.

Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. Грота. Спб. 1872: 40 к.

Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ. Я. Грота. СПб. 1874: 20 к.

Сочиненія и письма Хемницера. Съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873. 1 р. 50 к.

Исторія Императорской Академіи Наукъ. П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію. Я. Грота. Спб. 1873 25 к.

Филологическія разысканія Я. К. Грота. 2-е значительно пополненное изданіе въ двухъ томахъ, изъ которыхъ второй продается и отдѣльно подъ заглавіемъ: **Спорные вопросы русскаго правописанія.** Цѣна за томъ 1 р. 25 коп.

Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго, въ двухъ томахъ. Цѣна тома по 1 р. 50 к.

Сказанія объ антихристѣ, разборъ книги Невоструева, составл. И. И. Срезневскимъ, со снимками. Цѣна 3 р.

Палеографическія наблюденія, по памятникамъ греческаго письма. И. И. Срезневскаго. Цѣна 35 к.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 50 коп. Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп.

Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. СПб. 1877: 50 коп.

Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. СПб. 1877: 30 коп.

Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова: СПб. 1877: 45 коп.

Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. СПб. 1877: 25 коп.

Отчетъ комиссіи о присужденіи П. И. Григоровичу преміи за біографію кн. Безбородки, составл. Я. Гротомъ. СПб. 1878. 20 коп.

Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка. Я. Грота. 15 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ, и прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабря 1878 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности:	
За мартъ — май 1877 г.	I—XV
Приложенія къ протоколамъ:	
Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1877 г., составленный академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 29-го декабря 1877 года	XVI—LVII
Рѣчь произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогожскаго Библейскаго Сотоварищества секретаремъ онаго, Александромъ Никитенковымъ 1824 года генваря 27 дня	LVIII—LXVI
Записка объ ученыхъ трудахъ профессора А. Н. Веселовскаго, составленная академикомъ И. П. Срезневскимъ	LXVII—LXXIII
Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, читанный въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29-го декабря 1877 года академикомъ И. И. Срезневскимъ	LXXIX—LXXXVIII
Записка о трудахъ профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ ординарнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ	LXXXIX—CXVII

Екатерина II и Густавъ III. Академика Я. К. Грота	№ 1.	1—115
Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Академика Я. К. Грота	№ 2.	1— 67
Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ. С. Пономарева	№ 3.	1— 46

		СТРАН.
Библіографическія и историческія замѣтки. [illegible] — Правописаніе Екатерины II. Я. К. Грота. (Съ литографированными снимками)	№ 4.	1— 32
Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ въ память столѣтняго юбилея Александра I. М. И. Сухомлинова	№ 5.	1—116
На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи. И. И. Срезневскаго	№ 6.	1— 47
Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородко за біографію канцлера князя А. А. Безбородко. (Составленъ академикомъ Я. К. Гротомъ и читанъ имъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 6-го апрѣля 1879 г.)	№ 7.	1— 34
Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка. Я. К. Грота	№ 8.	1— 22
Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго С. И. Пономарева	№ 9.	1— 30

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Мартъ — май 1877 г.

Читано полученное изъ Вѣны письмо комитета по устройству юбилея члена-корреспондента Академіи Наукъ профессора Шемберы о празднованіи этой годовщины 9—21 марта, когда названному ученому совершится 70 лѣтъ отъ роду. Положено: въ означенный день привѣтствовать почтеннаго юбиляра телеграмой, которая и была составлена И. И. Срезневскимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Достоуважаемый профессоръ! Отдѣленіе русскаго языка и словесности признательно вспоминаетъ о Вашей слишкомъ 45-лѣтней научной дѣятельности, постоянно направленной по пути наблюденій и изслѣдованій и приведшей Васъ къ совершенію трудовъ, высоко цѣнимыхъ вездѣ, гдѣ люди науки изучаютъ языкъ и древности Славянъ».

Академикъ Срезневскій указалъ на слѣдующія два заслуживающія вниманія сочиненія: 1) Г. Кочубинскаго: По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, основная вокализація плавныхъ сочетаній конс. + *л*, *р* + ъ + конс. Одесса 1877 г. 2) Г. Фортинскаго: Приморскіе вендскіе города, о ихъ вліяніи на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 г. Кіевъ 1877.

Академикъ Гротъ доложилъ, что онъ, по связи съ своимъ изслѣдованіемъ о сравнительномъ словарѣ Екатерины II, изданномъ Палласомъ, и по возбужденному А. Ф. Бычковымъ вопросу, искалъ въ протоколахъ засѣданій Академіи Наукъ за прошлое столѣтіе и въ приложеніяхъ къ нимъ свѣдѣній о томъ, гдѣ могли остаться матеріалы для словаря, которые отвсюду присылались по

требованіямъ русскаго правительства, но не могъ найти никакихъ указаній на эти матеріалы; отъ академика же А. А. Шифнера онъ узналъ, что многіе изъ нихъ находятся во 2-мъ отдѣленіи академической библіотеки.

Академикъ Срезневскій заявилъ, что къ числу объясненій Слова о полку Игоревѣ прибавилось еще одно, очень замѣчательное по особенной рѣзкости взгляда на этотъ памятникъ. Это «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ» Всеволода Миллера (М. 1877), того даровитаго ученаго, который въ прошедшемъ году издалъ обширный 1-й томъ «Очерковъ арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшею культурой».

«Не менѣе, если не болѣе, любопытна (сказано далѣе въ замѣткѣ И. И. Срезневскаго) «новая работа нашего члена-корреспондента С. Новаковича: Српске народне загонетке (загадки) Бѣлградъ 1877. Здѣсь собраны сербскія загадки, не только помѣщенныя въ разныхъ изданіяхъ, но и многія нигдѣ еще не напечатанныя. Загадки въ собственномъ смыслѣ тутъ расположены по азбучному порядку отгадокъ, и вездѣ, гдѣ нужно было снабжены разночтеніями и объясненіями. Это дорогой подарокъ для изучающихъ народный языкъ, народную поэзію, а отчасти и для этнографа.

«Другой нашъ членъ-кореспондентъ профессоръ Гаттала издалъ книгу, которая въ чешской литературѣ конечно принята также неравнодушно, какъ неравнодушно написана. Это Brus (оселокъ) jazyka českého (Прага 1877), гдѣ ученый изслѣдователь постарался собрать разныя доказательства своему убѣжденію, что чешскій языкъ, не только литературный, но отчасти и народный, не только дѣйствіями безсознательными, но и сознательными, испорченъ въ своемъ строѣ».

По предложенію И. И. Срезневскаго опредѣлено: доставленное ему въ рукописи братьями Юшкевичами начало составляемаго ими Литовско-русскаго словаря препроводить къ члену-корреспонденту Академіи Наукъ профессору Харьковскаго университета А. А. Потебнѣ съ покорнѣйшею просьбою принять на себя трудъ разсмотрѣть эту рукопись и возвратить ее съ своимъ отзывомъ. Обязательно исполнивъ желаніе Отдѣленія, г. Потебня въ непродолжительномъ времени сообщилъ подробно изложенное мнѣніе свое о началѣ словаря братьевъ Юшкевичей, въ которомъ, одобряя его, какъ трудъ весьма добросовѣстный и важный по живому источнику народнаго языка, откуда онъ почерпнутъ, представилъ нѣ-

сколько частныхъ замѣчаній, заслуживающихъ полнаго со стороны составителей вниманія. Положено: отзывъ профессора Потебни отправить въ копіи къ гг. Юшкевичамъ, съ возвращеніемъ имъ рукописи и выраженіемъ желанія Отдѣленія, чтобы они продолжали свой почтенный трудъ, обѣщающій составить существенное дополненіе къ изданнымъ до сихъ поръ литовскимъ словарямъ. На это г. И. Юшкевичъ отвѣчалъ, что онъ и братъ его не только приняли къ соображенію справедливыя замѣчанія г. Потебни, но и намѣрены просить его не отказать имъ въ содѣйствіи по отношенію къ этому труду.

Академикъ Бычковъ прочелъ записку о значеніи и достоинствѣ разсмотрѣнныхъ имъ матеріаловъ для исторіи славяно-русской литературы и отрывка библіографическаго словаря, оставшихся послѣ покойнаго П. М. Строева и переданныхъ Академіи Наукъ его наслѣдниками. Указавъ, что въ этихъ матеріалахъ встрѣчаются свѣдѣнія новыя, обнародовать которыя было бы весьма желательно, г. Бычковъ вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ и планъ, какъ могли бы быть изданы эти свѣдѣнія, которыя дополняютъ труды митрополита Евгенія и архіепископа Филарета. Отдѣленіе, одобривъ планъ изданія, просило акад. Бычкова принять на себя трудъ извлеченія матеріаловъ и приготовленія къ печати этихъ свѣдѣній.

Академикъ Гротъ представилъ напечатанныя имъ прежде въ частныхъ журналахъ двѣ статьи: «Екатерина II и Густавъ III», нынѣ переработанныя въ одну и значительно пополненныя какъ въ самомъ ихъ текстѣ, такъ и особенно въ приложеніяхъ, изъ которыхъ большая часть до сихъ поръ еще нигдѣ не были напечатаны. Положено помѣстить этотъ трудъ какъ въ Запискахъ Академіи, такъ и въ Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ Гротъ заявилъ объ изданномъ недавно въ Варшавѣ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ П. П. Дубровскимъ польско-русскомъ словарѣ, какъ весьма основательно составленномъ пособіи къ изученію обоихъ языковъ. Вслѣдъ за симъ должна явиться и русско-польская часть этого полезнаго труда.

Академикъ Сухомлиновъ доложилъ, что предполагаетъ вскорѣ приступить къ печатанію IV-го выпуска «Исторіи Россійской Академіи», такъ какъ рукопись его почти уже готова и въ непродолжительномъ времени можетъ быть сдана въ типографію.

По поводу одного замѣчанія въ письмѣ, полученномъ отъ профессора славянскихъ нарѣчій въ берлинскомъ университетѣ И. В. Ягича, академикъ Гротъ прочелъ составленную имъ замѣтку объ

уменьшительномъ суффиксѣ именъ средняго рода *це*, *цо*, въ которой, соглашаясь съ ученымъ издателемъ «Архива славянской филологіи» въ томъ, что это окончаніе первоначально было *ъце*, какъ доказываютъ примѣры изъ ц.-сл. и нынѣшнихъ южно-славянскихъ языковъ, академикъ остается однакожъ при своемъ мнѣніи, что въ русскомъ языкѣ, можетъ быть вслѣдствіе фонетическихъ требованій, этотъ суффиксъ принялъ чистую форму *це*, *цо*. Замѣтка будетъ въ свое время напечатана.

Читано полученное академикомъ Гротомъ письмо учителя реальнаго училища въ Калугѣ П. В. Шейна по поводу сдѣланнаго ему Отдѣленіемъ приглашенія отправиться въ нѣкоторыя мѣстности западныхъ губерній для наблюденій надъ мало изслѣдованными говорами бѣлорусскаго нарѣчія и для собиранія памятниковъ народной словесности. Опредѣлено: одобривъ высказанныя г. Шейномъ предположенія, ходатайствовать о командированіи его съ означенною цѣлью въ западныя губерніи на время отъ середины августа до конца ноября текущаго года.

Августъ — декабрь 1877 года.

Академикъ Гротъ доложилъ: 1) что онъ по порученію Отдѣленія въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ занимался въ Тамбовѣ разсматриваніемъ сохранившихся въ тамошнихъ архивахъ бумагъ относительно времени губернаторства Державина и нашелъ въ нихъ не мало любопытныхъ подробностей для дополненія прежде собранныхъ имъ по этому предмету свѣдѣній, за что считаетъ себя особенно обязаннымъ дѣятельной помощи какъ нынѣшняго тамбовскаго губернатора Князя М. В. Шаховскаго-Стрѣшнева и вице-губернатора Ф. В. Кривцова, такъ и предсѣдателя земской управы Л. В. Вышеславцева и управляющаго казенной палатою А. Д. Сирицы. Кромѣ того онъ не можетъ не упомянуть о радушномъ содѣйствіи, встрѣченномъ имъ со стороны подчиненныхъ этимъ лицамъ чиновниковъ, а также ректора тамбовской духовной семинаріи, архимандрита Димитрія, и учителя Елисаветинскаго института и Александровскаго училища И. И. Дубасова; 2) что онъ, по порученію Академіи Наукъ, въ концѣ минувшаго августа мѣсяца присутствовалъ, въ качествѣ депутата ея, на 400-лѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета, при чемъ имѣлъ случай испы-

тать на себѣ много знаковъ какъ сочувствія къ Россіи вообще, такъ и уваженія къ высшему ея ученому учрежденію. Описаніе относящихся къ юбилею обстоятельствъ его пребыванія въ Швеціи напечатано въ Запискахъ Академіи и отдѣльно. Въ связи съ этимъ Я. К. Гротъ доложилъ объ изданныхъ по случаю означеннаго юбилея и полученныхъ имъ отъ Упсальскаго университета книгахъ, а также о принесенномъ ему въ даръ издателемъ О. С. Рюдбергомъ, сочиненіи: «Traités de la Suède, Sverges traktater med främmande magter. Stockholm, 1877», вмѣстѣ съ особымъ изъ этой книги оттискомъ объ Орѣховецкомъ договорѣ 1323 г., гдѣ въ первый разъ напечатанъ сохранившійся только въ Швеціи русскій текстъ этого знаменитаго трактата. По поводу названной книги г. Гротомъ написана замѣтка, которая появится въ академическомъ изданіи вмѣстѣ со снимкомъ съ найденной рукописи договора.

Академикъ Срезневскій: 1) читалъ доставленное въ рукописи начало труда пражскаго ученаго А. О. Патеры, подъ заглавіемъ: «Чешскія глоссы въ Mater Verborum». Положено напечатать этотъ трудъ въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Сборникѣ Отдѣленія; 2) обратилъ вниманіе сочленовъ на изданное профессоромъ Будиловичемъ изслѣдованіе его «Анализъ славянскихъ словъ съ точки зрѣнія морфологіи»; 3) заявилъ о выходѣ въ свѣтъ новаго заслуживающаго вниманія труда сербскаго ученаго, корреспондента Академіи Наукъ Ю. Данничича подъ заглавіемъ: «Korijeni s riječima od njih postalijem u Hrvatskom ili srpskom jeziku» (Корни со словами отъ нихъ происшедшими въ хорватскомъ или сербскомъ языкѣ).

Академикъ Гротъ доложилъ о доставленномъ ему письмѣ г. Dewhurst изъ Лондона съ просьбою извѣстить его о происхожденіи слова *моржъ*. Письмо это было прислано въ Петербургъ подъ слѣдующимъ адресомъ: «Mr. le professeur à l'Académie pour avancer la langue russe. St.-Pétersbourg». По связи вопроса съ предметомъ его занятій, академикъ сообщилъ г. Дьюгерсту имѣющіяся у него свѣдѣнія и предположенія объ означенномъ словѣ.

Академикъ Сухомлиновъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія что, во время пребыванія своего нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москвѣ съ цѣлію собиранія матеріаловъ, относящихся къ трудамъ членовъ Россійской Академіи, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессорами Московскаго университета, онъ занимался преимущественно въ библіотекѣ университета, въ архивѣ минист. иностр. дѣлъ и въ архивѣ синодальной конторы. Изъ числа собранныхъ матеріаловъ особенно важны и сравнительно многочисленны тѣ, которые относятся къ

жизни и дѣятельности профессора Барсова, ученика Ломоносова и Тредьяковскаго. Съ особенною признательностью академикъ заявилъ о содѣйствіи, оказанномъ ему профессоромъ Тихонравовымъ, который съ радушіемъ истиннаго ученаго далъ полную возможность пользоваться всѣми, уцѣлѣвшими въ Московскомъ университетѣ, произведеніями Барсова, какъ печатными, составляющими библіографическую рѣдкость, такъ и рукописными.

Читано письмо командированнаго Отдѣленіемъ въ Бѣлорусскій край учителя Калужскаго реальнаго училища Шейна къ академику Гроту, въ которомъ объясняетъ, что срокъ, назначенный ему для исполненія даннаго ему порученія и оканчивающійся въ исходѣ будущаго ноября мѣсяца, вслѣдствіе нѣкоторыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ оказывается не вполнѣ достаточнымъ. Главное изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что дождливое лѣто и ненастная осень долѣе обыкновеннаго задержали весь рабочій сельскій людъ въ полѣ, такъ что еще въ концѣ сентября въ иныхъ мѣстахъ косили даже сѣно, не говоря о яровыхъ, и потому г. Шейнъ гораздо позже нежели предполагалъ, могъ приступить къ собиранію матеріаловъ для изученія народнаго языка и словесности. А такъ какъ, сверхъ того, наблюденія надъ прозаическою рѣчью и записываніе сказокъ всего удобнѣе могутъ производиться во время святокъ, когда бесѣды и вечеринки наиболѣе въ ходу и вѣковымъ обычаемъ запрещается работать, то весьма желательно было бы воспользоваться и этимъ благопріятнымъ временемъ для достиженія ожидаемыхъ результатовъ. Отдѣленіе, находя эту просьбу вполнѣ уважительною и полагая, что и въ педагогическомъ отношеніи отсутствіе г. Шейна изъ училища до конца года не могло бы имѣть вредныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе что можетъ-быть для цѣльности преподаванія было бы даже полезно дать заступающимъ его мѣсто окончить полугодіе, опредѣлило ходатайствовать предъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа о продленіи г. Шейну срока его командировки до 1-го января наступающаго года.

Академикъ Срезневскій обратилъ вниманіе сочленовъ на трудъ професора Кіевской духовной академіи А. Воронова: «Главнѣйшіе источники для исторіи Св. Кирилла и Меѳодія. Кіевъ 1877».

Академикъ Гротъ читалъ статью, написанную имъ по поводу появленія въ шведской газетѣ Aftonbladet документа, подтверждающаго будто бы преданіе о происхожденіи Императрицы Екатерины I отъ шведской фамиліи Рабе. Въ этой статьѣ сообщена г. Гротомъ

между прочимъ неизвѣстная до сихъ поръ, относящаяся къ 1726 году, переписка кабинетъ-секретаря Макарова съ рижскимъ генералъ-губернаторомъ кн. А. И. Репнинымъ о двухъ сестрахъ государыни изъ рода Сковронскихъ, содержавшихся съ ихъ семействами въ Ригѣ подъ стражею, а потомъ перевезенныхъ по ея приказанію въ Петербургъ.

Я. К. Гротъ доложилъ, что братъ извѣстнаго сербскаго писателя Вука Ст. Караджича, умершаго въ 1860-хъ годахъ, предлагаетъ Академіи Наукъ купить оставшуюся послѣ покойнаго библіотеку и что А. А. Куникъ, препровождая въ Отдѣленіе каталогъ этой библіотеки вмѣстѣ съ своимъ отзывомъ о ней, представляетъ, не сочтетъ ли Отдѣленіе возможнымъ принять участіе въ уплатѣ просимой за нее суммы. При семъ г. Куникъ объясняетъ, что онъ, занявшись составленіемъ каталога этому собранію книгъ и отобравъ уже 370 названій, полагаетъ, что наберется до 500 томовъ, которыхъ пріобрѣтеніе весьма желательно. Отдѣленіе, признавая и съ своей стороны такое приращеніе академической библіотеки существенно-важнымъ, изъявило полное свое согласіе на участіе въ издержкахъ по пріобрѣтенію собранія книгъ Караджича.

Академикъ Сухомлиновъ читалъ рѣчь, составленную имъ по случаю предстоящаго празднованія столѣтія со дня рожденія Императора Александра Павловича. Положено напечатать ее въ Запискахъ Академіи и въ Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ Гротъ внесъ доставленную С. И. Пономаревымъ въ рукописи библіографическую статью о двухъ сочиненіяхъ преосвященнаго Порфирія: «Востокъ христіанскій» и «Исторія Аѳона», которую и положено напечатать.

Читано отношеніе попечителя Московскаго учебнаго округа къ Я. К. Гроту о послѣдовавшемъ по представленію кн. Мещерскаго разрѣшеніи г. министра народнаго просвѣщенія на продленіе учителю Калужскаго реальнаго училища Шейну срока командировки въ Бѣлоруссію до 1 января 1878 года.

Январь — май 1878 г.

Академикъ Срезневскій доложилъ: 1) о выходѣ въ свѣтъ книги Grammaire française-russe, par Ch. Ph. Reiff, revue, corrigée et refondue par L. Léger. 1878. 2) Объ извѣстіи, ему сообщенномъ профессоромъ Л. Лежеромъ, о Слав. рукописи, найденной въ библіотекѣ

Гренадскаго университета. Она озаглавлена такъ: «Сіѧ книга имѣ́ей свѣтцы а имеѧ́ м҃цъ в҃і а҃ недель н҃в». Основываясь на бумагѣ, на которой рукопись написана, отнесли ее къ XIV или XV вѣку. Судя по образцу письма и языка, И. И. Срезневскій думаетъ, что она принадлежитъ къ числу очень недревнихъ, т. е. что едва ли ее можно отнести и къ XV вѣку. 3) О письмѣ, имъ полученномъ отъ Я. Ѳ. Головацкаго съ приложеніемъ небольшаго лоскутка изъ древне-пергаменной рукописи; вмѣстѣ съ тѣмъ И. И. Срезневскій заявилъ, что въ непродолжительномъ времени надѣется сообщить свѣдѣніе о содержаніи этого лоскутка.

Академикъ Гротъ читалъ доставленную директоромъ реальной гимназіи въ Раудницѣ (въ Чехіи) г. Прусикомъ замѣтку о происхожденіи слова *девяносто*, которую и положено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу.

Академикъ Срезневскій читалъ составленную имъ записку о жизни и трудахъ трехъ первыхъ нашихъ славистовъ: Бодянскаго, Прейса и Григоровича. Записка будетъ напечатана.

Онъ же сообщилъ свои соображенія касательно поддѣльныхъ глоссъ чешскаго памятника Mater Verborum, печатаемыхъ нынѣ съ изслѣдованіемъ г. Патеры въ академическомъ изданіи.

Академикъ Гротъ читалъ статью свою: «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка», написанную по поводу помѣщеннаго въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института» труда профессора А. С. Будиловича *Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологичекой точки зрѣнія.* Въ статьѣ своей Я. К. Гротъ разбираетъ главнымъ образомъ взгляды нѣкоторыхъ, особенно германскихъ филологовъ, на различные звуки древнеславянскаго и русскаго языковъ. Преимущественно онъ, на основаніи физіологическихъ доводовъ, опровергаетъ убѣжденіе тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ jot (нашъ й) согласнымъ звукомъ и потому принимаютъ начертанія *бойъ*, *крайъ*, какъ болѣе правильныя чѣмъ *бой*, *край*. Въ подтвержденіе своего взгляда академикъ ссылается между прочимъ на новыя изслѣдованія гг. Сиверса и Крейтера; далѣе онъ разсматриваетъ физіологическое значеніе нашихъ звуковыхъ элементовъ ъ, ь, ы, критически повѣряя мнѣнія Брюкке, Шлейхера, Миклошича и Лепсіуса, и въ заключеніе разбираетъ выводы наблюденій шведскаго филолога Леффлера надъ удвоеніемъ согласныхъ звуковъ.

Академикъ Бычковъ, возвращая просмотрѣнный имъ краткій отчетъ г. Шейна о путешествіи по Бѣлоруссіи, отозвался, что сколь-

ко можно заключать по этой запискѣ, главный результатъ его командировки составятъ собранные имъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ памятники народной словесности, но что для окончательнаго сужденія о сдѣланномъ имъ необходимо дождаться приготовляемаго имъ болѣе подробнаго отчета, при чемъ желательно, чтобы онъ съ возможною точностію обозначалъ мѣстности гдѣ собраны были наблюденія о языкѣ, сообщенныя ему лицами учебнаго вѣдомства, которыя откликнулись на его обращеніе къ ихъ содѣйствію и которыхъ имена по бывшимъ примѣрамъ полезно было бы опубликовать.

Академикъ А. Н. Веселовскій читалъ представленную однимъ ученымъ покойному князю Черкасскому записку о снаряженіи въ Болгарію экспедиціи для изученія края въ историко-этнографическомъ отношеніи. Отдѣленіе, выслушавъ эту записку съ полнымъ сочувствіемъ какъ къ самой идеѣ, такъ и къ предлагаемымъ подробностямъ выполненія ея, опредѣлило приступить къ обсужденію мѣръ для осуществленія проекта означенной экспедиціи какъ скоро положеніе Болгаріи выяснится болѣе опредѣленнымъ образомъ.

Академикъ Гротъ заявилъ о вышедшемъ въ свѣтъ новомъ замѣчательномъ и обширномъ трудѣ профессора Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института Будиловича, напечатанномъ во II-й книгѣ «Извѣстій» этого учрежденія и отдѣльными оттисками подъ заглавіемъ: *Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ*. Цѣль автора посредствомъ данныхъ языка собрать матеріалы для возсозданія, въ возможной степени, картины древнѣйшаго быта славянскаго племени. «Первой задачей лингвистической палеонтологіи, говоритъ онъ, является выдѣленіе древнѣйшихъ словъ языка отъ старыхъ, а послѣднихъ отъ новыхъ». Для опредѣленія на этомъ основаніи приблизительной хронологіи славянскихъ словъ, г. Будиловичъ при изслѣдованіи ихъ принялъ слѣдующія четыре категоріи: 1) слова, которыя, будучи распространены во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, встрѣчаются и въ другихъ арійскихъ языкахъ—слова *доисторическаго* періода жизни первыхъ; 2) слова, которыя встрѣчаются во всѣхъ главныхъ представителяхъ славянской семьи языковъ—слова *праславянскія*; 3) слова, свойственныя двумъ основнымъ группамъ славянскихъ нарѣчій, но неизвѣстныя въ третьей—слова *древнеславянскія*: 4) слова, свойственныя отдѣльнымъ нарѣчіямъ или немногимъ ближайшимъ членамъ этой семьи языковъ,—слова *областныя*. Для своихъ наблюденій по этимъ правиламъ авторъ положилъ въ осно-

ву отъ 3-хъ до 4000 словъ, выбранныхъ имъ изъ лексикологическихъ пособій; это славянскія названія важнѣйшихъ предметовъ и явленій, качествъ, дѣйствій и отношеній, которыя затѣмъ распредѣлены по группамъ: 1) именъ существительныхъ, 2) прилагательныхъ, 3) глаголовъ и 4) частицъ. Въ вышедшую нынѣ 1-ю часть труда включенъ только одинъ отдѣлъ существительныхъ: изъ круга конкретныхъ названій выдѣлены въ особую рубрику тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ естествознанію; ихъ оказалось до тысячи; они распредѣлены въ слѣдующія шесть группъ:

1) Космографія, метеорологія, физика, географія.

2) Геологія, минералогія, металлургія.

3) Ботаника.

4) Зоологія.

5) Анатомія и физіологія животныхъ.

6) Медицина.

Тѣснѣйшія группы словъ соединены въ отдѣльные параграфы при чемъ представляется слѣдующая схема анализа:

1) Слово въ его русской формѣ, а при отсутствіи ея въ формѣ церковно-славянской и другой основной.

2) Латинскій терминъ, соотвѣтствующій древнѣйшему, либо основное значенію слова въ славянщинѣ.

3) Опредѣленіе приблизительнаго возраста слова однимъ изъ установленныхъ выше терминовъ.

4) Замѣчанія объ этимологіи слова съ параллелями изъ языковъ родственныхъ или указаніемъ источниковъ заимствованія.

5) Образцы даннаго слова по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ.

Авторъ, какъ самъ онъ замѣчаетъ въ своемъ вступленіи, далекъ отъ мысли о непогрѣшимости всѣхъ частностей избраннаго метода, всѣхъ подробностей его примѣненія и выводовъ. Послѣдніе онъ часто предлагаетъ только въ видѣ предположеній.

При такой оговоркѣ нельзя не отдать полной справедливости важности и высокому интересу предпринятаго г. Будиловичемъ изслѣдованія. Хотя оно и не можетъ быть названо первымъ опытомъ въ этой отрасли славянскаго языкознанія (авторъ самъ называетъ своихъ предшественниковъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ), но никто еще не предпринималъ подобнаго труда въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Даровитость и трудолюбіе автора позволяютъ надѣяться, что трудъ его, приведенный къ окончанію, составитъ важное дополненіе къ изслѣдованіямъ въ области не только славянской, но и вообще арійской филологіи.

Академикъ Срезневскій прочелъ по тому же поводу слѣдующую записку: «Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій нашей современной филологической литературы долженъ сдѣлаться трудъ А. Будиловича, котораго первый выпускъ явился теперь въ Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко за 1878 г. и отдѣльно — подъ названіемъ: «Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ» (Кіевъ 1878 г. бол. 8, XXII + 265). Все богатство славянскаго языка по всѣмъ нарѣчіямъ, насколько это возможно, должно быть разобрано и систематически подобрано, какъ итогъ свидѣтельствъ объ образованности древнихъ Славянъ. Та же мысль, которою задался слишкомъ за сто лѣтъ передъ этимъ докторъ Антонъ въ своей книгѣ «Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse», является теперь въ трудѣ г. Будиловича въ полной выработкѣ и постановкѣ — съ гораздо болѣе опредѣленнымъ пониманіемъ задачи и несравненно бо́льшимъ подборомъ данныхъ. Подборъ данныхъ такъ обширенъ, что подобнаго не было до сихъ поръ не только въ словаряхъ сравнительныхъ, но и въ словаряхъ отдѣльныхъ нарѣчій, потому что составитель этого обширнаго труда выбиралъ слова не только изъ словарей, но и изъ самыхъ памятниковъ. Что касается общаго распорядка и вопросовъ, на которые этотъ трудъ долженъ дать отвѣты, то онъ еще не ясенъ; потому что первый выпускъ заключаетъ въ себѣ только начало — и то только перваго лингвистическаго отдѣла. Изданы только шесть главъ этого отдѣла: I. Космографія, метеорологія, физика, географія, II. Геологія, минералогія, металлургія, III. Ботаника, IV. Зоологія, V. Анатомія и физіологія животныхъ, VI. Медицина. Въ какомъ порядкѣ разбираться будетъ дѣло далѣе, это не указано. Можно подумать, судя по началу, что общій порядокъ статей взятъ почти такой же, какой принятъ А. Пиктетомъ въ его Origines indo-européennes (P. 1859); но слѣдующій выпускъ книги г. Будиловича, можетъ быть, заставитъ отказаться отъ этого предположенія. Во всякомъ случаѣ видно, что планъ обдуманъ внимательно и доводитъ свои требованія до подробностей. Нельзя не желать, чтобы это новое произведеніе неутомимой дѣятельности молодаго слависта, заслужившаго себѣ общее уваженіе уже многими прежними трудами, шло впередъ безъ замедленія, — произведеніе очевидно очень важное въ отношеніи къ исторіи славянскаго языка и народа».

Читано полученное на имя академика Грота письмо инспектора

и профессора Р.-К. Духовной Семинаріи каноника Антонія Барановскаго съ изложеніемъ его мыслей относительно составленія литовско-русскаго словаря по поводу переданнаго на разсмотрѣніе его опыта этого рода. Положено выразить г. Барановскому искреннѣйшую благодарность Отдѣленія за столь обстоятельно и съ такимъ знаніемъ дѣла составленный трудъ, который и напечатать въ академическомъ изданіи.

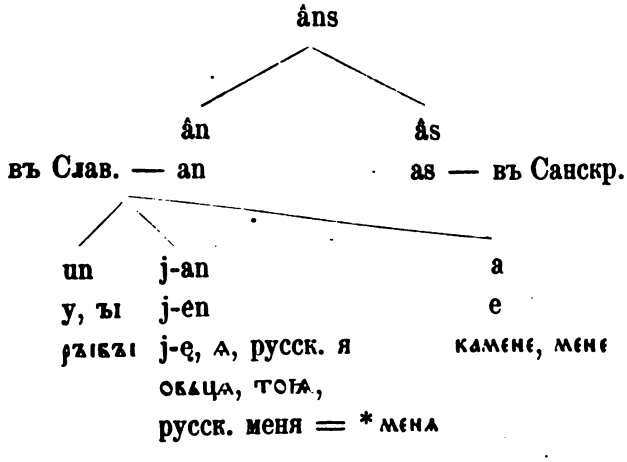
Академикъ Срезневскій, сообщивъ, что въ 1865 году начато О. Кольбергомъ изданіе сборника подъ названіемъ «Lud. jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusta, zabawy, pieśni, muzyka i tańce, прочелъ объ этомъ изданіи слѣдующій отзывъ: «Въ первой книгѣ подобрано все, что можно было собрать относительно народа въ области Сандомирской: вышелъ томъ почти въ 300 страницъ, богатый всякаго рода описаніями и указаніями. Въ 1867—1869 гг. вышли двѣ книги такого же разнообразнаго содержанія относительно народа въ Куявахъ; въ 1871—1875 появились четыре книги объ области Краковской; въ 1875—1877 вышли еще три книги объ области Познанской. Изданіе, очевидно, не окончено, а напротивъ того, все болѣе ускоряется, и съ этимъ вмѣстѣ по внутреннему своему богатству становится все болѣе важнымъ, а по внѣшности все болѣе расширяется, такъ что послѣднія книги объемистѣе первыхъ. Можно надѣяться, что и усердіе собирателя доможется счастливо довести свое обширное предпріятіе до желаннаго конца. Нельзя не вспомнить, что О. Кольбергъ не этимъ изданіемъ началъ свою многозначительную дѣятельность. Слишкомъ за 35 лѣтъ онъ сталъ собирать въ народѣ пѣсни, обращая тщательное вниманіе между прочимъ на напѣвы, и прекрасное изданіе своего собранія пѣсенъ выдалъ еще въ 1842 году. Въ 1857 г. вышли его Pies'ni ludu polskiego новымъ изданіемъ очень увеличеннымъ и очень богатымъ. Это-то собраніе пѣсенъ и сдѣлалось началомъ того сборника, который со слѣдующей книги сталъ выходить подъ названіемъ Lud и проч. Нельзя не цѣнить предпріятія О. Кольберга какъ важнаго и для изученія Польскаго народа, и для сравнительнаго изученія Славянскихъ народовъ, и вмѣстѣ какъ образецъ для подобныхъ предпріятій. Счастливое соединеніе любви къ народностямъ и необходимыхъ знаній съ знаніями музыки и пониманіемъ ея народныхъ особенностей ставятъ Кольберга въ очень не большой рядъ дѣятелей по народностямъ—не въ одномъ Славянствѣ, но и вообще въ Европѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Этимологія слова девено́сто, неправильно — девяно́сто.

Г. Франца Прусика.

Въ русскій языкъ вошли нѣкоторыя особенности, которыхъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; я приведу въ примѣръ род. пад. един. ч. меня, тебя, себя — при древнеславянскихъ формахъ мене, тебе, себе, которыя поразительно согласуются съ съ лит. manę́s, tavę́s, savę́s, и ясно свидѣтельствуютъ о первоначальномъ — âns въ род. пад. ед. ч. Это âns составляетъ основу всѣхъ законныхъ окончаній род. пад., при чемъ оно могло раздвоиться, а слѣдовательно ослабѣть (какъ *an* до *un*) слѣдующимъ образомъ:



Къ такимъ же особенностямъ относится и слово девено́сто; его неправильное написаніе девяно́сто еще болѣе затемняетъ происхожденіе замѣчательной формы и конечно произошло отъ стремленія по возможности пріурочить это числительное къ формѣ девять,

чему—по крайней мѣрѣ въ новѣйшемъ русскомъ языкѣ—не мало помогло произношеніе, такъ какъ вѣдь *я* (безъ ударенія) вообще произносится, какъ *е*, *ä*: срв. Вечеславъ въ произношеніи вм. правильной ф. Вячеславъ. Смѣшеніе въ правописаніи есть явленіе, какъ извѣстно, слишкомъ часто порождаемое такъ называемой народной этимологіей.

Прежде чѣмъ перейду къ изложенію своего взгляда на этимологію спорной формы числительной, я долженъ замѣтить, что мнѣ правда не удалось найти въ древнерусскихъ источникахъ, которыми я располагалъ, единственно вѣрную форму девено́сто, такъ какъ въ нихъ встрѣчается или девѧтъ десѧтъ, или еще чаще ч҃; но я однако не сомнѣваюсь въ ея существованіи, а долженъ только предоставить найти ее другимъ, которымъ доступно бо́льшее количество источниковъ.

Правильная форма девено́сто всего легче объясняется съ помощью латинскаго и греческаго языка. Первый для 90 представляетъ форму nōnā-gintā изъ novnā-, novenā-gintā, второй—ἐνενή-κοντα изъ Ϝενενή-κοντα вм. νεϜενή-κοντα (какъ я доказываю въ другомъ мѣстѣ). Обѣ эти формы восходятъ до формы navanấ-kantâ, которая обращается, по выпаденіи *n* во второй части (срв. Санскр. и зенд. viṅśati, vī-śaiti; triṅ-śat, thri-śata и т. д.), въ ф. navanấ-katâ, съ сокращеніемъ средн. р. *â* въ *a* въ *navanấ-katâ*, или въ слѣдствіе аттракціи перваго *â* съ окончаніемъ *a* въ *navaná-kata*.

Отсюда въ славянскомъ языкѣ возникаетъ совершенно правильно ф. *невена́-съто, вслѣдствіе аттракціи *невено́-съто, а съ новѣйшимъ *д* вм. *н*, какъ въ девѧтъ сравнительно съ *n*avan, девена́-съто (мож. б. русск. діалект. девена́-сто?), девено́-съто, русск. *девено́-сто*; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что *русское удареніе въ точности сходится съ греческимъ*, что́ доказываетъ древность не только данной русской формы, но и вообще русскаго ударенія.

Девено́-с(ъ)то, гдѣ *с* замѣнило *к* (-κοντα) совершенно такъ же, какъ въ съто (санскр. зенд. śata, лит. šimtas — въ отношеніи

къ ἑ-κατόν centum), есть сочетаніе, которое тѣмъ замѣчательнѣе, что въ его первой составной части сохранилась первоначальная прилагательная форма числительнаго, еще не обращенная посредствомъ ъ въ существительное, и встрѣчающаяся во всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ. Это явленіе—не единственное въ славянскомъ языкѣ; рядомъ съ нимъ, какъ показано мною въ другомъ мѣстѣ (срв. мои Příspěvky I, 16), существуютъ еще нѣкоторыя другія формы, изъ которыхъ я упомяну чешск. *deva*-desáte (= древ. слав. *дєвѧ-дєсѧтє). Однакожъ эта форма отличается отъ той тѣмъ, что въ ней первая составная часть navan(i) несклоняема, какъ на пр. sedm, osm въ чеш. sedm-desáte, osm-desáte, или какъ лат. novem, тогда какъ въ данной формѣ эта часть склоняема, и притомъ такимъ образомъ, что она съ потерей i (въ Ф. navani) какъ въ зенд., греч. и лат., перешла къ *a* = склоненію (сравн. вторую часть: зенд. — śata, — гр. κοντα, лат. — gintâ при санскр. — śati); но такъ какъ во второй части окончаніе средн. р. множ. â рано уже ослабѣло до a, какъ это видно изъ зенд. — śată, греч. — κοντᾰ сравнительно съ лат. — gintâ, и эта часть приняла — o вмѣсто ожидаемаго — ѧ (сто), то въ слѣдствіе того и—ѧ первой составной части (=*novenâ—, *νεϜενή —, Ϝενενή —) по аттракціи перешло въ — o (девено).

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1877 годъ,

составленный академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 29-го декабря 1877 г.

Отчетъ о годовой дѣятельности ученаго учрежденія обыкновенно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что совершено въ средѣ его въ теченіе этого времени и какіе труды и предпріятія задуманы его членами или приводятся ими въ исполненіе. Если въ лѣтописяхъ учрежденія не каждый годъ отмѣчается появленіемъ въ свѣтъ замѣчательныхъ трудовъ, если не каждый годъ приноситъ изслѣдованія, подвигающія науку впередъ: то тѣмъ не менѣе совокупность всѣхъ, даже не слишкомъ значительныхъ или выдающихся, работъ за извѣстный періодъ времени всегда представитъ утѣшительную картину поступательнаго движенія науки и усилій къ освѣщенію того, что въ ея области является загадочнымъ или неяснымъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе 1877 года продолжало трудиться по плану, предначертанному для него Высочайше утвержденнымъ положеніемъ. По этому положенію главною задачею Отдѣленія поставлено — основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, а таковое изслѣдованіе возможно только при условіи всесторонняго изученія разныхъ его говоровъ,

которые употребляются народомъ на пространствѣ бывшихъ областей и удѣльныхъ княжествъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства. Не смотря на то, что въ жизни и въ языкѣ народъ держится по преимуществу охранительнаго начала, многія и разнообразныя причины принуждаютъ его нерѣдко уступать натиску нововведеній и давать имъ право гражданства. Всего яснѣе это замѣтно на языкѣ. Городъ постепенно все болѣе и болѣе оказываетъ вліяніе на деревню, приравниваетъ ее къ себѣ, сглаживаетъ особенности ея говора и, создавая новыя діалектическія разности, вмѣстѣ съ этимъ уничтожаетъ и важныя данныя для филолога. А между тѣмъ въ живой устной рѣчи народа, въ пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ, удерживаемыхъ его памятью отъ далекой старины, заключаются богатые матеріалы не только для отечественной филологіи и литературы, но и для сравнительной. Сколько словъ, встрѣчающихся въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, получили надлежащее объясненіе изъ этого источника; сколько изъ него же удовлетворительно разрѣшено особенностей въ формахъ и въ синтаксическомъ строѣ языка; какъ много данныхъ народные говоры доставили для фонетики языка; наконецъ, какое неисчерпаемое богатство они дали и могутъ дать художникамъ слова.

Въ виду всего вышеизложеннаго Отдѣленіе съ готовностію приняло не одно только матеріальное участіе въ ученой командировкѣ профессора варшавскаго университета М. А. Колосова, поставившаго себѣ задачею: изучить языкъ, употребляемый въ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, которыя издавна заняты русскимъ населеніемъ и въ которыхъ были центры его исторической жизни, но и снабдило его инструкціею, выполненною имъ съ добросовѣстною отчетливостію.

Г. Колосовъ въ продолженіе своей поѣздки посѣтилъ 11 губерній. Особенно подробно изслѣдованъ имъ языкъ жителей Новгородской и Вятской губерній. Въ первой изъ нихъ предстояло ему разрѣшить довольно важный вопросъ: отдѣляются ли естественными границами говоры, существующіе нынѣ въ предѣлахъ

губерніи. Въ слѣдствіе разныхъ политическихъ и экономическихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на составъ населенія въ Новгородской области, вопросъ этотъ разрѣшился отрицательно, но за то изслѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что въ отдаленное время языкъ ея представлялъ менѣе разнообразія, чѣмъ въ настоящее время, и что въ немъ не было такихъ рѣзкихъ подраздѣленій, какія существуютъ теперь. Болѣе остатковъ стариннаго языка сохранилось въ мѣстахъ, близкихъ къ Ильменю: тамъ еще въ употребленіи слова, которыя встрѣчаются въ новгородскихъ юридическихъ памятникахъ XII и XIII вѣка, и при томъ произносимыя такъ, какъ они въ нихъ написаны.

Вятская губернія въ глазахъ изслѣдователя языка являлась весьма любопытною мѣстностью. До сихъ поръ принималось въ видѣ непреложной истины, что Вятскій край по отношенію къ языку представляетъ богатое хранилище далекой новгородской старины, такъ какъ онъ былъ колонизированъ изъ Новгорода. Но послѣ внимательнаго наблюденія надъ составомъ русскаго населенія Вятской губерніи оказалось, что оно дѣлится на двѣ половины, которыя рѣзко и опредѣленно отличаются одна отъ другой особенностями своего говора; что если нельзя положительно отрицать сходства этихъ говоровъ съ новгородскими, то въ то же время видна и разность между ними, прямо бросающаяся въ глаза: въ нихъ нѣтъ такихъ чертъ, которыя свойственны новгородскимъ говорамъ, и, наоборотъ, въ нихъ много такихъ, которыхъ нѣтъ тамъ. Все это, будучи еще подкрѣплено нѣкоторыми другими соображеніями, дало г. Колосову поводъ высказать предположеніе: не былъ ли Вятскій край отчасти колонизированъ жившими нѣкогда по Окѣ вятичами, быть можетъ даже ранѣе, чѣмъ произошло завоеваніе и заселеніе его новгородцами.

Въ Олонецкой губерніи, гдѣ въ недавнее время были найдены великолѣпные памятники народнаго эпоса, Отдѣленіе указало г. Колосову на городъ Каргополь, какъ на пунктъ, заслуживающій особеннаго вниманія. И дѣйствительно, нашъ изслѣдователь нашелъ въ языкѣ горожанъ и уѣздныхъ жителей много такихъ чертъ,

которыя являются важными остатками старины, уступающими, впрочемъ, по значенію народному языку Новгородской губерніи.

Разъѣзды г. Колосова по губерніямъ Владимірской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской имѣли главною цѣлью опредѣлить: дѣйствительно ли *окающее* нарѣчіе подраздѣляется на сѣверное и восточное и отличительныя черты новгородскаго нарѣчія не повторяются во владимірскомъ. Хотя Даль въ статьѣ «О нарѣчіяхъ русскаго языка» привелъ признаки, отличающіе восточное нарѣчіе отъ сѣвернаго, но изслѣдованія г. Колосова наглядно доказали почти тождество этихъ двухъ нарѣчій, даже до такой степени, что онъ не усумнился высказать слѣдующій рѣшительный выводъ: «не только восточнаго нарѣчія, но даже и поднарѣчія нѣтъ: оно не отличается отъ сѣвернаго не только положительными, но даже и отрицательными признаками». Впрочемъ, изъ этого тождества языка нельзя еще заключать о тождествѣ населенія двухъ краевъ: строить на однихъ лингвистическихъ выводахъ выводы этнографическіе по меньшей мѣрѣ не прочно. Въ этомъ случаѣ исторія должна придти на помощь и сказать свое слово о томъ: было ли населеніе окающей области коренное или пришлое, и если пришлое, то опредѣлить приблизительно время его поселенія и мѣстность, откуда оно пришло. Г. Колосовъ весьма благоразумно отклонилъ отъ себя разрѣшеніе этого труднаго вопроса и предоставилъ его будущимъ изслѣдователямъ.

Что касается данныхъ объ языкѣ жителей губерній отдаленнаго сѣверо-востока, то они извлечены г. Колосовымъ преимущественно изъ доставленныхъ ему весьма обстоятельныхъ сообщеній разныхъ лицъ, такъ какъ самъ онъ въ Вологодской и Пермской губерніяхъ оставался весьма недолго, а въ Архангельской и вовсе не былъ. Данныя эти, сопоставленныя и критически провѣренныя г. Колосовымъ, положительно опредѣляютъ къ какому изъ двухъ нарѣчій принадлежитъ языкъ жителей упомянутыхъ трехъ губерній.

Отчеты о результатахъ поѣздки, представлявшіеся г. Коло-

совымъ Отдѣленію, уже напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ. Они, вмѣстѣ съ присоединенными къ нимъ сборниками словъ сѣвернаго великорусскаго нарѣчія, которыя не вошли въ словарь Даля, и нѣкоторыхъ произведеній народной литературы, важныхъ какъ для изслѣдователя языка, такъ и для этнографа, свидѣтельствуютъ о строгомъ отношеніи къ дѣлу молодаго ученаго, объ его трудолюбіи, наконецъ, объ его любви къ избранному предмету, не обращающей вниманія на многія неудобства и лишенія, соединенныя еще у насъ съ изученіемъ чего либо среди народа. Нѣкоторыя изъ наблюденій г. Колосова надъ звуковыми явленіями въ говорахъ сѣверныхъ губерній и надъ особенностями синтаксическаго строя этихъ говоровъ чрезвычайно важны, и безъ сомнѣнія наука о русскомъ языкѣ ими воспользуется, а въ этомъ заключается и похвала труду и награда ученому.

Отъ экспедиціи, уже оконченной и принесшей плоды для науки, я перейду къ другому, недавно начатому предпріятію, равномѣрно касающемуся изученія русскаго языка, исполнить которое вызвался П. В. Шейнъ, извѣстный собиратель великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ. Бѣлорусское нарѣчіе уже давно начало обращать на себя вниманіе Отдѣленія по уцѣлѣвшимъ въ немъ остаткамъ старинnаго языка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Отдѣленіе издало полный словарь бѣлорусскаго нарѣчія, составитель котораго, господинъ Носовичъ, слѣдовалъ говору, господствующему въ Могилевской губерніи. Но на обширномъ пространствѣ, отъ Нѣмана и Нарева до верховьевъ Волги и отъ Западной Двины до Припети и Ипути, которое населяютъ бѣлоруссы, существуетъ нѣсколько мѣстныхъ говоровъ, которые разнятся между собою не только въ фонетическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, сколько-можно судить объ этомъ по немногимъ изданнымъ памятникамъ устной литературы. Изслѣдовать эти различные говоры, показать ихъ отношеніе между собою и къ нарѣчіямъ великорусскаго языка — составляетъ предметъ весьма важный, тѣмъ болѣе, что подобное изслѣдованіе можетъ повести къ окончательному рѣшенію до сихъ поръ продолжающагося спора: счи-

тать ли бѣлорусское нарѣчіе съ его говорами самостоятельнымъ нарѣчіемъ русскаго языка или однимъ изъ нарѣчій великорусскаго. Предложеніе г. Шейна было весьма кстати, и Отдѣленіе поспѣшило его принять. Изъ всѣхъ мѣстностей, гдѣ слышится бѣлорусское нарѣчіе, наиболѣе интереса представляетъ Минская губернія, особенно такъ называемый Пинскій край, который, въ слѣдствіе топографическихъ условій, наименѣе подвергался разнороднымъ вліяніямъ и гдѣ, по всему вѣроятію, бѣлорусское нарѣчіе сохранилось въ большей чистотѣ. Отдѣленіе первоначально намѣтило было изслѣдовать именно этотъ край, но, въ виду неблагопріятныхъ гигіеническихъ его условій, оно должно было отказаться отъ первоначальной мысли и предложило г. Шейну заняться изслѣдованіемъ языка въ южныхъ и сѣверо-западныхъ уѣздахъ Витебской и въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ Минской и Могилевской губерній.

Отдѣленіе въ программѣ, начертанной имъ для дѣятельности г. Шейна, просило его обратить вниманіе: 1) на характеристическія черты, отличающія бѣлорусское нарѣчіе отъ нарѣчій великорусскихъ; 2) на черты, отдѣляющія одинъ говоръ бѣлорусскаго нарѣчія отъ другаго, какъ фонетическія, такъ и грамматическія; 3) на слова, которыми можетъ пополниться словарь Носовича; 4) на собраніе сказокъ, пѣсенъ и другихъ памятниковъ устной литературы. Записанные съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ особенностей живой рѣчи народа, эти памятники послужатъ и оправданіемъ наблюденій, которыя будутъ сдѣланы г. Шейномъ, и богатымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій. Сверхъ того, самъ г. Шейнъ вызвался повѣрить со стороны звуковой говоры тѣхъ мѣстностей, откуда были ему доставлены пѣсни для изданнаго имъ сборника. Изъ недавно напечатаннаго г. Шейномъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» приглашенія, обращеннаго къ мѣстнымъ ученымъ и любителямъ народной словесности и старины содѣйствовать ему въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, видно, что онъ приступилъ къ выполненію той части программы Отдѣленія, которую оно считаетъ чрезвычайно важною въ интересахъ науки.

Членами Отдѣленія въ теченіе истекающаго года были выполнены нѣкоторыя возложенныя на нихъ порученія какъ Отдѣленіемъ, такъ и Академіею. Академикъ Гротъ для составляемой имъ біографіи Державина совершилъ поѣздку въ Тамбовъ, чтобы разсмотрѣть въ тамошнихъ архивахъ бумаги, относящіяся къ тому времени, когда авторъ «Фелицы» былъ здѣсь губернаторомъ; онъ нашелъ въ архивныхъ матеріалахъ немало любопытныхъ подробностей, дополнившихъ прежде собранныя имъ по этому предмету свѣдѣнія, что дало ему возможность довести біографію Державина до окончанія его губернаторства въ Тамбовѣ. Тотъ же академикъ присутствовалъ по порученію Академіи, въ качествѣ ея депутата, на 400-лѣтнемъ юбилеѣ упсальскаго университета. Подробный и исполненный интереса отчетъ объ этомъ празднествѣ и объ обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ, напечатанъ въ изданіяхъ Академіи и вышелъ отдѣльною брошюрою.

Академикъ Сухомлиновъ былъ командированъ въ Москву съ цѣлью собрать свѣдѣнія, относящіяся къ трудамъ членовъ россійской академіи, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессорами московскаго университета. Въ библіотекѣ университета, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ архивѣ синодальной конторы онъ нашелъ немало любопытныхъ матеріаловъ; изъ нихъ особенно важны и сравнительно многочисленны тѣ, которые относятся къ жизни и дѣятельности профессора Барсова, ученика Ломоносова и Тредьяковскаго.

Академики Срезневскій и Бычковъ были посланы въ Казань, въ качествѣ депутатовъ Академіи, на IV археологическій съѣздъ, и кромѣ того первый былъ командированъ съ ученою цѣлью въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи. Оба они принимали живое участіе въ засѣданіяхъ съѣзда и въ обсужденіи многихъ на него представленныхъ рефератовъ. Сверхъ того, Бычковъ былъ выбранъ въ члены коммисіи для разсмотрѣнія отзывовъ ученыхъ учрежденій и лицъ, доставленныхъ на записку профессора дерптскаго университета Брикнера объ ученыхъ пособіяхъ

при изученіи исторіи Россіи, а академикъ Срезневскій, выбранный предсѣдателемъ VI отдѣленія (памятниковъ языка и письма), прочелъ нѣсколько рефератовъ, и въ числѣ ихъ: «О русскихъ древностяхъ казанскихъ и средняго Поволжья до XVI вѣка». Главный предметъ этого реферата составляли древнѣйшія иконы XII и XIII вв., которыя академику посчастливилось открыть въ казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ свіяжскомъ Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ и въ Успенской церкви села Болгаръ, во время посѣщенія ихъ членами съѣзда. Образокъ, хранящійся въ Благовѣщенскомъ соборѣ — изъ темносѣраго аспида (въ вершокъ длиною и $^3/_4$ вершка шириною). На одной сторонѣ его довольно выпукло выбитъ ликъ святаго; въ лѣвой рукѣ святой держитъ что-то въ родѣ свитка, обнявъ его поперекъ пальцами, а правою благословляетъ, приподнявъ пальцы: указательный, средній и мизинецъ, а два остальные приложивъ одинъ къ другому. Волосы довольно большіе, борода не очень длинная. По сторонамъ лика за сіяніемъ читаются нарѣзанныя буквы: ѦНДРѢѦS. На другой сторонѣ въ серединѣ очень маленькое изображеніе святителя или же Спасителя, а вокругъ него семь изображеній, еще болѣе мелкихъ, потертыхъ. На продольныхъ плоскостяхъ толщи нашлись остатки двухъ надписей, нарѣзанныхъ очень тонко и почти стершихся. Можно думать, что эти надписи сдѣланы въ XIV вѣкѣ, позже самаго образка, который И. И. Срезневскій относитъ къ XIII вѣку, если не ранѣе. Образокъ, хранящійся въ свіяжскомъ женскомъ монастырѣ, также каменный и по величинѣ равенъ предъидущему; на одной сторонѣ его изображенъ святитель Николай, а на другой — онъ же, или какой другой святитель, и направо отъ него архангелъ Михаилъ, въ царской одеждѣ. Изображеніе святителя Николая выбито выпукло и очень тщательно, такъ что выразились не только подробности одежды и рукъ, но и чертъ лица и вообще головы. Лобъ святителю данъ большой, лысый, борода округлая. Въ лѣвой рукѣ у него евангеліе, а правою—онъ благословляетъ, выпрямивъ два средніе пальца, а два крайніе приложивъ къ большому. Вокругъ головы сіяніе,

а за нимъ на одной сторонѣ буквы: ни, а на другой, читая съ низу въ верхъ: кол (вм. кола или вм. кол). Изображенія святителя и архангела на другой сторонѣ образка также выпуклы и также тщательны. По начертанію буквъ этотъ образокъ отнесенъ И. И. Срезневскимъ не позже какъ къ XII вѣку. Наконецъ, въ церкви села Болгаръ хранится, какъ особенно чтимая святыня, полуобломанная рипида, между прочимъ, безъ нижняго конца, гдѣ была и втулка для древка, впрочемъ, не только со всѣми десятью изображеніями, по пяти на каждой сторонѣ, но и вообще въ такомъ видѣ, что не трудно возстановить весь ея первоначальный очеркъ и рѣзные узоры поля. Рипида мѣдная, позолоченная, величиною въ діаметрѣ около 7 вершковъ. Изображенія вырѣзаны на особыхъ круглыхъ, нѣсколько выпуклыхъ листкахъ, въ діаметрѣ по $1^1/_2$ вершка, толщиною около $^1/_{10}$ вершка. Одинъ изъ пяти на каждой сторонѣ занимаетъ середину, а другіе четыре расположены вокругъ средняго крестомъ. У каждаго изображенія есть напись по сторонамъ лика. На одной сторонѣ: Спаситель (въ серединѣ), Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча и архангелы: Михаилъ и Гавріилъ; а на другой сторонѣ: Василій Великій (въ серединѣ), Козма и Даміанъ, Кириллъ Іерусалимскій и Николай чудотворецъ. Судя по начертанію буквъ, рипиду эту можно несомнѣнно отнести къ XII вѣку. Такимъ образомъ, небольшой списокъ отечественныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ XII — XIII вѣковъ, благодаря ученымъ изслѣдованіямъ академика Срезневскаго, разомъ увеличился тремя, и притомъ найденными въ такихъ мѣстахъ, которыя вошли въ составъ Московскаго государства съ половины XVI вѣка, а это обстоятельство даетъ поводъ заключать, что эти памятники или существовали въ этомъ краѣ гороздо ранѣе присоединенія его къ Россіи, будучи принесены сюда, быть можетъ, нашими миссіонерами и тѣми, которые искали здѣсь убѣжища отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ, или оставлены умершими здѣсь лицами, свѣтскими или духовными, приходившими на службу въ край изъ Россіи послѣ его завоеванія и приносившими вещи съ собою.

Во время своего путешествія по сѣверо-восточнымъ губер-

ніямъ Россіи, академикъ Срезневскій изъ числа другихъ древнихъ памятниковъ, кромѣ нѣсколькихъ церквей Ярославля и Рязани и окрестностныхъ съ Рязанью монастырей, обратилъ вниманіе на бѣдные, но, тѣмъ не менѣе, драгоцѣнные остатки «Старой» Рязани, что на Окѣ у Спасска. До сихъ поръ и въ обширной мѣстности, окруженной высокимъ валомъ, и внѣ ея находятъ древнія вещи. Сохранились и приземные остатки древнихъ обширныхъ зданій изъ квадратнаго плоскаго кирпича, связаннаго такимъ же цементомъ, какъ въ древнѣйшихъ кіевскихъ церквахъ. Кромѣ того, во время путешествія, И. И. Срезневскій старался увеличить запасъ свѣдѣній по вопросу: какъ далеко по Окѣ и Волгѣ, и по Дону простирались поселенія русскаго народа во время первыхъ завоеваній кіевскихъ великихъ князей на востокъ отъ Днѣпра? Вопросъ этотъ важенъ и для исторіи русскаго языка. Наблюденія, нужныя для его рѣшенія, кромѣ показаній лѣтописей и другихъ подобныхъ свидѣтельствъ, суть этнографическія и лингвистическія. Послѣднія составляютъ: 1) русскій языкъ въ областяхъ, лежащихъ по означеннымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, въ употребленіи народномъ и въ старинныхъ памятникахъ тамошняго происхожденія; 2) названія рѣкъ, потоковъ, озеръ, разныхъ мѣстностей и урочищъ въ тѣхъ областяхъ, сохранившіяся доселѣ отъ древности и занесенныя въ древніе памятники. Г. Срезневскому удалось нѣсколько увеличить прежній запасъ областнаго языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выбрать изъ подробныхъ картъ, списковъ населенныхъ мѣстностей, лѣтописей и грамотъ и изъ живаго употребленія значительное количество названій мѣстныхъ, относящихся болѣе всего къ области притоковъ Оки до ея устья. Академикъ Срезневскій полагаетъ, что дальнѣйшія изслѣдованія приведутъ къ заключенію, что хотя въ этой мѣстности и жили инородцы, но рядомъ съ ними издревле обитали и русскіе, по крайней мѣрѣ отдѣльными, разбросанными поселками, и что сила русскихъ князей опиралась тамъ не на однѣхъ дружинахъ, но и на тамошнемъ коренномъ русскомъ народѣ.

Кромѣ исполненія возложенныхъ порученій, о которыхъ было

только что упомянуто, каждый изъ членовъ Отдѣленія еще трудился въ избранномъ имъ кругѣ дѣятельности.

Академикъ, высокопреосвященный архіепископъ литовскій и виленскій Макарій, не смотря на многочисленныя и разнообразныя занятія, какъ по епархіи, такъ и по званію члена св. синода, успѣлъ подарить наукѣ въ истекающемъ году VIII томъ Исторіи русской церкви, составляющій третью книгу періода раздѣленія церкви на двѣ митрополіи. Глава, трактующая о церковномъ правѣ, и глава, въ которой говорится о богослуженіи, обращаютъ на себя особенное вниманіе и полнотою и интересомъ сообщаемыхъ ими свѣдѣній.

Академикъ Гротъ по изученію царствованія Екатерины II окончилъ характеристику ея отношеній къ Густаву III и слилъ свои изслѣдованія по этому предмету въ одну статью, которая напечатана въ Запискахъ Академіи и въ тоже время издана отдѣльною книгою. Составилъ статью «Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой», читанную имъ въ общемъ собраніи Историческаго Общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и напечатанную въ Сборникѣ общества. По поводу найденнаго въ Швеціи и въ первый разъ изданнаго тамъ русскаго текста Орѣховскаго договора 1323 года написалъ статью, напечатанную въ изданіяхъ Академіи, съ приложеніемъ снимка съ рукописи этого договора, относящейся по почерку къ концу XVI или къ началу XVII вѣка. Сохраняющееся въ Швеціи преданіе о происхожденіи оттуда императрицы Екатерины I дало поводъ академику разсмотрѣть на чемъ основывается это преданіе и написать статью, въ которой, показавъ недостовѣрность его, онъ привелъ неизвѣстные до сихъ поръ документы, подтверждающіе принадлежность государыни къ роду Скавронскихъ. Прочелъ двѣ замѣтки: о филологическихъ занятіяхъ Екатерины II, именно о трудахъ Янковича де Міріево и Богдана Арндта, вызванныхъ Сравнительнымъ Словаремъ, напечатаннымъ подъ редакціею Палласа, и по поводу статьи г. Карновича о герцогинѣ Кингстонъ,

напечатанной въ журналѣ «Русская Старина», и замѣчанія неизвѣстнаго о времени смерти Чупятова. Занимался составленіемъ русской грамматики и написалъ первыя ея главы. Продолжалъ въ государственномъ архивѣ свои занятія по разбору и приведенію въ порядокъ бумагъ Екатерины II, и изъ числа ихъ печаталъ собраніе писанныхъ по французски писемъ ея къ Гримму, которыя будутъ изданы Императорскимъ русскимъ Историческимъ обществомъ въ наступающемъ году.

Академикъ Срезневскій продолжалъ одинъ изъ многочисленныхъ своихъ трудовъ, котораго напечатанными частями пользуются съ благодарностію ученые и котораго каждый новый выпускъ составляетъ цѣнный вкладъ въ науку, — изданіе въ свѣтъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ памятниковъ древней нашей письменности. Во время своего путешествія въ истекающемъ году по Россіи, онъ нашелъ три древнія рукописи, изъ которыхъ неполный Служебникъ XIII вѣка, по мнѣнію академика, является памятникомъ важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ пополняетъ недостатокъ, находящійся въ служебникѣ, принадлежавшемъ, основываясь на позднѣйшей впрочемъ припискѣ, св. Варлааму Хутынскому, будучи одинаковъ съ нимъ по содержанію. Служебникъ препод. Варлаама занимаетъ первое мѣсто по древности въ ряду служебниковъ доселѣ открытыхъ и отличается между однородными памятниками своимъ составомъ. Двѣ другія рукописи: Служебникъ XIV вѣка и отрывки изъ Книги Іисуса сына Сирахова заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія во многихъ отношеніяхъ. Напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ: Воспоминаніе о Павлѣ Михайловичѣ Строевѣ, въ которомъ представилъ полную картину ученой дѣятельности покойнаго академика и оцѣнку и значеніе его трудовъ. По порученію Академіи написалъ рецензіи на два сочиненія, представленныя на соисканіе уваровскихъ наградъ: Варяги и Русь, Гедеонова, которое онъ разсмотрѣлъ преимущественно со стороны находящихся въ немъ филологическихъ соображеній, и Описаніе воскресенской новоіерусалимской библіотеки, архимандрита Амфилохія. По поводу книги М. Ю. Милече-

вича: Княжество Сербія, прочелъ въ Отдѣленіи статью подъ заглавіемъ: Свѣдѣнія о современной Сербіи, которую напечаталъ въ IV томѣ Сборника государственныхъ знаній. Слѣдующія замѣчательныя сочиненія, вышедшія въ славянскихъ земляхъ, дали И. И. Срезневскому поводъ сообщить въ засѣданіяхъ Отдѣленія подробныя о нихъ заявленія: Српске народне загонетке (загадки) сербскаго ученаго Новаковича, трудъ, составляющій дорогой подарокъ для изучающихъ народный языкъ и народную поэзію, а отчасти и для этнографіи; Brus (оселокъ), чешскаго ученаго Гатталы, въ которомъ доказывается, что чешскій языкъ испорченъ въ своемъ составѣ, сколько дѣйствіями безсознательными, столько же и сознательными; Корни со словами отъ нихъ происшедшими въ хорватскомъ или сербскомъ языкѣ, Даничича. Кромѣ этого, академикъ Срезневскій въ особой запискѣ сообщилъ Отдѣленію свои мысли о важности археологической энциклопедіи какъ основной части археологическаго знанія, изложивъ при этомъ въ краткомъ очеркѣ и ея содержаніе.

Академикъ Бычковъ составилъ записку о вновь найденномъ пергаментномъ евангеліи по недѣлямъ XI вѣка (1092 года), принадлежащемъ нынѣ московскому публичному музею, которую прочелъ въ Отдѣленіи и напечаталъ въ Запискахъ Академіи. Напечаталъ въ тѣхъ же Запискахъ отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ матеріалахъ для библіологическаго словаря П. М. Строева, внесенныхъ въ Академію, по распоряженію покойнаго, его наслѣдниками. Приступилъ къ печатанію изъ этихъ матеріаловъ всего того, что имѣетъ интересъ и значеніе и въ настоящее время, послѣ появленія Обзора русской духовной литературы архіепископа Филарета, и того, что дополняетъ и исправляетъ въ какомъ бы то ни было отношеніи предшествовавшіе библіографическіе труды. Представилъ въ коммисію, присуждавшую уваровскія награды, написанную по ея порученію рецензію на сочиненіе Ю. В. Толстова: «Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею, 1553 — 1593». Печаталъ по званію члена археографической коммисіи новгородскія лѣтописи и для Императорскаго русскаго

Историческаго общества томъ Сборника, въ который войдутъ документы о пребываніи нашихъ пословъ во Франціи и донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ при нашемъ дворѣ съ 1681 года по конецъ царствованія Петра Великаго. Составилъ описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ Императорскою Публичною библіотекою отъ г. Сокурова, которое будетъ напечатано въ Отчетѣ библіотеки за 1876 годъ. Продолжалъ занятія въ государственномъ архивѣ по собранію писемъ и бумагъ императора Петра Великаго. Въ настоящее время уже имѣется около 10.000 документовъ, писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ нашимъ державнымъ преобразователемъ, въ числѣ которыхъ находится много важныхъ и доселѣ необнародованныхъ.

Академикъ Сухомлиновъ приступилъ къ печатанію IV выпуска Исторіи россійской академіи. Отпечатанная часть заключаетъ монографію о Севергинѣ. Въ многочисленномъ ряду произведеній Севергина, оригинальныхъ и переводныхъ, главное мѣсто занимаютъ труды его по естествознанію, и преимущественно по минералогіи. «Севергинъ», такъ говоритъ современный его біографъ, «бывъ истиннымъ труженикомъ науки, вполнѣ понималъ его требованія и, будучи превосходно знакомъ съ литературою своего предмета, стоялъ на высотѣ современнаго ему развитія естествознанія въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Севергинъ постоянно имѣлъ въ виду изученіе Россіи и распространеніе знаній въ русскомъ обществѣ. Онъ много содѣйствовалъ образованію и обогащенію русской научной терминологіи». Важное значеніе для своего времени имѣли его обширные труды: Опытъ минералогическаго описанія Россіи; Минералогическій словарь, и др. Онъ былъ редакторомъ повременнаго академическаго изданія «Технологическій журналъ», въ которомъ заключается множество статей не только по технологіи, но и по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи. Севергинъ переводилъ на русскій языкъ сочиненія по исторіи и по словесности; онъ участвовалъ въ переводѣ Бартелеми: Путешествіе Анахарсиса

по Греціи. Учено-литературная дѣятельность Севергина и другихъ академиковъ разсматривалась г. Сухомлиновымъ особенно подробно потому, что она составляетъ существенную часть исторіи науки въ Россіи. Напечаталъ рѣчь, произнесенную въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I. Въ этой рѣчи академикъ, изложивъ благотворныя преобразованія, совершившіяся въ Академіи Наукъ, въ царствованіе императора Александра I, и очертивъ ея ученую дѣятельность за это время, остановилъ особенное вниманіе на учрежденіи и преобразованіи университетовъ, откуда, по справедливому его замѣчанію, «преимущественно выходили и выходятъ труженики, проникнутые живою, искреннею любовью къ наукѣ, неугасающею подъ гнетомъ невзгодъ и лишеній, и недоступною для приманокъ внѣшняго блеска и житейскихъ выгодъ».

Академикъ Соловьевъ напечаталъ XXVII томъ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, или 3-й томъ Исторіи Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ которомъ разсказаны событія 1766—1768 годовъ, между прочимъ, дѣйствія комиссіи объ уложеніи, борьба съ Польшею за диссидентовъ и объявленіе Турціею войны, кончившейся миромъ въ Кучукъ - Кайнарджи. Ко дню празднованія столѣтняго юбилея императора Александра I издалъ сочиненіе: «Императоръ Александръ первый. Политика—дипломатія». Сочиненіе это, для котораго академикъ пользовался многими необнародованными документами, представляетъ весьма замѣчательное явленіе въ исторической литературѣ и дѣлится на двѣ части: первая обнимаетъ эпоху коалицій, вторая—эпоху конгрессовъ.

Академикъ князь Вяземскій напечаталъ при «Хроникѣ недавней старины изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго» письмо, въ которомъ сообщилъ личныя воспоминанія объ упоминаемыхъ въ хроникѣ событіяхъ и лицахъ, которыхъ онъ былъ современникомъ. Это письмо освѣщаетъ картину прошедшаго самыми живыми красками и невольно приковываетъ къ се-

бѣ вниманіе читателя мастерскимъ, образнымъ изложеніемъ. Помѣстилъ въ «Русскомъ Архивѣ» статью: «Московское семейство стараго вѣка» и стихотвореніе: «Поминки». Въ письмѣ къ академику Гроту сообщилъ нѣсколько остроумныхъ замѣтокъ о русскомъ языкѣ и объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ по поводу спора, возникшаго въ газетахъ между И. С. Тургеневымъ и критикомъ «Новаго Времени».

Въ теченіе 1877 года посторонніе ученые внесли въ Отдѣленіе слѣдующія сочиненія: братья Юшкевичи «Литовско-Русскій Словарь», который, по отзыву члена-корреспондента Академіи, профессора Потебни, его разсматривавшаго, далеко оставитъ за собою, и по полнотѣ и по ученой обработкѣ, словари этого языка Ширвида, Милке, Хаака, Нессельмана и др., не говоря уже о пользѣ, которую онъ принесетъ для русскихъ, намѣревающихся изучать этотъ языкъ. Молодой чешскій ученый А. О. Патера — изслѣдованіе о глоссахъ «Mater verborum». Этотъ латинскій словарь константскаго епископа Саломона, умершаго въ 920 году, при перепискѣ, нѣсколько разъ былъ дополняемъ глоссами, особенно нѣмецкими. Одинъ изъ такихъ списковъ этого словаря сохранился въ великолѣпной рукописи начала XIII вѣка, писанной Вацерадомъ, въ которой находится множество чешскихъ глоссъ, внесенныхъ въ нее разновременно. Не смотря на то, что надъ этимъ древнимъ памятникомъ чешскаго языка трудились Ганка, Юнгманъ и Шафарикъ, г. Патера занялся имъ снова, и успѣлъ не только раздѣлить всѣ глоссы на отдѣлы по времени ихъ написанія, но и разъяснить тѣ изъ нихъ, которыя считались до сихъ поръ темными. Въ виду важности изслѣдованія г. Патера, какъ для славянской филологіи вообще, такъ и для древняго русскаго языка и быта, Отдѣленіе положило напечатать это изслѣдованіе въ своемъ Сборникѣ.

Въ истекающемъ году Отдѣленіе пополнило свой составъ выборомъ въ адъюнкты профессора с.-петербургскаго университета А. Н. Веселовскаго, стяжавшаго почетную извѣстность и уваженіе въ западномъ ученомъ мірѣ своими открытіями и изслѣдова-

ніями по средневѣковой словесности, преимущественно романской и германской, а между нашими учеными—многими замѣчательными трудами, въ которыхъ русскіе и славянскіе письменные и устные памятники объясняются памятниками западно и южно-европейскими. Довольно многочисленный рядъ изслѣдованій г. Веселовска го, отличающихся несомнѣнными достоинствами, даетъ право надѣяться, что въ молодомъ ученомъ Академія пріобрѣла полезнаго и необходимаго ей дѣятеля.

Въ 1877 году Отдѣленіе понесло чувствительную потерю. 21-го іюля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался ординарный академикъ А. В. Никитенко, принимавшій въ его занятіяхъ самое живое участіе въ продолженіе почти 22-хъ лѣтъ.

Жизнь человѣка, посвятившаго полвѣка на преподаваніе молодому поколѣнію живымъ словомъ теоріи и исторіи отечественной словесности, и во все это время честно стоявшаго за идеи истины, добра и прекраснаго; полвѣка вносившаго свои вклады въ отечественную литературу и науку; связаннаго разнообразными отношеніями и съ представителями литературныхъ кружковъ самыхъ противоположныхъ направленій, и съ государственными сановниками и съ практическими дѣятелями; близко стоявшаго къ дѣлу при нѣкоторыхъ предпринимавшихся государственныхъ реформахъ, — представляетъ живую картину нашей литературной и общественной жизни за послѣднія 50 лѣтъ и заслуживала бы болѣе подробнаго и обстоятельнаго изображенія, чѣмъ предлагаемый мною краткій очеркъ жизни и трудовъ покойнаго.

А. В. Никитенко родился въ мартѣ 1805 года, въ деревнѣ, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Еще ребенкомъ онъ отличался особенною понятливостью, любилъ присутствовать въ хатѣ, когда что либо читали вслухъ, и съ восторгомъ вслушивался въ духовные гимны, которые пѣли слѣпцы, странствовавшіе по Южной Россіи. Отецъ его, принадлежавшій къ числу грамотныхъ и книжныхъ людей и стоявшій по уму и свѣдѣніямъ выше другихъ лицъ своего состоянія, пожелалъ дать сыну образованіе, и съ этою цѣлью помѣстилъ его въ воронежское уѣздное учили-

ще, гдѣ онъ и кончилъ курсъ, обративъ дарованіями и успѣхами на себя вниманіе училищнаго начальства и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ. Свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя въ то время въ уѣздномъ училищѣ, были крайне ограничены, и юноша, которому, по сложившимся обстоятельствамъ, приходилось было ими ограничиться, отдался по выходѣ изъ училища чтенію попадавшихся подъ руку журналовъ, поэтическихъ произведеній и переводныхъ романовъ. Это чтеніе, какъ говорилъ самъ Никитенко, открыло ему новый міръ идей, непрестанно заставлявшій работать умъ, вдумываться въ явленія духовной жизни и отдавать въ нихъ отчетъ. Такъ длилось нѣсколько лѣтъ. Доступъ къ высшему образованію, казалось, былъ навсегда загражденъ А. В. Никитенкѣ, но къ нему пришло на помощь Россійское Библейское Общество. Основанное въ памятную для Россіи эпоху 1812 года, оно обнаружило необыкновенную дѣятельность и быстрое развитіе. Во многихъ губернскихъ городахъ были заведены его комитеты и отдѣленія, а въ уѣздныхъ—сотоварищества. Лучшія мѣстныя силы были призваны содѣйствовать его цѣлямъ. Подобное сотоварищество было основано и въ Острогожскѣ и секретаремъ его былъ избранъ молодой Никитенко, который произнесъ рѣчь въ публичномъ его засѣданіи, 27-го января 1824 года[1]). Главнымъ лицемъ въ библейскомъ обществѣ и его ревностнымъ дѣятелемъ былъ тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, имѣвшій огромное значеніе у государя и вліяніе на дѣла общественныя. Къ нему доставлялись изъ губерній отчеты комитетовъ и сотовариществъ, рѣчи въ нихъ произносимыя, и все выдающееся изъ ряда Голицынъ докладывалъ Государю. Въ числѣ многихъ рѣчей дошла до князя Голицына и рѣчь секретаря острогожскаго сотоварищества; она обратила на себя вниманіе князя, понравилась ему и, соединенная съ ходатайствомъ разныхъ лицъ, рѣшила судьбу Никитенки. По желанію князя, молодой человѣкъ былъ вызванъ въ Петербургъ,

[1]) Эта рѣчь помѣщена въ приложеніи къ Отчету.

въ томъ же 1824 году. «Не смотря на свою провинціальную неуклюжесть и неразвитость, Никитенко, такъ говоритъ онъ самъ о себѣ, былъ принятъ княземъ съ невыразимымъ добродушіемъ, обласканъ имъ, ободренъ, удостоенъ самаго теплаго вниманія къ его внѣшнему и умственному состоянію, и, наконецъ, для довершенія его крайне недостаточнаго образованія, помѣщенъ въ университетъ. Пока не упрочилось нѣсколько его положеніе, князь заботился о его матеріальныхъ нуждахъ, и впослѣдствіи, при его содѣйствіи, ему назначено было отъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ примѣръ другимъ, денежное пособіе для окончанія университетскаго курса, такъ какъ онъ не пожелалъ вступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ». Факультетъ, избранный Никитенкою, былъ философско-юридическій, между профессорами котораго не находилось лицъ, особенно выдававшихся. Но сближеніе съ товарищами, слушавшими профессоровъ, удалившихся изъ университета послѣ постигшаго его погрома, должно было плодотворно дѣйствовать на воспріимчивую натуру Никитенки. Еще будучи студентомъ, Никитенко выступилъ въ печать. Въ «Сынѣ Отечества» 1826 года былъ помѣщенъ его первый трудъ: «О преодолѣніи несчастій». Этюды по нравственной философіи въ первой четверти настоящаго столѣтія особенно часто появлялись въ нашей повременной литературѣ; большая часть ихъ не отличалась самостоятельностью изслѣдованій, сообщала истины всѣмъ извѣстныя и была располагаема по правиламъ хріи. Къ числу такихъ принадлежалъ и оконченный 30-го октября 1825 года трудъ Никитенки, подъ которымъ онъ подписался: «Александръ Никитенковъ», какъ подписывался въ дѣловыхъ бумагахъ и его отецъ. Въ этомъ разсужденіи, изложенномъ языкомъ цвѣтистымъ и нѣсколько многословно, недостатки, замѣчаемые отчасти и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ трудахъ покойнаго академика, изображалась неизбѣжность несчастій на землѣ и указывалось, что ихъ можетъ ослабить: самосознаніе, гармоническое развитіе душевныхъ силъ, наконецъ, мужество, независимость и чистота духа. «Не о томъ должно заботиться, сказалъ Никитенко въ одномъ

мѣстѣ этого этюда, чтобы провести жизнь безбѣдно, но чтобы провести ее съ честью»—и эти слова молодаго человѣка остались девизомъ всей его жизни

Другой трудъ Никитенки изъ временъ его студенчества — разсужденіе, которое онъ читалъ на актѣ 1827 года: «О политической экономіи вообще, и въ особенности о производимости, какъ главномъ предметѣ оной», явилось результатомъ выслушанныхъ имъ лекцій профессора россійской словесности Бутырскаго, на котораго было возложено читать студентамъ политическую экономію и который умѣлъ ее, вмѣстѣ съ наукою о финансахъ, излагать толково и занимательно.

Въ 1828 году Никитенко кончилъ курсъ наукъ въ университетѣ кандидатомъ, пятымъ изъ семи товарищей, получившихъ эту степень, и въ томъ же году, благодаря расположенію къ нему тогдашняго попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, К. М. Бороздина, человѣка просвѣщеннаго, имѣвшаго обширныя познанія въ русской исторіи и отличавшагося душевною добротою и прямодушіемъ, и продолжавшемуся вниманію князя А. Н. Голицына, къ которому имѣлъ постоянный доступъ, опредѣленъ на службу въ канцелярію попечителя округа младшимъ письмоводителемъ. Въ слѣдующемъ году онъ сопровождалъ Бороздина при обозрѣніи имъ учебныхъ заведеній округа, а въ 1830 году, по избранію совѣта университета, началъ преподавать въ немъ теорію о народномъ богатствѣ по Адаму Смиту. Каѳедру политической экономіи онъ занималъ два съ половиною года (съ 24-го февраля 1830 г. по 4-е августа 1832 г.), и въ послѣднее полугодіе уже въ званіи адъюнкта по каѳедрѣ этой науки, написавъ сочиненіе: «О главныхъ источникахъ народнаго богатства».

Почти одновременно съ приглашеніемъ въ университетъ, Никитенко началъ преподавать русскую словесность въ высшихъ классахъ института ордена св. Екатерины (съ 10-го декабря 1830 г. по 12-е марта 1844 г.). Живая и одушевленная рѣчь, стремленіе снять оковы, наложенные на предметъ устарѣлыми правилами риторики и піитики, и положить въ его основаніе эсте-

тическія начала сдѣлали вскорѣ извѣстнымъ въ Петербургѣ имя молодаго преподавателя. О немъ заговорили и въ средѣ педагогической, и въ высшихъ слояхъ общества. Этимъ весьма естественно объясняется переходъ его съ каѳедры политической экономіи на каѳедру русской словесности, послѣ выхода въ отставку профессора Толмачева и послѣ окончательнаго перемѣщенія Бутырскаго на каѳедру политической экономіи. 26-го августа 1832 года, въ присутствіи небывалаго до того на университетскихъ чтеніяхъ множества посѣтителей, А. В. Никитенко прочелъ вступительную лекцію: «О происхожденіи и духѣ литературы». Имѣя въ рукахъ конспектъ лекціи въ нѣсколько строкъ, даровитый профессоръ импровизировалъ лекцію, длившуюся, впрочемъ, вмѣсто двухъ часовъ, менѣе трехъ четвертей часа и сразу раздѣлившую слушателей на два противоположные лагеря, которые продолжали существовать во все время профессорской его дѣятельности въ университетѣ. Въ лекціи, которая была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1833 года и вышла потомъ отдѣльно, разбросано много свѣтлыхъ, здравыхъ мыслей, составлявшихъ у насъ для того времени новизну. Еще немногіе тогда сознавали, что «постигнуть духъ языка значитъ постигнуть таинственное отношеніе его къ духу народа и что исторія перваго можетъ служить исторіею глубокой внутренней жизни втораго»; что «не искусства образуются по теоріи, но теорія по искусствамъ»; что на преподавателѣ теоріи словесности лежитъ обязанность распространять чистыя понятія о сущности изящнаго и о высокомъ значеніи литературы, чтобы съ одной стороны поднять ея уровень, а съ другой—по достоинству оцѣнить и ложныя дарованія, и людей, вторгающихся въ храмъ чистой красоты съ предвзятыми цѣлями. Эту обязанность, при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, А. В. Никитенко всегда имѣлъ въ виду и строго выполнялъ ее какъ на лекціяхъ, такъ и въ печатномъ словѣ. Вотъ какъ характеризировалъ П. А. Плетневъ лекціи Никитенки: «При изложеніи теоріи словесности онъ обратился къ основнымъ началамъ природы и человѣческой жизни, извлекая ихъ изъ психологіи и

исторіи; для доставленія же общимъ началамъ несомнѣнной примѣняемости, вводилъ ихъ въ область русской народности, уравнивая правила мышленія съ требованіями нашего языка и успѣхами литературы». Если припомнить, что такого характера чтенія происходили 45 лѣтъ тому назадъ, то нельзя ихъ не поставить въ заслугу профессору, особенно въ виду того вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ слушателей. Во время службы своей въ университетѣ, А. В. Никитенко въ 1834 году (17-го января) былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1837 году удостоенъ степени доктора философіи, по представленіи разсужденія, носящаго заглавіе: «О творящей силѣ въ поэзіи, или о поэтическомъ геніѣ», а въ 1850 г. (6-го февраля) получилъ званіе ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской словесности. Чтеніе лекцій въ университетѣ А. В. Никитенко окончилъ 1-го іюня 1864 года. О томъ, какой характеръ и какое значеніе имѣли эти лекціи и его занятія съ студентами мы не беремъ на себя опредѣлить, и предоставляемъ слово историку с.-петербургскаго университета за первыя 50 лѣтъ его существованія, лицу, болѣе чѣмъ мы, компетентному въ этомъ случаѣ: «Проводя въ чтеніяхъ своихъ, путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое,—такъ говоритъ г. Григорьевъ,—и ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, профессоръ Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотою, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія. Такимъ образомъ, лекціи его «объ изящномъ», сверхъ развитія эстетическаго вкуса въ слушателяхъ, философскою стороною своею, восполняли еще, насколько было это возможно, тотъ въ высшей степени важный пробѣлъ, какой оказывался въ университетскомъ преподаваніи съ 1850 года, въ слѣдствіе исключенія изъ него философіи. Сверхъ того, съ

1850 года, принялъ Никитенко отъ Плетнева и преподаваніе исторіи отечественной словесности, изъ которой, впрочемъ, въ 1852—1853 гг. излагалъ лишь періодъ ея отъ Петра Великаго до нашихъ дней. На немъ же лежало и руководствованіе студентовъ въ практическихъ занятіяхъ русскою стилистикою по предметамъ, относящимся къ теоріи и исторіи литературы, съ критическимъ разборомъ ихъ работъ».

Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что Никитенко въ лекціяхъ объ изящномъ, сколько можно судить по сохранившимся запискамъ его слушателей, умѣлъ соединить интересъ предмета и основательность взглядовъ съ живымъ краснорѣчивымъ изложеніемъ; что часто указывалъ на совершенно новыя стороны въ предметѣ, который былъ, какъ казалось, совершенно извѣстенъ и изслѣдованъ; что, не владѣя вполнѣ новыми языками и потому не имѣя возможности черпать свѣдѣнія изъ иностранныхъ сочиненій, онъ, тѣмъ не менѣе, силою своего ума и своихъ дарованій, до того становился въ уровень съ своимъ предметомъ, что молодые люди, отправлявшіеся, по окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ, за границу, для слушанія лекцій, возвращаясь оттуда, говорили, что иностранные эстетики не прибавили ничего новаго къ свѣдѣніямъ, полученнымъ ими отъ Никитенки.

Сверхъ многихъ порученій и назначеній отъ университета, Никитенко нѣсколько разъ являлся ораторомъ на университетскихъ актахъ. Въ 1836 году онъ произнесъ рѣчь «О необходимости теоретическаго или философскаго изслѣдованія литературы». Актъ 1838 года остался памятнымъ по блестящему, произнесенному имъ, похвальному слову Петру Великому. Проникнутый удивленіемъ, благоговѣніемъ и благодарностью къ создателю новой Россіи, сознавая, что его могучая воля живетъ въ каждомъ актѣ нашей жизни и продолжаетъ управлять событіями, что все вокругъ насъ и въ насъ самихъ исполнено святынею его мысли, все даръ ея, Никитенко успѣлъ стать на высоту предмета и разсыпать въ своемъ словѣ много мѣстъ, проникнутыхъ истиннымъ одушевленіемъ и исполненныхъ ораторскаго движенія. Значеніе

Петра Великаго было опредѣлено Никитенкою чрезвычайно вѣрно и, сказавъ, что преобразователь Россіи столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго, онъ выразилъ истину, которую едва ли кто будетъ теперь оспаривать. Актъ 1841 года открылъ Никитенко рѣчью «О современномъ направленіи отечественной литературы», въ которой старался доказать, что литература того времени, обнаруживая стремленіе къ истинѣ и самобытности, не можетъ достигнуть полнаго и удовлетворительнаго развитія по отсутствію почвы, приготовляемой наукою, и указывалъ, что литература изъ шаткаго и печальнаго ея положенія можетъ быть выведена на прямую дорогу единственно наукою, которая только одна въ состояніи оградить ее «отъ варварскаго набѣга надменныхъ полу-мыслей и бѣдныхъ содержаніемъ идей». Въ 1842 году Никитенко произнесъ рѣчь «О критикѣ», вопросъ, весьма близкомъ къ жизни. Опредѣливъ, въ общемъ смыслѣ, что критика есть судъ разума надъ творчествомъ, профессоръ указалъ «три источника, изъ которыхъ черпаются всевозможныя понятія объ искусствѣ: личное убѣжденіе каждаго или тѣхъ, которые считаютъ себя знатоками и судьями въ области искусства; разсматриваніе произведеній со стороны дѣйствующихъ въ немъ силъ—генія художника, вѣка, духа народа —и, наконецъ, всеобщія идеи красоты». По этимъ источникамъ авторъ раздѣлилъ критику на личную, аналитическую и философскую или, по преимуществу, художественную. Особенности каждой изъ этихъ критикъ весьма тонко подмѣчены Никитенкою, который при этомъ указалъ вредъ первой, пользу второй и необходимость послѣдней, какъ для общества, такъ и для самого искусства. Нельзя не остановить вниманія на нѣсколькихъ весьма справедливыхъ словахъ, опредѣляющихъ личную критику, а именно тотъ ея видъ, который можно назвать пристрастнымъ и который скорѣе слѣдуетъ отнести къ злоупотребленію критики. «У всякаго, безъ сомнѣнія — говоритъ Никитенко — есть враги, друзья, покровители; гдѣ, какъ не въ критикѣ удобный случай заклеймить врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ вожделѣннымъ для ненависти, потому что онъ

падаетъ на нѣжнѣйшую часть человѣческаго самолюбія — на умственную славу, друзьямъ оказать услугу, не требующую никакихъ жертвъ, потому что она вся состоитъ изъ словъ, и покровителямъ принести дань глубокой лести, не касаясь ногою даже порога ихъ прихожей? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы, подъ видомъ литературы, говорить о своихъ нуждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьяхъ и недругахъ, о всемъ, что не составляетъ литературы. Къ чему же ей и стремиться къ пріобрѣтенію уваженія публики? Но публика столь снисходительна, что не только не требуетъ уваженія, а готова даже простить неуваженіе къ себѣ. Къ великимъ цѣлямъ искусства? Но тогда не была бы она личною, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала-бы дѣйствовать въ духѣ разума — и погибла бы. Извѣстно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: маленькіе эгоизмы тонутъ, какъ пылинки, въ широтѣ его безмѣрнаго горизонта». Рѣчь Никитенки о критикѣ, исполненная глубокаго интереса и важная по содержанію, въ которой онъ смѣло, проникнутый благороднымъ негодованіемъ, бросилъ перчатку господствовавшему направленію въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, вызвала въ повременныхъ изданіяхъ того времени общее одобреніе, хотя они и не безусловно соглашались съ нѣкоторыми его положеніями, какъ главными, такъ и частными. Въ 1854 году Никитенко послѣдній разъ явился ораторомъ на университетскомъ актѣ, и прочелъ рѣчь: «О началѣ изящнаго въ наукѣ», въ которой краснорѣчиво и убѣдительно возсталъ противъ укоренившагося весьма вреднаго предразсудка, будто наука, по природѣ своей, вовсе не причастна міру изящнаго. Къ трудамъ Никитенки, какъ профессора университета, принадлежитъ еще «Опытъ исторіи русской литературы». Этого опыта вышла только первая книга, заключающая въ себѣ лишь введеніе, въ которомъ авторъ, какъ онъ самъ говорилъ, старался установить основныя идеи литературы, и этому своему намѣренію придавалъ особенную важность и значеніе. Сочиненіе

это было встрѣчено въ печати похвальными отзывами, со стороны публики холодностью, а отъ лицъ компетентныхъ жесткими порицаніями, не переходившими, впрочемъ, за предѣлы дружеской переписки, если не считать помѣщенной въ «Современникѣ» критики Плетнева, весьма деликатно и съ безпрерывными оговорками указавшей слабыя стороны труда. Но едва ли и похвалы, и порицанія не представляются по отношенію къ «Опыту» крайностями. Въ немъ, какъ и во всякомъ трудѣ А. В. Никитенки, можно указать много прекрасныхъ, свѣтлыхъ и справедливыхъ мыслей, но, къ сожалѣнію, онѣ скрыты среди цвѣтистыхъ фразъ, которыми не восполняется замѣтное иногда отсутствіе фактовъ. Впрочемъ, позднѣе, самъ Никитенко смотрѣлъ на этотъ трудъ какъ на подробный конспектъ своихъ лекцій, требовавшій значительныхъ измѣненій и дополненій.

Мы уже говорили, что Никитенко пріобрѣлъ извѣстность въ Петербургѣ, какъ отличный преподаватель. Учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ наперерывъ старались приглашать его къ себѣ, предлагая самыя выгодныя условія и предоставляя ему всевозможныя удобства и льготы, чтобы только получить его согласіе. Это послѣднее обстоятельство давало ему возможность, кромѣ университета и екатерининскаго института, одновременно преподавать еще въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Онъ былъ послѣдовательно преподавателемъ и профессоромъ въ слѣдующихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашей столицы: въ верхнихъ классахъ аудиторскаго училища (съ 1-го января 1833 по 15-е мая 1839 года); въ офицерскихъ классахъ артиллерійскаго училища (съ 8-го января 1835 по 8-е апрѣля 1838 года); въ старшихъ классахъ общества благородныхъ дѣвицъ (съ февраля 1838 по 5-е января 1844 года); въ римско-католической духовной академіи (съ 28-го января 1843 года по свою смерть); въ институтѣ корпуса путей сообщенія (въ 1844 г.) и въ спеціальномъ педагогическомъ классѣ для образованія наставницъ при с.-петербургскомъ александровскомъ училищѣ (съ 27-го мая 1848 по 1857 годъ). Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, а равно и въ лицахъ, имѣв-

шихъ удовольствіе слушать его лекціи, А. В. Никитенко оставилъ самыя пріятныя воспоминанія.

Педагогическая служба его была оцѣняема по достоинству и не разъ удостоивалась высочайшихъ наградъ; о ней вспоминали заведенія съ благодарностью при каждомъ своемъ особенномъ торжествѣ, не смотря на то, что Никитенко уже давно ихъ оставилъ.

Если, съ одной стороны, учебныя заведенія пользовались знаніями А. В. Никитенки, который охотно посвящалъ имъ свое время, убѣжденный, что его живое слово приноситъ пользу, вводя молодое поколѣніе въ свѣтлый міръ изящнаго, то, съ другой стороны, высшія военное и морское начальства нерѣдко обращались къ его педагогической опытности и приглашали къ дѣятельному участію въ устройствѣ заведеній. Мы знаемъ, что практическіе совѣты Никитенки нерѣдко были принимаемы и, приложенные къ дѣлу, всегда приносили полезные результаты. Его участіе въ комитетѣ устройства учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (съ 27-го іюня 1855 по день закрытія комитета), въ комитетѣ для обозрѣнія морскихъ учебныхъ заведеній (въ 1855 г.) и въ комитетѣ, учрежденномъ для устройства учебныхъ заведеній по военному министерству (съ 10-го января 1857 по 1-е сентября 1858 г.), осталось не безъ слѣда.

Почти одновременно съ переходомъ въ университетъ съ каѳедры политической экономіи на каѳедру русской словесности, А. В. Никитенко былъ назначенъ цензоромъ при с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ (24-го апрѣля 1833 г.), и въ этой должности оставался 15 лѣтъ (до 11-го апрѣля 1848 г.). Должность цензора въ то время была нелегкою и весьма отвѣтственною. Малѣйшій недосмотръ, намекъ самаго невиннаго свойства на лицъ, облеченныхъ какою либо властію, самое добродушное указаніе на недостатки въ администраціи, наконецъ, неловко употребленное слово имѣли послѣдствіемъ взысканія, и нерѣдко весьма строгія, иногда исходившія даже отъ высочайшей власти. И Никитенко не избѣгъ ни замѣчаній, ни выговоровъ; но, не смотря на всѣ эти непріятности, онъ, тѣмъ не менѣе, постоянно

оставался самымъ доброжелательнымъ, самымъ снисходительнымъ цензоромъ, и это объясняется тѣмъ, что наука и литература были близки его сердцу. Преслѣдуя только вредныя крайности, онъ, въ засѣданіяхъ цензурнаго комитета, всегда являлся защитникомъ разумной свободы слова, въ которой видѣлъ средство не только къ успѣшному, самостоятельному движенію въ нашемъ отечествѣ наукъ и литературы, но и къ правильному развитію строя государственной жизни. Мы знаемъ, что многія произведенія обязаны А. В. Никитенкѣ своимъ появленіемъ въ свѣтъ: одни благодаря его горячему, твердому заступничеству предъ предсѣдателемъ и членами цензурнаго комитета, другія — его искусству склонять авторовъ на измѣненіе того, что могло дать поводъ къ какимъ либо недоразумѣніямъ. Изъ этого уже видно, что А. В. Никитенко исполнялъ не одну только оффиціальную обязанность цензора, но во многихъ случаяхъ являлся добрымъ совѣтникомъ и умнымъ наставникомъ. Послѣднее могутъ засвидѣтельствовать и нѣкоторые наши писатели и ученые, выступившіе впервые во время его цензорства на ученое и литературное поприще и пользовавшіеся его указаніями и замѣчаніями. Никитенко нерѣдко съ удовольствіемъ вспоминалъ, что поэма Гоголя «Похожденія Чичикова или Мертвыя души», послѣ разныхъ мытарствъ и переходовъ изъ рукъ въ руки, была имъ разрѣшена къ печати, не смотря на грозившую ему за то отвѣтственность.

Съ этого времени у А. В. Никитенки завязались связи со многими литераторами и учеными, которыя, начавшись послѣ написанія на сочиненіи обычной цензурной формулы: «печатать дозволяется», перешли потомъ въ искреннюю дружбу. Такимъ же просвѣщеннымъ и гуманнымъ характеромъ отличались отношенія А. В. Никитенки къ литературѣ и писателямъ и позднѣе, когда онъ состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія поступающихъ на театръ драматическихъ пьесъ (съ октября 1856 г.), и когда былъ назначенъ директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ книгопечатанія, а потомъ членомъ главнаго

управленія цензуры и членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (съ 23-го марта 1862 по 30-е августа 1865 г.). Во всѣхъ этихъ должностяхъ и при всякомъ представлявшемся случаѣ онъ являлся то ходатаемъ за произведенія литературы, то ихъ оберегателемъ и защитникомъ. Намъ особенно памятны многія прекрасныя, исполненныя ума и теплоты чувства, рѣчи Никитенки въ коммисіи, учрежденной для обработки проекта устава о книгопечатаніи, членомъ которой онъ былъ назначенъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этой коммисіи онъ почти всегда стоялъ на сторонѣ тѣхъ членовъ, которые въ благоразумной свободѣ слова видѣли залогъ будущаго развитія литературы и благосостоянія Россіи.

А. В. Никитенко несъ и административно-ученыя обязанности: онъ въ теченіе года былъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ внѣшней торговли (съ 15-го мая 1849 года по 3-е августа 1850 года) и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія для исполненія особенныхъ порученій по встрѣчающимся дѣламъ ученой и учебной администраціи министерства (съ 12-го декабря 1853 г.). О послѣднемъ назначеніи необходимо сказать нѣсколько словъ. Никитенко принялъ его по желанію А. С. Норова, съ которымъ онъ находился уже давно въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Ихъ связывала и общность литературныхъ занятій, и любовь къ наукѣ и поэзіи, и то уваженіе, которое они питали другъ къ другу за прямодушный взглядъ на людей и дѣла. Норовъ, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, искалъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы по душѣ дѣлиться своими взглядами на предстоявшія ему занятія, въ которомъ находилъ бы онъ не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка Норовъ нашелъ въ Никитенкѣ. Въ исторіи русскаго просвѣщенія останутся навсегда памятными первые годы министерства Норова, въ которое состоялось нѣсколько чрезвычайно важныхъ постановленій. Въ это время было испрошено высочайшее соиз-

воленіе на увеличеніе нормы числа студентовъ въ университетахъ московскомъ и с.-петербургскомъ; постановлено отправлять за границу молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ въ университетахъ; возстановлено правило на полученіе пенсій на службѣ сверхъ жалованья служащими въ учебныхъ заведеніяхъ; обращено вниманіе Государя Императора на неудобства существованія комитета 2-го апрѣля 1848 года, учрежденнаго для высшаго наблюденія надъ произведеніями книгопечатанія, и составленная по этому поводу записка, отличавшаяся истинно-просвѣщеннымъ воззрѣніемъ на цензуру, содѣйствовала къ закрытію этого комитета; испрошено разрѣшеніе представлять въ опредѣленные сроки краткій отчетъ о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ науки и литературы, являвшихся въ промежутки этого времени, съ указаніемъ ихъ достоинствъ, что̀ нерѣдко имѣло послѣдствіемъ удостоеніе ученыхъ и литераторовъ знаками монаршаго вниманія; совершено торжественное празднованіе юбилея столѣтняго существованія московскаго университета, на которомъ Никитенко былъ депутатомъ отъ с.-петербургскаго университета и произнесъ отъ его имени замѣчательную рѣчь. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ постановленіяхъ самое дѣятельное участіе принималъ Никитенко; многія изъ нихъ своимъ появленіемъ обязаны его иниціативѣ; для другихъ, получившихъ утвержденіе, онъ писалъ обстоятельныя записки, убѣдительныя по силѣ доводовъ его краснорѣчія; о многихъ онъ велъ съ министромъ оживленныя бесѣды и споры. Однимъ словомъ Никитенко былъ душею министерства въ первые годы управленія имъ Норовымъ, и потому совершѐнно справедливо долженъ раздѣлять съ министромъ тѣ похвальные отзывы, которые безпристрастная исторія произноситъ объ этомъ времени. На ней лежитъ обязанность отдавать должное и тѣмъ дѣятелямъ, которые до сихъ поръ оставались въ тѣни или которыхъ проходили молчаніемъ.

Не смотря на всѣ свои занятія, на которыя у человѣка, одареннаго меньшими способностями, положительно не достало бы времени, Никитенко находилъ возможность писать статьи въ раз-

ныя повременныя изданія и быть редакторомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Бесѣдовать съ публикою въ какой бы то ни было формѣ объ общихъ вопросахъ литературы и передавать ей свои впечатлѣнія и сужденія о наиболѣе выдающихся литературныхъ явленіяхъ было потребностью для Александра Васильевича. Мы уже упомянули объ его первомъ учено-литературномъ трудѣ, появившемся на страницахъ «Сына Отечества». Въ 1832 году, въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» и въ «Невскомъ альманахѣ» Аладьина, Никитенко (въ послѣднемъ онъ подписался подъ статьею «Никитенковъ») помѣстилъ отрывки изъ романа: «Леонъ или идеализмъ», въ которомъ хотѣлъ показать, что человѣкъ тогда только знакомится съ самимъ собою, когда начинаетъ изучать внутреннюю жизнь духа. Судить о достоинствѣ романа по этимъ отрывкамъ довольно трудно, но они важны въ томъ отношеніи, что представляютъ много біографическихъ чертъ о самомъ Никитенкѣ, преимущественно о годахъ его молодости.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1835 года Никитенко помѣстилъ біографію Елисаветы Кульманъ—этого необыкновеннаго явленія въ нравственномъ и умственномъ мірѣ, отмѣченнаго печатью несомнѣнной геніальности и промчавшагося по нашему литературному небосклону лучезарною звѣздою. Владѣвъ нѣсколькими новыми языками и обоими классическими, Кульманъ свободно переводила съ одного языка на другой, и кромѣ переводовъ, мастерски исполненныхъ, оставила нѣсколько самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній, художественную оцѣнку которыхъ Никитенко присоединилъ къ свѣдѣніямъ объ ея жизни. Этотъ очеркъ, въ которомъ прекрасно изображена свѣтлая личность Кульманъ, съ ея фантастическою мечтательностью, возвышеннымъ благородствомъ и любовію къ природѣ, въ которомъ, подъ перомъ біографа, она является передъ читателемъ какъ бы живою, съ ея желаніями, мечтами и видѣніями, безспорно принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Никитенки.

Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1836 года Никитенко помѣстилъ разборъ стихотвореній Жуковскаго,

въ которомъ старался опредѣлить его значеніе и мѣсто въ нашей литературѣ. Признавая художественное значеніе за переводами Жуковскаго, въ которыхъ онъ является великимъ мастеромъ, Никитенко замѣчаетъ, что во всѣхъ произведеніяхъ поэта, переводныхъ и оригинальныхъ, проглядываетъ жизнь и истина, что вездѣ въ нихъ является человѣкъ съ его страстями и съ его возвышенными упованіями и что, вслѣдствіе этого, всѣ его произведенія носятъ характеръ идеально-дѣйствительный. Ни ложноклассическое, ни французское направленіе не могли удовлетворить Жуковскаго; онъ искалъ новаго, и нашелъ его въ томъ направленіи, въ которомъ человѣкъ изображался такъ какъ онъ есть въ дѣйствительности; отъ этого направленія было не только легко, но и неизбѣжно перейдти къ направленію народному. Зародыши самобытной русской поэзіи уже встрѣчаются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Жуковскаго, и ихъ то мы должны особенно цѣнить. Что касается прозы Жуковскаго, то, по мнѣнію Никитенки, она проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и его поэзія — стремленіемъ къ безконечному, къ чистѣйшей идеальной красотѣ. Всѣ эти положенія Никитенко подробнѣе развилъ и подкрѣпилъ вѣскими доказательствами въ обширной статьѣ: «Василій Андреевичъ Жуковскій со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 года и написанной по случаю истеченія полувѣка со времени появленія его перевода Греевой элегіи: «Сельское кладбище». Статья эта, представляющая характеристику литературной дѣятельности Жуковскаго и значеніе, какое онъ имѣетъ въ нашей словесности и образованіи, составляетъ живо написанный отдѣлъ, иногда только въ формѣ конечныхъ результатовъ, исторіи новой нашей литературы.

Въ 1839 году, Никитенко написалъ и напечаталъ «Воспоминаніе о Карлѣ Ѳедоровичѣ Германѣ», бывшемъ нашимъ сочленомъ и профессоромъ с.-петербургскаго университета. Въ этой біографіи онъ немногими чертами, но чрезвычайно вѣрно, обрисовалъ эту симпатическую личность, съ которой начинается исторія статистики въ нашемъ отечествѣ. Въ томъ же 1839 году Никитенко

помѣстилъ въ альманахѣ «Утренняя Заря»: «Маленькіе великіе люди». Это—остроумно и граціозно написанный очеркъ тѣхъ людей, «которыхъ — по словамъ автора — природа съ избыткомъ одарила силою желать и силою стремиться, но которымъ отказала она въ силѣ сосредоточиваться и установлять себя среди своего поприща на прочной мысли и опредѣленной цѣли»; людей, «величіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они всѣ малыя вещи дѣлаютъ какъ великія, а нѣкоторая безполезность въ томъ, что великія вещи они хотятъ дѣлать какъ малыя, и отъ того ихъ не дѣлаютъ; людей, которые не имѣютъ никакого опредѣленнаго предмета дѣятельности, а, между тѣмъ, кипятъ чувствами святыми; смотрятъ на жизнь съ высшей точки зрѣнія, и презираютъ жизнь; любятъ пламенно человѣчество, и ни во что ставятъ людей!».

Въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Н. А. Некрасовымъ въ 1846 году, мы находимъ статью Никитенки: «О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ». Предметъ этотъ былъ избранъ потому, что идея народности въ искусствахъ, по своей новизнѣ въ то время, требовала, по мнѣнію Никитенки, нѣкотораго ограниченія.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1846 года Никитенко велъ отдѣлъ критики, и въ довольно обширныхъ статьяхъ разсмотрѣлъ слѣдующія книги: «Сочиненія Державина»; «Замѣтки за границею, Ф. П. Лубяновскаго», въ двухъ статьяхъ; «Петербургскій Сборникъ», Некрасова 1846 года, въ двухъ статьяхъ, изъ которыхъ первая посвящена разбору «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, а во второй разсмотрѣна «Машенька», поэма Майкова; «Столѣтіе Россіи съ 1745 до 1845 года», Полеваго, причемъ, сказавъ нѣсколько словъ о книгѣ, представилъ довольно полный очеркъ жизни Н. А. Полеваго, съ критическою оцѣнкою его трудовъ; «Брынскій лѣсъ», М. Н. Загоскина и «Московскій литературный и ученый Сборникъ», изъ статей котораго преимущественно обратилъ вниманіе на статью Хомякова: «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ». Эта послѣдняя критика сблизила Никитенку съ нѣкоторыми лицами изъ славянофильскаго кружка.

Въ 1857 году Никитенко въ первый разъ поѣхалъ за границу. Впечатлѣніе, произведенное на него перломъ дрезденской картинной галлереи, онъ передалъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Рафаэлева Сикстинская Мадонна». Это дивное произведеніе кисти Рафаэля производитъ на каждаго зрителя неотразимое вліяніе; но покойный академикъ съумѣлъ не совершенно ему подчиниться и, взглянувъ на картину какъ эстетикъ, чрезвычайно тонко и вѣрно передалъ чарующую ея прелесть и всю художественную ея красоту. Теперь мы имѣемъ два описанія этой картины, Жуковскаго и Никитенки, и трудно сказать которому слѣдуетъ отдать первенство.

Въ 1866 году Никитенко напечаталъ небольшой сборникъ, подъ заглавіемъ: «Три литературно-критическіе очерка», въ который вошли критическіе разборы: трагедіи Писемскаго: «Самоуправцы», комедіи Потѣхина: «Отрѣзанный ломоть» и трагедіи графа Толстаго: «Смерть Іоанна Грознаго».

Въ «Домашней Бесѣдѣ» 1867 года Никитенко помѣстилъ статью: «Молодое поколѣніе». Эта статья, очень сочувственная къ молодому поколѣнію, показываетъ, что роль его обусловливается потребностями общества, духомъ и законами возраста, что хотя этому поколѣнію и принадлежитъ будущее, но оно должно идти впередъ чрезвычайно осторожно, не дозволяя напускать на себя туманы умозрѣній и доктринъ.

Въ томъ же 1867 году вышелъ біографическій очеркъ М. П. Вронченки, переводчика Гамлета и Фауста.

Въ 1869 году Никитенко издалъ біографію Галича, подъ заглавіемъ: «Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета». Это — чрезвычайно любопытный, содержательный и живой очеркъ жизни даровитаго профессора. Въ этой біографіи нашли мѣсто и исторія развитія философіи въ Россіи, и нѣкоторые эпизоды изъ исторіи с.-петербургскаго университета.

Въ 1872 году явилась брошюра Никитенки: «Мысли о реализмѣ въ литературѣ». Въ ней авторъ, между прочимъ, разсма-

триваетъ вопросъ: отъ чего современная художественная литература въ большинствѣ ея явленій не находится на высотѣ своего призванія, и отвѣтъ этому находитъ въ томъ, что реальный элементъ, который служитъ и содержаніемъ и формою для произведеній, она понимаетъ въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ.

Много мелкихъ статей, какъ-то: «Адъ Данта» въ переводѣ Мина, «Еще замѣтка объ университетахъ» и др., Никитенко помѣщалъ въ повременныхъ изданіяхъ; не смотря на свой ограниченный объемъ, всѣ онѣ отличаются болѣе или менѣе жизненнымъ содержаніемъ, неотъемлемою принадлежностью всего, что выходило изъ-подъ его пера.

Участвуя своими трудами въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, Никитенко нѣсколько разъ былъ приглашаемъ принять не только дѣятельное, но и самостоятельное участіе въ редакціи этихъ изданій. Въ 1840 году, по убѣдительной просьбѣ Смирдина, онъ согласился быть редакторомъ «Сына Отечества». Эту обязанность онъ несъ въ продолженіе двухъ лѣтъ (1840—41), и если бы не недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ издателя, журналъ несомнѣнно занялъ бы весьма почетное мѣсто въ нашей журналистикѣ.

Въ «Сынѣ Отечества» 1840 года Никитенко помѣстилъ «Литературныя замѣтки и наблюденія, статья первая. Три способа литературной дѣятельности» и, безъ всякаго сомнѣнія, разборы нѣкоторыхъ книгъ, и именно тѣ разборы, въ которыхъ отсутствовалъ духъ журнальныхъ партій и каждому литературному произведенію отдавалось должное на основаніи коренныхъ законовъ искусства, а не по мелкимъ личнымъ увлеченіямъ. Въ томъ же журналѣ 1841 года Никитенко помѣстилъ критическіе разборы стихотвореній Лермонтова и стихотвореній графини Е. П. Ростопчиной.

По переходѣ, въ концѣ 1846 года, изданія «Современника» отъ Плетнева къ Панаеву и Некрасову, редакторомъ его былъ избранъ Никитенко и оставался имъ до половины 1848 года. Благодаря умѣнью Александра Васильевича и дружнымъ усиліямъ

сплотившагося кружка даровитыхъ литераторовъ и ученыхъ, «Современникъ» не замедлилъ занять видное мѣсто въ нашей журналистикѣ. Въ немъ Никитенко помѣстилъ разсужденіе: «О современномъ направленіи русской литературы» и очень подробный разборъ курса теоріи словесности Чистякова.

Статья «О современномъ направленіи русской литературы» была подробно разсмотрѣна въ «Москвитянинѣ» Ю. Ѳ. Самаринымъ, который видѣлъ въ ней литературное исповѣданіе новаго журнала и по этому старался указать, безъ всякаго увлеченія, какъ вѣрные, такъ и ошибочные взгляды и мнѣнія, высказанные въ ней Никитенкою, и успѣлъ, надо сказать, съ достоинствомъ выполнить принятую на себя задачу.

Вскорѣ послѣ назначенія А. С. Норова министромъ народнаго просвѣщенія, Никитенко былъ опредѣленъ, 24-го января 1856 года, редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и оставался въ этой должности до 18-го января 1860 года. За время его редакторства въ журналѣ были въ первый разъ помѣщены беллетристическія произведенія: оригинальная трагедія О. Ѳ. Миллера: «Конрадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ», и въ переводѣ Водовозова: «Ифигенія въ Тавридѣ», Гёте, и двѣ оды Пиндара; довольно часто помѣщались также статьи по предметамъ, наиболѣе любимымъ редакторомъ, по философіи и теоріи словесности. Внѣ редакторской дѣятельности Никитенко оставался недолго. Въ концѣ 1861 года (3-го ноября), онъ принялъ на себя обязанность главнаго редактора издававшейся отъ министерства внутреннихъ дѣлъ газеты «Сѣверная Почта» и несъ эти обязанности до 6-го іюля 1862 года. Кромѣ редакторства повременныхъ изданій, Никитенко былъ въ числѣ редакторовъ «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара и двухъ сборниковъ: «Складчина» (1874) и «Братская помочь» (1876). Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» всѣ статьи по части исторіи и теоріи словесности, русской и всеобщей, помѣщенныя въ одиннадцати томахъ, обработаны, а многія написаны Никитенкою; въ «Складчинѣ» онъ помѣстилъ отрывокъ изъ приготовлявшагося

къ печати собранія критическихъ этюдовъ о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ нашей литературы, именно «Объ исторической драмѣ Островскаго: Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».

Многообразная и полезная литературно-ученая дѣятельность А. В. Никитенки обратила на себя вниманіе Академіи Наукъ. 5-го ноября 1853 года она избрала его членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а 20-го января 1855 г. ординарнымъ академикомъ по тому же Отдѣленію. Съ этого времени большую часть своей дѣятельности онъ посвящалъ Академіи. Ежегодно Никитенко былъ избираемъ въ члены коммиссіи по присужденію уваровскихъ наградъ, и ему постоянно былъ поручаемъ разборъ представлявшихся на конкурсъ драматическихъ произведеній. Чрезъ его руки прошли десятки пьесъ, и о каждой онъ далъ подробный и правдивый отзывъ. Изъ всѣхъ пьесъ, которыя онъ признавалъ заслуживающими уваровской преміи, были удостоены таковой двѣ: драма Островскаго: «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» и комедія Минаева: «Разоренное гнѣздо», явившаяся въ печати подъ заглавіемъ: «Спѣтая пѣсня». Подробныя рецензіи этихъ пьесъ, написанныя Никитенкою, вмѣстѣ съ отчетами по присужденію, имъ же составленными, напечатаны въ отчетахъ о присужденіи уваровскихъ наградъ. Совокупность всѣхъ рецензій, написанныхъ Никитенкою на драматическія пьесы, представитъ богатый матеріалъ для будущаго историка драматической поэзіи въ Россіи и для выводовъ о состояніи драматическаго искусства у насъ за два послѣднія десятилѣтія.

Въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи, которыми она воздавала должный почетъ лицамъ, записавшимъ свои имена въ лѣтописи русской науки и словесности, А. В. Никитенко всегда находилъ возможность сказать слово, проникнутое и теплымъ сочувствіемъ къ лицу, въ честь котораго устраивалось торжество, и отличающееся вѣрною оцѣнкою заслугъ, оказанныхъ имъ литературѣ. Такъ, въ 1865 году, при празднованіи столѣтія отъ дня кончины Ломоносова онъ произнесъ рѣчь: «Значеніе Ломоносова

въ отношеніе къ изящной русской словесности», а въ 1868 году, въ день празднованія столѣтняго юбилея И. А. Крылова: «О баснях Крылова въ художественномъ отношеніи».

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе многихъ лѣтъ поручало Никитенкѣ составленіе отчета о своей дѣятельности. Въ этихъ отчетахъ (за 1856, 58, 61—63, 66—76 гг.), кромѣ погодной лѣтописи о занятіяхъ членовъ Отдѣленія, Никитенко сообщилъ нѣсколько некрологовъ, или точнѣе сказать воспоминаній о почетныхъ и дѣйствительныхъ членахъ Отдѣленія, изъ которыхъ съ одними онъ находился въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, а къ другимъ питалъ уваженіе за ихъ литературные и ученые труды. Въ этомъ скорбномъ помянникѣ нашли мѣсто: В. Г. Бенедиктовъ, П. С. Билярскій, А. Ѳ. Вельтманъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, Н. И. Гречъ, В. И. Даль, М. А. Коркуновъ, М. А. Максимовичъ, А. Н. Муравьевъ, К. И. Невоструевъ, А. С. Норовъ, Г. П. Павскій, П. П. Пекарскій, М. П. Розбергъ, К. С. Сербиновичъ, графъ М. М. Сперанскій, графъ А. К. Толстой, Ѳ. И. Тютчевъ, черниговскій архіепископъ Филаретъ, московскій митрополитъ Филаретъ. Какая плеяда именъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и славныхъ! Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній, какъ напр. о Муравьевѣ, Норовѣ, Тютчевѣ, графѣ А. К. Толстомъ, дышутъ неподдѣльною теплотою чувства.

Членамъ Императорской Академіи Наукъ памятны задушевная, искренняя рѣчь Никитенки, содержавшая въ себѣ воспоминаніе о бывшемъ ея президентѣ графѣ Д. Н. Блудовѣ, произнесенная въ общемъ собраніи Академіи, 6-го марта 1864 года, въ которомъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ нынѣшній ея президентъ, и отличающаяся такимъ же характеромъ рѣчь, которою онъ привѣтствовалъ, 19-го мая 1875 года, академика В. Я. Буняковскаго въ день празднованія докторскаго его юбилея.

Сверхъ ученыхъ занятій по Академіи, Никитенко несъ въ ней и административныя обязанности. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 18-го января 1858 по 1-е февраля 1860), онъ велъ дѣлопроизводство по Отдѣленію русскаго языка и словесности,

а съ 27-го апрѣля 1865 года по день своей кончины былъ членомъ комитета правленія Академіи отъ того же Отдѣленія. Въ 1874 году, по порученію Академіи, принималъ участіе въ трудахъ высочайше учрежденной коммисіи для обсужденія предположеній о сліяніи сенатской и другихъ казенныхъ типографій въ одну общую.

Предлагаемый мною очеркъ жизни и дѣятельности А. В. Никитенки былъ бы весьма не полонъ, если бы я не упомянулъ о нравственныхъ и душевныхъ качествахъ покойнаго академика.

Натура любящая и восторженная, Никитенко отъ самыхъ юныхъ дней былъ неизмѣннымъ поклонникомъ прекраснаго, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, и таковымъ остался до конца своихъ дней, вѣря, что человѣчество постепенно идетъ къ совершенству и стремится утвердить повсюду идеи истины и изящнаго.

Будучи въ высшей степени нравственно-правдивымъ, онъ возмущался каждою ложью, каждымъ безчестнымъ поступкомъ, и вслѣдствіе этого былъ иногда рѣзокъ въ своихъ приговорахъ о лицахъ, уклонявшихся съ прямой дороги. Отъ семьи, на которой были сосредоточены всѣ его заботы и которой онъ былъ безгранично преданъ, Никитенко переносилъ свою любовь на народъ, изъ котораго самъ вышелъ, и на Россію. Привѣтствовавъ съ восторгомъ зарю освобожденія нѣсколькихъ милліоновъ душъ отъ крѣпостной зависимости, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось на ихъ пользу, и по этому становится понятнымъ то расположеніе и уваженіе, которымъ онъ одѣлялъ лицъ, хлопотавшихъ объ образованіи этой темной массы и принимавшихъ мѣры къ улучшенію ея быта, и та почти непримиримая вражда къ лицамъ, которыя такъ или иначе тому препятствовали. Честный гражданинъ отечества, которое было для него святынею, онъ жилъ его жизнію, близко принималъ къ сердцу всѣ событія, и внутреннія и внѣшнія, радовался хорошему, болѣлъ за дурное, и, въ мѣрѣ своихъ силъ, старался отвращать отъ него все вредное, и поэтому искренно презиралъ лицъ бездѣйствующихъ и не приносящихъ ни малѣйшей пользы родинѣ.

Готовый дѣлиться со всякимъ своими знаніями и опытностію, онъ не отказывалъ никому, кто обращался къ нему за совѣтомъ; а къ нему, зная его изящный вкусъ и силу воображенія, обращались всѣ: отъ начинающаго живописца до Брюллова, отъ молодаго стихотворца до Жуковскаго.

Сочувствуя молодому поколѣнію, возлагая на него лучшія надежды, Никитенко старался помогать ему и дѣломъ и словомъ, и отсюда завязались у него многія сношенія, кончившіяся пріязнію и дружбою.

Невзыскательный къ житейскимъ условіямъ, радушный хозяинъ, Никитенко собиралъ вокругъ себя въ назначенные дни кружокъ ученыхъ и литераторовъ и оживлялъ его своею бесѣдою, въ высшей степени остроумною и наставительною.

Однимъ словомъ, свѣтлый, нравственный образъ Никитенки, съ его чистою любовью ко всему прекрасному, съ его сочувствіемъ ко всему современному, лишь бы оно носило зародыши добра для будущихъ поколѣній, сохранится навсегда въ его друзьяхъ и въ лицахъ его близко знавшихъ.

Соединивъ въ одно все сказанное нами о литературно-ученой дѣятельности А. В. Никитенки, послѣ просмотра всего имъ напечатаннаго, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что это былъ человѣкъ глубоко уважавшій науку, повсюду отводившей ей почетное мѣсто и въ ней одной искавшій подтвержденія и подкрѣпленія высказываемыхъ имъ мыслей. Полвѣка бывъ глашатаемъ идей изящнаго и истины, полвѣка стоявъ на ихъ охранѣ, онъ успѣлъ во многихъ изъ своихъ слушателей поселить это же направленіе, которое они теперь, въ свой чередъ, съ успѣхомъ проводятъ въ жизнь и съ каѳедръ и съ мѣстъ, занимаемыхъ ими въ администраціи. Сторонникъ свободы мысли, онъ никогда не набрасывалъ на нее стѣснительныхъ оковъ, когда былъ убѣжденъ, что она можетъ принести пользу обществу, и преслѣдовалъ только напыщенную бездарность, очевидно вредную ложь. Если труды покойнаго академика и не двигали науку впередъ, то они несомнѣнно разширяли кругъ познаній, и въ этомъ

отношеніи имя А. В. Никитенки, связанное съ именами лучшихъ представителей нашей литературы, будетъ произноситься съ благодарностію, какъ просвѣщеннаго и честнаго литератора и ученаго, имѣвшаго большое вліяніе на общественную среду, что откроется и еще яснѣе опредѣлится изъ обширной оставшейся послѣ него переписки съ разными лицами и изъ посмертныхъ его записокъ, которыми онъ занимался даже въ дни тяжкой болѣзни.

Отдѣленіе утратило еще члена-корреспондента, бывшаго профессора московскаго университета, О. М. Бодянскаго, скончавшагося 6-го сентября. Бодянскій принадлежалъ къ тому небольшому кружку даровитыхъ лицъ, избравшихъ въ началѣ сороковыхъ годовъ впервые славянство предметомъ изученія, отъ котораго, въ настоящее время, остался одинъ, И. И. Срезневскій. Ему принадлежитъ право и сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о Бодянскомъ и двухъ другихъ товарищахъ, водворявшихъ славяновѣдѣніе въ нашемъ отечествѣ, и оцѣнить значеніе ихъ трудовъ, многочисленныхъ и несомнѣнно важныхъ. Мы можемъ только сказать, что съ именемъ Бодянскаго тѣсно соединяются имена: Шафарика, Юнгмана, Зубрицкаго, Крижанича, сочиненія которыхъ онъ передалъ русской наукѣ или въ переводахъ, или въ изданіяхъ; что съ его именемъ останется навсегда связано московское общество исторіи и древностей и большая часть его изданій, составляющихъ памятникъ его неусыпнаго и безкорыстнаго трудолюбія; наконецъ, можно надѣяться, что его имя будетъ красоваться на многихъ предпринятыхъ имъ изданіяхъ, остановившихся по разнымъ обстоятельствамъ, и преимущественно по желанію, такъ извинительному въ ученомъ, придать своимъ трудамъ окончательное совершенство. Бодянскій трудился цѣлую жизнь для науки, ей жертвовалъ всѣмъ, но только не истиною, за которую приходилось неоднократно ему дорого платиться.

Оба лица, которыхъ въ истекающемъ году потеряло Отдѣленіе, а вмѣстѣ съ нимъ Академія и наука, въ продолженіе всей дѣятельной и полезной жизни полагали всѣ свои силы на распро-

страненіе знаній въ нашемъ отечествѣ, на утвержденіе въ молодомъ поколѣніи высокой любви къ человѣку и правдѣ. Подъ этимъ святымъ знаменемъ совершенствуется общественная жизнь, совершаются великіе подвиги, исполняется историческое предназначеніе народовъ. Да поможетъ Провидѣніе тому, кто у насъ милліоны призвалъ къ свободной жизни, водворить человѣческія и гражданскія права въ соплеменныхъ намъ странахъ, гдѣ нѣкогда цвѣли наука и письменность, къ намъ оттуда перешедшія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогожскаго Библейскаго Сотоварищества секретаремъ онаго Александромъ Никитинковымъ, 1824 года генваря 27 дня.

Почтеннѣйшее собраніе!

Уже три года протекло, какъ, внявъ гласу благодати, раздающейся по всей вселенной во услышаніе всѣмъ, и волѣ всеавгустѣйшаго Монарха нашего, вы ревностно пожелали раздѣлять благородные труды вашихъ соотечественниковъ въ сѣяніи слова Божія. Нѣтъ достойнѣе жертвы, какъ та, которую мы приносимъ истинѣ: она заключаетъ въ себѣ сущность всякаго бытія и исполненіе судебъ Божіихъ. Въ мятежныхъ премѣнахъ міра, въ быстромъ теченіи вѣковъ, когда все волнуется и волнуетъ человѣчество, она единая пребываетъ неподвижно; она единая въ игрѣ счастія и кажущемся безпорядкѣ случая раскрываетъ предъ нами картину нашего жребія—величественную картину вѣчности и совершенства. Чистѣйшая добродѣтель есть ея стяжаніе, а блаженство — вѣнецъ. Она ограждаетъ общества, служитъ свѣтильникомъ политической мудрости: ибо, среди безчисленнаго разнообразія и противоборства человѣческихъ цѣлей, средствъ и страстей, она поставляетъ для народовъ единою цѣлію — общее благо; единымъ средствомъ онаго — святость и силу власти державной; единую страсть производитъ — пламенную любовь къ порядку и справедливости. Нѣтъ инаго добра въ мірѣ, кромѣ любви къ истинѣ, и нѣтъ инаго зла, кромѣ пренебреженія оной.

Сіе-то самое къ ней чувство, почтеннѣйшіе посѣтители, виною и настоящаго вашего собранія, въ которомъ вы не только исповѣдуете ее единымъ сердцемъ и едиными усты; но и дѣятельнымъ участіемъ споспѣшествуете повсемственному ея распространенію. Коль прекрасенъ, коль благороденъ, коль величественъ сей союзъ истины, коего цѣль не временныя блага, не тлѣнное міра стяжаніе, но чистѣйшее, божественное стяжаніе вѣчности. Не вотще гласъ ея воззвалъ къ вамъ въ гласѣ всеавгустѣйшаго Монарха нашего и отечества. Подобно птенцамъ, собирающимся подъ крылѣ матери своея по ея заботливому клику, вы соединились подъ святый ея кровъ, да тако пребудете безопасны отъ разрушительнаго нападенія духа времени.

Но да будетъ слава Тому, отъ Коего единаго проистекаютъ помышленія и дѣла благія; Который ниспосылаетъ сердцамъ ревность къ труду и труду даетъ поспѣшеніе; Коего святый промыслъ толь дивно хранитъ божественное слово свое и вѣрныхъ его чадъ отъ ухищреній лжемудрыхъ!

И по истинѣ, почтеннѣйшіе посѣтители, взирая на событія, предъ нами совершающіяся, нельзя не воскликнуть отъ глубины сердца съ вѣнценоснымъ Пророкомъ: *Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ*! Дивна премудрость Его, самыя мятежныя приключенія міра направляющая къ концу благому! Въ непокорливой человѣческой волѣ, въ буйныхъ страстяхъ, оную волнующихъ, она находитъ средства къ сохраненію вѣчнаго своего порядка и святой своей истины. Жестокимъ путемъ зла ведетъ она насъ къ своей цѣли, полагая въ горькомъ возчувствованіи пагубныхъ его слѣдствій первое сѣмя исправленія. Человѣчество, руководимое лжемудрыми, буйми міра сего, восхотѣло познать силу свою—и познало только свою слабость. Оно искало независимости отъ вѣры—и нынѣ съ вящщимъ смиреніемъ признаетъ законность и необходимость ея власти. Оно искало *пути, истины и живота* въ самомъ себѣ и чрезъ самого себя—и забыло, что путь нашъ, истина и животъ суть дѣянія столь преславныя для самого Бога, что не могутъ быть уже твореніемъ рукъ нашихъ. Оно забыло, что въ

одной самобытности заключается возможность самостоятельнаго дѣйствованія — и что все несовершенное находитъ силу свою въ Источникѣ совершенства, такъ какъ всякій лучъ свѣта почерпаетъ въ единомъ солнцѣ свою теплоту и блескъ.

Сіе заблужденіе есть чадо гордости и мрачнаго ума софистовъ XVIII вѣка. Прославленные и сами себѣ удивляющіеся знатоки природы человѣческой, они обманули и себя и другихъ, стараясь возвысить ее на развалинахъ вѣры. Въ ихъ дерзкихъ системахъ, сооруженныхъ на зыбкихъ началахъ разума, мы видимъ только печальную исторію заблужденій его и человѣка, стонущаго подъ тяжкимъ бременемъ человѣческой своей мудрости. Обѣщая намъ обойтись безъ религіи, не должны ли они были превзойти ее въ дѣяніяхъ благихъ? Ибо принятіе чего нибудь новаго на мѣсто прежняго ничѣмъ инымъ не можетъ быть оправдано, какъ превосходствомъ перваго, — и самая та перемѣна есть уже великое зло, въ коей одно добро поставляется на мѣсто другаго. Это ничто иное, какъ пища непостоянству человѣческаго духа, пища, въ коей подъ видомъ пріятнаго и необходимаго разнообразія скрывается ядъ, разслабляющій постепенно крѣпость нравовъ и разсудка. Но они какое добро оказали человѣку своимъ преобразованіемъ? «Мы созидаемъ царство разума, — говорили они — всякой, кто только человѣкъ, есть гражданинъ его! Пріидите всѣ «изъ рукъ нашихъ вкусить плоды истины, плоды, взращенные «слезами и кровію вашею». Такимъ образомъ, будучи не менѣе хитры, сколько дерзки, они замѣшали народъ въ свои метафизическія бредни, доканчивая руками его ту нравственную анархію, коей не въ состояніи были окончить ихъ умы. Мнѣнію дали оружіе и мечтамъ существенность. Простые, невинные люди, коихъ всѣ познанія ограничивались кругомъ ихъ должностей, захотѣли вдругъ раздѣлять славу мудрыхъ и начали слѣдовать тому, чего не понимали: искать въ системѣ истины; въ познаніи — вѣры; въ безначаліи — правленія. Все стало перемѣняться: законы ниспроверглись, какъ скоро каждый гражданинъ возмнилъ, что онъ самъ мудрѣе законодателя; правительства потеряли силу, какъ

скоро люди вообразили себѣ, что безъ ихъ охраненія они могутъ быть счастливыми, безопасны — и свободны; религія утратила свою святость, когда всякой началъ подвергать суду своему тѣ предметы, которые выше его понятій, и захотѣлъ раздѣлять съ Богомъ власть и управленіе міромъ. Всякой, кто только почиталъ себя мыслящимъ, желалъ мыслить иначе; кто только имѣлъ въ обществѣ голосъ, провозглашалъ новый порядокъ вещей: Платонову республику на землѣ и равенство въ общежитіи; всякой, кто только надѣялся заслужить титло мудраго, желалъ быть мудрымъ по своему. Общія, единыя основанія разума, искаженныя въ школѣ новыхъ софистовъ, раздробились на толь безчисленныя, странныя, одна другой противорѣчащія секты, что самые сіи софисты, собравшись вмѣстѣ, были бы похожи на строителей Вавилонской башни, коихъ безумная гордость была наказана тѣмъ что они перестали понимать другъ друга. И чѣмъ напослѣдокъ кончили они славныя свои преобразованія? Лишивъ человѣка чуждой, необходимой ему помощи, не могши дать своей, бросили въ жертву естественной его слабости и естественному повреждению, назвавъ ихъ сущностію его природы.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ самъ по себѣ есть нѣчто странное, непостижимое. Его пороки и его добродѣтели; гнусныя страсти, его обезображивающія, и возвышенный духъ, надъ ними торжествующій; постыдные предразсудки и пламенное паренiе разума— сіи странныя противности, заключающіяся въ одномъ и томъ же существѣ, дѣлаютъ его смѣшною, непонятною загадкою для самого себя. Посмотрите на его положеніе: плачетъ и смѣется въ одно мгновеніе, смѣется и плачетъ; несчастенъ посреди очаровательнѣйшихъ удовольствій, блаженъ посреди всѣхъ ужасовъ и злоключеній! Любитъ добро — и дѣлаетъ зло; одною рукою пронзаетъ сердце друга, а другою подъемлетъ врага падшаго. Ищетъ истины, признаетъ слабость своего разума, — и требуетъ божескаго поклоненія какой нибудь глупой мечтѣ, которую ему угодно назвать истиною. Жаждетъ возвышеннаго, постояннаго блага,— и устремляется на первую бездѣлку, попадающуюся его глазамъ;

украшаетъ ее по своему, любуется ею, чрезъ минуту бросаетъ ее съ презрѣніемъ, и опять ее ищетъ.... Какая бездна противорѣчій! Какое странное и несчастное, какое низкое и высокое существо человѣкъ! Смѣемся ему и плачемъ о немъ; презираемъ его — и удивляемся ему!...

Откуда жъ сіи противорѣчія? Такъ ли онъ созданъ? Конечно такъ,—говорятъ софисты—потому что онъ таковъ есть. И такъ это игра природы, чадо своенравія ея и странныхъ капризовъ, которому она въ глаза смѣется, смѣшавъ въ немъ одномъ всѣ свои противорѣчія? И такъ это мечта, привидѣніе, коего все отличіе состоитъ въ томъ, что оно умѣетъ дѣлать себя несчастнымъ и умѣетъ то чувствовать? И такъ дѣйствительно справедливо это, что первое благо для человѣка не родится, а второе какъ можно скорѣе умереть?...

Здѣсь мудрый бросаетъ свою истину, правитель уничтожаетъ свои законы, праведникъ забываетъ свою добродѣтель. Ибо къ чему все это? Философы говорятъ намъ, что въ человѣкѣ нѣтъ человѣка, что странныя его противорѣчія доказываютъ, что въ немъ нѣтъ ничего положительнаго; что крайности добра и зла въ немъ суть ничто иное, какъ случайныя послѣдствія случайныхъ причинъ; что минутное соглашеніе людей есть ихъ законъ и добродѣтель и что, наконецъ, на свѣтѣ существуетъ та единая истина, что нѣтъ никакой истины!

Сіи-то слѣпцы, толь худо знавшіе, толь худо судившіе и еще хуже чувствовавшіе, провозгласили себя наставниками и путеводителями человѣческаго рода, — и человѣкъ, возмущенный ими противу самого себя и противу неба, нося отчаяніе въ сердцѣ своемъ, приближился къ самому краю пропасти, которую гордыня разума начала руками праотца нашего и разширила мудрованіями софистовъ. И чтожъ осталось дѣлать ему, чтобы найти основаніе самого себя и разрѣшить непонятную загадку своей природы? Просить совѣта у собственнаго своего разума? Увы! это значитъ искать помощи у того самаго путеводителя, который, водя людей по дебрямъ и пропастямъ безпредѣльныхъ, нескончаемыхъ

умствованій, столько невѣждъ содѣлалъ глупѣйшими, столько умныхъ заблудшими и столько мудрецовъ посмѣшищемъ свѣта! Прибѣгнуть къ совѣсти? Совѣсть больше объясняетъ намъ противорѣчія нашего духа; она всегда постоянно и рѣшительно внушаетъ намъ, что справедливое, хорошее и честное есть цѣль человѣческой природы и благо ея; а пороки и страсти, возникающіе при самомъ рожденіи нашемъ, составляютъ то зло и тѣ противорѣчія въ насъ, которыя столько насъ обезображиваютъ и которыя подали прекрасную мысль остроумнымъ философамъ XVIII вѣка сказать для утѣшенія человѣческаго рода, что онъ бѣдная игрушка злой мачихи-природы. Слѣдовательно совѣсть уже освѣщаетъ насъ нѣсколько на пути жизни нашей; но увы! она есть слабая опора посреди трудныхъ пропастей и горъ, наполняющихъ оный. Если бъ человѣкъ не былъ естественно поврежденъ, то конечно бы достаточно было для него сего внутренняго убѣжденія; но разслабленному недостаточно собственныхъ своихъ силъ къ возстанію, и одна посторонняя рука можетъ воздвигнуть его съ одра мученія и болѣзни. Совѣсть показываетъ намъ то, что мы должны исполнять, и, обращая насъ къ самимъ себѣ, сама, кажется, страшится великости нашихъ обязанностей, высоты нашей цѣли и ничтожества нашихъ силъ и способовъ. Не могши дать намъ никакого удостовѣренія тамъ, гдѣ необходимость должности сталкивается съ побужденіями пожертвованія, она вдругъ оставляетъ насъ во мракѣ между робкою, хотя и непреступною, недѣятельностію и между величайшею добродѣтелію — и велитъ намъ дѣлать то, для чего не стоитъ труда и быть человѣкомъ. Совѣсть обращаетъ насъ къ Богу; но Богъ ея есть только всемогущій Зиждитель и праведный Судія, а не отецъ нѣжный и милосердый. Онъ, кажется, принялъ на себя трудъ сотворить насъ разумными и свободными; но не принялъ никакого средства къ отвращенію тѣхъ золъ, которыя происходятъ отъ нашего ограниченія и нашей свободы. Здѣсь нѣтъ любви чистѣйшей, содѣлывающей Бога отцемъ человѣка и человѣка — присномъ его духу. Здѣсь нѣтъ союза между совершенствомъ и слабостію: ибо

я не признаю благости въ томъ, что я есмь, но исповѣдую ее въ томъ, чѣмъ могу быть чрезъ непостижимое, но вѣрное ея содѣйствіе. Будучи такимъ образомъ презрѣны, оставлены на произволъ самимъ себѣ, мы снова впадаемъ во всѣ тѣ противности, коихъ недавно были злополучною жертвою.

И такъ разумъ пресмыкается и падаетъ; нравственное чувство осуждаетъ наши страсти, но не можетъ укротить ихъ, — а сердце стонетъ! Ахъ! почто жъ не ищетъ оно опоры, когда слабо? Гордость, суемудріе, призраки истины обольщаютъ его; но почто быть мудрыми, когда не можемъ быть счастливы? Я слѣдую одному высочайшему закону, я прошу у неба единой истины: спасенія и блага! Гдѣ же она — сія прекрасная дщерь любви божественной, которой жаждетъ сердце мое отъ самой колыбели и которую бѣшеныя страсти представляютъ мнѣ въ толь многихъ видахъ презрѣнныхъ земныхъ радостей? Кто покажетъ мнѣ ее въ полномъ сіяніи и красотѣ? Кто сдѣлаетъ ее присущною сердцу моему, жребіемъ временнаго моего бытія и обѣтованіемъ вѣчности?...

Единый Тотъ, Кто могъ сказать: *Азъ есмь путь, истина и животъ*; Кто въ крови своей омылъ природу человѣческую, возвратилъ ей первобытную ея чистоту; Кто рабу естества отдалъ права неба и поврежденнаго сына совѣсти исправилъ, укрѣпилъ, возвысилъ геніемъ вѣры. Здѣсь-то человѣкъ, по долгомъ, утомительномъ странствованіи, по тяжкой борьбѣ съ заблужденіями и страстьми міра, отрясши съ себя гнусный прахъ ихъ, повергается на лоно вѣчной любви и, въ сладостной чистѣйшей вѣрѣ объемля самого Бога, объемлетъ духомъ своимъ вселенную, вѣчность—и судьбу свою! Это не наука, не система; это гласъ нашего опредѣленія, переданный намъ безконечною благостію чрезъ ипостасное слово ея. Дивное преобразованіе, тайна непостижимая совершается: человѣкъ дѣлается христіаниномъ! Онъ не познаетъ уже, но видитъ ясно свои обязанности, свое назначеніе. Противорѣчія, сомнѣнія исчезаютъ; онъ родится вновь; чувствуетъ себя съ восхищеніемъ, подобно тому разслабленному, который, послѣ

долговременнаго, тяжкаго страданія, въ первый разъ услышалъ изъ устъ вѣчнаго милосердія сладостный глаголъ цѣленія и жизни,—и въ томъ сердцѣ, гдѣ обитали мракъ, неизвѣстность и ужасъ, сіяетъ вѣчная, единая, несомнѣнная истина; укрѣпляется неразрушимое звѣно, соединяющее землю съ небесами, сына персти съ безконечною вѣчностію. Стремленія перестали казаться мечтами; съ будущаго снята завѣса; предчувствіе содѣлалось упованіемъ, блаженство — собственностію, — и гробъ возвращаетъ добычу свою въ объятія вѣчной жизни!

И се дни, почтеннѣйшіе посѣтители, въ которые торжествуетъ евангеліе, въ которые посрамленная человѣческая мудрость, сокрывъ чело свое въ прахѣ, бѣжитъ съ лица земли предъ побѣднымъ знаменемъ побѣдителя грѣха, ада и смерти. Европа, Азія, Африка и Америка внимаютъ призыванію благодати; вѣчный промыслъ повсюду очищаетъ плевелы разума, сѣетъ сѣмена спасенія и жизни,—и добрыя земли, принявшія оныя въ нѣдра свои, цвѣтутъ и богатѣютъ богатствомъ нетлѣннымъ. Что древле изступленный фанатизмъ хотѣлъ утвердить мечемъ и огнемъ, то нынѣ дѣятельность библейскихъ обществъ производитъ кротостію и любовію. Нѣтъ нужды говорить здѣсь о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ россійскимъ библейскимъ обществомъ: его подвиги суть его похвальное слово, а благодарность сердецъ, напоенныхъ отъ него водою жизни, суть прекраснѣйшій памятникъ его существованія — памятникъ, долженствующій въ роды родовъ возвѣщать славное торжество истины. Мудрымъ его попеченіемъ существуетъ и наше сотоварищество, и вы, почтеннѣйшіе господа члены и благотворители, содѣлались участниками священной и чистой его ревности ко благу человѣческаго рода. Вашимъ дѣятельнымъ участіемъ и подкрѣпленіемъ мы были въ состояніи постоянно продолжать наши сношенія съ высшимъ комитетомъ,—и сей отчетъ, нынѣ вамъ представляемый, есть токмо новое свидѣтельство вашихъ великодушныхъ пожертвованій. Состояніе и посты, вами занимаемые въ обществѣ, доказываютъ познаніе ваше тѣхъ истинъ, на коихъ зиждется благо общественное, и въ семъ случаѣ

вы имѣете нужду не столько въ наставленіи, сколько въ назиданіи вѣры; но тысячи низшихъ братій вашихъ ходили бы пагубными путями заблужденій, если бъ человѣколюбивое сердце ваше не сообщало имъ сего свѣта, коего цѣну вы столь глубоко возчувствовали, не взирая на тьму, воздвигнутую суемудріемъ. Да будетъ же свѣтъ сей, подобно лучамъ солнечнымъ, отражаясь на васъ, просвѣщать сердца кроткія, и да возвѣститъ владычество его въ примѣръ и подражаніе временамъ грядущимъ русское благочестіе столько же, сколько славное царствованіе Александра I долженствуетъ возвѣщать имъ русскую храбрость!

ЗАПИСКА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРОФЕССОРА А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО,

составленная Академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Не разъ уже Академія Наукъ трудами своихъ членовъ и заявленіями о трудахъ постороннихъ ученыхъ, Русскихъ и иностранныхъ, выражала свое сочувствіе къ научнымъ изслѣдованіямъ памятниковъ литературы и народной словесности Русской сравнительно съ памятниками литературы и народной словесности другихъ народовъ близкихъ и далекихъ. Не разъ замѣчено было, что сравненія однородныхъ предметовъ этого круга по содержанію, по подробностямъ изложенія и выраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по особенностямъ языка—могутъ приводить и дѣйствительно приводили и приводятъ изслѣдователей къ любопытнымъ выводамъ о степени древности памятниковъ, о повременности въ ихъ видоизмѣненіяхъ, о переходахъ ихъ отъ народа къ народу и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ отысканію переводовъ и пересказовъ важныхъ подлинниковъ, несохранившихся или по крайней мѣрѣ еще неотысканныхъ. Само собою разумѣется, что Академія Наукъ могла относиться вполнѣ одобрительно только къ такимъ изъ дѣятелей въ этой отрасли изслѣдованій, которые, будучи приготовлены къ разсмотрѣнію сравниваемаго по прямымъ источникамъ, подчиняютъ свои работы строго научнымъ пріемамъ.

Какъ одного изъ такихъ знатоковъ дѣла, Академія Наукъ отмѣтила Александра Николаевича Веселовскаго, занимающаго въ С.-Петербургскомъ Университетѣ каѳедру исторіи иностранной литературы, причисливъ его къ своему составу въ званіи члена-корреспондента. Въ какой степени г. Веселовскій, какъ даровитый и ревностный труженикъ, достоинъ вниманія Академіи Наукъ, это видно изъ его дѣятельности. Прилагая при семъ списокъ его тру-

довъ, позволю себѣ остановиться только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы указать на направленіе и на характеръ его научныхъ работъ.

Что г. Веселовскій съ успѣхомъ занимался изслѣдованіями по средневѣковой словесности Западно-Европейской, преимущественно Романской и Германской, свидѣтельствуютъ не только его разнообразные вклады въ Филолого-литературныя повременныя изданія Нѣмецкія, Итальянскія и Французскія, но и отдѣльныя изданія и изслѣдованія памятниковъ, между прочимъ и имъ открытыхъ. Знатокамъ извѣстны его Novelle della figlia del re di Dacia (Pisa. 1866) и Il Paradiso degli Alberti (Bologna. 1867—1869. 4 тома). Открытія и изслѣдованія дали г. Веселовскому почетную извѣстность и уваженіе въ западномъ ученомъ мірѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ право на приглашеніе его на каѳедру съ начала въ Московскій, а потомъ въ Петербургскій Университетъ. Первый возвелъ его на степень магистра въ 1870 г., а второй на степень доктора въ 1872 г. Какого направленія держится онъ какъ университетскій преподаватель, видно между прочимъ изъ того, что онъ занимаетъ слушателей объяснительнымъ чтеніемъ древнѣйшихъ средневѣковыхъ памятниковъ и что въ кругѣ его преподаванія заняла уже мѣсто и Энциклопедія Романской Филологіи.

То, что даетъ г. Веселовскому особенное значеніе въ средѣ западныхъ изслѣдователей, это—общія и частныя объясненія западныхъ памятниковъ помощію памятниковъ Русскихъ и вообще Славянскихъ, что было у него въ виду съ самаго начала его работъ и все болѣе разросталось. Еще болѣе важны для Русскихъ изслѣдователей его объясненія Русскихъ и вообще Славянскихъ памятниковъ помощію памятниковъ западныхъ и южныхъ Европейскихъ. Само собою разумѣется, что перваго рода труды издаются имъ преимущественно на иностранныхъ языкахъ, а второго рода—преимущественно на Русскомъ. Остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ трудовъ второго рода:

Послѣ нѣсколькихъ работъ меньшаго размѣра, въ 1872 году, г. Веселовскій издалъ обширный изслѣдовательный трудъ подъ заглавіемъ: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ». Этотъ трудъ вызвалъ при посредствѣ Академіи Наукъ подробный разборъ и похвальный отзывъ Академика Ѳ. И. Буслаева и въ слѣдствіе этого отзыва и признанія его достоинствъ единогласно награжденъ Уваровской преміей. «Разбираемая мною книга — замѣтилъ Академикъ Буслаевъ

объ этомъ изслѣдованіи г. Веселовскаго—принадлежитъ къ капитальнымъ пріобрѣтеніямъ нашей ученой литературы: это безспорно самый лучшій опытъ изъ всѣхъ, какіе только на Русскомъ языкѣ были, въ приложеніи Бенфеевской теоріи литературнаго заимствованія къ разработкѣ Русскихъ источниковъ рукописныхъ и устныхъ, въ связи съ поэтическими преданіями западной Европы».

Рядъ еще болѣе полныхъ по содержанію изслѣдованій г. Веселовскій началъ печатать въ Журналѣ Министерства Народн. Просв. въ 1875 г. и до сихъ поръ издалъ восемь изслѣдованій (см. чч. 178, 179, 184, 185, 189, 191) подъ названіемъ: «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды». Предметами очень внимательнаго и разнообразнаго разбора въ нихъ стали: 1) Откровенія Меѳодія и Византійско-Германская императорская сага; 2) Берта, Анастасія и Пятница: a) Сивилла—Самовила—reine Pedanque—Берта, b) Епистолія о Недѣлѣ, c) Сонъ Богородицы, d) Сказаніе о 12-ти Пятницахъ, e) Недѣля—Анастасія и Пятница—Параскева; f) Freiheit—Елеѳерій... Одновременно съ этимъ рядомъ изслѣдованій вышло въ другихъ повременныхъ изданіяхъ и еще нѣсколько изслѣдованій г. Веселовскаго того же рода, каковы: разборъ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ (въ Слав. Сборникѣ II и съ дополненіями въ Archiv für Slavische Philologie), Сказанія о Константинополѣ, Сны Мимера (въ Russische Revue) и др.

Всматриваясь въ эти работы г. Веселовскаго, видимъ обширное знакомство съ первичными источниками, частію неизданными или же провѣренными имъ по рукописямъ, разнообразіе сравнительныхъ припоминаній, уясняющихъ сравниваемое, отчетливыя объясненія подробностей данными изъ словесности и языка, и научную требовательность изслѣдователя, старающагося сдѣлать выводы, имъ достигаемые, достойными довѣрія самыхъ взыскательныхъ скептиковъ.

И не только въ особыхъ изслѣдованіяхъ, но и въ статьяхъ, написанныхъ по поводу появленія въ свѣтъ разныхъ изданій, Русскихъ и иностранныхъ, г. Веселовскій постоянно не только затрогивалъ, но и уяснялъ нѣкоторыя изъ задачъ средневѣковой и народной устной словесности. Такъ по поводу книги г. Барсова явилась его замѣчательная работа о Русскихъ оплакиваньяхъ мертвыхъ (Russ. Revue); въ слѣдствіе выхода въ свѣтъ книгъ гг. Родена Кирпичникова издано имъ нѣсколько статей о Греческомъ романѣ вообще и о Византійской повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ (въ Вѣстникѣ Европы и въ Журн. Мин. Нар. Просв.); «Взглядъ» В. Ѳ.

Миллера на Слово о полку Игоревѣ вызвалъ г. Веселовскаго на обстоятельный разборъ разныхъ характерныхъ чертъ не только книги В. Миллера, но и самаго Слова, и т. д.

Всѣ большіе и малые труды г. Веселовскаго суть плоды одного и того же корня дѣятельности и всѣ менѣе или болѣе важны, какъ для изслѣдователей иностранныхъ, такъ и для Русскихъ. Въ Русской научной литературѣ они не замѣнимы.

Нельзя не желать, чтобы г. Веселовскій былъ поставленъ въ положеніе, которое бы дало ему больше силъ трудиться самостоятельно на избранномъ поприщѣ, и чтобы его способности, полныя свѣжей силы, получа въ Академіи поддержку, вмѣстѣ съ тѣмъ были полезны и самой Академіи.

Труды А. Н. Веселовскаго, изданные въ 1866—1877 гг.

1866. Le tradizioni popolari nei poemi di Antonio Pucci.
— Novella della figlia del re di Dacia.
— Данте и символическая поэзія католичества (Вѣст. Европы, декабрь).

1867. Отчетъ о книгѣ Adolf Mussafia «Ueber eine italienische metrische Darstellung der Crescentiasage», въ Rivista Bolognese anno 1°, v. 1, fasc. IV.

1867—1869. Il Paradiso degli Alberti, въ Scelta di curiosità letterarie inedite o rare (Bologna, Romagnoli) Томы 86¹, 86², 87 и 88.

1869. Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средне-вѣковаго эпоса (Журн. Мин. Нар. Просв., часть CXL).
— Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о древней Россіи изъ разсказовъ Итальянцевъ (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи, т. II).

1870. Вилла Альберти. Новые матерьялы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтій.
— Взглядъ на эпоху возрожденія въ Италіи (Московск. Универс. Извѣстія, № 4).
— О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки (Жур. Мин. Нар. Просв., часть CLII, отд. 2).

1871. Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ (Жур. Мин. Нар. Просв., часть CLIV).

— Джордано Бруно (Вѣст. Европы, дек.).

1872. Калики перехожіе и богомильскіе странники (Вѣст. Европы, мартъ).

— Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ.

— Изъ исторіи развитіи личности. Женщина и старинныя теоріи любви (Бесѣда, мартъ).

1873. Intorno ad alcuni testi nei dialetti dell' alta Italia, recentemente pubblicati (Propugnatore).

— Двѣ Варшавскихъ диссертаціи (Вѣстн. Европы).

— Сравнительная миѳологія и ея методъ (Вѣстникъ Европы, октябрь).

— Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы (Журн. Мин. Нар. Просв., часть CLXV, отд. 2).

1874. Die Russischen Todtenklagen, въ Russische Revue.

— Историческія пѣсни Малорусскаго народа, изд. Антоновичемъ и Драгомановымъ. Т. I (С.-Петербур. Вѣд., октябрь).

1875. Старинные Итальянскіе монастыри (въ Жур. Мин. Нар. Просв. январь).

— Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ. Поэма о Дигенисѣ (Вѣстн. Европы, апрѣль).

— Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, (Russ. Revue, IV. Jahrg., 6 Heft: измѣнено и дополнено противъ русской статьи).

— Constantinische Sagen (Russ. Revue., IV. Jahrg., 2 Heft).

— Опыты по исторіи развитія Христіанской легенды: I. Откровенія Меѳодія и Византійско-Германская императорская сага (двѣ статьи въ Жур. Мин. Нар. Просв. за апрѣль и май).

— Параллели къ Новгородскому сказанію о раѣ (въ Филолог. Записк., № III).

1876. Опыты по исторіи развитія Христіанской легенды: II. Берта, Анастасія и Пятница. Опытъ миѳологическаго анализа (въ Жур. Мин. Нар. Просв., четыре статьи въ февральской, мартовской, апрѣльской и іюньской книжкахъ:

[a) Сивилла — Самовила — Reine Pedauque: Берта; b) Эпистолія о Недѣлѣ; c) Сонъ Богородицы и сводныя редакціи эпистоліи; d) Сказаніе о 12-ти Пятницахъ].

1876. Джузеппе Питрэ и его библіотека народныхъ Сицилійскихъ преданій (Жур. Мин. Нар. Просв., январь).

— Сказки объ Иванѣ Грозномъ (въ Древн. и Нов. Россіи, № 4).

— Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (въ Славянскомъ Сборникѣ, т. II-й).

— Sagenstoffe aus dem Kandjur (въ Russ. Revue: Сны царя Мамера).

— Разборъ книгъ: Aubertin, «Histoire de la langue et de la littérature franç. au moyen-âge» и Gebhart «De l'Italie» (въ Жур. Мин. Нар. Просв., сентябрь).

— Разборъ: Legrand «Chants populaires de la Grèce» (Жур. Мин. Нар. Просв., октябрь).

— Разборъ: Rohde «Der griechische Roman» (Жур. Мин. Нар. Просв., ноябрь).

— Joannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres.

— Zur altbulgarischen Alexandersage (въ Archiv f. Slavische Philologie, I).

— Разборъ книги Кирпичникова (первой части) «Беллетристика у древнихъ Грековъ, Греческіе эротическіе романы» (Вѣстн. Европы, декабрь).

— Un Capitolo di Antonio Pucci (въ сравненіи съ Русской сказкой: въ Rivista di Filologia Romansa, v. II, fasc. III—IV).

— Разборъ книги Кирпичникова (второй части) «Варлаамъ и Іосафъ» (въ Жур. Мин. Нар. Просв., іюль).

— Опыты по исторіи развитія Христіанской легенды (окончаніе): II. Берта, Анастасія и Пятница: e) Недѣля — Анастасія и Пятница — Параскева; f) Freiheit — Элевѳерій (въ Жур. Мин. Нар. Просв.).

— Малорусскія народныя преданія и повѣрья. Сводъ М. Драгоманова (Древ. и Нов. Россія, Февр.).

— Die Sage vom babylonischen Reich. I и II. (въ Archiv f. Slavische Philologie, II, 1, 2: съ измѣненіями противъ Русской статьи).

— Статья «О Мелюзинѣ» (Журн. Мин. Нар. Просв., январь).

— Индѣйскія сказки и легенды, собр. въ Камаонѣ въ 1875 г. И. П. Минаевымъ (въ Вѣстн. Европы, мартъ).
— Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ (Жур. Мин. Нар. Просв., августъ).
— Le dit de l'Empereur Constant (Romania XXII).
— Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrh. (въ Russ. Revue).
— Объ одномъ эпизодѣ въ былинѣ о Святогорѣ (въ Филолог. Записк., № 1).

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29-го декабря 1877 г.

Академикомъ И. Срезневскимъ.

Съ году на годъ смѣлѣе можемъ мы думать и говорить, что изслѣдовательная наука пустила свои жизненные корни въ нашу почву, что хотя и рѣдко, болѣе по одиночкѣ, но все чаще и оживленнѣе, все съ большею силою увлеченія къ изслѣдованіямъ, даютъ о себѣ знать наши люди науки трудами своего дарованія и знанія; все чаще привлекаютъ другихъ къ такимъ же трудамъ, — и все чаще приходится узнавать о такихъ изъ нихъ, которые остаются вѣрными разъ избранному дѣлу науки на всю свою жизнь, какъ бы выгодно или невыгодно ни сложилась ея внѣшняя обстановка. Конечно; еще не пришло для насъ время, когда нерѣдкіе изъ тѣхъ, которыхъ жизнь влечетъ въ сторону отъ научныхъ работъ, будутъ владѣть своимъ временемъ, чтобы ими заниматься; но и изъ такихъ людей были и есть достойные благодарнаго воспоминанія не только за ихъ сочувствіе къ дѣятельности другихъ, но и за ихъ личное участіе въ научныхъ изслѣдованіяхъ, за ихъ собственные труды. Не забыто еще время, когда и изъ людей, обязавшихся жить для науки, очень немногіе посвящали ей свои заботы; но оно уже прошло, покрайней мѣрѣ проходитъ.

Такихъ ученыхъ, которые знаютъ, за что и какъ взяться, и устойчиво работаютъ какъ самостоятельные дѣльцы, уже не очень мало, и ихъ можно найдти вездѣ, гдѣ есть возможность заниматься наукой, отмѣченныхъ не пристрастіемъ благопріятелей, а спокойною внутреннею довѣренностью ихъ сотрудниковъ и постороннихъ образованныхъ цѣнителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣми, отъ которыхъ вниманія къ нимъ могутъ зависѣть успѣхи наукъ и просвѣщенія. Въ ряду такихъ мѣстъ, гдѣ съ довольно давняго времени были ученые дѣятели, уважаемые другими подобными въ другихъ мѣстахъ Россіи, съ самаго основанія университета оставался и остается Харьковъ.

На трудахъ одного изъ ученыхъ Харьковскаго университета счастливый случай позволяетъ мнѣ остановить, Мм. Гг., Ваше просвѣщенное вниманіе. За его научную дѣятельность Академія Наукъ сочла своимъ долгомъ ввести его въ рядъ своихъ членовъ-сотрудниковъ; за его послѣднія двѣ книги — Изъ Записокъ по Русской грамматикѣ — она признала его достойнымъ Ломоносовской награды: это профессоръ Харьковскаго университета А. А. Потебня.

За пятнадцать лѣтъ назадъ, въ 1860 г.; появились первые труды г. Потебни, и съ тѣхъ поръ почти не проходило года, чтобы не былъ имъ изданъ по крайней мѣрѣ одинъ трудъ.

Предметомъ первыхъ его трудовъ, въ томъ числѣ и двухъ большихъ (о нѣкоторыхъ символахъ въ Славянской народной поэзіи, 1860 г., и о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, 1865 г.) былъ разборъ Русскаго языка, сравнительно со сродными, въ отношеніи къ выразительности его отдѣльныхъ словъ и выраженій, простыхъ и сложныхъ, а равно и цѣлыхъ произведеній народной поэзіи, какъ простыхъ и сложныхъ символовъ понятій и представленій, важныхъ по связи ихъ съ общимъ міросозерцаніемъ и жизнію народа и съ отдѣльными его преданіями, повѣрьями, обычаями и обрядами... Съ 1866 года стали появляться его труды по разбору строя Русскаго языка.

Не непочатое поле нашелъ онъ, принимаясь за изслѣдованія строя Русскаго языка. Кромѣ старыхъ трудовъ Востокова, Греча и другихъ онъ могъ имѣть и имѣлъ подъ руками важные труды Павскаго, Буслаева и еще нѣкоторыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ труды Миклошича, Гатталы, Даничича и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ славистовъ. Онъ нашелъ сдѣланнымъ многое, но многое и едва начатымъ и недодѣланнымъ; нашелъ и произвольныя толкованія на основаніи случайно образовавшихся предположеній, признанныхъ за истину, и привычку къ нимъ, и защиту ихъ, и защиту нововведеній ничѣмъ или почти ничѣмъ неоправдываемыхъ, не говоря уже о томъ, что при рѣшеніи нѣкоторыхъ крупныхъ вопросовъ относительно Русскаго языка были принимаемы въ расчетъ не данныя о языкѣ, а кое-что совершенно постороннее. Не одинъ изъ Славянскихъ языковъ, ни даже Старославянскій языкъ, котораго родина и первичный строй доселѣ еще не опредѣлены окончательно, не давалъ поводовъ къ такимъ различнымъ соображеніямъ и домысламъ, какъ языкъ Русскій. Изъ всего того, что есть въ виду о Русскомъ языкѣ, надобно выдѣлить цѣнное, отстранивъ неподходящее подъ уровень требованій строгой науки — хотя бы и не съ разу, не безъ колебаній, хотя бы отъ части и языкознательнымъ чутьемъ. При этомъ ограничить кругозоръ своихъ наблюденій и изслѣдованій однимъ книжнымъ новымъ языкомъ, даже и съ прибавленіемъ того, что хотя и не принято въ печатной рѣчи, но принято или осталось въ устной рѣчи образованнаго общества, было бы невозможно. Какъ ни любопытно уясненіе всѣхъ явленій строя литературнаго языка сопоставленіями ихъ самихъ взаимно, оно ни на сколько не можетъ удовлетворить ищущаго его, если только не захочетъ онъ идти покойно самодовольнымъ ходомъ оправдательнаго осмысленія всѣхъ навыковъ, въ силу котораго все, что принято большинствомъ, должно считаться соотвѣтствующимъ законамъ строя языка — пока остается принятымъ. Для уясненія строя даже и этой доли Русскаго языка наблюдатель—изслѣдователь долженъ раздвинуть свой кругозоръ и въ ширь — въ область языка на-

роднаго, и въ глубь — въ область языка временъ прошедшихъ, тамъ и тамъ при помощи языковъ иностранныхъ. Но разъ вошедши въ эти области, не можетъ уже онъ (если только не по неволѣ стѣснилъ кругъ своихъ наблюденій, или не могъ побѣдить своего пристрастія къ современному литературному языку, какъ къ единственно важному въ какомъ бы то ни было отношеніи) не перемѣнить срединной точки своихъ наблюденій. Середину его кругозора, если не какъ ясно понимаемая дѣйствительность, то по крайней мѣрѣ какъ искомый образъ бывшаго и минувшаго, займетъ тотъ древній языкъ, отъ котораго какъ вѣтви пошли всѣ мѣстныя нарѣчія и говоры, и который во всѣхъ вѣтвяхъ своихъ перемѣнялся и самъ по себѣ и по дѣйствію разныхъ обстоятельствъ. Книжный общественный языкъ имъ будетъ уваженъ какъ самая важная изъ вѣтвей языка, какъ главная связь всѣхъ частей народа, какъ главный проводникъ и хранитель образованности народа; но все таки какъ одна изъ вѣтвей, даже какъ вѣтвь отъ вѣтви, только берущая соки не отъ одной вѣтви, а отъ разныхъ, отъ самаго корня языка...

Именно такъ понялъ свою задачу г. Потебня. Онъ не отвергъ, а еще болѣе уяснилъ домыслъ, что Русскій языкъ въ то древнее время, отъ котораго уцѣлѣли свидѣтельства о немъ и памятники, старѣйшіе изъ доселѣ найденныхъ, въ строѣ своемъ отличался отъ Старославянскаго, принятаго церковью, очень немногими особенностями — болѣе какъ говоръ отъ говора, чѣмъ какъ нарѣчіе отъ нарѣчія, и самъ въ себѣ, въ своемъ строѣ если и не вездѣ былъ совершенно одинаковъ, то все таки былъ нераздѣльною единицею. Уже позже начинаютъ показываться въ памятникахъ черты, заставляющія предполагать раздѣленіе Русскаго языка на мѣстные говоры, отличные одинъ отъ другого— то по удержанію древнихъ звуковъ, то по ихъ замѣненіямъ другими, или опущеніямъ и прибавкамъ новыхъ. Обстоятельства помогли выдѣленію нарѣчій Малорусскаго и Великорусскаго, говоровъ сѣвернаго и южнаго Великорусскаго, раздѣленію этого южнаго на двѣ половины, восточную и западную, такъ называемую

Бѣлорусскую, а позже и ихъ мѣстнымъ соединеніямъ, затѣмъ образованію двухъ книжныхъ языковъ, западнаго и восточнаго, и окончательному преобладанію восточнаго. Если бы, въ слѣдствіе болѣе внимательнаго разбора данныхъ доселѣ найденныхъ и открытія новыхъ, и могли оказаться какія нибудь невѣрности въ частностяхъ, которыми такъ или иначе долженъ быть обставленъ этотъ общій выводъ о Русскомъ языкѣ, то все таки частныя невѣрности едва ли могутъ повести къ какой бы то ни было коренной его перемѣнѣ. Такъ направивъ свои изслѣдованія по историческому пути, г. Потебня держался его безъ всякихъ предвзятыхъ рѣшеній, и, повѣряя прежде высказанное своими личными изслѣдованіями, принималъ изъ него только то, что оправдывалось соображеніями данныхъ, смѣло отвергая все, что не могло быть ими доказано. Такимъ образомъ отвергши самую возможность домысла, что Русскій языкъ въ древности мало чѣмъ отличался отъ новаго Русскаго языка, онъ отвергъ и возможность предположенія, что нарѣчіе Великорусское и Малорусское не суть вѣтви одного и того же корня или что они отличались одно отъ другого искони очень рѣзко, чуть ли даже не тѣми же особенностями, какъ и теперь. Оба эти предположенія заняли мѣсто въ литературѣ и даже отъ части въ помыслахъ изслѣдователей такъ же безсознательно, какъ случается въ обыденной жизни при какихъ бы то ни было недоразумѣніяхъ, когда незнаніе поддерживается нежеланіемъ знать, желаніемъ незнать. Чуть ли не въ нашихъ столичныхъ литературныхъ центрахъ, прежде чѣмъ гдѣ, стали высказываться оба предположенія, одно въ видѣ зачета за церковно-Славянское всего нашего древняго, а другое въ видѣ непониманія даже самыхъ понятныхъ Малорусскихъ выраженій, въ видѣ насмѣшки надъ ними и т. д. Значительно позже явились научныя попытки стоять за то и другое предположеніе, впрочемъ не предупрежденныя никакими изслѣдованіями, попытки историческія и филологическія, и, мѣшаясь съ вожделѣніями, поддерживавшими ихъ силу, онѣ продолжаются и доселѣ. Противъ всего такого можно и не бороться; но, отвергая ихъ какъ научныя мечты,

объяснять однѣ другими научно-цѣнныя наблюденія, которыя не могутъ быть незамѣчены и не оцѣнены каждымъ, кто не лишенъ научнаго зрѣнія и спокойствія взгляда—это долгъ ученаго, ищущаго только истины, высказывающаго только то, что сознательно считаетъ онъ правдой. Такимъ и показалъ себя г. Потебня—своею требовательностью въ отношеніи къ полнотѣ подбора данныхъ.

Такимъ показалъ онъ себя въ двухъ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ одно даетъ соображенія *о звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій*, другое *о Малорусскомъ нарѣчіи*. Въ первомъ изъ нихъ, какъ выводъ изъ наблюденій, представлены общія соображенія о томъ, чѣмъ отличался древній Русскій языкъ отъ Старославянскаго, а затѣмъ какъ и когда стали выдѣляться изъ обще-Русскаго языка мѣстныя нарѣчія: прежде Великорусское и Малорусское, потомъ въ Великорусскомъ сѣверное и южное и т. д. Можетъ быть иной изслѣдователь, по привычкѣ смотрѣть на дѣло иначе, чѣмъ смотритъ г. Потебня, не согласится кое съ чѣмъ изъ того, что онъ утверждаетъ, но и онъ не станетъ отрицать въ его работѣ совѣстливаго желанія, вооруженнаго знаніемъ, добраться до истины.

Одновременно съ работами по опредѣленію общихъ чертъ Русскаго языка и особенныхъ чертъ каждаго изъ нарѣчій, г. Потебня занялся и подробною разработкою каждой изъ общихъ чертъ звучности Русскаго языка сравнительно со Старославянскимъ и съ другими Славянскими нарѣчіями, а равно и съ другими сродными языками. Въ одномъ изъ изслѣдованій разобралъ онъ вопросъ *о Русскомъ полногласіи* разносторонно и значительно отлично отъ другихъ ученыхъ имъ занимавшихся; въ другихъ изслѣдованіяхъ, кромѣ новаго пересмотра вопроса о полногласіи, разобраны обстоятельства *употребленія разныхъ звуковъ въ Русскомъ языкѣ* сравнительно съ другими Славянскими и не-Славянскими языками. Къ сожалѣнію эти изслѣдованія еще не всѣ изданы. Въ томъ, что издано, выяснились нѣкоторые любопытные частные выводы, выяснилась таже самостоятельность г. По-

тебни въ употребленіи научныхъ пріемовъ и вообще работы, его основательное знаніе языковъ и близкое знакомство съ трудами ученыхъ лингвистовъ. И не въ такой бѣдной по лингвистикѣ литературѣ, какова наша, изслѣдованія г. Потебни были бы приняты съ уваженіемъ; тѣмъ болѣе дорожить ими надобно у насъ.

Считаю долгомъ отмѣтить одну черту въ произведеніяхъ г. Потебни: это — спокойствіе въ обсужденіи данныхъ и въ извлеченіи вывода. Не защищать свое мнѣніе какъ непогрѣшимое, во что бы то ни стало, не отмалчиваться въ случаяхъ зародившихся сомнѣній, а ясно выставлять данныя, ведущія къ выводу, и вмѣстѣ съ тѣмъ уважать мнѣнія другихъ, какъ бы ни противны были онѣ его собственнымъ, лишь бы были научно цѣнны: такого правила держится онъ постоянно и потому остается самъ и даетъ возможность читателю оставаться внѣ всякихъ полемическихъ тревогъ.

Всѣ указанные труды г. Потебни о строѣ Русскаго языка были какъ бы опытами приготовленія къ тому большому труду, который онъ имѣлъ въ виду и изъ круга котораго онъ бралъ для разработки пока только одну долю, болѣе другихъ отдѣлимую отъ остальныхъ, разборъ Русскаго языка въ отношеніи къ его звуковому строю. Предметомъ большаго труда долженъ былъ быть разборъ грамматическаго строя языка. Этотъ трудъ, конечно, потребовалъ долговременныхъ передовыхъ приготовленій, собиранія и обдумыванія данныхъ, внимательнаго пересмотра прежнихъ изслѣдованій и домысловъ и изслѣдовательныхъ работъ по примѣненію общихъ лингвистическихъ соображеній къ вопросамъ о строѣ Русскаго языка и другихъ съ нимъ сродныхъ.

До сихъ поръ вышли въ печати двѣ книги изъ этого труда, которому онъ далъ названіе *Записокъ по Русской грамматикѣ*. И ихъ достаточно, чтобы удостовѣриться въ совѣстливости исполненія имъ принятыхъ на себя обязанностей и въ достоинствѣ самого труда, достаточно тѣмъ болѣе, что каждая изъ нихъ сама

по себѣ можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣльная стройная связь изслѣдованій и соображеній.

Первая книга заключаетъ въ себѣ Введеніе. Въ десяти главахъ его дано мѣсто обслѣдованію общихъ грамматическихъ положеній: Что такое слово? Въ какомъ соотношеніи состоятъ представленіе, нуждающееся въ словѣ, и значеніе самого слова? Что такое корень слова? Что такое грамматическая форма слова? Изъ чего узнается присутствіе этой формы въ словѣ? Какъ отличать формы этимологическія и синтактическія? Что значитъ созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ? Въ какомъ соотношеніи состоятъ грамматика языка и логика? Что затрудняетъ при опредѣленіи предложенія и его членовъ? Къ чему приходимъ, отдѣляя разные члены предложенія и разныя части рѣчи?—Цѣлью этого Введенія было представить всѣ общія явленія грамматическаго строя языка вообще примѣнительно къ языку Русскому. Такого цѣльнаго филологическаго разбора общихъ чертъ строя языка у насъ еще не было. Не было его даже какъ выбора изъ иностранныхъ сочиненій; въ трудѣ же г. Потебни имѣемъ не выписки изъ разныхъ книгъ, а его собственную переработку изслѣдованій и соображеній, освѣщенную подробностями, имъ самимъ добытыми, и его личною мыслью. Излагая все по своему убѣжденію, г. Потебня, не изъ желанія выказывать себя въ борьбѣ съ мыслителями и изслѣдователями, которыхъ домыслы онъ не счелъ возможнымъ усвоить, а только для уясненія дѣла, приводитъ доводы въ защиту своихъ домысловъ противъ домысловъ, имъ отвергаемыхъ — такъ же безстрастно, какъ въ другихъ случаяхъ пользуется чужими доводами, не присвоивая ихъ себѣ, а указывая, кому что принадлежитъ.

Имѣя въ виду обычное расположеніе частей грамматики и содержаніе первой книги Записокъ, т. е. Введенія, можно было ожидать отъ второй книги разсмотрѣнія формъ образованія словъ: но г. Потебня, по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ или по обстоятельствамъ отложивъ это въ сторону, обратился въ ней прямо къ синтаксису, и то не къ опредѣленію первыхъ условій

строя связной рѣчи въ Русскомъ языкѣ, а непосредственно къ сказуемому. Эта особенность объясняется изслѣдовательнымъ характеромъ изложенія. Что необходимо было указать какъ основное въ общемъ строѣ предложенія, то указано во Введеніи, и за тѣмъ уже не для чего было повторять или иными словами пересказывать сказанное. Даже и обратясь прямо къ сказуемому, г. Потебня только сослался на мѣста Введенія, гдѣ представленъ общій взглядъ на сказуемое и на разные роды его, и остановился на разсмотрѣніи составныхъ членовъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ Русскомъ языкѣ.

Обнявъ взглядомъ разнообразныя явленія составного сказуемаго, г. Потебня нашелъ наиболѣе удобнымъ подвести ихъ подъ четыре порядка: 1) явленія при глаголѣ или причастіи именительнаго второго; 2) явленія вторыхъ косвенныхъ падежей, винительнаго, родительнаго и дательнаго; 3) явленія неопредѣленнаго наклоненія при другихъ глаголахъ и съ падежами винительнымъ, дательнымъ и пр.; 4) явленія творительнаго падежа вообще и особенно въ случаяхъ замѣны имъ второго согласуемаго падежа. Показать, что какъ въ книгѣ разсмотрѣно, значило бы повторить всю книгу въ томъ-же или въ какомъ нибудь другомъ порядкѣ. Остановлюся на кое чемъ, яснѣе указывающемъ, какъ и что изслѣдовалъ г. Потебня.

Мысленно проникая въ цѣль приготовительныхъ работъ, которыя г. Потебня долженъ былъ взять на себя и хоть въ нѣкоторой степени окончить прежде, чѣмъ взялся за выработку и постановку въ цѣльную систему частныхъ изслѣдованій, нельзя опустить изъ виду его основного взгляда на объемъ предмета изслѣдованій, имъ для себя обозначенный, для того, чтобы придти къ выводамъ сколько нибудь полнымъ. Предметомъ изслѣдованій взялъ онъ весь Русскій языкъ, на сколько онъ извѣстенъ съ древнѣйшаго времени до нынѣшняго и во всѣхъ главныхъ мѣстныхъ его видоизмѣненіяхъ. Ни одинъ, сколько нибудь важный памятникъ Русскаго языка, древняго, стариннаго, новаго, сѣвернаго, южнаго, западнаго, не могъ онъ слѣдовательно оставить, какъ

ненужный: ни одно явленіе строя языка какого бы ни было времени и края не должно было быть имъ опущено; ни одинъ изъ научно добытыхъ выводовъ о каждомъ изъ нихъ, сдѣланныхъ до него изслѣдователями, не могъ быть имъ оставленъ безъ вниманія. И все это должно было, по характеру изложенія, войдти въ его книгу, теперь изданную, а слѣдовательно должно войдти и въ слѣдующія книги, не въ общихъ сводахъ, а въ возможной подробности съ приведеніемъ разнообразнаго множества данныхъ въ систематическомъ подборѣ. Это — шагъ новый въ наукѣ Русскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый, потому что, рѣшаясь на него, изслѣдователь рѣшается на трудъ внимательнаго разсмотрѣнія огромной массы памятниковъ и ихъ объясненій, трудъ новый и тяжелый, но тѣмъ не менѣе необходимый, требуемый ходомъ науки.

Не такъ новъ и тяжелъ можетъ показаться другой его шагъ, вызываемый первымъ: шагъ сравненія Русскаго языка съ западными Славянскими языками и нарѣчіями разнаго времени, начиная со Старославянскаго, и съ другими сродными языками; но когда вспомнимъ, что г. Потебня занимается синтаксисомъ, что для этого рода сравненій нужно не внѣшнее знакомство съ языками, а внутреннее, предполагающееее необходимость понимать и опредѣлять смыслъ выраженій въ зависимости отъ разныхъ условій сочетаній словъ, когда вспомнимъ, что работы надъ сравнительнымъ синтаксисомъ только что начинаются, то должны будемъ признать и въ этомъ отношеніи за г. Потебнею заслугу важную При этомъ нельзя опустить изъ виду какъ глубокаго знанія имъ нѣкоторыхъ языковъ, между прочимъ Литовскаго и Латышскаго, такъ и безстрастно-критическаго отношенія къ мнѣніямъ тѣхъ ученыхъ, которые занимались сравнительнымъ языкознаніемъ, дававшаго ему силу оцѣнить заслугу каждаго по достоинству.

Еще отмѣчу одну черту въ характерѣ и направленіи изслѣдованій г. Потебни: это—стараніе вникать во внутренній смыслъ каждаго образа выраженія посредствомъ проникновенія въ тотъ образъ мышленія, для котораго онъ понадобился какъ соотвѣт-

ственный, независимо отъ впечатлѣнія, производимаго имъ на собственный личный умъ изслѣдователя. Этотъ пріемъ есть единственно вѣрный и для сравненія языковъ, и для уразумѣнія историческаго движенія языка.

Конечною цѣлью г. Потебни постоянно было — опредѣлить характеръ и условія синтактической выразительности новаго Русскаго языка сравнительно съ древнимъ и стариннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить по возможности ходъ измѣненій Русскаго языка въ синтаксисѣ съ древняго времени Вотъ главные выводы, къ которымъ доселѣ пришелъ онъ своими изслѣдованіями:

«Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частію оно перестраивается за-ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частію же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе или менѣе пестрѣетъ оставшимися наружѣ образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Признавая эту пестроту поверхности языка (на пр. то что обороты «онъ былъ купецъ» и «онъ былъ купцомъ», стоящіе рядомъ въ нынѣшнемъ языкѣ, не одновременны по происхожденію и не однородны, но построены по различнымъ планамъ), стараясь сколько нибудь опредѣлить пропорціи, въ какихъ на обращенной къ намъ поверхности языка смѣшаны разнохарактерныя явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ необходимости выяснить характеръ ихъ, поставивши ихъ въ ряды другихъ, съ ними однородныхъ. Явленія, представляемыя составными членами предложенія, принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ. Древнее наслоеніе оказывается, за немногими исключеніями, общимъ Славянскому языку съ другими Индоевропейскими. Одна изъ общихъ его чертъ есть недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ». Даже и глаголъ быти — бѫдѫ не былъ такимъ вспомогательнымъ, чисто формальнымъ глаголомъ, какимъ сдѣлался послѣ. Вся тѣмъ быша и безъ него ничьто же не бысть еже бысть — значитъ: все произошло (ἐγένετο) черезъ

него и безъ него не начало быть (ἐγένετο) ничто, что произошло (γέγονεν). Съ горы сея идеже послѣже бысть Кыевъ — значитъ: съ горы, гдѣ послѣ сталъ = возникъ = построился Кіевъ. Печаль ваша въ радость вамъ бѫдеть — значитъ: превратится въ радость (γενηθεται). Въ глаголѣ *быти* было столько же конкретнаго значенія, сколько и въ глаголахъ: *начати*, *имати*, *хотѣти* и т. п., хотя въ нихъ этой конкретности иногда и можно было незамѣтить. Не имате меня видѣти — значитъ почти то же, что: не увидите меня. Лютъ се мѫжь хочеть быти—значитъ почти что: будетъ лютъ. Нерадѣти начьнеть значитъ тоже что: не станетъ радѣть. И не одни эти глаголы но и многіе другіе употреблялись такъ же полу-служебно: твориться ида (притворяется идя) значитъ: притворяется будто идетъ; прѣста глаголя значитъ: перестадъ говорить, умолкнулъ и т. д. «Въ древнемъ наслоеніи видно такъже въ составѣ предложенія такое господство началъ согласованія, при которомъ члены предложенія, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ слишкомъ однородны (вторые падежи такіе же какъ и первые: при первомъ именительномъ второй именительный, при первомъ родительномъ второй родительный и т. д.)». Исакъ разболѣвся и бысть мнихъ—нынѣ было бы: сдѣлался монахомъ; Ростиславъ не преставаше клевеща —значитъ: не переставалъ клеветать. И до селѣ можно сказать: вотчина лежитъ пуста, одинъ холостъ хожу; не родись ни хорошь, ни пригожь, а родися счастливъ. Сына моего поимите собѣ князя — теперь было бы: княземъ, въ князья и т. п. Видѣша князя бѣжавша — значитъ: видѣли, что князь убѣжалъ. Видѣхъ тя противѹ злѹ зло воздающа — нынче: что ты воздаешь зло за зло. Брату Михалкѹ ѹмершѹ еще 9 дне нѣтѹть — нѣтъ и девяти дней, какъ умеръ Михалко. «Во второмъ, болѣе позднемъ наслоеніи, отъ части уже покрывшемъ собою первое, мы находимъ: сліяніе составного сказуемаго въ цѣльное,— усилія, отъ части успѣшныя, образовать чисто формальные глаголы, — разложенія составного сказуемаго на сказуемое съ придаточнымъ предложеніемъ, — замѣны вторыхъ сказуемыхъ падежей частію несклоняемыми сло-

вами сравнительно поздняго образованія (прилагательнаго нарѣчіемъ, причастія дѣепричастіемъ), частію падежами съ предлогомъ, частію творительнымъ падежемъ. Сюда же принадлежатъ нѣкоторыя измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи». Многое изъ этого ясно изъ примѣровъ вышеприведенныхъ. Прибавлю еще нѣсколько. Не только глаголъ *быть* сдѣлался вспомогательнымъ, но и глаголы *иму*, *хочу*, *стану*: говоритиму по Малорусски, говорићу по Сербски, стану говорить по Великорусски — значитъ одно и то же. Дѣепричастія стали заступать мѣсто причастій очень рано (какъ напр. въ выраженіяхъ: его же умѣючи того не забывайте, а его же неумѣючи тому ся учите, гроши беруть на комъ што хотяче). «Эти явленія новаго наслоенія при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифференцированію членовъ предложенія. Языкъ, къ которому они принадлежатъ, по своеобразности и своему грамматическому совершенству (языкъ новый), стоитъ выше того, къ которому относятся составные члены предложенія (языкъ древній).»

Все это доказано въ книгѣ подробностями, не случайно подобранными, а отмѣчавшимися въ памятникахъ языка при ихъ изученіи, расположенными потомъ по вопросамъ, на которые они давали отвѣты, затѣмъ сведенными къ частнымъ выводамъ, которые въ свою очередь слились въ нѣсколько общихъ выводовъ, указавшихъ на разность явленій, которыми отличается языкъ древній и новый.

Конечно, къ неменѣе важнымъ и любопытнымъ выводамъ придетъ г. Потебня своими изслѣдованіями въ послѣдующихъ книгахъ Записокъ, изъ которыхъ третья, обширная книга о видахъ глаголовъ и простыхъ временахъ — какъ только что удалось мнѣ узнать — уже давно въ чернѣ готова; ея окончательная отдѣлка и изданіе не замедлились бы, если бы особенныя обстоятельства не заставили г. Потебню значительную часть времени употреблять на другія занятія.

Стройное богатство подбираемыхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго Русскаго языка сравнительно съ другими Славянскими и не-Славянскими, особенно съ Литовскимъ и Латышскимъ, и положительность выводовъ о ходѣ измѣненій языка даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по Русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся такъ усердно; но онъ продолжалъ начатое съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ Русскаго языка съ исторической точки зрѣнія при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возметъ себѣ въ помощь этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ или съ отвѣтами безъ доказательствъ.

Признавая достоинства вообще всѣхъ грамматическихъ трудовъ г. Потебни, Академія избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а за его Записки по Русской грамматикѣ назначила ему Ломоносовскую награду.

Оба знака признанія заслугъ г. Потебни напоминаютъ объ утратѣ понесенной недавно Русской наукой въ лицѣ члена-корреспондента Академіи, которому за важный трудъ его, за десять лѣтъ передъ симъ, присуждена была первая Ломоносовская награда. Это былъ профессоръ и ректоръ Московской Духовной Академіи А. В. Горскій. Широко развитая научная любознательность, поддерживаемая необычайною памятью, соединясь въ немъ со строгою критической осторожностью, сдѣлала его ученымъ, какихъ вездѣ не много; а благодушная готовность помогать каждому нуждающемуся въ его знаніяхъ и совѣтахъ сдѣлала его необходимымъ совѣтникомъ и помощникомъ не только въ Московской Духовной Академіи, но и во всѣхъ научныхъ кругахъ Русскихъ — по вопросамъ исторіи церкви, патристики, Славяно-русской письменности и близкихъ къ нимъ знаній. Преданный душею Московской Духовной Академіи, какъ мѣсту своего окончательнаго образованія и затѣмъ своего служенія съ юности до

кончины, въ продолженіи сорока двухъ лѣтъ, Горскій сосредоточивалъ свои личные виды въ помыслахъ объ Академіи, и потому при многихъ трудахъ, которые могли бы, будучи только иначе обставлены, идти отъ его лица, скрывалъ свое имя за другимъ. Даже и тѣ изслѣдованія, которыя шли отъ него лично, издавалъ онъ безъ подписи: по одной выработкѣ труда можно было догадываться, чьей это учености многоцѣнный плодъ. При одномъ только обширномъ трудѣ по необходимости явилось его имя — при Описаніи Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, образцовомъ въ своемъ родѣ не въ Русской только и Славянской литературѣ, а вообще. За этотъ то трудъ присуждена была Академіей первая Ломоносовская награда.

На упраздненное кончиною Горскаго мѣсто члена-корреспондента Академія Наукъ избрала проф. Потебню, и признавая важное ученое достоинство его Записокъ по Русской грамматикѣ, назначила ему за нихъ и Ломоносовскую награду.

Да соединится по праву и прочно съ благодарной памятью о Горскомъ уваженіе къ ученой — Богъ дастъ неослабной — дѣятельности нашего новаго сочлена.

ЗАПИСКА

о трудахъ профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ

Ординарнымъ Академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Въ прошедшемъ 1874 году явились двѣ книги «изъ Записокъ по Русской грамматикѣ», А. А. Потебни. По своему изслѣдовательному направленію, онѣ заслуживаютъ особенное вниманіе какъ трудящихся надъ изученіемъ особенностей Русскаго языка сравнительно съ другими сродными, такъ и слѣдящихъ за успѣхами науки въ этомъ отношеніи.

Обратить на нихъ особенное вниманіе тѣмъ естественнѣе, что они не плодъ труженика начинающаго, а ученаго, который уже въ продолженіи пятнадцати лѣтъ трудами своими принимаетъ живое участіе въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, участіе вооруженное знаніемъ трудовъ современныхъ дѣятелей и выводовъ въ области языкознанія, знаніемъ современныхъ требованій науки и непосредственнымъ изслѣдованіемъ какъ языковъ сродныхъ съ Русскимъ, такъ и источниковъ, дающихъ болѣе или менѣе важныя данныя объ общихъ и мѣстныхъ свойствахъ Русскаго языка нынѣшняго и прежняго времени.

Считая одною изъ самыхъ важныхъ обязанностей филолога вникавіе въ выразительность изслѣдуемаго языка, г. Потебня началъ свои работы разсмотрѣніями явленій и условій выразительности Русскаго языка въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ

и въ произведеніяхъ народной поэзіи, какъ простыхъ и сложныхъ символовъ понятій и представленій въ связи съ миросозерцаніемъ и жизнію народа, и съ отдѣльными его преданіями, повѣрьями и обрядами. Начиная съ 1860 года, стали являться его труды по вопросамъ, даваемымъ этимъ направленіемъ языкознанія. Таковы:

— О нѣкоторыхъ символахъ въ Славянской народной поэзіи. 1860.

— Мысль и языкъ. 1862.

— О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ. 1864.

— О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій (: 1. Рождественскіе обряды, 2. Баба яга, 3. Змѣй. Волкъ. Вѣдьма). 1865.

— О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. 1865.

— О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ. 1867.

— Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака. 1867.

Читая эти произведенія, нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и умѣнью пользоваться знаніемъ многихъ языковъ и произведеній народной поэзіи и миѳологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ пріисканіи соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ. Немудрено, что самое обиліе запасовъ его памяти и легкость ими пользоваться — давали ему силу увлекаться, и что эта сила увлеченія должна была нерѣдко побѣждать въ немъ сдержанность его ума, готоваго столько же подчиняться несомнѣннымъ доказательствамъ, сколько и сомнѣваться во всемъ, что не объясняется такими доказательствами. Увлеченіе заставляло приходить къ выводамъ, показавшимся другимъ слишкомъ смѣлыми или и невѣрными, хотя и къ такимъ же, какіе были защищаемы изслѣдователями, достойными полнаго уваженія, и между прочимъ такими даровитыми какъ Яковъ Гриммъ и Буслаевъ. Самыя увлеченія такихъ людей важны для успѣховъ науки, для выработки пріемовъ ра-

боты и пріемовъ критики, для оцѣненія важности данныхъ, нужныхъ для выводовъ, и выводовъ изъ нихъ. Разсматривая съ этой стороны труды г. Потебни, нельзя не быть признательнымъ къ нему за нихъ, такъ же какъ напр. и г. Лавровскому за строгій разборъ части ихъ (см. его Разборъ изслѣдованія о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ. 1866). Только время и послѣдующія изслѣдованія многихъ дѣятелей могутъ показать, что̀ именно изъ соображеній г. Потебни должно считаться достояніемъ науки. Теперь же можно остаться только при увѣренности, что онъ потрудился не совершенно напрасно — не только надъ объясненіемъ значеній нѣкоторыхъ словъ въ мысли и жизни народа, но и надъ нѣкоторыми явленіями поэзіи, миѳологіи и обрядности народной, что принесъ пользу по крайней мѣрѣ подборами разнообразныхъ сближеній и сравненій.

Можно даже пожалѣть, что г. Потебня, на сколько это можно видѣть изъ издаваемыхъ имъ нынѣ трудовъ, уже не продолжаетъ трудиться въ направленіи, котораго исключительно держался въ первые годы своей учено-литературной дѣятельности: даровитость, управляемая опытностью и желаніемъ сознательно объяснить неясное самому себѣ и потомъ уже другимъ, всегда можетъ быть порукою въ пользѣ дѣятельности людей науки, въ какомъ бы направленіи они ни трудились. Нельзя впрочемъ и не порадоваться, что г. Потебня сталъ трудиться на томъ полѣ, которое обѣщаетъ обильную жатву болѣе вѣрныхъ наблюденій и выводовъ, на полѣ разбора строя Русскаго языка.

Первые труды его на этомъ поприщѣ появились въ 1866 г. Это были «Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка». Одно изъ нихъ представило новый разборъ такъ называемаго полногласія Русскаго языка; другое — подборъ данныхъ о звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій.

Первое изъ этихъ изслѣдованій, опираясь на современныхъ домыслахъ общесравнительнаго языкоученія и на сравненіи Русскаго языка съ другими Славянскими и не-Славянскими, съ ними сродными, привело къ объясненію, почему именно въ опредѣлен-

номъ кругѣ словъ Русскаго языка явилось полногласіе (городъ, берегъ, долото, молоко, вм. градъ, брѣгъ, длато, млѣко), и почему въ другомъ столько же опредѣленномъ кругѣ Русскихъ словъ оно не явилось. Особенно любопытны доводы, приводимые г. Потебнею о словахъ второго порядка (такихъ какъ: трава, слава, дрѣмать, слѣпой).

Второе изслѣдованіе (о звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій) еще болѣе важно. Воспользовавшись наблюденіями, сдѣланными прежде, г. Потебня не принялъ ни одного изъ нихъ безъ критической оцѣнки его вѣрности, обогатилъ запасъ данныхъ личнымъ трудомъ по памятникамъ нынѣшняго народнаго языка и по памятникамъ прежняго времени, разсмотрѣлъ каждое изъ нарѣчій отдѣльно, по одной и той же системѣ вопросовъ, и наконецъ свелъ всѣ наблюденія къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ. Считая долгомъ отмѣтить эти общіе выводы, какъ вполнѣ самостоятельно добытые своды частныхъ соображеній, упомяну предварительно, что г. Потебня избралъ дѣленіе Русскихъ народныхъ говоровъ на два главныя нарѣчія: Великорусское и Малорусское, а Великорусскаго на два мѣстныя нарѣчія: южное и сѣверное, изъ которыхъ къ первому отнесено Бѣлорусское, какъ его особенное отвѣтвленіе. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, суть слѣдующіе:

1. «Возводя теперешнія Русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ конкретный нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ Славянскихъ. Главнѣйшія звуковыя особенности этого языка по отношенію къ Старославянскому слѣдующія: — *о* вмѣсто *е* въ началѣ словъ (одинъ вм. единъ); — *у* вм. ѫ передъ согласными и на концѣ (дути, зубъ вм. дѫти, зѫбъ, хожу, за руку вм. хождѫ, за рѫкѫ); *я* (за исключеніемъ не многихъ случаевъ) вм. ѧ при тѣхъ же условіяхъ (зябнути, тяжко вм. зѧбнѫти, тѧжко, сидя, ся вм. сидѧ, сѧ); — *ъ* и *ь* передъ плавными въ большинствѣ случаевъ (търгъ, вълкъ, смьрть вм. тръгъ, влькъ, смрьть); близость этихъ глухихъ гласныхъ къ *о* и *е*; полногласіе (воронъ,

дерево, голодъ, волочи вм. вранъ, дрѣво, гладъ, влѣщи); бо̀льшая мягкость шипящихъ и *ц*, которыя соединяются съ *я*, *ю*, а не съ *а*, *у* какъ въ Старославянскомъ; *дж* (= ж) вмѣсто Старославянскаго *жд*, *ч* вм. Старославянскаго *шт*».

2. «Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого Великорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе Малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ Великорусскихъ, чѣмъ эти другъ отъ друга.

3. «Признаки, предполагаемые всѣми Малорусскими говорами, можно признать древнѣйшими, если нѣтъ положительныхъ указаній на противное. Ими прежде всего отдѣлилось Малорусское нарѣчіе отъ обще-Русскаго языка. Такихъ признаковъ не много. Самый крупный изъ нихъ есть чуждое предполагаемому обще-Русскому языку и Великорусскому нарѣчію *количественное* различеніе гласныхъ *о* и *е* въ слогахъ среднихъ и прямыхъ (рі̂къ — рокъ, жі̂нка — жона). Такое различеніе могло существовать за долго до того времени, когда оно выразилось въ качественномъ различіи *о* и *е* долгихъ отъ *о* и *е* короткихъ, а такое качественное различеніе появляется въ письменности не позже конца XIV вѣка. Не можемъ рѣшить на вѣрное, какое именно качественное и̇змѣненіе звука о̂ предполагается всѣми Малорусскими говорами; но вполнѣ вѣроятно, что это была двоегласная. Долгое *е* повсемѣстно измѣнилось въ ѥ или *е*, что легко могло и не обозначаться на письмѣ; короткое *е* осталось (семь—семи). Обще-Малорусскою замѣною древняго *ѣ* не можетъ быть ни *ѝ*, ни *jи*, ни *jе*: всѣ эти формы предполагаютъ *е*, по произношенію отличное отъ основного *е*. Эта черта не характеристична по отношенію къ обще-Русскому языку, но отличаетъ Малорусское нарѣчіе отъ обоихъ главныхъ Великорусскихъ говоровъ, которые вѣроятно за долго до XIII в. стали смѣшивать *ѣ*, *е* и *ѥ*».... (Отмѣчены еще: переходъ *е* въ *о* послѣ шипящихъ, измѣненіе *г* въ *h*, смѣшеніе *у* и *в*, измѣненіе *л* въ *в*, возможность опускать *ть* въ 3-мъ л. ед. наст.)».

4. «Предполагаемое обще-Великорусское нарѣчіе, быть можетъ, уже въ X ст. или раньше выдѣлилось отъ древняго языка мягкимъ произношеніемъ *ѣ* и *е*, непосредственнымъ смягченіемъ согласныхъ предшествующихъ этимъ гласнымъ и ослабленіемъ *дж* (изъ дj) въ *ж*».

5. «Посредственное измѣненіе гортанныхъ въ *з*, *ц* и *с* оставалось долгое время и послѣ того, какъ обозначилось различіе между Сѣверно-Великорусскимъ и Южно-Великорусскимъ; потомъ оно совершенно исчезло въ первомъ, отчасти во второмъ, но почти вполнѣ удержалось въ Малорусскомъ».

6. «За тѣмъ до начала XIII в. Сѣверно-Великорусское выдѣлилось болѣе явственнымъ, чѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ, произношеніемъ глухихъ звуковъ на концѣ (потомъ отчасти перешедшихъ въ чистое), особеннымъ до сихъ поръ неяснымъ направленіемъ измѣненія звука *е* въ *ё*, *о*, не менѣе неяснымъ стремленіемъ измѣнять *ѣ* въ *и* не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, удержаніемъ мягкости звуковъ *ч* и *щ* и ихъ смѣшеніемъ».

7. «Южное Великорусское отдѣлилось отъ сѣвернаго—такъ сказать господствомъ слоговъ ударяемыхъ надъ неударяемыми, которые повлекли за собою разныя явленія (переходы однихъ гласныхъ въ другія и пр.)».

Эти выводы г. Потебни въ ихъ совокупности достаточно ясно показываютъ и общую точку его зрѣнія на языкъ Русскій и на систему звуковыхъ особенностей языка, и главные вопросы, которые хотѣлъ онъ рѣшить въ разборѣ звуковыхъ особенностей Русскихъ нарѣчій, и къ чему пришелъ.

Не скрою, что съ большимъ удовольствіемъ былъ бы я готовъ предложить на общее обсужденіе свои сомнѣнія въ правильности какъ общей точки зрѣнія на систему звуковыхъ особенностей Русскаго языка, такъ и подбора главныхъ вопросовъ, отъ которыхъ рѣшенія зависитъ опредѣленіе отличительныхъ признаковъ Русскихъ нарѣчій и говоровъ, если бы только это могло быть здѣсь умѣстно. Еще съ бо́льшимъ впрочемъ удовольствіемъ

признаюсь, что, несмотря на несходство моего взгляда со взглядомъ г. Потебни въ общемъ (кромѣ дѣленія Русскаго языка на нарѣчія), бо́льшая часть частностей, мнѣ кажется, должна быть принята и развѣ только иначе растолкована.

Въ 1871 году г. Потебня издалъ новый трудъ того же рода, давши въ немъ мѣсто своду своихъ новыхъ наблюденій и изысканій преимущественно по одному изъ Русскихъ нарѣчій подъ скромнымъ названіемъ «Замѣтокъ о Малорусскомъ нарѣчіи». По характеру изложенія это дѣйствительно замѣтки—на столько же, какъ по первичному поводу изслѣдованія; но кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи не только опредѣлить звуковыя особенности Малорусскаго нарѣчія сравнительно съ Великорусскими въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы фонетики Русскаго языка вообще, имѣя средства доказательно оспаривать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными. Нельзя при этомъ не замѣтить, что свои наблюденія г. Потебня извлекъ изъ очень богатаго подбора источниковъ, какъ древнихъ и старинныхъ, такъ и современныхъ. Нельзя такъ же не быть ему признательнымъ за желаніе быть безпристрастнымъ, дававшее ему рѣшимость сознаваться въ ошибкахъ, отказываться отъ мнѣній, оказавшихся невѣрными, искать не доказательствъ предвзятой мысли, а какъ можно болѣе данныхъ для наиболѣе вѣрнаго свода ихъ къ выводу. Основные выводы, высказанные г. Потебней въ прежде отмѣченномъ трудѣ, остались впрочемъ почти всѣ тѣ же.

Оба обозначенныя изслѣдованія г. Потебни по фонетикѣ Русскихъ нарѣчій очень важны для того, кто ими пользуется какъ пособіемъ для изученія мѣстнаго разнообразія Русскаго языка, — и не только сводами наблюденій, въ нихъ представленными и объясненными — между прочимъ и сравнительнымъ способомъ, но и приведеніемъ положительныхъ данныхъ о нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ говорахъ — въ отдѣльныхъ приложеніяхъ.

Въ 1873—1874 году появились новыя замѣтки г. Потебни — Замѣтки по исторической грамматикѣ Русскаго языка. Онѣ помѣщались въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ видѣ критическихъ статей написанныхъ по поводу книгъ М. Колосова (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка XI — XVI в.) и Л. Гейтлера (Starobulgarská fonologie se stálym zřetelem k jazyku Litevskému), и къ сожалѣнію до сихъ поръ недоизданы. Заглавіе давало право ожидать и разысканій по грамматикѣ въ собственномъ смыслѣ слова, по строю образованія и переобразованія словъ и по строю сопоставленія ихъ въ связной рѣчи; но въ изданныхъ статьяхъ разобраны только нѣкоторыя положенія по Русской и вообще Славянской фонетикѣ, тѣ же, которыя были разбираемы г. Потебней и въ прежнихъ его изслѣдованіяхъ, только съ болѣе общей точки зрѣнія, съ приведеніемъ данныхъ изъ болѣе обширнаго круга. И здѣсь г. Потебня держится того же правила, какъ и прежде: не защищать свое мнѣніе какъ непогрѣшимый выводъ во что бы то ни стало, ни отмалчиваться въ случаѣ зародившихся сомнѣній, а ясно выставлять данныя, ведущія къ иному выводу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, уважать мнѣнія другихъ, какъ бы онѣ ни противорѣчили его собственнымъ, лишь бы были научно цѣнны. Такъ между прочимъ въ одной изъ статей представлена новая переработка рѣшенія о Русскомъ полногласіи, приведшая его къ нѣкоторымъ новымъ объясненіямъ прежнихъ выводовъ посредствомъ сравненій, частію новыхъ, частію измѣненныхъ подъ вліяніемъ указаній, сдѣланныхъ другими изслѣдователями.

Вообще нельзя не сказать, что своими изслѣдовательными трудами по Русскому языку, до селѣ обозначенными, г. Потебня сталъ въ рядъ тѣхъ не многихъ нашихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ научнаго трудолюбія, которые дѣйствительно помогали и помогаютъ раскрытію и уясненію строя Русскаго языка и послѣдовательности его измѣненій. Тотъ новый трудъ его, на которомъ я считаю долгомъ особенно остановиться, удостовѣряетъ въ этомъ окончательно.

Это — Записки по Русской грамматикѣ (1874 г.). Вышли пока двѣ книги: одна, сравнительно небольшая (157 страницъ), заключаетъ въ себѣ введеніе; другая, очень большая (538 стр.)— разборъ составныхъ членовъ предложенія и ихъ замѣнъ въ Русскомъ языкѣ. Я остановлюсь особенно на этой второй книгѣ; но считаю долгомъ дать свое мнѣніе и о значеніи первой книги. Обращать вниманіе на то, что по моему личному разумѣнію кажется особенно вѣрнымъ или особенно невѣрнымъ въ выводахъ г. Потебни, слѣдовательно пользоваться его книгой такъ или иначе какъ поводомъ высказать свои собственные домыслы и убѣжденія, и личною мѣркою мѣрить значеніе его труда—считаю неумѣстнымъ. Желаю представить совершенно безотносительно хоть нѣкоторыя изъ доказательствъ, заставляющія меня дорожить его трудомъ, какъ важнымъ вкладомъ въ запасъ необходимыхъ пособій для научнаго вниканія въ строй Русскаго языка. При этомъ позволяю себѣ иногда только одну вольность — передавая ту или другую мысль изслѣдователя не дословно держаться его изложенія, а высказывать ее своими словами, какъ бы она была моя собственная: то и другое допускаю по желанію выразиться короче или яснѣе. Считаю нелишнимъ прибавлять иногда отъ себя и нѣкоторые примѣры.

Въ десяти главахъ Введенія дано мѣсто обслѣдованію общихъ грамматическихъ положеній: Что такое слово? Въ какомъ соотношеніи состоятъ представленіе, нуждающееся въ словѣ, и значеніе слова? Что такое корень слова? Что такое грамматическая форма слова? По чему узнается присутствіе этой формы въ данномъ словѣ? Какъ отличать формы этимологическія и синтактическія? Что значитъ созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ? Въ какомъ соотношеніи состоятъ грамматика языка и логика? Что затрудняетъ при опредѣленіи предложенія и его членовъ? Къ чему приходимъ отдѣляя разные члены предложенія и разныя части рѣчи?

Давая отчетъ по каждому изъ этихъ вопросовъ поочередно, г. Потебня не счелъ возможнымъ излагать только свои личныя

воззрѣнія: и до него много разъ эти вопросы были рѣшаемы и по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ рѣшеній случайно получили силу несомнѣнныхъ; а между тѣмъ не всегда можно и должно признавать ихъ несомнѣнными уже потому, что многія изъ нихъ несогласимо противны одни другимъ; зная это и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду читателей, предубѣжденныхъ въ пользу рѣшеній, которыя въ той или другой степени оказываются сомнительными, нельзя оставить ихъ въ сторонѣ не разобравъ ихъ, гдѣ отдѣльно, гдѣ въ связи съ рѣшеніями другихъ близкихъ вопросовъ. Не отъ желанія выказывать себя въ борьбѣ съ изслѣдователями и мыслителями, которыхъ домыслы не счелъ онъ возможнымъ усвоить, а только для уясненія самого дѣла, г. Потебня приводитъ свои доводы противъ домысловъ, имъ отвергаемыхъ, такъ же безстрастно, какъ въ другихъ случаяхъ пользуется чужими доводами, не присваивая ихъ себѣ, а указывая, кому что принадлежитъ.

Такъ, объясняя значеніе слова, какъ отдѣльнаго созвучія, употребляемаго для обозначенія отдѣльнаго представленія, и затѣмъ обозначая обстоятельства перехода слова отъ одного значенія къ другому, онъ хотя и высказываетъ все это своеобразно, указываетъ, чьими именно изложеніями воспользовался онъ при передачѣ домысловъ, болѣе или менѣе укоренившихся въ наукѣ; но когда дѣло дошло до опредѣленія отношеній между словомъ и корнемъ, изъ котораго оно произошло, когда надобно было опредѣлить значеніе корня слова, онъ становится своеобразнымъ не-только въ объясненіи, но и въ самомъ домыслѣ, и доказательно указываетъ, съ какими ограниченіями должно принимать ту или другую мысль того или другого изслѣдователя-мыслителя и какую надобно отвергать, какъ нарушающую общій строй соображеній и вмѣстѣ не вѣрно передающую то, что вызвало ее изъ внѣшняго мира жизни.

Ограничивъ по свбему опредѣленіе корня слова (такъ: «корень (слова) есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ остальныхъ знаменательныхъ сочетаній (звуковъ) и по устраненіи звуковыхъ случайностей»), онъ

не счелъ возможнымъ и это опредѣленіе считать полнымъ и всюду примѣнимымъ. Наблюденія надъ дѣйствительными и ясно понимаемыми явленіями языковъ указываютъ, что кромѣ словъ, происшедшихъ отъ корней такъ, что въ нихъ чувствуется хоть что нибудь общее по мысли съ корнемъ, отъ котораго они произошли, есть слова, не напоминающія о первоначальномъ своемъ корнѣ ровно ни чѣмъ, отдѣлившіяся такъ, что сами сдѣлались первообразами словъ, отъ нихъ происшедшихъ. Выражая это г. Потебня, очевидно даетъ знать, что и въ средѣ явленій, вовсе недоступныхъ нашему разумѣнію, должны быть такія слова, которыя хотя и были въ свое время ясно произведены отъ корней, ясно отличенныхъ и вѣрно отвлекаемыхъ, позже совершенно отдѣлились отъ своихъ непосредственныхъ корней, сдѣлались сами какъ бы новыми корнями, или даже по звукамъ и по представленіямъ, обозначаемымъ этими звуками, сошлись какъ родныя со словами совершенно другого происхожденія. Отгадать въ словѣ *почва* то, что взято было для его образованія какъ подъ-шва (подошва), можно; но вовсе не по его значенію и звучности, а только по тому, что еще остались среднія поколѣнія словъ, указывающихъ на его сродство съ ними и на ихъ сродство съ болѣе давнимъ ихъ корнемъ; отгадать можно и въ словѣ *чанъ* его первообразъ δίσκος только по тому, что есть въ виду другія произношенія и другія болѣе древнія написанія его (дщанъ, дъщанъ, ср. досканъ = дъсканъ); но что, если бы не было этихъ среднихъ членовъ? Слово *почва*, могло быть, какъ и дѣйствительно было, производимо отъ *почить*, *почивать*, а *чанъ* отъ *чбанъ* и *чванъ*. Имѣя въ виду такія трудности, нельзя заниматься отвлеченіемъ корней отъ словъ такъ простодушно и съ такою довѣренностью къ этимологическимъ пріемамъ, какъ это не рѣдко дѣлалось и дѣлается. Надо подчинить способы пользованія этими пріемами строгимъ правиламъ осмотрительности, видоизмѣнить самые пріемы, и во всякомъ случаѣ стѣснить кругъ словъ подвергающихся простому этимологическому разложенію.

Въ разсмотрѣніи составныхъ частей слова, условій при кото-

рыхъ совершается образованіе слова, и измѣненія приставокъ, необходимыхъ для образованія слова, во внѣшнемъ ихъ видѣ и внутреннемъ значеніи, находимъ у г. Потебни такъ же кое что своеобразное, между прочимъ и тамъ, гдѣ онъ представляетъ признаки отличія тѣхъ составныхъ частей слова, которыя остаются въ немъ неотъемлемо, отъ тѣхъ, которыя появляются сообразно съ положеніемъ его въ связной рѣчи. Онъ убѣждаетъ упорно и доказательно держаться мысли, что количествомъ формъ словъ того и другого рода еще не опредѣляется ни количество оттѣнковъ идей, для выраженія которыхъ потребовались отдѣльныя слова, ни количество мысленныхъ постановокъ каждой изъ нихъ въ связи съ другими. Формъ можетъ быть менѣе, значительно менѣе, чѣмъ тѣхъ особей мышленія, которыми онѣ выражаются. Такъ на пр. въ глаголахъ *женить женю*, *залетать залетаю* и т. п. одною формою выражаются по два оттѣнка представленія, изъ которыхъ одинъ требуетъ въ словѣ знака длительности совершающагося или совершившагося дѣйствія (какъ на пр. въ глаголахъ *ходить хожу*, *заплетать заплетаю*, *забѣга́ть забѣга́ю*), а другой знака недлительности дѣйствія совершившагося или имѣющаго совершиться (какъ въ глаголахъ *воротить ворочу*, и *забѣ́гать забѣ́гаю*). Такъ и въ видоизмѣненіяхъ слова по падежамъ выражается нестолько оттѣнковъ представленія идеи слова въ связи съ другими, сколько падежныхъ окончаній, а болѣе. Такъ на пр. пропажа формы звательнаго падежа не доказываетъ пропажи движенія мысли, требовавшаго прежде особеннаго окончанія слова.

Разсматривая формы словъ нельзя опускать изъ виду и соотношенія съ тѣмъ, что ими должно быть выражаемо. «Какимъ образомъ доходятъ до мысли о паденіи грамматическихъ формъ? Берутъ на пр. схемы склоненій въ трехъ періодахъ языка и сосчитываютъ въ каждомъ отдѣльно различныя по звукамъ окончанія. Оказывается, положимъ, что въ древнемъ языкѣ было такихъ окончаній 40, въ среднемъ 20, въ новомъ остается 5 или 6. Отсюда выводъ по видимому несомнѣнный: паденіе формъ. Но здѣсь за форму принятъ внѣшній знакъ, тогда какъ форма есть значеніе; сосчитано число

внѣшнихъ знаковъ опредѣленнаго порядка; но не показано, что эти знаки достаточно различались по своему значенію, и что присутствіе ихъ въ языкѣ было признакомъ богатства и порядка, а не лишнимъ бременемъ для мысли; что если они и различались достаточно, то не замѣнялись ли какими-либо другими указаніями на форму. Число формъ, т. е. формальныхъ значеній въ разныхъ періодахъ языка, вовсе несосчитано. Между тѣмъ, чтобы доказать, что число формъ уменьшается, нужно считать именно формальные оттѣнки значеній — трудъ не столь легкій, какъ счетъ окончаній. Вѣроятно, результаты такого труда были бы во первыхъ менѣе точны, потому что въ каждомъ языкѣ есть большое количество такихъ формальныхъ значеній, коихъ ученые наблюдатели вовсе незамѣчаютъ (если только это не ихъ собственный языкъ, гдѣ они должны все различать на дѣлѣ), кои учеными понимаются ошибочно или смѣшиваются съ другими; во вторыхъ, при всей неточности результаты эти могли бы быть далеко несогласны съ выводами изъ счета окончаній». «Всякое особенное употребленіе падежа есть особенный падежъ; каждое особое значеніе предлога даетъ новый падежъ... Число падежей въ этомъ смыслѣ скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается».

Съ такими убѣжденіями естественно придти къ мысли не о бѣдности по формамъ языковъ новыхъ сравнительно съ ихъ состояніемъ въ древнее время, а объ ихъ богатствѣ. Мысль не новая, но она освѣщена г. Потебнею совершенно самостоятельно.

Не менѣе своеобразной самостоятельности, по крайней мѣрѣ сравнительно съ тѣмъ, что обыкновенно высказывается, находимъ и въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены разбору частей предложенія и частей рѣчи. Отдѣленіе ихъ разными названіями почти въ полнѣ оставлено прежнее, но въ слѣдствіе сравнительнаго разбора явленій языка (или лучше сказать разныхъ языковъ и въ разные періоды ихъ существованія), почти каждому названію дано болѣе или менѣе другое значеніе. Для примѣра укажу на то, что г. Потебня относитъ къ кругу такъ называемыхъ связокъ: связкою можетъ быть и глаголъ личный (какъ часть

предиката, состоящаго изъ него и изъ предикативнаго атрибута: былъ пьянъ, воротился пьянъ, напился пьянъ), и причастіе (Каіяфа архіереи сы лѣту тому) и предлогъ (связка объекта: «когда дополненіе имѣющее свое дополненіе, теряетъ значеніе объекта и переходитъ въ нарѣчіе, то тѣмъ самымъ оно становится связкою, соединяющею свое прежнее дополненіе съ дополняемымъ: копиѥ преломити *конець* поля Половецькаго»).

Указавъ только на нѣкоторыя особенности первой книги Записокъ по Русской грамматикѣ, считаю долгомъ прибавить, что не онѣ составляютъ въ ней то главное, что достойно вниманія, а выполненіе желанія по возможности цѣльно и критически представить всѣ общія явленія грамматическаго строя языка вообще, примѣнительно къ строю Русскаго языка. Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже какъ выборки изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предвзятые вопросы; въ трудѣ же г. Потебни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка и его образованія и преобразованія. Можно было бы указать на Историческую грамматику Русскаго языка г. Буслаева, если бы въ ней по самой цѣли ея не было допущено сжатости изложенія всего общаго. Конечно было бы желательно видѣть въ трудѣ г. Потебни еще болѣе объяснительныхъ подробностей, болѣе равномѣрности частей; но и въ такомъ видѣ это — трудъ желанный.

Обращаюсь ко второй книгѣ Записокъ по Русской грамматикѣ. Это — часть исторической грамматики Русскаго языка. Упомянувъ только что о трудѣ Ѳ. И. Буслаева, о его исторической грамматикѣ Русскаго языка, не могу не вспомнить о немъ еще разъ. Трудъ этотъ первымъ изданіемъ вышелъ еще въ 1858 году, а оконченъ въ рукописи и утвержденъ къ изданію начальствомъ Военно-учебныхъ заведеній еще въ 1853—1856 годахъ[1]), въ то время, когда ни у насъ, ни у кого изъ западныхъ Славянъ

[1]) Въ 1853 г. первая часть; а въ 1856 г. вторая.

почти не было сдѣлано ничего по исторической грамматикѣ роднаго языка. Вся книга Буслаева и особенно вторая часть ея, синтаксисъ, пролила разомъ столько свѣта, что ея появленіемъ сдѣланъ новый важный шагъ въ разработкѣ грамматики не только Русской, но и вообще Славянской. Конечно, не должны быть забыты появившіеся почти одновременно съ трудомъ Буслаева, труды Миклошича, Гатталы и Даничича[1]); но то, что составляетъ главную особенность труда Буслаева, его историческія наблюденія надъ строемъ связной рѣчи, нельзя не считать его неоспоримо-первичной заслугой, тѣмъ болѣе замѣтной, что для большинства тѣхъ, кто у насъ занимается подробностями строя Русскаго и Старославянскаго языковъ, трудъ Буслаева остается и доселѣ главнымъ, если не единственнымъ руководителемъ. — Г. Потебня является достойнымъ продолжателемъ Буслаева.

Имѣя въ виду обычное расположеніе частей грамматики и содержаніе первой книги Записокъ, какъ Введенія, можно было бы ожидать отъ этой второй книги разсмотрѣнія формъ образованія словъ; но г. Потебня, вслѣдствіе ли убѣжденія или по обстоятельствамъ отложивъ это въ сторону, прямо обращается къ синтаксису; и то не къ объясненію первыхъ условій строя связной рѣчи, а прямо къ сказуемому. Эта послѣдняя особенность легко можетъ быть объяснена. Характеръ изложенія дѣла въ Запискахъ г. Потебни есть чисто изслѣдовательный. Что необходимо было указать какъ основное въ общемъ строѣ предложенія, то указано во Введеніи, и затѣмъ уже не для чего было повторять или иными словами пересказывать прежде сказанное. Даже и обратясь прямо къ сказуемому, г. Потебня не счелъ нужнымъ повторять прежде сказаннаго о сказуемомъ, а сославшись на мѣста Введенія, гдѣ это изложено, обратился прямо къ предметамъ изслѣдованія. Руководствоваться въ научномъ изслѣдованіи языкознательными

---

[1]) Fr. Miklosich Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen: I. Lautlehre. Wien. 1852; II. Formenlehre. Wien. 1856; — M. Hattala Srovnávaci mluvnice jazyka Českého a Slovenského, v Praze. 1857;—Дж. Даничић Србска синтакса део првый. У Београду. 1858.

пріемами, прилагать отвлеченное разсужденіе, какъ объяснительную силу прямо къ явленіямъ Русскаго языка, какимъ его знаемъ нынѣ въ письменномъ употребленіи или и въ живой рѣчи подъ властію ли обычаевъ приличія образованнаго общества или даже и подъ властію навыка простого народа, какъ источника дающаго языку образованнаго общества главную питательную силу, должно было оказаться невозможнымъ въ такой же мѣрѣ какъ подвергать научному обсужденію какое бы то ни было явленіе жизни отдѣльно, безъ связи со всѣми другими сродными явленіями. Передъ глазами изслѣдователя долженъ быть языкъ во всемъ разнообразіи его мѣстныхъ и временныхъ видоизмѣненій, и, въ слѣдствіе анализа не отвлеченнаго, а чисто вещественнаго, явиться передъ нимъ болѣе или менѣе стройною связью явленій, подчиненныхъ законамъ естественной измѣняемости и перестраиваемости, соподчиненія и взаимодѣйствія, и законамъ вліянія внѣшнихъ причинъ. Такъ разсматриваемый языкъ не можетъ быть для изслѣдователя явленіемъ выдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ, хотя бы и стройно сложнымъ и самостоятельно полнымъ, а только однимъ изъ явленій, которыя съ нимъ болѣе или менѣе сродны и среди которыхъ онъ занимаетъ мѣсто частное, какъ мѣстное нарѣчіе въ ряду другихъ мѣстныхъ нарѣчій того же языка. Разбирая строй Русскаго языка въ его временныхъ и мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, изслѣдователь не можетъ отстраниться отъ разбора ни другихъ Славянскихъ языковъ и нарѣчій, ни такихъ близко сродныхъ со Славянскимъ, каковы Литовскій, Латышскій и Тевтонскіе, ни даже такихъ болѣе далекихъ, но все таки сродныхъ, каковы на пр. Греческій, Санскритскій и т. п. Тѣмъ болѣе нужно расширить кругъ наблюденій изслѣдователю, который, подобно г. Потебнѣ, держится вмѣстѣ со многими другими убѣжденія, что такъ же какъ до появленія разныхъ мѣстныхъ нарѣчій Русскихъ, было одно Русское нарѣчіе, мѣстное въ отношеніи къ одному Славянскому языку, такъ и до выдѣленія Славянскаго языка отъ другихъ былъ одинъ языкъ для Славянъ и Литовцовъ съ Латышами, еще ранѣе одинъ для этихъ всѣхъ вмѣстѣ съ Греками и т. д.,

еще ранѣе для всѣхъ людей Арійской отрасли. Такой изслѣдователь долженъ на всякое, по крайней мѣрѣ на всякое важное свойство строя разсматриваемаго языка глядѣть какъ на явленіе, могшее получить начало въ очень и очень отдаленное время, искать его первообраза съ коренными признаками въ языкахъ древнѣйшаго образованія или въ тѣхъ, гдѣ коренные признаки сохранились въ наиболѣе чистомъ видѣ, и проникать въ повременный порядокъ видоизмѣненій разсматриваемаго свойства въ разныхъ языкахъ. Такой изслѣдователь не позволитъ себѣ увѣренности ни въ силу своей догадливости, ни тѣмъ менѣе въ умѣстность случайныхъ приравненій. Кругъ его наблюденій и ихъ сводовъ ограничивается только однимъ предѣломъ — предѣломъ невозможности проникнуть далѣе, и работы его тѣмъ труднѣе и сложнѣе, чѣмъ менѣе можетъ онъ пользоваться прежде сдѣланными наблюденіями съ увѣренностью, что онѣ полны и точны.

Такъ и понялъ свои обязанности г. Потебня. Начавъ съ подбора данныхъ Русскаго языка прежняго и нынѣшняго времени и съ приведенія ихъ въ стройный порядокъ, онъ продолжалъ свою работу подборами объяснительныхъ данныхъ изъ языка Старославянскаго и изъ Западно-Славянскихъ нарѣчій, за тѣмъ обратился къ даннымъ языка Литовскаго и Латышскаго, нѣкоторыхъ Тевтонскихъ и т. д Не разъ, конечно, долженъ онъ былъ ворочаться къ источникамъ, уже прежде имъ обслѣдованнымъ, для провѣрки наблюденій или для исканія данныхъ, которыя прежде могли быть имъ незамѣчены; не разъ потрудиться и надъ перевѣркою итоговъ, полученныхъ прежде. Не утаенно и не безъ признательности пользовался онъ тѣмъ, что сдѣлано до него другими изслѣдователями, такими какъ Буслаевъ, Гаттала, Миклошичь [1]), и т. д.; но только тогда, когда находилъ это возможнымъ; въ такой же мѣрѣ безъ самоувѣренности и тщеславія онъ отклонялся отъ выводовъ, несогласныхъ съ выводами, къ кото-

[1]) Изъ произведеній Миклошича особенно важна была г. Потебнѣ четвертая часть его «Vergleichende Grammatik»: Syntax, которой начало появилось еще въ 1868 г., а конецъ только въ 1875 году.

рымъ его приводили его личныя наблюденія. Нѣтъ ни суетливой поспѣшности въ пріисканіи исхода, ни позывовъ упорства стоять на своемъ на перекоръ даннымъ, ни щеголянья новизною. Видимъ простой, покойный трудъ ученаго, у котораго нѣтъ никакихъ задних мыслей и побужденій, кромѣ желанія узнать узнаваемое какъ можно вѣрнѣе. Если бы такой трудъ и не привелъ изслѣдователя ни къ чему особенно важному, то онъ все таки былъ бы достоинъ полнаго уваженія какъ трудъ веденный по пріемамъ стóящимъ подражанія, и съ помощію ихъ по крайней мѣрѣ оправдавшій то, что было до него только сомнительно вѣрно. Трудъ г Потебни достоинъ уваженія не только по пріемамъ, въ немъ употребленнымъ, но хотя отъ части и по тому свѣту, который имъ наведенъ на одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ строя Русскаго языка въ его историческомъ развитіи сравнительно съ другими.

Обнявъ взглядомъ разнообразныя явленія составного сказуемаго, г. Потебня нашелъ наиболѣе удобнымъ привести ихъ въ строй къ четыремъ порядкамъ: 1) явленія при глаголѣ или причастіи именительнаго второго; 2) явленія вторыхъ косвенныхъ падежей; 3) явленія неопредѣленнаго наклоненія безъ падежей и съ падежами; 4) явленія творительнаго падежа вообще и особенно въ случаяхъ замѣны имъ второго согласуемаго падежа. Показать какъ что имъ разсмотрѣно значило бы повторить всю книгу—въ томъ же или какомъ нибудь другомъ порядкѣ. По неволѣ ограничиваюсь только кое чѣмъ.

Прежде всего воспользуюсь собственными словами г. Потебни, для обозначенія основного вывода о двухъ періодахъ жизни языка, какъ они выражаются въ строѣ предложенія.

«Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частію оно перестраивается за ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частію же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ—единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе-менѣе пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Признавая эту пестроту поверхности языка (напр. то, что обороты «онъ

былъ купецъ» и «онъ былъ купцомъ», стоящіе рядомъ въ нынѣшнемъ языкѣ, не одновременны по происхожденію и не однородны, но построены по различнымъ планамъ), стараясь сколько нибудь опредѣлить пропорціи, въ какихъ на обращенной къ намъ поверхности языка смѣшаны разнохарактерныя явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ необходимости выяснить характеръ ихъ, поставивши ихъ въ ряды другихъ, съ ними однородныхъ. Явленія представляемыя составными членами предложенія принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ. Древнѣйшее изъ нихъ оказывается, за немногими исключеніями, общимъ Славянскому языку съ другими древними Индоевропейскими. Общая его черта есть недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ, и въ составѣ предложенія такое господство началъ согласованія, при которомъ члены предложенія, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ, слишкомъ однородны (вторые падежи такіе же какъ и первые: при первомъ именительномъ второй именительный, при первомъ родительномъ такой же второй, и т. д.). Во второмъ, болѣе позднемъ наслоеніи, отъ части уже покрывшемъ собою первое, мы находимъ: — сліяніе составного сказуемаго въ цѣльное, — усилія, отъ части успѣшныя, образовать чисто формальные глаголы, — разложенія составного сказуемаго на сказуемое съ придаточнымъ предложеніемъ,—замѣны вторыхъ сказуемыхъ падежей частію несклоняемыми словами сравнительно поздняго образованія (прилагательнаго нарѣчіемъ, причастія дѣепричастіемъ), частію падежами съ предлогомъ, частію творительнымъ падежемъ. Сюда же принадлежатъ нѣкоторыя измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи. Эти явленія при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифференцированію членовъ предложенія. Языкъ, которому они принадлежатъ, по своеобразности и своему грамматическому совершенству (языкъ новый) стоитъ выше того, къ которому относятся составные члены предложенія (языкъ древній)».

Все это доказано въ книгѣ подробностями, не случайно подобранными, а естественно слившимися къ этому общему центру.

Такъ на пр. та часть вывода, въ которой указано, что общая черта древняго языка есть недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ, не могла не явиться послѣ разбора употребленія многихъ глаголовъ, начиная съ глагола *быть*.

«Глагольныя формы корня этого глагола, потерявши предполагаемое въ немъ значеніе «рости» (ср. Гр. φυτὸν, Слав. былиѥ), долго оставались при довольно конкретныхъ, отнюдь не чисто формальныхъ значеніяхъ возникновенія (стать, возникнуть) и случайности, превращенія (стать другимъ), пребыванія, совершенія. Сродные языки ставятъ на мѣсто этихъ формъ различные весьма конкретные глаголы. *Бысть* во множествѣ случаевъ соотвѣтствуетъ Греческому ἐγένετο, γέγονεν. Въ выраженіи «съ горы идѣже послѣже бысть Кыѥвъ» вм. бысть мы теперь поставимъ «создался, построился, сталъ, возникъ» и т. д.; въ «соволокѫться и бѫдѫть нази» бѫдѫтъ значитъ не то что нынѣ, а «станутъ»; «да бѫдете мои ѵченици значитъ ἵνα γενήσεσθε ἐμοὶ μαθηταὶ, чтобы вы стали моими учениками (всп. вься тѣмь бъіша и безъ нѥго ничьто же не бъість ѥже бъість). Вмѣстѣ съ глаголомъ γίγνομαι гл. бѫдѫ—быти имѣлъ значеніе случиться, сбыться, совершиться: «аще бѫдеть обрѣсти» = ἐὰν γένηται εὑρεῖν, si acciderit ut inveniat, so sich's begibt dass er's findet, ако се догоди да наѣе, nahodi li t' se mu nalezti, jesli się zdarzy (gdy by się trafilo) znalesć, jej tropitus atrasti; розга не можеть плода сътворити аще не бѫдеть на лозѣ = ἐὰν μὴ μένῃ, nisi manserit, bleibe denn, ne zůstala li by, iesli nie będzie trwała, jej ne pasiliekt, и т. д. Въ относительно позднее время бы-буд теряетъ значеніе werden, для выраженія котораго начинаютъ употреблять другіе глаголы (на пр. въ Рус. стану, стать) и получаетъ значеніе бытія — безъ всякой особенной конкретности.

Глаголъ *есть-буду-быть* не только въ значеніи бытія, но и въ разныхъ оттѣнкахъ конкретнаго значенія требуетъ за собою

именительнаго не только причастій, но и именъ прилагательныхъ и существительныхъ (мънози же бѫдѫть прьвии послѣдьнии, а послѣдьнии прьвии, Богъ ти бѫди послѹхъ, разболѣвъся и бысть мнихъ, Болгаре насельници Словѣномъ бъша). Вмѣстѣ съ этимъ глаголомъ такимъ же свойствомъ притяженія именительнаго обладали въ древнемъ языкѣ и многіе другіе глаголы: мьнѣтиса, творитиса, повѣдатиса, ꙗвитиса, прѣбыти, стати—стоꙗти, сѣсти—сѣдѣти, лежати, вестися, прѣстати, коньчати, съврьшити, довлѣти, съжалитиса, ѹбоꙗтиса, и др. Вотъ нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на это:

— ничьтоже ся мьни (женѣ) сътворьши безъчиньна (Изб. Свят. 1073 г. о женѣ): думала что не сдѣлала ничего непристойнаго;—мняшеся ѹмомь сѣдя ѹ цр҃кви (Бор. и Гл.): представлялъ себя въ умѣ сѣдящимъ у церкви;—законъ безаконьникомъ отечьствиѥ мьниться (Геор. Амар.): у неимѣющихъ закона отеческіе обычаи считаются закономъ.

— творѧшеся (игѹменъ) епископа прашавъ (Вопрош. Кир.): сказывалъ, будто бы епископа спрашивалъ;—творять инии слышавъше отъ епископъ (т. ж.): даютъ знать, будто слышали отъ епископовъ.

— Изяславъ передъ вами не твориться правъ (Ип. л.): не выдаетъ себя правымъ.

— повѣдаше бо ся изъ иного града пришедъши (Бор. и Гл.): сказывалась пришедшею изъ иного города.

— да ся бъша ꙗвили чл҃вѣкомъ постяще (Мѳ. VI: 16): чтобы показаться людямъ постящимися; Вышегородъ вторыи Селѹнь ꙗвися въ Рѹсьстѣи земли (Бор. и Гл.): В. сталъ на Руси вторымъ Селунемъ.

— пребысть неꙗды (Бор. и Гл.): остался неѣвшимъ; — пребываѥши сѣдя и позорѹꙗ инъı (Посл. Никиф.): остаешься сидящимъ и глядящимъ на другихъ.

— ста рака непостѹпящи (Бор. и Гл.): остановилась рака неподвижною; — стоꙗше вся осенина дъждева (Новг. л.): вся осень оставалась дождливой.

— Святъславъ сѣде княжа въ Переꙗславьци (Пов. вр. л.): С. сѣлъ княжить въ II.; — сѣде Олегъ княжа въ Кыѥвѣ (Пов. вр. л.).

— Лежала въ лари таꙗ грамота положена годъ (Пск. лѣт.): осталась лежать та грамата въ ларѣ годъ; — У гре лежахꙋть пьꙗни ꙗко мр҃тви (Ипат. л.): Уг. лежали пьяными; — та вотчина лежить пꙋста (Гр. 1609).

— Диꙗволъ не престаѥть воюꙗ на родъ чл҃чскыи (Пов. вр. л.); — Данилъ не престаꙗшеть строꙗ рать (Ипат. л.): Д. непереставалъ устроивать войско.

— Ови ведꙋться полонени, ови посѣкаеми (сꙋть) (Пов. вр. л.): иныхъ повели плѣнными, иныхъ побили.

— Коньчаша црк҃овь владычню пишюще (Новг. л.): окончили расписывать церковь; — ꙗко с҆кон҆ча зижа (церковь) ꙋкраси ю иконами (Пов. вр. л.): когда окончилъ строить (церковь), украсилъ ее иконами.

— ѥгда съврьши Ис҃ъ заповѣдаѩ ꙋченикома (Мѳ. XI: I): когда I. окончилъ свою заповѣдь ученикамъ.

— Данилъ съжали си отъславъ сына си Л'ва (Ипат. л.): Д. пожалѣлъ что отослалъ своего сына Льва.

— не ꙋбоꙗшася князя два имꙋще (Пов. вр. л): не испугались того, что у нихъ было два князя.

Приведя примѣры подобнаго употребленія такихъ глаголовъ изъ Сербскаго, Чешскаго, Литовскаго и Латышскаго, г. Потебня далъ такое объясненіе сочетанія означенныхъ глаголовъ съ причастіемъ:

«Въ составномъ сказуемомъ стариннаго языка, какъ въ «твориться ида» значеніе причастія «ида» (въ отношеніи къ глаголу «твориться» — притворяется) составляетъ содержаніе его притворства; признакъ заключенный въ причастіи представляется возникающимъ въ силу энергіи выраженной глаголомъ «твориться»; причастіе согласуемое съ подлежащимъ, и такимъ образомъ не самостоятельное по отношенію къ нему, въ то же время не самостоятельно и по отношенію глагола въ сказуемомъ. Въ выра-

женіи нынѣшняго языка «идучи притворяется» содержаніе дѣепричастія «идучи» не возникаетъ вмѣстѣ съ дѣятельностію глагола, а только сопровождаетъ ее, при чемъ глаголъ требуетъ поясненія (обозначенія содержанія притворства)... Глаголъ здѣсь не вспомогательный, а самостоятельный (такъ же какъ и дѣепричастіе въ отношеніи къ подлежащему). Древній языкъ не видитъ формальной разницы между глаголами «твориться» и «ѥсть» въ «твориться ида» и «ѥсть судя», принимая оба за вспомогательные»...

Другое не менѣе любопытное объясненіе дано г. Потебней при показаніяхъ сочетанія этихъ и другихъ глаголовъ съ прилагательными въ именительномъ падежѣ (стр. 67 и слѣд.) и съ существительными (стр. 75).

Отдѣльно отмѣченъ «второй именительный съ причастіемъ аппозитивнымъ (составное приложеніе), гдѣ означенные глаголы являются въ видѣ причастій:

— Каіафа архіереи съı лѣтѹ томѹ (Іо. XI: 49); — Андрей князь толикъ ѹмникъ съı (Ип. л.); — преставися епископъ Стефанъ бывъ прежде игѹменъ Печерьскомѹ монастырю (Пов. в. л.).

— Равьнъ ся творя Богѹ (Іо. V. 18); —Ростовьци и Сѹждальци творящеся старѣишии: выказывая себя старшими; — Мьстиславъ творяся на Ляхъı ида (Ипат. л.): М. показывая видъ, что идетъ на Ляховъ.

— Литва мняще мирно сѹще (Ипат. л.): Л. думая что находятся въ мирѣ...

Представя значительное количество разныхъ случаевъ употребленія второго именительнаго, соединяемаго съ глаголомъ, какъ выраженія свойства древняго языка, только отъ части оставшагося въ болѣе позднемъ языкѣ, г. Потебня съ такимъ же вниманіемъ остановился и на случаяхъ употребленія вторыхъ косвенныхъ падежей: винительнаго, родительнаго, дательнаго.

Остановясь на винительномъ, онъ прежде всего обозначилъ опредѣлительно различіе древняго и новаго языка въ кругѣ употребленія винительнаго падежа: въ новомъ языкѣ кругъ его употребленія гораздо ограниченнѣе. Въ древнемъ языкѣ «слышати

вѣхвы» значило и «слышать волхвовъ» и «слышать о волхвахъ», а потому и можно было употреблять винительный падежь post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi, и сказать: видѣвше короля идуща прочь (Лавр. л.), увѣдавше смерть княжю (Ипат. л.), мняхѫ Болгарьскыи полкъ (Лавр. л.), мнѣша тѫ Святослава и Рюрика (Ипат. л.), повѣдаша вѣжи и стада Половецкаѧ ѵ Голубого лѣса (Ип. л.)... Въ новомъ языкѣ этотъ винительный во многихъ случаяхъ невозможенъ и замѣняется другимъ оборотомъ, иногда очень сложнымъ. «Въ памятникахъ, изъ коихъ можемъ заимствовать примѣры (широкаго употребленія винительнаго падежа), столько же или и болѣе обычны обороты близкіе къ нынѣшнимъ съ предлогами и союзами: «слышавъ о..., увѣдаша еже (:аже, ѩко и пр.). Это только подтверждаетъ ту извѣстную истину, что явленія возникшія при старомъ строѣ языка, могутъ переживать этотъ строй, исподволь становясь исключеніями, и что на оборотъ новыя явленія языка въ началѣ являются какъ пятна на старыхъ. Намъ важно только то, что чѣмъ архаичнѣе памятникъ по языку, тѣмъ болѣе обходимо въ немъ разграниченіе прямого и посредственнаго объекта, и что нынѣшнему книжному языку вовсе чужды обороты, еще встрѣчаемые въ просторѣчіи, какъ на пр. «сказываетъ журавля на соснѣ, насказать семь пятницъ на недѣлѣ, чуемо тамъ доброго пана». Такой винительный уцѣлѣлъ и въ Сербскомъ и въ Латышскомъ, и вовсе не предполагаетъ опущенія неопредѣленнаго наклоненія.

Второй винительный можетъ быть существительнымъ, прилагательнымъ, причастіемъ (въ болѣе позднемъ языкѣ дѣепричастіемъ); можетъ быть простымъ и составнымъ: сына моего поимите собѣ князя (Новг. л.), села ихъ пѫста положиша (Новг. л.), видѣша князя бѣжавша (Пов. вр. л.), князя творяхѫть спяща (Ипат. л.), слышавша князя пришедша (Лавр. л.)=слышавше князя пришедше (Ип. л.), видѣ желѣза изломана лежаща (Сказ. Бор. и Гл.), обрѣтено тѣло святого лежаще цѣло (т. ж.), видѣвъ ю добрѫ сѫщѫ зѣло лицемь и смысленѫ (Пов. вр. л.). Такіе обороты находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ—то въ древнихъ, то и въ новыхъ. Уцѣ-

лѣю кое-что и до селѣ въ Русскомъ: Беспечальна мати меня породила (Пов. о горѣ злоч.), ласточку свою онъ видитъ на снѣгу замерзшую (Крыл.), раздѣвали раненыхъ оставляя нагихъ посреди поля (Пуш.), мене мати породила некрещёну (Пѣс.), видѣли молодца сядучись, а не видѣли молодца поѣдучись (Был.: по др. сп. безъ съ: сѣдуци, поѣдуци).

Разсмотрѣніе употребленія родительнаго падежа второго, по согласованію съ первымъ, предупреждено общими объясненіями употребленія родительнаго частнаго, отрицательнаго, искомаго (при глаголахъ: алкать, жаждать, ждать, требовать, искать, просить, и т. п.). Затѣмъ разсмотрѣно употребленіе второго родительнаго, какъ замѣняющаго второй винительный, при глаголахъ отрицательныхъ — употребленіе общее всему Славянскому языку, и оставшееся въ такой же измѣненной формѣ, какъ въ народномъ Русскомъ (съ дѣепричастіемъ). Кромѣ того обращено вниманіе на родительный времени, который при употребленіи причастія (или вмѣсто него дѣепричастія) является не только двойнымъ, но и самостоятельнымъ: — Того же лѣта исходяча приходи Романъ къ Вручему (Лавр. и Ипат. л.), того же лѣта исходячи разболѣся Мьстиславъ (Ип. лѣт.), сѣде Романъ въ Кіевѣ мѣсяца июля наставыша (Ипат. л.), и пр. Съ этимъ употребленіемъ родительнаго можно сравнить наши выраженія: прошлаго года, прошлаго лѣта, минувшаго лѣта и т. п.

Наблюденія надъ употребленіемъ второго дательнаго падежа, кромѣ его сочетанія съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, приводятъ къ отличенію двухъ его положеній: въ одномъ дательный является въ видѣ дополненія къ главному сказуемому, въ другомъ — въ видѣ независимаго прибавочнаго предложенія, что называется дательнымъ-самостоятельнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мѣсто причастія можетъ быть занято дѣепричастіемъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

— а. Аще велика человѣка крестиши, а еще блазнъ бѫдетъ имѫ спящѫ въ тѫ осмь днии, дати имѫ причащение немывшеся (: немывшѫся) по кланявшюся (Вопр. Кир.); — добывшѫ

имѹ землѣ Нѣмецкоя дати имѹ всю Романови (Ипат. л.);—братѹ твоимѹ Михалкѹ ѹмершю еще девятого дне нѣтъ (Лавр. лѣт.: ср. этому ребенку еще нѣтъ девяти дней).

— б. Сѣдячю же Гл҃бови въ Кыѥвѣ приде множество Половець (Ипат. л.);—ратившемася полкома побѣди Ярополкъ Ольга (Пов. вр. л.);—идѹчи ми сѣмо видѣхъ бани древѣны (Пов. вр. л.);—приде князь Ѳоминѣ недѣли исходяче (Новг. л.), — зажьжеся пожаръ въ недѣли на всѣхъ святыхъ, идѹче къ заѹтреню. (Новг. л.); — бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ видяще ѹ собе великого князя всея Ростовьскыя земли (Ипат. л.).

Разсмотрѣніе обстоятельствъ появленія дѣепричастія въ означенныхъ сочетаніяхъ дало г. Потебнѣ поводъ вникнуть въ разные оттѣнки употребленія дѣепричастія въ Русскомъ старомъ и новомъ простонародномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Литовскомъ и Латышскомъ.

За изслѣдованіемъ случаевъ появленія вторыхъ косвенныхъ падежей въ книгѣ г. Потебни дано мѣсто разбору обстоятельствъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія. При этомъ изслѣдователь нашелъ нужнымъ прежде всего отвѣчать на нѣкоторые общіе вопросы, и во первыхъ на вопросъ: что такое неопредѣленное наклоненіе, имя или глаголъ? Разборъ мнѣній соединенъ съ припоминаніями грамматическаго значенія и употребленія инфинитива въ разныхъ языкахъ, и сводится къ выводу, что хотя въ былое время онъ и произошелъ изъ существительнаго, но по своему значенію и употребленію долженъ быть разсматриваемъ какъ часть глагола. Другой общій вопросъ касается количества разныхъ родовъ случаевъ употребленія инфинитива въ разное время, при чемъ между прочимъ обращено вниманіе на замѣненіе инфинитивомъ особенныхъ формъ на тѹ (бытѹ) и на ть (т. наз. достигательнаго), а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ограниченія употребленія инфинитива въ Болгарскомъ и Сербскомъ.

Перейдя къ частностямъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія преимущественно въ Русскомъ языкѣ, г. Потебня распре-

дѣляетъ ихъ на два главные отдѣла: въ одномъ разсматриваетъ субъективное неопредѣленное подъ зависимостью глагола личнаго, въ другомъ неопредѣленное объективное.

Въ первомъ отдѣлѣ дано мѣсто разбору случаевъ появленія неопредѣленнаго при глаголахъ имамъ, хощѫ, начну, стану, буду, и потомъ при другихъ глаголахъ (желаю, прошу, люблю, надѣюсь, обѣщаю, клянусь и пр.) и при прилагательныхъ (радъ, воленъ, готовъ, способенъ, достоинъ, склоненъ, привыченъ, ретивъ, лѣнивъ, слабъ и пр.).

Во второмъ отдѣлѣ разсмотрѣны случаи употребленія: винительнаго съ неопредѣленнымъ (осѫдиша и быти повинна съмрти), дательнаго съ неопредѣленнымъ (достоитъ ти быти кроткѹ), неопредѣленнаго съ дательнымъ (аще ли вы будете крестъ цѣловати), неопредѣленнаго съ другимъ неопредѣленнымъ (сколько ни плакать а быть перестать), неопредѣленнаго со страдательнымъ оттѣнкомъ (аже по грамотамъ ходити ногама, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова бѹдетъ знати).

Подробно разсмотрѣны и случаи употребленія неопредѣленнаго не связаннаго съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова (како ваю похвалити, нѣ камо ся дѣти), неопредѣленнаго съ бы (створи совѣтъ кѹда бы воевати, поча думати како бы ѹмиритися) и неопредѣленнаго абсолютнаго (знать не знаю, вѣдать не вѣдаю).

Послѣдняя часть второй книги Записокъ посвящена изслѣдованію творительнаго падежа. И тутъ прежде всего дано мѣсто разсмотрѣнію разныхъ взглядовъ на творительный падежъ и объясненію собственнаго взгляда изслѣдователя. За тѣмъ разсмотрѣны разные случаи употребленія творительнаго по оттѣнкамъ его значенія: тв. соціятивный (солию и квасомь и водою мѹкѹ мѣсимъ),—тв. мѣста вънидѣте ѫзыкыми враты),—тв. времени (четырьми десятъ и шестиѫ лѣтъ съзъдана бысть црькы си, а ли трьми дьньми въздвигнеши ѩ),—тв. орудія и средства (придоша коньми), — тв. условленный страдательнымъ сказуе-

мымъ (не стыдися нищетою, нужею поведеся), — тв. условленный именемъ или нарѣчіемъ (повиньни опитимьею, богатъ милостію), — тв. отношенія (възрастомъ лѣпъ, лицомъ и голосомъ герой), — тв. причины (изнемагахоу людиѥ гладомь, ѵбьенъ бысть съвѣтомъ боиаръ), — тв. образа дѣйствія (боися ложью глаголати, самъ не ходяшеть полкы своими). Хотя этому разсмотрѣнію дано мѣсто только какъ вставкѣ, не непосредственно относящейся къ задачѣ книги, тѣмъ не менѣе оно очень богато припоминаніями и соображеніями, очень любопытными и важными.

Отдѣльно и сравнительно подробнѣе разсмотрѣнъ творительный падежъ на мѣстѣ вторыхъ (согласуемыхъ) падежей. За разборомъ разныхъ взглядовъ на него, изслѣдователь остановился на значеніи его какъ выраженія признака и состоянія, обратилъ вниманіе на употребленіе его для уподобленія (вълкомъ рыскаше),—на значеніе творительнаго аппозитивнаго (постриженся дщи еще дѣвою),—на замѣненіе имъ второго косвеннаго падежа (престѫпьникомъ зъвати, поставилъ Ярославъ Лариона митрополитомъ),—на употребленіе его вмѣсто именительнаго предикативнаго (бѣ была мати его черницею), — на употребленіе творительнаго въ прилагательныхъ (мимоходячи прославять человѣка любо добрымъ любо злымъ). Разсмотрѣніе частностей этихъ употребленій творительнаго падежа закончено общими соображеніями относительно характера ихъ и припоминаніями подобныхъ явленій въ языкахъ Польскомъ и Литовскомъ.

Ограничиваю пока этимъ обозрѣніе труда г. Потебни.

Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго Русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по Русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся; но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ Русскаго языка съ исто-

рической точки зрѣнія, при помощи трудовъ изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возметъ въ помощь себѣ этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неяснымъ отвѣтами безъ доказательствъ.

Признавая достоинства трудовъ г. Потебни по Русской грамматикѣ, 2-е Отдѣленіе Академіи нашло ихъ достойными Ломоносовской награды и опредѣлило представить объ этомъ Общему собранію Академіи.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 1.

ЕКАТЕРИНА II

и

ГУСТАВЪ III.

Академика Я. К. Грота.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1877 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ЕКАТЕРИНА II и ГУСТАВЪ III[1].

Академика **Я. К. Грота.**

Во второй половинѣ 18-го столѣтія на европейскихъ престолахъ являются четыре замѣчательныя лица, которыя, съ разными оттѣнками ума и характера, выражаютъ собою въ болѣе или менѣе рѣзкихъ чертахъ одинъ тотъ же духъ времени, представляютъ весьма интересныя черты сходства и различія. Это были: Екатерина II, Фридрихъ Великій, Густавъ III и Іосифъ II.

Они находятся между собою въ сношеніяхъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ, соперничаютъ, переписываются или посѣщаютъ другъ друга, заключаютъ союзы, воюютъ и мирятся. Они занимаются литературой, ведутъ свои записки, повѣряютъ бумагѣ тайныя мысли свои. По сходству ихъ взглядовъ и стремленій очень любопытно и поучительно было бы сопоставить извѣстія о ихъ воспитаніи и развитіи. Только при помощи такого сравненія мы могли бы совершенно вѣрно смотрѣть на образъ мыслей и дѣятельность Екатерины II.

Болѣе всего точекъ сближенія было между ею и ея двоюроднымъ братомъ Густавомъ, но въ то же время между ними

---

[1] Въ настоящемъ трудѣ слиты и значительно пополнены, особенно въ приложеніяхъ, двѣ статьи, прежде напечатанныя мною подъ этимъ же заглавіемъ въ сборникахъ *Древняя и Новая Россія* и *Русская Старина*.

являлось и болѣе всего элементовъ несогласія: они были естественные соперники и враги. Въ 18 вѣкѣ, на сосѣднихъ престолахъ сѣверной Европы два раза представляется намъ однородное созвѣздіе, подъ вліяніемъ котораго, при столкновеніи обѣихъ державъ, Россія неминуемо должна была выйти изъ борьбы побѣдительницею. Отношеніе Петра Великаго къ Карлу XII повторилось, къ концу столѣтія, хотя и въ совершенно другихъ формахъ и при другихъ условіяхъ, между Екатериною II и Густавомъ III[1]. Въ самыхъ свойствахъ лицъ обохъ разновременныхъ созвѣздій мы находимъ много сходнаго: съ одной стороны политическая мудрость, обдуманная сдержанность, спокойное самообладаніе, съ другой воинственный пылъ, не умѣряемый благоразуміемъ, безграничная самонадѣянность и тревожное тщеславіе: таковы были противоположности, при которыхъ исходъ борьбы въ обоихъ случаяхъ не могъ быть сомнителенъ. Довольно продолжительная, хотя и не всегда искренняя, дружба Екатерины и Густава смѣнилась наконецъ ожесточенною враждой, и война загорѣлась двоякая: къ военнымъ дѣйствіямъ на сушѣ и на морѣ присоединился литературный поединокъ между самими монархами, для которыхъ перо, въ этотъ вѣкъ вѣнценосныхъ писателей, было привычнымъ оружіемъ.

Шведская война нашла уже у насъ своего историка: профессоръ Брикнеръ посвятилъ ей обширную монографію, и онъ же особо разсмотрѣлъ два ея эпизода: заговоръ въ Аньялѣ и комическую оперу *Горе-богатырь*, гдѣ императрица, въ отмщеніе своему обидчику, воспользовалась его же хвастливыми выходками, чтобы выставить его на позоръ въ безпощадной карикатурѣ[2]. По-

[1] Густавъ III род. 24 янв. 1746 г., вступилъ на престолъ 12 февр. 1771, возстановилъ монархическую власть смѣлымъ переворотомъ 19 авг. 1772; весною 1788 г. началъ наступательную войну съ Россіей, кончившуюся Верельскимъ миромъ, въ августѣ 1790 г., безъ измѣненія прежнихъ границъ; въ слѣдствіе составленнаго противъ него нѣсколькими дворянами заговора былъ смертельно раненъ на маскарадѣ въ построенномъ имъ же оперномъ театрѣ и умеръ 29 марта 1792 года.

[2] Статьи проф. Брикнера: «Война Россіи съ Швеціей», «Конфедерація въ

этому, не касаясь уже на этотъ разъ враждебнаго столкновенія между Екатериной и Густавомъ, я напротивъ намѣренъ представить очеркъ ихъ мирныхъ сношеній, до сихъ поръ весьма мало извѣстныхъ.

Отецъ Густава III, шведскій король Адольфъ-Фридрихъ, былъ родной братъ матери Екатерины II, Іоанны Елисаветы [1], и это близкое родство двухъ сѣверныхъ монарховъ должно было еще скрѣпляться воспоминаніемъ дружбы, нѣкогда связывавшей ихъ родителей [2]. Притомъ Адольфъ-Фридрихъ, бывшій голштинскій герцогъ и епископъ любскій, былъ обязанъ Россіи престоломъ: онъ сдѣлался королемъ въ слѣдствіе требованія Елисаветы Петровны, поставившей его избраніе условіемъ заключенія мира съ Швеціей. Адольфъ-Фридрихъ вступилъ въ супружество съ сестрою Фридриха II, Ловизой Ульрикой, и первенцемъ этого брака былъ Густавъ: онъ родился въ началѣ 1746 года, слѣдовательно тогда, когда почти семнадцатилѣтняя Екатерина уже была въ Россіи, и долженъ былъ съ дѣтства привыкнуть смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ на свою старшую, знаменитую умомъ и красотою, родственницу.

Воспитаніе Густава совершилось подъ вліяніемъ того же духа времени, который положилъ свою печать на развитіе Екатерины. Образцомъ для всей Европы служила тогда Франція, и наставниками принца принятъ былъ въ руководство планъ воспитанія дофина. Главный надзоръ порученъ одному изъ высшихъ сановниковъ, графу Тессину, котораго назидательныя письма къ царственному питомцу были впослѣдствіи изданы на многихъ европейскихъ языкахъ. Все для образованія принца было тщательно придумано по лучшимъ теоріямъ того времени, и при рѣд-

---

Аньялѣ» и «Комическая опера Екатерины II *Горе-богатырь*» были напечатаны въ *Журн. Мин. Н. Просв.* 1868, 1869 и 1870 гг. Относительно значенія оперы *Горе-богатырь* см. приложеніе I къ настоящей статьѣ.

[1] См. о ней статью мою *Воспитаніе Екатерины II* въ журналѣ: *Древняя и Новая Россія* 1875 г., февраль.

[2] Для уясненія родственныхъ отношеній между Екатериною и Густавомъ см. ниже Приложеніе II.

кихъ способностяхъ Густава такое воспитаніе могло бы принести самые вожделѣнные плоды, еслибъ тому не противодѣйствовали обстоятельства: наставниковъ принца избирала господствовавшая партія помимо и даже противъ воли его матери, которая въ слѣдствіе того внушала сыну недовѣріе къ нимъ. Частая смѣна этихъ наставниковъ мѣшала правильному ходу дѣла, а бывшіе на глазахъ юноши примѣры были не такого свойства, чтобы могли утвердить его въ правилахъ нравственности и въ уваженіи къ людямъ. При всемъ томъ онъ рано пріобрѣлъ множество свѣдѣній, особенно по исторіи, и необыкновенную начитанность; то и другое видно изъ сохранившихся дѣтскихъ его сочиненій разнаго рода, въ которыхъ онъ часто очень умно разсуждаетъ между прочимъ о знаменитыхъ дѣятеляхъ шведской исторіи, но въ то же время обнаруживаетъ совершенное пренебреженіе къ формѣ и незнаніе грамматики. Тѣмъ не менѣе авторскій талантъ получилъ въ будущемъ королѣ преждевременное развитіе, и воспитанію его недоставало только основательности. Едва выйдя изъ дѣтства, Густавъ началъ уже вести свои записки: понятно, что, при такомъ расположеніи къ литературной дѣятельности, написанное имъ въ теченіе жизни (хотя онъ кончилъ ее уже 46 лѣтъ) составило огромную массу бумагъ. Онъ завѣщалъ не раскрывать ихъ, пока не пройдетъ полстолѣтія послѣ его смерти: онѣ и хранились запечатанными въ библіотекѣ упсальскаго университета до 1842 года; тогда профессору исторіи Гейэру поручено было заняться ихъ разсмотрѣніемъ, и въ слѣдующіе же годы издано имъ въ четырехъ томикахъ сочиненіе: *Konung Gustaf III:s efterlemnade papper* [1]. Само собою разумѣется, что эти бумаги послужатъ намъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для характеристики Густава и его отношеній къ могущественной сосѣдкѣ [2].

На характеръ принца должно было сильно дѣйствовать и то

[1] Т. е. «Оставшіяся послѣ короля Густава III бумаги»; болѣе извѣстна эта книга подъ названіемъ: «De Gustavianska papperen».

[2] Другія печатанныя пособія, которыми я при этомъ пользовался, были: Geschichte Gustaf III, von Dr Posselt, Strassburg 1793; — Skrifter af blandadt innehåll, af Gustaf d'Albedyhll, Nyköping 1799; — Histoire de Catherine II, par

обстоятельство, что между родителями его не было согласія: это не могло не способствовать къ развитію самостоятельности въ молодомъ человѣкѣ. Мать была женщина въ своемъ родѣ замѣчательная, съ красотою соединявшая много ума, живости и силы характера; но вмѣстѣ съ тѣмъ она была слишкомъ впечатлительна и представляла нѣкоторое сходство съ матерью Екатерины II: обѣ отличались властолюбіемъ, гордостью, были склонны къ интригѣ; Ловизѣ Ульрикѣ недоставало выдержки, она дѣйствовала вспышками и часто поражала своими странностями; подобно своему брату (Фридриху II) она любила заниматься философіей и литературой; большую часть времени проводила она въ уединеніи, заставляя читать себѣ вслухъ, и имѣла притязаніе слыть одною изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего вѣка, что ей и удавалось.

Вольтеръ былъ въ это время истиннымъ царемъ умственнаго міра въ Европѣ; онъ далъ ходъ философіи 18 вѣка въ обществѣ и на тронахъ. Философія, говоритъ Гейэръ, сдѣлалась синонимомъ освобожденія отъ предразсудковъ, которымъ стали хвалиться сильные міра, не сознавая, что оружіе, ими поддерживаемое, легко могло обратиться противъ нихъ же самихъ. То былъ, по словамъ того же писателя, монархическій или аристократическій періодъ этой философіи; позднѣе долженъ былъ наступить періодъ демократическій: Руссо началъ его и съ тѣхъ поръ прекратилась философія великихъ.

Мы знаемъ, какое значеніе пріобрѣлъ Вольтеръ въ отношеніи къ Екатеринѣ; его господству не могъ не подчиняться и Густавъ. Руководителями принца въ новыхъ ученіяхъ, которыя счи-

---

J. Castera, Paris, an VIII;—Historiches Taschenbuch von Fr. v. Raumer, Leipzig 1857; — Gustave III, par le baron de Beskow, Stockh. 1868; — С.-Петербургскія Вѣдомости 1777 года;—Acta Academiae scientiarum petropolitanae, I. II. 1778 и 1780 г.;—Сборникъ Русскаго Истор. Общества, особенно т. XIII, Спб. 1874;—Гр. Никита и Петръ Панины, П. Лебедева, Спб. 1863;—Ioseph II u. Katharina von Russland, Wien, 1869, и пр. Рукописные источники, дополнившіе эти матеріалы, были получены мною большею частью изъ Швеціи, благодаря обязательному содѣйствію нашего бывшаго посланника въ Стокгольмѣ Н. К. Гирса и генеральнаго консула А. Е. Моллеріуса.

тались средствомъ для пріобрѣтенія власти, были: мать его, филантропъ Карлъ Фридрихъ Шефферъ и поэтъ Крейцъ. Первый, членъ государственнаго совѣта, усердный послѣдователь школы экономистовъ, былъ одно время главнымъ наставникомъ Густава; послѣдній, также участвовавшій въ его воспитаніи, занималъ позднѣе дипломатическіе посты въ Мадридѣ и Парижѣ. Гейэръ называетъ обоихъ самыми гуманными, простодушными мечтателями. Въ одномъ письмѣ изъ Мадрида, Крейцъ пишетъ Густаву, что въ Парижѣ онъ познакомился съ знаменитымъ Юмомъ и внушилъ ему желаніе побывать въ Швеціи, взглянуть на королеву-философа и на молодого принца, который въ шестнадцать лѣтъ предпочитаетъ серіозныя книги легкому чтенію. «Была пора— говоритъ между прочимъ посланникъ—когда философія возводилась на костры, теперь она сидитъ на престолахъ: Берлинъ для нея священное убѣжище, въ Лондонѣ ей сооружаютъ алтари; ее чтутъ и любятъ на сѣверѣ, между тѣмъ какъ въ странахъ, болѣе ласкаемыхъ природою, она томится въ изгнаніи или безмолвствуетъ (Франція). Вольтеръ служитъ доказательствомъ, до какой степени вы, принцъ, возбуждаете участіе въ писателяхъ. Знаменитый старецъ прослезился, услышавъ, что ваше высочество знаете Генріаду наизусть. «Правда — сказалъ онъ — что я, сочиняя ее, имѣлъ въ виду доставить поученіе царямъ, но я не надѣялся, что она принесетъ плодъ на сѣверѣ. Я ошибался. Сѣверъ всегда производилъ героевъ и великихъ мужей.» Знаменитый писатель не переставалъ разспрашивать о мельчайшихъ подробностяхъ относительно вашего высочества. «Я старъ и слѣпъ— продолжалъ онъ—но если все, что вы мнѣ говорите, справедливо, то я умру спокойно: черезъ пятьдесятъ лѣтъ въ Европѣ уже не будетъ предразсудковъ. Общій разумъ когда-нибудь, конечно, будетъ довольно силенъ, чтобы произвести такой переворотъ.» Такъ заключаетъ Крейцъ. Любопытенъ и отвѣтъ молодого принца: «Ваше письмо доставило мнѣ безконечное удовольствіе. Отзывъ Вольтера несказанно для меня лестенъ. Желаю когда-нибудь заслужить его одобреніе, но боюсь, что теперь оно вызвано

вашимъ дружески преувеличеннымъ описаніемъ моихъ достоинствъ. Я въ восторгѣ, что вы продолжаете заниматься словесностью, и особенно поэзіей. Никогда наша литература не была въ такой опасности, какъ теперь. Далинъ умеръ, Ире скоро перестанетъ писать, Гюлленборгъ женился, и отъ него пойдутъ дѣти вмѣсто сатиръ. Такимъ талантамъ надо бы запретить жениться. Съ отрадой, но и съ грустью, вспоминаю наши ужины въ Дротнингтольмѣ[1] и бесѣды, которыя такъ много способствовали къ моему образованію».

Изъ Парижа, по переводѣ своемъ туда въ 1766 году, графъ Крейцъ сообщалъ Густаву всѣ текущія литературныя новости и устроилъ переписку между нимъ и Мармонтелемъ, который послалъ ему своего «Велисарія» и посвятилъ *Les Incas*. Между прочимъ, Крейцъ исправно доставлялъ кронпринцу романы Вольтера и новые томы Энциклопедіи. Въ сентябрѣ 1769 г. онъ пишетъ: «Посылаю осьмую часть Энциклопедіи, но прошу ваше высочество хранить ее, какъ и прочія части, про себя. Забавно, что самыя сильныя вещи похоронены въ *грамматическихъ* статьяхъ». Въ 1770 г., Густавъ самъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ, предпринялъ заграничное путешествіе. Разумѣется, что оно прежде всего было направлено въ Парижъ, обѣтованный край всѣхъ тогдашнихъ путешественниковъ высшаго круга. Развратъ французскаго двора, гдѣ тогда господствовала Дюбарри, достигъ въ эту пору своего апогея; все, что здѣсь видѣлъ и слышалъ будущій король, дѣйствовало на его воспріимчивую душу не какъ предостереженіе, а какъ соблазнительный примѣръ. Здѣсь онъ сблизился съ дофиномъ (впослѣдствіи Людовикомъ XVI), закрѣпилъ свой союзъ съ Франціей и пріобрѣлъ ея поддержку для рѣшительной внутренней борьбы, которую готовился вести въ своемъ отечествѣ. Мечту свою побывать у Вольтера въ Фернеѣ онъ не успѣлъ осуществить, получивъ въ началѣ 1771 года неожи-

[1] Королевскій дворецъ близъ Стокгольма (Drottning зн. королева, holm—островъ).

данное извѣстіе о смерти своего отца, которое заставило его поспѣшно воротиться въ Швецію[1]. Еще бывши кронпринцемъ, онъ не могъ безъ негодованія видѣть совершенный упадокъ королевской власти и непрерывную борьбу партій, раздиравшую государство въ слѣдствіе дерократической олигархіи, установленной тамъ актомъ 1720 года: съ тѣхъ поръ продолжался извѣстный въ шведской исторіи подъ именемъ времени вольности (frihetstiden) періодъ внутреннихъ смутъ. Положить конецъ этому невыносимому положенію дѣлъ было первою заботой 26-лѣтняго короля. Рѣшимость, твердость и благоразуміе, съ какими онъ въ 1772 году совершилъ задуманный переворотъ, поставили его высоко въ глазахъ всей Европы, и можно было повидимому ожидать еще много великихъ дѣлъ отъ монарха, который такъ блистательно начиналъ свое царствованіе. Но нравственное существо его было исполнено самыхъ рѣзкихъ противорѣчій: страсть къ пышности, къ внѣшнему блеску, къ драматическимъ эффектамъ, славолюбіе и тщеславіе безпрестанно одерживали въ немъ побѣду надъ лучшими побужденіями и вѣрнымъ по большей части пониманіемъ вещей. Весьма мѣтко онъ самъ себя охарактеризовалъ въ слѣдующихъ строкахъ изъ одного письма къ Шефферу, писаннаго въ 1773 году: «Что бы ни говорили, людьми управляетъ воображеніе. Когда оно живо и сильно, то побуждаетъ ихъ къ великимъ предпріятіямъ; когда вяло и лѣниво, то производитъ только ничтожныхъ людей. Оно тѣмъ хорошо, что жизнь, возбужденная его дѣятельностью, тотчасъ сообщается. Это бываетъ особенно въ большихъ народныхъ собраніяхъ: головы воспламеняютъ одна другую. Тогда-то является энтузіазмъ, порождающій великія дѣла, добрыя или злыя, смотря по тому, какое направленіе они получатъ отъ сильныхъ характеровъ или обстоятельствъ. Послѣ такого похвальнаго слова живымъ воображеніямъ мнѣ почти совѣстно сознаться вамъ, что у меня самого

[1] Густавъ открыто защищалъ Вольтера противъ враговъ его и послалъ ему некрологъ своего отца, который самъ написалъ. Когда потомъ совершился переворотъ 1772 года, то Вольтеръ сочинилъ въ честь его особую поэму.

очень пылкая фантазія». Въ такихъ сужденіяхъ нельзя не видѣть отраженія мыслей, разсѣянныхъ въ трудахъ энциклопедистовъ. Ихъ вліяніемъ объясняется, что въ письмахъ и замѣткахъ всѣхъ четырехъ названныхъ нами монарховъ нерѣдко встрѣчаются одни и тѣ же размышленія. Такъ въ дневникѣ Густава мы между прочимъ находимъ фразу: «Роль начальника партіи не достойна государя», и это же самое замѣчаніе въ разныхъ формахъ не разъ высказывается въ письмахъ Екатерины II[1].

Нельзя сказать, чтобы между ею и Густавомъ вовсе не было сходства: напротивъ, по своему образованію и вкусамъ, по одинаковому во многомъ положенію и наконецъ по самому существу своему, они представляли нѣкоторыя общія черты; оба, напримѣръ, равно дорожили властью и славой, любили блескъ торжествъ и шумъ похвалъ, привыкли къ расточительности; но, какъ мѣтко выразился одинъ изъ приближенныхъ Густава (графъ Ульрихъ Шефферъ, министръ иностранныхъ дѣлъ), общія имъ слабости, по странной игрѣ природы, въ Екатеринѣ принимали мужской характеръ, а въ Густавѣ женскій. Густавъ хотѣлъ только блистать и блистать всѣмъ, чѣмъ могъ, даже драгоцѣнными камнями; Екатерина, напротивъ, стремилась къ дѣйствительной силѣ, хотѣла посредствомъ ея господствовать и управлять.

По историческимъ и политическимъ причинамъ, отношенія между обоими монархами, не смотря на ихъ близкое кровное родство, были съ самаго воцаренія Густава весьма щекотливыя, и чѣмъ болѣе благопріятные слухи доходили о немъ до императрицы, тѣмъ недовѣрчивѣе она должна была смотрѣть на своего сосѣда. Вотъ почему уже 1 мая 1771 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія его на престолъ, она писала

---

[1] Такъ она писала 21 янв. 1771 г. къ г-жѣ Бьельке: «J'ai toujours eu pour principe que vis-à-vis de ses sujets un prince ne doit jamais être que juge, jamais chef, encore moins adhérent de parti». (Я всегда держалась того правила, что въ отношеніи къ своимъ подданнымъ государь долженъ быть судьею, а не начальникомъ, еще менѣе приверженцемъ партіи. Сборн. Р. Ист. Общ., т. XIII, стр. 63. Ср. тамъ же, стр. 208).

Никитѣ Панину: «Я не столь отзывалась утвердительно на добрыя диспозиціи короля шведскаго, чтобъ изъ того заключить можно, чтобъ не должно намъ бдѣннымъ окомъ смотрѣть на шведскіе обороты»[1]. Такое недовѣріе не могло не усилиться еще въ значительной мѣрѣ послѣ знаменитаго coup d'état $^{8}/_{19}$ августа 1772 г., такъ успѣшно сокрушившаго олигархію въ Стокгольмѣ. Событіе это самымъ чувствительнымъ образомъ задѣвало петербургскій кабинетъ, такъ какъ по Ништадтскому миру Россія, вмѣстѣ съ Даніей и Пруссіей, гарантировала сохраненіе въ Швеціи образа правленія 1720 года. Согласно съ этимъ, въ трактатѣ, заключенномъ между Россіей и Пруссіей въ 1769 г., было опредѣлено секретной статьей, что въ случаѣ возстановленія королевской власти у Шведовъ, Фридрихъ II обязанъ, по требованію Екатерины, сдѣлать нападеніе на шведскую Померанію. Встревоженный переворотомъ, прусскій король въ письмѣ къ своему племяннику порицалъ его поступокъ и предсказывалъ Швеціи большія затрудненія. Если тѣмъ ограничились со стороны Пруссіи послѣдствія дня 19-го августа, то причиной тому были польскія дѣла, поглощавшія въ этомъ самомъ году все вниманіе сосѣднихъ державъ.

Что касается Россіи, то Густавъ конечно понималъ, что послѣ побѣды надъ партіей шапокъ, которую всячески поддерживалъ русскій посланникъ Остерманъ, шведскому королю могла предстоять другая, болѣе опасная борьба съ союзницей этой партіи—Россіей. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего успѣха онъ извѣстилъ о немъ Екатерину II. Она приняла его письмо холодно, и въ отвѣтѣ своемъ, воздерживаясь отъ всякаго поздравленія, ограничилась выраженіемъ надежды, что миръ будетъ сохраненъ, не смотря на разныя дѣйствія, которыя клонятся къ его нарушенію. Въ то же время она приказала Остерману стараться возстановить прежнее правленіе. Въ частныхъ письмахъ ея къ дру-

[1] Сб. Ист. Общ. XIII, 82. Для поздравленія новаго короля съ восшествіемъ на престолъ, 29 сентября 1771 года посланъ былъ въ Стокгольмъ девятнадцатилѣтній сынъ Долгорукаго-Крымскаго.

гимъ лицамъ между тѣмъ выражалось неудовольствіе противъ Густава. «Я вижу» — говорила она г-жѣ Бьельке, съ которою вела самую откровенную переписку — «что молодой шведскій король не придаетъ никакого значенія самымъ торжественнымъ клятвамъ и увѣреніямъ своимъ. За день до революціи онъ обвинялъ въ бунтѣ христіанстадскій гарнизонъ, а на другой день принялъ его сторону. Никогда ни въ какой странѣ законы не были такъ попираемы, какъ въ Швеціи при этомъ случаѣ, и я вамъ ручаюсь, что этотъ король такой же деспотъ, какъ сосѣдъ мой, султанъ: онъ рѣшительно ничѣмъ не стѣсняется. Не знаю, это ли — средство долго пользоваться любовью націи, рожденной и воспитанной въ правилахъ свободы; но полагаю, что не у меня одной въ Европѣ родятся такія мысли»[1]. Почти то же самое Екатерина нѣсколько позднѣе писала Вольтеру, прибавляя еще слѣдующія замѣчанія: «Вотъ нація, которая менѣе чѣмъ въ четверть часа теряетъ свой образъ правленія и свою свободу. Государственные чины, окруженные войскомъ и пушками, въ двадцать минутъ обсудили 52 пункта, которые они принуждены были подписать... И все это черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ государь и весь народъ взаимно поклялись строго сохранять обоюдныя права свои»[2].

Дальнѣйшіе поступки Густава, за которыми Екатерина зорко слѣдила, все болѣе раздражали ее. Въ головѣ его уже зародилась мечта о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, и онъ готовъ былъ тотчасъ же приступить къ дѣлу: по поводу слуховъ о враждебныхъ намѣреніяхъ Даніи, шведскіе полки явились у норвежскихъ границъ, и самъ король посреди зимы поѣхалъ туда, но Фридрихъ II заставилъ его отказаться отъ этого преждевременнаго предпріятія. Между тѣмъ Екатерина, уже провѣдавъ о пла-

[1] Сб. Р. Ист. Общ. XIII, стр. 265.

[2] Тамъ же, стр. 268. Есть извѣстіе, что императрица впослѣдствіи сама нашла это мѣсто слишкомъ рѣзкимъ и потребовала черезъ Гримма, чтобы оно было исключено изъ ея переписки при изданіи полнаго собранія сочиненій Вольтера (1784—1789). (Gustav III, par Beskow, стр. 95). Однакожъ въ письмахъ Екатерины къ Гримму ничего подобнаго не оказывается.

нахъ Густава, писала къ г-жѣ Бьельке: «Этотъ молодой шведскій король, котораго вы считаете благоразумнымъ, не таковъ по-моему: онъ велъ въ Норвегіи тайныя интриги, которыя открылись и даютъ мало вѣса его словамъ: я по всему вижу, что онъ не уважаетъ своихъ завѣреній, и если нужно сказать напрямикъ,—для него нѣтъ ничего святого: послѣ этого довѣряйтесь ему, если можете»[1]. Вольтеръ давно поговаривалъ о своемъ желаніи посѣтить императрицу: «Шведскій король» — отвѣчала она фернейскому философу—«доставитъ вамъ возможность сократить путешествіе: война можетъ сдѣлаться общею изъ-за этой политической шалости»[2].

Неудивительно, что въ Европѣ ходили слухи о скоромъ разрывѣ между Россіей и Швеціей, тѣмъ болѣе, что перемѣна обстоятельствъ, происшедшая въ Даніи съ паденіемъ Струэнзе, вызвала новое сближеніе между этимъ государствомъ и петербургскимъ дворомъ. Хотя Англіи и Франціи и удалось предупредить войну, однакожъ предложеніе Густава отправить въ Россію посланника было отклоненно Екатериной, а съ Даніей велись переговоры объ уступкѣ ей притязаній на Голштинію за предоставленіе Ольденбурга и Дельменгорста младшей отрасли гольштейнъ-готторпскаго дома помимо той, которая занимала шведскій престолъ[3]. Толки о войнѣ возобновились. Говорили, что великій князь, принадлежа къ старшей линіи голштинскаго дома, можетъ предъявить права на шведскую корону предпочтительно передъ младшею, царствующею въ Швеціи, что Ништадтскій миръ нарушенъ измѣненіемъ тамъ формы правленія, что Россія въ правѣ занять Финляндію, какъ занимала ее до этого мира, и проч. Прибавляли, что императрица, по совѣту графа Орлова, рѣшилась напасть на Швецію съ сорокатысячнымъ войскомъ, съ многочисленнымъ паруснымъ и галернымъ флотомъ. Между тѣмъ однакожъ ни Екатерина, ни Густавъ, при тогдашнихъ обстоя-

[1] Сб. Р. Ист. Об. XIII, стр. 286.

[2] Тамъ же.

[3] О послѣдствіяхъ этихъ переговоровъ см. ниже.

тельствахъ, не могли желать войны, и государыня въ письмѣ къ Вольтеру такъ опровергала передъ Европой подобные слухи: «Они (т. е. французы) распустили молву, будто я просила у хана тридцать тысячъ татаръ для войны съ шведами и что онъ мнѣ въ томъ отказалъ. У меня и въ мысляхъ никогда не было такой глупости, и я очень сомнѣваюсь, чтобъ г. Сенъ-При (французскій посланникъ въ Константинополѣ), какъ увѣряютъ, доносилъ объ этомъ, потому что обыкновенно у посланниковъ предполагается по крайней мѣрѣ здравый смыслъ»[1].

Въ то же время Густава постоянно занимала мысль изгладить личнымъ свиданіемъ съ Екатериною неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на нее его первыми дѣйствіями. О поѣздкѣ въ Петербургъ онъ думалъ съ самаго воцаренія своего и нѣсколько разъ заявлялъ это намѣреніе. О томъ свидѣтельствуютъ между прочимъ слѣдующія строки изъ переписки императрицы съ г-жою Бьельке (отъ 18 мая 1771 г.): «Со всѣхъ сторонъ слышатся большія похвалы шведскому королю. Мнѣ очень досадно, что я не могла видѣть моихъ собратьевъ, Божіею милостью сѣверныхъ государей. Оба хотѣли быть сюда, но тому и другому встрѣтились препятствія, а я также не поѣду къ нимъ. Такимъ образомъ мы рискуемъ увидѣться только на томъ свѣтѣ; тамъ, если пожелаете, и вы можете присутствовать при нашемъ свиданіи, которое будетъ не безынтересно, и я вамъ обѣщаю, что разсмѣшу васъ, если это будетъ возможно, не смотря на требованія приличія»[2]. Въ намѣреніи посѣтить Екатерину утверждала короля и мать его; находясь временно въ Берлинѣ, она писала сыну: «Братъ мой (Фридрихъ II) думаетъ, что ты далеко не уйдешь безъ Россіи, и совѣтуетъ тебѣ съѣздить въ Петербургъ». Какъ смотрѣла Екатерина на будущую встрѣчу съ своимъ безпокойнымъ сосѣдомъ, видно опять изъ ея переписки съ г-жою Бьельке. «Носятся слухи»—писала она 5 января 1774 года—«что онъ пріѣдетъ въ Финляндію; но вотъ уже третій разъ ходитъ подобная

[1] Сб. Ист. Общ. XIII, стр. 384.

[2] Тамъ же, стр. 95.

молва, а вмѣсто того, въ первый разъ, онъ произвелъ революцію, во второй, отправился въ Норвегію. Не знаю, что̀ будетъ въ третій разъ; но если онъ пріѣдетъ ко мнѣ въ гости, то по неравенству нашихъ лѣтъ предвижу, что онъ будетъ страшно скучать со мною. Кромѣ того онъ французъ съ головы до ногъ: подражаетъ во всемъ французамъ и усвоилъ себѣ даже весьма скучный этикетъ французскаго двора; я же почти во всемъ составляю совершенную противоположность тому: съ роду я не могла терпѣть подражанія, и ужъ если выразиться прямо, то я такой же оригиналъ, какъ самый истый англичанинъ. Я не въ состояніи круглый годъ заниматься стихами и пѣснями, или щеголять остротами; у всякаго, какъ видите, своя фантазія; ни тотъ, ни другой изъ насъ не перемѣнится; но изъ всего этого слѣдуетъ, что навѣрное шведскій король соскучится со мною»[1].

Характеристика короля, набросанная здѣсь Екатериною II, и сравненіе, которое она проводитъ между имъ и собою, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мы уже видѣли, что Густавъ былъ дѣйствительно воспитанъ въ слѣпой приверженности ко всему французскому; это основывалось не только на общемъ духѣ тогдашняго быта высшихъ классовъ въ цѣлой Европѣ, но и на особенныхъ отношеніяхъ стокгольмскаго двора къ версальскому; хотя Густавъ и старался поднять въ Швеціи національное чувство и между прочимъ завелъ драматическія представленія на родномъ языкѣ, но и въ жизни, и въ литературѣ онъ все-таки оставался вѣренъ нравамъ и вкусу французовъ. Говорилъ и писалъ онъ на языкѣ Вольтера съ большою развязностію, хотя, по общему обычаю эпохи, владѣлъ имъ только по навыку и писалъ безъ всякой орфографіи, впадая напр. въ такіе светицизмы, какъ cholly вмѣсто joli, или chose вмѣсто j'ose. Что касается Екатерины, то она издавна хвалилась англоманіей, любила приписывать себѣ англійскія свойства и говорила, что давно бы предприняла поѣздку въ Англію, еслибъ эта страна была такъ же близка, какъ

[1] Сб. Р. Ист. Общ. XIII, 379.

Швеція[1]. Впрочемъ вражда, которую императрица въ то же время показывала къ французамъ, презрительно называя ихъ, по примѣру Вольтера, влахами (les velches), была болѣе политическаго, нежели сердечнаго свойства и притомъ являлась собственно только отплатою за личную непріязнь, какую питалъ къ ней Шуазель. Въ сущности воспитаніе Екатерины, какъ мы уже знаемъ, было также въ полномъ смыслѣ французское; оно отразилось также на ея литературныхъ произведеніяхъ, и, не смотря на свое уваженіе ко всему англійскому, она однако въ своихъ подражаніяхъ Шекспиру являлась опять ученицею французовъ.

Какъ ненадеженъ былъ миръ между Екатериною и Густавомъ, видно между прочимъ изъ слѣдующаго случая. Въ 1775 году графъ Шуваловъ испыталъ въ Стокгольмѣ неожиданно-холодный пріемъ; императрица проводила этотъ годъ въ Москвѣ; пригласивъ всѣхъ иностранныхъ пословъ на обѣдъ въ Царицыно, она изъ этого приглашенія не исключила и шведскаго министра Нолькена, но просила вице-канцлера Остермана предупредить его, что хотя она и не желаетъ платить зломъ за зло, однакожъ, если шведскому королю придетъ охота пощипаться съ Россіей, то она, государыня, не останется у него въ долгу[2]. Поэтому неудивительно, что осенью 1775 года Густавъ опасался войны съ Россіей. Есть его своеручная записка о томъ, писанная въ октябрѣ этого года, гдѣ говорится: «Глядя на вооруженія Россіи, не могу не считать ихъ направленными противъ моихъ владѣній съ цѣлію выполнить тѣ планы мести, которые занимали императрицу съ самой революціи (т. е. переворота 1772 года), но были остановлены турецкою войной и польскими дѣлами. Кажется, не миновать открытой войны этою осенью или въ будущемъ году, и не надо терять ни минуты, чтобы приготовиться къ отпору. Всего болѣе необходимѣе не затягивать этой войны и совершить смѣлое предпріятіе. Вотъ почему я сбираюсь напасть всѣми силами на Петербургъ и принудить императрицу къ миру». Не было не-

[1] Сб. Ист. Общ. XIII, стр. 209.
[2] Сб. XV, 609.

достатка въ людяхъ, которые внушали ему, что при могуществѣ, которое онъ умѣлъ доставить Швеціи, ему ничего не будетъ стоить возвратить ей всѣ владѣнія, завоеванныя Россіей со времени Петра Великаго. Такъ думали и въ остальной Европѣ: вскорѣ послѣ стокгольмскаго переворота принцъ Генрихъ прусскій писалъ къ матери Густава: «При нынѣшнемъ образѣ правленія и десятилѣтнемъ мирѣ, Швеція можетъ сдѣлаться преобладающею державой».

Но воинственное расположеніе 1775 года было не продолжительно. Густавъ скоро возвратился къ мысли, что на первый случай всего важнѣе поѣздкою въ Петербургъ возстановить себя въ мнѣніи своей знаменитой родственницы. Посмотримъ между тѣмъ, каково ему жилось въ отечествѣ. Семейныя отношенія его были далеко не радостныя. Мать его, передъ своимъ замужствомъ, уже пріѣхала въ Швецію съ предубѣжденіемъ, котораго никогда не могла вполнѣ побѣдить: не безъ нѣкотораго презрѣнія смотрѣла она на эту сравнительно бѣдную и малолюдную страну. Когда сынъ вступилъ на престолъ, она, по своему властолюбію и любви къ роскоши, не могла равнодушно перенести перемѣны, происшедшей въ ея положеніи. Начались неудовольствія; вдовствующая королева требовала, чтобы ей назначено было ежегодное содержаніе еще до опредѣленія сеймомъ королевскаго: на это сынъ никакъ не могъ согласиться. О раздраженіи противъ него матери свидѣтельствуютъ письма, которыя она писала ему изъ Берлина во время 9-тимѣсячнаго тамъ пребыванія. По возвращеніи ея между ними произошелъ полный разрывъ по одному совершенно внѣшнему поводу. Прежде караулъ у королевы и сына ея отбывали тѣ же тѣлохранители; но въ отсутствіи ея, король, по ихъ просьбѣ, повелѣлъ, чтобы они служили только при его лицѣ; при королевѣ же ихъ замѣнила особая стража съ собственною ея ливреей. Это сильно оскорбило мать Густава, и она уже никогда не могла простить ему такого, какъ ей казалось, униженія своего достоинства. Женившись (въ 1766 г.) безъ всякой любви на датской принцессѣ Софіи Магдалинѣ, Гу-

ставъ не зналъ и домашняго счастія. Вознагражденіе онъ могъ находить только во внѣшнихъ благахъ и въ любви народа, которую дѣйствительно умѣлъ пріобрѣсти: всѣ согласны въ томъ, что первыя шесть лѣтъ его царствованія были изъ самыхъ счастливыхъ въ шведской исторіи. Послѣ переворота, при дворѣ воцарилось спокойствіе, какого давно не видали: партіи замолкли; король никому не мстилъ, и при раздачѣ должностей не руководствовался никакимъ пристрастіемъ; не было ни интригъ, ни тѣхъ шумныхъ проявленій соперничества и зависти, которыя прежде такъ часто нарушали миръ. Король, одержавъ побѣду надъ своими врагами, показалъ рѣдкую умѣренность и не только не злоупотреблялъ своею властью, но добровольно слѣдовалъ либеральнымъ началамъ, какихъ не видѣла на дѣлѣ еще и западная Европа: хотѣлъ быть, какъ самъ онъ говорилъ, «стражемъ свободы своего народа». Къ популярности его особенно способствовала свобода печати, введенная имъ даже вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ государственныхъ людей. Но эта популярность однакожъ вскорѣ сильно поколебалась, когда король, слѣдуя примѣру Пруссіи и Россіи, для увеличенія государственныхъ доходовъ отмѣнилъ право свободнаго винокуренія и присвоилъ его коронѣ. Мѣра эта тяжело отозвалась на народномъ хозяйствѣ и повлекла за собой строгія взысканія и разнаго рода стѣсненія, между прочимъ домашніе обыски и систему шпіонства, для поддержанія которой доносчикамъ раздавались награды. Неудовольствіе, возбужденное въ народѣ этимъ нововведеніемъ, мало по малу подорвало его довѣріе и къ самому королю: Густава стали обвинять въ лицемѣріи, осуждали его любовь къ театральнымъ представленіямъ, въ которыхъ самъ онъ при дворѣ своемъ принималъ участіе, вообще его страсть къ разорительнымъ увеселеніямъ, особенно къ турнирамъ или каруселямъ: въ подражаніе другимъ странамъ Европы, онъ устроилъ съ величайшею роскошью два подобныя торжества и тѣмъ далъ новую пищу начинавшемуся народному ропоту.

Таково было положеніе Густава, когда онъ въ 1777 году,

по совѣту своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Ульриха Шеффера, рѣшился осуществить планъ поѣздки въ Петербургъ. Есть извѣстіе, что его намѣреніе было склонить Екатерину II къ союзу противъ Даніи, но что планъ этотъ не удался. По поводу ожидаемаго пріѣзда короля, императрица назначила состоять при немъ находившагося въ Финляндіи съ своею дивизіею графа Брюса, которому и было приказано встрѣтить его, но не собирать при этомъ полковъ, такъ какъ они были плохи; король же ѣхалъ инкогнито и, слѣдовательно, прямой надобности въ томъ не было[1]. Вотъ какъ Густавъ самъ описываетъ свои приготовленія къ путешествію и пріѣздъ въ Петербургъ[2]:

«Обстоятельства казались мнѣ благопріятными для исполненія моего давнишняго намѣренія лично переговорить съ императрицей и постараться изгладить неудовольствіе, какое оставилъ въ ея душѣ достопамятный день 19 августа 1772 года: итакъ я рѣшился въ этомъ (1777) году съѣздить въ Петербургъ. Но надо было хранить это въ тайнѣ до самаго путешествія. Съ адмираломъ Тролле, который ѣхалъ въ Финляндію, я отправилъ приказаніе приготовить въ Свеаборгѣ судно, подъ предлогомъ обученія морскихъ офицеровъ, и прибыть съ нимъ въ Стокгольмъ, такъ чтобъ мнѣ можно было пуститься въ путь 8 или 9 іюня. Я былъ намѣренъ употребить это судно до Свеаборга, а оттуда въ Петербургъ итти на галерѣ, оснащенной въ Стокгольмѣ. Я далъ своему посланнику въ Парижѣ порученіе относительно подарковъ

---

[1] Изъ этихъ распоряженій видно, что въ Петербургѣ сначала думали, что король пріѣдетъ сухимъ путемъ. Густава ждали нѣсколько разъ, и между прочимъ 6 апрѣля 1772 г. государыня писала Елагину: «Въ краткую конфиденцію вамъ сообщаю, что король шведскій вознамѣрился сюда пріѣхать; точное время не знаю, а вѣроятно, что воспослѣдуетъ въ іюлѣ или августѣ. И для того: первое, старайтесь, чтобъ въ Ораніенбаумѣ въ саду домики были обитаемы къ тому времени; второе, чтобъ была опера новая» и пр. (Сб. Р. Ист. Общ. XIII, 231).

[2] См. подлинное описаніе на французскомъ языкѣ въ приложеніи III. Здѣсь оно сообщается въ извлеченіи по напечатаннымъ на шведскомъ языкѣ «Бумагамъ Густава III».

и назначилъ на путешествіе 20 т. риксдалеровъ[1]. Я велѣлъ написать барону Нолькену, моему чрезвычайному послу въ Петербургѣ, чтобы онъ предупредилъ о моемъ пріѣздѣ и далъ мнѣ знать, удобно ли императрицѣ выбранное мною время. Онъ долженъ былъ условиться съ графомъ Панинымъ обо всемъ, что касается салюта: впрочемъ по щекотливости этого дѣла я предпочиталъ сохранить полное инкогнито и вовсе не имѣть салюта. Моему посланнику было приказано сообщить конфиденціально о моемъ путешествіи французскому министерству. Отвѣтъ пришелъ 29 (18) мая. На слѣдующій день я извѣстилъ сенатъ о своемъ рѣшеніи и о томъ, что на время своего отсутствія главное начальство въ Стокгольмѣ передаю брату. Сопровождать себя я назначилъ графа Ульриха Шеффера и Морица Поссе[2].

«Въ суботу, 7-го іюня, я сѣлъ на корабль передъ дворцомъ, въ присутствіи двора, множества дворянъ и огромной толпы, при пушечной пальбѣ и кликахъ народа. Королева, братъ мой и невѣстка провожали меня до мыса Блокгуса... Въ понедѣльникъ, 16 (5) іюня въ два часа утра, показались вдали Кронштадтъ и Ораніенбаумъ. Явился русскій офицеръ и спросилъ, гдѣ графъ Готландскій—на яхтѣ или на галерѣ. Я самъ отвѣчалъ, что онъ на яхтѣ. Офицеръ подалъ мнѣ письмо отъ императрицы. Въ $^3/_4$ 5-го мы бросили якорь передъ Кронштадтомъ. Было великолѣпное утро. Мы высадились въ Ораніенбаумѣ, въ 40 верстахъ или 4-хъ шведскихъ миляхъ отъ Петербурга. Мы проѣхали это пространство въ три часа, не перемѣняя лошадей. Русскіе кучера самые лучшіе въ мірѣ. Въ $^3/_4$ 10-го я остановился въ посольскомъ домѣ и сейчасъ же посѣтилъ неожиданно графа Панина. Русскіе офицеры, не зная кто я, съ удивленіемъ смотрѣли на мой синій мундиръ à la Charles XII и на бѣлый платокъ, повязанный вокругъ лѣвой руки[3], когда я шелъ за Нолькеномъ черезъ всѣ комнаты въ

[1] На наши деньги тысячъ 5 руб. сер.

[2] Въ № 45 С. Петерб. Вѣдом. 1777 г. исчислены и другія, второстепенныя лица, бывшія въ свитѣ короля.

[3] Во время переворота 1772 г. король приказалъ всѣмъ офицерамъ носить

кабинетъ Панина. Когда мы вошли туда, онъ одѣвался и натягивалъ свое нижнее платье. Поздоровавшись съ Нолькеномъ, онъ сказалъ: «Ахъ, баронъ, милости просимъ! что у васъ новаго?...» Въ эту минуту онъ увидѣлъ меня. Я подошелъ и по глазамъ его могъ замѣтить, какъ онъ былъ изумленъ, особенно когда Нолькенъ представилъ ему графа Готландскаго. Не могу описать его замѣшательства. Онъ хотѣлъ снять свой колпакъ, но не рѣшался выпустить панталоны, которыя держалъ одной рукой, привѣтствуя меня другою, и сказалъ Нолькену: «Ахъ, баронъ! какую шутку вы со мной сыграли!» Нолькенъ отвѣчалъ: «Я не удивляюсь смущенію вашего сіятельства, но есть пріѣзжіе, которымъ ни въ чемъ нельзя отказать». Я объяснилъ, что съ величайшимъ нетерпѣніемъ желаю увидѣть императрицу и что, имѣвъ удовольствіе двадцать лѣтъ тому назадъ свидѣться съ Панинымъ, могу считать себя его старымъ знакомымъ, хотя, конечно, я много съ тѣхъ поръ измѣнился[1]. Графъ Панинъ говорилъ любезности и извинялся по-своему и на своемъ обычномъ языкѣ, безпрестанно повторяя одно и то же. Баронъ Нолькенъ сказалъ, что графъ Фалькенштейнъ (императоръ Іосифъ II) былъ еще хуже принятъ графомъ Морепà, который заставилъ его дожидаться въ гостиной». — (Послѣ описанія комнаты графа Панина этотъ дневникъ, къ сожалѣнію, прекращается).

О пребываніи короля въ Петербургѣ, продолжавшемся ровно мѣсяцъ, мы находимъ подробныя свѣдѣнія въ тогдашней академической газетѣ, которая въ этомъ случаѣ, конечно не безъ воли самой императрицы, отступила отъ своего обычнаго лаконизма; притомъ директоръ академіи наукъ Домашневъ, какъ мы скоро увидимъ, былъ лично заинтересованъ въ сообщеніи извѣстій о пріемѣ Густава. Эти свѣдѣнія любопытны, не только въ отно-

---

этотъ знакъ, который послѣ и остался принадлежностью военной формы. Это продолжалось до сведенія съ престола Густава IV Адольфа въ 1809 году.

[1] См. С.-Петербур. Вѣдом. 1777 г., №№ 45 — 55. Мы слышали, что есть и на шведскомъ языкѣ рукописное описаніе пребыванія Густава III въ Петербургѣ, составленное полковникомъ Шинкелемъ. Услышавъ, что эта рукопись

шеніи собственно къ главному своему предмету, но и потому, что изъ нихъ намъ становится яснѣе, что̀ въ то же время дѣлалось при дворѣ Екатерины II и какъ сама она проводила время. Вотъ почему здѣсь представляется въ извлеченіи вся хроника пребыванія шведскаго короля въ Петербургѣ.

Графъ Готландскій прибылъ въ нашу столицу 5-го іюня въ 8 часовъ утра. Такъ какъ слухъ о его пріѣздѣ уже нѣсколько дней ходилъ по городу, то передъ домомъ шведскаго посланника, гдѣ король остановился, собралась большая толпа народа. Уже въ 11 часовъ царственный путешественникъ вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ отправился къ графу Панину и пробылъ у него съ часъ. При выходѣ изъ его кабинета, шведскій посланникъ пригласилъ Никиту Ивановича къ себѣ отобѣдать съ графомъ Готландскимъ. Послѣ обѣда въ 5 часовъ король поѣхалъ въ Царское Село, и былъ введенъ къ императрицѣ графомъ Панинымъ въ особый кабинетъ, гдѣ она ожидала его и куда вскорѣ вошелъ также великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою (Маріей Федоровной). «Свиданіе ихъ», говоритъ газета, «происходило съ изъявленіемъ взаимныхъ горячихъ родственническихъ чувствованій». Тамъ Густавъ III и ужиналъ съ царственнымъ семействомъ, и только въ часъ ночи возратился въ городъ. Между тѣмъ въ этотъ же день вечеромъ петербургскіе жители, надѣясь увидѣть короля въ Лѣтнемъ саду, собирались туда въ необыкновенномъ множествѣ: «не запомнитъ никто» — сказано въ современномъ описаніи — «такой тѣсноты, какова была въ понедѣльникъ ввечеру въ придворномъ Лѣтнемъ саду»; но графъ Готландскій посѣтилъ его только на другой день въ ранніе часы, когда еще публики тамъ не бываетъ.

Въ тотъ самый день, 6 іюля, памятный сожженіемъ турецкаго флота при Чесмѣ, происходила закладка церкви на импера-

---

хранится въ библіотекѣ упсальскаго университета, мы сдѣлали попытку для полученія ея, но впослѣдствіи оказалась что тамъ находится только подлинная записка короля объ этомъ путешествіи, которая и доставлена намъ въ копіи, печатаемой ниже въ приложеніяхъ.

торской дачѣ, за нѣсколько лѣтъ до того построенной на 7-й верстѣ по царскосельской дорогѣ. Въ то время это мѣсто еще носило финское названіе «Кекерекексино»[1]. Екатерина пожелала построить здѣсь церковь въ память славной побѣды; при закладкѣ присутствовалъ Густавъ и самъ положилъ камень въ основаніе храма Іоанна Предтечи[2]. Здѣсь государынѣ были представлены графомъ Панинымъ главныя лица королевской свиты, которыя удостоились и обѣдать за ея столомъ во дворцѣ. Послѣ обѣда Густавъ III возвратился въ городъ, былъ въ придворномъ спектаклѣ и ужиналъ у графа Панина. Въ тотъ же день онъ посѣтилъ вице-канцлера графа И. А. Остермана.

9-го, король ѣздилъ въ Царское Село, а по возвращеніи былъ въ придворномъ французскомъ спектаклѣ и ужиналъ у президента адмиралтейской коллегіи графа Ив. Гр. Чернышева.

Въ слѣдующій день императрица изъ Царскаго Села переѣхала на лѣтнее пребываніе въ Петергофъ. На пути, въ полдень, она остановилась на дачѣ оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина и тамъ кушала. Въ числѣ 35 гостей былъ и шведскій король. Послѣ прогулки въ паркѣ этой дачи государыня въ 5 часовъ отправилась далѣе и по дорогѣ еще разъ остановилась на дачѣ И. Г. Чернышева.

Въ воскресенье, 11 числа, послѣ обѣда, графъ Готландскій принималъ визиты, которые ему отдавали многія знатныя лица, въ томъ числѣ иностранные министры; въ 6 часу онъ поѣхалъ въ Лѣтній дворецъ (на мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго замка), а по осмотрѣ его прошелъ пѣшкомъ въ Лѣтній садъ, гдѣ былъ встрѣченъ необыкновенно многочисленной публикой: «любопытство видѣть сего знаменитѣйшаго гостя влекло всѣхъ туда, гдѣ только онъ являлся, и вездѣ, гдѣ останавливался, окружаемъ былъ тѣснящимся множествомъ».

---

[1] «Лягучешье болото», какъ тогда объясняли это имя.

[2] Освященіе этой церкви происходило 24 іюня 1780 года въ присутствіи бывшаго тогда въ Петербургѣ императора Іосифа II; въ этотъ же день мѣсто было переименовано Чесмою (*С.-Петербургскій Вѣстникъ*, ч. V, стр. 480).

12-го іюня, онъ посѣтилъ академію художествъ и ѣздилъ въ Петергофъ; 14-го ужиналъ съ царскимъ семействомъ въ Ораніенбаумѣ, 15-го обѣдалъ у Остермана, а ужиналъ у испанскаго министра графа Ласси. 16-го, послѣ обѣда, присутствовалъ въ Смольномъ монастырѣ при раздачѣ дѣвицамъ наградъ, вечеромъ же былъ въ придворномъ театрѣ на представленіи славившейся въ то время волшебной комической оперы Мармонтеля Земира и Азоръ. 17-го, въ суботу, послѣ обѣда, ѣздилъ съ визитами ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ; на воскресенье же поѣхалъ въ Петергофъ и былъ тамъ на придворномъ балѣ.

21-го числа, императрица пріѣхала въ городъ и угощала короля обѣденнымъ столомъ въ Эрмитажѣ. Поутру, въ этотъ день, онъ былъ въ Невскомъ монастырѣ у обѣдни и потомъ посѣтилъ тамъ митрополита Гавріила, а оттуда ѣздилъ на фарфоровый заводъ (по шлюссельбургской дорогѣ), гдѣ въ его присутствіи производились разныя работы и поднесены были ему нѣкоторыя издѣлія этой фабрики. Послѣ обѣда онъ смотрѣлъ «экзерциціи» преображенскаго полка.

22-го, п. о., король былъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ начальникъ этого заведенія И. И. Бецкій показалъ «разныя военныя и гимнастическія» упражненія кадетъ; король любовался ихъ ловкостью и проворствомъ, особливо въ перепрыгиваніи рвовъ, волтижированіи и плаваніи. Осматривая въ Петербургѣ все достойное вниманія, Густавъ около этого времени посѣтилъ между прочимъ императорскую шпалерную мануфактуру.

На слѣдующій день онъ былъ въ крѣпости, гдѣ въ сопровожденіи Потемкина, Румянцова Задунайскаго и множества другихъ лицъ, посѣтилъ между прочимъ монетный дворъ. Извѣстный А. А. Нартовъ показалъ ему всѣ производившіяся тутъ работы и поднесъ ему выбитыя въ его присутствіи золотыя и серебряныя медали. Оттуда король, во 2-мъ часу, поѣхалъ на шлюпкахъ въ Горное училище; тотъ же Нартовъ объяснилъ ему и здѣсь все достопримѣчательное и представилъ въ даръ отъ имени

училища рѣдкія русскія руды. Потомъ онъ былъ введенъ въ устроенную нарочно рудокопную гору, на поверхности и внутри которой исполнялись кадетами разныя горныя работы.

23-е число было назначено для посѣщенія академіи наукъ. Тамъ по этому случаю происходило публичное торжественное собраніе, на которое были приглашены между прочимъ почетные члены академіи, иностранные министры и многія лица высшаго петербургскаго общества. Уже въ 11 часовъ утра пріѣхалъ Густавъ и внизу лѣстницы былъ встрѣченъ директоромъ академіи. Въ актовой залѣ король не захотѣлъ воспользоваться приготовленнымъ ему почетнымъ мѣстомъ и занялъ одинъ изъ стульевъ, поставленныхъ для его свиты[1]. Сперва прочитанъ былъ протоколъ предыдущаго собранія, а за нимъ разсужденіе академика Палласа о составѣ горъ и о перемѣнахъ, происшедшихъ на земномъ шарѣ въ примѣненіи къ Россіи. Потомъ директоръ академіи произнесъ рѣчь о справедливости наименованія 18 вѣка философскимъ, въ которой нашелъ случай изложить, какъ много науки и искусства уже обязаны шведскому королю. Въ заключеніе академикъ Штелинъ прочелъ полученное имъ изъ Китая письмо миссіонера Сибо, при которомъ прислано было сочиненіе этого лица о неизвѣстномъ дотолѣ видѣ грибовъ. Затѣмъ директоръ спросилъ членовъ, не имѣетъ ли еще кто предложить чего-нибудь, и по отрицательномъ отвѣтѣ объявилъ засѣданіе конченнымъ. Тогда графу Готландскому были представлены всѣ академики, изъ коихъ нѣкоторые были также членами стокгольмской академіи наукъ. Изъ залы собранія онъ, по предложенію Домашнева и въ сопровожденіи всѣхъ академиковъ, отправился въ кунсткамеру, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ восковое изображеніе Петра Великаго и аллегорическую картину, представлявшую подвиги этого государя въ связи съ побѣдами, прославившими Екатерину II въ послѣднюю турецкую войну. Изъ кунсткамеры Густавъ по крутой и узкой лѣстницѣ всходилъ на крышу

[1] Acta academiae sc. Petrop. I, стр. 6.

обсерваторіи, далѣе посѣтилъ монетный и минералогическій кабинеты; въ первомъ ему поднесены были золотая медаль и жетонъ, выбитые по случаю отпразднованнаго за годъ передъ тѣмъ 50 лѣтняго юбилея академіи наукъ, а во второмъ кусокъ самороднаго желѣза, найденнаго въ Сибири путешествовавшими тамъ академиками; отломокъ положенъ былъ въ большой серебряный ковчегъ съ готландскимъ гербомъ. Въ библіотекѣ король прочелъ нѣсколько страницъ писаннаго рукой Екатерины Наказа и принялъ печатный экземпляръ его на четырехъ языкахъ; кромѣ того ему были поднесены еще нѣкоторыя другія книги, печатанныя въ академической типографіи, планъ Петербурга и портфель съ рисунками восточныхъ рѣдкостей.

Послѣ всего этого, король пожелалъ видѣть знаменитый готторпскій глобусъ, внутренность котораго, какъ извѣстно, составляла цѣлую комнату со столомъ вокругъ оси, для 12 человѣкъ. Этотъ глобусъ внезапно распахнулся передъ Густавомъ и въ немъ, посреди цвѣтовъ и зелени, подъ гербомъ графа Готландскаго, сплетеннаго изъ розъ, приготовленъ былъ завтракъ. Здѣсь Домашневъ опять поднесъ ему карту Россіи, атласъ и т. п. Въ академической типографіи, куда король затѣмъ отправился, онъ взялъ листокъ печатавшагося тамъ эстампа и съ удивленіемъ увидѣлъ — свой портретъ. И тутъ вновь были поднесены ему портфели съ видами Петербурга, съ портретами русскихъ царей и особъ императорскаго дома, стихи въ честь его на разныхъ языкахъ, при немъ же отпечатанные, и т. п. При отъѣздѣ Густавъ III пригласилъ Домашнева къ своему столу, но узналъ, что самъ онъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ въ этотъ день королевскую свиту со всѣми академиками, и потому король взялъ назадъ свое приглашеніе, настоявъ чтобы директоръ академіи остался у себя съ своими гостями. Въ тотъ же день послѣ обѣда Густавъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ присутствовалъ на экзаменѣ кадетъ, а вечеромъ былъ во французскомъ спектаклѣ.

24-го, послѣ обѣда, онъ съѣхался съ императрицею въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ праздновались въ этотъ день именины на-

чальника его И. И. Бецкаго, и были приготовлены разнаго рода театральныя зрѣлища, игранныя дѣвицами то въ комнатахъ, то въ саду, при чемъ дѣвица Хрущова, представляя безобразнаго Азора въ сценѣ изъ извѣстной оперы и принявъ свой настоящій видъ при магическомъ дѣйствіи имени Екатерины, невольно заплакала при произнесеніи стиховъ въ честь своей благодѣтельницы. За ужиномъ графъ Готландскій сѣлъ между дѣвицами. День кончили царственныя особы въ домѣ Л. А. Нарышкина, дававшаго ужинъ на 35 человѣлъ. «На хорахъ въ большой галереѣ играла роговая музыка съ кларинетами и волторнами». Государыня въ этотъ вечеръ пожаловала малолѣтняго Дмитрія Львовича прапорщикомъ преображенскаго полка и уѣхала въ Петергофъ около часа по полуночи, а графъ Готландскій пробылъ на вечерѣ почти до 2-хъ часовъ. На другой день онъ присутствовалъ въ петергофскомъ дворцѣ на куртагѣ.

27-го былъ день Полтавской битвы. Императрица сочла приличнымъ отмѣнить обычное празднество. Замѣтимъ, что почти ровно черезъ сто лѣтъ послѣ того, именно въ 1875 году, нынѣ царствующій шведскій король въ этотъ самый день пріѣхалъ въ Москву, какъ бы въ ознаменованіе, что всѣ старыя распри Швеціи съ Россіей забыты, всѣ счеты между ними покончены. Что же дѣлалъ Густавъ III въ этотъ день? Поутру онъ принималъ трехъ академиковъ, пріѣхавшихъ къ нему для принесенія благодарности за полученныя наканунѣ шведскія золотыя медали. Это были Эйлеръ, Палласъ и астрономъ Лексель, родомъ финляндецъ; съ ними явился и Домашневъ для представленія ихъ королю. Вниманіемъ къ этимъ ученымъ Густавъ хотѣлъ выразить свою признательность за пріемъ, оказанный ему академіей; впослѣдствіи его связь съ этимъ учрежденіемъ еще болѣе была скрѣплена избраніемъ его въ члены нашей академіи. Въ тотъ же день позднѣе онъ ѣздилъ смотрѣть адмиралтейство, присутствовалъ при заложеніи новаго корабля и обѣдалъ у Ив. Гр. Чернышева. Послѣ обѣда онъ былъ на Васильевскомъ острову въ лагерѣ псковскаго полка.

Въ слѣдующіе два дня были царскіе праздники, и король уже наканунѣ вечеромъ отправился въ Петергофъ.

28-е число, день восшествія Екатерины на престолъ, было ознаменовано разными милостями, «въ коихъ получилъ участіе и народъ знатною сбавкою податей». 29-го, въ день тезоименитства великаго князя, былъ при дворѣ публичный маскарадъ, и изъ города съѣхалось такое множество лицъ обоего пола, что собраніе не могло бы помѣститься, если бъ не петергофскій садъ, «гдѣ большая часть масокъ находили себѣ убѣжище»: этотъ садъ и всѣ находящіяся въ немъ зданія, аллеи, фонтаны и проч. были иллюминованы съ особеннымъ великолѣпіемъ.

30-го императрица ѣздила съ королемъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ опять была играна опера Земира и Азоръ. 1 іюля графъ Готландскій, уже сбиравшійся въ обратный путь, смотрѣлъ въ Петербургѣ ученіе разныхъ соединенныхъ командъ, а позже расположенные по петергофской дорогѣ лагери. Въ этотъ день императрица кушала на Красной мызѣ оберъ-шенка Ал. Ал. Нарышкина, приморской дачѣ, находившейся въ той же мѣстности [1]). Гости, въ числѣ 28 человѣкъ, сидѣли за двумя столами; въ продолженіе обѣда играла музыка, а при возглашеніи тоста за здоровье государыни раздалась пушечная пальба. Такъ какъ погода въ тотъ день стояла ненастная и прогуливаться по прекраснымъ островамъ Красной мызы было невозможно, то время до 6 часовъ Екатерина провела за карточной игрой. Между тѣмъ пріѣхалъ и графъ Готландскій, чтобы, какъ-бы по дорогѣ, поклониться императрицѣ и сдѣлать визитъ хозяевамъ. Передъ отъѣз-

---

[1]) Ал. Ал. Нарышкинъ, старшій братъ Льва Александровича, былъ женатъ на любимой императрицею Аннѣ Никитичнѣ, рожденной Румянцевой (двоюр. сестрѣ фельдмаршала). Красная мыза была на 4-й верстѣ отъ Петербурга; по лѣвую сторону дороги былъ деревянный домъ съ деревнею въ голландскомъ вкусѣ; по правую же тянулся почти на версту, до самаго взморья, англійскій паркъ съ островами, бесѣдками, круглымъ храмомъ, качелями, кеглями и т. п. Здѣсь по воскресеньямъ было публичное гулянье съ музыкой. Эта дача была также извѣстна подъ оригинальнымъ названіемъ Ба, ба! какъ лежавшая въ 2-хъ верстахъ далѣе мыза Л. А. Нарышкина называлась Га, га.

домъ Екатерина смотрѣла проходившій мимо дачи недавно приведенный въ Петербургъ карасирскій полкъ, и къ 7 ч. возвратилась въ Петергофъ.

2 іюля Густавъ III былъ въ придворномъ городскомъ театрѣ на представленіи итальянской оперы Нитетти, а 3-го поѣхалъ въ Гатчино, и потомъ въ Петергофъ, съ тѣмъ чтобы уже прямо отсюда отправиться въ Швецію. Отъѣздъ его послѣдовалъ 5 іюля послѣ ужина. По словамъ петербургской газеты, графъ Готландскій «оставилъ здѣсь по себѣ пріятнѣйшее впечатлѣніе, произведенное его качествами, и знаки своего благоволенія къ тѣмъ, кои имѣли честь быть съ нимъ въ какомъ-либо сношеніи и оказать ему услуги».

По отъѣздѣ Густава III между нимъ и императрицей завязалась самая дружеская, интимная переписка. Чтобы разомъ показать, какое впечатлѣніе Екатерина II произвела на своего гостя, приведу сперва нѣсколько строкъ, писанныхъ имъ уже черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія изъ этого путешествія. Позднею осенью того же года, одинъ изъ приближенныхъ короля (Мункъ) ѣздилъ въ Петербургъ и возвратился обласканный Екатериною. Густавъ, изъявивъ ей свою благодарность, такъ между прочимъ выражался: «Я помню время, когда я жаждалъ доказательствъ вашей дружбы, какъ лестныхъ знаковъ уваженія великой государыни, прославляющей свой вѣкъ. Тогда я еще не зналъ васъ лично: судите же, какъ должны были усилиться эти чувства съ тѣхъ поръ, какъ я въ величайшей монархинѣ узналъ и самую любезную женщину своего времени, наиболѣе способную овладѣть сердцемъ, которому еще ни одна не умѣла внушить особенно живого чувства, женщину, которая была бы слишкомъ опасна, если бъ она была частнымъ лицомъ... Что касается Мунка, то могу увѣдомить свою любезную сестру, что въ ея дворцѣ, или въ ея покояхъ, нѣтъ такого уголка, куда бы я по нѣскольку разъ не возвращался вмѣстѣ съ нимъ, и онъ цѣлыхъ три дня былъ у меня какъ будто въ застѣнкѣ на допросѣ. Мнѣ казалось, что я на минуту опять перенесся къ вамъ: я воображалъ,

что вижу васъ въ Эрмитажѣ, стоя передъ большимъ диваномъ, на которомъ сидитъ и бесѣдуетъ съ вами князь Репнинъ, однимъ словомъ, вы представлялись мнѣ такою, какъ были, когда я вошелъ къ вамъ съ княземъ Потемкинымъ». Относительно взаимнаго сочувствія со стороны императрицы одинъ современный свидѣтель говоритъ, что Густавъ вообще не производилъ особеннаго впечатлѣнія на женщинъ, а тѣмъ менѣе на Екатерину; вдобавокъ, гордость и тщеславіе обоихъ мѣшали тѣсному между ними сближенію. Дѣйствительно, графъ Крейцъ, въ сентябрѣ 1777 года, писалъ королю изъ Парижа: «Вержень увѣдомляетъ меня, что русская императрица послѣ отъѣзда вашего величества говорила вещи, которыя не подтверждаютъ, чтобы дружба, оказанная ею вашему величеству, была искренняя; между прочимъ она выражала, что не вѣритъ въ прочность чувствъ, заявленныхъ ей вашимъ величествомъ». Однакожъ, самъ король былъ искренно доволенъ своимъ путешествіемъ. Онъ писалъ графу Крейцу изъ Дротнинггольма, 5 августа 1777 года: «Мое путешествіе удалось сверхъ моего ожиданія, и я изъ него уже извлекаю плоды. Старая партія шапокъ уничтожена и интригамъ аристократовъ также положенъ конецъ съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ отнята всякая надежда тревожить мое царствованіе возбужденіемъ вражды императрицы. Дружба заступила мѣсто предубѣжденія, и г. Симолину [1]) положительно приказано совершенно измѣнить свое поведеніе».

Любопытно, что сопровождавшій Густава III графъ Шеферъ приписывалъ такой результатъ болѣе себѣ, нежели самому королю. По его словамъ, Густавъ, проживъ здѣсь уже болѣе половины срока, не только ни на шагъ не приблизился къ цѣли, но скорѣе удалился отъ нея. Съ прискорбіемъ видя это, Шеферъ рѣшился наконецъ переговорить откровенно съ графомъ Панинымъ, который и предупредилъ императрицу о желаніи шведскаго министра лично съ нею объясниться. Случай къ тому скоро пред-

[1]) Русскому посланнику въ Стокгольмѣ послѣ Остермана, съ 1774 года.

ставился. На первомъ же вечернемъ собраніи (какія бывали каждый день), Екатерина велѣла позвать Шеффера на партію пикета. Этимъ онъ такъ хорошо умѣлъ воспользоваться, что сразу расположилъ къ себѣ государыню и съ тѣхъ поръ ежедневно участвовалъ въ ея партіи, такъ что ему все легче становилось высказываться. Но какимъ же образомъ удалось ему такъ скоро овладѣть довѣріемъ Екатерины? Вотъ какъ самъ онъ объяснялъ это: «Императрицѣ понравилась моя простота въ обращеніи и разговорѣ; я забавлялъ ее своимъ тономъ и рѣчами стариннаго дворскаго покроя (mes propos de la vielle cour). Какъ теперь помню день и часъ, когда мнѣ позволено было разложить передъ нею весь мой товаръ. Счастіе въ тотъ разъ особенно мнѣ благопріятствовало; я бралъ одну взятку за другой, ея величество отъ души смѣялась и наконецъ сказала: Mais, M. de Scheffer, vous n'êtes pas de bonne guerre! Vous m'aviez dit qui vous n'étiez que mazette au jeu de piquet, et vous me gagnez tout mon argent! Когда же я на это отвѣчалъ: Ah! madame, c'est qu'une poule aveugle trouve aussi son grain, то императрица пуще засмѣялась: Ha, ha! poule, poule aveugle! Eh bien, comme je suis poule, et très aveugle parfois, mettons nos oeufs ensemble! Aussi bien M. de Panine m'a dit que vous aviez à me parler»[1].

Графъ Ульрихъ Шефферъ (Scheffer, род. 1716, ум. 1799), происходилъ отъ знаменитаго Петра Шеффера, зятя Іоанна Фауста. Онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ отъ 1761 по 1766 г., а послѣ переворота 1772 занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ біографической замѣткѣ о Шефферѣ (см. Skrifter... af G. d'Albedyhll) сказано, что когда послѣ паденія Струэнзе при датскомъ дворѣ опять возобладала система зависти и подозрѣній и для Швеціи исчезла всякая надежда на помощь Даніи, то графъ

[1] «Но, г. Шефферъ, вы нарушаете законы войны! Вы мнѣ сказали, что плохо играете въ пикетъ, а сами въ конецъ меня обыгрываете!—Ваше величество, и слѣпая курица умѣетъ найти себѣ зерно! — А, а! курица, слѣпая курица! Ну, такъ какъ и я курица, и притомъ по временамъ очень слѣпая, то сложимъ вмѣстѣ снесенныя нами яица! Кстати графъ Панинъ сказывалъ мнѣ, что вы желаете о чемъ-то переговорить со мной!» (D'Albedyhll).

Шефферъ, заботясь о независимомъ положеніи своего отечества, рѣшился обезопасить его со стороны Россіи и для того добиться искренняго объясненія между Густавомъ и Екатериною. Шефферъ при этомъ разсчитывалъ съ одной стороны на умѣнье короля нравиться, а съ другой на воспріимчивость русской императрицы, но этотъ расчетъ, по мнѣнію автора замѣтки, былъ ошибоченъ, такъ какъ Густавъ вообще не производилъ впечатлѣнія на женщинъ, а тѣмъ менѣе могъ своимъ обращеніемъ подѣйствовать благопріятно на Екатерину. Приписавъ успѣхъ ихъ свиданія себѣ, Шефферъ полагалъ, что со стороны Россіи нечего уже опасаться во все время царствованія Екатерины II и министерства Панина, особенно пока самъ Шефферъ будетъ также сохранять свое значеніе. Необходимо было еще одно условіе: чтобы король не раздражалъ своей сосѣдки и не шелъ наперекоръ ея планамъ и видамъ. Но такого рода насильственный образъ дѣйствій король именно и позволилъ себѣ черезъ пять лѣтъ послѣ удаленія отъ дѣлъ Шеффера, — въ 1788 году, отъ чего и произошли тѣ самыя послѣдствія, какихъ надобно было ожидать отъ поспѣшности Густава. До этого однакожъ было еще далеко.

Свиданіе между Густавомъ и Екатериною разсѣяло всѣ слухи о войнѣ. Онъ самъ старался увѣрить императрицу въ своемъ миролюбіи. Между его бумагами есть собственноручная черновая записка, составленная, кажется, вскорѣ послѣ возвращенія его изъ Петербурга. Обращаясь въ ней къ государынѣ, онъ выражаетъ надежду, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ. Ручательствомъ въ томъ служатъ ему слова, слышанныя изъ устъ самой Екатерины: «Я люблю миръ, и не начну войны; но если на меня нападутъ, то буду защищаться». Марія Терезія также расположена къ миру; Франція, подъ правленіемъ своего молодого короля и его стараго министра, не болѣе думаетъ о войнѣ; Англія занята своими колоніями. «Швеція — говоритъ король — подобно больному, недавно вставшему отъ тяжкаго недуга, ищетъ только спокойствія. Ея король, по правиламъ или по склонности, поставляетъ свою славу въ поддержаніи мира. Онъ не можетъ

вести войны безъ согласія чиновъ, а такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи самъ связалъ руки себѣ и своимъ преемникамъ, то это ручается за искренность его намѣреній.

Одинъ только государь, прибавляетъ Густавъ III, приковываетъ къ себѣ тревожное вниманіе мирной Европы. Его геній, его побѣды наполнили свѣтъ удивленіемъ: обширные планы распространенія занимаютъ его безпрестанно; создаваемая имъ монархія заставляетъ его и посреди мира содержать армію многочисленнѣе самой большой, какую Людовикъ XIV когда-либо снаряжалъ въ военное время: взоры его устремлены на Мекленбургъ, шведскую Померанію, Данцигъ, можетъ быть и на Курляндію». — Изъ этого видно, что Густавъ III желалъ разорвать тѣсный союзъ между Пруссіей и Россіей, которой конечно и составлялъ самое грозное явленіе на политическомъ горизонтѣ. «Вамъ подобаетъ», такъ Густавъ наконецъ обращается къ Екатеринѣ, «сдѣлаться примирительницею Европы, и я почту себя счастливымъ, въ качествѣ вашего почитателя, друга и родственника, содѣйствовать такой спасительной для человѣчества цѣли».

Оставивъ Петербургъ 4 іюля, Густавъ уже изъ Ораніенбаума отправилъ къ императрицѣ письмо, наполненное самыми горячими изъявленіями благодарности. Изъ него между прочимъ видно, что король вручилъ было императрицѣ орденъ Меча для пожалованія его по собственному ея усмотрѣнію, но что при отъѣздѣ Густава, она черезъ своего адъютанта полковника Зорича возвратила ему этотъ орденъ. Въ слѣдствіе того король пишетъ, что никого не находитъ достойнѣе такой награды, какъ именно Зорича, «человѣка, который на военномъ поприщѣ въ службѣ вашей уже явилъ столько опытовъ храбрости и мужества, дающихъ прово на этотъ орденъ, и котораго, какъ мнѣ казалось, вы удостоиваете своего уваженія и благосклонности»[1]).

---

[1]) Кратковременный случай Зорича начался 8-го іюня, т. е. почти одновременно съ пріѣздомъ шведскаго короля въ Петербургъ, и продолжался одиннадцать мѣсяцевъ. Подлинное письмо см. въ приложеніи IV.

Въ то же время Густавъ ходатайствуетъ о производствѣ Зорича въ генералы и благодаритъ за полученную передъ отъѣздомъ шубу. По пріѣздѣ въ Свеаборгъ, онъ дѣйствительно препроводилъ къ императрицѣ для Зорича орденъ Меча, но уже не 2-ю его степень, которую предлагалъ прежде, а большой крестъ. Такъ императрица и король обмѣнивались любезностями и подарками: король, по возвращеніи въ Стокгольмъ, прислалъ ей нѣсколько малорослыхъ эландскихъ лошадокъ, а чтобы и впредь снабжать подобными Екатерину, запретилъ продажу этой породы въ частныя руки. «Позвольте мнѣ сказать вашему величеству»— писалъ онъ однажды — «что ему (т. е. Густаву III) очень хотѣлось бы оставить съ вами этотъ церемонный тонъ и вмѣсто всѣхъ обычныхъ титуловъ называть васъ просто сестрой, прося трактовать и его братомъ (pour ne la traiter que de Sestra, en vous priant de le traiter de votre Brat). Это имя было дано ему вами въ первый день его пріѣзда, и тогдашнія минуты такъ ему дороги, что все ихъ напоминающее приводитъ его въ восторгъ». Послѣ извѣстнаго наводненія, бывшаго въ сентябрѣ того же года, Екатерина получила отъ короля письмо, такъ начинавшееся: «Я съ большимъ прискорбіемъ узналъ о бѣдствіи, причиненномъ въ Петербургѣ моремъ и бурей; радушіе, оказанное мнѣ народомъ, и ваша дружба во время моего тамъ пребыванія заставляютъ меня смотрѣть на Россію, какъ на второе отечество. Я жалѣлъ о несчастныхъ, которые пострадали, но еще болѣе жалѣлъ о васъ, страдавшей за нихъ и конечно (по извѣстному мнѣ характеру вашему) чувствовавшей ихъ бѣдствія сильнѣе ихъ самихъ. Я знаю, что вы бодрствовали всю ночь, чтобы подавать имъ помощь, и что благотворящая рука ваша доставляла вамъ новую отраду, осыпая несчастныхъ щедротами. Вы видите, государыня, какъ исправно меня извѣщаютъ обо всемъ, до васъ относящемся, и признаюсь вамъ, что въ моемъ положеніи такія свѣдѣнія необходимы: малѣйшій вашъ поступокъ — урокъ для нашей братьи».

Въ отвѣтахъ своихъ Екатерина съ непринужденною свободой и веселостью показывала Густаву такое же доброе расположеніе

и полное довѣріе. Въ бумагахъ его нашлась между прочимъ французская записка, ея рукою писанная незадолго передъ рожденіемъ кронпринца Густава Адольфа[1] въ видѣ наставленія о первоначальномъ его воспитаніи. Съ этою цѣлью императрица разсказываетъ, какъ сама она предписала обращаться съ своимъ новорожденнымъ внукомъ. «Александръ — такъ пишетъ Екатерина — родился 12 декабря (ст. ст.) 1777 года. Только что онъ появился на свѣтъ, я взяла его на руки и, когда онъ былъ выкупанъ, перенесла его въ другую комнату, гдѣ положила его на большую подушку; его завернули въ ночное покрывало и я позволила не иначе запеленать его, какъ по способу, который можно видѣть на прилагаемой куклѣ. Потомъ его положили въ корзину, гдѣ теперь лежитъ кукла, чтобы приставленнымъ къ нему женщинамъ не вздумалось качать его: эту корзину поставили на диванѣ за экраномъ. Въ такомъ видѣ Александръ переданъ былъ генеральшѣ Бенкендорфъ. Въ кормилицы была ему назначена жена садоваго работника, и послѣ крестинъ его перенесли изъ покоевъ его матери въ отведенное для него помѣщеніе. Это большая комната, въ серединѣ которой на четырехъ колоннахъ придѣланъ къ потолку балдахинъ со стѣнкою сзади и занавѣсами кругомъ, опускающимися до полу; занавѣсы и балдахинъ, подъ которымъ кроватка Александра, окружены перилами; кровать кормилицы за спинкой балдахина. Комната выбрана большая, съ тѣмъ чтобъ въ ней всегда былъ чистый воздухъ; балдахинъ въ самой серединѣ ея противъ оконъ для того, чтобы теченіе воздуха было свободное. Кроватка у него (онъ не знаетъ ни люльки, ни качанья) желѣзная, безъ занавѣсокъ; онъ лежитъ на кожаномъ тюфячкѣ, на которомъ постилаютъ простыню; у него подъ головкой подушка, а его англійское одѣяло очень легко. Въ комнатѣ его всегда говорятъ громко, даже и во время сна его. Шумѣть не

[1] Впослѣдствіи Густава IV Адольфа, который въ концѣ царствованія Екатерины II также пріѣзжалъ въ Петербургъ и былъ одно время женихомъ великой княжны Александры Павловны. Онъ родился 20 октября (1 ноября) 1778 г.

запрещается въ коридорахъ, надъ его комнатой, подъ нею, или кругомъ ея. Противъ его оконъ палятъ даже изъ пушекъ съ адмиралтейскихъ бастіоновъ, и оттого онъ никакого шума не боится. Строго наблюдаютъ, чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался выше 14 или 15 градусовъ тепла. Каждое утро, пока ее метутъ, зимой и лѣтомъ, его выносятъ въ другую комнату, а въ спальнѣ отворяютъ окна, чтобы освѣжать воздухъ; зимой, когда комната опять нагрѣется, его снова туда переносятъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ родился, его купаютъ ежедневно, когда онъ здоровъ. Вначалѣ вода была тепловатая, теперь наливаютъ холодную, только принесенную съ вечера: онъ такъ любитъ купаться, что какъ скоро увидитъ воду, просится въ нее. Когда онъ начнетъ кричать, его не унимаютъ грудью; онъ пріученъ спать не въ опредѣленные часы, брать другую грудь и т. д. Какъ только установится весеннее тепло, съ головки Александра снимаютъ шапочку, и его выносятъ на свѣжій воздухъ; его мало по малу пріучили сидѣть подъ открытымъ небомъ на травѣ или въ пескѣ и даже спать въ тѣни. Въ хорошую погоду его кладутъ на подушку и онъ прекрѣпко спитъ. Онъ не знаетъ и не хочетъ знать чулокъ на своихъ ножкахъ и не носитъ платья, которое бы хоть сколько-нибудь безпокоило его. Когда ему минуло четыре мѣсяца, то я желая, чтобы его менѣе носили на рукахъ, дала ему коверъ. Его кладутъ на животъ и ему очень весело пробовать свои силы. На немъ коротенькая рубашечка и маленькій вязаный камзолъ, очень просторный. Когда его выносятъ, то сверхъ всего этого надѣваютъ маленькую полотняную или тафтяную куртку. Онъ не знаетъ простуды, великъ ростомъ, крѣпокъ, здоровъ и очень веселъ, любитъ прыгать и почти никогда не плачетъ. Недавно у него, почти безъ всякой болѣзни, прорѣзался зубъ. Теперь ему девять мѣсяцевъ».

Нѣкоторые утверждаютъ, что извѣстная мѣра, принятая королемъ на другой годъ послѣ его путешествія въ Петербургъ, именно введеніе національной одежды, была слѣдствіемъ его бесѣдъ съ Екатериною II. Разсказываютъ, что императрица, за-

мѣтивъ тщеславіе Густава, захотѣла воспользоваться этою господствующею чертой его характера, чтобы вовлечь его въ какое-нибудь опасное предпріятіе. Однажды, при свиданіи съ нимъ, она будто бы заговорила о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ монархомъ, когда онъ задумаетъ просвѣтить свой народъ, измѣнить нравы, обычаи или одежду. Въ примѣръ она привела Петра Великаго и борьбу, которую онъ долженъ былъ выдержать, когда сталъ требовать, чтобы подданные его брили себѣ бороду. Густавъ возразилъ, что виною неудачъ въ такихъ случаяхъ бываютъ сами правители, что надобно только умѣть взяться за дѣло во-время и кстати, надо умѣть внушить къ себѣ любовь, и тогда легко провести какую угодно перемѣну, потому что люди дорожатъ гораздо болѣе жизнью и имуществомъ, нежели обычаями, но и жизнь и собственность они часто приносятъ въ жертву любимому монарху. Екатерина, продолжая споръ, наконецъ довела Густава до того, что онъ вызвался ввести въ Швеціи новую національную одежду[1]. Гейеръ, упоминая объ этомъ разсказѣ, и самъ находитъ его вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе что король въ составленной имъ запискѣ о національной одеждѣ часто говоритъ объ императрицѣ. Между тѣмъ однакожъ несомнѣнно, прибавляетъ шведскій историкъ, что это дѣло было задумано Густавомъ гораздо ранѣе. Оно занимало его уже въ 1773 году, и подало ему тогда поводъ предложить на соисканіе преміи задачу: написать сочиненіе о пользѣ національной одежды какъ для уменьшенія роскоши, такъ и для возбужденія патріотизма. Для присужденія преміи былъ назначенъ день рожденія короля. О судьбѣ доставленныхъ въ слѣдствіе того сочиненій ничего неизвѣстно, но они сохранились и напечатаны въ актахъ шведскаго Патріотическаго общества за 1774 годъ.

Не прежде, однакожъ, какъ въ февралѣ 1778, король прочиталъ въ совѣтѣ свои собственныя «размышленія о національной одеждѣ», которыя тогда же были напечатаны по-шведски и

[1] Castéra II, 269.

по-французски. На рѣшеніе его привести теперь въ исполненіе свой давнишній планъ могло особенно подѣйствовать то обстоятельство, что при дворѣ Екатерины II дамы уже носили національную одежду. Это-то вѣроятно и послужило поводомъ къ объясненію Густава съ императрицей объ этомъ предметѣ. Король сначала разсуждаетъ о необходимости противодѣйствовать роскоши, которую невозможно ограничить законами. Потомъ онъ распространяется о несообразности съ сѣвернымъ климатомъ одежды, заимствованной у южныхъ народовъ; къ тому же она чрезвычайно некрасива, непріятна для глазъ. «Что касается женщинъ — продолжаетъ Густавъ — то Россія представляетъ намъ свѣжій примѣръ того, что сопротивленіе ихъ такому нововведенію бываетъ непродолжительно: тамъ онѣ охотно приняли новую одежду, удостовѣрясь, что она и покойнѣе, и полезнѣе. Русская императрица, руководствуясь тѣми просвѣщенными понятіями, которыя возвышаютъ ее столько же надъ ея поломъ, какъ и надъ современниками вообще, и не желая долѣе подражать иноземнымъ обычаямъ, ужъ возвратила своимъ придворнымъ дамамъ національный костюмъ». Далѣе король доказываетъ, что нѣтъ никакого неудобства измѣнить одежду цѣлаго народа, если только сдѣлать это постепенно, безъ насилія, безъ особаго постановленія, если новая одежда будетъ покойнѣе, теплѣе, согласнѣе съ климатомъ и, главное, дешевле по своей прочности и постоянству покроя въ сравненіи съ прежней, подверженной безпрестаннымъ перемѣнамъ. «Какъ! скажутъ пожалуй (прибавляетъ король), въ концѣ 18-го столѣтія хотѣть отличиться одеждой, не похожей на одежду другихъ народовъ?.. На это позволяю себѣ отвѣчать: если они поймутъ разумныя причины, побудившія насъ къ такому измѣненію, то скоро и одобрятъ насъ. Но если въ массѣ найдутся легкомысленные люди, которые сочтутъ насъ варварами за то, что мы носимъ платье короче или длиннѣе, чѣмъ они, то я имъ отвѣчу: вы не принадлежите къ 18-му вѣку; васъ не коснулась здравая его философія, которая освѣтила заблужденія и разсѣяла предразсудки»...

Вскорѣ послѣ сообщенія королемъ этихъ мыслей совѣту, та же записка была прочитана по его порученію въ присутствіи стокгольмской ратуши и при этомъ объяснено, что его величество не желаетъ прямымъ закономъ или приказаніемъ принуждать своихъ подданныхъ къ измѣненію, которое могло бы ихъ затруднить, но полагаетъ, что въ этомъ случаѣ достаточно будетъ его примѣра и общаго убѣжденія въ пользѣ дѣла. Было прибавлено, что самъ король, его братья, государственный совѣтъ и дворъ, съ исхода апрѣля мѣсяца намѣрены носить новую одежду. Этотъ костюмъ, по увѣренію Густава, похожій на тотъ, который употребляли древніе шведы, но въ сущности напоминавшій театральныхъ героевъ, былъ дѣйствительно принятъ многими какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи; скоро однакожъ оказанное при этомъ усердіе начало охладѣвать и только при дворѣ нововведеніе пережило своего виновника. Густавъ конечно не предвидѣлъ этого, когда, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Вольтера въ 1778 году, писалъ графу Крейцу въ Парижъ: «Вы знаете мою смѣлую попытку ввести новую національную одежду. Но вамъ, можетъ быть, не вполнѣ извѣстны причины, меня къ тому побудившія. Вы найдете ихъ въ прилагаемыхъ «размышленіяхъ», прочитанныхъ въ сенатѣ, и я разошлю ихъ въ циркулярѣ моимъ губернаторамъ. Хотѣлъ бы я въ эту минуту быть въ Парижѣ, чтобы повидаться съ знаменитымъ мужемъ, къ которому я давно питаю восторженное почтеніе, хотя и увѣренъ, что мое появленіе не произвело бы въ немъ того впечатлѣнія, какое онъ производитъ, и это было бы совершенно справедливо. Много на свѣтѣ королей, но только одинъ Вольтеръ. Если вы посылаемую при семъ статью найдете достойною его вниманія, пожалуста скажите ему, что его одобреніе послужитъ мнѣ щитомъ противъ всѣхъ предразсудковъ, какіе могутъ воспротивиться моему нововведенію».

На другой же годъ послѣ поѣздки Густава въ Петербургъ состоялся первый послѣ совершоннаго имъ переворота очередной сеймъ (1778). Это было, по словамъ Гейэра, «политическое зрѣ-

лище, которое король далъ міру и самому себѣ. Передъ его игривымъ воображеніемъ каждый актъ его политической жизни превращался въ зрѣлище. Бѣда его въ томъ и заключалась, что онъ не умѣлъ отличать дѣйствительности отъ иллюзіи: существенная между ними разница и была причиной гибели Густава». На этомъ сеймѣ должны были обнаружиться послѣдствія государственной реформы. Нѣтъ сомнѣнія, что сравненіе настоящаго съ съ прошлымъ было совершенно въ пользу перваго. Но между королемъ и его чинами не было полнаго пониманія и довѣрія; всѣ чувствовали, что подъ покровомъ его благодушія и либеральности таилось сильное стремленіе къ самовластію. Ни для кого не осталось тайною, что король, объявляя возстановленными древніе порядки, нарушенные во время господства аристократіи, принялъ однакожъ за правило допускать къ обсужденію только вопросы, имъ самимъ предложенные. Самымъ явнымъ доказательствомъ отсутствія взаимнаго довѣрія было то, что во время сейма ни съ той, ни съ другой стороны не было ни слова упомянуто о важномъ злѣ, которое произошло отъ показанной выше ошибки Густава, которое всюду возбуждало ропотъ въ народѣ и угрожало бѣдствіями въ будущемъ, именно о коронной монополіи винокуренія. Король тщательно приготовился къ роли, которую долженъ былъ играть на этомъ сеймѣ, какъ видно изъ многихъ собственноручныхъ его статей и записокъ. При открытіи засѣданій онъ прочелъ длинную записку[1], гдѣ старался въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ выставить положеніе государства, какъ результатъ первыхъ лѣтъ своего царствованія. Между прочимъ, онъ произнесъ слѣдующія слова, любопытныя по отношенію къ Россіи: «Я встрѣчаю васъ въ мирѣ и тишинѣ, когда другія державы Европы либо уже ведутъ войну, либо готовятся къ борьбѣ. Я не упускалъ случаевъ поддерживать старые союзы, которые издавна соединяютъ государство съ самыми вѣрными и естественными его союзниками. И я личнымъ знакомствомъ укрѣпилъ узы крови,

[1] Отчетъ народу, по выраженію Шлецера.

связующія меня съ сильнѣйшимъ сосѣдомъ государства. Я имѣю друга въ лицѣ монархини, которая, состоя въ близкомъ родствѣ съ шведскимъ королевскимъ домомъ, возбуждаетъ удивленіе современниковъ и готовитъ себѣ благоговѣніе потомства». Замѣтимъ однакожъ, что это заявленіе не совсѣмъ согласно съ тѣмъ, что̀ король около того же времени писалъ Крейцу: «Война въ Германіи и та, которая, повидимому, скоро начнется съ турками, доставляютъ мнѣ большую безопасность со стороны внѣшней. Впрочемъ, мое путешествіе въ Россію разсѣяло въ насъ всякую надежду на поддержку оттуда, на которую старая партія еще разсчитывала».

Тѣмъ не менѣе однакожъ между обоими государствами продолжались покуда дружескія отношенія, которыя еще укрѣпились въ 1780 году состоявшимся преимущественно по ихъ побужденію вооруженнымъ нейтралитетомъ. Первая мысль объ этомъ знаменитомъ актѣ была подана Даніей въ 1778 году и предложена Швеціей петербургскому кабинету. Екатерина сперва отвергла ее, но потомъ, по совѣту графа Панина, сама возобновила вопросъ при шведскомъ дворѣ, и 1 августа н. ст. 1780 г. былъ заключенъ въ Петербургѣ трактатъ, къ которому вскорѣ приступили и другія государства.

Между тѣмъ въ романически настроенной головѣ Густава болѣе и болѣе развивались воинственные планы, и онъ только выжидалъ удобнаго времени, чтобъ направить ихъ въ ту или другую сторону. Не покидая видовъ на отторженіе Норвегіи отъ Даніи, онъ вздумалъ воспользоваться для этого обстоятельствами, которыя повидимому начинали запутываться на югѣ Европы въ слѣдствіе политики Екатерины относительно турецкихъ дѣлъ. Союзъ ея съ Іосифомъ II не предвѣщалъ сохраненія мира, а внезапное присоединеніе Крыма къ ея державѣ придавало еще болѣе вѣроятія близости войны. Чтобы вѣрнѣе обезопасить исполненіе своихъ тайныхъ замысловъ, Густавъ считалъ полезнымъ показать, что онъ находится въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Екатериной, и потому рѣшился вторично свидѣться

съ нею. Съ другой стороны и Екатерина, готовясь къ новой борьбѣ съ турками, не могла быть въ это время равнодушна къ дружбѣ Швеціи.

Изъ переписки обоихъ монарховъ видно, впрочемъ, что они еще въ бытность короля въ Петербургѣ условились со временемъ съѣхаться въ Фридрихсгамѣ. Уже съ дороги, возвращаясь въ Стокгольмъ, Густавъ III напоминалъ объ этомъ государынѣ; осенью же 1777 года онъ писалъ: «Если бъ вы не были императрицей, то можно бы надѣяться видѣть васъ въ Стокгольмѣ и видѣть васъ часто, а теперь надо искать случая и выжидать обстоятельствъ, чтобы насладиться этимъ счастіемъ, поѣхавъ въ маленькій финляндскій городишко провести съ вами два-три дня».

Фридрихсгамъ, крѣпость у Финскаго залива, былъ тогда крайнимъ русскимъ городомъ со стороны шведскихъ владѣній. Король, оставляя Швецію, держалъ въ тайнѣ свое намѣреніе и отправился изъ Стокгольма 9 іюня 1783 г. подъ предлогомъ посѣщенія Финляндіи, гдѣ близь Тавастгуса собрано было 7,000 войска для смотра. Двѣ яхты перевезли Густава III и его довольно многочисленную свиту; въ ней былъ между прочимъ капитанъ гвардіи баронъ Густавъ Маврикій Армфельтъ, который съ этихъ поръ начинаетъ являться при королѣ и скоро дѣлается однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Изъ Або 11 іюня король написалъ совѣту, что онъ въ этомъ городѣ нашелъ письмо отъ императрицы, которая въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ изъявляетъ ему желаніе видѣться съ нимъ во время его пребыванія въ Финляндіи и намѣревается пріѣхать въ Фридрихсгамъ (60 верстъ отъ границы) въ надеждѣ, что король также будетъ туда для встрѣчи съ нею 23 (12) іюня. Это письмо было помѣчено 28 мая ст. ст. изъ Царскаго Села. Въ немъ было сказано, что такъ какъ король предоставилъ ей назначить мѣсто свиданія, то она избираетъ Фридрихсгамъ. «C'est là que je me flatte — прибавляла она — de vous entretenir deux ou trois jours; j'éviterai de vous parler de ce qui pourrait vous rappeler vos chagrins, et je vous prie de ne pas me rappeler les pertes que j'ai faites, parce

que je n'entends ni vous faire pleurer, ni pleurer à côté de vous, et naturellement je suis fort sensible. Adieu, mon cher frère, jusqu'à l'honneur de vous revoir»[1].

Передавъ содержаніе письма императрицы, король извѣщалъ, что онъ сейчасъ же отправляетъ отвѣтъ о своемъ согласіи пріѣхать въ Фридрихсгамъ въ назначенный день, подъ именемъ графа Готландскаго. Ему было бы желательно напередъ услышать мнѣніе гг. членовъ государственнаго совѣта, но время не терпитъ, и потому онъ надѣется, что они съ радостью примутъ вѣсть о доброй дружбѣ, установляющейся такимъ образомъ между обоими монархами. Такъ какъ, однакожъ, по конституціи король не можетъ выѣхать изъ государства, не истребовавъ напередъ мнѣнія членовъ совѣта, то онъ для соблюденія основного закона спѣшитъ сообщить имъ о своемъ намѣреніи. Ихъ превосходительства, занесено въ протоколъ совѣта, приняли съ благоговѣніемъ этотъ новый знакъ неусыпной заботливости его королевскаго величества о благѣ государства. На самомъ дѣлѣ предложеніе свидѣться именно теперь шло не отъ Екатерины, а отъ Густава. Императрица, въ отвѣтъ на его письмо назначивъ мѣстомъ съѣзда Фридрихсгамъ, писала о томъ Потемкину и при этомъ разоблачила для насъ отчасти тайну путешествія короля: взявъ отъ Франціи субсидію, онъ устроилъ лагерь въ Тавастгусѣ и ѣхалъ туда, чтобы подать видъ демонстраціи противъ Россіи, а въ то же время хотѣлъ успокоить Екатерину свиданіемъ. Сохранился небольшой дневникъ, веденный во время этого путешествія, какъ кажется, барономъ Таубе, другомъ короля.

---

[1] «Тамъ я надѣюсь два-три дня бесѣдовать съ вами; буду стараться не говорить о томъ, что могло бы напомнить вамъ ваши печали, и васъ прошу не напоминать мнѣ понесенныхъ мною потерь, потому что я не желаю ни заставлять васъ плакать, ни самой плакать возлѣ васъ; я же отъ природы очень чувствительна. Простите, дорогой братъ, до того дня, когда буду имѣть честь увидѣться съ вами» — Словами: ваши печали императрица намекаетъ на смерть королевы-матери, случившуюся въ 1782 году, а подъ своими потерями разумѣетъ кончину генерала Бауэра, Григорія Орлова и Никиты Панина, умершихъ въ первую половину 1783 года.

Вотъ что тутъ между прочимъ разсказано: «10-го іюня мы выѣхали (изъ Або) во Паролямальмъ, куда прибыли 11-го поутру,— день замѣчательный по случившемуся съ королемъ несчастію: вечеромъ, во время смотра лошадь, испугавшись пушечнаго выстрѣла, сбросила его на землю, и онъ переломилъ себѣ лѣвую руку, что́ произвело общее смятеніе. Въ полумили (5 верстахъ) оттуда лежитъ Тавастгусъ. Въ этотъ городъ и перенесли короля 200 лейб-драгуновъ, которые поочередно смѣнялись. Въ ту же ночь король отправилъ меня къ императрицѣ съ извѣстіемъ объ этомъ несчастіи. Я прибылъ въ Петербургъ 15-го утромъ и тотчасъ же поскакалъ въ Царское Село, гдѣ имѣлъ честь быть представленнымъ и удостоился приглашенія къ столу государыни. Вечеромъ я отправился назадъ и при возвращеніи въ Тавастгусъ 17-го нашелъ короля въ весьма удовлетворительномъ состояніи. 22-го онъ уже могъ, въ первый разъ, выйти изъ комнаты». Это приключеніе дало пищу толкамъ не только въ Швеціи, но и по всей Европѣ. Хитрость, которую замѣчали въ поступкахъ Густава III, заставляла въ малѣйшихъ случаяхъ его жизни подозрѣвать политическій расчетъ. Но на этотъ разъ ничего подобнаго не было: профессоръ Гейэръ слышалъ отъ знаменитаго въ свое время врача Афцеліуса, что онъ, по смерти короля, самъ видѣлъ на рукѣ его слѣды перелома. Что касается императрицы, то она, нисколько не усомнившись въ истинѣ извѣстія о несчастномъ случаѣ, удовольствовалась только колкимъ замѣчаніемъ въ письмѣ къ Потемкину: «Александръ Македонскій передъ войскомъ отъ своей оплошности не падалъ съ коня» [1].

Въ собственноручной запискѣ къ адмиралу Тролле король, разсказывая о своемъ паденіи, говоритъ, что по отзыву врачей переломъ — легкій и свиданіе его съ императрицей замедлится только недѣлей. «Это нисколько не измѣнитъ важныхъ дѣлъ, ко-

[1] Нѣсколько дней до того, Екатерина подробнѣе разсказала Потемкину о случившемся съ Густавомъ событіи; это письмо ея отъ 3 іюля напечатано въ книгѣ Лебедева: Графы Никита и Петръ Панины, стр. 305.

торыми я занятъ: правая рука здорова и можетъ владѣть шпагой, а голова свободна и свѣжа. Прошу васъ изъ за этого событія ничего не упускать для исполненія нашего плана: все должно рѣшиться свиданіемъ въ Фридрихсгамѣ. Тавастгусъ, 13 іюня 1783».

Дѣло шло о приготовленіяхъ къ войнѣ съ Даніей, которыя уже дѣлались въ тишинѣ... Императрица, согласившись на отсрочку съѣзда, «послала камеръ-юнкера для освѣдомленія о здоровьѣ короля». Оно поправилось такъ скоро, что онъ уже 16 (27-го) могъ предпринять поѣздку въ Фридрихсгамъ, гдѣ Екатерина ждала его. Онъ прибылъ туда 18 (29-го) и они провели вмѣстѣ три дня. Императрица отправилась изъ Петербурга въ сопровожденіи графа Ивана Чернышева, гр. Безбородки, оберъ-шталмейстера Нарышкина, тогдашняго фаворита Ланского и нѣсколькихъ дамъ, въ томъ числѣ княгини Дашковой, которая въ запискахъ своихъ подробнѣе другихъ источниковъ говоритъ о тамошнемъ пребываніи обоихъ монарховъ. Были наняты два смежные дома, великолѣпно меблированные на этотъ случай, и между ними, для свободнаго сообщенія во всякое время, проведена галерея. Въ одномъ помѣстилась императрица, другой отведенъ былъ королю. Современный біографъ Густава III[1] разсказываетъ, что кромѣ того былъ устроенъ, или даже построенъ, (errichtet) особый театръ, на которомъ «итальянскіе пѣвцы и французскіе актеры наперерывъ старались украсить торжество дружбы обоихъ властительныхъ геніевъ сѣвера».

«Вечеромъ (17-го іюня)» — пишетъ княгиня Дашкова — «мы передъ дворцомъ сѣли на лодку и переправились на Выборгскую сторону, гдѣ насъ ожидали императорскіе дорожные экипажи. Мы остановились въ древней столицѣ Финляндіи, Выборгѣ, гдѣ въ разныхъ улицахъ намъ отведены были отдѣльныя помѣщенія. Мнѣ достался очень хорошій и, главное, опрятный домъ. На другой день судьи, сановники, дворяне и военные, были представлены

[1] Possel, стр. 257.

императрицѣ, которая приняла ихъ съ свойственными ей благоволеніемъ и лаской, такъ что всѣ были очарованы ею. Свиту составляли А. Д. Ланской, графъ Иванъ Чернышевъ, графъ Строгановъ, Чертковъ и я, единственная дама; мы всѣ сидѣли въ одной каретѣ съ императрицей. За нами ѣхали оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, первый секретарь Безбородко и г. Стрекаловъ, завѣдывавшій кабинетомъ[1]. Впередъ были посланы два камергера, которые на шведской границѣ должны были встрѣтить его величество съ привѣтствіемъ отъ государыни и извѣщеніемъ о скоромъ ея прибытіи.

«На другой день вечеромъ мы пріѣхали въ Фридрихсгамъ, гдѣ однакожъ устроились не такъ хорошо, какъ въ Выборгѣ; а на другой день прибылъ и король[2]. Его тотчасъ же проводили къ императрицѣ, между тѣмъ какъ свита, оставшаяся въ сосѣдней комнатѣ, была представлена мнѣ. Здѣсь мы познакомились другъ съ другомъ; когда же вышли монархи, то императрица представила меня королю.

«Обѣдъ прошелъ очень весело, а по окончаніи его ихъ величества продолжали бесѣду наединѣ. Такъ было все время, пока мы оставались въ Фридрихсгамѣ. Надо сознаться, что я не высокаго мнѣнія объ искренности сношеній между двумя коронованными главами въ такихъ обстоятельствахъ. Не смотря на доброе расположеніе, умъ и самую утонченную любезность, время должно наконецъ показаться долгимъ. Такая ежедневная бесѣда, при одной политикѣ, не можетъ не сдѣлаться скучной и утомительной.

«Король шведскій на третій день захотѣлъ посѣтить меня. Я велѣла сказать, что меня нѣтъ дома, и вечеромъ, войдя въ комнату императрицы, прежде чѣмъ успѣло собраться общество, разсказала ей это». Екатерина, не совсѣмъ довольная поступкомъ княгини Дашковой, просила ее на слѣдующій день непремѣнно

---

[1] Этотъ составъ свиты не совсѣмъ согласенъ съ помѣщеннымъ выше, по свѣдѣніямъ Кастеры, спискомъ. Не полагаясь на точность княгини Дашковой, сохраняемъ и тотъ и другой.

[2] Показаніе опять не совсѣмъ сходное съ шведскимъ извѣстіемъ.

принять короля и продлить сколько можно долѣе визитъ его. Далѣе княгиня разсказываетъ, что король дѣйствительно повторилъ свое посѣщеніе, что разговоръ зашелъ о его пребываніи во Франціи и что онъ не могъ нахвалиться этой страной, но что княгиня, приписывая это дѣйствію лести, съ какою предъ нимъ преклонялись французы, противорѣчила ему, въ чемъ ее поддерживалъ и графъ Армфельтъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ.

На другой день оба монарха, каждый раздавъ подарки свитѣ другого, отправились въ одно время изъ Фридрихсгама. Императрица поѣхала прямо въ Царское Село, и прибыла туда вечеромъ наканунѣ годовщины вступленія своего на престолъ.

Содержаніе фридрихсгамскихъ бесѣдъ въ точности не извѣстно, но король, возвратясь 9 іюля въ Стокгольмъ, писалъ къ адмиралу Тролле: «Я чрезвычайно доволенъ своею поѣздкой. Пріязнь, предупредительность и гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ въ первый разъ, все предвѣщаетъ прочное и полезное сближеніе. Болѣе не могу сказать на письмѣ. Война съ Турціей несомнѣнна, и съ часу на часъ ждутъ извѣстія, что Потемкинъ овладѣлъ Крымомъ. Я слышалъ это изъ устъ самой императрицы. Если турки съ этимъ примирятся, то войны не будетъ». Какія впечатлѣнія между тѣмъ вынесла Екатерина изъ свиданія съ Густавомъ, видно изъ письма ея къ Потемкину отъ 29 іюня (напечатаннаго Лебедевымъ въ книжкѣ о Паниныхъ): «Въ прошедшую субботу я воротилась изъ Фридрихсгама, гдѣ видѣлась съ королемъ шведскимъ, который много терпитъ отъ изломленной руки. Ты его знаешь: итакъ писать о немъ нечего; j'ai seulement trouvé qu'il était excessivement occupé de sa parure, se tenant fort volontiers devant le miroir, et ne permettant à aucun officier de se présenter autrement à la cour qu'en habit noir et ponceau, et point en uniforme; ceci m'a choquée, parce que selon moi il n'y a point d'habillement plus honorable et plus cher qu'un uniforme[1]. Ви-

[1] «Я только нашла, что онъ чрезвычайно занятъ своимъ нарядомъ, лю-

дѣла я и Крейца, его новаго министра; сей прямо изъ Парижа въ Фридрихсгамъ пріѣхалъ. Il m'a paru que Scheffer avait plus d'esprit?[1] Лучшимъ въ suite (свитѣ) королевской показался Таубе, что зимою былъ въ Петербургѣ, а прочіе всѣ люди весьма, весьма молодые». Этотъ любопытный отзывъ Екатерины II о Густавѣ дополняется тѣмъ, что́ она по тому же поводу сообщала своему союзнику Іосифу II въ письмѣ отъ 22 августа 1783 г.: «Пока в. и. в. обѣзжали свои южныя владѣнія, я ѣздила къ западной своей границѣ, но это путешествіе не было счастливо для шведскаго короля, потому что онъ переломилъ себѣ вкось лѣвую руку въ своемъ тавастгусскомъ лагерѣ, и кромѣ того увѣряютъ, что онъ получилъ отъ Франціи выговоръ за это свиданіе. Но вотъ что мнѣ показалось въ самомъ дѣлѣ страннымъ: въ этомъ фридрихсгамскомъ шалашѣ (cette bicoque de Frédriksham), въ которомъ не болѣе двухсотъ саженъ длины, весь шведскій дворъ былъ одѣтъ по-испански, и всѣмъ офицерамъ, пріѣхавшимъ изъ тавастгусскаго лагеря, отъ короля запрещено являться передъ нимъ въ мундирѣ, я говорю: передъ нимъ, потому что я его нѣсколько разъ просила позволить имъ входить ко мнѣ, но онъ всякій разъ противился тому съ большою важностью, говоря, что они неприлично одѣты; а между тѣмъ всѣ меня окружавшіе были въ мундирахъ. Видя это, я стала дѣйствовать по-своему: я разговаривала изъ оконъ съ главными его офицерами, изъ которыхъ многіе сражались за Францію въ Америкѣ»[2].

Здѣсь кстати упомянуть еще о двухъ отзывахъ Екатерины II, относящихся къ ея финляндской поѣздкѣ. Изъ одного позднѣйшаго письма ея къ Гримму видно, что ее уже въ это время сильно занимали кое-какія филологическія соображенія о славянскомъ

битъ стоять передъ зеркаломъ и не позволяетъ никому изъ своихъ офицеровъ являться ко двору иначе, какъ въ черномъ и пунцовомъ платьѣ, а не въ мундирѣ; это меня непріятно поразило, потому что по-моему нѣтъ одѣянья почетнѣе и дороже мундира».

[1] «Мнѣ показалось, что Шеффер умнѣе».

[2] Joseph und Katharina von Russland, стр. 190.

происхожденіи разныхъ географическихъ именъ, и что она сообщала свои догадки шведскому королю. «Ces profondeurs», писала она Гримму 15 апрѣля 1785 года, «ont donné des vapeurs à Fredrikshamn à Gustave au bras cassé»[1]. Любопытно также ея замѣчаніе о Финляндіи, которую она тогда въ первый разъ видѣла: «Bon Dieu! quel pays!» сказала она въ присутствіи Альбедиля: «Comment est-il possible qu'on ait voulu sacrifier du sang humain pour posséder un désert que les vautours même dédaignent d'habiter!» [2].

Въ первый годъ, послѣ Фридрихсгамскаго свиданія, монархи братья еще очень дружески продолжали переписываться. Густавъ прислалъ императрицѣ коллекцію роскошно переплетенныхъ шведскихъ книгъ съ писаннымъ его собственной рукой реестромъ ихъ и краткимъ объясненіемъ содержанія каждой книги. Екатерина, выражая ему свою благодарность, восхваляетъ его познанія въ шведской исторіи, которыми онъ будто бы перещеголялъ всѣхъ ученыхъ своей страны, и говоритъ, что съ этихъ поръ она смотритъ на него уже не какъ на короля, а «какъ на одного изъ достойнѣйшихъ академиковъ ея академіи» (Густавъ вскорѣ послѣ своего путешестія въ Россію избранъ былъ въ члены этого учрежденія). Книги эти нужны были императрицѣ для ея собственныхъ историческихъ занятій и присланы вслѣдствіе бесѣдъ съ Густавомъ объ этомъ предметѣ. Она намѣревалась дать перевести порусски тѣ мѣста, въ которыхъ имѣла надобность, а потомъ, какъ сказано въ письмѣ, отдать всѣ эти книги, вмѣстѣ «съ драгоцѣннымъ реестромъ», въ библіотеку академіи, для которой онѣ составятъ одно изъ лучшихъ ея украшеній[3]. Но всего любопытнѣе почерпаемое изъ этого письма свѣдѣніе, что король говорилъ Екате-

[1] «Эти бездны премудрости разстраивали въ Фридрихсгамѣ нервы Густаву съ переломанной рукой». См. въ апрѣльской книжкѣ *Русск. Архива* 1877 г. статью мою «Филологическія занятія Екатерины II.

[2] «Боже мой! Какая страна! Какъ можно было проливать человѣческую кровь для обладанія пустыней, въ которой даже коршуны не хотятъ жить!» (Albedyhll, Skrifter etc. I, 79).

[3] Книги эти дѣйствительно хранятся въ академической библіотекѣ.

ринѣ II о рукописи Котошихина и они условились о перепискѣ ея. Императрица благодаритъ Густава за обѣщаніе допустить къ этому лицо, которое будетъ прислано ею въ Упсалу [1]. «Я не замедлю — прибавляетъ она — воспользоваться этимъ и уже приказала отправить туда человѣка, который будетъ избранъ съ этою цѣлью. То, что вы мнѣ разсказываете, любезный братъ, объ этой хроникѣ, которой экземпляры были сожжены, подаетъ мнѣ поводъ думать, что это одна изъ тѣхъ рукописей, которыя хранились въ домахъ и служили источникомъ ябедъ и ссоръ между частными лицами, такъ что, для прекращенія такихъ тяжбъ, согласились всѣ эти книги сжечь въ одинъ день, а сохранившіяся считать недѣйствительными [2]. Отъ этого пожара спаслись тысячи списковъ, но этимъ не уменьшается ихъ интересъ. Древность ихъ познается по извѣстнымъ буквамъ, которыхъ уже не употребляли послѣ 14-го столѣтія».

Поблагодаривъ потомъ за игрушки, присланныя кронпринцемъ царственнымъ ея внукамъ, императрица упоминаетъ, что король, какъ она слышала, желалъ имѣть русскаго квасу и кислыхъ щей, а такъ какъ этихъ напитковъ перевозить нельзя, то она посылаетъ въ Стокгольмъ особаго мастера для приготовленія ихъ. «Онъ можетъ научить поваренковъ при дворѣ грипсгольмскаго барина великому искуству изготовлять названные напитки; онъ снабженъ всѣми драгоцѣнными веществами, входящими въ составъ ихъ, и въ одну недѣлю можно въ совершенствѣ и безъ большихъ расходовъ усвоить себѣ великое искуство дѣлать ихъ круглый годъ ежедневно, къ удовольствію охотниковъ». Назначенный

---

[1] Уже Екатерина II повелѣла послать въ Упсалу канцелярскаго служителя для переписки «слово отъ слова россійскаго лѣтописца»; было ли это исполнено, или нѣтъ, мы не знаемъ; извѣстно, что рукопись Котошихина вновь была открыта около 1840 года профессоромъ Гельсингфорсскаго университета М. Соловьевымъ и списана имъ для Археографической Комиссіи, которая и издала этотъ драгоцѣнный историческій памятникъ.

[2] Очевидно, что императрица разумѣетъ тутъ Разрядныя книги, смѣшивая съ ними хронику, о которой ей сообщилъ Густавъ.

для этого человѣкъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ дрожками и другими легкими экипажами, посланными королю въ подарокъ.

Ясно что похвалы, расточаемыя Екатериною учености и разуму Густава, не были искренни: она льстила его тщеславію, которое было хорошо ей извѣстно, какъ видно, напримѣръ, изъ приведеннаго ея отзыва о немъ во время Фридрихсгамскаго свиданія: «я замѣтила, что онъ чрезвычайно занятъ своимъ нарядомъ и очень любитъ стоять передъ зеркаломъ!» Вскорѣ возникли подозрѣнія и въ прямодушіи Густава, когда съ разныхъ сторонъ начали доходить до государыни слухи о его замыслахъ. Демонъ властолюбія не давалъ ему покоя, заставляя его мечтать о завоеваніяхъ, о двойственной славѣ законодателя и героя.

Причина, по которой Густавъ III, какъ мы видѣли, особенно интересовался крымскими дѣлами, заключалась въ его намѣреніи, при первомъ извѣстіи о войнѣ Россіи съ Турціей, напасть на Данію. Планы его уже не были тайною; въ дипломатическомъ мірѣ много толковали о его вооруженіяхъ противъ Даніи. Немногіе— писалъ ему баронъ Таубе — объясняютъ дѣло иначе и думаютъ, что ваше величество въ союзѣ съ Россіей снаряжаете войско и флотъ». При этомъ Таубе сообщаетъ свой разговоръ съ графомъ Шеффером, который разсказалъ ему, по слухамъ, всѣ подробности предположеній короля; Таубе старался увѣрить его, что, вѣроятно, Густавъ III готовитъ армію и корабли для подкрѣпленія императрицы. «Я очень вѣрю, — отвѣчалъ Шефферъ — что они въ Фридрихсгамѣ дружески обмѣнивались мыслями, но императрица была бы слишкомъ неискусна и неопытна въ политикѣ, если бы не показала вида, что входитъ во всѣ планы короля: для нея самой и для безопасности ея границъ всего желательнѣе, чтобы сосѣди подрались. Но вы увидите, что устроивъ свои дѣла съ турками, она тотчасъ же скажетъ: баста! и приметъ участіе въ посредничествѣ между нами и датчанами, къ которымъ болѣе расположена, чѣмъ къ Швеціи, не потому, чтобы ставила ихъ выше, а потому, что ихъ страна ей покорнѣе и находится въ со-

вершенной отъ нея зависимости». Онъ прибавилъ, что по его убѣжденію Франція и Англія никогда не позволятъ королю выполнить задуманное. Между тѣмъ онъ соглашался, что это (т. е. присоединеніе Норвегіи) было бы важнѣйшимъ для Швеціи пріобрѣтеніемъ, но находилъ, что время къ тому еще не пришло, что для этого были бы нужны бо́льшіе перевороты въ Европѣ, чѣмъ тѣ, которые теперь ожидались. «Что до меня — заключалъ Таубе — то я думаю, что в. в. много потеряете, если дѣло не совершится теперь же: такъ какъ повидимому всѣ ваши планы разоблачены (говорятъ, что и Данія вооружается), то вся Европа подумаетъ, что тому воспротивилась императрица и что въ этомъ именно причина ихъ неисполненія. Это произведетъ дурное впечатлѣніе, особенно у насъ, потому что покажетъ подчиненіе господству Россіи, что́, на мой взглядъ, было бы для насъ крайне невыгодно. Графу Шеффери сказалъ я, что в. в., какъ слышно, болѣе думаете о своемъ путешествіи въ Италію, чѣмъ о войнѣ».

Король однакожъ не рѣшился дѣйствовать теперь же, хотя и писалъ генералъ-адмиралу: «Письма изъ Россіи только и говорятъ объ удовольствіи, какое произвело въ Петербургѣ Фридрихсгамское свиданіе. Императрица отвергла посредничество Франціи. Война была уже начата: прямыхъ извѣстій отъ Потемкина еще нѣтъ». Слухъ о войнѣ оказался ошибочнымъ. Положеніе европейскихъ кабинетовъ было самое нерѣшительное; по мѣрѣ того, какъ выяснялись отношенія вѣнскаго кабинета къ петербургскому и связанные съ тѣмъ планы, разрывались союзы между Франціей и Австріей, между Пруссіей и Россіей. Вержень колебался и дѣло кончилось тѣмъ страннымъ результатомъ, что когда Екатерина устранила вмѣшательство Франціи, то эта держава сама склоняла Порту къ уступчивости. На этотъ разъ война была отвращена, но не надолго.

Всѣ эти шаткія отношенія и невѣрныя обстоятельства подстрекали короля взглянуть изблизи на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Къ тому же и для здоровья ему показалось нужнымъ пожить въ болѣе умѣренномъ климатѣ. Врачи совѣтовали ему ѣхать въ Пизу

для теплыхъ ваннъ. Наконецъ и давнишнее желаніе увидѣть Италію побудило Густава предпринять далекое путешествіе.

Между тѣмъ онъ находился въ затруднительномъ положеніи, особливо передъ Франціей. Фридрихсгамское свиданіе распространило въ Европѣ мысль о тѣсномъ сближеніи между Россіей и Швеціей, какого въ сущности не было. Франція была встревожена; парижскій дворъ подозрѣвалъ, что цѣлью свиданія было образовать на сѣверѣ семейный договоръ, противный интересамъ Франціи. «Это безпокойство — говоритъ Гейеръ — было причиною, что во время пребыванія Густава въ Италіи французскому посланнику въ Римѣ кардиналу Берни было поручено пригласить его отъ имени короля въ Парижъ. Густавъ не зналъ, какъ поступить. Что интересы Франціи на сѣверѣ были противуположны видамъ Россіи, это составляло самую несомнѣнную изъ традицій шведской политики и было поводомъ къ происхожденію франко-шведскаго союза. Но Густавъ III давно уже замѣчалъ, что на поддержку Франціи при Людовикѣ XVI нельзя было разсчитывать въ случаѣ какого-нибудь смѣлаго политическаго предпріятія. Онъ сблизился въ Россіей въ надеждѣ извлечь пользу изъ турецкой войны для нападенія на Данію. Турецкая война не состоялась, и онъ остался ни при чемъ съ своими вооруженіями, которыя всѣмъ были извѣстны. Посѣщеніе Парижа было открытымъ отрицаніемъ мнимаго союза съ Россіей; а Густавъ III еще не былъ готовъ къ тому, чтобы передъ самимъ собой и свѣтомъ сознаться въ иллюзіяхъ Фридрихсгамскаго съѣзда и стать въ непріязненное отношеніе къ Россіи. Поэтому онъ сначала и не показывалъ своимъ приближеннымъ удовольствія по поводу приглашенія въ Парижъ. «Дай Богъ, чтобъ эта чаша была не слишкомъ горька, радъ бы я былъ, если бъ она могла пройти мимо меня», писалъ онъ къ графу Крейцу изъ Рима 3-го апрѣля; изъ Венеціи же 5-го мая: «Чѣмъ болѣе приближается срокъ этого путешествія, тѣмъ яснѣе вижу сопряженныя съ нимъ затрудненія, и не послѣднее между ними — безпокойство, которое почувствуетъ императрица. Но сдѣланнаго не перемѣнишь. Назадъ итти не могу, а думаю только

пробыть тамъ какъ можно менѣе, не долѣе двухъ недѣль, такъ чтобы въ концѣ іюля или 1-го августа быть уже дома».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ эти строки были написаны, Густавъ получилъ въ Венеціи письмо Екатерины II, которое должно было показать ему, что отъ проницательнаго взора геніальной сосѣдки не укрылись его колебанія въ отношеніи къ къ ней. Поводомъ къ этому послужило то, что король во Флоренціи видѣлся съ путешествовавшимъ въ то же время Іосифомъ II и, желая узнать, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на императора, просилъ Екатерину сообщить, что̀ этотъ послѣдній писалъ ей о своемъ свиданіи съ нимъ. Замѣтимъ, что самъ Густавъ нашелъ его личность столь же странною, какъ и его поступки. Объ этомъ онъ писалъ адмиралу Тролле отъ 27 января 1784 г. «Все повидимому предвѣщаетъ великій переворотъ, и проекты императора такъ обширны, что такой кризисъ кажется мнѣ неизбѣжнымъ. Я видѣлъ этого государя, и очень радъ, что познакомился съ нимъ: не могу однакожъ скрыть, что во мнѣ онъ возбуждаетъ удивленіе, а не любовь и тихій энтузіазмъ, которые внушаетъ другъ человѣчества, какъ напримѣръ русская императрица своею ясною привѣтливостью и всѣмъ своимъ обращеніемъ».

Вотъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ отвѣтъ Екатерины Густаву, который, получивъ это письмо, отмѣтилъ на французскомъ подлинникѣ его: «Прибыло въ Венецію 10 мая, съ курьеромъ русскаго посланника въ Тосканѣ Моцениго».

«С.-Петербургъ, 17 марта 1784. Monsieur mon Frére et Cousin. Я имѣла честь получить письмо, которое вашему величеству угодно было написать мнѣ изъ Неаполя и въ которомъ вы мнѣ сообщаете, какъ мало вамъ оставляли досуга въ вашихъ разъѣздахъ. Если мои посланники были вамъ сколько-нибудь полезны[1] я не жалѣю о данныхъ имъ приказаніяхъ, въ чемъ един-

[1] Рѣчь идетъ о графѣ Разумовскомъ, въ то время русскомъ посланникѣ въ Неаполѣ. Густавъ, очарованный имъ здѣсь, впослѣдствіи просилъ императрицу назначить его въ Стокгольмъ, но имѣлъ позднѣе поводъ раскаяться въ этомъ ходатайствѣ.

ственною моею цѣлью было доставить в. в. доказательство дружбы моей и вниманія. Не получая отъ его величества императора писемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ путешествуетъ по Италіи, я не могу удовлетворить любопытству в. в. относительно мнѣнія этого государя о графѣ Гага [1]. Знаю только, что достоинство не ускользаетъ отъ прозорливости основательнаго ума, всегда занятаго чѣмъ-нибудь дѣльнымъ и обращающаго вниманіе на суетные предметы только какъ наблюдатель мыслящій и глубокій. Такъ какъ в. в. отправляетесь черезъ Римъ, Венецію, Парму, Миланъ и Туринъ во Францію, то прошу васъ быть увѣреннымъ, что мои пожеланія вездѣ сопровождаютъ васъ. Между тѣмъ, если бъ в. в. пожелали узнать, что́ дѣлается въ нашихъ краяхъ, то вы услышали бы, что здѣсь очень жалуются на скудость хлѣба, на рѣдкость денегъ, на трудности въ настоящемъ; старые люди хвалятъ прошлое, а молодые прыгаютъ и пляшутъ. Мы еще богаты проектами; разсказываютъ, будто в. в. втайнѣ дѣлаете приготовленія, чтобы овладѣть Норвегіею. Я вовсе не вѣрю этому, какъ равно и слуху, который мнѣ угрожалъ вторженіемъ вашихъ войскъ въ Финляндію, гдѣ в. в., какъ утверждали, намѣревались вырѣзать мои слабые гарнизоны и итти прямо на Петербургъ, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы тамъ поужинать. Не придавая никакой важности толкамъ, въ которыхъ для украшенія рѣчи даютъ болѣе мѣста порывамъ воображенія, чѣмъ правдѣ и вѣроятію, я встрѣчному и поперечному говорю просто, что ручаюсь за невозможность и тѣхъ, и другихъ слуховъ. В. в. изволите видѣть, что хотя на сѣверѣ и нѣтъ развалинъ Помпеи или другихъ подобныхъ предметовъ, чтобъ подогрѣвать воображеніе, однакожъ и у насъ нѣтъ въ немъ недостатка. Не видавъ холмистаго Везувія, в. в. развлекались бесѣдою съ маленькимъ волканомъ Галіани [2], котораго я знаю только по наслышкѣ. У меня еще нѣтъ

---

[1] Густавъ путешествовалъ по Европѣ подъ именемъ comte de Haga.

[2] Galiani, неаполитанскій аббатъ, род. 1728, ум. 1786, авторъ нѣсколькихъ сочиненій политико-экономическаго содержанія, отличающихся оригинальностью и остроуміемъ; въ качествѣ секретаря посольства, онъ долго жилъ

его книги о правахъ нейтральныхъ державъ, хотя мнѣ нѣсколько разъ обѣщали ее; но я должна благодарить в. в. за отрекомендованіе меня аббату Галіани и за все, что́ вы говорили мнѣ пріятнаго по этому поводу. Съ удовольствіемъ слышу, какъ кронпринцъ ежедневно развивается и что мои внуки къ тому способствовали. Приношу вашему величеству мою признательность за участіе, которое вы, какъ другъ и добрый родственникъ, принимали въ прекращеніи моихъ несогласій съ Портою; прошу васъ быть увѣреннымъ, что и я не равнодушна ко всему, до васъ касающемуся, и всегда остаюсь съ высокимъ уваженіемъ и особливымъ дружелюбіемъ вашего величества добрая сестра кузина, другъ и сосѣдка Екатерина».

Сквозь многія строки этого письма ясно просвѣчиваетъ ироніа, съ которой императрица сочла умѣстнымъ отвѣчать на дружескія изъявленія, получаемыя ею отъ короля въ то время, гогда до нея доходили слухи совсѣмъ другого рода о его истинныхъ намѣреніяхъ и тайныхъ распоряженіяхъ. Но король не могъ долго скрывать ихъ: скоро въ его сношеніяхъ съ императрицею уже обнаруживается желаніе найти предлогъ къ разрыву.

Самымъ несомнѣннымъ признакомъ такого настроенія было стараніе скорѣе возвратить себѣ то право на Голштинію, которое уже болѣе десяти лѣтъ передъ тѣмъ было уступлено русскимъ императорскимъ домомъ Даніи въ обмѣнъ за Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Еще въ 1767 году, Екатерина II заключила о томъ, отъ имени несовершеннолѣтняго великаго князя, предварительный договоръ съ датскимъ правительствомъ, а вымѣненныя такимъ образомъ два владѣнія предоставила младшей линіи Голштинскаго дома. По достиженіи Павломъ Петровичемъ совершеннолѣтія въ 1773 году, этотъ договоръ былъ подтвер-

---

въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энцикопедистами, особенно съ Гриммомъ и Дидро, и пользовался большимъ успѣхомъ въ высшемъ обществѣ. Императрица разумѣетъ книгу, изданную имъ въ 1782 году въ Неаполѣ подъ заглавіемъ: «Dei doveri dei principi neutrali verso i principi guerreggianti».

жденъ и имъ самимъ. Рѣшившись измѣнить свои отношенія къ Россіи, король шведскій воспользовался первымъ поводомъ, чтобы протестовать противъ сдѣланныхъ такимъ образомъ уступокъ. Этимъ поводомъ была послѣдовавшая въ 1785 году смерть дяди обоихъ монарховъ, епископа любскаго Фридриха Августа[1], того самаго, которому достались, по рѣшенію Екатерины, вымѣненныя земли, такъ что онъ сдѣлался родоначальникомъ великихъ герцоговъ Ольденбургскихъ. Кончина его подала Густаву мысль обратиться къ императрицѣ съ дружескимъ, повидимому, заявленіемъ своей претензіи[2]. При этомъ онъ сослался на свою обязанность пещись объ интересахъ своего сына, своихъ потомковъ и о собственномъ своемъ достоинствѣ, напомнивъ, что еще при заключеніи договора онъ заявилъ о своихъ наслѣдственныхъ правахъ какъ римскому императору, такъ и императорскому сейму. Если онъ до сихъ поръ не старался воспользоваться этими правами, то это проистекало, какъ онъ увѣрялъ, изъ личныхъ его отношеній къ покойному; притомъ у него, короля, тогда еще не было сына, и онъ будто бы думалъ, что тѣ владѣнія уступлены его дядѣ только въ пожизненное пользованіе. «Вижу теперь— говорилъ онъ—что эти владѣнія переходятъ, какъ наслѣдственныя, къ линіямъ, которыя моложе моей, а мое семейство навсегда лишено наслѣдія моихъ предковъ, наслѣдія, гарантированнаго и утвержденнаго всѣми законами Германской имперіи и Вестфальскимъ миромъ, а также императоромъ Іосифомъ I въ Альтранштадтскомъ мирномъ договорѣ». Но такъ какъ, при возстановленіи правъ короля шведскаго, пострадали бы наслѣдники умершаго, то онъ проситъ Екатерину придумать средство вознаградить его, Густава III, и соединить на твердомъ основаніи сердца и интересы фамиліи, которую она можетъ назвать своею и, конечно, любитъ не менѣе, чѣмъ самъ онъ. «Ваше величество— заключилъ онъ—перестали бы уважать меня, если бы я не сдѣлалъ этого шага: ваша великая душа слишкомъ хорошо знаетъ

[1] См. Родословную таблицу въ приложеніи II.

[2] Подлинное его письмо см. въ приложеніи IV.

обязанности и законы чести, чтобы не признавать, что всякій долженъ защищать свои права» и проч. Въ такомъ смыслѣ Густавъ одновременно написалъ и къ великому князю, взывая къ его строгимъ правиламъ справедливости, къ его просвѣщенному разуму и прямодушію, которое, замѣчено въ скобкахъ, «составляетъ прекраснѣйшую основу вашей репутаціи».

Письмо Густава, конечно, не могло понравиться Екатеринѣ II; оно задѣло ее за живое, и она отвѣчала: «Государь мой братецъ. Откровенность, съ какою вашему величеству угодно было выразить мнѣ свои мысли, заставляетъ и меня отвѣчать вамъ съ такимъ же чистосердечіемъ. Прежде всего я искренно раздѣляю ваше справедливое сожалѣніе о кончинѣ герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго, епископа любскаго, вашего и моего дяди. Я во всю свою жизнь принимала непритворное участіе во всемъ, что́ касалось этого истинно почтеннаго принца и его дома; это я доказала своими поступками, обезпечивъ судьбу отрасли покойнаго герцога, равно какъ и участь герцога Георга Людвига, меньшого брата его.

«Сынъ мой, усвоивъ себѣ мои виды, подкрѣпилъ своимъ согласіемъ распоряженія, предначертанныя мною, хотя, какъ глава нашего дома и истинный владѣтель (уступленной собственности), онъ сохраняетъ во всѣхъ случаяхъ свои права и можетъ передать ихъ своему потомству, которое, благодаря Бога, не уменьшается: двѣ младшія линіи Голштинскаго дома получили чрезъ то обезпеченное существованіе, котораго имъ не доставало. Не стану распространяться о мѣрахъ, которыя ваше величество сочли нужнымъ принять по этому поводу; но мнѣ сдается, что покойный король, вашъ родитель[1], при своемъ прибытіи въ Швецію и будучи еще кронпринцемъ, торжественно отказался, въ присутствіи государственныхъ чиновъ Швеціи, за себя и своихъ потомковъ, отъ дальнѣйшихъ притязаній или правъ дома, изъ котораго онъ происходилъ (т. е. Голштинскаго), — актъ тѣмъ

[1] Адольфъ Фридрихъ.

болѣе драгоцѣнный, что онъ послужилъ къ доставленію прочнаго существованія линіи вашего величества; прекращая, повидимому, всякое дальнѣйшее сомнѣніе по этому дѣлу, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилъ всякій поводъ къ спорамъ между двумя линіями дома: такъ какъ каждая изъ нихъ получила весьма почетное существованіе, которымъ оставалось только пользоваться и довольствоваться. Справедливость этихъ размышленій не можетъ укрыться отъ мудрости и прозорливости вашего величества, а если присоединить къ нимъ живое участіе, оказываемое вами младшимъ линіямъ Голштинскаго дома, то несомнѣнно, что ваше величество не захотите подвергать пересмотру распоряженій, въ которыхъ ничего нельзя измѣнить безъ явнаго для нихъ ущерба».

Король отвѣчалъ въ обиженномъ тонѣ, и въ доказательство правоты своихъ притязаній приложилъ къ письму выписку изъ трактата, заключеннаго въ 1750 г. между отцомъ его и тестемъ, датскимъ королемъ Фридрихомъ V,—выписку, подтверждавшую будто бы, что первый, т. е. шведскій король, тогда еще кронпринцъ, никогда не отказывался отъ наслѣдственныхъ правъ своего дома, но что, мѣняя Ольденбургъ и Дельменгорстъ на Голштинію, онъ удерживалъ за собою всѣ права на первыя два владѣнія, которыя намѣревался принять въ обмѣнъ на Голштинію, какъ скоро ему представится случай наслѣдовать ихъ[1]. «Ваше величество (прибавлялъ король), по основательности своего ума, конечно, понимаете, что большая разница — не довольствоваться владѣніями, предоставленными намъ Провидѣніемъ, или поддерживать твердо, но съ умѣренностію, законныя и неоспоримыя права, которыхъ хотятъ насъ лишить». Поэтому онъ въ заклю-

[1] Изъ этого видно, что обмѣнъ, сдѣланный отъ имени великаго князя Павла Петровича, какъ наслѣдника Голштиніи, былъ только подтвержденіемъ болѣе ранняго договора, и что новаго въ послѣдующемъ актѣ была только уступка вымѣненныхъ владѣній младшей линіи Голштинскаго дома. При заключеніи трактата 1750 г., представитель старшей линіи Петръ III былъ уже въ Россіи, какъ наслѣдникъ русскаго престола. Не признавая этого договора, онъ сбирался вооруженною рукою отнять у Даніи отданную ей Голштинію.

ченіе заявлялъ намѣреніе возобновить мѣры, принятыя имъ въ 1775 г., т. е. протестовать противъ распоряженія Екатерины II.

Само собою разумѣется, что эти поступки короля могли быть приняты императрицею не иначе, какъ въ смыслѣ враждебной угрозы. Надобно знать, что сынъ умершаго Ольденбургскаго герцога, по слабоумію, не могъ быть его наслѣдникомъ, и потому управленіе краемъ тогда же перешло въ руки двоюроднаго брата его Петра; но такъ какъ этотъ принцъ также былъ слабъ здоровьемъ, то со стороны петербургскаго кабинета, въ противодѣйствіе замысламъ Густава III, была придумана такая комбинація: герцогъ, администраторъ Ольденбурга, имѣя малолѣтнихъ дѣтей, формальнымъ завѣщаніемъ поручитъ великому князю Павлу Петровичу опеку надъ этими дѣтьми, съ тѣмъ чтобы онъ вмѣстѣ съ ихъ матерью герцогинею вступилъ во всѣ права наслѣдственнаго управленія до совершеннолѣтія сыновей герцога. Это распоряженіе предположено было довести до свѣдѣнія Римскаго императора. Было ли приступлено къ приведенію его въ дѣйствіе, мы не знаемъ: переписка между Екатериною и Густавомъ надолго прекращается... Между тѣмъ враждебные замыслы короля противъ Россіи принимаютъ болѣе рѣшительный характеръ и отвлекаютъ его вниманіе отъ сравнительно-маловажнаго вопроса объ Ольденбургѣ. Наконецъ, въ іюнѣ 1788 г., онъ, считая свои вооруженія достаточными и пользуясь благопріятною, повидимому, минутою, начинаетъ наступательную войну съ Россіей. Побужденія его при этомъ нападеніи были очень сложныя. Собственно говоря, оно было какъ бы прямымъ послѣдствіемъ перваго шага его по вступленіи на престолъ. Ограничивъ тогда власть дворянъ, онъ еще оставилъ имъ довольно простора для противодѣйствія на сеймахъ волѣ короля. Ему хотѣлось теперь нанести этому сословію второй, болѣе рѣшительный ударъ, и вмѣстѣ ослабить естественную союзницу своихъ внутреннихъ враговъ, Екатерину, которая, зная неискренность его миролюбія, поддерживала ихъ оппозицію. Съ другой стороны, и мечта о возвращеніи завоеванныхъ Россіею областей, съ самаго воцаренія его, не давала по-

коя самонадѣянному потомку Карла XII. А къ этому присоединялась еще боязнь за отторженіе всей Финляндіи, о чемъ такъ хлопоталъ переметчикъ Спренгтпортенъ. Русскія войска ушли въ Турцію, Петербургъ былъ почти беззащитенъ. Нужно было много благоразумія, чтобы не поддаться искушенію напасть на сосѣда въ такую минуту; но этого-то благоразумія именно и недоставало Густаву. На бѣду свою онъ, по своему высокомѣрію пренебрегая слишкомъ-легкой побѣдой, началъ военныя дѣйствія прежде отплытія нашего флота изъ Финскаго залива. Это болѣе всего рѣшило борьбу въ нашу пользу. Чтобы оправдать свое поведеніе въ глазахъ всей Европы, шведскій король напечаталъ въ берлинской газетѣ обширную декларацію съ объясненіемъ всѣхъ нанесенныхъ ему оскорбленій. Екатерина отвѣчала: рядомъ съ обыкновенными явленіями войны свѣту открылось небывалое зрѣлище литературнаго единоборства двухъ монарховъ-писателей. Возраженіе Екатерины, отдѣльно напечатанное по-французски и по-русски, вышло гораздо длиннѣе шведской декларації, помѣщенной рядомъ въ той же брошюрѣ. Противъ своего обычая, императрица написала свой отвѣтъ по-нѣмецки, т. е. на томъ же языкѣ, на которомъ появилась статья Густава. Храповицкій сохранилъ намъ подробности о самомъ ходѣ сочиненія, которымъ Екатерина запималась нѣсколько дней чрезвычайно усидчиво. Оно переведено было по-французски чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ Кохомъ, а по-русски Вейдемейеромъ. Въ словахъ обоихъ воюющихъ монарховъ видна разыгравшаяся желчь, съ обѣихъ сторонъ сыплются попреки, обвиненія; все прошлое забыто или, лучше, прошлое берется въ помощь настоящему раздраженію, чтобы рѣзче выставить вины противника.

Густавъ, припоминая свою поѣздку въ Петербургъ, пишетъ [1]: «Не довольствуясь столь миролюбивымъ поведеніемъ, король желалъ ничего не упустить, чтобы изгладить всякую тѣнь неудо-

[1] Сообщаю эти отрывки въ своемъ, а не въ современномъ переводѣ, чтобы точнѣе передать смыслъ подлинныхъ выраженій.

вольствія, которое самые успѣхи его могли оставить въ душѣ императрицы, и въ то же время, чтобы утушить всѣ чувства національной вражды, пробужденныя многократными войнами; его величество хотѣлъ личнымъ знакомствомъ убѣдить императрицу въ своей дружбѣ и желаніи сохранить миръ и доброе согласіе между обѣими державами. Королю пріятно было бы остановиться на этомъ времени, о которомъ воспоминаніе, еще дорогое его сердцу, приводитъ на мысль отрадную, но обманчивую иллюзію, долго его ослѣплявшую,—времени, въ которое онъ считалъ императрицу своимъ личнымъ другомъ; но обстоятельства, съ тѣхъ поръ развившіяся, не позволяютъ ему возвращаться къ этимъ минутамъ своего царствованія».

Екатерина отвѣчаетъ:

«Здѣсь рѣчь идетъ, кажется, о путешествіи короля въ Петербургъ въ 1777 году и о послѣдовавшемъ за тѣмъ фридрихсгамскомъ свиданіи: король объясняетъ, въ какихъ видахъ онъ предпринялъ эти поѣздки: по русскому же императорскому манифесту о войнѣ, его путешествія въ Россію имѣли ту же цѣль, какъ его посѣщенія королевско-датскаго двора, именно цѣль внушить обоимъ высокимъ союзникамъ недовѣріе другъ къ другу, ослабить по возможности или даже разорвать ихъ союзъ, и наконецъ, поближе всмотрѣться въ положеніе дѣлъ.

«Что такова дѣйствительно была цѣль и перваго путешествія короля, это частію выяснилось еще при второмъ свиданіи въ Фридрихсгамѣ. Тамъ онъ выразилъ императрицѣ положительное желаніе заключить съ Россіей союзъ; на что государыня отвѣчала ему, что министры съ обѣихъ сторонъ могли бы вступить въ переговоры по этому предмету; но какъ скоро ему было заявлено желаніе, чтобы и Данія, какъ государство уже союзное съ Россіей, была включена въ этотъ трактатъ, то у короля до такой степени прошла охота совѣщаться о томъ, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ разсѣвать при иностранныхъ дворахъ гнусныя клеветы противъ Россіи и всячески старался лишить ее дружбы Даніи».

Въ такомъ духѣ написаны отъ начала до конца оба эти достопамятные историческіе документы. Русскій современный текстъ кончается слѣдующими строками: «Изъ всего вышеписаннаго явствуетъ, съ какимъ сосѣдомъ Россія имѣетъ дѣло, когда онъ попираетъ установленный союзъ общенародный и благоустройства, и когда довольно доказалъ своимъ самопроизвольнымъ поведеніемъ, что онъ никакихъ другихъ правилъ не знаетъ, кромѣ собственной необузданной воли. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1788 года».

Изъ записокъ Храповицкаго мы знаемъ, съ какимъ лихорадочнымъ волненіемъ Екатерина, съ самаго того времени, какъ выяснились враждебные замыслы Густава III, слѣдила за всѣми подробностями его дѣйствій и движеніями его арміи. Никогда, можетъ-быть, война между двумя государствами не сопрождалась такимъ личнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга самихъ правителей. Неискренность прежнихъ дружескихъ сношеній въ яркомъ свѣтѣ обнаружилась въ безпощадныхъ взаимныхъ пререканіяхъ. Чѣмъ преувеличеннѣе были нѣкогда съ обѣихъ сторонъ льстивыя заявленія, тѣмъ рѣзче и жестче сдѣлались теперь обличенія и укоризны. Но на политическомъ горизонтѣ ненастье и вёдро смѣняются иногда такъ же быстро, какъ въ природѣ. Послѣ двухлѣтней борьбы, послѣ разныхъ колебаній и превратностей военнаго счастья, посреди которыхъ побѣда была однакожъ почти постоянно на сторонѣ русскихъ, оба воюющіе монарха чувствовали влеченіе къ миру. Густава располагали къ нему почти постоянныя неудачи, но еще болѣе открывшійся въ его арміи заговоръ, отголосокъ опасной смуты внутри государства. Екатерину склоняли къ миролюбію болѣе и болѣе запутывавшіяся отношенія и планы европейскихъ кабинетовъ, готовыхъ поддерживать противъ нея Турцію и Польшу. Приближался Рейхенбахскій конгрессъ, который долженъ быть явственно обозначить эти отношенія, и едва онъ состоялся (27-го іюля 1790 г.), какъ заключенъ былъ и миръ между обѣими сѣверными державами (3-го [14-го] августа того же года). Верельскимъ трактатомъ Швеція ничего не пріобрѣла; прежнія владѣнія и границы ея остались

безъ измѣненія. Единственнымъ успѣхомъ Густавъ могъ признать то, что въ новомъ договорѣ не было ничего упомянуто о трактатахъ Нейштадтскомъ и Абоскомъ, т. е. гарантія, которую нѣкогда приняла Россія въ охраненіи существовавшаго образа правленія Швеціи, была какъ бы забыта, слѣдовательно отмѣнена,— Россія отказалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣдняго государства. Внезапность этого мира удивила Европу: недремлющій геній Екатерины все видѣлъ, все предусматривалъ и, что́ нужно—предупреждалъ. Было еще обстоятельство, располагавшее обоихъ сѣверныхъ монарховъ къ возобновленію между собою дружескихъ отношеній: французская революція, противъ которой они считали святымъ долгомъ ополчиться. Еще не затихъ громъ пушекъ въ Финскомъ заливѣ, когда Густавъ уже мечталъ о новомъ геройскомъ подвигѣ—спасеніи престола Бурбоновъ. Ему принадлежитъ починъ образовавшейся вскорѣ коалиціи монарховъ. Уже въ маѣ 1791 года онъ отправился въ Аахенъ, подъ предлогомъ намѣренія лѣчиться водами Спа, но въ сущности для того, чтобъ по близости къ предѣламъ Франціи лучше наблюдать за теченіемъ тамошнихъ дѣлъ. Онъ втайнѣ задумывалъ приготовить средства къ тому, чтобы внезапно, во главѣ своей гвардіи и французскихъ эмигрантовъ, явиться въ Парижѣ и вооруженною рукою доставить Людовику XVI побѣду надъ врагами. Къ этому относится замѣчаніе Екатерины въ Дневникѣ Храповицкаго: «Мы съ нимъ (т. е. Густавомъ) часто въ мысляхъ разъѣзжаемъ на Сенѣ на канонирскихъ лодкахъ» (27-го іюля 1791). Неудавшееся бѣгство и заключеніе несчастнаго короля внезапно разрушили этотъ планъ: надобно было дѣйствовать иначе. Между тѣмъ и Екатерина, подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній, еще усиливаемыхъ просьбами эмигрантовъ, прибѣгавшихъ подъ ея защиту, рѣшилась принять энергическія мѣры къ возстановленію королевской власти во Франціи. Тотчасъ по заключеніи мира съ Швеціей, дружеская переписка между ею и Густавомъ возобновилась. Уже 6-го августа, т. е. черезъ два дня послѣ подписанія трактата, получено отъ короля собственноручное письмо, въ ко-

торомъ онъ, оправдываясь тѣмъ, что ихъ поссорили, просилъ, по связи крови, возвратить ему дружбу (разсказывая это со словъ императрицы, Храповицкій приписываетъ въ скобкахъ и ея замѣчаніе: je n'en avais jamais, я никогда такой дружбы и не имѣла), просилъ забыть эту войну, какъ мимолетную бурю. Въ отвѣтѣ своемъ Екатерина ему замѣтила, что не надо слушать сплетень. «Полвѣка живу, 29 лѣтъ царствую и по опыту знаю, что лучшій оплотъ отъ всякихъ интригъ — правдивость и правота»[1]. Есть извѣстіе, что при заключеніи мира въ Вереле Екатерина секретнымъ пунктомъ обязалась выплатить королю два милліона рублей на покрытіе его частныхъ долговъ. Справедливъ ли этотъ слухъ, или нѣтъ, но то вѣрно, что вслѣдъ за тѣмъ шла переписка о выдачѣ Густаву субсидій на войну съ Франціей, и въ іюнѣ 1791 г., при отправленіи къ королю письма, замѣчено, что ему даютъ 500,000. Всего любопытнѣе однакожъ, что около того же времени, именно въ концѣ апрѣля, ходили слухи о возобновленіи войны съ Швеціей, по интригамъ Англіи, и что вслѣдствіе того Суворовъ былъ посланъ для осмотра шведской границы. Еще и позднѣе, въ іюлѣ, императрица жаловалась, что Густавъ хочетъ и денегъ и половины Финляндіи, и прибавляла: «дайте мнѣ кончить съ турками, и тогда я съ шведскимъ королемъ раздѣлаюсь. Я рада, что на время могла его занять французскими дѣлами»[2]. Эта тревога однакожъ вскорѣ миновалась, и 1-го октября въ императорскомъ совѣтѣ разсуждаемо было объ уплатѣ шведскому королю, въ продолженіе восьми лѣтъ, 300,000 р., на что и самъ онъ изъявилъ согласіе. За два дня передъ тѣмъ Екатерина II отправила въ Стокгольмъ слѣдующее любопытное письмо[3].

---

[1] Дневникъ Храповицкаго, 1790, августа 6-го и 14-го.

[2] Тамъ же, по изд. г. Барсукова, стр. 362, 369 и 376.

[3] Это письмо, такъ же какъ и другое, ниже помѣщаемое, въ первый разъ было сообщено г. Германомъ въ Historisches Taschenbuch Фр. Раумера на 1857 г. См. ниже приложеніе VII.

С.-Петербургъ, 29-го сентября 1791.

«Государь мой, братецъ! Съ удовольствіемъ вижу, дорогой братъ, по тону, который вы опять приняли въ своемъ письмѣ отъ 17-го сентября, что вы снова питаете ко мнѣ совершенно тѣ же чувства, какія вы нѣкогда выражали и на которыя я всегда буду готова отвѣчать вамъ самымъ непритворнымъ чистосердечіемъ. Вы теперь знаете намѣренія мои относительно политическаго союза, которымъ я готова еще тѣснѣе укрѣпить соединяющія насъ узы родства. Эти намѣренія основываются на началахъ равенства и полнѣйшей взаимности, и мнѣ уже нечего бояться, чтобы они могли не привести насъ къ цѣли, какую мы себѣ предназначаемъ. Въ твердомъ на то упованіи я не усомнилась сообщить вамъ сокровеннѣйшія мысли мои о дѣлахъ Франціи. Письмо англійскаго короля, сообщенное мнѣ вашимъ величествомъ, есть лишь копія съ того, которое писалъ этотъ государь императору; оно неопредѣленно, и все, что́ можно изъ него вывести, заключается въ томъ, что на содѣйствіе его британскаго величества разсчитывать нечего. Но что́ всего прискорбнѣе кромѣ господствующаго повидимому недостатка усердія, обнаруживаемаго прочими государями, это несогласіе между французскою королевою и бѣжавшими въ Германію принцами. Будучи всѣ одинаково лишены всякой власти и всѣхъ прирожденныхъ преимуществъ, они, въ отношеніи къ пользованію этой властью и этими преимуществами, кажется, питаютъ другъ ко другу ту же мнительность и ту же зависть, какъ если бъ они снова ими обладали, вовсе не думая о томъ, что имъ никогда не удастся возвратить себѣ и тѣнь оныхъ, развѣ они въ тѣснѣйшемъ союзѣ будутъ дѣйствовать откровенно и единодушно. Вы, любезный братъ, можете еще лучше знать эти печальныя обстоятельства и можетъ-быть найдете средства, тамъ гдѣ окажется полезнымъ, проповѣдывать миръ и доброе согласіе, столь необходимыя для общаго всѣхъ ихъ благоденствія; но какъ бы ни было, мои намѣренія и планы остаются безъ измѣненія, и я очень надѣюсь на вашу твердость и на успѣхъ предложеній и настоятельныхъ просьбъ, которыя возобновляю при вѣнскомъ и

берлинскомъ дворахъ, чтобы склонить ихъ къ образу дѣйствій, соотвѣтствующему нашимъ желаніямъ. Въ теченіе этой зимы мы узна́емъ, чего должны держаться, и я никакъ не отказываюсь отъ надежды, что наши человѣколюбивыя, благородныя и столь же великія, какъ и великодушныя стремленія наконецъ достигнутъ цѣли. Это только усилитъ побужденія, внушающія мнѣ ту нѣжную и искреннюю дружбу, съ каковою пребываю, государь мой братецъ, вашего величества добрая сестра и кузина, другъ и сосѣдка Екатерина».

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ, для переговоровъ, находились уполномоченные Екатерины II графъ Штакельбергъ и генералъ Паленъ, и 8-го (19-го) октября, къ удивленію Европы, между враждовавшими издавна сѣверными державами состоялся въ Дротнинггольмѣ союзъ на восемь лѣтъ, главныя условія котораго заключались въ томъ, что въ случаѣ нападенія оба государства помогаютъ другъ другу и выставляютъ: Швеція 8,000 пѣхоты и 2,000 конницы, 6 линейныхъ кораблей и 2 фрегата; а Россія — 12,000 пѣхоты, 4,000 конницы, 9 линейныхъ кораблей и 3 фрегата; въ случаѣ же надобности—и болѣе, по взаимному соглашенію. Кромѣ того, Россія обязалась платить Швеціи субсидіи. За шесть мѣсяцевъ до истеченія восьмилѣтняго срока возбуждается вопросъ о продленіи его. Тотчасъ по ратификаціи договора приступаютъ къ заключенію торговаго трактата, а весною 1792 г. должна произойти повѣрка финляндской границы[1].

Теперь предстояла задача — побудить и другихъ государей присоединиться къ этому союзу, но что это было дѣломъ нелегкимъ, доказываетъ письмо Екатерины, писанное вскорѣ послѣ полученія изъ Швеціи состоявшагося договора. Вотъ оно:

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1791.

«Государь мой, братецъ! Согласно съ письмомъ, которое я отправила къ вашему величеству съ курьеромъ, доставившимъ

---

[1] Posselt, Geschichte Gustaf's III. Karlsruhe, 1792, стр. 492.

ратификаціи недавно заключеннаго между ними союзнаго трактата, должна я вамъ сообщить отвѣтъ, полученный мною отъ императора на новыя посланныя ему мною соображенія относительно французскихъ дѣлъ. Ваше величество найдете приложенный при семъ списокъ этого отвѣта, который только подтвердитъ вамъ уже извѣстныя вамъ отрицательныя намѣренія императора, безъ объясненія мотивовъ его. Эти послѣдніе изложены въ весьма длинной депешѣ, изъ которой я посылаю извлеченія графу Штакельбергу, съ повелѣніемъ сообщить его вашему величеству подъ печатью тайны. Вы изъ него усмотрите, что вѣнскій дворъ считаетъ перемѣною къ лучшему то, что̀ въ сущности не что иное какъ осуществленіе того, что̀ самъ онъ хотѣлъ отвратить, предложивъ, какъ и въ минувшимъ іюлѣ мѣсяцѣ, соглашеніе между державами. Дѣлаемое имъ предложеніе признавать это соглашеніе постоянно продолжающимся служитъ лишь новымъ доказательствомъ, какъ безплодны были мѣры или лучше сказать послѣдствія, имъ вызванныя, и какъ мало пользы можно ожидать отъ этого соглашенія въ будущемъ, такъ какъ при этомъ не представлено къ обсужденію никакого плана дѣйствій или опредѣленныхъ для того средствъ. Какъ ни прискорбенъ образъ мыслей, недавно обнаруженный этимъ дворомъ въ отношеніи къ настоящимъ обстоятельствамъ, я не перестану стараться измѣнить его расположеніе, и я еще не теряю надежды, что мнѣ удастся разувѣрить его въ мысли, которую онъ приводитъ какъ причину своего бездѣйствія, — будто планы и распоряженія французскихъ принцевъ несогласны съ тѣми, которые приняты въ руководство и которымъ хотятъ слѣдовать въ тюильрійскомъ дворцѣ. Дѣйствительно, всѣ собранныя мною свѣдѣнія и данныя доказываютъ, что между французскимъ королемъ и королевою, съ одной стороны, и бѣжавшими въ Германію принцами, съ другой, господствуетъ полнѣйшее согласіе. Графъ Штакельбергъ сообщитъ вашему величеству также копію съ письма, доставленнаго мнѣ барономъ Бретелемъ, которому, какъ полагаютъ, государь его преимущественно повѣряетъ свои тайны. Это письмо подтверждаетъ

мои замѣчанія, ибо хотя оно и не прямо высказываетъ то же самое, но таковъ все-таки смыслъ благодарности, которую баронъ Бретель изъявляетъ мнѣ отъ имени короля за показанное мною участіе въ его дѣлѣ и въ дѣлѣ всей Франціи. Онъ раздѣляетъ признательность, какую мнѣ выразило французское дворянство, и какъ будто хочетъ своимъ письмомъ загладить отсутствіе своей подписи на присланномъ мнѣ письмѣ этого дворянства. Можетъ быть, когда я объясню всю правду императору, то мнѣ удастся поколебать его нынѣшнія намѣренія и расположить его въ пользу плановъ, которые занимаютъ ваше величество и меня. Сознаюсь между тѣмъ, что я болѣе желаю, нежели могла бы надѣяться достигнуть этого результата, если бъ предусматриваемыя во Франціи событія не представляли мнѣ цѣлаго ряда фактовъ, болѣе убѣдительныхъ, чѣмъ всѣ разсужденія, и вслѣдствіе которыхъ вѣнскій дворъ рано или поздно вынужденъ будетъ дѣйствовать. Можетъ-быть французская королева сама почувствуетъ необходимость прибѣгнуть къ помощи своего брата. Вашему величеству конечно лучше нежели мнѣ извѣстно, можно ли безъ большого труда склонить ее къ тому. Чѣмъ болѣе дѣло, за которое мы взялись, достойно нашихъ заботъ, тѣмъ болѣе мы обязаны ничего не упускать, чтобъ обезпечить успѣхъ его и упрочить за собою, любезный братецъ, въ глазахъ современниковъ и потомства ту заслугу, что мы не покинули столь прекраснаго предпріятія, а употребили всевозможныя усилія для побѣды надъ встрѣчающимися намъ затрудненіями.

«Съ чувствами искреннѣйшей дружбы и совершеннаго почтенія пребываю, государь мой братецъ, вашего величества добрая сестра, кузина, другъ, союзница и сосѣдка Екатерина».

При полученіи этого письма Густавъ III былъ занятъ приготовленіями къ созванію новаго сейма, необходимаго для принятія мѣръ къ покрытію значительнаго долга и поправленія финансовъ Швеціи. Собрать чины въ Стокгольмѣ, гдѣ начала французской революціи нашли не мало приверженцевъ, казалось опаснымъ, и мѣстомъ сейма на этотъ разъ избранъ былъ лежащій довольно близко отъ столицы, при ботническомъ заливѣ. городокъ

Гевле (Gefle). На пути изъ Стокгольма разставлены были воинскіе отряды для охраненія общественнаго спокойствія; тѣмъ не менѣе, король особенно налегалъ на то довѣріе къ своимъ подданнымъ, съ какимъ онъ смѣло собираетъ ихъ въ такое время, когда всѣ правители болѣе или менѣе избѣгаютъ столпленія массъ.

Тайнымъ намѣреніемъ его было сперва воспользоваться этимъ сеймомъ, чтобы лишить дворянство послѣдняго участія въ дѣлахъ и захватить всю правительственнную власть въ свои руки; но вскорѣ, убѣдившись какъ сильно волненіе умовъ и какъ трудно будетъ провести эти замыслы, онъ послушался предостереженій одного изъ своихъ министровъ и затѣмъ распустилъ сеймъ. Этимъ партія недовольныхъ однакожъ не успокоилась: заговорщики рѣшились дѣйствовать; 15-го марта король, вопреки полученному предостереженію, отправился на маскарадъ въ оперный театръ, и былъ смертельно раненъ позорнымъ выстрѣломъ Анкарстрема, а 29-го того же мѣсяца не стало Густава. Негодованіе противъ убійцы было общее; ничто не могло такъ возстановить короля въ мнѣніи націи, какъ это злодѣяніе; всѣ почувствовали искреннее сожалѣніе, во всѣхъ пробудилось сознаніе добрыхъ сторонъ короля и уваженіе къ его памяти... Для Екатерины II кончина его не могла не быть чувствительнымъ ударомъ, отдаляя осуществленіе сильно занимавшихъ ее плановъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта смерть должна была произвести на нее умилительное впечатлѣніе, окончательно примирить ее съ бывшимъ ея противникомъ, съ человѣкомъ, который во всю свою жизнь былъ судимъ ею строго, къ которому она постоянно питала то открытую вражду, то тайное недовѣріе, не смотря на видимую дружбу...

Нельзя не пожалѣть, что Храповицкій былъ боленъ въ то время, когда пришло извѣстіе о кончинѣ Густава, и не могъ отмѣтить въ своемъ Дневникѣ, какъ оно было принято Екатериною. Замѣчательно, какъ въ концѣ 18-го столѣтія главные дѣятели его одинъ за другимъ сходятъ со сцены: въ 1786 году умеръ Фридрихъ II, въ 1790 Іосифъ II, въ 1791 Потемкинъ, въ 1792 Густавъ III, въ 1793 Людвигъ XVI. Екатерина II могла сказать:

«И мнится очередь за мною»...

Дѣйствительно, не прошло четырехъ лѣтъ, и ея также не стало; вслѣдъ за этими властителями, въ грозныхъ тучахъ, посреди потоковъ крови, заходилъ и самый вѣкъ, ознаменованный ихъ дѣлами. Мрачна была вечерняя заря наканунѣ новаго столѣтія. Заставивъ Екатерину и Густава забыть свою взаимную вражду, она однакожъ набросила густую тѣнь на послѣдніе годы ихъ жизни.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

„ГОРЕ-БОГАТЫРЬ“ ЕКАТЕРИНЫ II.

Извѣстно, что Екатерина II, оскорбленная внезапнымъ нападеніемъ и тщеславными замыслами своего сосѣда Густава III, вздумала, вскорѣ послѣ того какъ онъ открылъ военныя дѣйствія, употребить противъ него и оружіе насмѣшки: она захотѣла представить его въ карикатурѣ на сценѣ и написала оперу «Горе-богатырь». Въ статьѣ А. Г. Брикнера объ этомъ сочиненіи[1] очень хорошо сопоставлены нѣкоторыя черты пьесы съ хвастливыми выходками и неудачами шведскаго короля. Цѣль и значеніе этой оперы, ясно вытекающія изъ ея содержанія, подтверждаются и свидѣтельствомъ современниковъ. Сегюръ, бывшій въ ту самую эпоху французскимъ посланникомъ при дворѣ Екатерины, пользовался особеннымъ ея довѣріемъ. Видѣвъ представленіе «Горе-богатыря» на эрмитажномъ театрѣ, онъ въ запискахъ своихъ положительно называетъ Густава III какъ героя пьесы, и поэтому поводу замѣчаетъ: «Если шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, обѣщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и государыня не много ему уступала и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно

[1] «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1870, декабрь.

обязаны коронованныя лица»[1]. Другое свидѣтельство о томъ же мы находимъ у Державина. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ одѣ «На счастье» онъ такъ объясняетъ стихъ «Безъ латъ я Горе-богатырь»: «Императрица въ оперѣ своей разумѣла шведскаго короля, который хотя внезапно возсталъ войною, но не имѣлъ успѣха. Князь Потемкинъ отсовѣтовалъ представлять на театрѣ сію оперу, сказавъ что, пошутя публично на счетъ своего брата, дастъ поводъ къ какимъ-нибудь оскорбительнымъ сочиненіямъ, и тогда непріятнѣе будетъ переносить оныя, и потому сія опера играна не была. Стихи въ ней сочинялъ А. В. Храповицкій, бывшій при императрицѣ статсъ-секретаремъ».

Не смотря на такія несомнѣнныя свидѣтельства, П. А. Безсоновъ, въ 10-мъ выпускѣ «Пѣсенъ собранныхъ Кирѣевскимъ»[2], развиваетъ съ большою подробностью убѣжденіе, что эту оперу Екатерина написала вовсе не на Густава III, а на Потемкина, которымъ она будто была недовольна за медленность его дѣйствій подъОчаковомъ, и что подъ «нѣкоторою крѣпостью» она разумѣла именно этотъ городъ, а никакъ не Фридрихсгамъ или Нейшлотъ, подъ неудачами же на морѣ — неудачи на сухомъ пути.

Отдавая полную справедливость почтенному труду г. Безсонова, заслужившему премію на послѣднемъ уваровскомъ конкурсѣ, я долженъ сознаться, что никакъ не могу согласиться съ этимъ смѣлымъ предположеніемъ ученаго комментатора нашихъ историческихъ пѣсенъ, и нахожу нужнымъ разобрать главные доводы его.

1. Г. Безсоновъ допускаетъ, что пьеса «Ославъ», которую Екатерина II начала писать около 29-го іюля 1788 года, во время нашихъ неудачныхъ дѣйствій противъ шведовъ и изъ которой впослѣдствіи развилась опера «Горе-богатырь»,—дѣйствительно была направлена противъ Густава III, но утверждаетъ,

---

[1] «Записки графа Сегюра», переводъ съ французскаго. Спб. 1865. Стр. 302.

[2] Этотъ выпускъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 1874 году, съ присоединеніемъ особаго заглавія: «Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ». (См. тамъ стр. 240 и ссылку).

что когда война позднѣе приняла благопріятный для русскихъ оборотъ, то императрицѣ не зачѣмъ уже было осмѣивать короля, и она начала писать другую пьесу, именно «Горе-богатырь», съ новою цѣлью и на новое лицо, при чемъ однако жъ включила въ составъ новой пьесы прежнюю, предпринятую съ мыслью осмѣять Густава. Противъ этого можно сдѣлать два главныя возраженія, благодаря богатому источнику, какой мы имѣемъ въ дневникѣ Храповицкаго. Ни одна часть этого дневника не представляетъ такой полноты свѣдѣній, такихъ обильныхъ и интересныхъ замѣтокъ, какъ именно та, которая ведена въ продолженіе шведской войны. Императрица была въ сильной тревогѣ, въ постоянномъ волненіи, которое, какъ сама она сознавалась, безпрестанно возростало. Естественно, что въ такомъ расположеніи духа она была особенно сообщительна и откровенна съ Храповицкимъ, а онъ, понимая цѣну такой словоохотливости, спѣшилъ все слышанное отъ государыни записать въ свою тетрадь, такъ что за это время мы имѣемъ возможность самымъ подробнымъ образомъ прослѣдить исторію ощущеній и дѣйствій Екатерины. Изъ записокъ Храповицкаго мы узнаемъ, что уже при первоначальной работѣ государыни надъ «Кославомъ» Густавъ потерпѣлъ нѣсколько неудачъ[1]: рѣзкаго перелома въ ходѣ военныхъ дѣйствій не было. Притомъ благопріятный для насъ оборотъ войны не могъ тотчасъ же примирить Екатерину съ Густавомъ, который все-таки оставался ея непріятелемъ и могъ не сегодня-завтра изъ побѣжденнаго сдѣлаться побѣдителемъ. Ея выходки противъ него не прекращались. 11-го сентября она приказала «отыскать» Сказку о Фуфлыгѣ-богатырѣ, «чтобъ, прибавя къ ней l'histoire du temps, сдѣлать оперу». 21-го октября Храповицкій поднесъ ей сочиненія Тредьяковскаго и Ломоносова, какъ пособіе «для составленія оперы о Фуфлыгѣ», и въ тотъ же день записаны ея слова: «Со всѣми помирюсь, но никогда не

[1] См. «Дневникъ» Храповицкаго, изданный Н. Барсуковымъ. Спб. 1874. Замѣтки отъ 10, 13 и 14 іюля 1788 года.

прощу королямъ шведскому и прусскому». На Потемкина она въ эту пору не могла гнѣваться, потому что за недѣлю передъ тѣмъ было получено благопріятное извѣстіе, что «Очаковъ на ниткѣ виситъ». 27-го октября рукопись «Фуфлыги» была уже въ рукахъ императрицы; во время волосочесанія она ее читала и много смѣялась. 22-го ноября у Екатерины уже готово начало оперы «Фуфлыга», которое она и читаетъ Храповицкому, но не довольна названіемъ: «надобно другое имя». Придумать его поручено Мамонову, а стихи для арій будетъ сочинять Храповицкій. На другой день, 23-го, онъ записываетъ: «по вчерашнимъ словамъ для имени герою подалъ нѣсколько анаграммъ изъ Гус. и арію, начинающуюся: *Геройствомъ надуваясь*. Она похвалена, и я поцѣловалъ руку». Въ слѣдующіе дни императрицу очень занимаетъ приготовляемая ею сказка одного съ оперой содержанія, которая должна быть напечатана впереди драматическаго сочиненія. Наконецъ, 4-го декабря Храповицкій получилъ для переписки первый актъ оперы *Горе-богатыря Косометовича*. Изъ всего этого, кажется, уже довольно ясно, кто въ мысляхъ императрицы былъ «Горе-богатырь». Если, какъ думаетъ г. Безсоновъ, успѣхи русскаго оружія должны были примирить Екатерину съ Густавомъ, то не болѣе ли еще извѣстія, получаемыя съ это самое время отъ Потемкина, должны были обезоружить ее въ отношеніи къ любимцу? 28-го октября записано: «Сегодня только сданы графу Безбородкѣ рапорты кн. П. Т — го, снизу мною взнесенные и при мнѣ вынуты своеручныя его письма»? 19-го ноября приготовленъ ему рескриптъ; 26-го выражена надежда, что онъ не захочетъ уронить своей чести. Въ тотъ же день, вечеромъ, Екатерина, получивъ отъ него рапорты, плакала. Можетъ-быть, ее огорчало замедленіе въ взятіи Очакова; но слёзы и ѣдкая иронія — два проявленія духа, которыя одно съ другимъ не вяжутся.

2. Г. Безсоновъ опирается на слова Екатерины, переданныя Храповицкимъ (30-го января 1789 года) о томъ, что Кобенцель, вмѣстѣ съ Сегюромъ присутствовавшій наканунѣ при предста-

вленіи «Горе-богатыря», «заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ». Въ этомъ выраженіи г. Безсоновъ видитъ намекъ на примѣненіе выходокъ пьесы къ Потемкину. Замѣтимъ однакожъ: во 1-хъ, что такое заключеніе трудно вывести изъ замѣчанія Екатерины: смыслъ словъ «разныя уподобленія» чрезвычайно широкъ, и вовсе нѣтъ повода подразумѣвать въ нихъ намека на Потемкина; притомъ не вѣроятно, чтобы Кобенцель, зная благосклонность императрицы къ этому вельможѣ, сталъ сближать значеніе оперы съ его недостатками. Но если бъ даже германскій посолъ и позволилъ себѣ выразить такую смѣлую мысль, значило ли бы это, что осмѣяніе Потемкина было цѣлью автора пьесы? Наконецъ, всякое сомнѣніе на этотъ счетъ разсѣется, когда мы обратимъ вниманіе на отвѣтъ Сегюра, спрошеннаго Екатериной при этомъ же представленіи: «Qui se sent morveux, se mouche», сказалъ онъ, «et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes» (то-есть: у кого носъ полонъ, тотъ сморкается. Какая деликатность — отвѣчать шутками на дерзкіе манифесты и декларацiи). Не совершенно ли ясно изъ этихъ словъ, что Сегюръ открыто примѣняетъ пьесу къ шведскому королю, и государыня не возражаетъ на это.

3. Шведскій посолъ Стединтъ, послѣ заключенія мира, выражалъ желаніе ознакомиться съ *комедіей* на Густава; а такъ какъ «Горе-богатырь» — *опера*, то, значитъ, по мнѣнію г. Безсонова, что этотъ дипломатъ разумѣлъ какую-то другую пьесу. Но извѣстно, что названіе *комедія* часто употребляется въ самомъ обширномъ смыслѣ театральнаго сочиненія вообще, а притомъ Стединтъ могъ и просто не знать, къ какому именно виду драматической литературы принадлежало надѣлавшее столько шуму произведеніе Екатерины II.

По самому смыслу какъ цѣлаго, такъ и частей и каждой черты своей, оно не могло относиться ни къ кому иному, кромѣ Густава. Что въ карикатурѣ Горе-богатыря, отъ начала до конца пьесы, рисуется одно и то же лицо, это еще болѣе бросается въ глаза, когда обратимъ вниманіе на то, что́ императрица писала

о немъ Потемкину вскорѣ послѣ начала войны съ Швеціей. Вотъ отрывокъ изъ письма ея отъ 3-го іюля 1788 года:

«Король шведскій себѣ сковалъ латы, кирассу, броссары (наручи), и квиссары (набедренники) и шишакъ съ преужасными перьями. Выѣхавши изъ Штокгольма говорилъ дамамъ, что онъ надѣется имъ дать завтракъ въ Петербургѣ (читай: въ Петергофѣ), а садясь на галеры, сказалъ: qu'il s'embarque dans un pas scabreux (что дѣлаетъ опасный шагъ). Своимъ войскамъ въ Финляндіи и шведамъ велѣлъ сказать, что онъ намѣренъ превосходить дѣлами и помрачить Густава Адольфа и окончить предпріятіе Карла XII (послѣднее сбыться можетъ, понеже сей началъ разореніе Швеціи); также увѣрялъ онъ шведовъ, что меня принудитъ сложить корону. Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе. Съ симъ курьеромъ получишь манифестъ мой — объявленіе войны; оскорбленія наши многочисленны; мы отъ роду не слыхали жалобы отъ него, а теперь невѣдомо за что разозлился: теперь Богъ будетъ между нами судьею. Буде намъ Богъ поможетъ, то его намѣреніе есть уѣхать въ Римъ, принять римскій законъ и жить, какъ жила королева Христина»[1].

Начерченный здѣсь рукою раздраженной Императрицы образъ короля Густава III не перестаетъ во все продолженіе оперы являться подъ перомъ ея.

Въ «Дневникѣ» Храповицкаго замѣтки о неожиданныхъ вооруженіяхъ Густава начинаются уже съ 4 мая 1788 года, а желчныя противъ него выходки Екатерины — съ 28 того же мѣсяца. Почти дня не проходитъ безъ разговоровъ о немъ. Въ нихъ видно величайшее раздраженіе: государыня выставляетъ его смѣшнымъ, называетъ сумасшедшимъ (fou), говоритъ о его «дурачествахъ» и безстыдствѣ, выражаетъ желаніе «дабы на всякомъ пунктѣ онъ разбилъ себѣ лобъ», сравниваетъ его то съ Пугачевымъ, то съ героемъ Ламаншскимъ, словомъ, всѣ мысли и

[1] Напечатано въ брошюрѣ покойнаго Лебедева: «Графы Н. и П. Панины», 1863, стр. 307.

вся дѣятельность Екатерины заняты новымъ врагомъ ея, направлены къ нанесенію ему вреда всѣми возможными средствами. Въ то же время, съ театра турецкой войны получаются извѣстія объ успѣхахъ, хотя и не блестящихъ, но все-таки успокоительныхъ, о сраженіяхъ, выигранныхъ на Лиманѣ, о вылазкахъ, объ отраженіи непріятеля отъ Кинбурна, о ходѣ осады Хотина, окончившейся взятіемъ его. О Потемкинѣ императрица отзывается то съ благоволеніемъ, то по краней мѣрѣ безъ негодованія[1]. Притомъ во все это время она не перестаетъ вести съ нимъ по прежнему дружескую, откровенную переписку и ни однимъ словомъ не выражаетъ ему и тѣни неудовольствія.

Послѣ всего этого, есть ли малѣйшее вѣроятіе, чтобы Екатерина обратила противъ своего любимца ѣдкія насмѣшки, внушенныя ей поступками Густава, и примѣнила къ Потемкину продолженіе пьесы, о которой Храповицкій въ первый разъ такъ выразился 29-го іюля, то-есть недѣли черезъ 3 — 4 послѣ письма, откуда мы привели отрывокъ): «Читали начало комической оперы *Кославъ*. Тутъ представляется приготовленіе на войну короля шведскаго. Не знаю какъ кончу; вчера только начала, чтобъ разбить мысли».

Очевидно, что «Горе-богатырь», по духу и содержанію, былъ въ тѣсной и неразрывной связи съ «Кославомъ»; измѣнено было только заглавіе комической оперы, получившей новое развитіе послѣ того какъ императрица провѣдала о «Фуфлыгѣ-богатырѣ» и ознакомилась съ этою сказкой.

Но главный доводъ, которымъ опрокидывается догадка г. Безсонова — нравственнаго или психологическаго свойства. Какъ допустить мысль, чтобы Екатерина, поручивъ Потемкину веденіе военныхъ дѣйствій противъ турокъ, позволила себѣ, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, осмѣивать его на эрмитажномъ театрѣ, въ присутствіи представителей иностранныхъ дворовъ? Для кого и для чего она стала бы это дѣлать? Она могла доставить

[1] См. «Дневникъ» Храповицкаго, 1788 года іюня 23 и 26, іюля 11 и 13 (награда Потемкину, 4-я побѣда на Лиманѣ), 17 и 26; августа 31 (реляція о вылазкѣ); сентября 5 (занятіе Яссъ) и проч.

себѣ удовольствіе потѣшиться, въ обществѣ довѣренныхъ лицъ, надъ государственнымъ и личнымъ врагомъ, но почти публично издѣваться надъ главнымъ сотрудникомъ своимъ, которому ею же самою поручена судьба войны, — это было бы, прежде всего, въ высшей степени несогласно съ тою мудростью, которая отличала всѣ поступки Екатерины. Если бъ она была серіозно недовольна распоряженіями Потемкина, какъ полководца, то конечно выразила бы это не безплоднымъ пасквилемъ въ его отсутствіи, а отозваніемъ его съ театра войны и порученіемъ дѣла другому.

ГОЛШТИНСКІЙ ДОМЪ.

○ **Фридрихъ** † 1659.

○ **Христіанъ Альбрехтъ** † 1695.

○ **Фридрихъ IV**, герцогъ, подъ покровительствомъ Карла XII. Убитъ при Клиссовѣ, † 1702. Супруга **Гедвига**, сестра Карла XII, † 1708.

○ **Христіанъ Августъ**, администраторъ Голштиніи во время малолѣтства племянника Карла Фридриха, † 1726. Супруга **Альбертина** Баденъ-Дурлахская † 1785.

○ **Карлъ Фридрихъ** † 1739. Лишился Шлезвига. Супруга **Анна Петровна**, дочь Петра В., † 1728.

○ **Карлъ Августъ**, ум. 1 іюня 1727 въ Петербургѣ женихомъ **Елисаветы Петровны**.

♔ **Адольфъ Фридрихъ**, избранъ на шведскій престолъ 1743 г. по желанію Елисаветы Петровны, † 1771. Супруга **Луиза Ульрика**, сестра прусск. короля Фридриха II, † 1782.

♔ **Петръ III**, съ 7 ноября 1742 наслѣдникъ русскаго престола; † 6 іюля 1762 г. Супруга **Екатерина II** † 1796.

♔ **Густавъ III**, король шведскій съ 1771 г., † 1792 г. Супруга **Софія Магдалина** Датская, † 1813.

III.

Journal du voyage du Roi à St.-Pétersbourg en 1777 [1].

Ayant trouvé les circonstances favorables d'exécuter le dessein
e j'avois il y a si longtems de m'aboucher avec l'Impératrice
ur écarter d'elle toutes les mauvaises impressions défavorables
e les ennemis de mon état ont tâché de lui donner contre moi
pour effacer entièrement de son esprit l'aigreur que la journée
morable du 19 août 1772 lui avait inspirée, je pris à Ulriksdal
10 d'août le parti de faire cette année même[2] le voyage
Pétersbourg. Il était essentiel de cacher ce dessein et d'en
rober l'exécution j'usqu'au moment où les choses parleraient
elles-mêmes; c'est pourquoi je convins avec le général Troll,
i devait partir pour la Finlande: 1-o, de faire équiper à Svea-
rg un turoma sous prétexte d'exercer les officiers; 2-do, de pro-
ser par un mémoire (que je ferais remettre au Conseil) d'envoyer
e galère en Finlande pour faire manoeuvrer la partie des offi-
ers de la flotte de l'armée qui ne s'étoit point exercée sur un
reil vaisseau, tandis que les officiers de l'amirauté qui venoient

[1] Чтобы дать читателю понятіе о правописаніи Густава III, выписываю всею точностью нѣсколько строкъ второй страницы подлинной рукописи его дорожнаго журнала: «Mon dessin ettoit de me servir du Tourromma (vaisx plus commodde et agreable qu'une Galleire) j'usqu'a Sveaborg ou je monterois sur La Galleire qui devoitt me porter jusqu'a Pétersbourg».

[2] Т. е. въ 1777 году, когда это писано.

d'être incorporés à la flotte de l'armée, manoeuvreroient sur le turoma qui viendroit à Stockholm; 3-o, de se rendre lui-même, à bord du turoma, à Stockholm assez à tems pour que j'en puisse partir entre le 8 et le 10 juin.

Mon dessein étoit de me servir du turoma (vaisseau plus commode et agréable qu'une galère) jusqu'à Sveaborg où je monterois sur la galère qui devoit me porter jusqu'à Pétersbourg. Je fis en même tems écrire au comte de Creutz, mon ambassadeur à Paris, pour lui ordonner d'acheter des diamans, des boîtes et des portraits enrichis de pierreries pour les présens nécessaires à un pareil voyage, et je fixai une somme de 20 m. écus de banque pour cet usage. Je fis écrire en même tems au baron de Nolken, mon envoyé extraordinaire à Pétersbourg, d'annoncer mon arrivée à l'Impératrice, de lui en demander le secret et de savoir si le tems que j'avois choisi pour venir la voir lui seroit agréable. Il devoit ensuite régler avec le c. Panine tout ce qui regardoit le salut que la citadelle de Kronslott, devant laquelle ma galère devoit passer, devoit lui donner. Comme cet article est très délicat, nos plénipotentiaires n'ayant jamais, pendant deux congrès, pu parvenir à le régler, pour éviter toutes les dissentions qui auroient pu amener des explications désagréables de part et d'autre et si éloignées du but d'un voyage entrepris pour cimenter la paix et l'union, je fis proposer que comme je comptois garder un incognito parfait à l'instar de celui de l'Empereur et que le pavillon de la galère ne seroit que celui de l'officier qui la commanderoit, je souhaitois qu'on ne tirât aucun coup de canon ni de la galère, ni du château. Le même jour je fis écrire à mon ambassadeur à Paris pour lui ordonner de faire part au ministère....[1], sous le sceau du secret, de mon voyage. Toutes ces choses étant faites, je m'occupai des arrangemens nécessaires pour mon départ, que je dérobai aux yeux de la cour et du public par les préparatifs du tournoi qu'on devoit tenir à

[1] Неразобранное слово.

la fin du mois de Mai à Stockholm. Cependant la galère le Séraphim s'armoit dans l'arsenal de la marine à Stockholm et on achevoit de la dorer et de la repeindre à neuf, tandis que le turoma s'appareilloit dans le port de Sveaborg, sans que personne ne se doutât ni fît attention. Le secret dura ainsi jusqu'au 15 de Mai, quatre jours avant le départ de la galère, qui partit le 19. La poste de Finlande apporta des lettres de Pétersbourg où on parloit de mon voyage, et les esprits étant réveillés par ce bruit donnèrent plus d'attention à la beauté du bâtiment et à la magnificence qui ne paroissoit point cadrer aver sa destination. L'arrivée de M. de Troll avec le turoma le 27 de Mai au soir confirma le public et les assura de la vérité de leurs soupçons, et le secret n'eut plus besoin d'être gardé. Lorsque la réponse de Russie arriva le 27 Mai au matin, les diamans commandés de France étant arrivés la veille, tout étant prêt, je me rendis le 30 Mai au sénat pour lui faire part de mon voyage et lui dire que je laissois mon frère à Stockholm pour y commander pendant mon absence. Le soir même tout Stockholm sut mon départ, que je fixai entre le 7 et le 9. Je nommai pour m'accompagner à Pétersbourg:

Les Sénateurs:

Comte Ulric Scheffer.
Comte Maurice Posse.
Mes deux chambellans.
Le comte de Stenbock.
Le comte Nils Posse.
Mon 1-r page de la chambre.
Gentilhomme ordinaire de la cour, M. de Cederfelt.
Mes deux pages de ma chambre et de l'Ecurie.
Comte Clas de Löwenhaupt et baron Nils de Koskul.
Mon premier médecin le sieur Dahlberg.
Mon 1-r valet de chambre le sieur Helman.
Mes deux garçons de la chambre Purspillon et Griberg.

2 coureurs.
2 valets de pied.

Le comte d'Hamilton, lieutenant de mes gardes du corps de quartier, avec quatre gardes du corps, devoit m'accompagner jusque sur la frontière de Suède, où je prendrois l'incognito. Les quatres gardes étoient:

M. le baron d'Uggla,
M. d'Uggla,
M. de Hierta et
Le sieur Peyron.

Samedi, 7 Juin.

Je me suis embarqué à 5 heures du soir devant le château de Stockholm; je descendis accompagné de mon frère, des sénateurs comtes d'Höpken, Fersen, Horn, Schwerin, baron de Sparre, comte d'Hessenstein, de mes chambellans, baron d'Ernsvärd, baron Bengt Sparre, du lieut.-général comte Casimir Lewenhaupt, capit: des gardes du corps, du b. Charles Ernsvärd, commandant les chevaux légers de la garde, du chancelier de la cour b. Fr. Sparre, de mes deux écuyers ordinaires Monsieur de Munk et baron d'Essen, du général Stakelberg, du comte Gyllenstolpe, du baron Fr. Hamilton, du baron Sébastian Löwenhaupt, cap: des gardes, qui avoit la garde ce jour-là, du jeune comte Axel Fersen, qui avoit la garde pour les chevaux légers de la Garde, de mon 1-r page de la chambre Wricht, de plusieurs de mes pages et autres officiers de ma maison. Mon frère étoit accompagné du général Mörner, son 1-r écuyer, du comte Adam Löwenhaupt, du baron Wachtmeister et du baron de Rammel. Tout le pont étoit bordé d'une foule de noblesse et d'un peuple immense. Après avoir attendu un moment dans la chaloupe, ma belle-soeur arriva accompagnée de ses deux filles d'honneur, mesdemoiselles de Strockirch et Koskul, de M. de Torvigg, son

1-r écuyer, des comtesses Löwenhaupt et Clas Horn, et suivie des comtesses Axel Fersen, Meyerfelt, Ribbing, Lantingshausen et le Cte Scheffer. La reine vint un moment après, accompagnée de la comtesse de Fersen, sa gouvernante, et de la comtesse de Cederhielm, des baronnes de Wrangel, Örnskiöld, ses dames du palais, du sénateur de Bielke, son grand maître, du comte Charles Piper, son grand chambellan, et de M. M. Stedingk, ses chambellans baron Bror Cederström, baron Anton de Geer et du baron Rålamb, son écuyer de la cour.

Tout le monde étant embarqué, nous partîmes dans plusieurs chaloupes et abordâmes un moment après le turoma Biörn Jernsida, qui devoit me conduire en Finlande. Le général-major commandeur de l'ordre du cap. de Troll me reçut en pied de l'escalier; il commandoit le vaisseau pour mon passage. M. d'Ankarsvärd, lieut. colonel, les majors de Stedingk et baron de Rehbinder étoient les officiers de l'état-major qui avoient sous lui le commandement. Le turoma étoit escorté de deux barcasses armées, qui portoient les provisions, et d'un yacht. On mena la reine, la duchesse et les dames dans la chambre de poupe, et pendant qu'on servoit aux dames une collation, nous levâmes l'ancre et partîmes au bruit des canons et aux cris de tout le peuple qui bordoit le port. La reine, mon frère, ma belle-soeur et leur suite me quittèrent à Blockhusudd, où ils se mirent dans les mêmes chaloupes qui nous avoient conduits au vaisseau; on salua la reine de tous les canons. A 8 heures $^3/_4$ nous étions déjà à Vaxholmen et nous avions, avant le souper, passé Furusund.

Dimanche, 8 Juin.

A mon réveil à 9 heures on m'apprend que j'ai passé la mer d'Åland, et à 2 heures après-midi nous jetons l'ancre de l'autre côté de Korpostrõm à Wilhelmsund. Le vent est devenu contraire pendant le trajet de cette nuit. Le vent a été si gros qu'un bâti-

ment de Finlande (en finnskute) a perdu son mât à côté de mon vaisseau. J'ai écrit à mon frère un billet qu'un bâteau de Finlande est allé porter à Åbo pour aller par la poste à Stockholm, et j'ai écrit un mot à Munk, dont la séparation m'a beaucoup coûté. Nous avons laissé derrière nous les barcasses et même le bâtiment finnois où on avoit embarqué les voitures pour Pétersbourg; mais pendant le vent contraire ils nous ont rejoints, ainsi que le yacht qui étoit resté deux heures après nous à Stockholm pour prendre les livrées qui ne furent achevées qu'un moment après notre départ. Le vent étant devenu favorable, nous avons levé l'ancre à 10 heures et trois quarts ce soir, et nous sommes en pleine navigation; à l'heure de mon coucher à minuit et demi le vent est bon, mais petit. J'ai tenu cabinet et j'ai donné les charges que mon départ avoit fait différer.

Lundi, 9 Juin.

En me réveillant ce matin à neuf heures on m'annonce que nous avons fait 10 lieues. Le vent est très petit. Nous découvrons à 11 heures et demie le feu d'Hangöudd. Les barcasses, ainsi que le yacht, nous suivent, et le bâtiment qui porte nos voitures nous précède d'une demi-lieue. A midi et demi nous doublons le cap d'Hangö-udd et nous découvrons la côte de la Finlande. Le vent est devenu fort bon. A 6 heures nous passons par Baresund. Le vent ayant continué d'être bon, nous serions arrivés avant minuit à Sveaborg, si un brouillard épais ne s'étoit élevé; il nous força à jeter l'ancre à 10 heures et demie à Porkala; mais comme le vent continue à être favorable, dès qu'il fera jour, on levra l'ancre et nous pourrons être pourtant avant 6 heures demain matin à Sveaborg. Pendant le trajet d'aujourd'hui j'ai tenu conseil avec les deux sénateurs qni m'accompagnent, et j'ai terminé plusieurs affaires courantes qni n'avoient pu, avant mon départ de Stockhohm, être terminées plus tôt, ainsi que les protocolles d'aujourd'hui en font foi.

Mardi, 10 Juin.

A une heure et demie du matin nous levâmes l'ancre, et on vint à 5 heures m'éveiller pour m'apprendre que nous décrivions Sveaborg; on ne nous attendoit pas sitôt, et nous n'étions encore qu'à un quart de lieue, quand on avertit le commandant, le comte de Sparre, de ce que la sentinelle de Gustafsvärd voyoit approcher un vaisseau qui portoit un pavillon particulier. Le comte de Sparre, sur cet avis, monta sur la plate-forme de la maison, et aperçut avec un grand étonnement mon vaisseau, qui n'étoit qu' à une portée de canon et qu'il reconnut d'abord au pavillon royal qui flottait au haut du grand mât. Il fit dans l'instant arborer le pavillon sur le grand bastion de Gustafsvärd et battre la caisse, mais nous entrions déjà dans le port, où il vint dans sa chaloupe me recevoir; nous jetâmes l'ancre à 6 heures et demie, n'ayant mis que soixante heures entre Stockholm et Sveaborg, en comptant même tout le tems que nous avons été à l'ancre les deux dernières journées. Un moment après mon arrivée je passai sur la galère Le Séraphim, de 22 paires de rames, où je fis tout préparer pour mon embarquement, qui doit se faire à 5 heures ce soir, et je revins dîner à bord du turoma, d'où je dépêchai un de mes gardes du corps (le jeune Peyron) à Pétersbourg pour donner avis au baron de Nolken de ma prochaine arrivée, ayant appris, en arrivant, que le courrier du cabinet, Leckberg, qui portoit une lettre pour l'Impératrice et qui étoit parti de Stockholm le dimanche 1 Juin, n'avoit passé par Helsingfors que samedi dernier. Peyron portoit ordre au baron de Nolken de venir, le plus loin qu'il lui fût possible en mer, à ma rencontre pour me donner le tems de prendre de lui les éclairsissemens nécessaires sur les dispositions de la cour de Pétersbourg. Le général baron de Stackelberg, qui commande en Finlande, et le général-major comte Jean de Sparre, commandant de Sveaborg, vinrent à bord dîner avec moi; après le dîner je me mis avec eux dans une chaloupe,

accompagné du sénateur comte de Posse, du comte de Stenbock, de mon lieutenant des gardes du corps le comte d'Hamilton, de Cederfelt, du jeune baron Koskul et de deux gardes du corps, pour aller voir le camp Nylandois, infanterie, qui campoit à Helsingemalm à une lieue de Helsingfors. Nous débarquâmes auprès du moulin de Gamla Staden, et je fis le reste du chemin à pied, qui étoit d'un quart de lieue et demie de Suède. Le vieux M. de Stackelberg resta à m'attendre dans la chaloupe, son âge et sa taille énorme ne lui permettant pas de me suivre, ni à pied ni en voiture. Le comte de Posse prit une petite chaise qu'il trouva en tournant derrière une maisonnette, et nous autres fîmes le chemin à pied, comme des pélerins; nous arrivâmes par le grand chemin qui va d'Helsingfors à Borgo, sur l'aile gauche du camp. Personne ne m'attendoit, et le colonel Armfelt (qui dans sa place de lieutenant-colonel commandoit le régiment en l'absence du général Troll) venoit dans le moment même d'apprendre mon arrivée en Finlande, fut si étonné de me voir dans sa tente qu'il me regarda longtems sans pouvoir proférer un mot, ce qui m'amusa beaucoup. Après en avoir ri avec lui, je lui ordonnai de faire prendre les armes au régiment et le faire manoeuvrer pour moi, sans qu'ils se donnassent la peine de se mettre en gala, ce qui n'eût fait que faire perdre le tems. Le régiment prit les armes, et je fus plus content des soldats que des officiers; les hommes sont beaux et grands, ont un air militaire et robuste qui est particulier au troupes suédoises. Après la manoeuvre je me mis à cheval sur un petit bidet qu'on m'amena, et m'étant remis dans la chaloupe au même endroit où je l'avois quittée, je retournai dans l'intention de faire une visite au comte de Sparre à Sveaborg, si ma galère n'étoit pas prête; mais en passant devant la galère le général Troll me cria par le porte-voix que tout étoit prêt pour le départ, ce qui m'engagea de monter sur la galère, et après avoir pris congé du général Stackelberg et du comte Sparre, nous levâmes l'ancre dans un calme parfait à 6 heures et trois quarts du soir. En arrivant dans la galère,

le comte de Scheffer me montra une lettre du b. de Nolken, qu'il avoit reçue par un exprès, datée de Pétersbourg du trois de Juin, par laquelle ils nous apprend que l'Imp: a ordonné à son aide-de-camp général le comte de Bruce d'aller au-devant de moi avec trois yachts de l'Impér. jusqu'à un passage difficile nommé Biörkön et qu'elle souhaitoit de savoir si je voulois débarquer à Péterhof ou à Pétersbourg.

Mercredi, 11 Juin.

Le vent étant devenu totalement contraire, il fallut jeter l'ancre à 5 heures du matin; nous n'avons fait que deux lieues depuis les 6 heures et demie hier au soir. Le vent continua à être contraire toute cette journée, et le tems fut très gros; il fallut rester tranquille. J'employai ce tems a écrire au baron de Nolken. Il m'avait paru, par sa lettre au comte de Scheffer, qu'il n'avait pas bien saisi le sens de l'incognito que je voulois garder; je tâchai dans la dépêche de ce jour de lui détailler plus clairement mes intentions, et combien il étoit nécessaire de ne rien permettre qui pût contraster avec le nom que j'avois pris et la conduite que je comptois tenir. Je lui détaillai la manière que l'empereur avoit été en France et comme on avoit respecté son incognito, et que c'étoit à son instar que je souhaitois de régler ma manièrs d'être; nous envoyâmes cette lettre et une dépêche du comte de Scheffer qui l'accompagnoit, par un yacht à Sveaborg pour être portées par une extra-poste à Pétersbourg.

Jeudi, 12 Juin.

Une brouillard épais nous empêche encore aujourd'hui de continuer notre route, quoique le vent est devenu favorable. Le brouillard s'étant dissipé un peu, nous avons levé l'ancre à une heure et un quart, et nous allons à la voile, mais à 4 heures et demie

il l'a fallu faire tomber de nouveau. Une demi-heure après on l'a levé, et quoique le broulliard continue, on a mis à la voile.

M. de Bruce, gouverneur de Tavasthus et le lieut.-colonel Piper se sont rendus à bord ce matin; ils sont venus de Sveaborg sur un yacht, sur la représentation du gouverneur; je lui ai donné un ordre pour le comte de Sparre de suspendre la revue de commissaire du régiment de Nyland, infanterie, jusqu'à l'année prochaine. Malgré le brouillard nous continuons notre route et nous passons Pellingen entre onze heures et minuit.

Vendredi, 13 Juin.

Entre six et sept heures ce matin nous avons passé la frontière, et dans ce moment même j'ai fait ôter le pavillon royal qui flottoit sur le grand mât, et on va substituer un simple pavillon d'officier. J'ai pris en même tems l'incognito sous le nom du comte de Gothland, sous lequel j'ai déjà voyagé en 1771; j'ai quitté aussi tous mes ordres et je n'en porte plus. A 2 heures et demie nous découvrons Fredrikshamn, et après avoir tiré plusieurs coups de canon pour appeler les *lots* ou pilotes, on a envoyé la chaloupe à terre, et comme elle s'est longtems fait attendre, il a fallu jeter l'ancre à 4 heures et un quart. La chaloupe est revenue à 5 heures et trois quarts avec un pilote. On a levé l'ancre de nouveau avec un vent favorable. Un calme parfait nous ayant surpris vers les huit heures, il fallut quitter les voiles et aller à la rame; il fait le plus beau tems du monde, et nous avons enfin l'espérance d'arriver demain à Pétersbourg.

Samedi, 14 Juin.

Le beau tems et le calme a continué pendant la nuit, mais vers le matin un petit vent s'est élevé, qui malheureusement a été contraire: il a fallu à dix heures et demie ce matin jeter l'ancre à côté d'une petite île nommée Pirssön, où on a fait descendre

l'équipage pour le faire reposer et rafraichir. Nous avons dîné à terre, et je me suis promené dans l'île, ce qui étoit assez agréable; nous avons trouvé des paysans Livoniens qui y venoient pêcher le strömling. Leurs femmes étoient affreuses; ils payoient pour chaque bâteau chargé à la ville de Fredrikshamn, à qui l'île appartient, un rouble, ce qui fait 140 deniers en notre monnoie. Je leur fis donner du brandevin et je donnai à leurs femmes trois petits écus ($^1/_3$ riksdaler) et un écu de banque de ma nouvelle monnoie, sur lequel est mon buste, pour le porter au collet comme un ornement. Il vint aussi des paysans Finnois russes, qui me donnèrent du poisson et que nous régalâmes de brandevin et de deux écus de banque. Nous leur dîmes de boire à la santé de l'Imp., mais ils ne le voulurent jamais, et ils dirent qu'ils vouloient plutôt boire à la santé du Roi de Suède, à qui ils avoient appartenu autrefois. Le brandevin qu'on leur avoit donné les avoit tellement enchantés que ces pauvres gens dirent qu'il falloit que le Roi de Suède fût bien plus riche que leur Impératrice, puisqu'il avoit une si bonne eau-de-vie. Après avoir dîné, nous remontâmes sur la galère et levâmes l'ancre à 3 heures et demie. L'officier le capit. Fren, qu'on avoit envoyé hier à Fredrikshamn, nous apprit que l'Imp. avoit commandé 2500 cavaliers pour m'escorter depuis la frontière et que les troupes avoient reçu ordre de parader, les forteresses de tirer 280 coups de canon, que 300 chevaux avoient été commandés pour moi à chaque relai, mais que depuis 8 jours tous ces ordres avoient été contremandés, puisqu'on avoit appris que je comptois venir par mer. A 7 heures le vent s'étant élevé et devenant contraire, nous fûmes obligés de jeter l'ancre près de Pelis-pass; je me fis mettre à terre pour voir un village qu'on découvroit confusément de la galère. Ce village étoit bâti comme les nôtres en Finlande; aussi n'y avoit-il que des Finnois russes qui l'habitoient, mais nous y trouvâmes une vingtaine de paysans moscovites qui travailloient à une carrière de pierre à une demi-lieue de là et qui se baignoient dans un bain chaud de vapeur. Ils y étoient hommes et femmes pêle-

mêle, tout nus; je les vis par une petite ouverture à la muraille, qui servoit de fenêtre. A ce taudis il faisoit une chaleure affreuse et une vapeur terrible; ils se lavoient le corps en se jetant dans un grand baquet d'eau et en se frottant avec des bouquets de feuilles si violemment que leurs corps étoient tout cramoisis; ils sortirent de là tout nus et allèrent se jeter dans l'eau froide du lac où ils plongèrent et nagèrent; ensuite ils rentrèrent dans leur bain et recommencèrent plusieurs fois le même train; leurs femmes ne voulurent point cependant aller se baigner dans le lac par modestie pour les étrangers. J'entrai ensuite dans une des maisons du village qui étoit très propre, mais où il y avoit une puanteur très désagréable et qui est particulière aux Russes. Nous retournâmes ensuite pour souper et coucher sur la galère.

Dimanche, 15 Juin.

Le vent étant assez fort, mais contraire, je pris le parti de quitter la galère, qui pouvoit peut-être encore être obligée de rester dans le même endroit plusieurs jours, pour m'embarquer sur le yacht qui avoit servi d'avant-garde pendant tout le voyage — le bâtiment léger pouvant convoyer et aller même à la rame avec assez de facilité, et comme il ne nous restoit que onze lieues à faire pour arriver à Pétersbourg, je préférai le bâtiment qui avec certitude pouvoit me conduire au plus tard (le vent devenant même toujours contraire) demain au soir à Pétersbourg, à celui qui pourroit encore me retarder de deux à trois jours. J'ordonnai donc à M. de Troll de faire transporter les choses les plus nécessaires sur le yacht. Je m'y embarquai à neuf heures et demie avec le général Troll, le comte de Stenbock, M. de Cederfelt, mes deux pages, le comte de Löwenhaupt et le baron de Koskul, et je ne pris pour domestiques que deux garçons de la chambre, un valet de pied et un coureur. Le lieut:- colonel Ankarsvärd, qui avoit déjà commandé le turoma de Stockholm à Sveaborg, conduit ce yacht. Les deux sénateurs prirent un autre

yacht nommé Gå på, et nous laissâmes le gros du bagage sur la galère avec ordre de jeter l'ancre à Cronstadt et d'envoyer les affaires à terre par des chaloupes. Le vent fut très petit jusque vers les mêmes heures qu'il commença à s'élever, et devint vers les trois heures fort et très bon; nous allâmes ainsi jusque vers les 5 heures et demie, qu'il fallut jetter de nouveau l'ancre pour attendre un pilote (lots); on mit la chaloupe en mer, et je me mis dedans pour aller voir une petite église que nous vîmes au bord de l'eau et que nous prîmes pour une église grecque. M. de Troll, le comte de Stenbock, le comte de Löwenhaupt et M. de Cederfelt me suivirent; nous trouvâmes beaucoup de paysans finnois fort bien mis, que nous envoyâmes chercher un pilote. L'église étoit luthérienne et les deux prêtres parloient très bon Suédois: ils avoient deux soldats russes chez eux pour les défendre des voleurs qui avoient, il y avoit 10 ans, pillé et brûlé le village. Après avoir vu l'église, nous partîmes et allâmes faire une visite aux sénateurs sur leur yacht, et après être remontés sur le mien, le pilote étant arrivé, nous levâmes l'ancre par un vent très favorable à neuf heures et un quart du soir.

Lundi, 16.

A deux heures et demie du matin on vint m'éveiller pour m'apprendre qu'on découvroit Cronstadt et Oranienbaum. Le vaisseau de garde avoit donné un signal, il avoit levé l'ancre au moment qu'il nous avoit découverts. Une demi-heure après nous vîmes une petite chaloupe qui portoit un officier avec l'uniforme suédois; nous lui fîmes signe avec des mouchoirs de s'approcher de nous. Lorsqu'il fut à la portée de la voix, il demanda si le comte de Gothland étoit à bord du yacht ou de la galère. Je lui répondis moi-même qu'il étoit à bord du yacht; il monta d'abord et me présenta des dépêches du baron de Nolken, qui étoit déjà depuis le jeudi à m'attendre à Cronstadt. Un moment après il arriva dans une chaloupe de l'amiral Greigh; nous jetâmes

l'ancre devant Cronstadt à 5 heures et trois quarts du matin. Il me présenta une lettre de l'Impératrice en réponse à celle que je lui avois écrite du 1-r de ce mois, remplie des choses les plus honnêtes et les plus polies; il me dit qu'il avoit été le jeudi à Tsarsko-Sélo où il avoit vu l'Imp., et tout ce qu'il me dit m'a promis une réception agréable. Elle avoit compté venir à Péterhof pour m'y recevoir, mais des réparations faites au château n'ayant pas été achevées, elle étoit restée à Tsarsko-Sélo; d'ailleurs on ne m'avoit attendu que vers le 19 de ce mois, et la surprise avoit été fort agréable. Le b. de Nolken me dit que si je voulois éviter l'affluence du peuple qui à la vue de la galère s'assembleroit sur le port, il falloit débarquer à Oranienbaum où il avoit fait venir des voitures pour me transporter par terre à Pétersbourg. Je pris ce parti et ordonnai au général Troll de conduire son escadre à Pétersbourg; après m'être habillé, je me mis dans la chaloupe qui avoit amené le baron de Nolken avec le comte de Stenbock, M. de Cederfelt, le comte de Löwenhaupt, et nous allâmes descendre dans les jardins de Cronstadt par un beau canal qui va du pied du château jusque dans la mer. Le soleil se levoit dans ce moment, et le beau temps, joint à la superbe vue de Cronstadt de la grande mer chargée d'une forêt de vaisseaux, l'entrée du port de Pétersbourg, la côte de la Finlande, de Strelna et de Péterhof formoient le plus beau coup d'oeil qu'on pouvoit voir. Je ne fis que traverser le château et la cour d'Oranienbaum pour me mettre dans les voitures qui m'attendoient dans la seconde cour. Je montai dans le carrosse de Nolken; le comte Stenbock, M. de Cederfelt et le jeune comte Löwenhaupt montèrent dans une autre voiture, et nous en laissâmes deux pour les sénateurs et le comte Nils Posse. Quoiqu'Oranienbaum est distant de Pétersbourg de 40 verstes, ce qui fait 4 lieues de Suède, nous fîmes ce chemin en trois heures et arrivâmes à neuf heures et trois quarts à Pétersbourg sans changer de chevaux, tant leurs isvochiques sont bons; ils ont un air particulier avec leur grande barbe et leurs habits à la Russe; mais ce sont

les meilleurs cochers qu'on peut avoir, et l'usage le plus commode, surtout pour les étrangers. Arrivé à dix heures moins un quart à Pétersbourg, je descendis à l'hôtel du b. de Nolken et je lui fis sur-le-champ écrire un billet au comte de Panine (qui logeoit dans la même rue que lui) pour lui demander une heure pour moi. Un petit quart d'heure après il reçut réponse du comte de Panine, qui venoit de se lever. Il fit dire au b. de Nolken qu'il étoit bienvenu et qu'il l'attendoit. Le c. Panine ne sachant pas mon arrivée ajouta qu'il lui feroit plaisir de lui faire savoir des nouvelles des voyageurs; je fis répondre pour le baron de Nolken, qui étoit monté pour voir sa femme, qu'il auroit l'honneur de les lui porter lui-même. Je dis à Nolken de me mener, et nous allâmes ensemble dans sa voiture chez le comte Panine. Nous traversâmes plusieurs pièces où il y avoit une quantité d'officiers de la maison qui me regardoient avec étonnement; j'avois mon habit bleu à la Charles XII et le mouchoír blanc autour du bras gauche sans aucune marque qui pût déceler ma dignité; j'avois dès la frontière quitté mes droits, et comme je marchois après le baron de Nolken, mais d'un air assez libre, il ne se doutèrent pas avec certitude qui j'étois. Nous entrâmes ainsi jusque dans un cabinet où le c. Panine s'habilloit; il venoit de mettre sa chemise qu'il étoit occupé à fourrer dans ses culottes. En apercevant Nolken, il lui dit: «Ah! mon cher baron, soyez le bienvenu! Eh bien, quelles nouvelles venez-vous m'apporter?» Dans ce moment il m'aperçut; je m'avançai, et je vis à ses regards son étonnement, qui augmenta lorsque Nolken pour toute réponse lui présenta M. le comte de Gothland. Je ne puis peindre son embarras et son étonnement: il vouloit ôter son bonnet de nuit qu'il avoit encore sur la tête, et il n'osoit lâcher ses culottes qu'il tenoit encore; au reste d'une main il me fit un compliment. Au milieu de tout cet embarras où je ne compris rien, et certainement il n'y comprenoit rien lui-même, et se tournant vers Nolken, il lui dit: «Mon cher baron, quel tour m'avez-vous joué?» Nolken lui dit: «Je m'attendois bien à la surprise de V. Ex., mais il y a des étran-

gers auxquels je n'ose rien refuser». Je pris la parole et lui dis que comme mon seul but dans le voyage que j'avois entrepris étoit de voir l'Imp., mon empressement étoit extrême de lui être présenté et que je n'avois pas voulu perdre un moment pour venir cher lui le prier de me procurer une pronte audience, m'indiquer le moment où je pourrois être présenté à l'Imp.; qu' ayant depuis 20 ans le plaisir de le connoître, j'avois cru pouvoir le traiter en ancienne connoissance et que, quoique j'étois bien changé depuis que je ne l'avois vu, j'avois eu tant de preuves de ses sentimens pour ma patrie que je n'avois cru mieux le reconnoître qu'en venant familièrement chez lui. Pendant tout ce discours il avoit eu le tems de remettre ses culottes et sa chemise; il s'étoit un peu remis aussi de sa surprise et me répondit par un compliment très respectueux et très poli, mais à sa manière, qui est un langage particulier, fort diffus, plein de mots de répétition et pourtant exempt de choses superflues; il ajouta beaucoup de protestations de la part de l'Imp. et finit par se confondre en excuses sur la manière qu'il me recevoit. Le b. de Nolken lui dit en riant que le comte de Falkenstein avoit été encore plus mal reçu par M. de Maurepas, car on l'avoit fait attendre dans l'antichambre. Je me mis à rire et lui dis qu'on n'avoit pas pu mieux venir que moi, que j'avois voulu le surprendre et que je croyois que je l'avois fait, mais j'ajoutai: «Il faut vous laisser achever votre toilette; je m'en vais examiner votre maison avec le b. de Nolken, et comme je suis grand amateur de meubles, je vous en donnerai mes avis». Je pris ce prétexte pour le mettre à son aise, et je sortis avec le baron de Nolken, et je parcourus effectivement la maison, qui est très belle et superbement meublée, mais singulièrement distribuée comme presque toutes les maisons de Pétersbourg. Il y a un meuble de velours cramoisi et fait à Moscou fort beau, mais triste; les bronzes et les tables et les cheminées sont d'un travail précieux et d'une recherche infinie; tout ces meubles sont arrivés de Paris l'année passée et du plus grand goût. Les poiles me plurent beaucoup; ils ne ressemblent pas à

de grandes armoires comme les nôtres, mais ils font le même service; ce sont des espèces d'autel à l'antique placé dans un coin de la chambre, sur lequel est une statue de l'Amour et au bas duquel est une petite porte pour y faire entrer le bois, qui, quand elle est fermée, représente une plaque de cuivre faite pour mettre une inscription. Le c. Panine arriva un moment après, tout habillé; il commença par me faire des excuses sur la manière qu'il m'avoit reçu et me mena dans son cabinet; je m'assis entre lui et le baron de Nolken[1]...

---

[1] Здѣсь дневникъ внезапно прерывается. Въ подлинной рукописи къ описанію печи въ комнатѣ графа Панина приложенъ рисунокъ, сдѣланный рукою короля, съ его же подписью: «Plan de la cheminée du cabinet du c. Panine à Pétersbourg».

IV.

Изъ переписки Екатерины II съ Густавомъ III въ первое время послѣ его путешествія въ Петербургъ.

1. Изъ письма Екатерины II къ Густаву (безъ числа). ...Tout ce qui regarde V. M. m'intéressant infiniment, il m'est venu à l'esprit que Sa santé précieuse pourrait courir quelque risque en mer du temps froid et humide qu'il fait: pour y obvier autant qu'il dépend de moi, j'ai chargé mon aide-de-camp le colonel Zoritch de porter à V. M. une fourrure de renard noir, la meilleure que notre climat nous fournit. Il aura en même temps l'honneur de vous présenter les marques de l'ordre de l'Epée qu'il a plu à V. M. de me donner pour en décorer qui je voudrais. M. mon frère, je me fais une conscience d'en revêtir quelqu'un, ne connaissant point les instituts de cet ordre militaire: je La prie de vouloir bien en revêtir tel de mes sujets qu'Elle en jugera digne et d'être assuré que c'est avec la plus haute considération etc.

2. Madame ma Soeur et Cousine. Je pars pénétré de l'amitié et de la tendresse que V. M. m'a témoignées pendant tout mon séjour auprès d'Elle. Je compterai toujours pour les plus heureux momens de ma vie ces jours qui se sont si vite écoulés et que j'ai passés auprès d'Elle, et je compterai pour les plus beaux momens de ma vie ceux où je pourrai, Madame, vous donner des preuves des sentimens par lesquels je vous suis attaché. Votre aide-de-camp le colonel Zoritch m'a remis de votre part les

marques de mon ordre de l'Epée que j'avois mises en vos mains. Puisque V. M. elle-même n'a pas voulu en disposer, je crus ne pouvoir mieux en disposer qu'en le donnant à un homme qui dans la carrière militaire a déjà donné pour votre service des preuves du courage et de la valeur qui donnent des titres à mériter cet ordre, et à une personne qu'il m'a paru que vous honoriez de votre estime et de vos bontés. Je ne doute pas qu'il honore autant cet ordre un jour par les grandes actions qu'il fera à la tête de vos armées qu'il m'a paru flatté de le recevoir. A mon retour à Helsingfors j'aurai l'honneur de vous envoyer la grande croix de l'ordre; j'ose vous prier de vouloir la lui donner comme chevalier des Séraphins: en la recevant de vos mains, vous lui donnerez un nouveau prix aux yeux d'un sujet qui vous paraît bien attaché. Si à cette grâce V. M. voudrait l'élever au grade d'officier général, vous le mettrez d'égal avec les grandes croix de l'ordre dont il va devenir un frère. C'est l'amitié et la confiance que vous m'avez inspirées qui me fait hasarder aussi librement cette demande. V. M. sait l'art d'ajouter un nouveau prix à ce qu'Elle donne, et la pelisse superbe qu'Elle m'a envoyée sera pour moi un talisman qui me préservera de tous les maux possibles. C'est avec les sentimens de la plus tendre amitié et de la considération la plus haute que je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,
de V. M. I.
le bon frère, cousin et voisin
Gustave.

Oranienbaum
le $^{4}/_{15}$ juillet 1777
à minuit.

3. Изъ письма Густава къ Екатеринѣ II, помѣченнаго: Свеаборгъ, $^{21}/_{10}$ іюля 1777.

Послѣ похвалъ и разсужденій о величіи дѣлъ ея царствованія, онъ продолжаетъ:

...Vous devez sentir combien il a dû en coûter à mon coeur de me séparer de vous et combien il m'en coûte enco-

re lorsque je pense que peut-être c'est une séparation éternelle et que j'ai quitté pour toujours celle qui était la plus faite pour le bonheur de mon coeur. Pardonnez-moi, Madame, un mot qui peut paraître aussi ayantageux en faveur du sentiment qui le dicte et que je ne peux vous exprimer plus énergiquement. Vous me permettrez pourtant de me flatter de vous revoir un jour à Fredrikshamn; c'est peut-être une illusion que je me forme, mais l'espérance est le consolateur des maux de l'humanité. J'ai l'honneur d'envoyer à V. M. I. la grande Croix de mon ordre de l'Epée que M. de Zoritch ne pouvait d'abord recevoir, mais que je prie V. M. de vouloir bien lui donner, ayant eu le premier grade de Commandeur déjà quelques jours.

4. Изъ отвѣта Екатерины II на предыдущее письмо:

...Je m'en vais construire à Fredrikshamn un bâtiment pour nos rendez-vous futurs: le comte Bruce est chargé de choisir l'emplacement. J'ai remis au colonel Zoritch l'étoile qu'il tient encore des bontés de V. M. Si en cette occasion Elle a fait des envieux, je suis garante qu'Elle n'a point fait un ingrat.

5. Изъ письма Густава III отъ 17 августа 1777, изъ Дротнингольма (посланнаго чрезъ кн. Бѣлосельскаго, котораго король особенно рекомендуетъ и проситъ наградить за энтузіазмъ, съ какимъ онъ говорилъ объ императрицѣ, и проч.):

J'ai été charmé de voir par la lettre que V. M. m'a écrite par M. de Borgenstjerna qu'Elle a déjà donné ses ordres pour la maison de Fredrikshamn. Le pr. Beloselski a été témoin des sentimens que mon coeur a éprouvés par l'espérance de vous revoir un jour.

6. Изъ письма Густава III отъ 5 сентября 1777 изъ Дротнингольма.

...V. M. me permettra de Lui dire qu'il (le comte de Gothland) a grande envie de quitter avec Elle ce ton cérémo-

nieux et tout le protocolle usité pour ne La traiter que de Sestra en vous priant de le traiter de votre Brat. Ce nom lui fut donné par vous le premier jour de son arrivée et ces momens lui sont si chers que tout ce qui les lui rappelle le transporte de joie.

7. Письмо Густава III отъ $^{13}/_{24}$ октября 1777.

J'ai appris avec bien de la peine le désastre causé par la mer et par la tempête à Pétersbourg; l'empressement que le peuple m'a témoigné et l'amitié que vous m'avez marquée, Madame, pendant mon séjour me fait regarder la Russie pour une seconde patrie.

J'ai plaint les malheureux qui ont souffert, mais je vous ai plain (*sic*) encore plus qui souffrez pour eux et qui (du caractère que je vous connais) ressentiez plus leurs maux qu'eux-mêmes. Je sais que vous avez veillé toute la nuit pour leur faire porter du secours et que vos mains bienfaisantes ont trouvé une nouvelle occasion de se satisfaire en répandant des bienfaits sur les malheureux: cela a fait éprouver à mon coeur un sentiment bien doux. Vous voyez combien je suis exactement instruit de ce qui vous regarde, Madame, et je vous avoue que dans la carrière où je suis cette instruction est une chose très nécessaire, vos moindres actions étant des leçons pour nous autres.

Mon frère le duc d'Ostrogothie est de retour ici depuis une quinzaine de jours; il a couru le monde, comme la princesse de Babylone, pour oublier ses amours; nous ne savons pas au sûr s'il y a réussi, mais il s'est beaucoup formé pendant son voyage. Il a vu plusieurs de vos sujets en Italie, entr'autres un prince Isoupoff, frère de la duchesse de Courlande, et un prince Beloselski dont il m'a dit beaucoup de bien. Si ce dernier est aussi aimable que son frère qui a été en Suède, c'est faire son éloge, car je n'ai guère vu d'étranger chez moi qui me l'a paru plus que lui; peut-être que le plaisir que j'avois de m'entretenir de vous, Madame, a beaucoup augmenté sellui (*sic*) que j'ai trouvé dans sa conversation. Nos femmes se l'arrachoient, tant il avoit le talent de leur

plaire, et il marquoit pour vous un attachement si franc que cela seul m'eût plu et intéressé. Il disait souvent: Oh, c'est une charmante femme que j'aime de tout mon coeur, c'est dommage qu'elle soit Impératrice.

Je faisois chorus avec lui, comme vous le croyez bien, en retranchant par esprit de corps la dernière phrase, quoiqu'au fond j'aurais eu grande envie de la dire, car si vouz n'étiez pas Impératrice, on pourroit se flatter de vous voir à Stockholm et de vous voir souvent, et maintenant il faut chercher les circonstances et attendre les conjonctures pour jouir de ce bonheur en allant dans une petite ville de Finlande vous voir deux ou trois jours. Mon frère a vu l'Empereur à Lyon; ils ont logé dans la même auberge, et l'Empereur est entré sans qu'on l'attendît dans la chambre de mon frère, qui ne l'a reconnu qu'au portrait que j'ai de lui. Ils ont eu une assez longue conversation ensemble. Mon frère est enchanté de lui: il doit être très poli et très aimable; il lui a parlé beaucoup de mon voyage et de son admiration pour vous: il a dit que vous étiez la seule qui aviez fait de grandes choses depuis 20 ans. Cette phrase qui est bien vraie m'a paru digne de vous être rendue, venant d'un prince qui commence à jouir d'une réputation distinguée en Europe et qui y jouera probablement un grand rôle.

Cependant je vous prie, Madame, de ne point laisser entrevoir que c'est moi qui vous ai fait parvenir ces paroles, puisqu'elles ont été dites en confidence à mon frère. J'espère que nous aurons bientôt d'agréables nouvelles de chez vous et que la naissance d'un prince ajoutera un nouvean lustre aux prospérités de votre règne. Personne ne s'y intéresse plus que celui dont j'espère que vous ne doutez pas de la tendre amitié.

Gripsholm, le 13—24 d'Octobre 1777.

8. Письмо Густава III отъ 28 ноября 1777.

M. de Munk est revenu pénétré des sentimens de la plus vive et de la plus respectueuse reconnoissance pour toutes les bontés dont

vous l'avez comblé. Pour moi, je n'avois pas besoin de ces nouvelles marques de votre amitié, Madame, pour être pénétré des sentimens que vous êtes si faite d'inspirer, mais je vous avoue ingénument que mon coeur en est d'autant plus flatté que ces t'émoignages me sont de nouveaux garans de vos sentimens et de votre souvenir. Je me souviens du tems où je les ambitionnois comme des marques flatteuses de l'estime d'une grande princesse qui illustroit son siècle. Je ne vous connoissois pas personnellement alors: jugez combien ces sentimens doivent être accrus depuis que j'ai reconnu dans la plus grande femme la plus aimable de son siècle, celle la plus faite en tout pour obtenir les sentimens d'un coeur à qui aucune femme n'en avait encore pu inspirer de bien vifs et qui eût été trop dangereuse si elle eût été une particulière. Je vous demande pardon si j'ose vous dire des vérités aussi crûment, mais je sens une si grande satisfaction à les exprimer, et l'éloignement des lieux m'enhardissant vous ne devez me vouloir de mal si je ne peux me refuser cette satisfaction. Pour revenir à Munk, je puis assurer ma chère Soeur qu'il n'y a pas un petit recoin de votre château ou de vos appartemens où il a été, que je n'aie pas passé et repassé avec lui, et il a été pendant trois jours comme mis sur la sellette par mes interrogations. Pour moi, j'ai cru être un moment près de vous: il m'a semblé vous voir encore dans l'Hermitage debout devant le grand canapé, le prince Repnine assis et causant avec vous, enfin telle que vous étiez, Madame, quand j'y suis entré avec le pr. Potemkine. Tout cela se peint encore dans mon imagination avec la même vivacité comme si je le voyois. Je suis charmé que mes petits chevaux vous ont plu; s'ils pourroient contribuer à votre amusement, je serois au comble de mes voeux; j'ose m'offrir pour votre maquignon, et lorsqu'il vous en manquera dans votre attelage, j'aurai l'honneur de vous en fournir: j'ai exprès défendu qu'on en vendît plus pour être seul le maître de toute cette race.

J'ai annoncé lundi passé au chapitre des ordres la nomination de M. de Zoritch au cordon jaune de la gr. croix de l'ordre de

l'Epée avec les nouveaux titres dont vous l'avez décoré. Il m'a annoncé lui-même la grâce que chère Soeur lui avoit faite et dont j'ai été bien aise; je crois que vous ne pouvez rien faire de mieux pour votre service que d'honorer un homme qui me semble rempli de toute sorte de bonnes qualités et qui n'attend que l'occasion de vous rendre de grands services. J'ai donné dans le même chapitre la grande croix de l'Epée au général Troll. Les bontés que vous lui avez témoignées ont été pour moi la principale raison de lui faire ce cadeau. C'est en qualité de chevalier des Séraphins que je prends la liberté de vous entretenir de tout cela, et comme nous sommes sur le chapitre des ordres, je prends la liberté de consulter ma chère Sestra sur une petite affaire qui y a rapport. Elle connoît M. d'Eck et la complaisance qu'il a eue et veut bien encore avoir de favoriser notre correspondance: il n'y en a pas qui me fasse plus de plaisir, et comme je ne sais rien de si vilain que d'être ingrat, j'ai longtems songé à ce que je pourrois faire pour lui marquer ma gratitude, surtout depuis que ma chère Sestra m'a fait faire la réflexion des suites qu'une pareille correspondance a eues pour le chevalier d'Eck et le Cte de Broglio. J'ai donc imaginé de lui envoyer la petite croix de l'ordre de l'Etoile polaire, mais comme tout cela ne peut se faire qu'avec le consentement et surtout le bon gré de l'Impératrice de Russie, je prie ma chère Sestra de vouloir bien la sonder là-dessus, et si vous croyez que cela lui fasse plaisir, je vous prie de remettre la croix ci-jointe à l'Impératrice; mais si vous croyez que cela lui fasse de la peine, je vous prie, ma chère Sestra, de me renvoyer la croix en bonne parente, sans en parler davantage. Vous voilà donc mon ministre auprès de l'Imp. Voilà un cholli (*sic*) petit emploi, en vérité. Mais si votre coeur est vraiment persuadé des sentimens du mien pour elle, je ne puis trouver un meilleur interprète, ni un plus sûr garant de mes sentimens.

Stockholm, ce 28 novembre 1777.

9. Отъ Екатерины II къ Густаву III есть письмо, писанное изъ Фридрихсгама 18 іюня 1783 г., изъ чего видно, что она туда пріѣхала прежде него. Вотъ отрывокъ изъ этого письма: Quelque contentement que je ressente, mon cher Frère, de l'espérance de vous revoir dans peu, je vous avoue que je ne suis point sans de fortes inquiétudes sur l'état de votre bras; je ne puis que prier instamment V. M. de préférer Sa commodité à tout autre sentiment: diminuer vos souffrances, en honneur, seroit mon unique désir en ce moment; je meurs de peur que cette route si rude ne l'augmente; j'ai ordonné au Cte de Bruce et à tout le monde de faire ce qu'ils pourront pour la rendre moins dure; mais le moyen d'y parvenir dans une contrée qui n'est que roc! (Потомъ выражена благодарность графу Поссе и Таубе за доставленіе извѣстій о королѣ)...

V.

Письмо Екатерины II къ Густаву III въ Венецію.

à Pétersb. le 17 Mars 1784.

Monsieur mon Frère et Cousin. J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre que V. M. a bien voulu m'écrire de Naples, par laquelle Elle m'apprend combien peu on Lui a laissé de loisir dans ses courses diverses. Si mes ministres ont été de quelque utilité à V. M., je n'ai pas lieu de regretter les ordres que je leur ai donnés; en quoi je n'ai eu d'autres vues que celle de donner à V. M. une preuve de mon amitié et attention.

N'ayant point reçu de lettre de S. M. l'Empereur depuis son voyage d'Italie, je ne saurois satisfaire la curiosité de V. M. sur l'opinion que ce Monarque aura pris du c-te de Haga. Ce que je sais de certain, c'est que le mérite n'échappe point à la perspicacité d'un génie solide toujours occupé d'objets utiles et que les frivolités n'occupent qu'en observateur réfléchi et profond.

V. M. partant pour Rome, Venise, Parme, Milan, Turin et la France, je La prie d'être persuadée que mes voeux l'accompagnent partout. Si cependant V. M. souhaitoit de savoir des nouvelles de nos contrées, Elle apprendroit qu'on s'y plaint beaucoup de la disette des grains, de la rareté des espèces, des difficultés du tems présent; les vieilles gens donnent des éloges au passé, et les jeunes sautent et dansent. Nous sommes encore riches en projets; on débite que V. M. fait sourdement des préparatifs pour s'emparer de la Norvège: je n'en crois pas un mot de

plus que du bruit qui me menaçoit de l'invaison de vos troupes en Finlande, où V. M. prétendoit, à ce qu'on disoit, faire main basse sur mes faibles garnisons et aller tout droit à Pétersbourg, apparemment pour y souper. Comme je ne fais aucun cas ordinairement des propos de conversation, dans lesquels, pour embellir la diction, il y entre plus souvent des élans d'imaginatlon que de vérité et de possibilité, je dis et fais dire à qui veut bien l'entendre, tout simplement, que je suis caution que de l'un, pas plus que de l'autre, il n'en est ni ne sera rien. V. M. voit que, quoique dans le Nord il n'y ait point de ruines de Pompeïa et autres lieux pour réchauffer l'imagination, que cependant nous n'en manquons pas. V. M. n'ayant pas vu les tumeurs du volcan Vésuve, Elle s'est amusée à la conversation du petit volcan Galiani, que je ne connais que de réputation. Je n'ai point encore son livre sur le droit des neutres: on me l'a toujours promis, mais je dois un remerciement à V. M. de la bonne recommandation qu'Elle m'a donnée près de l'abbé Galiani et de ce qu'Elle me dit d'agréable à ce sujet.

C'est avec plaisir que j'ai appris les progrès que fait journellement le prince royal et que mes petits-fils y aient contribué. Je rends grâces à V. M. de ce qu'en ami et bon parent Elle veut bien prendre part à la terminaison heureuse de mes différens avec la Porte; je la prie d'être persuadée de celle que je prends à tout ce qui La regarde, étant toujours avec une très haute considération et une amitié particulière, Monsieur mon Frère et Cousin,

de Votre Majesté

la bonne soeur, cousine, amie et voisine

Catherine.

VI.

Письма Густава III о Голштинскомъ наслѣдствѣ.

1. Madame ma Soeur et Cousine. Accoutumé depuis longtems de vous ouvrir mon coeur, Madame, je regarde comme une douce obligation de vous parler avec franchise et de faire part à V. M. I. de mes inquiétudes sur ce qui me regarde en particulier et ma famille en général. La mort de notre oncle commun (l'évêque de Lübeck) en me causant la douleur que la perte d'un parent chéri (et du seul père de mon père qui me restait) devait faire sentir à mon coeur, me met dans la nécessité de faire des réclamations que l'intérêt de mon fils rend encore plus nécessaires aujourd'hui et que je ne crois point pouvoir obmettre sans blesser ma gloire et ce que je dois à moi-même, à mes frères et à ma postérité. V. M. se rappelle que dans le tems où le Grand-Duc disposa des souverainetés qu'il avait échangées contre le Duché de Holstein (l'ancien patrimoine de nos ancêtres) en faveur de feu mon Oncle, je fis part à V. M. des réservations de mes droits héréditaires tant près de l'Empereur des Romains que près de la diète de l'Empire. V. M. ne désapprouva pas ma démarche, et je la ménageais autant qu'il le fallait pour ne pas perdre entièrement mes droits: de justes égards pour mon vieux oncle me dictaient ces ménagements, surtout au moment qu'un mariage allait unir sa fille à mon frère et que je me voyais sans enfans. Les choses sont bien changées aujourd'hui: le ciel a béni mon mariage, et cet enfant, mon héritier, à qui V. M. a souvent té-

moigné prendre de l'intérêt, est une nouvelle obligation pour moi de ne rien négliger des droits que je lui ai transmis par le sang. Mon oncle est mort en laissant un fils qu'on peut regarder comme mort civilement; cependant j'apprends par la lettre que mon cousin l'évêque de Lübeck m'écrit, que ce fils a été proclamé comme héritier de l'Oldenbourg et du Delmenhorst et qu'à son défaut le nouvel évêque de Lübeck et ses enfans doivent lui succéder. Je vois ces souverainetés (que je ne croyais être qu'une cession usufruitère) passer comme héréditaires aux branches cadettes de la mienne, et ma famille exclue à jamais de l'héritage de nos pères, héritage garanti et confirmé par toutes les lois de l'Empire germanique, par la paix de Westphalie, et confirmé pas l'Empereur Joseph premier dans celui d'Altranstadt. Dans de pareilles circonstances je me vois forcé par ma propre gloire de réclamer le chef de l'Empire, la diète et mon cogarant du traité de Westphalie. V. M. ne m'estimerait pas si je n'agissais ainsi; Sa grande âme connoît trop les devoirs et les lois de l'honneur pour ne pas approuver que chacun défende ses droits; mais lorsque je satisfais ainsi à ce que je me dois à moi-même, à mon fils, à ma famille, je ne puis voir qu'avec peine l'incertitude où je jette les enfans du prince evêque, mon cousin, et comme je ne suis point porté aux démarches que je fais ni par une ambition inquiète, ni par aucun ressentiment, mais uniquement par ce que je crois que mon honneur et mon devoir envers ma postérité exigent, je m'en ouvre franchement à V. M. pour La prier de trouver quelque moyen de me dédommager et de réunir sur une base solide les coeurs et les intérêts d'une famille qui est la Sienne et que je me flatte qu'elle aime également. Vous et votre fils, Madame, avez montré avec générosité votre amitié pour le prince, mon cousin; vous ne voudrez pas laisser sa postérité dans une incertitude fâcheuse, ni une pomme de discorde entre des parens qui ne souhaitent pas mieux que d'être unis. C'est à vous, Madame, à trouver dans votre amitié pour nous des moyens de nous contenter tous, et je puis assurer V. M. que dès qu'Elle

m'en proposera qui pourront être conformes à mon honneur, qui exige le contentement de ma famille, je serai infiniment aise d'établir sur une base solide les intérêts communs de notre maison. C'est avec les sentimens de l'amitié la plus vraie et de la plus haute considération que je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,

de V. M. I.

le bon frère, cousin, voisin et ami

Gustave.

Drottningholm, le 18 août 1785.

Pour ne rien laisser ignorer à V. M. de mes demandes, et Lui montrer une confiance entière, je joins ici la copie de ma lettre à l'Empereur.

2. Madame ma Soeur et Cousine. Je ne puis cacher à V. M. I. la surprise que m'a causée la lettre que vous m'avez écrite en réponse à la mienne du 18 août. Je vois par son contenu qu'on a voulu surprendre la religion de V. M. et qu'on Lui a donné une notice fausse des engagemens contractés par le feu Roi mon Père. V. M. verra par l'article du traité même de 1750, conclu entre mon père et mon beau-père le roi Frédéric V de Danemark, que mon père n'a jamais renoncé aux droits héréditaires de sa maison, mais qu'en échangeant eventuellement l'Oldenbourg et le Delmenhorst pour l'Holstein, il se reservoit tous ses droits sur ces deux premières souverainetés qu'il promettoit de recevoir en échange pour le Holstein lorsque la succession lui en seroit ouverte [1]. Les Suédois ont de tout tems eu trop d'élévation pour

[1] Къ письму было приложено:

Extrait du Traité définitif entre le Roi Frédéric V de Danemark et le Prince Successeur au trône de Suède Adolphe Frédéric, conclu le 25 Avril 1750.

Art. IV. Comme un équivalent à cette cession et translation éventuelle, faite à S. M. le Roi de Danemark et à ses héritiers et descendans mâles, Sa dite M. cède de son côté pour Elle, ses héritiers et descendans mâles, à S. Alt. Royale le

avoir voulu dépouiller de son patrimoine le prince auquel leur choix déféra la couronne; et je puis assurer V. M. qu'il n'a jamais été question de renoncer à des droits transmis par nos ancêtres, et V. M. a l'esprit trop juste pour ne pas sentir qu'il y a une bien grande distance entre ne pas se contenter des états que la Providence nous a confiés ou de soutenir avec fermeté, mais modération, des droits légitimes et incontestables dont on veut nous priver. Vous jugerez donc bien, Madame (j'ose m'en flatter), que les démarches que j'ai faites déjà en 1775 et que je vous renouvelle, sont fondées sur le bon droit, sur la justice et les lois de l'Empire Germanique, et lorsque je m'offre à me prêter à des arrangemens qui puissent nous contenter tous, je vous donne une nouvelle preuve des sentimens de confiance et d'amitié, ainsi que de la haute considération avec laquelle je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,

de V. M. I.

bon frère, cousin, ami et voisin

Gustave.

Drottningholm, ce 19 Novembre 1785.

3. Письмо Густава III къ В. К. Павлу Петровичу отъ 18 августа 1785.

Monsieur mon Frère et Cousin. Les sentimens qui m'unissent à V. Altesse I., bien plus encore que les liens du sang, m'engagent à m'ouvrir cordialement envers vous, mon cher cousin, sur les arrangemens que vous avez faits relativement à vos possessions allemandes, dont j'ai ignoré jusqu'ici toute l'étendue. J'ai cru que vous aviez laissé à feu mon Oncle, l'évêque de Lübeck, l'usufruit de l'Oldenbourg et du Delmenhorst, et bien

---

prince successeur au trône de Suède, ses héritiers et descendans mâles, les deux comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst. (Cet art. est mot à mot inséré et ultérieurement confirmé dans le Traité de cession du 15 mai de la même année, ainsi que dans la confirmation de l'Empereur François I du 2 janvier 1754).

loin de vouloir en rien déroger à vos droits souverains, je n'ai fait que me réserver mes droits au moment que feu mon Oncle en demandoit l'investiture à l'Empereur. Mais j'apprends aujourd'hui que les peuples de ces souverainetés on prêté serment à son fils comme héritier, et, à son défaut, au nouvel évêque de Lübeck et à sa postérité. Vous me permettrez de vous observer qu'un pareil arrangement prive toute ma branche de ses droits héréditaires et du droit de primogéniture que nous avons, étant issus du frère aîné des deux princes dont les descendans sont appelés à la succession à notre préjudice, que cette forme de succession est directement contraire aux lois de l'Empire germanique, aux pactes de notre maison, les premières garanties par le traité d'Altranstadt confirmé par l'Empereur Joseph I et que V. A. I. peut bien disposer de l'usufruit de ses domaines, mais non en priver ses enfans et ses légitimes héritiers, qu'un pareil acte alarmera indubitablement tous les princes de l'Empire, qui craindront de voir établir un exemple qui pourroit mener à la destruction et à l'incertitude de toutes leurs possessions. Vous êtes trop juste, vous avez des principes d'une équité trop sévère pour en vouloir déroger vis-à-vis de vos parents, je dis plus, vis-à-vis de vos enfans, car c'est leur cause que je plaide. C'est cette même raison éclairée, c'est cette même probité (qui fait la plus belle base de votre réputation) à qui j'en appelle et qui m'assurent que vous trouverez naturel que je réclame les lois auxquelles tous nous sommes soumis comme princes de l'Empire et dont la sainteté m'est encore plus précieuse en qualité de garant du traité de Westphalie. C'est aussi conformément à ces principes que j'ai fait réclamer mes droits près de l'Empereur comme chef de l'Empire, à la diète de l'Empire, et que mon cogarant le roi de France a été également réclamé. Je crois devoir vous faire part de ces démarches comme au chef de ma maison: je les ai faites parce que je les ai crues conformes à mon devoir de père et de frère et qu'il eût été contre ma gloire et mon honneur de ne pas veiller au soutien de mes justes droits. Je vous prie de croire que c'est

avec une vraie peine que je me vois forcé de jeter une incertitude fâcheuse sur le sort des enfans que j'aime véritablement et que je me ferais un vrai plaisir d'en tendre à des dédommagements qui, en assurant l'union de notre maison, seraient conformes à mon honneur et au contentement de ma famille. C'est à V. A. I. à achever son ouvrage en l'assurant par l'union de toute la famille dont Elle est le chef, et je vous puis assurer que vous m'y trouverez très porté. C'est avec les sentimens les plus distingués d'estime et de l'amitié la plus tendre que je suis, Monsieur mon Frère et Cousin,

de V. A. I. bon frère, cousin et ami

Gustave.

Drottningholm, ce 18 Août 1785.

VII.

Два письма Екатерины II, писанныя по заключеніи союза съ Густавомъ III.

1. Je suis charmée, mon cher Frère, de voir par le ton que vous avez pris dans votre lettre du 17 Septembre que vous êtes revenu entièrement aux anciens sentimens dont vous avez fait profession autrefois à mon égard et auxquels V. M. me trouvera toujours prête à répondre avec la cordialité la plus parfaite. Vous savez à l'heure qu'il est quelles sont mes dispositions à l'égard des liens d'alliance politique par lesquels je suis prête à resserrer ceux du sang qui nous unissent. Ces dispositions ont pour base les principes d'égalité et de réciprocité entière, et dès lors je ne dois pas craindre qu'elles puissent ne pas nous conduire au but que nous nous proposons. C'est dans cette confiance que je n'ai pas balancé de vous faire part de mes sentimens les plus secrets à l'égard des affaires de France. La lettre du roi d'Angleterre que V. M. m'a communiquée n'est qu'une copie de celle que ce prince a écrite à l'Empereur; elle est vague et le moins que l'on puisse en conclure est qu'il n'y a point de fond à faire sur le concours de S. M. britannique. Mais ce qu'il y a de plus fâcheux dans cette affaire, indépendamment du défaut de chaleur que montrent les autres souverains, c'est de voir la mésintelligence qui paraît régner entre la reine de France

et les princes refugiés en Allemagne. Egalement dépouillés de toute autorité et de toute prérogative, ils semblent manifester pour la jouissance de cette autorité et de cette prérogative les mêmes ombrages et la même jalousie comme s'ils en étaient déjà en possession, sans songer qu'ils ne parviendront jamais à en rétablir l'ombre, à moins d'une union intime et d'une opération sincère et parfaite. Vous pouvez, mon cher Frère, avoir sur ce triste sujet des notions encore plus amples que les miennes, et peut-être aussi ne manquez-vous pas non plus des moyens de prêcher, là où il appartient, la paix et la bonne intelligence si nécessaires pour le bien commun d'eux tous. Quoi qu'il en soit, mes intentions et mes résolutions sont les mêmes, et je compte beaucoup sur la constance des vôtres et sur les démarches et instances que je renouvelle auprès des cours de Vienne et de Berlin, afin de les déterminer à agir dans le sens favorable à nos voeux. Dans le cour de cet hiver nous saurons à quoi nous en tenir, et je ne perds pas du tout l'espoir que nos intentions bienfaisantes, nobles et aussi grandes que généreuses ne prévaillent à la fin. Ce sera un titre de plus que j'ajouterai à tous ceux que me dicte pour vous l'amitié tendre et sincère avec laquelle je suis,

Monsieur mon Frère, de votre Majesté
la bonne soeur et cousine, amie et voisine
Catherine.

St.-Pétersbourg, 29 Septembre 1791.

2. Monsieur mon Frère et Cousin, En conformité de la lettre que j'ai adressée à Votre Majesté par le courrier, porteur des ratifications du traité d'alliance nouvellement conclu entre nous, je Lui dois communication de la réponse que j'ai reçue de l'Empereur sur les nouvelles ouvertures que je lui ai faites au sujet des affaires de France. Votre Majesté trouvera ci-joint copie de cette réponse, qui ne servira qu'a Lui confirmer ce qu'Elle sait

déjà sur les intentions négatives de l'Empereur, sans Lui en expliquer les motifs. Ceux-ci se trouvent consignés dans une depêche très longue dont j'ai fait faire un extrait que je fais passer au comte de Stackelberg, avec ordre de la communiquer sous le sceau du secret à Votre Majesté. Elle y verra que la cour de Vienne considère comme un changement en mieux, ce qui dans le fond n'est que la consommation de ce qu'elle voulait elle-même prévenir et empêcher, en proposant, comme elle l'a fait au mois de juillet dernier, un concert entre les puissances. La proposition qu'elle fait de tenir ce concert toujours ouvert et toujours existant n'est qu'une preuve de plus de la stérilité des mesures ou plutôt des effets qu'il a produits j'usqu'ici et du peu d'espérance qu'il présente pour l'avenir, puisqu'elle ne présente aucun plan d'opération ni de moyens fixes à combiner. Quelques décourageantes que soient les dispositions que cette cour a vmontrées récemment sur l'objet en question, je ne me rebute rai point dans mes efforts pour l'en faire changer, et je mets encore quelque espoir dans ceux que j'emploierai à la désabuser principalement de l'idée où elle est et qu'elle allègue pour raison de son inaction; que les plans et les démarches des princes ne s'accordent pas avec ceux qu'on a adoptés et qu'on veut suire aux Tuileries. En effet, toutes mes notions et toutes mes données se réunissent à constater le plus parfait accord qui règne entre le roi, la reine de France d'un côte, et les princes refugiés en Allemagne de l'autre. La lettre que le baron de Breteuil, qu'on croit principalement chargé du secret de son maître, m'a fait parvenir et dont le comte de Stackelberg montrera également la copie à Votre Majesté, vient à l'appui de cette vérité, car si elle n'en contient pas l'aveu, elle en porte l'esprit dans les remercîments qu'il me fait au nom du roi, de l'intérêt que j'ai marqué pour sa cause et celle de la France entière. Il partage la reconnaissance que m'a temoignée la noblesse française, et semble en quelque façon suppléer par la lettre au défaut de sa signature dans celle que cette noblesse m'a adressée En éclairant l'Empe-

reur sur cette vérité, peut-être parviendrai-je à ébranler ses résolutions actuelles et à les rendre plus favorables aux intentions qui nous animent, Votre Majesté et moi. J'avoue que je désire ce succès bien plus que je ne l'espèrerais si le chapitre des événements à prévoir en France ne me fournissoit une riche attente de faits plus persuasifs que les axiomes et qui obligeront la cour de Vienne tôt ou tard d'agir. Peut-être la reine de France sera-t-elle elle-même dans la nécessite de réclamer l'assistance de son frère. Votre Majesté doit savoir mieux que moi s'il est bien difficile de l'y porter. Plus la cause que nous plaidons est digne de nos soins, plus nous devons ne rien négliger pour la faire triompher, et nous aurons, mon cher Frère, auprès de nos contemporains et de la postérité le mérite de ne pas nous être désistés d'une si belle entreprise sans avoir fait tous les efforts possibles pour surmonter les difficultés que nous avons rencontrées. C'est avec les sentimens de la plus sincère amitié et de la plus parfaite considération que je suis,

Monsieur mon Frère et Cousin, de Votre Majesté

la bonne soeur, cousine, amie, alliée et voisine

Catherine.

St.-Pétersbourg, 6 Décembre 1791.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 2.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ЧЕТЫРЕХСОТЛѢТНЕМЪ ЮБИЛЕѢ

УПСАЛЬСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Академика Я. К. Грота.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1877 года.
Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ВОСПОМИНАНІЯ

О ЧЕТЫРЕХСОТЛѢТНЕМЪ ЮБИЛЕѢ

УПСАЛЬСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Записка Академика Я. К. Грота) [1].

1.

Въ протоколѣ общаго собранія Академіи наукъ за 6-е мая 1877 года записано: «Королевскій университетъ въ Упсалѣ циркуляромъ отъ 21 апрѣля н. ст. увѣдомляетъ, что 5-го сентября сего года будетъ праздноваться четырехсотлѣтіе его существованія, и проситъ Академію принять участіе въ этомъ празднествѣ. Положено привѣтствовать Упсальскій университетъ по случаю предстоящаго его юбилея поздравительнымъ адресомъ за подписью членовъ Конференціи и поручить академикамъ Я. К. Гроту и А. В. Гадолину быть представителями Академіи на этомъ торжествѣ».

[1] Въ нѣсколькихъ нумерахъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ сентябрѣ нынѣшняго года, напечатана была статья объ упсальскомъ юбилеѣ, большею частью извлеченная изъ настоящей записки, которая здѣсь является въ полномъ видѣ.

Недавно возвратясь изъ путешествія, предпринятаго мною вслѣдствіе этого порученія, считаю долгомъ изложить главныя обстоятельства моего нынѣшняго пребыванія въ Швеціи, гдѣ мнѣ пришлось быть участникомъ одного изъ самыхъ блестящихъ и по своимъ размѣрамъ необыкновенныхъ международныхъ празднествъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло однакоже совершенно національный характеръ. Столь замѣчательное въ лѣтописяхъ европейской науки событіе заслуживаетъ подробнаго съ нимъ ознакомленія.

Уже въ теченіе лѣта я узналъ изъ финляндскихъ газетъ многое о предстоявшихъ празднествахъ и приготовленіяхъ къ нимъ въ Упсалѣ. Юбилей долженъ былъ продолжаться три дня, начиная отъ 24 августа по нашему календарю (5-го сент. нов. ст.). Желая прежде того пробыть нѣсколько дней въ давно знакомомъ мнѣ Стокгольмѣ, я уже въ первыхъ числахъ августа пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь нашелъ присланное на мое имя изъ Упсалы письмо слѣдующаго содержанія [1]:

---

[1] Вотъ оно въ переводѣ:

«Юбилей Упсальскаго Университета.

«Распорядительная контора.

«Упсала, іюль 1877.

«М. г. Организаціонный комитетъ имѣетъ честь препроводить къ вамъ прилагаемые билеты, предоставляющіе вамъ право пользоваться пониженіемъ цѣнъ на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

«Комитетъ покорно проситъ васъ дать приклеить посылаемые при семъ же нумера на вещи ваши для избѣжанія возможныхъ ошибокъ при вашемъ прибытіи въ нашъ городъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ васъ, что изъ Стокгольма въ Упсалу отправится экстренный поѣздъ 4 сентября въ 4 часа 15 минутъ по полудни (по стокгольмскимъ часамъ).

«Комитетъ увѣдомляетъ васъ также, что графъ А. Гамильтонъ будетъ имѣть честь принять васъ къ себѣ на время вашего пребыванія въ нашемъ городѣ и что онъ сочтетъ за удовольствіе ожидать васъ на желѣзно-дорожной станціи.

«Всѣ свѣдѣнія, какія могутъ вамъ понадобиться, будутъ вамъ съ полною готовностью сообщены въ Стокгольмѣ распорядительною конторой, которая съ этою цѣлью будетъ помѣщаться 4-го сентября на центральной станціи.

«Отъ имени распорядителей

«Предсѣдатель Роб. Шульцъ, Д-ръ Мед.»

Jubilé de l'Université d'Upsala.
Bureau des Commissaires
(Marskalkskontoret).

Upsala, Juillet 1877.

Monsieur,

Le Comité d'organisation a l'honneur de vous adresser les cartes ci-incluses, qui vous donnent droit à une réduction de prix sur les chemins de fer de l'Etat.

Le comité vous prie de vouloir bien faire appliquer les numéros ci-joints *sur* vos bagages, afin d'éviter tout embarras à votre arrivée en notre ville, et vous informe qu'un train spécial partira de Stockholm pour Upsala le 4 septembre à 4 heures 15 m. du soir (heure de Stockholm).

Le comité vous informe également que M. le comte A. Hamilton aura l'honneur de vous recevoir pendant votre séjour en notre ville et qu'il se fera un plaisir de vous attendre à la gare.

Tous les renseignements qui pourraient d'ailleurs vous être nécessaires vous seront fournis avec empressement à Stockholm, au *Bureau des commissaires («Marskalkskontoret»)* établi spécialement à cet effet, le 4 septembre, dans la gare Centrale même.

Au nom des Commissaires,

Le président

Rob. Schultz, M. D.

Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до Гельсингфорса, и потомъ до Або, я здѣсь пересѣлъ на пароходъ Dagmar, одинъ изъ самыхъ большихъ и удобныхъ, какіе существуютъ для сообщенія между Петербургомъ и Стокгольмомъ. Моимъ каютнымъ товарищемъ былъ доцентъ гельсинфорсскаго университета по зоологіи г. Рейтеръ [1], который также отправлялся на юбилей. Говорили, что въ Стокгольмѣ, по необыкновенному наплыву путешественниковъ, трудно

[1] Авторъ еще печатающагося обширнаго сочиненія по энтомологіи.

будетъ найти помѣщеніе. Содержатель отеля Kung Karl заранѣе разослалъ ко всѣмъ депутатамъ свой адресъ, который былъ полученъ и мною; но такъ какъ этотъ отель лежитъ внутри города, то я предпочелъ отправиться въ Grand Hôtel, стоящій на берегу залива противъ дворца, и тамъ къ счастью нашлась еще свободная комната. Этотъ недавно построенный отель — одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ въ цѣлой Европѣ. Хозяинъ его, г. Cadier, бывшій нѣкогда поваромъ нашего посланника въ Стокгольмѣ, покойнаго Я. А. Дашкова, уже содержитъ тамъ съ давняго времени другой первокласный отель (Rydberg).

Въ Grand Hôtel всѣ коридоры носятъ названіе кого-нибудь изъ знаменитыхъ шведскихъ дѣятелей; въ началѣ того корридора, гдѣ находилась отведенная мнѣ комната, читалась надпись «улица *Тегнёра*» (Tegnérs gata); впослѣдствіи, по возвращеніи изъ Упсалы, чтобы имѣть видъ на заливъ, я занялъ другой номеръ въ «Линнеевой улицѣ».

Во время трехдневнаго пребыванія въ Стокгольмѣ я между прочимъ обратилъ вниманіе на тамошнія газеты. Въ способѣ ихъ сбыта есть разныя особенности. Прежде всего надо замѣтить, что онѣ большею частью не посылаются на домъ, и на улицахъ разносчиками не продаются: каждая газета имѣетъ свою особую контору, гдѣ можно получать ее, и кромѣ того, въ городѣ есть нѣсколько конторъ, гдѣ продаются *всѣ* газеты. Продажею ихъ вездѣ занимаются женщины, къ которымъ за ними и посылаютъ или приходятъ желающіе, платя свои 7 — 10 эре (öre)[1] за номеръ. Назову главныя изъ нихъ. По утрамъ выходятъ ежедневно двѣ газеты: Stockholms Dagblad («Поденный листокъ») и Dagens Nyheter («Новости дня»); подъ вечеръ, часовъ въ 6, появляются еще двѣ: Aftonbladet («Вечерній листокъ») и Nya Dagligt Allehanda («Новая ежедневная мѣшанина»). Два раза въ недѣлю, по средамъ и суботамъ, издается оппозиціонная сатирическая газета

[1] Сто öre составляютъ крону (прежній риксдалеръ), равняющуюся приблизительно русскому полтиннику.

съ политипажами Fäderneslandet («Отечество»). Кромѣ того существуетъ еще офиціальная газета Post-och Inrikes-Tidning («Почтовыя и внутреннія Извѣстія»); изъ провинціальныхъ газетъ, которыхъ въ Швеціи очень много, въ Стокгольмѣ получается превосходная готенбургская Handels-och Sjöfarts-Tidning («Газета торговли и мореплаванія»). Нынѣшняя газетная литература въ Швеціи, по содержанію, вообще бѣднѣе чѣмъ у насъ; самостоятельныя передовыя статьи довольно рѣдки; большею частью въ газетахъ повторяется одно и тоже, и часто онѣ заимствуютъ извѣстія одна изъ другой безъ ссылокъ, почти дословно. Въ отношеніи къ извѣстіямъ съ театра войны шведскія газеты вообще держатъ себя безпристрастно, пользуясь иностранными органами разныхъ партій; телеграммы помѣщаются въ нихъ скоро и исправно. Противъ Россіи не только не замѣтно вражды, но напротивъ, большею частью выражается явное къ ней сочувствіе, хотя однако въ сужденіяхъ слышатся и отголоски нерасположенной къ намъ заграничной печати. О борьбѣ партій, которая должна отражаться въ шведской публицистикѣ, говорить не буду, потому что съ этой ея стороной я, во время своего краткаго пребыванія въ Стокгольмѣ, не успѣлъ достаточно ознакомиться.

О состояніи народныхъ школъ въ Швеціи было говорено мною довольно подробно послѣ моего путешествія въ 1873 году [1]; въ нынѣшній разъ бывшій тамъ одновременно со мною докторъ В. Ф. Дьяковскій, изъ Петербурга, доставилъ мнѣ случай осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторыя другія образцовыя заведенія Стокгольма. Я назову ихъ. Это, во 1-хъ, вдовій домъ, основанный покойною († 1876) вдовствующей королевой Іозефиною; во 2-хъ, женская учительская семинарія, находящаяся подъ управленіемъ доктора Сандберга; въ 3-хъ, нормальная школа для дѣвицъ и въ 4, механико-врачебное заведеніе доктора Цандера (Medико-Mekaniskt institut). Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ нельзя было

[1] См. Записку мою о путешествіи въ Швецію и Норвегію лѣтомъ 1873 г. въ *Запискахъ Ак. Наукъ*, т. XXIII, кн. 2, и въ *Сборникѣ Отд. р. яз. и сл.*, т. XI.

не удивляться благоустройству, порядку и опрятности въ соединеніи съ величайшею простотою и отсутствіемъ всякой излишней роскоши. Особенно замѣчательно, по геніальности изобрѣтенія, заведеніе г. Цандера, требующее нѣкотораго объясненія. Занимаясь долгое время преподаваніемъ обыкновенной врачебной гимнастики, г. Цандеръ убѣдился, что при производствѣ движеній руками невозможно въ точности соразмѣрять ихъ съ силами паціэнта, которыхъ степень также остается недостаточно опредѣленною. Рука гимнаста утомляется, и притомъ сила ея бываетъ въ разные дни неодинакова вслѣдствіе различнаго расположенія тѣла. Чтобы устранить эти неудобства ручной гимнастики, г. Цандеръ сталъ придумывать, для производства тѣхъ же движеній, машины, и мало по малу изобрѣлъ аппараты для самаго разнообразнаго дѣйствія на тѣ или другія группы мускуловъ и различныя части тѣла. Видя какъ просто и удачно воспроизводятся этимъ путемъ всевозможныя манипуляціи врачебной гимнастики, невольно удивляешься изобрѣтательности и остроумію этого рѣдкаго механическаго генія. Заведеніе г. Цандера было открыто въ Стокгольмѣ въ началѣ 1865 года съ весьма незначительнымъ числомъ машинъ; въ настоящее же время оно имѣетъ уже болѣе 70-ти аппаратовъ, расположенныхъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ каждый, въ просторныхъ залахъ, и число посѣтителей обоего пола, ежегодно возрастающее, приближается уже къ полуторѣ тысячѣ. Сперва снаряды приводились въ движеніе руками, а теперь движутся паровой машиной. Преимущество этой такъ называемой механической гимнастики заключается въ томъ, что силы паціэнта въ каждомъ направленіи могутъ быть предварительно измѣрены съ математическою точностью и затѣмъ всѣ движенія—въ такой же точности разсчитываемы по его организму. Само собою разумѣется, что эта новизна возбудила сильное противодѣйствіе со стороны представителей ручной гимнастики, и вызвала горячую полемику. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ мнѣній той и другой стороны. Довольно замѣтить, что врачи, сначала съ недовѣріемъ смотрѣвшіе на это изобрѣтеніе, теперь единогласно отдаютъ ему справедливость. Не-

льзя кажется сомнѣваться, что оно должно пріобрѣсть въ медицинѣ большое значеніе. Заслуга изобрѣтателя болѣе и болѣе признается. На выставкѣ въ Филадельфіи его аппараты обратили на себя особенное вниманіе, а на упсальскомъ юбилеѣ г. Цандеръ удостоенъ былъ званія почетнаго доктора. Въ настоящее время такія же заведенія, но разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ, существуютъ уже въ Гельсингфорсѣ и въ Або, а въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ подобное будетъ открыто г. Дьяковскимъ и въ Петербургѣ.

2.

Предстоявшія празднества, за нѣсколько дней до начала ихъ, были общимъ предметомъ разговоровъ и газетныхъ статей. Мнѣ любопытно было взглянуть на Упсалу посреди ея приготовленій, и наканунѣ дня, назначеннаго для сбора гостей, я рѣшился съѣздить туда. Въ Упсалу изъ Стокгольма можно попасть или на пароходѣ, по озеру и потомъ по рѣкѣ Фюрисъ, славной воспоминаніями древности, или по желѣзной дорогѣ. Я избралъ послѣдній, какъ самый удобный и скорый способъ переѣзда. Въ 10 часовъ утра на центральной станціи желѣзной дороги въ Стокгольмѣ толпились сотни пассажировъ: тутъ были и Шведы изъ разныхъ частей края, и множество иностранцевъ, между которыми мнѣ указали на корреспондента газеты Times. Въ полтора часа съ небольшимъ курьерскій поѣздъ доставилъ насъ въ Упсалу, гдѣ на станціи собралось множество зрителей. Иностранцы, незнакомые съ шведской провинціальной жизнью, надѣялись найти передъ вокзаломъ экипажи; не тутъ то было: здѣсь ихъ можно нанимать только на дворахъ, гдѣ живутъ извозчики (hyrkuskar). Пришлось отправляться въ городъ пѣшкомъ. Тамъ всюду было движеніе и суета; вездѣ шевелились группы то любопытныхъ, то серіозно занятыхъ приготовленіями. Главное зданіе университета Carolina Rediviva, гдѣ помѣщаются парадная зала и библіотека, стоитъ на горѣ, къ которой ведетъ длинная, прямая улица Drottninggata (Королевина). На половинѣ протяженія этой улицы, гдѣ она пересѣкается съ Садовою, довершали родъ массивныхъ тріум-

фальныхъ воротъ изъ зеленыхъ древесныхъ вѣтвей. Вдоль всей улицы, но особенно ближе къ горѣ, множество людей, большею частью студентовъ, заняты были развѣшиваніемъ разноцвѣтныхъ флаговъ, причемъ пробовали, какой эффектъ они будутъ производить, развѣваясь въ ту или другую сторону. Всѣхъ болѣе хлопоталъ тутъ какой-то морякъ, пользующійся, какъ легко было замѣтить, общимъ уваженіемъ. По поводу участія, принимаемаго всѣми жителями Упсалы въ приготовленіяхъ къ университетскимъ праздникамъ, корреспондентъ газеты Aftonbladet говоритъ:

«Нѣтъ ни одной лачужки въ самыхъ отдаленныхъ переулкахъ, хозяинъ которой не понатужился бы, чтобъ убрать и украсить свою маленькую собственность, а на болѣе значительныхъ улицахъ нѣтъ дома, гдѣ бы не принято было мѣръ, чтобы достойно отпраздновать университетское торжество. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, трогательнымъ образомъ обнаруживается та любовь къ университету, то участіе въ его славѣ, которыя кроются въ душѣ каждаго упсальскаго жителя. Вчера, стоя въ сѣняхъ зданія Каролины, я смотрѣлъ какъ маршалы (распорядители)[1] раздавали знамена и флаги всѣхъ цвѣтовъ, полученные взаймы изъ флотскихъ запасовъ въ Карлскронѣ. Тамъ у всѣхъ стѣнъ и колоннъ лежали цѣлыя груды еще свернутыхъ знаменъ и цѣлые еще не развязанные мѣшки съ тѣмъ же добромъ. Но если запасъ былъ обиленъ, то обильно было и усердіе взять на свою отвѣтственность частицу этихъ пестрыхъ сокровищъ. Тутъ были и ученые и неучи, и люди всякаго сорта. Я видѣлъ тутъ и блѣдныхъ богослововъ и дородныхъ кумушекъ, портныхъ и сапожниковъ и студентовъ, и всѣ они перебивали другъ у друга дорогу съ узлами флаговъ подъ мышкой. Чѣмъ болѣе кто могъ достать, тѣмъ онъ былъ довольнѣе. Всѣ наперерывъ старались какъ бы въ убранствѣ своего дома перещеголять другъ друга. Изъ чердаковъ и оконъ торчали древки; между разставленными мачтами висѣли

[1] Большею частью студенты, нынѣшніе или бывшіе; всѣхъ ихъ было сорокъ человѣкъ.

гирлянды вымпеловъ; связанныя между собою такимъ образомъ древки тянулись цѣлыми аллеями».

Въ группахъ, двигавшихся по улицамъ, замѣтно было много дамъ и молодыхъ, цвѣтущихъ дѣвицъ съ довольными и счастливыми лицами: онѣ шли изъ залы Вестготской націи (т. е. общества студентовъ Вестготской провинціи), гдѣ плели лавровые вѣнки для новыхъ докторовъ, которые будутъ увѣнчаны въ одинъ изъ слѣдующихъ дней[1]. Онѣ направлялись въ соборъ, гдѣ цѣлое утро происходила репетиція торжественныхъ кантатъ: на хорахъ спѣвались пѣвцы и пѣвицы подъ управленіемъ профессора Іозефсона.

Между тѣмъ другого рода работа кипѣла въ ботаническомъ саду, гдѣ для юбилейныхъ обѣдовъ и бала былъ построенъ особый, громадныхъ размѣровъ и изящныхъ формъ павильйонъ. Входы въ садъ для публики были заперты, и только по особенной протекціи можно было туда проникнуть. Деревянное зданіе (которому подобное было тутъ же выстроено въ 1875 г. для съѣзда студентовъ изъ всей Скандинавіи) прислоняется къ южной сторонѣ каменнаго дома, вмѣщающаго въ себѣ извѣстный залъ Линнея. Во временномъ зданіи могутъ свободно помѣститься отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Оно построено по плану архитектора Изеуса (Isaeus) и имѣетъ сводообразную конструкцію. Длина залы 215 футовъ, ширина 60 слишкомъ. Стѣны выкрашены свѣтло-шоколадной краской. Внутри надъ входомъ государственный гербъ, и подъ нимъ имена трехъ шведскихъ ученыхъ, между которыми всѣхъ знаменитѣе Линней. Противъ входа, на другомъ концѣ залы, балдахинъ и кресло для короля, а по обѣ стороны кресла высокія лавровыя деревья и другія рѣдкія растенія. Вправо идутъ на щитахъ гербы шведскихъ и скандинавскихъ провинцій; влѣво гербы иностранныхъ государствъ. Подъ гербами читаются имена достопамятныхъ ученостью Шведовъ. «Ими, говоритъ газета, гордится Упсальскій университетъ; это герои знанія и духовныхъ стремленій, *наши* герои, распространившіе имя своей родины по всему

[1] Ниже читатель найдетъ объясненіе этого обычая.

свѣту безъ стука оружія, но въ яркомъ сіяніи науки». Съ потолка висятъ шесть большихъ газовыхъ люстръ и вдоль стѣнъ множество газовыхъ рожковъ, отданныхъ въ распоряженіе университета безвозмездно однимъ изъ стокгольмскихъ ресторатороvъ (г. Бланшъ). Все это предполагалось зажечь уже въ началѣ обѣдовъ, на случай если они не кончатся засвѣтло; освѣщеніе однакожъ оказалось нужнымъ только позднѣе.

Кромѣ Линнеева зала (такъ названнаго по воздвигнутой въ немъ статуѣ знаменитаго ботаника), въ каменномъ зданіи находится еще «frigidarium», большая прохладная оранжерея въ южномъ флигелѣ, гдѣ приготовлены столы для нѣкотораго числа обѣденныхъ гостей. Статуя Линнея обставлена дорогими растеніями; кругомъ стѣны вновь выкрашены. Передъ заломъ и колоннадою, на воздухѣ, устроена кафедра для ораторовъ, которые захотятъ говорить въ четвергъ послѣ обѣда. Въ серединѣ сада, по дорогѣ къ городскому замку, дѣлаются приготовленія для фейерверка; снарядъ съ такимъ же назначеніемъ помѣщенъ на горѣ, гдѣ высится этотъ замокъ, на крышѣ котораго зажжется электрическое солнце. Второе такое же явится у статуи Густава Вазы, передъ замкомъ. Такимъ образомъ вся Упсала готовится къ необыкновенному торжеству: все рядится, все убирается; чуть ли не всѣ домы, заборы, тумбы вновь выкрашены или подкрашены, —но не для того чтобы заслужить чью-нибудь благосклонную улыбку или награду, а единственно для того чтобы достойно отпраздновать дорогую всей странѣ годовщину, принести, по сознанію общаго долга, и свою лепту признательности за благо просвѣщенія святилищу, откуда оно льется на всю націю.

3.

Здѣсь кстати оглянуться на происхожденіе и прошлую судьбу Упсальскаго университета. Городъ Упсала (Up-sala, высока палата), лежащій къ сѣверозападу отъ Стокгольма близъ бер

говъ озера Мелара, издревле былъ мѣстопребываніемъ королей и архіепископовъ. Еще и по введеніи въ Швеціи христіанства, въ Упсалѣ короли долго короновались и были погребаемы; въ XIII столѣтіи, въ правленіе Биргера ярла, тутъ была при соборѣ высшая школа, куда соборныя церкви изъ другихъ мѣстностей посылали своихъ учениковъ для усовершенствованія въ наукахъ. Но шведское духовенство оставалось всетаки безъ достаточнаго образованія, и молодые люди издавна въ большомъ числѣ отправлялись учиться въ заграничные университеты, сперва въ Парижъ, потомъ въ Прагу, въ Лейпцигъ, а позднѣе въ новоучрежденные университеты сѣверной Германіи, Ростокъ и Грейфсвальдъ. Чтобы устранить неудобства такихъ далекихъ путешествій, духовенство не разъ принимало мѣры для вызова преподавателей изъ чужихъ краевъ, и при упсальскомъ соборѣ дѣйствительно былъ опредѣленъ иностранный учитель. Но такъ какъ и это средство оказывалось недѣйствительнымъ, то уже около середины XV вѣка положено было завести въ Швеціи свой университетъ. Исполнителемъ этой мысли былъ архіепископъ Яковъ Ульфсонъ: въ 1476 году онъ, чрезъ нарочно отправленнаго въ Римъ посла, выпросилъ у папы Сикста IV буллу на учрежденіе въ Упсалѣ, по образцу Болонскаго университета, Studium generale подъ управленіемъ архіепископа въ званіи канцлера. Въ Швеціи въ то время не было короля. Карлъ VIII умеръ въ 1470 г., назначивъ правителемъ государства знаменитаго Стуре старшаго, при которомъ и послѣдовало открытіе университета. Долго однакожъ это учрежденіе стояло на очень низкой степени развитія; при Іоаннѣ III, сынѣ Густава Вазы, оно было переведено въ Стокгольмъ; но Карломъ IX, отцомъ Густава Адольфа, возстановлено въ Упсалѣ. Въ 1600 году происходила первая докторская промоція (возведеніе въ ученую степень) по философскому, а въ 1617 г. по богословскому факультету, при чемъ промоторомъ (лицомъ, раздававшимъ степень) былъ прославившійся потомъ своими государственными заслугами Аксель Оксеншерна. Программу тогдашняго ученаго празднества писалъ на латинскомъ языкѣ самъ царство-

вавшій въ то время Густавъ II Адольфъ. Этотъ великій король оказывалъ особенное покровительство Упсальскому университету, какъ и вообще народному образованію. Чтобы навсегда обезпечить матеріальное благосостояніе университета, онъ особенною грамотою пожаловалъ ему изъ своихъ собственныхъ вотчинъ въ вѣчное владѣніе 350 участковъ земли со всѣми ихъ доходами, и притомъ съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ податей и повинностей. Кромѣ того, онъ далъ университету первый правильный уставъ и неусыпно заботился объ успѣшномъ ходѣ ученія, требуя чтобы сыновья знатныхъ вельможъ, составлявшіе въ Упсалѣ особый привилегированный классъ студентовъ, подвергались экзаменамъ наравнѣ съ прочими молодыми людьми, а въ пользу неимущихъ учреждены были стипендіи. Съ тѣхъ поръ на скамьяхъ университетскихъ аудиторій сравнялись люди всѣхъ сословій и наука для всѣхъ сдѣлалась необходимымъ условіемъ поступленія въ государственную службу. Уже въ исходѣ XVI-го столѣтія въ Упсалѣ было около 1000 студентовъ; но для объясненія этого нужно знать, что у тогдашнихъ Шведовъ вошло въ обычай записывать своихъ дѣтей въ число учащихся при университетѣ (какъ у насъ позднѣе въ военную службу) еще малолѣтными: были студенты моложе 8 лѣтъ, какъ оказывается между прочимъ изъ сохранившагося въ архивѣ свѣдѣнія, что въ 1600-хъ годахъ случайно былъ застрѣленъ одинъ студентъ, которому оказалось 7 лѣтъ отъ роду. Въ настоящее время число упсальскихъ студентовъ простирается до 1400, раздѣленныхъ на 13 *націй* или, собственно говоря, отдѣловъ по мѣстностямъ, откуда они родомъ (Стокгольмъ, Упландія, Остготія, Вестготія, Готенбургъ и т. д.), Многія изъ этихъ націй имѣютъ свои собственные дома, другія собираются въ наемныхъ; каждая имѣетъ свою отдѣльную кассу, свою библіотеку, свои сходки. Во главѣ каждой націи находится, по ея же выбору, одинъ изъ профессоровъ (обыкновенно къ ней же принадлежащій по происхожденію) въ званіи инспектора, а подъ его высшимъ наблюденіемъ непосредственный надзоръ за ходомъ дѣлъ имѣютъ кураторы, опять уроженцы той же провинціи,

избираемые обыкновенно изъ младшихъ преподавателей или старшихъ студентовъ. Студенты каждой націи раздѣляются на старшихъ (seniores) и младшихъ (juniores). Кромѣ того, въ каждую зачислено большее или меньшее число почетныхъ членовъ, частью изъ университетскихъ преподавателей, частью изъ высокопоставленныхъ или вообще заслуженныхъ лицъ, разсѣянныхъ по всему королевству. Въ вермландской націи первымъ почетнымъ членомъ состоитъ кронпринцъ, какъ герцогъ Вермландіи; онъ самъ посѣщаетъ лекціи и во время учебныхъ семестровъ живетъ въ Упсалѣ, въ особо нанимаемомъ для него домѣ. Эти студенческія націи произошли не вслѣдствіе какого-нибудь распоряженія, а сами собой, мало по малу и незамѣтно. Естественно было, что молодые люди, переселявшіеся изъ провинціи въ незнакомый городъ, часто безъ всякихъ средствъ къ жизни, группировались по тѣмъ областямъ, гдѣ была ихъ родина; другъ въ другѣ они искали поддержки и помощи, сближались между собою тѣснѣе нежели съ остальными и собирались, между прочимъ, на общія пирушки. Такъ образовались студенческіе кружки изъ земляковъ; въ организованныя корпораціи они сплотились не прежде какъ около середины XVII столѣтія. Во всякомъ случаѣ, это учрежденія старинныя, имѣющія свои традиціи и даже архивы, такъ что по случаю нынѣшняго юбилея многія изъ націй издали отдѣльными книгами свою исторію. Самоуправленіе ихъ, при участіи степенныхъ людей и наставниковъ, не могло не способствовать къ развитію между шведскими студентами серьёзнаго пониманія своихъ отношеній и обязанностей, основательности и зрѣлости, какихъ мы въ большинствѣ случаевъ не видимъ въ студенческихъ корпораціяхъ другихъ странъ. Замѣчательно, между прочимъ, что у шведскихъ студентовъ никогда не бывало дуэлей. Такимъ образомъ, студенческая корпорація въ Швеціи имѣетъ особенное общественное положеніе: къ популярности членовъ ея, къ почетной роли, которую они играютъ въ публикѣ, много содѣйствовали конечно и образовавшіеся между ними прекрасные пѣвческіе хоры, которые въ послѣднее время пріобрѣли европейскую славу. Многія изъ

студенческихъ пѣсенъ сдѣлались народными [1]. Вся корпорація студентовъ (Student-korps) имѣетъ опять свою правильную организацію и свое особенное помѣщеніе; у ней есть предсѣдатель (нынѣ доцентъ правъ Афцеліусъ), вице-предсѣдатель, секретарь и дирекція, состоящая изъ депутатовъ всѣхъ 13 націй; наконецъ, казначей и завѣдывающій дѣлами комитетъ. Само собою разумѣется, что сюда относятся такія дѣла, которыя касаются всей корпораціи студентовъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго легко понять, какое національное значеніе долженъ былъ пріобрѣсти для Швеціи ея долгое время единственный, а впослѣдствіи древнѣйшій университетъ. Но кромѣ того, онъ сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ университетовъ, возникшихъ позднѣе какъ во владѣніяхъ самой Швеціи (въ Дерптѣ, въ Або, въ Лундѣ), такъ и въ другихъ скандинавскихъ земляхъ (въ Копенгагенѣ и въ Христіаніи). Всѣ эти университеты смотрятъ на Упсальскій какъ на своего почтеннаго прадѣда. Въ Швеціи, болѣе нежели гдѣ-либо, эти учрежденія сохраняютъ особенности своего древняго быта, начиная съ того, что они еще по старому часто называются то академіями, то высшими училищами. Управленіе ихъ также остается неизмѣннымъ. Главный начальникъ, *канцлеръ*, избирается самимъ университетомъ; въ нынѣшнемъ столѣтіи должность эту несъ обыкновенно кронпринцъ; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ выборъ палъ на славнаго своими государственными и уче-

[1] Такова напр. слѣдующая: «Sjungom studentens lyckliga dag»... Вотъ переводъ ея словъ: «Пойте о счастьи студенческихъ дней. Будемъ радоваться веснѣ юности; Еще сердце бьется у насъ живо, И свѣтлая будущность—наша. Еще никакихъ бурь нѣтъ въ нашей душѣ. Надежда—нашъ другъ, И мы вѣримъ ея обѣтамъ, Заключая братскій союзъ Въ той рощѣ, Гдѣ растутъ чудные лавры. Ура!»—Роща, о которой здѣсь упомянуто, находится между двумя главными университетскими зданіями и называется Одиновою (Odinslund); это святыня упсальскихъ студентовъ.—Народный шведскій гимнъ въ честь короля «Ur svenska hjertans djup» («Изъ глубины шведскихъ сердецъ») также принадлежитъ къ числу студенческихъ пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сочинены профессорами, напримѣръ покойнымъ историкомъ Гейеромъ, который былъ вмѣстѣ замѣчательный поэтъ и композиторъ.

нымъ заслугами, престарѣлаго графа Геннинга *Гамильтона* [1]. Канцлеръ обыкновенно не живетъ въ Упсалѣ; въ его отсутствіи должность эту исправляетъ находящійся здѣсь постоянно архіепископъ, въ званіи *проканцлера*; нынѣ это извѣстный своею ученостью и краснорѣчіемъ, членъ шведской Академіи *Сундберг*. За нимъ въ университетской іерархіи слѣдуетъ *ректоръ*, который прежде избирался только на полгода, потомъ на годъ, а теперь, кажется, уже на два года; нынче въ этой должности находится профессоръ философіи *Салин* (Sahlin); проректоръ—профессоръ медицины *Гедениусъ* (Hedenius).

4.

Пробывъ въ Упсалѣ часа два посреди суеты приготовленій къ юбилею, я вернулся въ Стокгольмъ. На другой день (23 авг. —4 сент.) назначенъ былъ въ 4 часа по полудни экстренный курьерскій поѣздъ для доставленія всѣхъ депутатовъ и приглашенныхъ лицъ въ университетскій городъ. При отъѣздѣ нашемъ изъ Стокгольма вся станція желѣзной дороги, вся площадь передъ нею и ближайшія части улицъ были запружены народомъ; вездѣ по дорогѣ собирались любопытные у оконъ, на балконахъ, даже на крышахъ и, когда поѣздъ двинулся, махали намъ платками. Но что же дѣлалось между тѣмъ въ Упсалѣ? Тамъ въ началѣ 6-го часа послѣ обѣда къ желѣзно-дорожной станціи стали направляться массы людей. На большой городской площади собиралась студенческая корпорація со своимъ знаменемъ, окруженнымъ значками отдѣльныхъ націй, и вскорѣ также двинулась по тому же направленію. Между тѣмъ площадь передъ вокзаломъ была окружена кордономъ, внутри котораго стали располагаться студенты и квартирные хозяева ожидаемыхъ гостей, т. е. профессора́ и другія лица, приготовившія у себя помѣщенія для

[1] Послѣднее, недавно изданное имъ сочиненіе: *Германія и Франція* разсматриваетъ бывшую между этими двумя державами борьбу съ новой точки зрѣнія, именно въ отношеніи къ дипломатіи. Графъ Гамильтонъ предсѣдатель первой камеры шведскаго сейма.

пріема почетныхъ пріѣзжихъ. Тутъ же собрались должностныя лица для встрѣчи короля, котораго ожидали къ 6-ти часамъ: его величество Оскаръ II ѣздилъ на торжественное открытіе новой желѣзной дороги и теперь долженъ былъ прибыть въ Упсалу нѣсколько ранѣе юбилейнаго поѣзда. Все было готово ко встрѣчѣ обоихъ поѣздовъ. Студенческій хоръ, человѣкъ до двухъ сотъ, стоялъ полукругомъ передъ крыльцомъ вокзала, а далѣе въ кордонѣ толпились тѣсными рядами прочіе студенты, которыхъ бѣлыя фуражки, какъ могло казаться издали, образовали одну сплошную массу. Около нихъ волновались пестрыя толпы любопытныхъ, между которыми сновали распорядители (большею частью университетскіе же юноши) въ своихъ желто-голубыхъ перевязяхъ черезъ плечо. Полиція также являлась вездѣ, но повидимому совершенно напрасно.

Въ 6 часовъ салютъ съ горы замка возвѣстилъ приближеніе королевскаго поѣзда. Его величество привѣтствовали университетскіе чины, офицеры мѣстнаго полка, губернаторы упсальскій и стокгольмскій (въ мундирахъ) и проч. Когда король съ кронпринцемъ и свитою вышелъ на крыльцо, хоръ студентовъ грянулъ народный гимнъ: «Изъ глубины шведскихъ сердецъ». По окончаніи пѣнія, старшій распорядитель, докторъ капитанъ Шульцъ провозгласилъ «да здравствуетъ король», и вслѣдъ за тѣмъ раздалось четыре раза повторенное ура! Король, произнеся нѣсколько словъ въ изъявленіе своей признательности, сѣлъ въ карету и отъѣхалъ съ сыномъ въ домъ, занимаемый послѣднимъ.

Теперь всѣ ждали юбилейнаго поѣзда. Онъ долженъ былъ прибыть въ четверть 7-го, но былъ задержанъ въ Стокгольмѣ. Наконецъ раздался свистокъ локомотива, и въ то же время съ горы грянула пушка. Толпа зашевелилась: «ѣдутъ, ѣдутъ», слышалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ взоры устремились къ вокзалу. Все готово къ пріему гостей, распорядители смотрятъ въ оба—и что-же? Оказалось, что это обыкновенный поѣздъ, и честь, приготовленная намъ, досталась ему. Пришлось еще долго ждать; наконецъ уже около 7-ми часовъ, сигналы и полковая музыка съ

открытаго вагона возвѣстили приближеніе гостей. Когда они показались на крыльцѣ, хоръ студентовъ пропѣлъ первый куплетъ пѣсни: «Нашъ край» Рунеберга (музыка Іозефсона). Корреспондентъ одной изъ шведскихъ газетъ слѣдующимъ образомъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него прибывшими: «По смѣшенію языковъ можно было заключить, что вся образованная Европа выслала своихъ представителей на празднества древнѣйшаго скандинавскаго университета. Появленіе гостей не отличалось тою бойкостью движеній, которая была замѣтна на студенческомъ съѣздѣ 1875 года, когда Норвежцы первые высыпали на площадь. Нынѣшніе гости явились съ серіознымъ видомъ, но посѣдѣлые въ наукѣ ветераны смотрѣли однакожъ радостными глазами на шведскую молодежь, которая уже и наружностью своею производитъ хорошее впечатлѣніе: казалось, пріѣзжіе съ истиннымъ наслажденіемъ слушали живыя, чудныя пѣсни». Губернаторъ графъ А. Гамильтонъ (родственникъ канцлера) именемъ города Упсалы привѣтствовалъ, въ краткихъ, но сердечныхъ словахъ, сперва шведскихъ почетныхъ гостей, по-шведски, потомъ иностранныхъ—по-французски. Послѣ того пропѣтъ былъ еще куплетъ пѣсни: «Нашъ край», и четыре раза провозглашено «виватъ» въ честь новоприбывшихъ. Когда водворилось молчаніе, одинъ изъ маршаловъ, ставъ на верхней ступени крыльца, объявилъ по-французски, чтобы всѣ пріѣзжіе направились къ развѣвавшимся впереди бѣлымъ знаменамъ и по начальнымъ буквамъ, на нихъ вышитымъ, искали своихъ хозяевъ. У знамени *D—H* ждалъ любезный и въ высшей степени симпатическій губернаторъ. Кромѣ меня, онъ готовился принять у себя еще трехъ лицъ: шведскаго статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ Тюселіуса и двухъ депутатовъ: сера Вайвиля Томсона, профессора зоологіи при Эдинбургскомъ университетѣ, и Лавеле (Laveleye), профессора политической экономіи, изъ Люттиха. Мы всѣ четверо сѣли въ губернаторскую карету, которая и отвезла насъ въ главное зданіе Упсалы, древній замокъ оригинальной архитектуры съ двумя на углахъ башнями, живописно расположенный на горѣ.

Замокъ этотъ былъ построенъ Густавомъ I Вазою; но послѣ двухъ постигшихъ его пожаровъ, никогда не былъ вполнѣ возстановленъ внутри, такъ что большая часть его до сихъ поръ остается необитаемою: только въ нижнемъ этажѣ помѣщается прекрасно устроенная, просторная квартира губернатора упсальской провинціи, да нѣсколько комнатъ занято присутственными мѣстами. Графъ Гамильтонъ прежде всего представилъ насъ своимъ дамамъ, а потомъ, по внутренней витой лѣстницѣ, повелъ насъ въ назначенныя каждому отдѣльно комнаты. Онъ обладаетъ не совсѣмъ обыкновеннымъ въ Швеціи преимуществомъ практическаго знакомства съ главными иностранными языками и потому могъ свободно объясняться съ лицами, которымъ далъ у себя пріютъ.

Вскорѣ, въ тотъ же вечеръ, всѣмъ депутатамъ хозяева ихъ предложили собраться въ университетскомъ зданіи для обсужденія вопроса: какъ на слѣдующій день поступить при передачѣ университету торжественныхъ поздравленій, чтобы церемонія эта, при многочисленности депутацій, не потребовала слишкомъ много времени. Всѣхъ представителей разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, было уже 63: могли пріѣхать еще другіе. Мѣстомъ собранія служила большая зала, вѣроятно комната совѣта; когда мы всѣ расположились около длиннаго стола, въ концѣ его съ предсѣдательскаго мѣста всталъ очень благообразный, среднихъ лѣтъ, бѣлокурый мужчина, который на правильномъ французскомъ языкѣ объяснилъ намъ цѣль собранія. Всѣ думали сначала, что это былъ ректоръ или проректоръ университета; но потомъ оказалось, что это профессоръ новѣйшей лингвистики и литературы г. Гагбергъ (Hagberg), братъ извѣстнаго, уже умершаго переводчика Шекспира. Онъ изложилъ составившееся въ университетѣ мнѣніе, что цѣль сокращенія времени всего лучше была бы достигнута, еслибъ иностранныя депутаціи раздѣлились по національностямъ на группы и каждая группа избрала одного изъ своей среды органомъ, который въ болѣе или менѣе краткой формѣ передалъ бы поздравленіе всей группы. Одинъ изъ депутатовъ, не возражая на это предложеніе, замѣтилъ, что былъ бы

еще другой равносильный способъ, именно тотъ, чтобы высказаться могъ *каждый* депутатъ, но только самымъ лаконическимъ образомъ. Послѣ недолгаго обмѣна мыслей предпочтеніе было отдано университетскому предложенію. Но такъ какъ и *одинъ* ораторъ по иной группѣ могъ бы сдѣлать это рѣшеніе безполезнымъ, еслибъ сверхъ мѣры далъ волю своему краснорѣчію, то благоразумно былъ предложенъ еще вопросъ: не нужно ли опредѣлить maximum продолжительности каждаго привѣтствія? Одни полагали назначить для этого не болѣе 5-ти минутъ, другіе считали достаточнымъ 4. Рѣшеніе было предоставлено г. Гагбергомъ самимъ депутатамъ, почему онъ и предложилъ имъ избрать для совѣщанія о томъ предсѣдателя изъ своей среды и указалъ на депутата Болонскаго университета, какъ старѣйшаго изъ европейскихъ учрежденій этого рода, имѣвшихъ тутъ представителей. L'ancienneté, сказалъ онъ, est un principe qui est partout volontiers reconnu. Итакъ мѣсто предсѣдателя занялъ профессоръ греческаго языка при названномъ университетѣ, г. Пелличіони, открывшій разсужденія также на французскомъ языкѣ. Послѣ преній, относительно довольно долгихъ, принято было за maximum 5 минутъ. Но надо было рѣшить еще одинъ вопросъ, возбужденный г. Гагбергомъ. «На предстоящихъ обѣдахъ, сказалъ онъ, недостанетъ времени на рѣчи депутатовъ; но за то имъ предоставляется свобода слова послѣ обѣда, во второй день, вслѣдъ за привѣтствіемъ, съ которымъ канцлеръ университета обратится ко всѣмъ представителямъ иностранныхъ учрежденій; тогда каждый депутатъ будетъ имѣть возможность говорить на какомъ языкѣ угодно. На обѣдѣ же перваго дня ректоръ университета привѣтствуетъ васъ, милостивые государи, латинскою рѣчью: не угодно ли вамъ избрать изъ своей среды одного, который по-латыни же отвѣчалъ бы на привѣтствіе ректора?» — Вотъ этотъ-то выборъ и предстоялъ рѣшенію депутатовъ, и они безъ долгихъ разсужденій единодушно остановились на знаменитомъ латинистѣ Мадвигѣ, профессорѣ Копенгагенскаго университета, который и принялъ это порученіе. Этимъ кон-

чились общія совѣщанія депутатовъ. Затѣмъ они, по принятому соглашенію, раздѣлились на отдѣльныя по національностямъ депутаціи, чтобъ каждой избрать себѣ своего оратора. Русская депутація состояла изъ представителей — Академіи наукъ, университетовъ: Петербургскаго (гг. Менделѣевъ и Янсонъ), Харьковскаго (г. Лагермаркъ), Дерптскаго (гг. Мейеръ и Шварцъ), Тифлисской метеорологической обсерваторіи (г. Морицъ), и общества петербургскихъ врачей (г. Берглиндъ). Товарищъ мой по академіи, А. В. Гадолúнъ, еще не пріѣхалъ, бывъ задержанъ обстоятельствами въ Петербургѣ. Такъ какъ Петербургскій и Дерптскій университеты прислали, каждый, по два уполномоченныхъ, то всѣхъ насъ было 8 человѣкъ. Какъ старшій, и притомъ представитель высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, я былъ избранъ органомъ русской депутаціи. Тутъ кѣмъ-то поднятъ былъ вопросъ: на какомъ языкѣ я буду говорить? Шведскій, какъ туземный, былъ рѣшительно отвергнутъ. Затѣмъ оставался выборъ между русскимъ и французскимъ. Употребить тотъ или другой изъ нихъ предоставлено было на мою волю. Мнѣ казалось, что въ настоящемъ случаѣ было бы не совсѣмъ любезно — пригласившихъ насъ на свои празднества и столь внимательныхъ къ намъ хозяевъ привѣтствовать на языкѣ имъ не понятномъ, и потому я рѣшился въ пользу французскаго, какъ общеизвѣстнаго и такъ-сказать международнаго языка.

5.

Объ университетскомъ зданіи Carolina Rediviva, въ которомъ на другое утро собрались всѣ депутаты для составленія процессіи, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. На мѣстѣ его въ старину былъ другой домъ, въ которомъ при Карлѣ IX (1604—1611) устроены были аудиторіи, почему онъ и назывался Academia Carolina; въ концѣ прошлаго вѣка этотъ домъ сгорѣлъ; въ 1819 году начато было здѣсь новое строеніе для библіотеки,

и такъ какъ первый камень его былъ положенъ Карломъ XIV Іоанномъ (Бернадотомъ), то въ честь его возстановлено было прежнее имя и домъ былъ названъ Carolina Rediviva (воскресшая). Оконченъ онъ былъ не прежде 1841 года; помѣщающаяся въ немъ библіотека содержитъ около 200,000 томовъ и 7000 рукописей. Это лучшее изъ университетскихъ зданій; здѣсь находится также парадная зала, въ которой любопытно то обстоятельство, что хотя домъ принадлежитъ казнѣ, но полъ ея составляетъ собственность студентовъ, такъ что, въ случаѣ общественныхъ баловъ или концертовъ, они имѣютъ право отдавать его, въ пользу своей кассы, внаймы. Это однакожъ простой, некрашенный полъ, да и все зданіе носитъ на себѣ печать большой простоты; такова и вообще вся внѣшняя сторона жизни въ Швеціи и даже въ Стокгольмѣ, сравнительно съ нравами и привычками другихъ столицъ Европы.

Изъ этой-то залы, въ среду утромъ, часовъ въ десять, 24 августа (5 сент.), депутаты и почетные гости отправились въ соборъ процессіей по два человѣка въ рядъ. Эта величайшая въ королевствѣ церковь была заложена около 1260 года и вскорѣ пріобрѣла особенную важность вслѣдствіе перенесенія въ нее мощей св. Эрика, патрона Швеціи, останки котораго и покоятся здѣсь въ серебряной ракѣ. Тутъ же за алтаремъ погребены: Густавъ Ваза, сынъ его Іоаннъ III съ Екатериной Ягеллоновной; также шведскій реформаторъ, первый лютеранскій архіепископъ Лаврентій Петри. Въ одномъ изъ склеповъ стоитъ порфировая пирамида въ память Линнея. Теперь воздвигается здѣсь памятникъ архіепископу Якову Ульфсону, основателю Упсальскаго университета. Въ ризницѣ хранится множество драгоцѣнныхъ древностей. Соборный органъ — лучшій въ Швеціи.

Тому, кто самъ находился въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, невозможно было видѣть все, что представлялось въ этотъ день стороннему зрителю. Поэтому я буду вынужденъ дополнять свой разсказъ подробностями, почерпнутыми изъ свѣдѣній, сообщенныхъ репортерами лучшихъ стокгольмскихъ газетъ.

Въ 7 часовъ утра раздалась пушечная пальба со стороны замка. Уже въ это раннее время на улицахъ было большое движеніе. Всѣ радовались ясному, хотя и довольно холодному утру. Вездѣ, съ крышъ, со стѣнъ и изъ оконъ развѣвались знамена. Со всѣхъ сторонъ видны были зеленые вѣнки, длинныя вязи дубовыхъ вѣтвей, цвѣты и ленты яркихъ цвѣтовъ. Никогда еще Упсала не являлась въ такомъ праздничномъ убранствѣ. Изнутри собора музыка также слышна была уже съ 7-ми часовъ. Черезъ часъ могучій колоколъ загудѣлъ торжественнымъ звономъ, и вскорѣ на всѣхъ улицахъ показались дамы въ праздничныхъ нарядахъ. Большая часть ихъ стремилась въ церковь, чтобы попасть туда какъ скоро отворятъ двери. Другія смотрѣли изъ оконъ. По Каролининской горѣ мужчины въ парадныхъ одеждахъ шли въ зданіе библіотеки, гдѣ собирались готовившіеся участвовать въ процессіи. По всей ведущей туда Королевиной улицѣ толпились группы студентовъ, каждая нація (провинція) вокругъ своего знамени. Въ 10-мъ часу всѣ депутаты и приглашенные, числомъ болѣе тысячи, считая и лицъ, принадлежащихъ къ университету, собрались въ названномъ зданіи. Въ залѣ маршалы скоро принялись установлять порядокъ, въ какомъ, по печатному церемоніалу, должна была двинуться торжественная процессія въ соборъ, назначенный мѣстомъ юбилейныхъ церемоній. Депутаты были расположены по группамъ, въ алфавитномъ порядкѣ французскихъ названій странъ, которыя они представляли, т. е. Allemagne, Autriche, Belgique, France, Hollande и т. д. Въ десять часовъ процессія тронулась по слѣдамъ корпораціи студентовъ, стоявшей со знаменами на скатѣ горы. Послѣ продолжительно непостоянной небо наконецъ прояснилось; пестрое шествіе, тянувшееся отъ вершины горы почти до самаго собора, представляло единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. По всему пути, улицы, окна, балконы были унизаны волнующимися массами зрителей.

Уже съ 9-ти часовъ всѣ дамы, имѣвшія билеты для входа въ церковь, сидѣли на устроенныхъ амфитеатромъ хорахъ по обѣ

стороны ковчега. Вскорѣ и корреспонденты газетъ заняли приготовленныя для нихъ скамьи подъ хорами. Это были весьма удобныя для наблюденія мѣста съ просторными столами; ихъ было два съ каждой стороны возлѣ стульевъ, назначенныхъ для гостей. Тутъ были представители почти всѣхъ стокгольмскихъ, готенбургской и др. шведскихъ газетъ, нѣсколькихъ датскихъ и норвежскихъ, одной финляндской, англійской *Times* и парижской *Monde illustré*. Главный соборный ковчегъ былъ украшенъ большими шведскими знаменами; весь полъ передъ алтаремъ устланъ синимъ ковромъ съ золотою бахромой, стѣны убраны зеленью и цвѣтами. Вправо отъ алтаря (отъ зрителей влѣво) стояло подъ балдахиномъ большое золотое кресло, обитое синимъ бархатомъ; это было мѣсто для короля; влѣво отъ него было другое такое же, только немного меньше, для кронпринца. Въ срединѣ алтаря возвышалась большая дубовая, нарочно къ юбилею заказанная кафедра, передъ которою виденъ былъ длиный столъ, покрытый синею съ золотомъ скатертью; на немъ лежали касающіеся университета старинные документы; сюда же потомъ клались подносимые университету адресы, книги и т. п. Влѣво отъ алтаря, т. е. противъ королевскихъ креселъ, стояли три парадныя сѣдалища для канцлера университета, архіепископа-проканцлера и ректора. Подъ сводомъ передъ алтаремъ были стулья для университетскихъ чиновъ. Все это пространство было обставлено свѣжими растеніями. Надъ алтаремъ горѣли газовые огни въ солнцеобразныхъ кругахъ. Въ четверть одиннадцатаго начала́ входить процессія, и съ хоровъ раздались звуки торжественнаго марша. Впереди шелъ университетскій служитель съ своею большою тростью съ серебрянымъ набалдашникомъ, но безъ всякаго наряда, за исключеніемъ желтаго жилета: старинныхъ костюмовъ уже нѣтъ въ Упсалѣ. За нимъ слѣдовали два маршала, потомъ большое студенческое знамя, и всѣ провинціи («націи») съ своими знаменами. Прекрасно и знаменательно, подъ высокими сводами древняго, почтеннаго собора (замѣчаетъ одна газета), было зрѣлище этой толпы молодежи со знаменами, напоминающими обо всѣхъ краяхъ отечества, которые присылаютъ сюда своихъ сы-

новъ для образованія. Студенты расположились въ церкви на скамьяхъ по обѣ стороны главнаго ковчега, и знамена ихъ были приставлены къ скамьямъ.

Слѣдующее отдѣленіе начиналось опять двумя маршалами, за которыми несли малое знамя студенческой корпораціи; потомъ шли ея дирекція и почетные гости (студенты же сосѣднихъ странъ). За ними шло новое отдѣленіе со своими маршалами и многочисленными уполномоченными шведскихъ академій и ученыхъ обществъ; между ними можно было видѣть множество лицъ, которыя пріобрѣли громкую извѣстность въ области науки, литературы и искуствъ. Рѣдко бывало собрано такое большое число ихъ въ одномъ мѣстѣ, и никогда еще не собирались они съ такою цѣлію Послѣ замѣчательныхъ Шведовъ шли иностранцы. Это было блестящее во многихъ отношеніяхъ собраніе, не только по ученымъ заслугамъ, знаменитости и вообще по внутреннимъ сторонамъ, но и по своимъ необыкновеннымъ костюмамъ. Тутъ были и темныя и свѣтлыя бархатныя мантіи, малиновыя епанчи и шапки, и другіе наряды посреди черныхъ фраковъ и шитыхъ золотомъ мундировъ. За иностранцами, которые всѣ расположились въ главномъ ковчегѣ, шли депутаты шведскаго сейма. Потомъ слѣдовали еще четыре отдѣленіа, каждое имѣя впереди двухъ маршаловъ, а первое кромѣ того двухъ *курсоровъ* (университетскихъ разсыльныхъ) Секретарь университета несъ на подушкѣ древнѣйшую его грамоту, а за нимъ шли канцлеръ и проканцлеръ, ректоръ, деканы факультетовъ и другіе университетскіе преподаватели и чины. Слѣдовали королевскіе статсъ-секретари и серафимовскіе кавалеры [1], а далѣе разные высшіе сановники, военные и придворные, члены сеймовыхъ палатъ, юбилейные и почетные доктора и другія лица, выдающіяся по разнымъ отраслямъ общественной дѣятельности; наконецъ, упол-

[1] Словомъ «статсъ-секретари» я перевожу шведское названіе Statsråd (собственно государственные совѣтники), означающее лицъ, которыя составляютъ совѣщательное собраніе (государственный совѣтъ) при королѣ; ихъ всего десять; семеро изъ нихъ имѣютъ министерскіе портфели. Орденъ серафимовъ дается только высшимъ государственнымъ сановникамъ за особенныя заслуги.

номоченные отъ города, корпорація офицеровъ, духовные, училищные и земскіе чины. Когда всѣ расположились по своимъ мѣстамъ, ректоръ и деканы вышли изъ алтаря на встрѣчу подъѣхавшему къ церкви королю, который и занялъ вмѣстѣ съ кронпринцемъ приготовленныя для нихъ сѣдалища. Оба были въ мундирахъ съ голубыми лентами ордена Серафимовъ. При появленіи ихъ соборъ огласился псалмомъ, по окончаніи котораго архіепископъ-проканцлеръ взошелъ на кафедру, и открывъ празднество молитвой, обозрѣлъ въ крупныхъ чертахъ прошлыя судьбы университета, выставляя особенно отношеніе его къ церкви, которая, въ лицѣ выше названнаго святителя ея Ульфсона, положила начало этому учрежденію. Когда замолкъ краснорѣчивый и сильный голосъ архіепископа, съ хоровъ пропѣта была торжественная контата, замѣчательно хорошо исполненная при участіи нѣсколькихъ превосходныхъ мужскихъ и женскихъ соло. Послѣ привѣтственной латинской рѣчи ректора начались поздравленія. Прежде всего всталъ графъ Г. Гамильтонъ, какъ представитель первой камеры, и съ нѣсколькими депутатами сейма подошелъ къ кафедрѣ, гдѣ произнесъ краткое привѣтствіе отъ сейма. Потомъ произошло движеніе въ рядахъ иностранцевъ, и представители заграничныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ стали приносить свои поздравленія въ порядкѣ, противуположномъ тому, который принятъ былъ для процессіи. Трудно было слышать ихъ слова, такъ какъ говорившіе становились бокомъ къ публикѣ, обращаясь лицомъ къ ректору, остававшемуся на кафедрѣ «Прежде всѣхъ, говоритъ шведская газета, подошелъ профессоръ Бернскаго университета Кенигъ, потомъ проф. Дондерсъ изъ Утрехта, представлявшій также Амстердамскую академію наукъ; затѣмъ проф. Пелличіони, представитель Болонскаго и Римскаго университетовъ; послѣ того приблизились семь или восемь Русскихъ, въ болѣе или менѣе красивыхъ мундирахъ, подъ предводительствомъ академика Грота, говорившаго отъ имени своихъ соотечественниковъ» [1]. За этимъ

[1] Мое привѣтствіе было очень коротко. Отъ имени такихъ-то учрежденій, сказалъ я (всѣ они были мною перечислены) имѣю честь, какъ представи-

тронулось нѣсколько пунцовыхъ мантій. Это были Англичане и Шотландцы, за которыхъ говорилъ проф. Бальфуръ изъ Эдинбурга. Послѣ Британцевъ явились Французы, изъ которыхъ професорá Буассьé (Boissier) и Жеффруа (Geffroy)[1] носили одежду французскаго Института — темный фракъ съ широкимъ свѣтло-зеленымъ шитьемъ на воротникѣ, обшлагахъ и сзади. Ихъ органомъ былъ Жеффруа. Затѣмъ высказалась Бельгія устами проф. Лавелэ, представителя Люттихскаго университета, а вслѣдъ за нимъ выступили Австрійцы, предводимые проф. Гешлемъ (Heschl) изъ Вѣны. Отъ германскихъ университетовъ было около пятнадцати депутатовъ, и нѣкоторые явились въ оригинальныхъ нарядахъ. Во главѣ ихъ былъ проф. Вейэрштрасъ изъ Берлина; особенное вниманіе обращалъ на себя проф. Хютеръ (Hüter), ректоръ Грейфсвальдскаго университета, своею великолѣпной пурпуровой епанчой, съ богатымъ шитьемъ и широкой золотой бордюрой, и беретомъ того же цвѣта. Потомъ подошли представители университета Христіаніи, который чрезъ посредство своего ректора Обéра выразилъ братское сочувствіе къ Упсалѣ, гельсингфорсскіе депутаты со своимъ органомъ, ректоромъ Топеліусомъ, и представители Копенгагенскаго университета, за которыхъ говорилъ ректоръ его Панумъ. Послѣдними были два извѣстные Исландца: проф. Гисласонъ и д-ръ Вигфуссонъ; ими окончился рядъ поздравителей отъ иностранныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ. Почти всѣ депутаты передавали стоявшему передъ

тель Императорской Академіи наукъ и какъ выборный органъ остальныхъ русскихъ депутацій, принести древнему и почтенному Упсальскому университету самыя сердечныя поздравленія и искреннія пожеланія о продленіи его благоденствія и счастливомъ развитіи всѣхъ отраслей его организаціи. Да продолжаетъ онъ съ честію и славою свое плодотворное стремленіе къ высокой цѣли содѣйствовать приращенію знаній въ человѣчествѣ!» Къ числу русскихъ учрежденій, депутаты которыхъ были на лицо, я прибавилъ Московскій университетъ по слѣдующему поводу: въ самое утро празднества полученъ былъ въ Упсалѣ адресъ этого университета, и профессоръ Фрисъ, на имя котораго онъ былъ доставленъ, просилъ меня включить Москву въ число русскихъ городовъ, приславшихъ поздравленія.

[1] Г. Жеффруа давно знаетъ Швецію и извѣстенъ тамъ по сочиненію, которое издалъ объ этой странѣ.

кафедрой секретарю университета письменные адресы въ изящныхъ футлярахъ, а нѣкоторые, кромѣ того, и другіе подарки, особенно книги въ роскошныхъ переплетахъ; ихъ клали на стоявшій передъ кафедрой столъ, который наконецъ весь былъ покрытъ этими приношеніями. Послѣ стало извѣстно, что французскими депутатами Упсальскому университету поднесено такихъ подарковъ на 15,000 франковъ.

Послѣ иностранцевъ къ кафедрѣ подходили съ поздравленіями еще болѣе многочисленные представители шведскихъ академій и другихъ учрежденій, и нѣкоторые изъ нихъ читали по рукописямъ весьма длинныя привѣтствія, — между прочимъ проф. и ректоръ Льюнггренъ отъ Лундскаго университета, проф Беттигеръ отъ Шведской академіи, проф. Гласъ отъ Упсальскаго ученаго общества.

Въ заключеніе ректоръ вторично взошелъ на кафедру и прочелъ на шведскомъ языкѣ рѣчь «о могуществѣ знанія», которая, къ сожалѣнію, такъ же мало слышна была, какъ и прежняя, латинская рѣчь его. Наконецъ пропѣтъ былъ финалъ кантаты. Весь актъ окончился только въ два часа слишкомъ.

Сколько именно человѣкъ было въ этотъ день въ соборѣ, трудно опредѣлить съ точностью; увѣряли, что число однѣхъ дамъ простиралось отъ 1200 до 1300. Около 600 мѣстъ было предоставлено частнымъ лицамъ, а если прибавить студентовъ и участвовавшихъ въ процессіи, то можно навѣрное сказать, что всѣхъ присутствовавшихъ было отъ 3,500 до 4000.

6.

Въ началѣ 4-го часа всѣ депутаты и другіе почетные гости собрались, въ тѣхъ же парадныхъ костюмахъ, на обѣдъ въ описанный выше обширный повильйонъ ботаническаго сада. При входѣ въ столовую, одинъ изъ маршаловъ вручалъ всякому гостю печатный листъ, на которомъ очень остроумнымъ способомъ, однѣми надписями именъ, означено было какъ расположеніе сто-

ловъ, такъ и мѣсто, назначенное каждому изъ трехсотъ приглашенныхъ. Все устройство по съѣстной части взялъ на себя лучшій упсальскій ресторатор г. Сванфельтъ по цѣнѣ 20 кронъ съ куверта, включая и вино. Справедливость требуетъ упомянуть, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ оправдалъ довѣріе, оказанное ему университетомъ и городомъ, на счетъ которыхъ было угощеніе.

Въ верхнемъ концѣ залы поставленъ былъ столъ въ формѣ подковы съ сорока двумя приборами. Въ серединѣ на главномъ мѣстѣ сидѣлъ король; вправо отъ него: кронпринцъ, графъ Де-Геръ (первый министръ), датскій министръ Неллеманъ, оберштатгалтеръ Уггласъ, статсъ-секретари Фальсенъ и Ловёнъ. Между послѣднимъ и президентомъ гофгерихта Бергомъ было мое мѣсто, а послѣ г. Берга сидѣли депутаты: двухъ германскихъ и Гельсингфорсскаго университетовъ. По лѣвую сторону короля сидѣли: государственный маршалъ Спарре, министръ Бьёрншерна, два статсъ-секретаря, а за ними депутаты: Пелличіони, Буассьé, Льюнггренъ, Панумъ (три ректора университетовъ) и Мадвигъ. По другую, вогнутую сторону стола, противъ короля, было мѣсто ректора между канцлеромъ и проканцлеромъ университета, а вправо и влѣво отъ нихъ сидѣли сперва статсъ-секретари, а потомъ профессорá университетовъ Христіаніи, Страсбурга (оба послѣдніе—ректоры), Кембриджа и проректоръ Упсальскаго. Только что сѣли, сквозь стеклянный потолокъ неожиданно засіяло солнце, и какъ нарочно лучи его падали на короля и большую часть сидѣвшихъ за тѣмъ же столомъ. Пришлось уклоняться отъ этого рѣдкаго въ дни юбилея гостя, котораго появленія въ эту минуту никто не предусмотрѣлъ и потому не было принято никакихъ мѣръ для защиты отъ его безпокойнаго, хотя въ другое время и отраднаго посѣщенія Впрочемъ оно потревожило насъ не надолго. Во время стола я могъ вести весьма интересную бесѣду съ моими двумя любезными и словоохотными сосѣдями. Ближе къ концу обѣда одинъ изъ нихъ шепнулъ мнѣ, что его величество, поднявъ свою рюмку, по шведскому обычаю пьетъ мое здоровье, что́ было знакомъ особеннаго вниманія къ представителю Россіи, тѣмъ бо-

лѣе что я еще не былъ представленъ королю. Представилъ меня послѣ обѣда министръ иностранныхъ дѣлъ, бывшій прежде въ Петербургѣ шведскимъ посланникомъ г. Бьёрнштерна.

Остальные гости и члены университета расположились за четырьмя другими мéньшими столами, которые были поставлены параллельно одинъ къ другому вдоль залы.

Когда пришла пора тостовъ, то ректоръ Упсальскаго университета проф. Салúнъ провозгласилъ здоровье короля. Въ сказанной при этомъ рѣчи онъ припомнилъ милости, оказанныя его величествомъ университету, и особенно даръ, пожалованный ему въ этотъ самый день (40,000 кронъ на стипендіи) [1]. Оркестръ сыгралъ народный гимнъ и съ горы замка раздался салютъ. Въ то же время разносимы были стихи въ честь короля, написанные деканомъ Философскаго факультата проф. Нюбломомъ.

Затѣмъ король Оскаръ II, поднявшись съ своего кресла, произнесъ, въ отвѣтъ ректору, слѣдующую рѣчь [2]:

«Какъ всякій отдѣльный человѣкъ въ продолженіе своей жизни собираетъ сокровища опыта, такъ и народы. Это ихъ исторія.

«Изъ груди матери младенецъ почерпаетъ свою первую пищу. Почти инстинктивная любовь къ «alma mater», которую мы зовемъ родиной, даетъ начало общественной жизни.

---

[1] Вотъ рескриптъ, послѣдовавшій на имя университета:

Въ изъявленіе моихъ чувствъ при празднованіи 400-лѣтняго юбилея Упсальскаго университета, признательно вспоминая все сдѣланное этимъ высшимъ училищемъ для отечественной науки и въ залогъ моего намѣренія содѣйствовать будущему развитію университета, я жалую ему въ даръ 40.000 коронъ.

Этою суммою академическая консисторія имѣетъ располагать какъ неприкосновеннымъ капиталомъ, съ котораго проценты должны быть употребляемы на пособія авторской дѣятельности молодыхъ ученыхъ, на основаніяхъ, какія, по истребованіи о томъ мнѣнія канцлера, будутъ впослѣдствіи мною опредѣлены.

Упсала, 5 сентября 1877.

Оскаръ.

[2] Она напечатана въ подлинникѣ по копіи, испрошенной у самого короля Оскара II. Это относится и къ приводимымъ ниже другимъ двумъ рѣчамъ его.

«Ребенокъ любитъ слушать чудесную сказку изъ устъ матери. Первыя воспоминанія человѣческихъ обществъ бываютъ одѣты въ яркій нарядъ героическихъ преданій и народныхъ сказокъ.

«Подрастающее дитя выноситъ изъ школы познанія и уроки болѣе опредѣленнаго свойства, сообщаемыя по правильному плану, отвѣчающія уже, лучше сказокъ, его возрасту и будущему назначенію. Такъ и опытность народовъ, сбрасывая покровъ сказочнаго міра, выводитъ болѣе ясныя руны на страницахъ лѣтописи. Всѣ общественныя отношенія принимаютъ болѣе опредѣленныя и правильныя формы.

«Созрѣвая для самостоятельной дѣятельности, юноша вступаетъ въ свѣтъ. Многимъ при этомъ дается счастіе расширять предѣлы своего образованія болѣе свободнымъ университетскимъ ученіемъ и такимъ образомъ довершать трудъ своего юношескаго воспитанія. Такъ и народы въ теченіе столѣтій болѣе и болѣе растутъ въ силѣ мужественнаго самосознанія и зрѣютъ къ подвигамъ цивилизаціи.

«Этой-то степени своего историческаго развитія, какъ я полагаю, достигъ шведскій народъ въ то время, къ которому сегодняшнее многознаменательное торжество естественно переноситъ мысли наши.

«Сказочный періодъ давно миновался. Свѣтъ христіанства загорѣлся и на дальнемъ Сѣверѣ, разсѣвая мракъ язычества, умиротворяя его дикую вражду, смягчая его грубые нравы, неся въ своихъ нѣдрахъ новыя сѣмена человѣческой культуры. Все далѣе основывались новыя селенія, пролагались новые пути черезъ лѣса и горы, раздѣлявшіе первоначально-воздѣланныя поля.

«Этимъ самымъ рушилась преграда между отдѣльными провинціями и уничтожено было главное жизненное условіе старинаго союзнаго устройства. Государство незадолго передъ тѣмъ получило свое первое общее законодательство. Народъ сталъ чувствовать себя взрослымъ и единымъ. Однакожъ—или, лучше,

именно поэтому—онъ чувствовалъ, что ему недоставало *чего-то* для засвидѣтельствованія и довершенія единства. Такъ возникла и созрѣла мысль объ основаніи въ Швеціи высшаго училища.

«Чѣмъ оно стало, что оно сдѣлало то для дорогого отечества, о томъ неопровержимо свидѣтельствуютъ бытописанія. О томъ твердятъ такія имена, какъ Эрикъ Олаи, Іоаннъ Шитте, Олавъ Рудбекъ, Карлъ Линней, Эрикъ Густавъ Гейэръ и многія иныя дорогія имена, которыя вокругъ насъ украшаютъ стѣны этой залы. Всѣ эти знаменитые мужи живутъ въ благодарной памяти потомства, и славный примѣръ ихъ призываетъ сыновъ Швеціи довершать дѣло, ими начатое.

«Пусть же Упсальскій университетъ, празднуя свой 400 лѣтній юбилей, одушевляется этою высокою мыслію. Изъ глубины души я, отъ имени Швеціи, высказываю это желаніе, убѣжденный, что его исполненіе составляетъ важное условіе славы отечества и счастія народа. Господь, отъ котораго исходитъ всякое благое даяніе, да ниспошлетъ на то Свое благословеніе!

«На этомъ праздникѣ я поднимаю свой бокалъ въ память 400 лѣтняго существованія Упсальскаго университета, за его постоянное усовершенствованіе въ наши дни, за его честь и благоденствіе въ грядущіе вѣки!»

Эта рѣчь, произнесенная твердымъ и яснымъ голосомъ, произвела на слушателей сильное впечатлѣніе, и раздавшіяся по окончаніи ея взрывы *ура* были совершенно искренни. Сосѣди мои, шведскіе государственные люди, удивлялись, какъ это король, имѣвшій такъ мало времени посреди суеты этихъ дней, послѣ утомительнаго путешествія, успѣваетъ приготовлять такія рѣчи, отличающіяся не только своимъ содержаніемъ, но и литературною отдѣлкой.

Послѣ этого ректоръ привѣтствовалъ иностранныхъ гостей краткою латинскою рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ: «Vos saluto, mecum omnes Suеci vos salutant» (я, а со мною и всѣ Шведы привѣтствуемъ васъ). На этотъ тостъ, по состоявше-

муся наканунѣ опредѣленію всѣхъ депутацій, отвѣчалъ по-латыни же датскій профессоръ, конференцъ-совѣтникъ Мадвигъ, показавшій при этомъ, какъ ловко и искусно можно безъ всякаго педантизма выражаться на языкѣ Цицерона и Виргилія. Въ своей отчасти юмористической рѣчи, принятой слушателями съ частыми изъявленіями одобренія и веселости, онъ привелъ отзывы Тацита о грубости древнихъ Германцевъ и суровости ихъ страны, въ противоположность съ нынѣшнею привѣтливостью скандинавскаго Сѣвера. Иностранные депутаты, замѣтилъ онъ, просили меня отвѣчать за нихъ; но по-мóему я не совсѣмъ гожусь на это: «neque mihi videor peregrinus esse neque alienigena» (мнѣ кажется, что я ни пришлецъ, ни чужеземецъ). Но южане по-свóему представляютъ себѣ положеніе вещей на Сѣверѣ и медвѣжьи шкуры сѣверныхъ жителей (pelles ursinae). Иноземцевъ, по его словамъ, привлекла сюда не одна слава, пріобрѣтенная Швеціею въ ученомъ мірѣ, не одни знаменитыя имена ея представителей въ наукѣ, но и радушіе, которымъ отличаются Шведы. Въ заключеніе ораторъ предложилъ по-французски тостъ въ честь шведскаго гостепріимства.

Тостъ за туземныхъ почетныхъ гостей былъ провозглашенъ, въ довольно длинной шведской рѣчи, проректоромъ Упсальскаго университета профессоромъ Геденіусомъ. Отвѣчалъ первый министръ графъ Де-Геръ, при чемъ выразилъ, какъ много всѣ присутствующіе соотечественники должны считать себя обязанными университету, и кончилъ желаніемъ, чтобъ и позднѣйшія поколѣнія имѣли причину ликовать, что у Швеціи есть — Упсала.

7.

Одновременно съ почетными представителями ученыхъ учреждеій всей Европы пировали и упсальскіе студенты со своими гостями, съѣхавшимися въ званіи представителей студенческихъ корпорацій всѣхъ другихъ скандинавскихъ университетовъ, также Грейфсвальдскаго, Финляндскаго и Дерптскаго, нѣкогда принадле-

жавшихъ Швеціи. За неимѣніемъ достаточно просторный залы, столы должны были размѣститься въ разныхъ этажахъ и комнатахъ клуба (Gillet); хозяева и гости по необходимости раздѣлились на группы, въ которыхъ бесѣда могла развиваться тѣмъ дружнѣе и сердечнѣе. Во все время стола игралъ оркестръ лейбъ-драгунскаго полка. Послѣ обѣда всѣ отправились со знаменами и пѣснями въ изящный ресторанъ *Флюстретъ* (имя это значитъ: входъ въ улей), гдѣ назначено было провести остальную часть вечера. Здѣсь расположились частью въ комнатахъ, частью на воздухѣ, гдѣ передъ фонтаномъ устроена была эстрада для хора университетскихъ пѣвцовъ. Когда они пропѣли пѣснь: «Послушай насъ, Свея», начались тосты и рѣчи. Первое блестящее привѣтствіе гостямъ сказалъ предсѣдатель корпораціи студентовъ доцентъ Афцеліусъ; онъ кончилъ тостомъ за университетъ и выразилъ желаніе, чтобы всѣ его члены старались быть достойными своей 400 лѣтней Alma mater по примѣру предковъ. Потомъ начались тосты за другіе имѣвшіе здѣсь своихъ представителей университеты, за всѣ вмѣстѣ и за каждый отдѣльно, а затѣмъ пропѣта была финляндская народная пѣснь «Нашъ край». По окончаніи этой части пира, въ половинѣ 7-го, студенты со своими знаменами и съ пѣснями отправились въ ботаническій садъ привѣтствовать почетныхъ гостей университета. Тамъ они заняли обширное полукружіе передъ сѣнями оранжереи, гдѣ расположились гости. Говорилъ опять доцентъ Афцеліусъ; послѣ короткаго отвѣта, сказаннаго по-французски однимъ изъ иностранныхъ депутатовъ (представителемъ Рима и Болоньи, проф. Пеллиціони), упсальскіе студенты пропѣли нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ пѣсенъ. Въ девять часовъ они разошлись по отдѣльнымъ помѣщеніямъ каждой націи въ разныхъ частяхъ города; всѣмъ иностранцамъ открытъ былъ доступъ въ эти студенческія собранія, и здѣсь-то они могли ознакомиться съ одною изъ самыхъ своеобразныхъ сторонъ быта шведскихъ студентовъ, который, развившись подъ вліяніемъ особенныхъ домашнихъ преданій, представляетъ, какъ самую отличительную изъ своихъ чертъ, со-

единеніе полнаго самоуправленія и большой свободы съ соблюденіемъ удивительнаго порядка и благочинія. Здѣсь многіе изъ пріѣзжихъ, переходя отъ одной націи къ другой вмѣстѣ съ канцлеромъ университета и ректоромъ, съ особеннымъ интересомъ увидѣли студентовъ въ ихъ внутренней, домашней жизни,— видѣли, какъ они веселятся и поютъ, не позволяя себѣ никакихъ крайностей, и слышали ихъ рѣчи, одушевленныя патріотизмомъ и горячею любовью къ своей древней духовной кормилицѣ. Въ залѣ одной изъ націй самъ ректоръ, въ присутствіи иностранныхъ посѣтителей, засвидѣтельствовалъ, какъ благородно держатъ себя упсальскіе студенты. Къ объясненію этого служитъ отчасти тѣсная связь, существующая между всѣми сословіями Швеціи и ея главнымъ университетомъ. Въ такомъ же отношеніи къ нему находятся самъ король, нѣкогда посѣщавшій его аудиторіи, и кронпринцъ, который и теперь принадлежитъ, въ званіи почетнаго члена, въ корпораціи студентовъ.

Въ этотъ вечеръ онъ посѣтилъ свою Вермландскую націю, гдѣ его привѣтствовалъ кураторъ ея, доцентъ Гейэръ. Его высочество выразилъ свою благодарность за тостъ и надежду, что связь, образовавшаяся въ прошлый семестръ между нимъ и упсальскими студентами, еще укрѣпится въ наступающій академическій годъ. Потомъ кронпринцъ заходилъ и къ нѣкоторымъ другимъ націямъ. Тѣ изъ нихъ, которыя еще не имѣютъ своихъ отдѣльныхъ помѣщеній или которыя помѣщаются слишкомъ далеко, собраны были въ клубѣ; онѣ между прочимъ принесли овацію бывшему министру просвѣщенія Веннербергу (который самъ поэтъ и композиторъ): сперва пропѣли его пьесу «Послушай насъ, Свея», а потомъ въ тріумфѣ носили его на рукахъ вокругъ залы, при чемъ пѣли пѣснь: «Пойте про счастье студенческихъ дней».

Въ числѣ посѣтителей собраній студентовъ въ этотъ вечеръ находился нашъ почтенный сочленъ О. В. Струве, который, бывъ передъ тѣмъ на астрономическомъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ, присутствовалъ также, въ качествѣ гостя, на упсальскихъ празд-

нествахъ. Корреспондентъ газеты «Aftonbladet», упоминая о встрѣчавшихся въ собраніяхъ «націй» именитыхъ иностранцахъ, говоритъ между прочимъ: «Я слышалъ какъ въ одной изъ залъ т. сов. Струве, знаменитый астрономъ, начальникъ Пулковской обсерваторіи, въ нѣмецкой рѣчи, сказанной прекрасно и вмѣстѣ просто, изобразилъ неизгладимыя воспоминанія, связывающія Дерптскій университетъ, гдѣ ораторъ получилъ свое ученое образованіе, съ болѣе древнимъ Упсальскимъ училищемъ. Въ залѣ другой націи проф. Бугге, изъ Христіаніи, говорилъ о красотѣ и достоинствѣ шведскаго языка; въ третьей директоръ училищъ Гіэртсенъ, оттуда же, сказалъ блестящую рѣчь объ исторической почвѣ, которую норвежецъ, сынъ юной націи, встрѣчаетъ вездѣ въ Швеціи, и о томъ вліяніи, какое великія имена и памятники минувшихъ столѣтій должны оказывать на молодыя поколѣнія».

Во весь вечеръ до самой полуночи Упсала была какъ будто залита огнями; во всѣхъ безъ исключенія окнахъ горѣли свѣчи, что́ особенно поразило Французовъ, не видавшихъ прежде этого рода иллюминаціи; даже и самый бѣдный студентъ, говоритъ одна стокгольмская газета, зажегъ въ своей каморкѣ лампу, при которой работалъ по ночамъ. Одинова роща сіяла яркимъ свѣтомъ; соборъ и церковь Троицы были также освѣщены. Между тѣмъ въ паркѣ замка, при свѣтѣ разноцвѣтныхъ фонарей, гремѣла полковая музыка. Всѣ улицы были унизаны шкаликами, и толпы народа не переставали двигаться во всѣхъ направленіяхъ.

8.

Торжественный актъ второго дня, 25-го августа (6-го сентября), посвященъ былъ *промоціямъ*. Такъ называется въ скандинавскихъ странахъ сопровождаемое извѣстными обрядами возведеніе въ ученую степень магистра и доктора. Въ шведскихъ университетахъ, Упсальскомъ и Лундскомъ, обѣ степени соединены, и потому всякая промоція бываетъ докторскою. На этотъ разъ

раздача докторской степени, обыкновенно повторяющаяся черезъ каждые четыре года, должна была происходить въ тотъ же день по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Она всегда поручается декану или кому-нибудь изъ старшихъ профессоровъ, который и называется *промоторомъ*; за нѣсколько времени до самаго акта, онъ обязанъ напечатать и разослать такъ называемую программу промоціи съ какимъ-нибудь ученымъ разсужденіемъ или изслѣдованіемъ. Философскій факультетъ, довершающій гуманитарное образованіе, которое должно быть предварительно пріобрѣтено для исканія степени по другимъ спеціальнымъ факультетамъ, соблюдаетъ при промоціяхъ свои особенные обряды: промоторъ, стоя на кафедрѣ, надѣваетъ на подходящихъ къ нему по очереди докторантовъ лавровый вѣнокъ и вручаетъ имъ кольцо, какъ знакъ окончательнаго обрученія ихъ съ наукою. По другимъ факультетамъ промоторъ раздаетъ, вмѣсто этого, докторскія шляпы; напередъ же самъ, послѣ сказанной имъ рѣчи, надѣваетъ себѣ на голову такую же шляпу, въ свое время имъ полученную. Кто, послѣ подобнаго возведенія въ степень, проживетъ 50 лѣтъ, тотъ при первой затѣмъ промоціи приглашается къ возобновленію этой почести, и, какъ «юбилейный докторъ» (jubeldoktor), снова получаетъ вѣнокъ или шляпу. Давно уже и неоднократно была рѣчь объ отмѣнѣ этихъ средневѣковыхъ обрядовъ, но мнѣніе людей, которые видятъ въ нихъ поэтическую сторону и нравственное значеніе, до сихъ поръ одерживало верхъ. Говорятъ, однакожъ, что съ нынѣшнимъ юбилеемъ они навсегда прекратятся. Какъ бы ни было, на этотъ разъ положено было отпраздновать упсальскія промоціи въ полномъ ихъ блескѣ. По случаю юбилея, онѣ должны были имѣть мѣсто въ храмѣ, куда, къ 10 часамъ утра, и направилась безконечная процессія, собравшаяся тамъ же и такимъ же образомъ, какъ вчера, послѣ такого же предварительнаго возвѣщенія торжества пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Только порядокъ шествія и размѣщенія въ церкви нѣсколько отличался отъ вчерашняго, т. е. послѣ студенческой дирекціи и почетныхъ гостей слѣдовали, вмѣ-

сто депутатовъ, промоторы всѣхъ 4-хъ факультетовъ, доктора юбилейные, почетные и докторанты; къ тому же составлявшія процессію лица шли теперь не по два, а по три въ рядъ. Промоторы расположились вокругъ кафедры, а на парнассѣ (эстрадѣ) помѣстились вправо отъ нея доктора философіи, а влѣво — другихъ факультетовъ. Шествіе заканчивали университетскіе члены, статсъ-секретари, кавалеры ордена Серафимовъ и проч. Въ соборѣ процессія была встрѣчена великолѣпнымъ маршемъ. Вскорѣ вошелъ король съ кронпринцемъ и свитою, въ которой главное мѣсто занимали вышедшіе опять на встрѣчу къ нимъ университетскіе чины. Король на этотъ разъ былъ во фракѣ съ голубою лентой Серафимовъ по жилету. На бархатномъ воротникѣ была лира (мундирная форма профессоровъ), а на груди его величество, какъ и всѣ доктора философіи, носилъ въ этотъ день маленькій лавровый вѣнокъ. Такимъ же образомъ былъ одѣтъ и кронпринцъ. По вступленіи ихъ въ церковь, съ хоровъ грянула сочиненная на этотъ случай прекрасная кантата. Музыка ея принадлежала капельмейстеру, профессору Іозефсону, а слова одному изъ наиболѣе популярныхъ въ настоящее время шведскихъ писателей, Виктору Рюдбергу, который самъ долженъ былъ въ этотъ день получить здѣсь званіе почетнаго доктора. Наканунѣ ему оказана была студентами особенная почесть: депутація изъ 5 кандидатовъ докторской степени явилась къ нему и поднесла отъ имени прочихъ магистерское кольцо (значеніе этой эмблемы объяснено уже выше).

По общему восторгу, который кантата г. Рюдберга возбудила въ Швеціи, она заслуживаетъ перевода, хоть въ прозѣ; поэтическая сторона ея при этомъ конечно пропадетъ, но смыслъ останется, а онъ очень характеризуетъ господствующее въ Швеціи вообще и въ университетѣ настроеніе.

Хоръ.

«Изъ ночного мрака временъ, о человѣчество, ты въ теченіе вѣковъ идешь по тропамъ пустыни къ сокрытой для тебя цѣли.

Твой день—одна полоска тусклаго и слабаго свѣта, за ней ты видишь туманъ, а далѣе ночь! И тамъ, гдѣ ты проходишь, валятся поколѣнія, и ты съ трепетомъ спрашиваешь: Господь всемогущій! Куда ведетъ мой путь?

«Въ явленіяхъ земли намъ видно, что все здѣсь непрочно, а когда твой пытливый взоръ устремляется къ небу, ты открываешь и тамъ, что пути звѣздъ сокращаются и гибнутъ міры и солнечныя системы потухаютъ въ пучинахъ эфира. Ты слышишь кликъ: все тлѣнно; и время и пространство — ужасная, безпредѣльная темница.

Речитативъ.

«И однакожъ, погрузившись въ сомнѣніе и въ мрачной думѣ пріостановясь въ пути, ты снова хватаешь знамя и безстрашно несешь его чрезъ пустыню. Ну, чтоже въ томъ, что передъ глазами наблюдателя солнцы тысячами сметаются съ тверди? Что же въ томъ, что жатвы звѣздъ, какъ золотое жито, скашиваются косою времени? То, что̀ ты мыслилъ правдиво, чего желалъ съ любовью, прекрасное, о чемъ мечталъ, не можетъ быть уничтожено временемъ: это жатва, которая у него отнимается, ибо она принадлежитъ царству вѣчности. Иди же впередъ, человѣчество! Радуйся, утѣшайся, ибо ты носишь въ груди своей вѣчность!

Аріозо.

«Каждая душа, томимая стремленіемъ къ тому, что благородно и истинно, носитъ и чувствуетъ въ глубинѣ своей залогъ вѣчности. Если ты забудешь все своекорыстное, если образъ Божій съ каждымъ поколѣніемъ будетъ въ тебѣ становиться совершеннѣе, то какъ бы ни далеко простиралась пустыня, ты наконецъ достигнешь Іордана.

Богословіе.

«Сомнѣваешься ли ты, что тамъ вдали ждетъ обѣтованная земля? Изнуренъ ли ты жаждою, падаешь ли безнадежно на го-

рячій песокъ? Посмотри, жезлъ Моисея извлекаетъ воду изъ каменной скалы: — итакъ впередъ по пустынѣ, Израиль человѣчества! Эта скала—о чудо! — слѣдуетъ за тобой куда ты ни идешь. Преклони колѣно при ея потокахъ, радуйся, какъ ея чистая струя освѣжаетъ тебя дивной силой на твоемъ странствіи!

Правовѣдѣніе.

«Какъ предъ горячимъ вѣтромъ пустыни крутятся облака пыли, такъ Израиль отъ Хорева несся разрозненными толпами. Можетъ ли шествіе достигнуть Іордана, когда въ немъ нѣтъ порядка? Посмотри, вонъ къ небу подъемлется озаренный молніями Синай! Горы и долины оглашаются гуломъ грома и голосомъ закона, и отзвукъ изъ груди изумленнаго человѣка отвѣчаетъ: аминь. И съ тѣхъ поръ какъ явился глашатай закона, разрозненныя толпы растутъ, вырастаютъ въ прекрасное царство, въ священный народъ.

Медицина.

«Уже вокругъ скиніи закона объединенный народъ продолжаетъ свой путь, пробивается мечемъ и копьемъ къ Іордану свободы. Но отчего же блѣднѣютъ толпы бойцовъ? Отчего пало знамя? Коварные змѣи недуга опустошаютъ ряды войска. Гдѣ же спасеніе? Вотъ спасеніе! Взгляни на данное Господомъ знаменіе; посмотри, какъ блещетъ мѣдный змѣй, обвиваясь вокругъ жезла пророка! И какъ Израиль избавленъ священнымъ символомъ, пусть идетъ здоровое, крѣпкое племя къ цѣли человѣчества!

Философія.

«Иди, мудрое, прекрасное племя, къ цѣли, предназначенной Господомъ! Но какъ найти истинный путь сквозь видѣнья марева и мракъ ночи? Посмотри, огненный столпъ указываетъ дорогу, когда ее скрываетъ мракъ: это свѣтъ мысли, свѣтящій народу сквозь царство ночи. Посмотри, въ знойный день передъ нами движется облачный столпъ; но облако соткано изъ идеаловъ; въ

немъ духъ Господень. Пророкъ стоитъ на горѣ поэзіи, и ликуя возглашаетъ съ вершины: Іерусалимъ виденъ вдали. Впередъ къ отечеству!» —

Когда замолкла музыка, началась промоція докторовъ богословія. Надобно замѣтить, что по одному этому факультету докторская степень дается не иначе, какъ съ утвержденія верховной власти, и на этотъ разъ король пожаловалъ въ доктора 38 пасторовъ. Стóитъ также припомнить, что первая промоція по этому факультету происходила въ 1617 году, и что программа къ ней составлена была по-латыни знаменитымъ королемъ-героемъ Густавомъ II Адольфомъ, а обрядъ промоціи совершалъ славный Оксеншерна. Въ нынѣшній разъ промоторомъ, по назначенію короля, былъ архіепископъ. Вступивъ на кафедру, стоявшую въ серединѣ пространства передъ алтаремъ, онъ сказалъ небольшую латинскую рѣчь, относившуюся къ исторіи дѣла; потомъ, въ знакъ исполненія своей обязанности, при пушечныхъ выстрѣлахъ накрылся докторскою шляпой и приступилъ къ самому акту промоціи, надѣвая такія же шляпы на подходившихъ къ нему пасторовъ. Каждый изъ нихъ, получивъ, сверхъ того, изъ рукъ промотора дипломъ, сходилъ съ эстрады и, поровнявшись съ кресломъ короля, снималъ шляпу и кланялся, при чемъ удостоивался въ отвѣтъ то легкаго наклоненія головы, то привѣтливой улыбки, то даже милостиваго слова.

Когда затѣмъ пропѣта была строфа кантаты г. Рюдберга, посвященная богословію, на кафедру взошелъ промоторъ юристовъ; послѣ него тотъ же актъ былъ поочередно совершаемъ по двумъ остальнымъ факультетамъ, медицинскому и философскому. По каждому являлись прежде почетные доктора, потомъ заслужившіе степень узаконеннымъ путемъ; въ числѣ первыхъ по юридическому факультету было болѣе двадцати высшихъ шведскихъ сановниковъ, также нѣсколько государственныхъ людей и ученыхъ изъ Норвегіи, Финляндіи и Даніи. По факультетамъ медицинскому и философскому было, кромѣ того, довольно много юбилейныхъ докторовъ, съ которыхъ и начиналась церемонія. Изъ этихъ ста-

риковъ однакоже многихъ не было на лицо; изъ присутствовавшихъ особенное вниманіе обращалъ на себя маститый, но еще вовсе не дряхлый, пасторъ Гумеліусъ, изъ города Эребро: онъ получилъ степень доктора философіи въ 1815 году, и уже на промоціи 1866-го былъ вторично увѣнчанъ, а теперь въ третій разъ принималъ лавровый вѣнокъ. Кстати надо здѣсь прибавить, что всѣ участвовавшіе въ процессіи, даже иностранные депутаты имѣвшіе званіе доктора, передъ выходомъ изъ зданія Carolina Rediviva, получили и съ тѣхъ поръ въ остальное время юбилея носили на груди по маленькому лавровому вѣнку. Сверхъ того, къ одеждѣ каждаго участника празднествъ приколота была особая желто-голубая розетка. Эти знаки имѣли на себѣ и король съ кронпринцемъ. Всѣ, только что произведенные или обновленные доктора, подобно богословамъ, проходили съ поклономъ передъ его величествомъ. Во время раздачи вѣнковъ почетнымъ докторамъ философіи, промоторъ г. Нюбломъ, даровитый профессоръ эстетики (прочитавшій потомъ прекрасные, имъ написанные къ этому дню стихи), произвелъ большой эффектъ одною неожиданной выходкой: въ числѣ предназначавшихся къ возведенію въ почетные доктора былъ недавно умершій въ Финляндіи, чрезвычайно популярный у Шведовъ поэтъ Рунебергъ; сказавъ о немъ нѣсколько сочувственныхъ словъ, г. Нюбломъ высоко поднялъ и потомъ отложилъ въ сторону приготовленный для него вѣнокъ. Это всемъ очень понравилось.

По окончаніи промоцій, одинъ изъ университетскихъ богословъ, взошедъ на ту же кафедру, прочелъ молитву. Послѣ возобновленной музыки и пропѣтаго на хорахъ, при участіи всѣхъ присутствовавшихъ, псалма, уже въ 3-мъ часу, стали выходить изъ храма.

9.

Теперь опять предстоялъ обѣдъ въ ботаническомъ саду, куда многіе и отправились прямо изъ церкви. По множеству приглашенныхъ, которыхъ число на этотъ разъ достигало 2,500,

приготовлено было до 53-хъ столовъ, и для выиграніе мѣста они были разставлены иначе, нежели въ предыдущій день. За главнымъ, стоявшимъ поперекъ зала, опять сидѣли король съ кронпринцемъ почти въ той же обстановкѣ, какъ наканунѣ. Само собою разумѣется, что въ оба дня во время обѣда играла музыка. Удивительно было, какъ при такомъ множествѣ гостей господствовалъ полнѣйшій порядокъ: сотня слугъ исполняла свое дѣло, какъ по командѣ. Рѣчей на этомъ обѣдѣ не полагалось; были только тосты въ честь короля, за здравіе канцлера, проканцлера и ректора университета. Свобода говорить была отложена до времени послѣ обѣда; депутатамъ, еще при общемъ ихъ совѣщаніи по пріѣздѣ (какъ выше упомянуто) было заявлено, что въ этотъ день, послѣ стола, канцлеръ обратится ко всѣмъ имъ съ привѣтствіемъ и что тогда пріѣзжимъ предоставляется произносить рѣчи на какомъ языкѣ кто пожелаетъ.

Еще всѣ сидѣли за столомъ, когда входы въ ботаническій садъ открылись для народнаго гулянья, съ иллюминаціей и фейерверкомъ. Вдоль аллей горѣли разноцвѣтные фонари, стояли столы съ напитками; скоро по саду зашевелились въ разныхъ направленіяхъ массы людей, которыхъ число, какъ полагаютъ, составляло отъ 6 до 7000. Болѣе всего, однакожъ, толпы сосредоточивались передъ зданіемъ, гдѣ пировали гости; тамъ же, по окончаніи обѣда, тѣснились густыми рядами студенты въ своихъ бѣлыхъ фуражкахъ и пѣли пѣсни въ ожиданіи живого слова, которое должно было раздаться съ устроенной передъ фасадомъ бѣлой кафедры. Между тѣмъ передъ нею расположилось стоя множество лицъ, пришедшихъ съ едва кончившагося пира; на самомъ первомъ планѣ, въ сторонѣ, стояли король съ кронпринцемъ. Послѣ краткаго привѣтствія проканцлера, стали всходить на эту кафедру, одинъ за другимъ, многіе изъ пріѣзжихъ иностранцевъ: Лавелэ изъ Люттиха, Жеффруа изъ Парижа, Кенигъ изъ Берна, Дондерсъ изъ Утрехта, Панумъ изъ Копенгагена, Оберъ изъ Христіаніи, Топеліусъ изъ Гельсингфорса, Пелличіони изъ Болоньи, Брохъ изъ Христіаніи.

Вскорѣ послѣ начала этихъ рѣчей мнѣ было заявлено кѣмъ-то изъ университетскихъ властей желаніе, чтобы я сказалъ что-нибудь по-шведски. Взошедъ на кафедру послѣ г. Кенига, я произнесъ на этомъ языкѣ слѣдующее:

«Какъ скоро петербургская Академія наукъ получила дружелюбное приглашеніе Упсальскаго университета, тотчасъ ею были избраны два представителя, знакомые съ шведскимъ языкомъ. Этимъ Академія желала не только доказать свое давнишнее уваженіе къ заслугамъ великихъ ученыхъ Швеціи, способствовавшихъ къ развитію наукъ въ Европѣ, но также засвидѣтельствовать то высокое мнѣніе, которое вообще господствуетъ въ русскомъ обществѣ относительно шведской образованности.

«Извѣстно, что еще Петръ Великій умѣлъ цѣнить общественное устройство Швеціи и что оно послужило ему образцомъ при учрежденіи коллегій, которыя продолжали существовать до начала нынѣшняго столѣтія. Вслѣдствіе космополитическаго направленія нашей литературы съ середины XVIII вѣка, мы постепенно начали знакомиться съ мифологіей и героическими сказаніями скандинавскихъ народовъ; наши поэты стали часто заимствовать свои образы изъ этого новаго для нихъ, величественнаго міра поэзіи. Около сорока лѣтъ тому назадъ въ нашихъ журналахъ начали появляться образчики исландской литературы, опыты переводовъ изъ древней Эдды, изъ Сагъ, изъ Эленшлегера, Тегнéра, Стагнеліуса, Францéна, Рунеберга. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе замѣчательныхъ поэтовъ, Жуковскій, который сопровождалъ нынѣ царствующаго Государя въ его путешествіи по Швеціи, изобразилъ въ яркомъ очеркѣ эту чудную страну съ ея своеобразными красотами природы и памятниками древности. Такимъ образомъ недавно оказалось возможнымъ предпринять въ русскомъ переводѣ изданіе сборника произведеній скандинавской литературы, первая часть котораго, довольно объемистый томъ, уже вышла въ свѣтъ.

«Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того уваженія, какое пріобрѣла у насъ шведская культура, можетъ служить покрови-

тельство, оказываемое нашими великодушными монархами, съ самаго присоединенія Финляндіи, законамъ, нравамъ и образованности этой страны, которымъ отдаетъ справедливость всякій, кто безпристрастно судитъ о нихъ. Да, Русскіе, въ послѣднее время понявшіе многіе изъ недостатковъ своего общественнаго строя и такъ неутомимо стремящіеся къ своему соціальному и нравственному усовершенствованію, откровенно сознаютъ, что они многому въ этомъ отношеніи могутъ поучиться у своихъ сосѣдей, ранѣе ихъ вступившихъ на поприще просвѣщенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы позволяемъ себѣ думать, что еслибъ наши сосѣди захотѣли покороче ознакомиться съ тѣмъ, что у насъ дѣлается, то они стали бы еще сочувственнѣе относиться къ доброму, даровитому, идущему впередъ русскому народу.

«Пользуюсь случаемъ высказать отъ имени моихъ соотечественниковъ искреннѣйшее желаніе, чтобы оба разноплеменные народа Сѣвера тѣснѣе между собой сблизились, чтобы между ними установился болѣе живой обмѣнъ мыслей и знаній, произведеній искуствъ и промышленности. При этомъ позвольте мнѣ выразить еще разъ самыя сердечныя и горячія пожеланія древнему, но еще полному жизни и силы упсальскому высшему училищу. Да продолжаетъ онъ успѣшно свою славную дѣятельность, непрерывно совершенствуя всѣ отрасли наукъ и свое общественное благоустройство!»[1].

10.

Между другими произнесенными тутъ рѣчами особенно любопытны и знаменательны были тѣ, которыя исходили отъ представителей странъ, родственныхъ съ Швеціей по населенію или общимъ историческимъ воспоминаніямъ. Надо помнить, что между Датчанами, Норвежцами и Шведами нѣкогда господствовала упорная вражда, и попытки политическаго объединенія этихъ трехъ народовъ никогда не удавались. Присоединеніе Норвегіи къ Швеціи послѣ наполеоновскихъ войнъ долго не улучшало отно-

[1] Въ подлинникѣ эта рѣчь въ первый разъ была напечатана въ Nya Dagligt Allehanda 3—15 сентября.

шеній между націями по обѣ стороны Кёлена (Скан. горъ). Но свойственное нашему вѣку стремленіе къ признанію выше всего правъ національности не могло не отозваться и на скандинавскихъ племенахъ. Взаимныя посѣщенія, въ громадныхъ размѣрахъ, студенческихъ корпорацій Стокгольма, Копенгагена и Христіаніи, къ которымъ, два года тому назадъ, позволено было присоединиться и гельсингфорсскимъ студентамъ, были только выраженіемъ общаго настроенія образованныхъ сословій, стремящихся къ возможно тѣсному объединенію этихъ странъ въ отношеніи къ языку, къ литературѣ и вообще къ духовнымъ интересамъ. Это стремленіе сильно выказалось и на упсальскихъ празднествахъ. Въ послѣобѣденныхъ рѣчахъ второго дня ректоръ университета Христіаніи, профессоръ правъ Обёръ, съ большимъ жаромъ и краснорѣчіемъ говорилъ, какъ необходимо младшему изъ скандинавскихъ университетовъ братски примкнуть къ старѣйшему, во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности. Таковъ же былъ смыслъ сказанной тогда же рѣчи ректора Копенгагенскаго университета, проф. физіологіи Панума. Между прочимъ, онъ припомнилъ любопытное обстоятельство: что датскій и шведскій университеты чуть не *близнецы*, т. е. возникли почти одновременно — между первою и второю скандинавской уніей, среди ужасовъ племенной борьбы. «Я не историкъ, а физіологъ», сказалъ онъ, «и потому знаю, какъ иногда трудно и даже невозможно въ точности опредѣлить возрастъ новорожденнаго ребенка, и всякому извѣстно, что часто еще труднѣе узнать, сколько лѣтъ немолодой женщинѣ. Поэтому неудивительно было бы, еслибъ оказалось не совсѣмъ легкимъ безошибочно опредѣлить возрастъ нашихъ университетовъ. Я читалъ, что король Эрикъ Померанскій, въ 1449 году, получилъ папскую буллу съ позволеніемъ основать въ Копенгагенѣ университетъ, однакожъ безъ богословскаго факультета; но этимъ позволеніемъ онъ не воспользовался, а Христіанъ I, будучи въ Римѣ, въ 1474 г., выпросилъ у папы Сикста другую буллу, съ разрѣшеніемъ учредить въ Копенгагенѣ полный университетъ. Это разрѣшеніе и было приведено въ дѣйствіе, только не прежде

1479 года. Между тѣмъ въ Швеціи правитель государства Стуре, по старанію архіепископа Якова Ульфсона, въ 1477 году получилъ отъ папы Сикста позволеніе основать университетъ въ Упсалѣ. Тамъ за это дѣло принялись съ такою энергіей, что Упсальскій университетъ могъ быть освященъ въ томъ же году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ даннаго на то разрѣшенія».

Въ Финляндіи Гельсингфорсскій (прежній Абоскій университетъ), основанный въ 1640 году, справедливо считаетъ себя сыномъ Упсальскаго, отъ котораго онъ заимствовалъ не только свои первоначальныя постановленія, льготы и обычаи, но получилъ и первыхъ своихъ наставниковъ, отчасти и питомцевъ. Хотя коренное и преобладающее населеніе Финляндіи совсѣмъ другого племени, чѣмъ Скандинавы, однакожъ этотъ край съ благодарностью сознаетъ, что онъ всею своей культурой обязанъ Швеціи, и не можетъ забыть, что столько вѣковъ дѣлилъ ея политическія судьбы. «Поэтому естественно, говоритъ одна финляндская газета, что всякое событіе, возбуждающее радость и ликованіе по одну сторону Ботническаго залива, бываетъ встрѣчаемо тѣми же чувствами и на другомъ берегу». Взаимное сочувствіе между Шведами и Финляндцами можно уподобить тому, какое у насъ существуетъ между Русскими и другими Славянами. Извѣстно, однакожъ, что рядомъ съ такимъ настроеніемъ въ Финляндіи, особенно между университетскою молодежью, есть весьма сильная партія такъ называемыхъ фенномановъ, которая не хочетъ знать шведской цивилизаціи и стремится создать, на самостоятельной почвѣ, свою отдѣльную національную культуру, стараясь ввести въ общее употребленіе финскій языкъ и образовать финскую литературу. Борьба обоихъ направленій въ послѣднее время до такой степени усилилась, что она вноситъ серьезный разладъ повсюду и даже иногда между членами одного и того же семейства. На упсальскій юбилей были посланы представители обѣихъ сторонъ, но только шведская партія на немъ высказалась. Главнымъ органомъ ея былъ ректоръ Гельсингфорсскаго университета, профессоръ исторіи и извѣстный писатель-поэтъ Топеліусъ, ко-

торый пользуется въ Швеціи такою популярностью, что получилъ особое приглашеніе отъ упсальскаго философскаго факультета и былъ въ числѣ промовированныхъ на юбилеѣ почетныхъ докторовъ. Вотъ цѣликомъ рѣчь, произнесенная имъ въ день промоціи:

«Голосъ мой не довольно силенъ для такого обширнаго пространства, но родина моя не должна оставаться безъ органа на этой трибунѣ, которая сдѣлалась международною и тѣмъ свидѣтельствуетъ о европейскомъ значеніи шведской науки и центральномъ положеніи Упсальскаго университета для скандинавской культуры. Прошу позволенія выразить Швеціи и Упсалѣ горячія пожеланія отъ Финляндіи и ея университета.

«Мы пришли отъ нашихъ могилъ въ Борго [1] и отъ пушечнаго гула съ Балкановъ, чтобы порадоваться процвѣтанію Швеціи и славнымъ воспоминаніямъ Упсальскаго университета. Мы пришли отъ народа, который трудится надъ началомъ своего развитія, къ народу, который уже имѣетъ древнюю исторію, древнюю культуру, и который съ честью сохранилъ эти сокровища для грядущихъ поколѣній. Прекрасная будущность, представлявшаяся вашимъ и нашимъ отцамъ, какъ марево или далекій сонъ,— время, когда воинъ опуститъ въ ножны свой кровавый мечъ, когда уврачуются раны и духъ человѣческій свободно будетъ стремиться къ высокимъ идеальнымъ цѣлямъ, — это счастливое время уже 60 лѣтъ переживается Швеціею подъ покровомъ просвѣщенныхъ королей, при содѣйствіи твердаго и доблестнаго народа. Мы благодаримъ Швецію и Упсальскій университетъ за отрадный и поучительный примѣръ богатаго и всесторонняго развитія, который эта страна подаетъ окрестнымъ народамъ, особливо намъ, имѣвшимъ нѣсколько вѣковъ честь итти рука объ руку со Швеціей. Мы, университететскіе граждане, принадлежимъ къ тому царству духа, которое не знаетъ географическихъ предѣловъ, не раздѣляется морями, и потому-то я прошу позволенія высказать благожеланіе за великій совокупный трудъ нашего и всѣхъ на-

[1] Гдѣ недавно похоронены поэтъ Рунебергъ и епископъ Шауманъ.

родовъ для успѣховъ европейской культуры, для усовершенствованія человѣчества. Пусть мирныя побѣды одного народа всегда служатъ къ чести, радости и пользѣ всѣхъ, и съ этимъ желаніемъ я, отъ имени моихъ соотечественниковъ, горячо и почтительно привѣтствую древнюю Швецію, древнюю Упсалу».

Слабый голосъ оратора терялся въ воздухѣ, но тѣмъ не менѣе его рѣчь, какъ уже и самое появленіе его на кафедрѣ, вызвала громкія рукоплесканія. По смерти Рунеберга, имя г. Топеліуса чуть ли не самое уважаемое изъ современныхъ шведскихъ писателей. Понятно, что литературная слава этихъ двухъ Финляндцевъ должна была много способствовать къ усиленію старинной связи Швеціи съ ихъ отечествомъ. Финляндскій народный гимнъ Рунеберга «Vårt land» (Нашъ край) усвоенъ и Шведами, и во время юбилея былъ пѣтъ нѣсколько разъ студентами. Ходилъ слухъ, что пока Рунебергъ былъ еще живъ, то предполагалось выразить ему особенное вниманіе тѣмъ, чтобы выбить къ юбилею только двѣ золотыя медали и изъ нихъ одну поднести королю, а другую знаменитому поэту.

Послѣ иноземныхъ ораторовъ, шведскій статсъ-секретарь Мальмстенъ съ большимъ одушевленіемъ высказалъ желаніе, чтобы Упсальскій университетъ всегда оставался на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ (т. е. никогда не былъ переводимъ въ Стокгольмъ, о чемъ уже были предположенія), а въ заключеніе всѣхъ рѣчей, архіепископъ Сундбергъ, вступивъ на кафедру, выразилъ отъ имени короля и всѣхъ пріѣзжихъ благодарность городу Упсалѣ за оказанное имъ блистательное гостепріитство. Наконецъ, съ той же кафедры, профессоромъ Фрисомъ прочитаны были полученныя изъ разныхъ мѣстъ поздравительныя телеграмым, именно: отъ московскаго общества естествоиспытателей, отъ собранія разныхъ членовъ норвежскаго университета, отъ гофгерихта финляндскаго города Вазы, отъ общества учителей въ Умео и Карлстадѣ, отъ пирующихъ въ Парижѣ 50 уроженцевъ Скандинавіи, отъ трехъ финляндскихъ полковыхъ врачей съ подошвы Арарата, наконецъ, отъ какого-то ученаго общества въ Познани.

Внезапно съ высоты крыши Линнеева зала (того зданія въ ботаническомъ саду, къ которому примыкалъ выстроенный для юбилея павильйонъ) электрическое солнце освѣтило всю массу толпившихся впереди студентовъ и публики. Всѣ прочіе, въ томъ числѣ и король, оставались на крыльцѣ въ ожиданіи фейерверка, но фейерверкъ долго не начинался. Вдругъ кучка студентовъ подошла къ королю, стоявшему задумчиво съ сигарою во рту, и подхвативъ его при кликахъ *ура*[1], понесла на рукахъ и обошла съ нимъ нѣсколько разъ густые ряды своихъ товарищей. Наконецъ, вдали, на темномъ фонѣ облачнаго неба, съ трескомъ взвился и разсыпался огненнымъ дождемъ огромный ракетный букетъ. Фейерверкъ, впрочемъ, не былъ особенно блистателенъ и ограничился всего тремя нумерами; главный состоялъ изъ храма съ числами годовъ 1477—1877, а другой изъ креста съ вензелемъ Оскара II.

По программѣ, этотъ второй день юбилея долженъ былъ заключиться факельною процессіей въ честь короля. Мѣсто для пріема ея было назначено передъ фасадомъ упсальскаго замка. По этому поводу живущій въ этомъ замкѣ губернаторъ, графъ А. Гамильтонъ, пригласилъ къ себѣ на вечеръ его величество съ кронпринцемъ и много другихъ почетныхъ гостей обоего пола, между прочимъ нѣсколько статсъ-секретарей, нѣсколько упсальскихъ профессоровъ и иностранныхъ депутатовъ. Шествіе по горѣ въ темную ночь длинной, растянувшейся на большое пространство процессіи, по три человѣка въ рядъ, со знаменами, съ безконечною цѣпью огней, представляло что-то таинственное[2]. Когда студенты выстроились передъ окнами замка и пропѣли народный гимнъ, старшина ихъ, доцентъ Афцеліусъ, громкимъ голосомъ произнесъ, отъ имени всей корпораціи, привѣтственную рѣчь вышедшему къ нимъ королю. Отвѣтъ короля былъ слѣдующій:

---

[1] Эти клики у Шведовъ тѣмъ отличаются отъ нашихъ, что быстро и отрывисто слѣдуютъ одинъ за другимъ.

[2] По газетнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ факеловъ было триста.

«Упсальскіе студенты! Я скажу вамъ немного словъ, но они выльются у меня изъ глубины души. Въ Писаніи сказано: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли». Мы всѣ это знаемъ, но надо помнить, что эта заповѣдь не должна быть принимаема только въ собственномъ смыслѣ, а имѣетъ весьма обширное значеніе. Она велитъ намъ чтить все, что есть отеческаго и материнскаго въ понятіяхъ: родина, государство, церковь, училище—и во многихъ другихъ общественныхъ отношеніяхъ. Мы здѣсь въ эти дни исполняли долгъ почтенія къ своимъ предкамъ, но чтобы настоящимъ образомъ выполнить эту обязанность, мы должны поддержать и подвинуть ихъ дѣло. Упсальскій университетъ вступаетъ въ пятый вѣкъ своего существованія. Это столѣтіе не должно быть недостойно предшествовавшихъ. Кому же въ будущемъ предстоитъ продолжать и довершать дѣло предковъ? Это лежитъ на васъ. Кто со славою будетъ дописывать въ грядущемъ отечественныя руны? Это предстоитъ вамъ. Какъ же вы будете ихъ дописывать? Бойтесь Бога — и ничего иного вамъ не нужно будетъ бояться. Ищите правды, любите ее, служите ей: она дастъ вамъ силу побѣды, она же увѣнчаетъ васъ и лаврами побѣды. Да, будьте всегда рыцарскою стражею свѣта вокругъ знаменъ отечества, сплотитесь щитами вокругъ моего сына!»

Послѣ этой рѣчи король Оскаръ II возвратился къ собранному въ покояхъ губернатора истинно-блестящему обществу. Ужинъ накрытъ былъ въ двухъ комнатахъ: въ одной для большинства гостей, въ другой—для короля съ его свитою и немногими избранными. Любезный хозяинъ былъ такъ внимателенъ, что пригласилъ меня во вторую. Передъ ужиномъ (à la fourchette) его величество милостиво посадилъ меня возлѣ себя на диванѣ и удостоилъ продолжительной бесѣды на французскомъ языкѣ. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что въ факельной процессіи вмѣстѣ со студентами участвовалъ и кронпринцъ; затѣмъ Оскаръ II, произнеся нѣсколько словъ по-русски, вспоминалъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ о своемъ путешествіи по Россіи, о восторженномъ

пріемѣ, вездѣ ему у насъ оказанномъ, и о томъ, какъ высоко онъ цѣнитъ свое избраніе въ почетные члены Московскаго университета. Онъ заключилъ желаніемъ имѣть въ своей библіотекѣ русскій переводъ Фритіофссаги и сообщилъ только что полученную, еще нераспечатанную телеграмму о впечатлѣніи, произведенномъ на лондонскую печать взятіемъ Ловчи. Съ своей стороны я имѣлъ случай разсказать, что много лѣтъ тому назадъ видѣлъ его величество, бывшаго еще принцемъ, вмѣстѣ съ его братьями въ университетской аудиторіи на одной изъ лекцій. Это была лекція изъ новой исторіи, которую читалъ еще молодой въ то время профессоръ Карлсонъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ наставникомъ принцевъ, нынѣ статсъ-секретарь духовныхъ дѣлъ.

Факельною процессіей студентовъ закончился второй день упсальскаго юбилея. Она немного запоздала и послѣдовала не ранѣе 11-ти часовъ вечера, такъ что многіе стокгольмскіе жители принуждены были, не дождавшись ея, уѣхать изъ Упсалы. Послѣ рѣчи короля, студенты тронулись въ обратный путь и въ Одиновой рощѣ, около зданія Carolina Rediviva, потушивъ свои факелы при помощи начинавшагося дождя[1], разошлись по домамъ.

11.

Третій день празднествъ былъ весь посвященъ музыкѣ и танцамъ: въ теченіе дня было два концерта, а вечеромъ балъ. Оба концерта были даны пѣвческимъ обществомъ студентовъ въ зданіи Carolina Rediviva. Первоначально назначенъ былъ только одинъ концертъ; но такъ какъ розданныхъ для посѣщенія его 2000 билетовъ оказалось далеко недостаточно, то въ послѣднюю минуту рѣшено было устроить въ тотъ же день, въ 5 часовъ, еще другой концертъ по той же программѣ. Я буду говорить здѣсь только о первомъ, какъ главномъ и притомъ един-

[1] Въ письмѣ одного корреспондента говорится о двухъ приготовленныхъ для этого кадкахъ съ водою.

ственномъ, на которомъ мнѣ, какъ и бо́льшей части пріѣзжихъ, удалось быть. Онъ начался въ половинѣ 12-го, тотчасъ по прибытіи короля и кронпринца, которые и заняли мѣста противъ самой эстрады, окруженные государственными сановниками, вчерашними докторами и университетскими гостьми. Дамъ было еще болѣе нежели мужчинъ. Тутъ были играны и пѣты наиболѣе популярные у Шведовъ пѣсни и романсы, а также и другія пьесы болѣе обширнаго объема, пользующіяся въ музыкальномъ мірѣ общею извѣстностью. Иностранцы были поражены прелестью и величіемъ національныхъ произведеній скандинавскихъ композиторовъ. Вообще концертъ бытъ необыкновенно удаченъ и безпрестанно вызывалъ самыя оживленныя рукоплесканія; нѣкоторые нумера были повторяемы. Старые знатоки и почитатели студенческихъ хоровъ утверждали, что никогда еще ни одинъ концертъ этого рода не достигалъ такого совершенства. Между тѣмъ, вся лѣстница и большое пространство на горѣ передъ зданіемъ были заняты студентами. По окончаніи концерта они составили хоръ и отправились по городу со своими знаменами. Передъ обелискомъ Густава Адольфа въ Одиновой рощѣ шествіе остановилось; предводитель хора со знаменемъ взошелъ на ступени его, и тутъ пропѣта была пѣсня въ память славнаго короля.

Обѣдали въ этотъ день, такъ-сказать, вразсыпную. Шведскіе и вообще скандинавскіе представители, почетныя духовныя лица и др., всего человѣкъ 70, были приглашены къ архіепископу на обѣдъ, данный имъ королю и кронпринцу. Иностранные же депутаты оставались или дома у своихъ хозяевъ, которые воспользовались случаемъ оказать имъ гостепріимство у себя, или были угощаемы нѣсколькими хозяевами вмѣстѣ въ городскомъ ресторанѣ «Флюстретъ», какъ видно между прочимъ изъ разсказа Д. И. Менделѣева, напечатаннаго въ «Голосѣ» (№ 204). Добрый и радушный губернаторъ графъ А. Гамильтонъ далъ жившимъ у него тремъ иностраннымъ депутатамъ (русскому, бельгійскому и эдинбургскому) обѣдъ въ своемъ семейномъ кругу и въ концѣ стола къ каждому изъ нихъ обратился съ особою рѣчью на ан-

глійскомъ языкѣ, стараясь выставить поочередно ученыя и литературныя заслуги всѣхъ троихъ. Само собою разумѣется, что эти привѣтствія не остались безъ отвѣтовъ, въ которыхъ встрѣтившіеся съ запада и востока гости высказали свою сердечную признательность за ласки и вниманіе, оказанныя имъ въ этомъ домѣ какъ роднымъ или старымъ знакомымъ. Графиня Гамильтонъ—дочь упомянутаго выше геніальнаго историка Швеціи, поэта и композитора Гейэра; прелестная 18-тилѣтняя Эбба наслѣдовала талантъ своего дѣда къ музыкѣ и по вечерамъ пѣла шведскіе романсы; два брата ея, студенты, во время юбилея были оба маршалами; старшій любитъ поэзію и написалъ привѣтствіе къ студентамъ Лундскаго университета, въ которомъ дядя его графъ Гамильтонъ, гостившій также у брата, занимаетъ профессорскую кафедру.

Вечеромъ былъ балъ въ павильйонѣ ботаническаго сада. Говорятъ, что здѣсь присутствовало не менѣе 4,000 человѣкъ [1]. Король и кронпринцъ приняли участіе въ польскомъ: первый прошелъ туръ съ супругою архіепископа, второй—съ дочерью ректора; но его величество часовъ въ 11 уже удалился, между тѣмъ какъ кронпринцъ еще долго оставался въ числѣ танцующихъ. Въ залѣ было конечно тѣсновато, однакоже двигаться было можно. Нельзя сказать, чтобы между дамами блистало особенно много красавицъ. Одною изъ наиболѣе привлекавшихъ къ себѣ взоры была жена названнаго выше профессора и поэта Нюблома, который, по окончаніи юбилея, вмѣстѣ съ нею успѣлъ уже отправиться въ Италію. Опять всюду мелькали желтоголубые шарфы маршаловъ, которые и здѣсь умѣли поддержать свою репутацію отличныхъ распорядителей. Многіе жалѣли однакожъ, что на балѣ газовое освѣщеніе было немножко слабо, и вдоль стѣнъ не

[1] Въ четвергъ, день этого бала, по желѣзной дорогѣ изъ Стокгольма въ Упсалу проѣхало не менѣе 2,637 человѣкъ. Число всѣхъ пассажировъ, воспользовавшихся желѣзной дорогой для переѣзда изъ столицы въ Упсалу въ теченіе трехъ юбилейныхъ дней, простиралось до 6050. Сверхъ обыкновенныхъ поѣздовъ было въ эти дни десять экстренныхъ, не считая того, который во вторникъ вечеромъ доставилъ университетскихъ депутатовъ и другихъ гостей.

было устроено эстрадъ, на которыхъ дамы, не принимавшія участія въ танцахъ, лучше могли бы «другихъ видать, себя казать». Рядомъ съ павильйономъ, служившимъ для танцевъ (столовою въ дни обѣдовъ), вдоль фригидаріума, что возлѣ Линнеева зала, тянулись столы съ разными напитками, съ бутербротами и сластями; тутъ всякій могъ получать пуншъ, пиво, чай и проч. Гости разошлись въ 3-мъ часу ночи, что, по шведскимъ обычаямъ, было уже очень поздно. Поутру оказалось на полу множество растерянныхъ дамами бантовъ, лентъ, шиніоновъ, колецъ, брошекъ, серегъ и т. п., изъ которыхъ образовались цѣлыя груды обрывковъ туалета и драгоцѣнныхъ вещицъ.

Кончая разсказъ о балѣ, нельзя не упомянуть, что только на немъ въ первый разъ явилось нѣсколько лицъ, которыя не поспѣли къ предшествовавшимъ празднествамъ. Это были: во-первыхъ, второй представитель нашей Академіи наукъ, генералъ-маіоръ А. В. Гадолинъ, который, какъ уже было замѣчено мною, не могъ вовремя выѣхать изъ Петербурга, а во-вторыхъ, четыре дерптскіе студента, назначенные депутатами отъ корпораціи своихъ товарищей, но также задержанные неожиданными препятствіями: они поздно получили приглашеніе и притомъ пароходу, на которомъ они прибыли, пришлось выдержать бурю[1]. Тѣмъ съ большимъ радушіемъ приняты были какъ эти наконецъ отыскавшіеся юноши, такъ и запоздавшій депутатъ Академіи наукъ, на пріѣздъ котораго уже мало разсчитывали.

Въ Упсалѣ король Оскаръ II занималъ домъ, гдѣ живетъ его сынъ во время своего пребыванія при университетѣ. Баломъ кончились собственно упсальскія празднества, и на слѣдующее затѣмъ утро, въ 10 часовъ, его величество, вмѣстѣ съ кронпринцемъ, отправился въ Дротнинггольмъ, загородный дворецъ на озерѣ Меларѣ. По приглашенію моего обязательнаго хозяина, губернатора, я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на станцію желѣзной дороги, прово-

[1] Два дерптскіе студента, которые до сихъ поръ участвовали въ упсальскихъ собраніяхъ, были не офиціальные депутаты, а частные гости.

дить его величество. Здѣсь собрались съ тою же цѣлію высшіе чины университета, городскія власти и нѣсколько государственныхъ людей. Король подходилъ ко многимъ изъ присутствовавшихъ и между прочимъ изъявилъ университету свое удовольствіе за прекрасное поведеніе студентовъ во время юбилея. Меня онъ тоже удостоилъ нѣсколькихъ словъ и любезно напомнилъ о предстоявшемъ въ Дротнинггольмѣ вечерѣ. Здѣсь же графъ А. Гамильтонъ представилъ меня кронпринцу. Въ Дротнинггольмъ приглашены были на вечеръ, въ этотъ день, всѣ какъ иностранные, такъ и шведскіе депутаты, университетскіе чины и маршалы, новые и юбилейные доктора, упсальскіе почетные и студенческіе гости, высшіе государственные сановники, дипломатическій корпусъ и многія другія лица, всего человѣкъ 700. Въ 2 часа пополудни всѣ гости и многіе изъ хозяевъ юбилея оставили Упсалу; огромные два поѣзда, изъ которыхъ одинъ—экстренный, почти разомъ перевезли въ Стокгольмъ цѣлую массу бывшаго на празднествахъ временнаго населенія. Быстро столичные отели наполнились постояльцами, которые заняли въ нихъ большею частью удержанныя за собою, при отъѣздѣ въ Упсалу, комнаты, что́ было необходимо въ виду опасности вдругъ очутиться безъ крова. Въ 7 часовъ пять пароходовъ отчалили отъ риддаргольмской пристани со всѣми приглашенными, для доставленія которыхъ они были назначены по повелѣнію короля: изъ нихъ одинъ (Sköldmön — «Щитоносица») принадлежалъ его величеству, а остальные наняты на его счетъ. Почти во все время плаванія не прекращался дождь. Общество укрывалось въ каютахъ, и, благодаря обилію воспоминаній о недавно прожитыхъ вмѣстѣ дняхъ, было о чемъ вести живую бесѣду даже мало знакомымъ между собою случайнымъ сосѣдямъ.

Дротнинггольмъ (въ переводѣ: «Королевинъ островъ»), лучшій изъ загородныхъ дворцовъ около Стокгольма, верстахъ въ 10 оттуда, обязанъ своимъ названіемъ супругѣ Іонна III, сына Густава Вазы, Катеринѣ Ягеллоновнѣ; но нынѣшній каменный дворецъ заложенъ позднѣе Гедвигой Элеонорой, вдовою Карла

X, по плану Никодима Тессина старшаго; вполнѣ оконченъ онъ только при Густавѣ III. Особенно замѣчательна въ немъ зала, украшенная при Оскарѣ I портретами его современниковъ; въ одномъ изъ угловъ ея всѣхъ поражаютъ стоящія рядомъ изображенія императора Николая и папы Пія IX. Въ этой-то залѣ былъ, и въ описываемый вечеръ, главный пріемъ. Здѣсь король (въ адмиральскомъ мундирѣ) и кронпринцъ, обходя ряды гостей, привѣтливо бесѣдовали, то съ однимъ, то съ другимъ. Между тѣмъ, разносимъ былъ чай, а вскорѣ за нимъ послѣдовало мороженое. Изъ числа принадлежащихъ къ университету лицъ можно было замѣтить нѣсколько новопожалованныхъ кавалеровъ; между ними обращалъ на себя вниманіе одинъ молодой человѣкъ въ военномъ мундирѣ. Это былъ городской упсальскій врачъ, капитанъ и докторъ философіи и медицины, Шульцъ, который, какъ бывшій студентъ, исполнялъ на юбилеѣ обязанности главнаго маршала, нося, какъ и другіе распорядители, бѣлую фуражку, а на груди извѣстную двухцвѣтную перевязь: онъ безпрестанно былъ у всѣхъ на глазахъ и много способствовалъ къ поддержанію образцоваго порядка на празднествахъ. Король пожаловалъ ему орденъ Вазы.

Весь дворецъ сіялъ яркими огнями: кругомъ его и садъ былъ освѣщенъ шкаликами, насмоленными бочками и цвѣтными фонарями; изъ оконъ открывался чудный видъ на озеро Меларъ, зеркальная поверхность котораго отражала тысячи огней. Въ 9 часовъ гости приглашены были въ столовую вслѣдъ за перешедшими туда королемъ и кронпринцемъ. Тамъ приготовленъ былъ ужинъ à la fourchette[1]. Къ концу его, король Оскаръ II, поднявъ бокалъ, обратился ко всѣмъ иностраннымъ депутатамъ съ слѣдующею, сказанною на французскомъ языкѣ, рѣчью[2]):

---

[1] Вотъ «menu» этого ужина, напечатанный въ готенбургской газетѣ:

«Lait. — Consommé. — Sandwiches. — Salade à l'italienne.—Saumon froid, sauce mayonnaise. — Jambon de Bayonne, à la gelée. — Gelatine de gibier, haricots verts. — Pain de foie en aspic. — Grenadins de veau aux champignons.— Râble de cerf piqué, sauce, gelée. — Poulets rôtis, salade. — Petits pois à la française. — Bavaroise à la Doria. — Nougat à la parisienne. — Dessert».

[2] Въ подлинникѣ эта рѣчь была напечатана сперва въ шведскихъ газе-

«Милостивые государи! Принявъ съ такою любезностью посланное вамъ Упсальскимъ университетомъ приглашеніе присутствовать на его юбилеѣ, вы конечно имѣли въ виду принести дань уваженія древнему училищу скандинавскаго Сѣвера и сочувствія Швеціи. Это чрезвычайно льститъ нашему патріотизму, и я чувствую потребность выразить вамъ мою благодарность.

«Но едва ли я ошибаюсь, предполагая, что еще другое важное побужденіе помогло вамъ преодолѣть всѣ трудности столь далекаго путешествія. Я разумѣю то чувство солидарности между различными національностями, которое порождается истиннымъ просвѣщеніемъ и здравою наукою,—то братское чувство, которое вполнѣ совмѣстно съ патріотизмомъ въ настоящемъ его значеніи, но выводитъ его изъ предѣловъ отдѣльныхъ странъ и объемлетъ весь міръ.

«Мы гордимся, милостивые государи, тѣмъ, что сливаемся съ вами въ этомъ общечеловѣческомъ чувствѣ.

«Когда вы возвратитесь домой, засвидѣтельствуйте своимъ согражданамъ о нашемъ желаніи не только жить всегда въ доб-

---

тахъ, а потомъ въ Journal de St.-Pétersbourg 14 сентября, № 242. Вотъ ея французскій текстъ:

«Messieurs! En vous rendant avec une si grande courtoisie à l'invitation que vous envoya l'Université d'Upsala d'assister à son jubilé, vous avez sans doute tenu à rendre un témoignage d'estime à l'antique Haute école du Nord scandinave et de sympathie à la Suède. Notre patriotisme s'en trouve extrêmement flatté, et je tiens à vous en remercier.

«Je ne crois cependant pas me tromper en devinant encore un autre motif important, qui a su vaincre toutes les difficultés s'opposant contre ce long voyage. Je veux parler du sentiment de solidarité entre les diverses nationalités qu'engendre la véritable civilisation et la science réelle, de ce sentiment fraternel qui est parfaitement compatible avec tout patriotisme bien compris, mais qui l'étend au delà des frontières de chaque pays, et embrasse tout l'univers.

«Nous sommes fiers, Messieurs, de nous unir avec vous dans ce sentiment humanitaire.

«Quand vous serez de retour dans vos foyers, témoignez bien à vos concitoyens de notre désir non seulement de vivre toujours en bonne harmonie avec tous les peuples civilisés, mais encore de coopérer, selon nos moyens, aux travaux et aux progrès de la civilisation et de la science.

«Je porte un toast de remerciement et de bons souhaits pour les envoyés des Universités et des sociétés scientifiques au jubilé d'Upsala!»

ромъ согласіи со всѣми образованными народами, но и содѣйствовать, по мѣрѣ нашихъ средствъ, трудамъ и успѣхамъ цивилизаціи и науки!

«Провозглашаю тостъ признательности и благожеланій представителямъ университетовъ и ученыхъ обществъ на упсальскомъ юбилеѣ!»

Эта простая и возвышенная по основной мысли рѣчь просвѣщеннаго короля была достойно оцѣнена собраніемъ. Отвѣчать на нее пришлось мнѣ. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Послѣ чаю канцлеръ Упсальскаго университета, графъ Г. Гамильтонъ, заявилъ академику О. В. Струве и мнѣ, что за ужиномъ король обратится къ иностраннымъ депутатамъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, и было бы желательно, чтобы одинъ изъ насъ двоихъ принялъ на себя трудъ отвѣчать его величеству за всѣхъ на томъ же языкѣ. Переговоривъ объ этомъ между собой, а потомъ съ графомъ, мы нашли, что такъ какъ Оттонъ Васильевичъ находится здѣсь хотя и почетнымъ гостемъ, но не въ качествѣ депутата, то приличнѣе мнѣ взять на себя это дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ графа Гамильтона принять во вниманіе краткость остающагося времени. Успѣвъ однакожъ, среди разговоровъ, нѣсколько приготовиться и ставъ за столомъ на указанное мнѣ противъ его величества мѣсто, я отвѣчалъ на рѣчь его въ выраженіяхъ, которыя по-русски могутъ быть переданы такъ[1]:

---

[1] Эта рѣчь по-французски была напечатана сперва въ Nya Dagligt Allehanda, а потомъ въ означенномъ нумерѣ Journal de St. Pétersbourg. Прилагаю ее и въ подлинникѣ:

«Sire,

«En prenant la parole pour répondre, au nom de tous les députés étrangers, au toast gracieux que Votre Majesté vient de leur adresser, je sens bien toute la difficulté de cette tâche, mais ce qui m'encourage à l'entreprendre malgré cela, c'est la profondeur et la vivacité des sentiments dont nous sommes tous également animés. Quelque différentes que soient les nationalités auxquelles nous appartenons, quelles que soient les distances qui séparent les pays d'où nous venons, nous emportons tous les mêmes impressions et les mêmes souvenirs.

«Nous avons été vivement émus à la vue des belles cérémonies qui accompagnent en Suède les fêtes de la science, et il nous a été facile de nous persuader

«Государь! Принимая на себя обязанность отвѣчать, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, на милостивый тостъ, обращенный къ нимъ вашимъ величествомъ, я вполнѣ сознаю трудность этой обязанности, но меня одобряетъ увѣренность, что всѣ мы равно одушевлены однимъ глубокимъ и живымъ чувствомъ. Какъ ни различны національности, къ которымъ мы принадлежимъ, какія разстоянія ни отдѣляютъ страны, откуда мы прибыли, — всѣ мы уносимъ отсюда одни и тѣ же впечатлѣнія, одни и тѣ же воспоминанія.

«Мы были сильно поражены зрѣлищемъ прекрасныхъ обрядовъ, сопровождающихъ въ Швеціи празднества науки, и намъ легко было убѣдиться, что эти обряды имѣютъ не одно внѣшнее только, но и весьма опредѣленное внутреннее значеніе, существенно дополняя особенности умственной жизни скандинавскихъ университетовъ.

«Мы удостовѣрились, что университетъ Упсальскій, вступая при столь благопріятныхъ предзнаменованіяхъ въ пятый вѣкъ своего существованія, имѣетъ право ожидать еще болѣе счастли-

---

que ces cérémonies, loin d'être des formes purement extérieures, renferment un sens très marqué et complètent essentiellement ce qu'il y a d'original dans la vie intellectuelle des universités scandinaves.

«Nous avons eu lieu de nous convaincre que celle d'Upsal, qui commence son cinquième siècle sous des auspices aussi heureux, a droit de compter sur un avenir bien plus prospère encore que n'a été son passé, et que le rôle éminent qu'elle joue déjà dans le monde scientifique doit devenir de plus en plus significatif.

Nous comprenons en même temps, Sire, que l'effet produit par les solennités dont nous avons été témoins, a été, en grande mesure, dû à la part active que Votre Majesté a daigné y prendre non seulement de fait, mais encore par Sa parole, vigoureuse, éloquente, énonçant des principes et des leçons qui font la base de la prospérité des états, ainsi que des seuls progrès vraiment solides de la jeunesse dans la science. Mais nous avons encore un sujet particulier de reconnaissance envers Votre Majesté: c'est la bienveillance personnelle, l'affabilité gracieuse, l'hospitalité enfin dont Elle a bien voulu nous honorer.

«Les jours que nous avons passés en Suède ont été pour nous de véritables fêtes, et le souvenir en sera pour la vie profondément gravé dans nos coeurs. Je demande donc à Votre Majesté la permission de Lui offrir ici, au nom de tous les députés étrangers, nos remerciements les plus vifs et les plus sincères, et de porter un toast qui sera sans doute chaleureusement accueilli par tous ceux qui sont ici présents. Messieurs, à la santé de sa Majesté! Vive le Roi!»

вой будущности, и что важное мѣсто, уже занимаемое имъ въ ученомъ мірѣ, будетъ становиться болѣе и болѣе почетнымъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ понятно, Государь, что успѣхъ происходившихъ на нашихъ глазахъ празднествъ много зависѣлъ отъ того дѣятельнаго участія, которое ваше величество благоволили въ нихъ принимать не только дѣломъ, но и энергическимъ, краснорѣчивымъ словомъ вашимъ, высказывая мысли и наставленія, составляющія основу благоденствія государствъ и единственныхъ истинно-прочныхъ успѣховъ молодежи въ наукѣ. Но мы имѣемъ еще особый поводъ быть признательными вашему величеству—за личное благоволеніе, за милостивый привѣтъ, наконецъ за гостепріимство, какими вамъ угодно было почтить насъ.

«Дни, проведенные нами въ Швеціи, были для насъ настоящими праздниками, и воспоминаніе о нихъ будетъ на всю жизнь запечатлѣно въ сердцахъ нашихъ. Итакъ я прошу у вашего величества позволенія принести вамъ, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, нашу живѣйшую и искреннѣйшую благодарность и провозгласить тостъ, на который, безъ сомнѣнія, горячо отзовутся всѣ здѣсь присутствующіе. Мм. гг., за здоровье его величества! Да здравствуетъ король!»

Въ словахъ этой рѣчи не было ничего преувеличеннаго: она была сочувственно принята не только Шведами, но и всѣми иностранцами, что̀ многіе изъ нихъ тутъ же заявили говорившему. Одно только не было высказано въ произнесенныхъ словахъ: это постоянно шевелившаяся въ глубинѣ души у всѣхъ русскихъ депутатовъ смутная, горькая мысль о страданіяхъ единовѣрныхъ братьевъ — тамъ, на далекомъ, залитомъ потоками крови Югѣ. И не одни Русскіе были подъ вліяніемъ этой тяжелой мысли: часто доводилось слышать и отъ туземцевъ, и отъ западныхъ пришельцевъ выраженіе того же грустнаго чувства; ни разу не пришлось замѣтить ни въ комъ малѣйшаго признака сочувствія нашимъ врагамъ или недоброжелателямъ. Но тѣмъ не менѣе въ эту минуту примѣшивать къ выраженію общей признательности намекъ на нашу народную скорбь было бы не совсѣмъ умѣстно.

Вскорѣ послѣ ужина гости, возвратясь на ожидавшіе ихъ у пристани близъ дворца пароходы, отплыли при звукахъ музыки и при свѣтѣ бенгальскихъ огней. Густыя тучи, прежде покрывавшія небо, успѣли между тѣмъ разсѣяться, и звѣзды привѣтливо сіяли на темномъ его сводѣ. Около полуночи всѣ пять пароходовъ высадили своихъ пассажировъ на Риддаргольмѣ, гдѣ, не смотря на поздній часъ, ихъ встрѣтила огромная толпа людей; берегъ былъ иллюминованъ; съ крыши одного дома разлился по площади свѣтъ электрическаго солнца; впереди раздалось пѣніе собравшихся здѣсь членовъ пѣвческаго общества. При такихъ-то любезныхъ проводахъ гости разбрелись — и на этотъ разъ уже окончательно — въ разныя стороны. Послѣдній актъ юбилея завершился.

12.

Если гости Упсальскаго университата вынесли изъ пребыванія при немъ одни пріятныя впечатлѣнія, то и онъ могъ быть вполнѣ доволенъ успѣхомъ празднествъ, устройство которыхъ должно было потребовать долговременныхъ и большихъ усилій. Вниманіе всего европейскаго ученаго міра, пріѣздъ избранныхъ представителей множества университетовъ и другихъ научныхъ учрежденій, — представителей, между которыми было немало общеизвѣстныхъ и славныхъ именъ, — уваженіе, высказанное ими въ произнесенныхъ привѣтствіяхъ и рѣчахъ, все это не могло не быть лестнымъ для Швеціи и ея древняго университета. Готенбургская газета, разсуждая о значеніи бывшаго юбилея, говоритъ между прочимъ: «Въ то время, когда ужасы войны омрачаютъ одну изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей нашей части свѣта, когда другія страны потрясены внутренними раздорами, которые легко могутъ привести къ кровопролитію, — наше счастливое отечество великолѣпно отпраздновало память важной эпохи своего мирнаго развитія. Упсальскаго юбилея нельзя считать празднествомъ одного только университета: онъ обратился въ праздникъ всей нашей страны, — можно даже сказать: всей Европы. На-

шему отдаленному краю привелось сдѣлаться сборнымъ мѣстомъ представителей высшаго образованія всѣхъ европейскихъ народовъ. Швеція стала извѣстнѣе и пріобрѣла болѣе уваженія, а при этомъ возникли и личныя дружескія связи на многіе и многіе годы. Иностранцы увидѣли вблизи, собственными глазами, народъ, которому дороги наука, искуство, общее образованіе, и вмѣстѣ народъ, который, при полномъ обладаніи политическою и гражданскою свободой, любитъ и чтитъ законъ и порядокъ. И посреди этого народа стоитъ король, который могучимъ словомъ выражаетъ завѣтныя думы его». Упомянувъ потомъ о скрѣпленіи, на этомъ съѣздѣ, узъ Швеціи съ единоплеменными націями, газета продолжаетъ: «Нѣтъ на землѣ ни одного народа, съ которымъ населеніе Скандинавскаго полуострова не могло бы и не должно было бы жить добрыми друзьями, и мы должны признать за счастье, что имѣли случай высказать и услышать это въ такихъ словахъ, что никакія недоразумѣнія невозможны. Шведскій народъ долженъ быть благодаренъ Упсальскому университету — и преподавателямъ, и студентамъ — за то, что онъ такъ достойно выразилъ народныя чувства и мысли. Шведскій народъ можетъ свободно и радостно почтить своего короля за то, что онъ такъ возвышенно и прекрасно умѣлъ быть, въ полномъ смыслѣ слова, представителемъ народа. Гости съ Востока и Запада, внутри и внѣ нашихъ предѣловъ, возвращаются теперь въ свои родныя жилища. Они, конечно, будутъ разсказывать и долго помнить про упсальскіе праздники. И эти воспоминанія въ однихъ освѣжатъ и укрѣпятъ любовь къ родинѣ, въ другихъ возбудятъ или усилятъ уваженіе и сочувствіе къ народу, который на дальнемъ Сѣверѣ совершаетъ дѣло просвѣщенія мужественно, свободно и съ покорностью закону».

Безъ сомнѣнія, пріѣзжіе были рады многимъ встрѣчамъ и новымъ знакомствамъ. Нельзя было однакожъ не чувствовать, что такими встрѣчами и знакомствами можно было бы гораздо болѣе воспользоваться, еслибъ офиціальныя торжества были не такъ длинны и не слѣдовали такъ близко одно за другимъ. При той про-

граммѣ, которой держались, трудно было найти минуту, чтобы отыскать именно того, съ кѣмъ хотѣлось познакомиться или вновь повидаться. Поэтому встрѣчи были большею частью только на мигъ; отыскать другъ друга въ толпѣ было чрезвычайно трудно, а навѣстить кого-нибудь, чтобы побесѣдовать на свободѣ, — еще труднѣе. Со стороны университета было бы чрезвычайно любезно, еслибъ онъ между днями, назначенными для офиціальныхъ празднествъ, оставилъ хоть одинъ совершенно свободный для отдыха или обмѣна мыслей между собравшимися въ такомъ множествѣ людьми науки. Вѣроятно, были причины, почему это не было признано удобнымъ. По всему видно, что предварительныя распоряженія дѣлались съ большою обдуманностью; учреждены были два комитета: одинъ—юбилейный (jubelkomité), другой—квартирный (inqvarteringskomité). Заботою послѣдняго было только — заблаговременное распредѣленіе всѣхъ ожидавшихся гостей по квартирамъ; этотъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Фриса, состоялъ, кромѣ его, изъ шести лицъ разныхъ сословій. Г. Фрисъ, сынъ извѣстнаго ботаника и изслѣдователя грибовъ, былъ въ 1872 г. въ Москвѣ, на политехнической выставкѣ, очень полюбилъ Россію и недавно получилъ званіе почетнаго члена Московскаго университета. Юбилейный комитетъ имѣлъ предсѣдателемъ проректора, профессора Геденіуса. Въ немъ засѣдали еще три профессора, два доцента и университетскій казначей. Въ устройствѣ юбилея дѣятельно участвовали также городскія власти Упсалы и многіе изъ ея жителей. Оберъ-маршалу Шульцу подчинены были другіе маршалы, частію уже служащія лица изъ бывшихъ студентовъ, частью еще принадлежащія къ студенческой корпораціи. Всѣхъ ихъ было около 40. Они заслужили общія похвалы не только своею неутомимою заботливостью о порядкѣ и распорядительностью, но и постоянною внимательностью ко всякой просьбѣ, готовностью давать во всякое время всевозможныя справки, наконецъ, величайшею вѣжливостью въ обращеніи съ публикою. Трудно представить себѣ, до какой степени эти молодые люди должны были напрягать силы для исполненія своихъ

обязанностей, не зная усталости, а иногда отказываясь даже и отъ сна. Особенную благодарность выразили имъ издатели газетъ, корреспондентамъ которыхъ, какъ я уже сказалъ, отведены были въ соборѣ весьма просторныя и удобныя мѣста вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнъ, недалеко отъ алтаря. На ихъ вопросы и недоразумѣнія маршаламъ часто приходилось давать разъясненія и справки.

Для удобства гостей и лучшаго соблюденія порядка изданы были разнаго рода брошюры, реестры, слова пѣсенъ и т. п., притомъ, кромѣ шведскаго языка, еще и на французскомъ, напримѣръ: Programme du jubilé (родъ церемоніала), Invitation des promoteurs aux promotions de docteurs, также алфавитный списокъ присутствовавшихъ гостей. Въ соборѣ розданы были листки со словами кантатъ и другихъ музыкальныхъ пьесъ, которыя тутъ пѣлись: на концертѣ въ Carolina Rediviva у всѣхъ были въ рукахъ книжечки съ текстомъ на четырехъ языкахъ: шведскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Такимъ образомъ приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы удовольствіе слушателей и порядокъ были полные.

Въ день дротнинггольмскаго вечера, поутру, хотѣли доставить гостямъ возможность воспользоваться близостью рудниковъ Даннеморы, до которыхъ по желѣзной дорогѣ около двухъ часовъ ѣзды, и для того туда устроенъ былъ экстренный поѣздъ. Но такъ какъ надо было очень торопиться, чтобы все совмѣстить въ одинъ день, и притомъ погода была ненадежная, то охотниковъ на эту поѣздку нашлось немного. Въ Даннеморѣ пріѣзжіе приняты были чрезвычайно радушно директоромъ и однимъ изъ ближайшихъ помѣщиковъ, которые приготовили для нихъ экипажи для переѣзда до самой шахты. Кромѣ того, гости встрѣчены были двумя стами выстрѣловъ изъ глубины земли. Но одинъ только студентъ Грейфсвальдскаго университета рѣшился туда спуститься въ приготовленной для того бочкѣ. Послѣ обильнаго завтрака въ мѣстной гостиницѣ, хозяинъ которой говорилъ на всѣхъ языкахъ, путешественники пустились обратно и въ 3-мъ часу вернулись въ Упсалу, чтобы тотчасъ же продолжать путь до Стокгольма.

Не одна Упсала ликовала по поводу юбилея: онъ праздновался и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Швеціи, напримѣръ, въ Сундсваллѣ, въ Нортелье, особенно же въ Лундѣ. Въ Парижѣ по этому случаю пировало цѣлое общество выходцевъ изъ Скандинавіи, устроившее роскошный обѣдъ съ концертомъ, литературнымъ и танцовальнымъ вечеромъ.

По поводу упсальскаго юбилея явилось множество новыхъ сочиненій, изъ которыхъ напечатанныя по распоряженію университета были розданы всѣмъ депутатамъ. Вотъ главныя изъ нихъ: «Основныя этическія понятія Канта, Шлейэрмахера и Бострема», соч. проф. Салина. — «Архіепископъ Яковъ Ульфсонъ, основатель Упсальскаго университета», соч. архіеп. Сундберга. — «О давности по шведскому имущественному праву», соч. Нордлинга. Эти три сочиненія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, составили одинъ большой томъ, изданный подъ заглавіемъ: «Upsala Universitets Årsskrift». Далѣе: «О слѣпотѣ къ цвѣтамъ въ примѣненіи къ желѣзнодорожному движенію и къ мореплаванію», соч. Гольмгрена.— «О народныхъ болѣзняхъ въ Швеціи», соч. Бергмана.—«Исторія Упсальскаго университета», отъ 1477 до 1654 г., 2 большіе тома, соч. Аннерстедта. — «Новыя Записки упсальскаго ученаго общества», съ изслѣдованіями по части математики и естественныхъ наукъ, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, и т. д. Теперь, по порученію университета, одинъ изъ преподавателей его, доцентъ Бюгдéнъ, собираетъ матеріалы для составленія подробнаго описаніи юбилея, въ которое войдутъ и всѣ произнесенныя на бывшихъ празднествахъ рѣчи.

Здѣсь сверхъ того надобно упомянуть о сочиненіи, изданномъ также къ этому юбилею въ Гельсингфорсѣ профессоромъ медицины Оттономъ Ельтомъ (Hjelt) подъ заглавіемъ: «Карлъ Линней, какъ врачъ, и его значеніе для врачебной науки въ Швеціи» [1].

[1] Для тѣхъ, кто желалъ бы пріобрѣсти ту или другую книгу, изданную въ Швеціи или въ Финляндіи, нелишнимъ считаю замѣтить, что въ Петербургѣ недавно открытъ шведскій и финскій книжный магазинъ г. Валленіуса (Малая Конюшенная, 10).

Бывшіе въ Упсалѣ представители Гельсингфорсскаго университета, по возвращеніи въ Финляндію, отправили на имя ректора Салѝна слѣдующее, подписанное всѣми ими письмо:

«Возвратясь съ достопамятнаго, радостнаго и превосходно устроеннаго празднества, на которое мы имѣли честь быть приглашенными, просимъ позволенія принести нашу признательность за отмѣнное дружелюбіе, оказанное намъ въ Упсалѣ, какъ университетскою администраціей и избранными хозяевами празднества, такъ и многими частными лицами не только въ университетскихъ кругахъ, но и внѣ ихъ. Мы считаемъ себя счастливыми, что вмѣстѣ съ представителями многихъ другихъ университетовъ были свидѣтелями того единодушнаго и справедливаго уваженія, какое король и народъ Швеціи оказали своему древнѣйшему источнику образованія, и что мы могли при этомъ выразить и отъ нашего края и университета сознаніе значенія Упсалы въ культурной исторіи какъ нашей, такъ и всего скандинавскаго Сѣвера. Примите, г. ректоръ, изъявленіе нашей живѣйшей благодарности; вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляемъ васъ съ достойнымъ отпразднованіемъ юбилея и просимъ передать наши признательныя привѣтствія и остальнымъ членамъ Университета. Пребываемъ съ искреннимъ почтеніемъ» и проч.

«Топеліусъ, Эрстремъ, Форсманъ, Монтгомери».

«Гельсингфорсъ, 22 сентября (н. ст.) 1877».

Къ этому заявленію конечно присоединились бы съ удовольствіемъ и представители всѣхъ другихъ учрежденій Европы, присутствовавшіе на упсальскихъ празднествахъ.

Оглядываясь на все, что́ мы видѣли въ Упсалѣ, на эти блестящія церемоніи и процессіи, вообще довольно чуждыя духу нашего вѣка, на которыя однакожъ стеклись представители всей Европы (за исключеніемъ Пиренейскаго и Балканскаго полуострововъ), невольно задаешь себѣ вопросъ: отчего въ такое

время, когда всѣ старыя учрежденія рушатся, и едва ли что остается отъ средневѣковыхъ обычаевъ, — возникшія въ столь отдаленную эпоху университеты продолжаютъ держаться безъ коренныхъ измѣненій, сохраняя многіе изъ своихъ первоначальныхъ порядковъ? Не показываетъ ли такое исключеніе изъ общаго хода вещей, что духъ среднихъ вѣковъ, создавая университеты, угадалъ не временную только, но вѣчную потребность человѣчества и положилъ въ основаніе ихъ такую вѣрную идею, такія живучія начала, что они противостоятъ и дѣйствію времени и нападеніямъ всякихъ враждебныхъ элементовъ? Празднества Упсальскаго университета, совершившіяся на глазахъ и, можно сказать, при сочувственномъ участіи всей Европы, еще разъ доказали, какъ тверды эти учрежденія и какое значеніе они сохраняютъ въ смыслѣ органовъ общечеловѣческаго стремленія къ высшему и всестороннему образованію путемъ науки.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 3.

ПОДЛИННИКИ ПИСЕМЪ ГОГОЛЯ КЪ МАКСИМОВИЧУ И НАПЕЧАТАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ НИХЪ.

С. Пономарева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1877 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ПОДЛИННИКИ ПИСЕМЪ ГОГОЛЯ КЪ МАКСИМОВИЧУ

и

НЕНАПЕЧАТАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ НИХЪ.

(Приложенія къ нимъ: объ изданіи писемъ Гоголя; два указателя ихъ; письма и стихи къ нему; о его переводѣ итальянской комедіи).

(С. И. Пономарева.)

Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу хранились доселѣ въ усадьбѣ Максимовича, на Михайловой горѣ, въ полтавской губерніи (на ряду съ цѣлыми тысячами писемъ къ нему многихъ нашихъ литераторовъ и ученыхъ). Нынѣ, съ согласія вдовы Максимовича, они поступили въ собственность Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института. Совѣтъ Института призналъ приличнымъ и справедливымъ пріобрѣсть эти письма и хранить ихъ въ стѣнахъ заведенія, бывшаго Высшаго Училища, гдѣ нѣкогда воспитывался Гоголь (1821—1828). Подлинники не только интересны для заведенія, какъ автографы славнаго воспитанника, но и важны, какъ матеріалъ для опредѣленія перваго періода литературной дѣятельности Гоголя, такъ какъ въ нихъ есть нѣсколько отрывковъ, еще не бывшихъ въ печати.

Все собраніе заключаетъ въ себѣ 24 письма, за десять лѣтъ (1832 — 1842), на 41 листѣ, и двѣ небольшія записки, относящіяся къ 1850 году. Письма всѣ писаны на листахъ въ осьмушку, большею частію шаткимъ, неустановившимся почеркомъ. Только два первыя письма написаны съ замѣтнымъ стараніемъ,

какъ бы мягкою, женскою рукою; слѣдующія три письма написаны даже на золотообрѣзной бумагѣ. Но потомъ Гоголь видимо писалъ ихъ первымъ попавшимся перомъ, почеркомъ спѣшнымъ, въ которомъ вовсе нѣтъ тонкаго штриха, какъ будто перо въ самомъ дѣлѣ было «очинено ножницами». Это, конечно, объясняется тѣмъ, что Гоголь скоро вошелъ въ самыя дружескія сношенія съ «*милымъ земляком*ъ» своимъ; а межъ друзьями Гоголь вообще не давалъ никакого значенія разнымъ формальностямъ, не гонялся за условными приличіями и держалъ себя свободно. «Я терпѣть не могу хорошихъ писемъ,—признавался онъ,—чѣмъ хуже письмо, чѣмъ болѣе чернильныхъ пятенъ и ошибокъ, тѣмъ для меня лучше»*). И это вовсе не было шуткой. Вотъ почему и къ Максимовичу онъ писалъ письма на случайно подвернувшемся листкѣ, иногда на половинкѣ его, часто печатью внизъ, блѣдными чернилами, видимо разведенными водою, иногда разными въ одномъ и томъ же письмѣ. Весьма рѣдко онъ ставилъ годъ на письмахъ (всего *шесть* разъ на 24-хъ письмахъ), а иногда не обозначалъ и мѣста, откуда пишетъ. Одно письмо (отъ 7-го апрѣля 1834) онъ пишетъ на полуосьмушкѣ, на которой сбоку виднѣются строки Пушкина, вѣроятно, конецъ его записки къ Гоголю: «*Вы правы — я постараюсь. До свиданія. А. П.*» Твердый, красивый почеркъ Пушкина сразу угадывается всякимъ, кто видѣлъ хоть одну его строку. Затѣмъ, въ письмахъ гоголевскихъ попадается множество недописокъ, особенно когда слово подходило къ концу строки (онѣ указаны г. Кулишомъ, но не всѣ); встрѣчается слово начатое и брошенное, незатертое; встрѣчаются пропуски буквъ и слоговъ въ срединѣ слова, даже на адресахъ. Видимое дѣло, что онъ не перечитывалъ своихъ писемъ, и если въ нихъ являются частыя помарки и поправки, то онѣ дѣлались, такъ сказать, на бѣгу письма; отъ вниманія его ускользало иногда самое согласованіе слова (такъ напр. говоритъ онъ о гимназіи и Кіевѣ и пишетъ: «если нельзя въ Кіевѣ, то въ *какомъ* нибудь *другой*). Орѳо-

*) Сочин. и письма Гоголя, Спб. 1857. т. V, стр. 342.

графическія погрѣшности Гоголя—почти совершенное отсутствіе знаковъ препинанія, неправильное употребленіе буквъ и предлоговъ, нежданное появленіе прописныхъ буквъ — давно уже извѣстны; онъ самъ ихъ сознавалъ и прибѣгалъ къ помощи друзей-грамотеевъ даже въ своихъ сочиненіяхъ. Все это, взятое вмѣстѣ, всѣ эти поэтическія разсѣянности показываютъ, что Гоголь не занимался, по крайней мѣрѣ въ этотъ періодъ жизни, внѣшней стороной письма; читайте его письма цѣликомъ, и вы поймете, что фантазія увлекала его къ живымъ, наглядньшъ образамъ, о которыхъ говоритъ онъ въ своихъ письмахъ, — малороссійской природѣ, веснѣ, Кіеву, прошедшей жизни, картиннымъ пѣснямъ, роднымъ пѣснямъ, о которыхъ онъ такъ часто думаетъ и такъ вдохновенно, съ горячей любовію толкуетъ, даже среди самыхъ тяжелыхъ неудачъ житейскихъ...

Подлинники сохранились хорошо, благодаря аккуратности Максимовича именно въ храненіи писемъ. Онъ сдѣлалъ къ нимъ нѣсколько примѣчаній (весьма немного), которыми воспользовался г. Кулишъ въ своемъ изданіи.

Всѣ письма Гоголя къ Максимовичу были уже напечатаны г. Кулишомъ *). Сличивъ внимательно его изданіе съ подлинниками, находимъ, что г. Кулишъ напечаталъ письма Гоголя вообще весьма заботливо, но далеко не буквально: онъ кое-гдѣ произвольно установилъ пунктуацію,—и этимъ измѣнилъ смыслъ гоголевской рѣчи; неправильно прочелъ нѣкоторыя слова; въ нѣсколькихъ мѣстахъ дозволилъ себѣ перемѣны; часто разсыпалъ многоточія, которыя весьма рѣдко встрѣчаются у Гоголя; поотбрасывалъ кое-гдѣ начала и концы писемъ (послѣднее обстоятельство могло бы еще имѣть мѣсто въ біографіи Гоголя, но не въ сочиненіяхъ его); а главное—конечно, по независящимъ причинамъ—допустилъ въ нихъ не рѣдкіе пропуски. Изъ 24-хъ пи-

*) Въ «Опытѣ біографіи Гоголя»—Современникъ 1854, № 3, и отдѣльно; въ «Запискахъ о жизни Гоголя», Спб. 1856, т. I, стр. 117—152, 288; въ «Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя», изданіе г. Кулиша, Спб. 1857, т. V, 164 и далѣе, 456.

семъ они встрѣчаются въ двадцати; число пропущенныхъ строкъ доходитъ до *ста восьмидесяти восьми* *), въ подлинныхъ письмахъ.

Всему, что̀ сейчасъ сказано объ изданіи г. Кулиша, мы представимъ очевидныя и не малыя доказательства. Просимъ читателя взять изданныя г. Кулишомъ «Сочиненія и письма Гоголя», (Спб. 1857), именно томъ пятый, по которому мы будемъ слѣдить за письмами Гоголя къ Максимовичу и дѣлать къ нимъ поправки и дополненія. Ненапечатанные отрывки изъ писемъ Гоголя мы приводимъ съ полнѣйшей точностію, слово за словомъ, буква за буквой. Въ рукописи своей мы приводимъ рѣшительно *все*, опущенное въ печатномъ изданіи; но, конечно, редакція или цензура найдутъ кое-что неудобнымъ къ печати.

I письмо, страница въ изданіи Кулиша 164, строка 8-я.

«О Русь, старая рыжая борода, когда ты поумнѣешь?»

При этомъ письмѣ Гоголь послалъ Максимовичу виршу запорожскую; она сохранилась въ бумагахъ Максимовича и мы въ другой разъ передадимъ ее читателямъ, когда тщательно сличимъ ее по нѣсколькимъ редакціямъ. Теперь скажемъ только, что эта вирша—на праздникъ Воскресенія Христова, и ее говорили запорожцы въ этотъ праздникъ *батьку своему Грицьку*, великолѣпному Потемкину. О ней позднѣе вспоминалъ Максимовичъ въ статьѣ своей «Дни и мѣсяцы украинскаго селянина» **). Она сохранилась и до нашего времени въ Малороссіи, наравнѣ съ другими подобными ей, на праздники Рождества и Воскресенія Хри-

*) Письма Гоголя къ М. П. Погодину напечатаны г. Кулишомъ также съ сокращеніями, но ужъ непонятно почему сдѣланными, такъ какъ письма были прежде напечатаны полнѣе въ Москвитянинѣ (1855, № 19 и 20). Можно думать, что, по сравненіи съ подлинниками, пропуски окажутся еще значительнѣе. Нельзя не пожалѣть также, что въ своемъ изданіи писемъ Гоголя г. Кулишъ не сдѣлалъ никакого указателя къ нимъ, не приложилъ даже алфавитнаго списка корреспондентовъ Гоголя.

**) Русск. Бесѣда 1856, кн. I. Смѣсь, стр. 69—70.

стова. У пишущаго эти строки, еще отъ дѣтства, сохранилось ихъ цѣлыхъ пять. Неудивительно поэтому, что, назадъ тому слишкомъ сорокъ лѣтъ, она была въ числѣ бумагъ Гоголя *). Она начинается такъ:

Христосъ воскресъ!
Радъ міръ увесь:
Дождались Божои ласки!
Теперь усякъ
Наѣсться въ смакъ
Свяченои паски...

И такихъ куплетовъ во всей вирше шестьдесятъ два: видно, крѣпко она нравилась Гоголю, коли у него достало терпѣнія переписать ее всю собственноручно и послать ее Максимовичу, при первомъ же письмѣ къ нему, конечно, изъ желанія доставить ему удовольствіе.

Въ концѣ письма Гоголь пишетъ:

«Адресъ мой: 2-й адмиралтейской части, въ Новомъ переулкѣ, въ домѣ Демута-Малиновскаго, близъ Мойки».

Уцѣлѣлъ ли этотъ домъ и кому онъ теперь принадлежитъ?

II письмо, стр. 182—183, строка 4.

«Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину».

Строка 6-я «Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ!» **).

III письмо, стр. 188, строка 15.

«Единственной, бѣдной».

Стр. 189, строка 10 — «пох..ныя».

» » » 12 — «увы, прошедшую жизнь и увы, прошедшихъ людей».

Стр. 189, строка 18 — «милый, дышущій прежнимъ временемъ землякъ».

---

*) Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 55, прим. 2-ое.

**) Нѣкоторыя, менѣе важныя, неточности въ изданіи г. Кулиша мы указываемъ въ концѣ. Нельзя не пожелать новаго изданія писемъ Гоголя: прежнее обезображено опечатками, весьма обильными и нерѣдко грубыми.

IV, стр. 192.

Строка 4 снизу: «Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда?»

» 1 » «но проклятый климатъ».

Стр. 193, строка 8 св. «Говорятъ, уже очень много назначено туда какихъ-то нѣмцевъ: это тоже не очень пріятно. Хотя бы для св. Владиміра побольше славянъ!»

На 4-й страницѣ этого письма (не имѣющаго на себѣ ни года, ни числа, ни мѣсяца, но которое Максимовичъ справедливо относитъ къ 1833 году) переписана Гоголемъ народная пѣсня, ненапечатанная г. Кулишомъ. Гоголь считалъ «*ее очень характерною и хорошею и одной изъ самыхъ интересныхъ*» *). Такова ли она — да судятъ читатели.

«Наварила сечевиці.
Поставила на полиці;
Сечевиця сходить, сходить,
Самъ до мене козакъ ходить.
Наварила гороху,
Да послала Явдоху.
Що се зъ біса — нема зъ ліса!
Що се, братця, якъ барятця!
Наварила каши зъ лоемъ,
Налопалась зъ упокоемъ.
Що се зъ біса — и т. д.
Ой, я съ того поговору **)
Пішла с..ты за комору.
Що се зъ біса...
Сіла дівка — та й заснула ***),
Свинья бігла та й зопхнула,
Що се зъ біса...
Біжить свинья кованая:
«Чого спдишъ, поганая?
«Чого сидишъ, надулàся?

*) Сочиненія и письма его, изд. 1857, т. V, стр. 189 и 193.

**) Такъ въ подлинникѣ, но, кажется, здѣсь должно быть—перебору, т. е. лишка въ ѣдѣ.

***) «*Черта совершенно малороссійская*»—примѣчаніе Гоголя тамъ же.

«Пану въ кожухъ не влазити»
— Будь въ тебе стильки духъ.
Якъ у мене есть кожухъ!
        Що ж въ біса.

Ведуть свинью передъ паны *
Кричить свинья: «я не тякла,
Вона сама въ г...но влазла».
Кричить свинья, ревеуе.
Никто ея не ратуе.
        Що ж въ біса — земля въ біса.
        Що ж, братця, якъ баратця!

V письмо. стр. 193. О*** — Одоевскій, кн. Вл. Ѳ.

» » » 194 (передъ концомъ письма). «Какъ проводишь время и что дѣлаешь въ Москвѣ? И что другіе дѣлаютъ? Вѣрно, есть что нибудь новое. Когда же» и проч.

VI стр. 195. О**** — Одоевскаго.

» » 5. «Но вотъ что скверно: министръ не соглашается на твое желаніе: какъ, дескать, тебя сдѣлать профессоромъ словесности въ Кіевѣ, когда ты недавно сдѣланъ ординарнымъ ботаникомъ. Такой переломъ чрезвычайно кажется страненъ, и онъ и слышать не хочетъ. А между тѣмъ Брадке очень нуждается въ профессорѣ словесности. Я думаю вотъ что: не мѣшаетъ тебѣ написать обстоятельно къ Брадке, что ты — дескать — недомогаешь страшно въ московскомъ климатѣ, что тебѣ потребно...... и проч. Бери каѳедру ботаники или зоологіи. А такъ какъ профессора словесности нѣтъ, то ты можешь занять по времени его каѳедру. А тамъ, по праву давности, ее отжилить, а отъ ботаники отказаться. А?»

Ibid. стр. 18. «Какъ не прислать ни къ одному книгопродавцу! Кой же чортъ будетъ у него покупать! А еще и жалуются, что у нихъ никто не раскупаетъ».

---

*) Здѣсь видимо недостаетъ одного стиха, подъ пару первому, которому нѣтъ созвучія.

VII, стр. 199.

Строка 4 сверху: «въ эту старую, толстую бабу-Москву, отъ которой, кромѣ щей да матерщины, ничего не услышишь.

Строка 14 св.: «Предлогъ къ перемѣщенію ты имѣешь самый уважительный—вредъ климата. Исчисляй свои труды по словесной части; доказывай, что ты можешь занять съ честію означенную каѳедру; грози отставкою. Должны будутъ согласиться.

VIII, стр. 202, строка 4 св.: «Да и Мекка (NB) любитъ поклоненіе. Теперь поется, что ты-де-нуженъ московскому университету, что въ Кіевѣ мѣсто почти занято уже и проч. Но если...

IX, стр. 203 — 204. Нѣтъ никакого пропуска, хотя г. Кулишъ и поставилъ въ 6-й строкѣ на 204 стран. два тире, обыкновенно означающія у него мѣста пропущенныя. Эти лишнія тире встрѣчаются и въ «Запискахъ о жизни Гоголя» I, 134.

X, стр. 205.

Князя В**** — князя Вяземскаго.

XI, стр. 206.

1-я строка св. «Письмо твое отъ 16 я получилъ сегодня. Ну, я радъ...

Б** — Брадке.

Г** — Греча.

Б**** — Булгарина. (И вслѣдъ за тѣмъ рѣчь идетъ о Брадке): «Онъ, сколько я замѣтилъ, основывается на видимомъ авторитетѣ и на занимаемомъ мѣстѣ. Ты, будучи ординарнымъ профессоромъ московскаго университета, во мнѣніи его много значишь. Я же бѣдный—почти нуль для него: грѣшныхъ сочиненій моихъ онъ не читывалъ, имени не слыхивалъ,—стало быть, ему нечего и безпокоиться обо мнѣ. Тѣмъ болѣе мнѣ это нужно» (т. е. доброе слово о немъ Максимовича передъ Брадке), что министръ, кажется, расположенъ сдѣлать для меня все, что можно, еслибы только попечитель ему хотя слово прибавилъ отъ себя».

Стран. 207, стр. 3 снизу напечатано:

Вотъ все, что осталось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ!—какъ выразился Дельвигъ»

Въ подлинникѣ, вмѣсто *осталось*, стоитъ—*отстоялось*. Очевидно, это стихи:

Вотъ все, что отстоялось,
Отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ.

Слово «отстоялось» употреблено, конечно, въ смыслѣ «уцѣлѣло, отбилось отъ напора событій и времени». Но такого двустишія мы не встрѣчаемъ въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Дельвига. Гдѣ же эти стихи?.. Не ошибся ли Гоголь? Не другого ли поэта это выраженіе? Выразиться такъ *лично* о малороссійскихъ пѣсняхъ Дельвигъ въ то время не могъ: онъ умеръ раньше.

Стран. 208, стр. 6 св.: «Здѣшніе скоты книгопродавцы такъ пугаются всего, что выходитъ на польскомъ языкѣ, что даже польскаго букваря нигдѣ не отыщешь, и съ важнымъ видомъ говорятъ только: запрещенъ!»

Ibid. О**** Одоевскому.

XII. Стран. 211, стр. 10 св.:

«Сергѣй Семеновичъ даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, но однакожъ ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня, не знаю для чего, здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру русской исторіи, что сіе-де-прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что Всеобщая Исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ. А теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло какъ нарочно. Право, странно они воображаютъ, что различіе предметовъ это такая маловажность, и что, кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку; какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію. Если же они меня поводятъ далѣе и не отправятъ теперь, то признаюсь» и проч...

П — динъ — Погодинъ.

XIII. Ibid.

С** — Смирдинъ.

Стр. 212: 80 глазъ — читай: цѣлыхъ 80 главъ. Въ концѣ письма: «Прощай! Цѣлую тебя нѣсколько разъ. Твой Гоголь».

XIV, стран. 212, 1 стр. сн. ..даки мы....

» » 213, стр. 2 св. «За меня просили Дашковъ, Блудовъ; Сергѣй Семеновичъ самъ, кажется, благоволитъ ко мнѣ и очень доволенъ моими статьями. Кажется, какой сильный авторитетъ! Если бы какія особенныя препятствія мнѣ преграждали путь, но ихъ нѣтъ.

Ibid. стр. 4 св. «Между тѣмъ какъ всѣхъ учителей Кременецкаго Лицея произвели прямо въ ординарные...

Ibid. та же строка: «Слышу увѣренія, ласки и больше ничего! Чортъ возьми! они воображаютъ, что у меня не достанетъ духу плюнуть на все. Я не могу также понять и Брадке. Давши слово Жуковскому ожидать меня даже цѣлый годъ и не отдавать никому каѳедры Всеобщей Исторіи, и черезъ мѣсяцъ отдать ее Цыху! это досадно, право, досадно!

XV, ibid. передъ началомъ письма: «Я получилъ твое письмо отъ 5 іюля вчера, т. е. 9 числа».

XV, 4 стр. св. «Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, нежели Русскую исторію».

XV, стран. 214, стр. 2 св. «Сергѣй Семеновичъ сказалъ мнѣ, что это ничего не значитъ, что можно помѣняться каѳедрами. Только то скверно, что я теперь мало всему этому вѣрю, послѣ всѣхъ проводовъ».

Та же строка: «Безъ Брадке — С. С. ни до порога».

XVI, стр. 215. Предъ началомъ письма: «Я получилъ сегодня письмо твое отъ 23 іюня».

Ibid. стр. 8 сн.: «Такой тупой будетъ народъ, особливо сна-

чала, что, право, совѣстно будетъ для нихъ слишкомъ много трудиться».

Ibid. строка 1 сн.: «ихъ морду».

» 216, стр. 15 св.: «Изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ мною и другими достовѣрными людьми, оказывается, что нашъ Брадке знаетъ славно экзекуторскую должность при университетѣ. Высшая же оркестровка не такъ имъ сподручна, и потому ты можешь, принявши сіе свѣдѣніе, какъ слѣдуетъ распорядиться своими поступками: сирѣчь, приходить въ назначенное время на лекцію, ни раньше, ни позже, и вести аккуратность и порядокъ, чтобы смирно сидѣли по мѣстамъ и прочее».

Ibid. 21 стр. сверху: «и ....

» 25 » » «монахи.

XVII. стр. 217, строка 11 снизу: «Умѣй только распредѣлить хорошо время — занимайся каждый день, но не болѣе какъ два—и много—три часа; остальное время...»

Ibid. 9 стр. сн., вмѣсто напечатаннаго должно быть:

«Только занимайся всегда по утру. Ввечеру и въ полдень — Боже тебя сохрани!

Стр. 218, строка 3 св.: «у котораго онъ подъ ногами и употребляется на обтирку ногъ его. Прощай. Цѣлую тебя на новоселье и ожидаю твоего письма».

XVIII. стр. 220.

Строка 4 св. Н**** — Наслѣднику.

Стр. 221, строка 2 св. Б** — Брадке.

» » » 11 св. графѣ Л*** — Левашевѣ.

XIX, стр. 223, Предъ началомъ письма: «Я получилъ письмо твое отъ 4-го августа вчера (13)».

Строка 2 св.: «который долженъ остаться въ чухонскомъ городѣ».

Ibid. стр. 6 св.: «Что мнѣ было дѣлать съ вашимъ Брадке! Обѣщать и не исполнить обѣщаннаго — развѣ этакъ можно дѣлать? Жуковскій писалъ къ нему, что министръ наконецъ согла-

сенъ мнѣ дать экстраординарнаго профессора и что отъ него теперь зависитъ. Въ отвѣтъ было получено письмо, что онъ — Брадке — согласенъ мнѣ дать адъюнкта (какъ будто объ адъюнктѣ его просили) и что это мѣсто для меня очень выгодное (какъ будто я нищій и мнѣ оно дается изъ милости). Я заключилъ, что я не нуженъ, что я не имѣю счастія нравиться попечителю; стало быть, съ моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тѣмъ болѣе дѣйствовать мимо его.

Ibid. князь К. — князь Корсаковъ.

Ibid. 2 строка сн. «Я не знаю, отчего это произошло, что попечитель согласенъ теперь, по крайней мѣрѣ—по твоимъ словамъ, дать мнѣ экстраординарнаго. Отчего же онъ прежде не хотѣлъ и отказалъ напрямикъ Жуковскому! Видно, Левашевъ просилъ его за меня, которому Дашковъ писалъ два раза. Но только все мнѣ непонятно. Письмо Жуковскій получилъ довольно поздно.

Ibid. стран. 224, стр. 2 св. вмѣсто «призна(юсь)» читай: «притомъ».

Ibid. стр. 224, 7 строка сн.: у Б*** — у Булгакова.

» » » 4 » » «да притомъ знаетъ, что тамошніе профессора — большіе бестіи, отъ которыхъ уже товарищи его, вмѣстѣ съ нимъ воспитывавшіеся и бывшіе тамъ профессорами, пострадали».

XX, стр. 224, строка 7 св.: «А у монаховъ неужели ни ...? это жаль!»

Стр. 8 св.: «не надъ казенною работою, т. е. не надъ лекціями».

Ibid. С*** и Г* — Сенковскій и Гречь.

Ibid., предъ концомъ письма: «Офицерья и солдатства страшное множество — и прусскихъ, и голландскихъ и австрійскихъ. Говядина и водка вздорожали страшно».

XXI, стр. 230—231. Никакихъ пропусковъ. Даже многоточіе, предъ концомъ письма, ничего собой не прикрываетъ.

XXII, стр. 237, вм. «пріѣхать въ Кіевъ» читай: «припхаться въ Кіевъ».

Ibid. стр. 13 св. «да притомъ отъ нихъ такъ пахнетъ семинаріей, что ужь слишкомъ».

Ibid. стр. 4 сн.: «ни даже любовницы, что казалось бы потребнѣе всего весною».

XXIII, стр. 242, строка 1 св., вмѣсто напечатаннаго читай: «ѣду опять въ Петербургъ къ 13 или къ 14. Впрочемъ»...

XXIV письмо, стран. 456, стр. 5 снизу, вмѣсто напечатаннаго читай: «что̀ хочешь дѣлать потомъ, когда сбросишь съ плечъ все то, что̀ тяжело лежало на нихъ. Пріѣзжай»...

Ibid. въ концѣ письма: «Прощай душа! Обнимаю тебя. Пиши на имя Погодина. Твой Гоголь».

Изъ записокъ Гоголя одна напечатана въ книжкѣ Максимовича «Письма о Кіевѣ» (Спб. 1871) стр. 71; другую приводимъ здѣсь:

«Жаль. Тѣмъ болѣе, что морозъ сегодня невеликъ. Письма не оказалось у меня никакого. Вѣроятно, ты забылъ его гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Будь здоровъ. Твой всегда Н. Г.»

На запискѣ находится помѣта Максимовича «1850, въ Москвѣ».

Вотъ все, опущенное доселѣ въ печати, изъ писемъ Гоголя къ Максимовичу.

Читатель видитъ теперь, что приведенные пропуски полнѣе объясняютъ исторію неудачи Гоголя въ пріобрѣтеніи профессорской каѳедры въ Кіевѣ, указываютъ на горячую любовь его къ родинѣ-гетьманщинѣ, яснѣе очерчиваютъ его характеръ въ первую половину его жизни, представляютъ нѣсколько мѣстъ, или— какъ онъ выражался — *хвостиковъ* чисто гоголевскихъ и опредѣляютъ страстишку его къ крѣпкимъ словцамъ, которыми не стѣснялся онъ передъ друзьями. Пылкость пристрастія его къ родинѣ-гетьманщинѣ ослабѣла съ годами. Въ позднѣйшее время,

въ 1844 году, онъ говорилъ: «Я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы... должны пополнить одна другую... составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ» *). Мы однако остережемся дѣлать дальнѣйшіе выводы и общія замѣчанія о характерѣ Гоголя на основаніи приводимыхъ отрывковъ. Судить писателя, какъ человѣка, по его письмамъ, можно бы только тогда, если подъ рукою есть и письма его корреспондентовъ. Во всякомъ случаѣ, исторія литературы должна имѣть въ виду по преимуществу *писателя* и тѣ сочиненія, какія онъ самъ призналъ достойными общаго вниманія, а не разбирать его, какъ человѣка, по его частнымъ письмамъ. Гоняться по этимъ письмамъ за его слабостями мы не станемъ, предоставляя это пріятное занятіе любителямъ задняго двора. Притомъ, мы вполнѣ признаемъ горькую правду словъ Пушкина, по поводу обнародованія записокъ Байрона: «Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки еѣс..., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи. *Онъ палъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы!* Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ — не такъ какъ вы, иначе» **).

Издавая собраніе писемъ Гоголя, г. Кулишъ говорилъ тогда еще, что оно *не можетъ назваться полнымъ*. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 19 лѣтъ, появилось не мало новыхъ писемъ Гоголя. Пора бы собрать ихъ въ одно. Вотъ уже скоро 25 лѣтъ минетъ послѣ его смерти *(Еще болѣе пора — собрать письма Пушкина)*. Или мы все будемъ ждать столѣтнихъ юбилеевъ, чтобы вспоминать какъ должно о своихъ великихъ писателяхъ? Или мы все на Ака-

*) Сочин. и письма Гоголя, VI, 147. О его любви и отношеніяхъ къ Малороссіи и Россіи сказано мѣткое слово Хомяковымъ въ 1859 году: см. Сочиненія Хомякова, М. 1861, т. I, стр. 687—688.

**) Русск. Арх. 1874. № 2, Письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, стр. 15. 423.

демію Наукъ будемъ сваливать изданіе нашихъ писателей? Или письма Пушкина и Гоголя не будутъ имѣть успѣха въ нашей публикѣ? Или у нашихъ издателей нѣтъ предпріимчивости мудрой, а у нашихъ читателей нѣтъ любви живой къ родной славѣ, а тѣхъ и другихъ обуяла только злоба дня? Непріятно и горько ставить такіе вопросы. Будемъ дѣлать, что можемъ, въ надеждѣ лучшаго будущаго.

Въ дополненіе къ пропущеннымъ въ изданіи Кулиша отрывкамъ, вотъ поправки разныхъ однословныхъ неточностей въ изданіи его:

V-й томъ, изданіе г. Кулиша.

стран.	*строка.*	*напечатано:*	*должно быть:*
164	3 сн.	не переставалъ	не переставалъ
—	1 »	о томъ, о семъ	о томъ и о семъ
188	12 св.	странные	страшные
—	—	пережилъ	пережогъ
193	15 сн.	одной	одну
198	11 »	вѣроятно	вѣрно
199	1 св.	не изволилъ	не изволишь
202	3 сн.	пишешь	пишетъ
205	10 »	согласился	соглашался
206	4 »	на русскомъ	для русскихъ
—	1 »	для русскихъ	на русскомъ
213	6 св.	нужно мое здоровье:	нужно: мое здоровье,
—	7 сн.	бросивъ	бросивши
217	9 св.	случаю	скучаю
—	16 »	содержатъ	содержитъ
—	11 сн.	распорядить	распредѣлить
221	1 св.	какое	у васъ какое
—	8 »	близка	близко
241	2 »	разъѣздовъ	заѣздовъ

Точки, поставленныя г. Кулишомъ въ концѣ писемъ, означаютъ опущенную подпись: «твой Гоголь», ничего болѣе.

Принимая во вниманіе, что письма Гоголя имѣютъ біографическое значеніе и по отношенію къ нему и по отношенію къ его корреспондентамъ, въ числѣ коихъ встрѣчается много нашихъ лучшихъ людей, а пользованіе письмами чрезвычайно затруднительно, по отсутствію всякаго оглавленія ихъ, приводимъ здѣсь, съ указаніемъ томовъ и страницъ, —

АЗБУЧНЫЙ СПИСОКЪ ЛИЦЪ,

КОИМЪ АДРЕСОВАНЫ ПИСЬМА ГОГОЛЯ,

напечатанныя г. Кулишомъ въ изданіи 1857 года.

Къ роднымъ:

Отцу и матери, т. V, стр. 3, 3, 4, 5 — 18.

Бабушкѣ, т. V, стр. 4.

Матери, т. V, стр. 19—43, 46—53, 61, 63, 67—76, 77 — **138**, 40 *), 44—47, 49, 53, 54, 56, 60, 61, 63, 67, 69, 76, 77, 80, 84 — 87, 89 — 91, 96 — 97; **208** — 10, 18, 22, 26, 29, 30, 32, 33, 35, 38, 40, 42, 46, 47, 50, 53, 58, 61—64, 68—72, 75, 83—85, 87, 90—91, 94—96; **302**, 25, 30, 36, 42, 50, 61, 79, 83, 86—88, 98; **428**, 39, 48, 51, 72, 74, 78, 94.

VI т., стр. 27, 61, 85; **114**, 94; **215**, 16, 28, 47, 57, 87, 90; **329**, 30, 41, 67, 87; **409**, 39, 44, 51, 57, 83, 85, 87, 88, 92, 93, 94; **507**, 21, 22, 23, 27, 31, 32, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 45, 49, 52, 53.

Теткѣ В. П., т. V, стр. 76.

Сестрамъ Е. В. и А. В., т. V, стр. 265, 311, 339, 384; т. VI, стр. 533.

Сестрѣ А. В., т. V, стр. 365, 400, 409, 413, 440, 441, 476; т. VI, стр. 416, 531.

---

*) Для краткости, въ ряду чиселъ опускаемъ сотни, обозначивши ихъ только однажды, при всякой *новой* сотнѣ, жирными цифрами.

Сестрѣ Е. В., т. V, стр. 396 (3); т. VI, стр. 262, 504, 9 35, 37, 44.
Сестрѣ О. В., т. VI, стр. 548.
Зятю В. Быкову, т. VI, стр. 534.

—

Аксакову К. С., т. VI, стр. 14, 463, 507.
Аксакову С. Т, т. V, стр. 258; **401**, 7, 25, 35, 37, 53, 75, 82, 85; т. VI, 3, 9, 12, 21, 23, 42, 46, 71; **110**, 34, 85; **216**, 19, 24, 43, 45, 50; **324**, 48; **403**, 18, 36, 65, 69, 81, 85, 98; **507**, 16, 18, 30, 40, 41, 43(2), 50, 52.
Балабиной М. П., т. V, стр. 277; **314**, 43, 72; **456**, 62, 98.
Бѣлинскому В. Гр., т. VI, стр. 377, 379.
Бѣлозерскому Н. Д., т. V, стр. 250, 468; т. VI, стр. 22.
Вигелю Ф. Ф., т. VI, стр. 376.
Высоцкому Г. И., т. V, стр. 44, 54.
Данилевскому А. С., т. V, стр. **138**, 42, 48, 50, 53, 56, 65, 71; **281**, 93, 97; **302**, 4, 21, 26, 33, 51, 52, 57, 59, 63, 77, 93; **429**, 43, 46, 70, 92, 96; т. VI, стр. 64, 115, 287, 358; **427**, 63, 72; **500**, 47.
Дондукову-Корсакову, т. V, стр. 460.
Елагиной, А. П., т. V, стр. 406.
Жуковскому В. А., т. V, стр. 395; **470**, 72, 78, 81, 97; т. VI, стр. 8, 10, 37, 41, 81(2), 83, 87, 89, 90, 95; **155**, 65, 66, 88, 96; **200**, 12(2), 18, 26, 27, 35, 40, 58, 60, 62, 92; **335**, 36, 50, 54, 69; **452**, 55, 67, 77, 81, 82, 87, 96, 98; **517**, 52.
Иванову А. А., т. V, стр. 385; **402**, 48, 51, 54, 55, 72, 92; т. VI, стр. 26, 40, 54; **157**, 82; 362, **432**, 40, 41, 46; **503**, 26.
Косяровскому П. П. (дядѣ), т. V, стр. 61, 62, 64.
L. L., т. V, стр. 367.
Львову кн. Вл. Вл., т. VI, стр. 361.
Максимовичу М. А., т. V, стр. 164, 182, 188, 92, 93, 98,

99; **202**, 3, 5, 6, 11—13, 15—17, 20, 23, 24, 30, 36, 41, 456.

Матвѣю, о. священнику, т. VI, стр. 391, 92; **424**, 39, 42, 52, 59, 74; **501**(2), 2, 9, 20, 44, 46, 49, 54.

N* N*, т. VI, стр. 11, 18.

N. F. см. Смирновой.

Одоевскому кн. Вл. Ѳ., т. V, стр. 304; полнѣе смотри въ Р. Архивѣ 1864, вып. 7 и 8, стр. 838.

Плетневу П. А., т. V, стр. 286, 328, **422**, 57, 61, 64, 66, 99; 500; т. VI, стр. 28; **221**, 36, 42, 50, 52, 53, 56, 59, 61, 63, 65, 69, 71, 81, 95 — 97; **309**, 15(2), 16, 36, 37, 56, 70, 89; **404**, 11, 17, 38, 54, 56, 66, 69, 71, 72, 76, 83, 86 (2), 97, 99; **503**, 16, 22, 29, 36, 46.

Погодину М. П., т. V, стр. 157—59, 62, 66, 74, 78, 94; **201**, 4, 14, 21, 25, 27, 31, 33 (2), 34, 35, 38, 40, 42, 46, 48, 52, 55, 60, 74, 84; **332**, 48, 63, 69, 76, 82, 89, 92, 95, 97; **400**, 12, 15 28, 44.

(Письма къ Погодину обрываются 1841 годомъ; безъ всякаго сомнѣнія, это не всѣ: Погодинъ объявлялъ, что у него ихъ до *двухсотъ:* см. Москвитян. 1854, № 13, Журналистика, стр. 36, примѣчаніе; вѣроятно, у родныхъ Погодина хранятся и остальныя).

Погодиной Е. В., т. V, стр. 421.

П — му, т. VI, стр. 153.

Р — ой княжнѣ В. Н., т. V, стр. 338, 355.

Раевской П. И., т. V, стр. 403.

Смирновой А. О., т. V, стр. 503, 6; т. VI, 56, 57, 62, 67, 75, 82, 88, 92, 96, 99; **106**, 27, 39, 68, 74, 86, 88, 92, 95, 99; **201**, 7, 11, 17(2), 30, 39, 51, 68, 69, 85; **335**, 44, 71, 97, 98; **406**, 11, 28, 55, 61, 73, 74, 90, 91(2), 92, 93, 94, 98; **508**, 11, 12(2), 13, 19, 29, 52.

Толстому графу А. П., т. VI, стр. **413**, 60; 510.
F. Z. т. VI, стр. 462.
Уварову графу С. С., т. V, стр. 459; т. VI, стр. 173.
Чижову Ѳ. В., т. VI, стр. 364.
Шевыреву С. П., т. V, стр. **371**, 80, 82, 86; т. VI, стр. 43, 118; **206**, 22, 64, 65, 74, 79, 94; **307**, 28, 51, 74; **400**, 10, 23(2), 29, 33, 50, 53, 57, 67; **514**, 18, 26, 28, 42, 50—57.
Шереметевой Н. Н., т. V, стр. 394, 95; **441**, 45, 95, 97; 507, т. VI, стр. 30, 38, 51, 60(2); 171; **203**, 15, 84; **365**, 68; **412**, 15, 47, 49, 52, 62.
Щепкину М. С., т. V, стр. **253**, 56, 59; 410; **501**, 2, 4; т. VI, стр. 275, 78; **313**, 27.
Языкову Н. М., т. V., **450**, 52, 58, 67, 75, 83; т. VI, стр. 14, 17, 19, 24(2), 31, 46, 58, 84, 87, 98; **105**, 11, 17, 49, 58, 64, 66(2), 67, 72, 78, 83, 90; **201**, 20, 29, 37, 44, 45, 48, 55, 67, 86; **312**, 26.
W. O. см. Бѣлинскому.

—

Дополненія къ «Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями» см. Библіогр. Записки 1859, т. II, № 10, стр. 303—305 Русск. Архивъ 1866, № 11—12, столб. 1730—1747.

—

Кромѣ этихъ писемъ, намъ извѣстны еще слѣдующія отдѣльно напечатанныя письма Гоголя:

Аксакову С. Т., Русск. Старина 1871, № 12, с. 681 (въ оглавленіи книги пропущено).
Балабиной М. П., Русское Слово 1860, № 12, отд. III, стр 26—32.
Вяземскому князю П. А., Русск. Архивъ 1865, № 7, стр 787 — 790; ibid. 1866, № 7, ст. 1077 — 1081; ibid 1872, № 7 и 8, ст. 1329—1332.
Григорову П. А., Библіогр. Зап. 1859, № 4, ст. 111.

Гроту Я. К., Русск. Арх. 1864, № 2, с. 178.
Дмитріеву И. И., Р. Арх. 1866, № 11 и 12, ст. 1726.
Жуковскому В. А., Библ. Зап. 1859, № 4, ст. 101, 102; Русск. Арх. 1871, №№ 4 и 5, ст. 946; Домашняя Бесѣда 1868, вып. 20 (вѣроятно, здѣсь что нибудь перепечатано прежнее).
Иванову А. А., Соврем. 1858, т. 72, № 11, с. 123—174; Библіогр. Зап. 1859, стр. 98 и 99.
Иннокентію, архіеп. харьков. Духовн. Вѣстн. 1864, № 4.
Косяровскому П. П. четыре письма, Русск. Старина 1876, № 1, стр. 39—45.
Малиновскому Д. К. Р. Арх. 1865, № 9, ст. 1124.
Матвѣю, о. священ. Библ. Зап. 1859, с 103.
Матери, Библ. Зап. 1859, стр. 100, 101.
Неизвѣстному, Библ. Зап. 1859, стр. 100.
Николаю I-му, Библ. Зап. 1859, стр. 105.
N. N. (Аксакову К. С.?) Библ. Зап. 1859, с. 104.
Одоевскому кн. Вл. Ѳ., Р. Арх. 1864, № 7 и 8, столб. 839—841.
Плетневу П. А., отъ 1847 г. февр. 6. «Записки о жизни Гоголя», т. II, 85; Р. Арх. 1866, № 5, ст. 766—770; Русск. Старина 1875, № 10, стр. 313.
Погодину М. П., Русск. Арх. 1872, с. 2369 — 2372 (оно уже было большею частію напечатано въ изданіи Кулиша, т. V, стр. 174—176).
Прокоповичу Н. Я., Библ. Зап. 1858, № 4, с. 115 — 123; Р. Слово 1859, № 1, отд. I, стр. 83—136.
Раевской П. И, Моск. Вѣдом. 1859, № 204.
Рейтерну, Библ. Зап. 1859, стр. 103.
Смирновой А. О. Домашн. Бес. 1866, вып. 6, изъ журнала «Современность» 1866, № 1.
Сосницкому И. И., Р. Старина 1872, № 10, с. 442.
Стурдзѣ А. С. Библ. Зап. 1858, № 9, стр. 264, 266.
Чертковой Ел. Гр., Р. Арх. 1867, № 3, с. 473—475.

Шевыреву С. П. Библ. Зап. 1859, стр. 109; Русск. Старина 1875, №№ 9 и 10, стр. 113, 116, 117, 120, 123 и № 12, стр.

Шереметевой Н. Н., Библ. Зап. 1859, стр. 106 (2), 107 (2), 108 (2).

Языкову Н. М., Библ. Зап. 1859, столб. 97; Русск. Стар. 1875, № 9, стр. 121.

—

Альбомная замѣтка Гоголя, 1826 г., въ альбомѣ В. И. Любичъ Романовича, Библ. Зап. 1858, столб. 492.

Два носа, замѣтка, въ альбомъ Е. Г. Чертковой, Р. Стар. 1870, № 11, стр. 528. Не знаемъ, что за извѣстіе о разсказѣ его «Прачка» въ Русск. Мірѣ 1860, № 97, перепечатано въ Моск. Вѣд. 1861, № 3.

—

Письма Гоголя къ разнымъ писателямъ напоминаютъ намъ о письмахъ, запискахъ и стихотвореніяхъ къ нему русскихъ поэтовъ; не лишнимъ будетъ указать ихъ здѣсь, какъ матеріалъ для біографіи и оцѣнки таланта его:

Вяземскаго князя П. А., «Поминки» — Складчина, сборникъ, Спб. 1874 г., стр. 38—40.

Жуковскаго В. А.: Москвит. 1848, т. IV, стр. 11 — 26; перeч. въ Сочиненіяхъ его, изд. 1857 г., т. XI, стр. 123, 127, 146.

Москвича, Москвит. 1848, № 11, (ч. VI), стр. 1—8.

Пушкина А. С., Библ. Зап. 1858, № 3, стр. 75—76.

Шевырева С. П., Р. Арх. 1865, № 7, стр. 894.

Языкова, Н. М. Сочиненія его, изд. 1858 г., т, II, стр. 213.

Берга Н. В. Надъ гробомъ Гоголя, Москвитян. 1852, № 8, апр. кн. 2, стр. 273.

Некрасова Н. А. Стих. его, изд. 1864, т. I, стр. 93.

Новаго поэта, пародія на лирическія мѣста Мертвыхъ Душъ, Соврем. 1847, декабрь, смѣсь, стр. 187.

—

Литература о Гоголѣ, т. е. все, что писано о его жизни и сочиненіяхъ, можетъ быть предметомъ особой большой статьи. И давно бы пора ей явиться, въ должной системѣ, въ желанной полнотѣ.

—

Въ заключеніе предложимъ вопросъ: что̀ значитъ, что до сихъ поръ лежитъ въ совершенномъ забвеніи комедія, переведенная Гоголемъ съ итальянскаго еще въ 1840 г.? Заглавіе ея — «Дядька въ затруднительномъ положеніи», соч. Джіованни Жиро, *перваго итальянскаго комика нашего времени*, какъ говорилъ Гоголь! Сколько намъ извѣстно, она до сихъ поръ еще нигдѣ не была напечатана; не знаемъ, была ли она даже играна. Что̀ за невниманіе къ труду художника и его горячему слову о ней! «Я— (пишетъ онъ Щепкину объ этой комедіи) всю отъ начала до конца выправилъ (т. е. переводъ ея), перемаралъ и переписалъ собственною рукою. Комедія должна имѣть успѣхъ; по крайней мѣрѣ въ итальянскихъ театрахъ и во Франціи она имѣла успѣхъ блестящій» *). И за тѣмъ, предлагая ее на московскую сцену, Гоголь внимательно говоритъ о характерѣ главнаго лица, о костюмахъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, о распредѣленіи ролей на московской сценѣ. «Прочитайте нѣсколько разъ эту піесу—заключаетъ онъ — непремѣнно нѣсколько разъ. Вы увидите, что она очень мила и будетъ имѣть успѣхъ». Допустимъ, что Гоголь сильно увлекается въ своемъ отзывѣ, что комедія окажется не такъ хороша, какъ ему казалось, — все таки она стоитъ печати, какъ вещь любимая Гоголемъ и надъ переводомъ которой онъ потрудился немало. Весьма вѣроятно, что, вслѣдствіе горячихъ, настойчивыхъ убѣжденій Гоголя, комедія эта была у насъ дана на

*) Сочин. и письма Гоголя, т. V, стр. 410 и далѣе.

сценѣ; вѣроятно, что она не имѣла успѣха и прошла незамѣченною; тѣмъ не менѣе въ чтеніи она очень интересна и вполнѣ заслуживала бы печати. У насъ есть экземпляръ ея, но, къ сожалѣнію, переписанный какимъ-то малограмотнымъ строчилой; впрочемъ, исправить недостатки его очень легко и мы охотно готовы доставить его въ редакцію какого-нибудь литературнаго журнала.

25 сентября 1875 г.
Конотопъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМА ГОГОЛЯ КЪ МАКСИМОВИЧУ.

Здѣсь всѣ письма Гоголя къ Максимовичу возстановляются цѣликомъ, согласно съ указанными въ статьѣ г. Пономарева дополненіями и поправками. Подстрочныя примѣчанія — тѣ же, что въ Сочиненіяхъ и Письмахъ Н. В. Гоголя, изданныхъ П. А. Кулишемъ.

I.

Спб. 1832, декабря 12.

Я думаю, вы, земляче, порядочно меня браните за то, что я до сихъ поръ не откликнулся къ вамъ? Ваша виньетка меня долго задерживала. Тотъ художникъ, Малороссъ въ обоихъ смыслахъ, про котораго я вамъ говорилъ и который одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку, пропалъ какъ въ воду, и я до сихъ поръ не могу его отыскать. Другой, которому я поручилъ, наляпалъ какихъ-то Чухонцевъ, и такъ гадко, что я посовѣстился вамъ посылать. О Русь, старая рыжая борода, когда ты поумнѣешь? Однакожъ жаль, что наши пѣсни будутъ безъ виньетки; еще болѣе жаль, если я васъ задержалъ этимъ. Какъ же вы поживаете? Можно ли надѣяться мнѣ вашего пріѣзду нынѣшней зимой сюда? А это было бы такъ хорошо, какъ нельзя лучше. Я до сихъ поръ не переставалъ досадовать на судьбу, столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покалякать о томъ и о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга. Посылаю вамъ виршу, говоренную Запорожцами, и разстаюсь съ вами до слѣдующаго письма. Адресъ мой: 2-й адмиралтейской части, въ новомъ переулкѣ, въ домѣ Демута-Малиновскаго, близь Мойки. Н. Гоголь.

Поклонитесь отъ меня, когда увидите, Щепкину. Посылаю поклонъ также земляку, живущему съ вами, и желаю ему успѣховъ въ трудахъ, такъ интересныхъ для насъ [1]).

II.

Спб. іюля 2 (1833).

Чувствительно благодарю васъ, земляче, за «Наума» и «Размышленія» [2]), а также и за приложенное къ нимъ письмо ваше. Все я прочелъ

---

[1]) О. М. Бодянскому, который былъ тогда еще студентомъ университета и жилъ у М. А. Максимовича въ ботаническомъ саду.

[2]) Сочиненія Максимовича: «Книга Наума о великомъ Божіемъ Мірѣ» и «Размышленія о Природѣ». *П. К.*

съ большимъ аппетитомъ, хотя и получилъ, къ сожалѣнію, поздно, потому что теперь только пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца, и засталъ ихъ у Смирдина лежавши(ми) около мѣсяца.

Жаль мнѣ очень, что вы хвораете. Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацанію, да поѣзжайте въ гетманщину. Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ! Ѣдемъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ. Если вы будете въ Кіевѣ, то отыщите экс-профессора Бѣлоусова [1]): этотъ человѣкъ будетъ вамъ очень полезенъ во многомъ, и я желаю, чтобъ вы съ нимъ сошлись. Итакъ, вы поймаете еще въ Малороссіи осень, благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ букетомъ. Счастливы вы! А я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта. Душно, а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить. Не знаю, напишу ли я что-нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только. Но, однакожъ, для «Денницы» [2]) вашей употреблю всѣ силы разбудить мозгъ свой и разворушить [3]) воображе(ніе). А до того, поручая васъ дѣятельности, молю Бога, да ниспошлетъ вамъ здоровье и силы, что̀ лучше всего на этомъ грѣшномъ мірѣ. Увѣдомьте пожалуста, какую пользу принесетъ вамъ Московскій водопой и какимъ образомъ вы проводите на немъ день свой. Я слышалъ, что Дядьковскій отправился на Кавказъ. Онъ еще не возвратился? Если возвратился, то что̀ говоритъ о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ цѣлительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ монхъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ. Хотѣлось бы мнѣ очень, вмѣсто пера, покалякать съ вами языкомъ, да этотъ годъ мнѣ никакъ нельзя отлучиться изъ Петербурга.... Итакъ, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будетъ подаркомъ ваша строка. Прощайте.

Вашъ Н. Гоголь.

III.

9 ноября, 1833. С. Петербургъ.

Я получилъ ваше письмо, любезнѣйшій землякъ, черезъ Смирдина. Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имѣю, чтобы прислать вамъ въ вашу «Денницу». У меня есть сто разныхъ началъ, и ни одной

---

[1]) Бывшій наставникъ Гоголя въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко.

[2]) Альманахъ, изданный М. Максимовичемъ въ Москвѣ, въ 1834 году.

[3]) Малороссійское слово; по-русски — расшевелить. *П. К*

повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годна(го) для альманаха. Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную повѣсть [1]), о которой я совсѣмъ было-позабылъ и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь. Еслибъ вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережогъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся. Теперь я принялся за исторію нашей единственной, бѣдной Украйны. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсень и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью Жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть! Я вамъ ихъ спишу.... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсень. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсень, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, еслибъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto, на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже пох..ныя: онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, всѣ разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедшихъ людей.... велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ, и что замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые.

---

[1]) То была «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанная Смирдинымъ въ «Новосельѣ».

П. К.

Прощайте, милый, дышущій прежнимъ временемъ земляк, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ.... Лучше вычеркнуть...

Пишите ко мнѣ. Вѣчно Вашъ Гоголь.

IV.

(1833.)

Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда? Тамъ, или вокругъ него дѣлались дѣла старины нашей.... Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою Кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится! Если же исполнится, да ты надуешь; тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному соверш(енно), не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! Говорятъ, уже очень много назначено туда какихъ-то Нѣмцевъ: это тоже не очень пріятно. Хотя бы для св. Владиміра побольше Славянъ! Нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о стихахъ [1]). Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради пѣсень, — тѣмъ болѣе, что безпрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше — прекрасныхъ. Впрочемъ я нетерпѣливѣе тебя, и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одну изъ самыхъ интересныхъ, которой, вѣрно, у тебя нѣтъ [2]).

V.

Январь 7. (1834, изъ С. Петербурга).

Поздравляю тебя съ 1834 и отъ души благодарю тебя за «Денницу», которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не получалъ, потому что Одоевскій заблагоразсудилъ кому-то отдать мой экземпляръ. Слышу,

---

[1]) Для «Денницы».

[2]) Эта пѣсня начинается такъ:

Наварѝла сечевѝці,
Постáвила на полѝці. *П. К.*

одинакожъ, что въ ней есть много хорошаго; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорилъ Жуковскій.

Что́ жъ ты не пишешь ни о чемъ? Охъ, эти земляки мнѣ! Что мы, братецъ, за лѣнтяи съ тобою! Однако напередъ положить условіе: какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобъ и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ Русскія Аѳины, Богоспасаемый нашъ городъ! Да отчего до сихъ поръ не выходитъ ни одинъ изъ Московскихъ журналовъ? Скажи Надеждину, что это не хорошо, если онъ вздумаетъ, по-прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ, покамѣстъ не додастъ старыхъ. Что за рыцарская честность! теперь она въ наши времена такъ же смѣшна, какъ и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый годъ на него сердились всѣ. Притомъ же для него хуже: онъ не нагонитъ и будетъ отставать вѣчно, какъ Полевой. Знаешь ли ты собраніе Галицкихъ пѣсень, вышедшихъ въ прошломъ году [довольно толстая книжка, in-8]? Очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ Малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе.

Какъ проводишь время и что дѣлаешь въ Москвѣ? И что другіе дѣлаютъ? Вѣрно, есть что нибудь новое. Когда же погляжу я на пѣсни?

Прощай. Твой Гоголь.

VI.

Спб. Февраля 12 (1834).

Я получилъ только сегодня два твоихъ письма: одно отъ 26-го генваря, другое отъ 8 февраля, — все это по милости Одоевскаго, который изволитъ ихъ чортъ знаетъ сколько удерживать у себя. Въ одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ [1]). Я думаю ѣхать. Дѣла, кажется, мои идутъ на ладъ. Но вотъ что скверно: министръ не соглашается на твое желаніе: какъ, дискать, тебя сдѣлать профессоромъ словесности въ Кіевѣ, когда ты недавно сдѣланъ ординарнымъ ботаникомъ. Такой переломъ чрезвычайно кажется страненъ, и онъ и слышать не хочетъ. А между тѣмъ Брадке очень нуждается въ профессорѣ словесности. Я думаю вотъ что: не мѣшаетъ тебѣ написать обстоятельно къ Брадке, что ты— дискать — недомогаешь страшно въ московскомъ климатѣ, что тебѣ потребно..... и проч. Бери каѳедру ботаники или зоологіи. А такъ какъ профессора словесности нѣтъ, то ты можешь занять по времени его каѳедру. А тамъ, по праву давности, ее отжилить, а отъ ботаники отказаться. А?

Ты говоришь, что, если залѣнишься, то тогда, набравши силы, въ Москву. А на что́ человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты разсмотри хорошенько характеръ земляковъ: они лѣнятся, но зато, если что́ задолбятъ въ свою го-

[1]) Т. е. о Кіевѣ. Гоголь употребляетъ Полонизмъ. *П. К.*

лову, то на-вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость: разъ начать — и все... Типографія будетъ подъ бокомъ. Чего жъ больше? А воздухъ! а гливы! а рогизъ! а соняшники! а паслинъ! а цыбу́ля [1])! а *вино хлѣбное*! какъ говоритъ пріятель нашъ Ушаковъ. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, деренъ, варенники, борщъ, лопухъ... Это просто роскошь! Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то пристало быть кельѣ ученаго.

«Запорожской Старины» я до сихъ поръ нигдѣ не могу достать. Какъ не прислать ни къ одному книгопродавцу! Кой же чортъ будетъ у него покупать! А еще и жалуются, что у нихъ никто не раскупаетъ. Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, иль въ четырехъ большихъ томахъ. Экземпляра пѣсенъ Галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель. Пѣсень я тебѣ съ большою охотою прислалъ (бы), но у меня ихъ ужасная путаница. Незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ не болѣе ста, зато извѣстныхъ, вѣрно, около тыся(чи), изъ которыхъ бо́льшую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ.

Ну, покамѣстъ прощай! а тамъ придетъ время, что будемъ все это говорить, что́ теперь заставляемъ царапать наши руки, въ Богоспасаемомъ нашемъ градѣ. Твой Гоголь.

VII.

Марта 12. Спб. 1834.

Да это, впрочемъ, не слишкомъ хорошо, что ты не изволишь писать ко мнѣ. Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни га́дки [2]) о томъ. А между тѣмъ я почти что на выѣздѣ уже. Что́ жъ, ѣдешь, или нѣтъ? влюбился же въ эту старую, толстую бабу-Москву, отъ которой, кромѣ щей да матерщины, ничего не услышишь. Слушай: вѣдь ты посуди самъ, по чистой совѣсти, каково мнѣ одному быть въ Кіевѣ. Земля и край — вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнѣе, NB, для нездороваго человѣка, каковъ ты да я.

Пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени бы и засѣли работать. Послушай: не бросай сего дѣла! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свѣтѣ. Предлогъ къ перемѣщенію ты имѣешь самый уважительный — вредъ климата. Исчисляй свои

---

[1]) Все это лакомства Малороссійскихъ простолюдиновъ, кромѣ воздуха и гливъ (баргамотъ).

[2]) *Ни га́дки*, съ Малороссійскаго, значитъ — ни помышленія. *П. К.*

труды по словесной части; доказывай, что ты можешь занять съ честію означенную каѳедру; грози отставкою. Должны будутъ согласиться. Что жъ, получу ли обѣщанныя пѣсни? Твой Гоголь.

VIII.

Марта 26 (1834), СПб.

Во-первыхъ, твое дѣло не клеится какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ и Жуковскій хлопотали объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непремѣнно нужно ѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются. Да и Мекка (NB) любитъ поклоненіе. Теперь поется, что ты-де-нуженъ московскому университету, что въ Кіевѣ мѣсто почти занято уже и проч. Но если ты самъ прибудешь лично и объявишь свой резонъ, что ты бы и радъ, дискать, но твое здоровье.... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не преминутъ подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже. Пріѣзжай; я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что зѣвать не надобно: какъ разъ какой-нибудь олухъ влѣзетъ на твою каѳедру.

Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишетъ: посылаю пѣсни, а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареника и не всунулъ. А я справлялся около недѣли въ почтамтѣ и у Смирдина, нѣтъ ли посылки ко мнѣ. Вацлавъ [1]), я тебѣ говорилъ, что отжиленъ у меня совершенно безбожно однимъ молодцомъ, взявшимъ на два часа и улизнувшимъ, какъ я узналъ, совершенно изъ города. Поговоримъ объ объявленіи твоемъ: зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гуливыя, козацкія и любовныя? Развѣ козацкія не гуливыя и гуливыя не всѣ ли козацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова *козацкія*. Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ одна половина любовная, другая гуливая? По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія. Мнѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ — обрядныя. Много, если на три разряда: 1-й — историческій, 2-й — всѣ, выражающія различные оттѣнки народнаго духа, и 3-й — обрядныя. Впрочемъ, какъ бы то ни было, раздѣленіе вещь послѣдняя. Я радъ, что ты уже началъ печатать. Если бы я имѣлъ у себя списки твоихъ пѣсень, я бы прислужился тебѣ и, можетъ быть, даже нѣсколько помогъ; но въ теперешнемъ состояніи не знаешь, за что взяться. Да и несносно ужасно дѣлать комментаріи, не зная на что, а если и зная, то не будучи увѣренъ, кстати ли они будутъ и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь пѣсень, то хоть при-

[1]) Т. е. изданіе пѣсень Вацлава съ Олеска. *П. К.*

вези съ собою. Да пріѣзжай поскорѣй. Мы бы такъ славно все обстроили здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ, но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершенно вышло изъ головы.

Прощай, до слѣдующей почты. Мысленно цалую тебя и молюсь о тебѣ, чтобы скорѣй тебя выпихнули въ Украйну. Твой Гоголь.

IX.

1834, Марта 29. СПб.

Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что̀ получилъ отъ тебя, вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ. Что̀ ты пишешь про Цыха [1])? развѣ есть какое-нибудь оффиціальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавлива(юсь) затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ; и признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ-нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами. Эй, не зѣвай! садись скорѣе въ дилижансъ. Безъ твоего присутствія ничего не будетъ.

Посылаю тебѣ за Нечая другой списокъ Нечая, который списанъ изъ Галицкаго собранія. Видно, какъ много она терпѣла измѣненій. Каневскій перемѣненъ на Потоцкаго; даже самыя обстоятельства въ описаніи другія, исключая главнаго. Твой Гоголь.

X.

Апрѣля 7 (1834). СПб.

Не безпокойся: дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. Третьяго дня я былъ у министра; онъ говорилъ мнѣ такими словами: «Кажется, я Максимовича переведу въ Кіевъ, потому что для русской словесности не находится болѣе достойный его человѣкъ. Хотя предметъ для него новъ, но онъ имѣетъ даръ слова, и ему можно успѣть легко въ немъ, хотя впрочемъ онъ теоретическаго никакого не выпустилъ еще сочиненія». На что̀ я сказалъ, что ты мнѣ показывалъ многія свои сочиненія, обнаруживающія вѣрное познаніе литературы и долгое занятіе ею. Также при этомъ напомнилъ ему о твоихъ трудахъ въ этомъ родѣ, помѣщаемыхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ словъ его, сказанныхъ на это, я увидѣлъ только, что препятствій, слава Богу, никакихъ нѣтъ. Итакъ поздравляю тебя. Я тоже, съ своей стороны, присовокупилъ, какъ на тебя дѣйствуетъ тамошній климатъ и какъ разстроивается твое здоровье. Видно было, что старанія князя Вяземскаго и Жуковскаго не

---

[1]) Это — лицо, получившее въ Кіевскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи, которой искалъ Гоголь. *П. К.*

были тщетны. Онъ, по крайней мѣрѣ, не представлялъ уже никакихъ невозможностей и совершенно соглашался съ тѣмъ, что состояніе здоровья твоего должно быть уважено. Для окончательнаго дѣла, тебѣ бы весьма не мѣшало предстать самому, потому что, сколько я могъ замѣтить, личное присутствіе ему нравится. Но, впрочемъ, если тебѣ нельзя и состояніе твоего здоровья не дозволяетъ, то я въ такомъ случаѣ перестаю о томъ просить тебя, не смотря на то, что мнѣ очень бы хотѣлось видѣться съ тобою. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что если бы былъ въ состояніи, то весьма бы было не худо. Но, какъ бы то ни было, прощай до слѣдующаго письма. Я очень радъ, что письмо мое тебя успокоитъ, и потому не хочу ничего посторонняго писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получилъ его какъ разъ въ пору. О полученіи его увѣдоми меня немедленно.

Прощай; будь здоровъ! Цалую тебя и поручаю тебя охраненію невидимыхъ благихъ силъ. Твой Гоголь.

XI.

20 апрѣля (1834). СПб.

Письмо твое отъ 16 я получилъ сегодня. Ну, я радъ отъ души и отъ сердца, что дѣло твое подтвердилось уже оффиціально. Теперь тебѣ точно не зачѣмъ уже ѣхать въ Петербургъ. Тебя только безпокоятъ дѣла Московскія. Смѣлѣе съ ними: одно по боку, другому киселя дай, и все кончено. Изъ необходимаго нужно выбирать необходимѣйшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себѣ. Да кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Брадке чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ? Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу: когда будешь писать къ Брадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы, дискать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ-будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Греча, или Греча къ романамъ Булгарина. Онъ, сколько я замѣтилъ, основывается на видимомъ авторитетѣ и на занимаемомъ мѣстѣ. Ты, будучи ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, во мнѣніи его много значишь. Я же бѣдный — почти нуль для него: грѣшныхъ сочиненій моихъ онъ не читывалъ, имени не слыхивалъ, — стало быть, ему нечего и безпокоиться обо мнѣ. Тѣмъ болѣе мнѣ это нужно, что министръ, кажется, расположенъ сдѣлать для меня все, что можно, еслибы только попечитель ему хотя слово прибавилъ отъ себя. Тогда бы я скорѣе въ дорогу и, можетъ быть, еще бы засталъ тебя въ Москвѣ.

Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадо-

вали. Изданіе хорошо. Примѣча(нія) съ большимъ толкомъ. О переводахъ я тебѣ замѣчу вотъ что. Иногда нужно отдаляться отъ словъ подлинника, нарочно для того, чтобы быть къ нему ближе. Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ, Малороссіянамъ, кажется очень будутъ понятны для Русскихъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ на Русскомъ, потому что оно не въ духѣ Русскаго языка; и тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его. Этихъ замѣчаній, впрочемъ, ты не можешь еще принаровить къ приведенному тобою переводу, потому что онъ очень хорошъ; окончаніе его прекрасно... Но, чтобы и къ нему сдѣлать придирку, вотъ тебѣ замѣчаніе, на первый случай.... мотай на усъ:

«Ѳедора Безроднаго, атамана куренного, пострѣляли, порубили, только не поймали чуры».

Во-первыхъ, *пострѣляли* не Русское слово, оно не по-Русски спрягнулося и скомпоновалося, и вмѣстѣ съ словомъ *порубили* на Русскомъ слабѣе выражаетъ, нежели на нашемъ. Мнѣ кажется, вотъ какъ бы нужно было сказать:

«Куренного атамана, Ѳедора Безроднаго они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры».

Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я самъ, который теперь разсуждаю объ этомъ съ такимъ хладнокровнымъ безпристрастіемъ, врядъ ли бы уберегся отъ того, чтобы не вклепить звонкое словцо въ Русскую рѣчь, въ простодушной увѣренности, что его и другіе такъ же поймутъ. Помни, что твой переводъ для Русскихъ, и потому всѣ Малороссійскіе обороты рѣчи и конструкцію прочь! Вѣдь ты, вѣрно, не хочешь дѣлать подстрочнаго перевода? Да впрочемъ это было бы излишне, потому что онъ у тебя и безъ того приложенъ къ каждой пѣснѣ. Ты каждое слово такъ удачно и хорошо растолковалъ, что кладешь его въ ротъ всякому, кто захочетъ понять пѣсню. Я бы тебѣ много кой-чего хотѣлъ еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о томъ, что̀ можно переговорить гораздо съ большею ясностью и толкомъ. Да притомъ это такая длинная матерія: зацѣпи только—и пойдетъ тянуться. Въ подобныхъ случаяхъ болѣе всего нужны толки съ другою головою, потому что, вѣрно, одна замѣтитъ то, что̀ другая пропуститъ. Какъ бы то ни было, я съ радостью ребенка держу въ рукахъ твой первый листъ и говорю: «Вотъ все, что̀ отстоялось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ»! какъ выразился Дельвигъ. Я еще никому не успѣлъ показать его, но понесу къ Жуковскому и похвастаюсь Пушкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе. А между тѣмъ подгоняй свои типографскіе станки. Я тебѣ пришлю скоро кое-какія пѣсни, которыя, впро-

чемъ, войдутъ въ послѣдній развѣ только отдѣлъ твоего перваго тома. За «Пѣснями Люду Галичскаго» я послалъ въ Варшаву, и какъ только получу ихъ, то ту же минуту пришлю ихъ тебѣ. Здѣшніе скоты книгопродавцы такъ пугаются всего, что выходитъ на польскомъ языкѣ, что даже польскаго букваря нигдѣ не отыщешь, и съ важнымъ видомъ говорятъ только: запрещенъ! Одоевскому скажу, чтобы онъ скорѣе пристроилъ твоего «Наума». Эти дни, можетъ быть, не увижу его, потому что ты самъ знаешь, что̀ за безалаберщина дѣется у людей на праздникахъ: они всѣ какъ шальные. По улицамъ мечутся шитые мундиры и трехъ-угольныя шляпы, а дома между тѣмъ никого. У Плетнева постараюсь тоже на этихъ дняхъ отобрать нужныя для тебя свѣдѣнія. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему: да будешь ты здравъ и спокоенъ. Весь твой Гоголь.

XII.

Мая 28 (1834, изъ С. Петербурга).

Извини меня: точно, я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ. У меня тоже большой хламъ въ головѣ. Благодарю тебя за листъ пѣсень, который ты называешь шестымъ и который, по моему счету, 4-й. О введеніи твоемъ ничего не могу сказать, потому что я не имѣю его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочесть въ Журналѣ Просвѣщенія, 4-мъ номерѣ, статью мою о Малороссійскихъ пѣсняхъ; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ, писанный мною очень давно.

Мои обстоятельства очень странны: Сергѣй Семеновичъ даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, но однакожъ ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня, не знаю для чего, здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру Русской исторіи, что сіе-де приличнo занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что Всеобщая Исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ. А теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло какъ нарочно. Право, странно они воображаютъ, что различіе предметовъ это такая маловажность, и что, кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку; какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ Русскую исторію. Если же они меня поводятъ далѣе и не отправятъ теперь, то признаюсь, я брошу все и откланяюсь... Богъ съ ними совсѣмъ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ долы Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цыхъ? кажется, Погодинъ его знаетъ. Нельзя ли какъ-нибудь уговорить Цыха, чтобы онъ взялъ себѣ, или просилъ, или бы по крайней мѣрѣ соглашался бы взять каѳедру Русской исторіи?

Ты извини меня, что я не толкую съ тобою ничего о пѣсняхъ. Право, душа не въ спокойномъ состояніи. Перо въ рукахъ моихъ какъ деревянная колода, между тѣмъ какъ мысли мои состоятъ теперь изъ вихря. Когда увижусь съ тобою, то объ этой статьѣ потолкуемъ вдоволь; потому что, какъ бы ни было, а всё таки надѣюсь быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Прощай, да пиши ко мнѣ. Въ эти времена волненія, письма всё-таки сколько-нибудь утишаютъ душу. Прощай. Твой Гоголь.

XIII.

Мая 29 (1834, изъ Петербурга).

Только-что я успѣлъ отправить къ тебѣ вчерашнее письмо мое, какъ вдругъ получилъ два твоихъ письма: одно еще отъ 10-го мая, другое отъ 19-го мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанію. Смирдинъ никуда не годится: онъ ихъ изволилъ продержать у себя больше недѣли. Благодарю, очень благодарю тебя за листки пѣсень. Я не пишу къ тебѣ никакихъ замѣчаній, потому что я ужасно не люблю печатныхъ, или письменныхъ критикъ, т. е. не читать ихъ не люблю, но писать. Недавно С. С. получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія, также какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Что жъ я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ-было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья уже была отпечатана. Такъ какъ не скоро къ вамъ доходятъ Петербургскія книги, то посылаю тебѣ особый отпечатанный листокъ, также и листокъ изъ Исторіи Малороссіи, которой мнѣ зѣло не хотѣлось давать. Я слышалъ уже сужденія нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ, которые глядятъ на этотъ кусокъ, какъ на полную исторію Малороссіи, забывая, что еще впереди цѣлыхъ 80 главъ они будутъ читать и что эта глава только—фронтисписъ. Я бы, впрочемъ, весьма желалъ видѣть твои замѣчанія,—тѣмъ болѣе, что этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ. Кстати: ты просилъ меня сказать о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и, вѣрно, приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раздѣленіе, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, что сдѣлалось уже нашимъ — и твоимъ, и моимъ вмѣстѣ.

Прощай! Цѣлую тебя нѣсколько разъ. Твой Гоголь.

XIV.

8 іюня (1834). СПб.

Я получилъ твое письмо черезъ Щепкина, который меня очень обрадовалъ своимъ пріѣздомъ. Что̀ тебѣ сказать о здоровьѣ? — —[1]) мы, братецъ, съ тобой! Что же касается до моихъ обстоятельствъ, то я самъ, хоть убей, не могу понять ихъ. За меня просили Дашковъ, Блудовъ; Сергѣй Семеновичъ самъ, кажется, благоволитъ ко мнѣ и очень доволенъ моими статьями. Кажется, какой сильный авторитетъ! Если бы какія особенныя препятствія мнѣ преграждали путь, но ихъ нѣтъ. Я имѣю чинъ коллежскаго ассесора, не новичекъ, потому что занимался довольно преподаваніемъ, между тѣмъ какъ всѣхъ учителей Кременецкаго Лицея произвели прямо въ ординарные... и при всемъ я не могу понять. Слышу увѣренія, ласки, и больше ничего! Чортъ возьми! они воображаютъ, что у меня не достанетъ духу плюнуть на все. Я не могу также понять и Брадке. Давши слово Жуковскому ожидать меня даже цѣлый годъ и не отдавать никому каѳедры Всеобщей Исторіи, и черезъ мѣсяцъ отдать ее Цыху! это досадно, право, досадно! Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно, потому что мнѣ нужно, очень нужно: мое здоровье, мое занятіе, мое упрямство требуетъ этого. А между тѣмъ мнѣ не видать его. Пѣсни твои идутъ, чѣмъ дальше, лучше. Да что̀ ты не присылаешь мнѣ до сихъ поръ введенія? мнѣ очень хочется его видѣть. Кстати о введеніи: если ты встрѣтишь что-нибудь новое въ моей статьѣ о пѣсняхъ, то можешь прибавить къ своему: дискать, вотъ что еще объ этомъ говоритъ Гоголь. Да что̀, вѣдь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова?

Прощай. Да хранятъ тебя небеса и пошлютъ крѣпость душѣ и тѣлу. Пора, пора вызвать мочь души и дѣйствов(ать) крѣпко! Твой Гоголь.

XV.

10 іюня (1834, изъ С. Петербурга).

Я получилъ твое письмо отъ 5 іюня вчера, т. е. 9 числа.

Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ Русская исторія. Ты очень странепъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, нежели Русскую исторію. Если бы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю

---

[1]) Здѣсь употреблено Гоголемъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называлъ *крепкими* и которыя часто употреблялъ въ письмахъ къ короткимъ пріятелямъ. *П. К.*

на два часа отдать себя скукѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что̀ я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что̀ дорого, что̀ было мило моему сердцу, люди, съ которыми сдружился и которыхъ алчетъ душа, все, что̀ привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивши все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всѣми мѣрами то, что̀ можетъ вызывать ее. И ты въ добавокъ хочешь еще, чтобъ самая должность была для меня тягостью! Если меня не будетъ занимать предметъ мой, тогда я буду несчастливъ. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, что̀ для другого кажется своенравіемъ, то есть у меня слѣдствіе дальновидности. Но, впрочемъ, кажется, это не можетъ остановить ихъ. Сергѣй Семеновичъ сказалъ мнѣ, что это ничего не значитъ, что можно помѣняться каѳедрами. Только то скверно, что я теперь мало всему этому вѣрю, послѣ всѣхъ проводовъ. Остановка вся за однимъ Брадке: безъ Брадке С. С. ни до порога. Итакъ я жду теперь отъ него рѣшенія, и по немъ узнаю, велитъ ли мнѣ судьба ѣхать, или нѣтъ. О пѣсняхъ твоихъ постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько-нибудь свою лѣнь, которая уже почуяла лѣто и становится деспотомъ. До слѣдующаго письма.

Твой Гоголь.

XVI.

27 іюня (1834, изъ Петербурга).

Я получилъ сегодня письмо твое отъ 23 іюня. Итакъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавай(ся) заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, непремѣнно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возьми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя нераннею осенью, или зимою; но когда бы то ни было, а всё-таки буду. Я далъ себѣ слово, и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не проби(ли) человѣческая сила и желаніе.

Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь. Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами! Чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя къ то(му) только, чтобы отемнить свои мысли! Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. Студенты твои такой тупой будетъ народъ, особливо сначала, что, право, совѣстно будетъ для нихъ слишкомъ много трудиться. Но, впрочемъ, лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними разборы. Это для нихъ полезнѣе всего: скорѣе разовьетъ ихъ умъ, и тебѣ будетъ пріятно. Такъ дѣлаютъ всѣ благоразумные люди. Такимъ обра-

зомъ поступаетъ и Плетневъ, который нашелъ — и весьма справедливо — что всѣ теоріи — совершенный вздоръ и ни къ чему не ведутъ. Онъ теп(ерь) бросилъ всѣ прежде читанныя лекціи и дѣлаетъ съ ними въ классѣ эстетическіе разборы, толкуетъ и наталкиваетъ ихъ морду на хорошее. Онъ очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и совѣтуетъ, съ своей стороны, тебѣ работать прямо съ плеча, что̀ придется. Вкусъ у тебя хорошъ, словесность Русскую ты знаешь лучше всѣхъ педагоговъ-толмачей; итакъ чего тебѣ больше? Послушай: ради Бога, занимайся поменьше это(й) гилью. Лѣто (ты) непремѣнно долженъ въ Кіевѣ полѣниться. Жаль, что я не съ тобою теперь: я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу. Я бы тебя повезъ по Пслу, гдѣ бы мы лежали въ натурѣ [1]), купались, а въ добавокъ бы еще женилъ тебя на хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но такъ и быть! пожди до лѣта слѣдующаго, а теперь прими совѣтъ и крѣпко держи его въ памяти. Книгъ я тебѣ въ Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты съ ними не разминулся, а посылаю прямо въ Кіевъ, гдѣ онѣ будутъ тебя ожидать. Какъ нарочно, эти книги нашлись у меня, и потому денегъ тебѣ за нихъ платить не нужно.—Изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ мною и другими достовѣрными людьми, оказывается, что нашъ Брадке знаетъ славно экзекуторскую должность при университетѣ. Высшая же оркестровка не такъ имъ сподручна, и потому ты можешь, принявши сіе свѣдѣніе, какъ слѣдуетъ распорядиться своими поступками: сирѣчь, приходить въ назначенное время на лекцію, ни раньше, ни позже, и вести аккуратность и порядокъ, чтобы смирно сидѣли по мѣстамъ и прочее. Но во всемъ этомъ ты можешь обойтиться и безъ моихъ совѣтовъ. Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бываетъ и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что все на свѣтѣ трынъ-трава и .... Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость человѣческая. Чортъ возьми! я какъ воображу, что теперь на Кіевскомъ рынкѣ цѣлые рядна вываливаютъ персикъ, абрикосъ, которое все тамъ ни по чемъ, что Кіево-Печерскіе монахи уже облизываютъ уста, помышляя о дѣланіи вина изъ доморощеннаго винограду, и что тополи ушпигуютъ скоро весь Кіевъ, — такъ, право, и разбираетъ ѣхать, бросивши все; но, впрочемъ, хорошо, что ты ѣдешь впередъ. Ты приготовишь тамъ все къ моему прибытію и пріищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ въ Кіевѣ, что̀, безъ сомнѣнія, и ты не замедлишь учинить съ своей стороны. Да, пріѣхавши въ Кіевъ, ты долженъ непремѣнно познакомиться съ эксъ-профессоромъ Бѣлоусо-

[1]) Намекъ на извѣстныя привычки Ивана Никифоровича: «Извините, что я передъ вами въ натурѣ». См. «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». *П. К.*

вымъ. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ, — на Подолѣ, кажется. Скажи ему, что я просилъ его тебя полюбить, какъ и меня. Онъ славный малой, и тебѣ будетъ пріятно сойтись съ нимъ.

Да послушай: какъ только тебѣ выберет(ся) время, даже въ дорогѣ, то тотчасъ пиши ко мнѣ, меня все интересуетъ о тебѣ... самая дорога и проч. и проч...

Смотри, пожалуста, не забывай писать почаще: ты мнѣ дѣлаешься очень дорогъ и, долго не получая отъ тебя письма, я уже скучаю.

Но да почіетъ надъ тобо(ю) благословеніе Божіе! Я твердо увѣренъ, что ты будешь счастливъ. Мнѣ пророчитъ мое сердце. Твой Гоголь.

XVII.

СПб. Іюль 1 (1834).

Итакъ посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ, гдѣ, надѣюсь, онѣ тебя уже застанутъ: вмѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсень, которыя въ разныя времена списывались. Она замѣчательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребительныя пѣсни, но которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ. Я думаю, ты теперь можешь много кое-чего отрыть въ Кіевопечерской лаврѣ, а для чичероне возьми Бѣлоусова, о которомъ я тебѣ писалъ. Ты теперь въ такомъ спокойномъ, уютномъ и святомъ мѣстѣ, что трудъ и размышленіе къ тебѣ притекутъ сами. Умѣй только распредѣлить хорошо время — занимайся каждый день, но не болѣе какъ два — и много — три часа; остальное время отдавай все прогулкѣ. Моціонъ тебѣ необходимъ. Наше солнце и нашъ воздухъ укрѣпятъ тебя, только занимайся всегда по утру. Ввечеру и въ полдень — Боже тебя сохрани! Въ полдень лежи на солнцѣ, но голову (держи) въ тѣни; ввечеру гуляй, или иди къ кому-нибудь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это непремѣнно долженъ соблюсти: если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказѣ. Прощай; да пребываетъ съ тобою все хорошее. Опиши все до иголки, какъ ты найдешь Кіевъ, въ какомъ видѣ представится тебѣ твое новое житье; все это ты долженъ неукоснительно описать. Я же буду ожидать съ нетерпѣніемъ твоего отзыва. Да, Бога ради, будь поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда непріятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ [1]), у котораго онъ подъ ногами и употребляется на обтирку ногъ его. Прощай. Цѣлую тебя на новосельи и ожидаю твоего письма.

---

[1]) Вѣроятно, Гоголь разумѣетъ Пушкина, который говоритъ:

«Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ....» *П. К*

XVIII.

СПб. Іюля 18 (1834).

Я получилъ твои экземпляры пѣсень и по принадлежности роздалъ, кому слѣдовало. Препровождаю къ тебѣ благодарность получателей. Жуковскій читалъ нѣкот(орыя): онѣ произвели эффектъ. Многія понравились Наслѣднику. Я, однакоже, всё ожидалъ, что ты еще будешь писать ко мнѣ изъ Москвы. Мнѣ хотѣлось знать, какъ ты собрался въ дорогу, сѣлъ въ бричку и прочее.

Что-то ты теперь подѣлываешь въ Кіевѣ? А кстати, чтобы не позабыть: къ вамъ, или къ намъ, въ Кіевъ хочетъ ѣхать одинъ преинтереснѣй(шій) и прелюбезнѣйшій человѣкъ, который тебѣ понравится до-нельзя, — настоящій землякъ и человѣкъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда, сохранившій все то, что̀ требуется для молодости, не смотря на то, что ему за сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора гимназіи, если нельзя въ Кіевѣ, то въ какой-нибудь другой Кіевскаго же округа. Въ началѣ онъ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, изъѣздилъ всю Русь, охотникъ страшный до степей [1]) и Крыма и, наконецъ, служитъ здѣсь въ почтовомъ департаментѣ. Извѣсти только, есть ли у васъ какое-нибудь вакантное мѣсто, и въ такомъ случаѣ замолвь словечко отъ себя Брадке, не прямо, но косвенно, т. е. вотъ каки(мъ) образомъ: что ты знаешь де человѣка, весьма годнаго занять мѣсто и истинно достойнаго, но что не знаешь де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ имѣетъ выгодное мѣсто, и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ, что прежде онъ хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ; то по(про)бовать, можетъ быть, онъ согласится, — тѣмъ болѣе, что тамъ близко его родина. А съ своей стороны ты очень будешь доволенъ имъ.

Познакомился ли ты съ Бѣлоусовымъ, какъ я тебѣ писалъ въ прежнемъ письмѣ? Онъ находится теперь при графѣ Левашевѣ.

Да что̀ ты не прислалъ мнѣ нотъ Малороссійскихъ пѣсень? прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ «Голоса», а самихъ-то голосовъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь ихъ.

Каково у васъ лѣто? какъ ты проводишь его?

Да пиши скорѣе. Что̀ это! я уже около мѣсяца не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Это скучно. Прощай. Твой Гоголь.

XIX.

14 августа, 1834 (Изъ С. Петербурга).

Я получилъ письмо твое отъ 4-го августа вчера (13). Во-первыхъ, позволь тебѣ замѣтить, что ты страшный нюня! все идетъ какъ слѣ-

---

[1]) Изъ его разсказовъ Гоголь заимствовалъ много красокъ для своего «Тараса Бульбы», напримѣръ: степные пожары и лебеди, летящіе въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки *П. К.*

дуетъ, а онъ еще и кисиетъ, когда я, который долженъ остаться въ чухонскомъ городѣ, плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ трынъ-трава... А признаюсь, грусть хотѣла было сильно подступить ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пйдлесня, что она задрала ноги, Что̀ мнѣ было дѣлать съ вашимъ Брадке! Обѣщать и не исполнить обѣщаннаго — развѣ этакъ можно дѣлать? Жуковскій писалъ къ нему, что министръ наконецъ согласенъ мнѣ дать экстраординарнаго профессора и что отъ него теперь зависитъ. Въ отвѣтъ было получено письмо, что онъ — Брадке — согласенъ мнѣ дать адъюнкта (какъ будто объ адъюнктѣ его просили) и что это мѣсто для меня очень выгодное (какъ будто я нищій и мнѣ оно дается изъ милости). Я заключилъ, что я не нуженъ' что я не имѣю счастія нравиться попечителю; стало быть, съ моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тѣмъ болѣе дѣйствовать мимо его. Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ Гетма́нщину, какъ здѣшній попечитель князь Корсаковъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ чрезъ три мѣсяца экстраорд. профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: та́къ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что̀ было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя передніи и лакейскія пробираться къ мѣсту. Между тѣмъ, поживя здѣсь, я буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театръ здѣшній я ставлю пьесу [1]), которая, надѣюсь, коечто принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую. Короче, въ эту зиму я столько обдѣлаю, если Богъ поможетъ, дѣлъ, что не буду раскаяваться въ томъ, что остался здѣсь этотъ годъ. Хотя душа сильно тоскуетъ за Украйной, но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что съ своей стороны употребилъ всѣ возможныя силы. Я не знаю отчего это произошло, что попечитель согласенъ теперь, по крайней мѣрѣ по твоимъ словамъ, дать мнѣ экстраординарнаго. Отчего же онъ прежде не хотѣлъ и отказалъ напрямикъ Жуковскому! Видно, Левашевъ просилъ его за меня, которому Дашковъ писалъ два раза. Но только все мнѣ непонятно. Письмо Жуковскій получилъ довольно поздно. Какъ бы то ни было, но перебираюсь на слѣдующій годъ, и если вы не захотите

[1]) Дѣло идетъ о «Ревизорѣ». Другая пьеса, о которой онъ упоминаетъ дальше, вѣроятно — «Женитьба». *П. К.*

принять къ себѣ въ Кіевъ, то въ отеческую берлогу, потому что мнѣ доктора велятъ напрямикъ убираться, да притомъ и самому становится, чѣмъ далѣ, нестерпимѣе Петербургскій воздухъ.

Я тебя прошу, пожалуста, развѣдывай, есть ли въ Кіевѣ продающіяся мѣста для дома, если можно, съ садикомъ и, если можно, гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ виденъ изъ него, и если найдется, то увѣдоми меня; я не замедлю выслать тебѣ деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вмѣстѣ.

Пожалуста, напиши мнѣ обстоятельнѣе о Кіевѣ. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхалъ, каковъ онъ, и каковъ имѣетъ характеръ людъ, обитающій въ немъ: офицеры, Поляки, ученый дрязгъ нашъ, перекупки и монахи.

Тотъ пріятель нашъ, о которомъ я рекомендовалъ тебѣ, есть Семенъ Данил. Шаржинскій: воспитыва(лся) въ здѣшнемъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ, былъ отправленъ учителемъ въ Ѳеодосію, послѣ въ другія мѣста въ южной Россіи, — въ какія, не помню, а спросить его позабылъ, потомъ служилъ въ таможняхъ, наконецъ (находится) у Булгакова въ почтовомъ департаментѣ. Въ Нѣжинъ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что гимназія имѣетъ особенныя права и постановленія, да притомъ знаетъ, что тамошніе профессора — большіе бестіи, отъ которыхъ уже товарищи его, вмѣстѣ съ нимъ воспитывавшіеся и бывшіе тамъ профессорами, пострадали [1]).

Спѣшу къ тебѣ кончить письмо, зане страхъ некогда: сейчасъ ѣду въ Царское, гдѣ проживу двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ. Прощай. Твой Гоголь.

XX.

Августа 23 (1834, изъ С. Петербурга).

Пріятель нашъ Семенъ Данилов. Шаржинскій хочетъ или въ Каменецъ-Подольскую, или въ Винницкую гимназію, и потому я тебѣ еще разъ пишу объ этомъ. Если эти мѣста не вакантны теперь, то, можетъ быть, тебѣ извѣстно, когда они будутъ вакантны, и въ такомъ случаѣ пожалуста не прозѣвай. Пронюхай, что̀ есть путнаго въ вашей библіотекѣ, относящагося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручилъ кому-нибудь составить имъ маленькой реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довол(ьно) замѣчательныхъ вещей. Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно новая. Есть ли что-нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила... А у монаховъ неужели ни ...? это жаль! Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но

[1]) Объ этой исторіи см. Русскій Архивъ 1877 г.

только не надъ казенною работою, т. е. не надъ лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами. На дняхъ Сенковскій и Гречъ перегрызлись, какъ собаки; но, впрочемъ, есть надежда, что сіи достойные люди скоро помирятся. Наши всѣ разъѣхались: Пушкинъ въ деревнѣ, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья своей дочери. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго усмотрѣнія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 августа. Офицерья и солдатства страшное множество — и прусскихъ, и голландскихъ, и австрійскихъ. Говядина и водка вздорожали страшно.

Прощай. Пиши, что̀ и какъ въ Кіевѣ. Твой Гоголь.

XXI.

СПб. Января 22, 1835.

Ну, братъ, я уже не знаю, что̀ и думать о тебѣ. Какъ! ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь календарь или конскій лечебникъ? Посылаю тебѣ сумбуръ, смѣсь всего, кашу, въ которой есть ли масло — суди самъ [1]). За то ты долженъ непремѣнно описать все, что̀ и какъ, начиная съ университета и до послѣдней Кіевской букашки. Я думаю, что ты пропасть услышалъ новыхъ пѣсень. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихъ-нибудь эдакихъ старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтобъ не позабыть. Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ Житомирской гимназіи, изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомирѣ. Онъ былъ послѣ и въ Московскомъ университетѣ, и тамъ получилъ канди(да)та. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ.

Ну, весною увидимся; нарочно ѣду на Кіевъ для одного тебя.

Что̀ тебѣ сказать о здѣшнихъ происшествіяхъ? У насъ хорошаго, ей Богу, ничего нѣтъ. Вышла Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта», а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковскаго полныя сочиненія и выйдутъ всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу. Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9. Авось-либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы, право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ-нибудь хорошимъ. Но...

Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть двѣ строчки? Твой Гоголь.

---

[1]) «Арабески». *П. К.*

XXII.

Марта 22 (1835. Изъ С. Петербурга).

Ой, чи жи́ви, чи здоро́ви
Всі ро́дичи гарбузо́вы? [1])

Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во-первыхъ потому, что не коротко, а во-вторыхъ потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

Посылаю тебѣ «Миргородъ». Авось-либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое твое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ [особенно ты] глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ козакъ. Пробовалъ ли ты когда-нибудь, вставши поутру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ тропака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуетъ другой души, чтобы разсказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай, и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься съ старыми своими друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь приѣхать въ Кіевъ, хотя мнѣ впрочемъ совсѣмъ не по дорогѣ.

Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ всѣ правовѣдцы, да притомъ отъ нихъ такъ пахнетъ семинаріей, что ужъ слишкомъ. Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ: а что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на-подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повы-

---

[1]) Изъ народной комической пѣсни:

Хо́дить гарбу́зъ по городу,
Пыта́ецця свого́ ро́ду... *П. К.*

шеній, ни честолюбія. Если бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я бы совѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что̀ значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка.

Но прощай. Напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастіе? знаешь ли ты его? Ты, свидѣтель ея рожденія, впиваешь ее, дышишь ею — и послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не желаю видѣть, по крайней мѣрѣ на все продолженіе ея, ни даже любовницы, что казалось бы потребнѣе всего весною. Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни. Твой Гоголь.

XXIII.

Полтава. Іюль, 20 дня, 1835.

О тебѣ я потерялъ совершенно всѣ слухи. Не получая долго писемъ, я думалъ, что ты занятъ; къ тому же на ухо шепнула мнѣ лѣнь моя, что нечего и тебѣ докучать письмами, и я рѣшился лучше всего этого явиться къ тебѣ вдругъ въ Кіевъ. Но вышло не такъ: ѣхавшему вмѣстѣ со мною нужно было поспѣшать въ срокъ и никакъ нельзя было дѣлать заѣздовъ, и Кіевъ былъ пропущенъ мимо. Теперь я живу въ предковской деревнѣ и черезъ три недѣли ѣду опять въ Петербургъ къ 13 или къ 14. Впрочемъ, буду непремѣнно въ Кіевѣ, нарочно сдѣлавши 300 верстъ кругу, и проживу два дни съ тобою. И тогда поговоримъ о томъ, и о другомъ, и о прочемъ. Больше, право, ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя. Впрочемъ, ты, вѣрно, это и безъ моихъ объявленій знаешь. Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находитъ столбнякъ. А что̀, какъ ты? Я думаю, такъ двинешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебѣ Богъ за то возрастанія силъ и здоровья. Если будетъ тебѣ время, то отзовись еще; письмо твое успѣетъ застать меня. Право, соскучилъ безъ тебя. Дай хоть руку твою увидѣть. Прощай. Твой Гоголь.

XXIV.

Москва. Генваря 10 (1842).

Письмо твое металось и мыкалось по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ и наконецъ нашло меня здѣсь. Очень радъ, что увидѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что

не могу исполнить твоей просьбы. Погодинъ слилъ пулю, сказавши тебѣ, что у меня есть много написаннаго. У меня есть, это правда, романъ, изъ котораго я не хочу ничего объявлять до времени его появленія въ свѣтъ; притомъ отрывокъ не будетъ имѣть большой цѣны въ твоемъ сборникѣ[1]), а цѣльнаго ниче гонѣтъ, ни даже маленькой повѣсти. Я уже хотѣлъ-было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылѣзло изъ нея. Она у меня одеревянѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состояніи дѣлать, — не въ состояніи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Если бъ ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь. О, много, много пропало, много уплыло! Напиши мнѣ, что̀ ты дѣлаешь и что̀ хочешь дѣлать потомъ, когда сбросишь съ плечъ все то, что̀ тяжело лежало на нихъ. Пріѣзжай когда-нибудь, хоть подъ закатъ дней, въ Римъ, на мою могилу, если не станетъ уже меня въ живыхъ. Боже, какая земля! какая земля чудесъ! и какъ тамъ свѣжо душѣ!...

Прощай, душа! Обнимаю тебя. Пиши на имя Погодина.

Твой Гоголь.

---

[1]) Максимовичъ тогда издавалъ «Кіевлянинъ».

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 4.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ОРѢХОВЕЦКІЙ ДОГОВОРЪ. — ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

Я. К. Грота.

(Съ литографированнымъ снимкомъ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1877.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1877 года

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Неизвѣстный до сихъ поръ русскій текстъ Орѣховецкаго договора.

Въ Стокгольмѣ отпечатанъ недавно первый томъ предпринятаго на счетъ правительства важнаго изданія «Договоровъ Швеціи съ иностранными державами» [1]). Въ предисловіи издатель, г. О. С. Рюдбергъ, объясняетъ, что въ шведской литературѣ это—еще первое собраніе подобныхъ документовъ; они расположены въ хронологическомъ порядкѣ и дополнены такими трактатами между другими государствами, которые прямо касаются Швеціи. Г. Рюдбергъ пользовался для этого какъ архивами, такъ и разсѣянными въ другихъ мѣстахъ рукописями и печатными текстами. Съ тою же цѣлію онъ предпринималъ путешествія въ чужіе края, былъ между прочимъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; такимъ образомъ ему удалось собрать много матеріаловъ не только для настоящаго тома, но и для послѣдующихъ, что́ должно значительно ускорить ходъ изданія. Печатается оно изящно и составляется съ большимъ тщаніемъ; первый томъ содержитъ 637 страницъ; въ концѣ его приложены указатели: 1) хронологическій; 2) по государствамъ, расположеннымъ въ азбучномъ порядкѣ; 3) географическій и 4) личный. Второй изъ этихъ реестровъ повторенъ и на французскомъ языкѣ. Сверхъ

[1]) Полное заглавіе книги: «Sverges Traktater med främmande magter jemte andra dithörande handlingar. Utgifne af O. S. Rydberg. Första delen 822—1335. Stockholm 1877». (т. е. Договоры Швеціи съ иностранными державами и другіе относящіеся къ тому акты. Изданы О. С. Рюдбергомъ. Часть первая).

того въ концѣ тома помѣщены два большіе снимка съ подлинныхъ рукописныхъ актовъ, прекрасно исполненные въ Берлинѣ.

Для насъ всего интереснѣе въ этомъ томѣ русскій текстъ *Орѣховецкаго договора*, въ первый разъ открытый и изданный г. Рюдбергомъ, а также изслѣдованіе его о двухъ найденныхъ имъ редакціяхъ этого памятника. Трактатъ, заключенный въ 1323 году между новгородскимъ княземъ Юріемъ и шведскимъ королемъ Магнусомъ, установившій впервые опредѣлительнымъ образомъ границы между обоими государствами и послужившій основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ между ними соглашеній, извѣстенъ былъ до сихъ поръ только въ латинскихъ и шведскихъ текстахъ. Первый, кто упомянулъ о сохранившихся въ шведскомъ государственномъ архивѣ двухъ русскихъ спискахъ орѣховецкаго договора, былъ извѣстный ученый, г. Гильдебрандъ. Прочитавъ его указаніе на то въ Запискахъ стокгольмской академіи исторіи и древностей[1]), я еще въ 1850-хъ годахъ отнесся къ государственному архиваріусу, бывшему профессору Гельсингфорсскаго университета Нордстрему, съ просьбою доставить мнѣ копіи съ этихъ списковъ. Нордстремъ († 1874 г.) тогда же отвѣчалъ мнѣ, что дѣйствительно ихъ видѣли въ тамошнемъ архивѣ, но что потомъ они были заложены, такъ что никто уже не могъ ихъ отыскать. Долгое время они считались потерянными, пока г. Рюдбергу удалось снова найти ихъ. Часть его книги, касающаяся Орѣховецкаго договора, отпечатана также отдѣльно съ нѣкоторыми дополненіями, и притомъ съ приложеніемъ фотолитографированнаго снимка съ русской рукописи (котораго нѣтъ въ полномъ изданіи). Года три тому назадъ шведскій посланникъ въ Петербургѣ г. Дуэ, по просьбѣ г. Рюдберга, сообщалъ мнѣ какъ этотъ снимокъ, такъ и другой со второго списка, для полученія моего отзыва о языкѣ и другихъ особенностяхъ обѣихъ рукописей. Вотъ текстъ главнаго списка:

---

[1]) Въ статьѣ: «Om Nöteborgska Freden och Sveriges gräns mot Ryssland från år 1323 till början af 17-de århundradet» (Kongl. Vitterhets-Historie-och Antiqvitets Academiens Handlingar. t. XX, 171—260).

«Се я^{з} князь великыи Юрги спосадникомъ Алфоромѣ-
јемъ и стысяцки^{м} Аврамо^{м} съ всѣмъ Новымъ городомъ
докончали есмъ съ братомъ свои^{м} съ князе^{м} Свеискы^{м}
с Мануше^{м} Ориковице^{м}. А приехали о^{т} Свѣиского
кн҃зя по́слове Герикъ Дюуровиц^{ъ} Геминки Орисло-
виць Петр^{ъ} Юнши^{н} попъ Вымундеръ. А ту бы^{л}
о^{т} купець съ Готского берега Лодвикъ и Ѳедоръ,
и докончали есмы миръ вѣчныи и хрестъ целовали
и да кня^{з} великји Юрги совсѣмъ Новы^{м}городо^{м} по
любви три погосты Севилакшю, Яскы, Огребу Корѣль
скый погосты, а розво^{л} и межя о^{т} моря река Сестрея
о^{т} Сестреѣ мохъ середе мха гора о^{т}толе Сая рѣка
о^{т} Саѣ Солнычныи каме^{н}, о^{т} Солнычнего камени
на Чермьную Щелю, о^{т} Чермной Щельѣ, на озеро
Лембо о^{т}толе на мохъ на Пехкѣй, о^{т}толѣ на озе-
ро Кангасъ јерви, о^{т}толѣ на Пурноярьви, о^{т}толе
. . . . . Янтоярви, о^{т}толѣ Торжеярви, о^{т}толѣ Серги-
лакши о^{т}толѣ Самосало, о^{т}толѣ Жити, о^{т}толѣ Корѣ-
ло^{м}кошки, о^{т}толѣ Колѣмакошки о^{т}толѣ Патсоѣки
о^{т}толе Каяно море. а что н҃ши^{х} погостовъ
Новгоро^{л}скихъ воды и землѣ, и лови^{т}(^{т}?) у Ловежи
половина во всѣмъ Ковкоу кали половина
Ватикиви половина Соумовиси половина
Уксипя половина Урбала половина, Кедевя
шестая часть, Бобровъ Коуноустани шестая
часть за рубеже^{м} а то все к Новугороду...
Гости гостити беспакости изъ всеи нѣмъцискою зе^{м}
лѣ из Любка из Готского берега и Свѣискои землѣ
по Невѣ в Новгоро^{л}горою и водою а Свѣямъ всѣмъ
из выбора города гости не переимати, тако же и нашему
гостю чистъ путь заморе посемъ миру городо^{в}
не ставити ко корѣльскои землѣ ни ва^{м} ни намъ.
А должникъ и поручникъ и холопъ нихто лихо
не учини^{т}. А побѣгнеть или ква^{м} или кна^{м} выдати

его по исправѣ. А землѣ и воды у новогородскои
Корѣлы некупити Свеямъ и выборяномъ.
Аже имуть за наровцѣ нѣ правити к великому кн҃зю
и к новугороду. а Свея^м имъ не пособляти. а что ся
учинитъ в томъ миру обидное или о^т васъ
или о^т насъ миру не порушити всему тому ѭсправа
учинити, а гдѣ учинится тяжь ту нѣ кончати по
Бжиј правде а навугороду миръ и пригородомъ
всѣмъ и всеи во́лости Ноугородскои такоже
и всеи землѣ Свѣискои а взя ъ князь великиј
и миръ и весь Новгоро^х Свеиски^м князе^м и совсею
Свѣискою землею и свыборо^м в пятьницу за три дни
передь успенѣемъ С҃тыя Бц҃я. А хто измѣни^т
хрестеноје цѣлованѣје на того Бъ҃ и С҃тая Бц҃я.

«Орѣховецкій миръ (говоритъ издатель), первый договоръ, опредѣлявшій отношенія между Швеціей и ея восточнымъ сосѣдомъ, составляетъ безъ сомнѣнія одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ памятниковъ нашихъ среднихъ вѣковъ. О значеніи, какое сохранялъ этотъ актъ еще и въ послѣдующія столѣтія, пока тявзинскій миръ не утвердилъ взаимныхъ отношеній обоихъ государствъ на новыхъ основаніяхъ, свидѣтельствуютъ не только многіе договоры, которые ссылаются на трактатъ Юрія и Магнуса, но и многочисленные его списки 15-го, 16-го и 17-го вѣковъ, хранящіеся въ шведскомъ государственномъ архивѣ.

«Между тѣмъ этотъ трактатъ, будучи извѣстенъ намъ только въ спискахъ, причинилъ наукѣ большія затрудненія. Эти копіи, писанныя на разныхъ языкахъ, по-русски, по-латыни и по-шведски и столь различныя по содержанію, что онѣ никакъ не могутъ быть пріурочены къ одному основному тексту, подали поводъ къ весьма разнообразнымъ толкованіямъ. Мои разысканія какъ по этимъ актамъ, такъ и по другимъ документамъ, относящимся ко времени отъ конца 15-го до второй половины 16-го столѣтія, когда разсматриваемый договоръ игралъ важную роль въ дипло-

матическихъ сношеніяхъ между Швеціей и Россіей, привели къ результатамъ, существенно отличающимся отъ тѣхъ, къ которымъ приходили другіе изслѣдователи». Для разъясненія истины г. Рюдбергъ не жалѣлъ трудовъ: какъ мы уже видѣли, онъ посылалъ въ Петербургъ снимки съ обѣихъ найденныхъ имъ въ шведскомъ архивѣ рукописей. Вѣрныя и четко писанныя съ нихъ копіи были сдѣланы для него подъ наблюденіемъ академика А. Ф. Бычкова, а печатный текстъ по фотографическому снимку провѣренъ профессоромъ славянскихъ языковъ въ Копенгагенѣ г. Смитомъ и имъ переведенъ дословно на шведскій языкъ.

Изъ подробнаго изслѣдованія г. Рюдберга, занимающаго 72 страницы большого формата, убористой печати, сообщу здѣсь наиболѣе выдающіяся замѣчанія.

Затерянный подлинникъ Орѣховецкаго договора, какъ мы узнаёмъ изъ находящейся въ стокгольмскомъ архивѣ отмѣтки, писанъ былъ по-русски и по-латыни. Относительно судьбы подлинника можно вывести слѣдующія заключенія. Хранился онъ въ Выборгѣ, гдѣ изстари велись переговоры съ Россіею. Въ 1537 г. шведскіе уполномоченные объявили русскимъ, что Юрьева грамота о мирѣ пропала; однакожъ оказывается, что это увѣреніе было только предлогомъ, придуманнымъ по политическимъ причинамъ, такъ какъ Шведы не хотѣли признавать границъ, опредѣленныхъ трактатомъ 1323 года. Изъ хранящихся въ шведскомъ государственномъ архивѣ реестровъ видно, что еще около исхода 17-го вѣка было цѣло значительное количество старинныхъ трактатовъ, заключенныхъ съ Россіею, и всѣ соображенія приводятъ къ убѣжденію, что упоминаемый нами подлинный договоръ со многими другими драгоцѣнными документами погибъ не ранѣе, какъ при пожарѣ выборгскаго замка 7 мая 1697 года.

Любопытно то обстоятельство, что дошедшіе до насъ списки этого договора,—сколько извѣстно, единственнаго, какой былъ заключенъ между Юріемъ и Магнусомъ,—представляютъ по содержанію двѣ различныя редакціи и могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, какъ бы указывающія на двѣ договорныя грамоты. Ру-

списи одной группы носятъ помѣту: пятница предъ успѣніемъ Богоматери—«sexta feria proxima ante assumpcionem beate virginis»; на спискахъ другой группы читается то: понедѣльникъ предъ Рождествомъ Богородицы, то: понедѣльникъ до (или послѣ) Рождества Богородицы — «feria secunda ante (post) nativitatem beate virginis». По изслѣдованіямъ г. Рюдберга становится несомнѣннымъ, что первоначальный трактатъ принадлежитъ къ первой изъ этихъ двухъ группъ, хотя относящійся къ ней списокъ и носитъ литеру B съ отмѣткою: «старая порубежная грамота, которой не должно показывать» (gambla Rågångzbref som intet skole frambäras). Это предостереженіе въ той или другой формѣ находится на многихъ старинныхъ спискахъ именно первой изъ означенныхъ группъ разсматриваемаго документа и служитъ только къ подтвержденію мысли о подлинности ея содержанія.

Что касается другого русскаго списка, существенно отличающагося по содержанію отъ приведеннаго, то онъ, по мнѣнію г. Рюдберга, не что иное какъ переводъ съ шведскаго текста позднѣйшаго происхожденія. Этотъ позднѣйшій текстъ сохранился въ нѣсколькихъ шведскихъ и латинскихъ редакціяхъ. Издатель весьма подробно и основательно разсматриваетъ какъ ихъ взаимное отношеніе, такъ и связь ихъ съ первоначальнымъ текстомъ, и приходитъ къ убѣжденію, что позднѣйшія редакціи вовсе не основываются на дѣйствительномъ трактатѣ, что онѣ подложны. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ этого служитъ ему то, что не сохранилось ни латинскаго, ни русскаго текста позднѣйшаго трактата, который конечно былъ бы заключенъ именно на этихъ двухъ языкахъ. Латинскихъ списковъ много, но они по всѣмъ признакамъ составлены по шведскому, съ котораго переведенъ и единственный русскій списокъ этой редакціи. Другое важное доказательство то, что при заключеніи тявзинскаго договора между Россіей и Швеціей уполномоченные руководствовались только первоначальнымъ актомъ, а о позднѣйшемъ нѣтъ и помину. Такимъ образомъ послѣдній, явно составленный въ пользу Швеціи, несомнѣнно оказывается подложнымъ и возникъ, по всей

вѣроятности, въ концѣ 15-го или началѣ 16-го вѣка, когда Шведамъ хотѣлось подкрѣпить формальнымъ документомъ тѣ отступленія отъ первоначально опредѣленной пограничной линіи, которыя постепенно совершились частію вслѣдствіе напора съ запада возраставшаго населенія, частію на основаніи добровольныхъ соглашеній между сосѣдними жителями обоихъ государствъ.

Нельзя не отдать справедливости достоинствамъ изслѣдованія г. Рюдберга, которое отъ начала до конца ведено съ величайшею основательностью и рѣдкимъ безпристрастіемъ.

Кромѣ Орѣховецкаго трактата изданный томъ содержитъ въ себѣ и другіе договоры, состоявшіеся между русскими князьями и Швеціею въ продолженіе времени отъ 1189 до 1326 года.

II.

Происхожденіе императрицы Екатерины I.

Извѣстно, какъ много предположеній высказано о происхожденіи второй супруги Петра Великаго. Объ этомъ вопросѣ составилась на иностранныхъ языкахъ, особенно на нѣмецкомъ, цѣлая литература, не лишенная своего интереса. Такъ какъ порусски нигдѣ еще не было напечатано полнаго свода этихъ догадокъ, то я здѣсь, прежде всего, вкратцѣ исчислю ихъ съ указаніемъ источниковъ:

1) Екатерина была незаконная дочь эстонской крѣпостной крестьянки, родилась въ деревнѣ Рингенѣ въ Дерптскомъ округѣ; отецъ ея былъ владѣлецъ этого имѣнія, отставной шведскій подполковникъ фонъ Розенъ. (Свѣдѣніе ганновернаго резидента Вебера, слышавшаго это отъ жившаго въ домѣ Глюка учителя Вурмба) [1]).

2) Она родилась въ Рингенѣ, но отецъ ея былъ сосѣдъ Розе-

[1]) Письмо Вебера объ этомъ (донесеніе ганноверскому Geheimratscollegium напеч. въ книгѣ Шмидта Физельдека: Materialien zu der Russischen Geschichte I, 203—217. Франц. переводъ этого письма въ Mémoires du règne de Catherine 605 и слд. Почти тотъ же разсказъ въ De la Motraye, Travels (III, 128), у Mauaillon (Histoire de Pierre I) и въ Loisirs du chevalier d' Eon, VI, 18.

на, баронъ Альбедиль; она впослѣдствіи вышла замужъ за подполковника Тизенгаузена и овдовѣла (Гюбнеръ) [1]).

3) Она родилась въ Рингенѣ, но отецъ ея былъ могильщикъ (Вольтеръ) [2]).

4) Она была дочь Альвендаля и его крѣпостной женщины, которую онъ послѣ выдалъ за богатаго крестьянина, прижившаго съ нею еще дочь. (Донесеніе цесарскаго посланника графа Бюсси-Рабютина) [3]).

5) Она была лифляндка по мѣсту жительства и происхожденію ея родителей (Гупель) [4]).

6) Она была дочь шведскаго квартирмейстера Іоанна Рейнгольдсона Рабе и жены его, урожденной Елисаветы Морицъ, на которой онъ женился въ Лифляндіи, когда тамъ стоялъ въ гарнизонѣ въ 1670-хъ годахъ; вернувшись на родину, въ шведскую провинцію Вестготландію, онъ тамъ въ 1682 г. прижилъ Марту (впослѣдствіи Катерину), но черезъ два года умеръ; вдова его поспѣшила уѣхать съ дѣтьми назадъ въ Лифляндію, и по смерти ея дочь эта была взята въ домъ Глюка. Тамъ она сдѣлалась невѣстой, а кто говоритъ и женой молодого драгуна, когда вдругъ Русскіе явились подъ Маріэнбургомъ. (Шведскіе историки Нордбергъ [5]) и Лагербрингъ) [6]).

7) Она была дочь рижскаго бюргера Петра Баденика († 1683 или 1684), который былъ два раза женатъ и имѣлъ отъ перваго брака пятерыхъ, отъ второго четверыхъ дѣтей. Катерина родилась 5 февраля 1679 г. (Иверсенъ) [7]).

---

[1]) Hübners Genealogische Tafeln. (Tab. 113). Его же Supplemente, стр. 168. Milissantes Jetztlebendes Europa I, 97.

[2]) Vie de Charles XII и Histoire de Russie sous Pierre le Grand (1760), стр. 225. Нѣмец. изд., стр. 262.

[3]) Полное его имя было: Graf Ignaz Amadeus v. Bussy-Rabutin. Его донесеніе отъ 28 сент. 1725 напеч. въ Büschings Magazin XI, 481 и слл.

[4]) Hupel. Nordische Miscellaneen II, 219, и V, 233.

[5]) Nordberg. Carl XII historia II, 132.

[6]) Lagerbring. Abriss der Schwedischen Reichshistorie, стр. 32.

[7]) Въ статьѣ: «Das Mädchen von Marienburg», напеч. въ апрѣльской книжкѣ 1857 г. брауншвейгскаго журнала Westermanns Illustrirte Monats-

8) Отецъ ея былъ литовскій уроженецъ Сковронскій, переселившійся въ Дерптъ, гдѣ она и родилась отъ законной жены его. Сперва она крещена была въ католическую вѣру, но потомъ перешла въ лютеранство [1]). (Бюшингъ, Вильбуа, Новая исторія Китайцевъ и Гавенъ).

Не считаю нужнымъ подробнѣе развивать всѣ видоизмѣненія этихъ толковъ и слуховъ, означенныхъ здѣсь только въ общихъ чертахъ. Разнорѣчивыхъ свѣдѣній о дѣтствѣ Екатерины и вообще о жизни ея до сближенія съ Петромъ Великимъ я вовсе не касаюсь. Замѣчу только, что обзоръ предположеній о происхожденіи и первоначальной судьбѣ этой загадочной женщины можно найти: 1) въ названной выше (см. прим. 1) книгѣ Шмидта Физельдека; 2) въ упомянутой статьѣ Бюлау; 3) въ статьѣ Иверсена, и 4) въ шведской книгѣ Густава д'Альбедиля (Gustaf D'Albedyhll) «Skrifter af blandadt, dock mäst politiskt och historiskt innehåll». (Nyköping) I, (1799), стр. 198, и II (1810), стр. 76—135. («Статьи смѣшаннаго, особенно же политическаго и историческаго содержанія»).

Статья, напечатанная въ послѣдней изъ этихъ книгъ, подъ заглавіемъ: «Handlingar till ytterligare upplysning af Kejsarinnan Catharina I-s härkomst» («Матеріалы для дальнѣйшаго поясненія вопроса о происхожденіи Екатерины I»), особенно любо-

schrift. Здѣсь любопытны дополнительныя свѣдѣнія о пасторѣ Глюкѣ. Объ этой статьѣ см. Bülau, Geheime Geschichten u. räthselhafte Menschen. Leipzig 1857. VIII, 502. Также Das Inland 1858, № 51. Благодаря обязательному сообщенію Ю. Б. Иверсена, я имѣлъ случай прочитать не только самую печатную статью покойнаго отца его (das Mädchen von Marienburg), но и рукописную болѣе полную редакцію ея. Не могу однакожъ скрыть, что доводы г. Иверсена не убѣдили меня въ справедливости его убѣжденія, будто Екатерина I была сестра г-жи Бергъ, урожденной Бадендикъ: онъ самъ сознается, что увѣреніе названной дамы объ этомъ родствѣ не подтверждается ни церковными книгами, ни какими-либо другими документами.

[1]) Büschings Magazin (III, 190). Его же Gelehrte Abhandlungen u. Nachrichten aus u. von Russland. I, 231. — Mémoires secrets du sieur Villebois. Bruxelles 1853 (Адмиралъ Вильбуа былъ женатъ на дочери пастора Глюка). Neuere Geschichte der Chinesen, Japaner etc. (съ французск. соч. Richer) XVII, 118 и слл. Ср. Mémoires du règne de Catherine I.—Havens Efterraetningar om det Russiske Rige, I. 403.

пытна тѣмъ, что въ ней мы находимъ родъ полемики между потомками двухъ лицъ, которымъ преданіе приписывало и отчасти до сихъ поръ приписываетъ рожденіе Екатерины I, именно между д'Альбедилемъ, издателемъ книги, и шведскимъ учителемъ Рабе. Д'Альбедиль (род. 1758, ум. 1819) назначенъ былъ въ 1775 г. секретаремъ шведскаго посольства въ Петербургѣ, а въ 1789 былъ посломъ Густава III въ Копенгагенѣ. Онъ отказывается отъ всякаго притязанія на поддержаніе слуха относительно своего предка и объясняетъ его тѣмъ, что послѣ возвышенія Екатерины были при дворѣ толки о ея происхожденіи, и естественно ее стали выводить изъ дворянскаго рода. Внукъ пастора Глюка, сынъ женатаго на третьей его дочери барона *Коскуля*[1]), держался, относительно происхожденія Екатерины, мнѣнія Вебера, и написалъ объ этомъ, въ началѣ 1780-хъ годовъ, замѣтку, въ которой между прочимъ говорилъ, что «сироту хотѣли представить не недостойною руки и скипетра царя и потому придумали, что она была законная дочь Альбедиля и сдѣлалась невѣстою подполковника Тизенгаузена». Д'Альбедиль, напечатавъ письмо Коскуля по этому предмету, какъ видно, согласился съ этимъ взглядомъ. Что касается фамиліи *Альвендаль* (Alvendal), упоминаемой кесарскимъ посланникомъ Рабутиномъ, то онъ же, издатель названной книги, замѣчаетъ, что такого имени никогда не бывало, а что если оно иногда слышалось въ разговорномъ языкѣ сперва въ Лифляндіи, а потомъ и въ Швеціи, то это было только искаженіемъ настоящей его формы: Альбедиль.

Гораздо упорнѣе въ поддержаніи толковъ о своемъ предкѣ былъ Кастенъ Рабе, учитель въ городѣ Фелькенбергѣ[2]); прочитавъ въ первой части изданія Альбедиля письмо Коскуля, ничего не упомянувшаго объ этихъ толкахъ, онъ вошелъ въ переписку

---

[1]) Изъ трехъ дочерей Глюка старшая вышла за генералъ-фельдцейхмейстера Вильбуа, вторая за остзейскаго барона Фитингофа, а третья за полковника Коскуля.

[2]) Небольшой приморскій городъ въ югозападной Швеціи.

съ Альбедилемъ и старался доказать правдоподобіе преданія о шведскомъ происхожденіи Екатерины.

Въ исторіи С. М. Соловьева указанъ документъ, который весьма положительнымъ образомъ подтверждаетъ показанія Вильбуа, Бюшинга и Гавена о томъ, что Екатерина I была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Сковронскаго. Этотъ документъ — письмо къ ней Петра Бестужева отъ 25 іюня 1715 г. изъ Риги о томъ, что онъ по ея приказанію искалъ въ Крейцбургѣ фамиліи Веселевскихъ и между прочимъ развѣдалъ, что Сковородскій (sic) былъ женатъ на курляндкѣ Доротеѣ Ганъ и имѣлъ съ нею двухъ сыновей и четырехъ дочерей, изъ которыхъ третья, Катерина, жила въ Крайцбургѣ у тетки своей (сестры матери) Маріи Анны Веселевской, а 12-ти лѣтъ отъ роду взята была въ шведскую Лифляндію къ маріэнбургскому пастору. Историкъ нашъ прибавляетъ, что Екатерина родилась въ 1683 году, ибо 5 апрѣля 1724 года ей минулъ сорокъ одинъ годъ, по донесенію голландскаго резидента [1]). Вѣроятно, тотъ же документъ разумѣетъ Н. И. Костомаровъ, когда въ своей обширной статьѣ «Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица» [2]) говоритъ: «Изъ дѣлъ государственнаго архива узнаемъ только, что Екатерина была дочь крестьянина Сковронскаго». Г. Соловьевъ былъ осторожнѣе, сказавъ только что отецъ Екатерины былъ «обыватель Лифляндіи» [3]). Къ сожалѣнію, г. Костомаровъ, по обыкновенію своему, не указалъ точнѣе на источникъ, который служилъ ему основаніемъ. Вѣроятно, это то самое письмо Бестужева, на которое сослался г. Соловьевъ. Какъ бы ни было, вопросъ о происхожденіи Екатерины можно считать рѣшеннымъ, и не было бы пожалуй надобности говорить болѣе о шведскомъ преданіи, какъ и прочихъ вышеисчис-

---

[1]) Исторія Россіи, XVIII, прим. 210. Въ напечатанномъ тамъ письмѣ Бестужева эпитетъ «шведскій» неправильно отнесенъ къ маріэнбургскому пастору въ подлинникѣ онъ относится къ слову Лифляндія. Эта страна тогда раздѣлялась на польскую и шведскую. Вслѣдъ за настоящею статьею помѣщается еще записка, приложенная къ письму Бестужева.

[2]) *Древняя и Новая Россія* 1877 г., кн. I.

[3]) Ист. Россіи, XVI, 70.

ленныхъ догадкахъ, еслибъ это преданіе не держалось до сихъ поръ съ прежнею настойчивостью въ Швеціи и не возобновлялось отъ времени до времени въ тамошней литературѣ. Еще недавно, во время моего пребыванія въ Стокгольмѣ, газета Aftonbladet перепечатала, какъ новость, касающійся этого документъ. Онъ же лѣтъ двадцать тому назадъ явился въ диссертаціи о происхожденіи Екатерины I, написанной при лундскомъ университетѣ [1]). Въ первый разъ этотъ документъ былъ напечатанъ въ названной мною выше книгѣ Альбиделя: Skrifter и проч., а потому я къ ней и возвращаюсь.

Что же это за документъ? Это не что иное какъ «выписка изъ судебной книги Осскаго округа (Åhs härad) селенія Вебю (Wäby), за 15 сентября 1758 г.». Сохранившаяся подъ этимъ заглавіемъ бумага заключаетъ въ себѣ извлеченіе изъ описанія рода Рабе, составленнаго самими лицами этой фамиліи. Родоначальникомъ ея названъ капитанъ эльфсборгскаго пѣхотнаго полка Рейнгольдъ Іоансонъ Рабе, дворянинъ изъ мекленбургскаго города Ростока, прибывшій въ молодости въ Швецію и убитый подъ Фридрихсгалломъ въ Норвегіи, въ 1660 году. Жена его Катерина была дочь пастора Равингіуса, изъ Ронгедалы. У нихъ было два сына и три дочери. За тѣмъ исчислены всѣ эти дѣти съ ихъ потомствомъ.

Для насъ нужно только то, что сказано о второмъ сынѣ, квартирмейстерѣ эльфсборгскаго полка Іоаннѣ Рейнгольдсонѣ Рабе: «Жена его была Елисавета Морицъ, прежде бывшая замужемъ за секретаремъ въ Ригѣ; она съ нимъ не имѣла дѣтей, но отъ второго мужа родила сына Свена Рейнгольда и дочь Катерину. Отецъ умеръ въ 1684 году въ Гермундередѣ [2]) и похороненъ въ семейномъ склепѣ, въ церкви Тоарпа за алтаремъ, гдѣ

[1]) «Om Kejsarinnan Catharina 1-s af Ryssland härkomst, af G. B. Nedström». Malmö 1856.

[2]) Этотъ-то хуторъ Гермундередъ, верстахъ въ 15-ти отъ города Бороса (Borås) въ провинціи Вестготландіи, и считается у Шведовъ мѣстомъ рожденія Екатерины I. Боросъ — городокъ, лежащій къ западу отъ южной оконечности озера Веттера, на полупути оттуда къ Готенбургу.

хранится и шпага его, въ знакъ храбрости оказанной имъ въ сраженіяхъ; тотчасъ послѣ его смерти вдова его Елисавета Морицъ, съ двумя малолѣтными дѣтьми, уѣхала въ Лифляндію; впослѣдствіи сынъ ея Свенъ Рейнгольдъ служилъ въ шведской арміи и былъ убитъ въ Польшѣ, а дочь Катерина избрана была Всевышнимъ для великаго счастья: она сдѣлалась супругою Царя и Императора Петра и владѣтельною Государынею въ Россіи, и покинула земную жизнь въ 1727 году; а потомки и наслѣдники ея, по благоговѣнію подданныхъ, не осмѣлились заявить себя ея родственниками, но они честные и почтенные люди, которыхъ хвалятъ всѣ ихъ знающіе».

Потомъ исчислены такимъ же образомъ дѣти и потомки другихъ сыновей капитана Рейнгольда Рабе. Кончается бумага слѣдующими строками: «И поелику вышепрописанный документъ былъ публично прочитанъ и надлежащимъ порядкомъ разсмотрѣнъ, то и было засвидѣтельствовано какъ присяжными (nämnd), такъ и подсудимыми, что онъ во всѣхъ частяхъ своихъ справедливъ, что̀ и служитъ удостовѣреніемъ и о чемъ выдана, по предъявленному требованію, выписка изъ протокола. За членовъ уѣзднаго суда подписалъ: Петръ Іоаннъ Монтанъ».

Такимъ образомъ этотъ такъ называемый документъ, писанный въ 1758 г., т. е. черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ по смерти Екатерины I и составленный только по слухамъ, въ сущности не есть даже документъ; ниже мы увидимъ, что онъ ничего важнаго не прибавляетъ къ имѣвшимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на доводы учителя Рабе, который употребилъ особенныя старанія, чтобы достать приведенную бумагу, и приложилъ къ ней подробную родословную таблицу всей своей фамиліи, добытую имъ съ большимъ трудомъ у одного пастора. По его словамъ, запросы о происхожденіи Екатерины изъ Вестготландіи дѣлались оттуда уже съ 1725 года, т. е. съ восшествія супруги Петра В. на престолъ, и между членами рода есть преданіе о какомъ-то нѣкогда полученномъ ими значительномъ пожалованіи и о принадлежавшемъ

имъ, но къ сожалѣнію утраченномъ письмѣ сильной руки, которымъ требовались свѣдѣнія о фамиліи Рабе. Весьма вѣроятно говоритъ Фалькенбергскій учитель, что именно это письмо послужило поводомъ къ составленію бывшей у него въ рукахъ родословной таблицы, на которой была надпись, что эта табель должна быть сообщена для провѣрки всѣмъ родственникамъ и потомъ, исправленная и раскрашенная, отослана въ Россію. Далѣе учитель Рабе передаетъ разсказы мѣстныхъ пасторовъ и другихъ стариковъ о томъ, что они знали семейство, изъ котораго вышла Екатерина; одинъ крестьянинъ утверждалъ даже, что носилъ ее на рукахъ, когда съ охоты ходилъ къ ея отцу. Кромѣ того, жители околотка слышали, что предки ихъ получали изъ Россіи превосходный зерновой хлѣбъ и муку самаго тонкаго размола въ кожаныхъ мѣшкахъ.

На это Алобедиль возражаетъ, что если бы дѣйствительно какая-нибудь особенная милость была оказана роду Рабе или мѣстности, гдѣ жили его члены, то конечно сохранились бы офиціальныя тому доказательства; но ему извѣстно, что по крайней мѣрѣ графъ Панинъ, прибывшій въ Швецію въ 1748 г. русскимъ посломъ и отозванный въ 1759 г., не имѣлъ никакого подобнаго порученія, а съ другой стороны какой-то ландратъ Вольфеншильдъ, изъ Лифляндіи, въ царствованіе Елисаветы Петровны, по приказанію ея, долженъ былъ отыскать родственниковъ Екатерины и что со всѣми ими обошлись особенно благосклонно [1]). «Очень жалѣю, прибавляетъ Альбедиль, что во время моего пребыванія при русскомъ дворѣ (1778—1784 г.) г. Рабе не обратился ко мнѣ; можетъ-быть, я бы могъ добиться истины по этому вопросу. Мнѣ же отъ собственнаго своего имени открыто дѣлать о томъ разысканія мѣшало то обстоятельство, что мое имя играло роль въ догадкахъ о происхожденіи Екатерины, и потому можно бы было подозрѣвать меня въ своекорыстныхъ видахъ. Теперь же, какъ я опасаюсь, г-ну Рабе трудно было бы попасть на достовѣрные

[1]) Hupel. Nordische Miscellaneen, St. 2, стр. 223.

слѣды. Въ Петербургѣ, по моему мнѣнію, было бы тщетно, даже опасно, наводить справки, развѣ у какого-нибудь любителя исторіи и притомъ только въ интересахъ науки, не показывая никакого личнаго интереса».

Возражая на предположеніе ректора Рабе, Альбедиль справедливо замѣчаетъ, что если самъ Императорскій домъ, начиная уже отъ Екатерины I, принялъ въ свое родство, какъ брата ея, графа Сковронскаго и, какъ сестеръ, графинь Гендрикову и Ефимовскую, то трудно не признавать этихъ отношеній, да и съ какою цѣлью Екатерина усвоила бы себѣ мнимыхъ сестеръ, лицъ, отъ которыхъ она не могла ожидать для себя ни чести, ни пользы, тѣмъ болѣе, что имъ никогда не приписывалось высокаго происхожденія, и Екатерина совершенно открыто возвела брата въ графы, а впослѣдствіи пожаловано было то же достоинство мужьямъ ея сестеръ. Прибавлю съ своей стороны, что по родословной Рабе, у Екатерины былъ только одинъ братъ, убитый на войнѣ въ Польшѣ. Зачѣмъ же бы она признала своимъ роднымъ братомъ и сестрами совершенно чуждыхъ ей лицъ?

Разсуждая о возможности происхожденія Екатерины отъ Рабе, Альбедиль разсматриваетъ имя Сковоронскій и спрашиваетъ: не передаетъ ли середина его *ворон* нѣмецкаго имени Rabe (воронъ) [1]). Учитель Рабе съ благодарностью принялъ это указаніе и увидѣлъ въ немъ новый доводъ для своихъ предположеній. Вѣроятно однакожъ, Альбедилю не пришелъ бы на мысль такой вопросъ, еслибъ онъ зналъ, что skòwron есть польское слово, значащее «жаворонокъ».

Далѣе Альбедиль обращаетъ еще вниманіе на отчество Екатерины: *Алексѣевна* и желаетъ знать, на какомъ основаніи она была такъ названа. Намъ извѣстно теперь изъ журнала Гордона, что это отчество дано было ей, при переходѣ ея въ православіе, по имени ея воспріемника царевича Алексѣя.

Одинъ изъ главныхъ доводовъ, на которые любятъ опираться

[1]) Это предположеніе еще прежде высказалъ Hupel: см. Nordische Miscellaneen II, 224.

послѣдователи предположенія о фамиліи Рабе, заключается въ томъ, будто сама Екатерина признавала себя шведской уроженкой. Историкъ Карла XII, Нердбергъ, сообщаетъ разсказъ, слышанный отъ какого-то русскаго во время его пребыванія въ Стокгольмѣ въ 1722 г., что послѣ заключенія за годъ передъ тѣмъ Ништадскаго договора Царь въ шутку спросилъ у своей супруги: какъ она думаетъ, что̀ съ нею теперь будетъ? по договору онъ де обязанъ возвратить всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, а такъ какъ и она въ томъ числѣ, то онъ ужъ не можетъ держать ее у себя. На это государыня будто бы поцѣловала у него руку и отвѣчала, что она его подданная и должна повиноваться всякому его рѣшенію, но что едва ли у него станетъ духу отослать ее, когда ей хотѣлось бы остаться. Тогда будто бы царь сказалъ: Я отпущу всѣхъ другихъ, а въ разсужденіи тебя посмотрю, нельзя ли будетъ войти въ соглашеніе съ шведскимъ королемъ [1]).

Такимъ же образомъ учитель Рабе приводитъ мѣсто изъ разговора Екатерины I съ будущимъ ея зятемъ, герцогомъ Карломъ Гольштинскимъ, о которомъ она выразилась, что сдѣлалась бы его подданною, еслибъ счастіе не измѣнило Швеціи и еслибъ Швеція не измѣнила присягѣ, которую принесла дому великаго Густава [2]). Но приводившіе это свидѣтельство забывали, что къ Швеціи принадлежала и Лифляндія, гдѣ Екатерина несомнѣнно провела свою первую молодость: на это обратилъ вниманіе еще Гупель [3]).

Наконецъ, въ защиту своего мнѣнія, учитель Рабе такъ разсуждаетъ: «Если предположеніе нашихъ историковъ невѣрно, то трудно понять, какъ имъ могло прійти въ голову включить имя *Рабе* въ число спорныхъ предковъ императрицы. Розенъ, Альбединль находились по близости; Бюшинговъ Самуилъ, Вольтеровъ могильщикъ или кто бы ни былъ изъ остальныхъ—также. Но *Рабе*—этотъ неизвѣстный звукъ, это далеко за моремъ въ захолустьѣ существо-

[1]) Konung Karl XII historia, II, 132.
[2]) Büschings Magazin, IX, 338, въ «Eclaircissements» Бассевича.
[3]) Nordische Miscellaneen II, 222.

вавшее имя, какъ ему довелось быть произносимымъ въ Петербургѣ? Фактъ, что шведскій офицеръ нѣсколько лѣтъ стоялъ въ рижскомъ гарнизонѣ, конечно не могъ дать повода къ догадкамъ на его счетъ 20-ю годами позже. Отчего бы стали указывать именно на него, а не на другихъ временныхъ чиновниковъ, *еслибъ не было на то причины*.... Но много можно бы придумать причинъ, почему именно это имя не признается. Кромѣ того, нельзя не замѣтить той особенности, что важнѣйшіе писатели, которые на моей сторонѣ, различно произносятъ имя: это доказываетъ, что они не повторяли другъ друга, а имѣли каждый свои основанія. Адлерфельтъ называетъ ее *Rabin*, Лагербрингъ *Raab*, Нордбергъ *Rabe*».—На это слѣдуетъ возразить, что первый слухъ о происхожденіи Екатерины отъ Рабе возникъ конечно не въ Петербургѣ, а вѣроятно привезенъ былъ тоже изъ Швеціи или изъ Лифляндіи, гдѣ могли быть люди, интересовавшіеся судьбою выселившейся изъ Швеціи вдовы съ дочерью. Мы видѣли, что по свидѣтельству учителя Рабе, изъ Вестготландіи уже съ 1725 года наводились объ этомъ справки. Нордбергъ, сообщая толки о происхожденіи Екатерины изъ Швеціи, говоритъ, что слышалъ это тамъ отъ стараго, честнаго и благонадежнаго человѣка; онъ прибавляетъ, что эту исторію подвергали изслѣдованію, и что она еще и нынче подтверждается какъ церковными книгами, такъ и многими живыми лицами» (тутъ разумѣется то обстоятельство, что квартирмейстеръ Рабе женился въ Лифляндіи, что по смерти его на родинѣ, жена съ дѣтьми воротилась въ остзейскій край, гдѣ ихъ потеряли изъ виду, пока образовалось извѣстное преданіе). Какъ же оно образовалось? Первымъ поводомъ къ нему могла быть неизвѣстность участи, постигшей вдову Рабе послѣ ея отъѣзда въ Лифляндію, изъ чего могли возникнуть на родинѣ ея разныя догадки о томъ, что сдѣлалось съ нею и съ ея дочерью. Съ другой стороны, послѣ возвышенія Екатерины Сковоронской, разумѣется, пошли повсюду толки о томъ, кто она такая. Самое имя ея естественно наводило родныхъ фамиліи Рабе въ Швеціи на мысль, не это ли потерянная ими изъ виду Ка-

терина; между тѣмъ въ разсказахъ о вознесенной судьбою сиротѣ являлись и другія имена, служившія къ подкрѣпленію предположеній: родиной Катерины Алексѣевны называли *Рунгенъ* (собственно Рингенъ въ Лифляндіи), а бабушка шведской Екатерины родилась въ Ронгедалѣ; наконецъ, и тогда уже могли найтись досужіе этимологи, которые, видя въ серединѣ имени Сковоронской слово *воронъ*, подобно Гупелю и Альбедилю, открыли въ немъ связь съ именемъ *Rabe*. Возможно даже и то, что это имя пошло въ ходъ вслѣдствіе смѣшенія его со словомъ *раба*, *рабыня*, которое могло прилагаться къ Екатеринѣ не только по ея предполагаемому происхожденію изъ крѣпостнаго состоянія, но и потому что она была военно-плѣнной (плѣнные тогда признавались рабами). Не даромъ же имя Рабе придавали то родителямъ Екатерины, то первому ея, дѣйствительному или мнимому, мужу. Бюлау, въ упомянутой выше статьѣ, замѣчаетъ, что и этого перваго мужа вездѣ, гдѣ о немъ рѣчь идетъ, называютъ Іоанномъ; какъ прозвище его мы встрѣчали фамилію *Рабинъ*, и Екатерину также, въ первое время послѣ ея замужства, звали die Rabin [1]), а такъ какъ не многіе знали объ этомъ скоро разстроившемся бракѣ, то могло возникнуть мнѣніе, что она урожденная Рабе». Нельзя не сказать, что это довольно остроумная догадка, но для насъ она важна только какъ подтвержденіе сейчасъ высказанной мысли: Rabin вовсе не звучитъ нѣмецкимъ именемъ; скорѣе всего и въ немъ слышится еще болѣе ясный отголосокъ толковъ о томъ состоянія крѣпостной дѣвушки, изъ котораго, по господствовавшему преданію, вышла Екатерина.

Молодой авторъ приведеннаго выше шведскаго разсужденія (Недбергъ) [2]) причисляетъ Вебера къ послѣдователямъ мнѣнія о происхожденіи Екатерины отъ Рабе, но онъ ошибается: Веберъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи Das Veränderte Russland,

---

[1]) Bülau. Geheime Geschichten. VI, 289.

[2]) Разумѣю лундскую диссертацію о происхожденіи Екатерины I. Г. Недбергу извѣстна была только первая часть сочиненія д' Альбедиля; о существованіи второй, гдѣ помѣщена разсмотрѣнная мною статья, онъ не зналъ.

напротивъ выражаетъ свое недовѣріе къ этому слуху. Разсказывая о празднованіи съ обычнымъ обрядомъ дня крещенія въ началѣ 1727 г. и замѣтивъ, что въ этой церемоніи на тотъ разъ не участвовалъ великій князь Петръ Алексѣевичъ и сестра его, Веберъ продолжаетъ: «Это устраненіе произвело въ народѣ тайный ропотъ, тѣмъ болѣе что въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ близкій родственникъ императрицы съ двумя дочерьми и тремя сыновьями, которому тотчасъ отведенъ былъ домъ съ приличною мебелью и одеждой. Это были графъ и графиня Сковоронскіе; императрица взяла старшую дочь Софью ко двору въ качествѣ dame d'honneur, а прочія дѣти, оставаясь у отца, получали содержаніе сообразное съ ихъ званіемъ. Пріѣздъ этихъ гостей подалъ поводъ къ разнымъ толкамъ, и нѣкоторые осмѣлились даже умничать на счетъ происхожденія императрицы и между прочею неприличною болтовней распускать молву, будто ея отецъ былъ квартирмейстеромъ Эльфсборскаго полка, а мать дочерью рижскаго городского секретаря; что отецъ ея, по имени Іоаннъ Рабе, съ женою своею прижилъ эту дочь Екатерину въ 1682 году въ шведскомъ кирхшпилѣ Вара Эльфсборгской губерніи; что послѣ его смерти вдова съ ребенкомъ удалилась въ Ригу къ своимъ роднымъ и что когда она также умерла, то пробстъ Глюкъ взялъ эту сироту къ себѣ на воспитаніе. Эти и подобныя, почтительнымъ подданнымъ не подобающія разглагольствія подали поводъ къ изданію печатнаго, столь же необходимаго, какъ и справедливаго указа, чтобы никто, подъ страхомъ смертной казни, не осмѣливался о покойномъ Государѣ и царствующей Государынѣ произносить неподобающія рѣчи, съ тѣмъ, чтобы нарушители, хотя бы они оправдывались своимъ неразумѣемъ или нетрезвымъ состояніемъ, все таки были безъ пощады наказываемы». (Das Veränd. Russl. III, 77).

Упоминаемый здѣсь указъ помѣщается ниже въ приложеніяхъ. Поводомъ къ такой строгой мѣрѣ надо считать не столько приводимую Веберомъ молву, сколько другіе болѣе унизительные слухи, изъ коихъ нѣкоторые дошли до насъ и исчислены въ началѣ настоящей замѣтки; вѣроятно къ нимъ присоединялись еще и толки

о перемѣнахъ, происходившихъ въ положеніи Екатерины въ промежутокъ времени между взятіемъ Маріенбурга и приближеніемъ ея къ царю. Что касается извѣстія Вебера о пріѣздѣ въ Петербургъ въ началѣ 1727 года Сковоронскаго съ семействомъ и объ отношеніяхъ этой фамиліи къ государынѣ, то всѣ сомнѣнія о кровномъ между ними родствѣ устраняются найденными мною въ послѣднее время документами.

Изъ этихъ документовъ видно, что во время пребыванія государыни, въ 1721 г., въ Ригѣ, къ ней явилась Христина Гендрикова (рожденная Сковоронская) и показала, что она сестра ея величества, и что ея, Христины, родной братъ съ женою во время войны взятъ былъ въ Россію; Екатерина оказала къ ней милость и отпустила ее [1]).

Вѣроятно, вслѣдствіе этого императрица дала одному изъ самыхъ близкихъ къ супругу ея лицъ, кабинетъ-министру А. В. Макарову, указъ отъ 28 февраля 1722 г. объ отысканіи лифляндца Дириха Самуилева сына *Сковороцкаго*, который былъ взятъ въ плѣнъ, когда фельдмаршалъ Шереметевъ ходилъ въ Лифляндію.

Въ мартѣ 1723 г. Ѳедоръ Чекинъ увѣдомилъ Макарова изъ Вологды, что онъ по всей Галицкой провинціи разослалъ съ этою цѣлію нарочныхъ; около того же времени писано было о томъ изъ малороссійской коллегіи въ Гадячъ, откуда полковникъ Михаилъ Милорадовичь въ октябрѣ отвѣчалъ, что искомаго лица нигдѣ не оказалось.

Успѣшнѣе была переписка Макарова съ рижскимъ генералъ-губернаторомъ, знаменитымъ княземъ Аникитой Ивановичемъ Репнинымъ. 7-го апрѣля 1723 года этотъ послѣдній писалъ кабинетъ-секретарю, что посланный имъ нарочный отыскалъ жену лифляндскаго обывателя Карлуса Самуилева сына Сковоронскаго въ деревнѣ Догабенъ [2]), принадлежавшей шляхтичу Лауренцкому,

[1]) Родословная таблица фамиліи Сковронскихъ—въ Büschings Magazin III, 191. См. также *Русскую Родосл. книгу*, Спб. 1873, стр. 190.

[2]) «Отъ мѣстечка Вишки озера въ полумили», прибавлено въ подлинникѣ, Ср. то же свѣдѣніе по бумагамъ Кабинета въ Исторіи Соловьева, т. XVI, прим. 86.

и ее всячески уговаривалъ ѣхать къ мужу, но она не хотѣла, «понеже знаетъ состояніе мужа своего, что онъ и отъ нея не отъ малой причины ушелъ».

Въ письмѣ, писанномъ мѣсяца черезъ два позже, именно 13-го іюня, Репнинъ ссылается на указъ ея величества объ извѣстной женщинѣ съ мужемъ ея и дѣтьми, «и по тому указу, говоритъ онъ, буду чинить, и гдѣ пожелаетъ жить, въ домѣ или другомъ гдѣ мѣстѣ, содержать ее подъ присмотромъ чтобъ куда не отъѣхали и довольствовать буду. Только прошу васъ, моего государя, въ какомъ ее довольствѣ съ мужемъ и дѣтьми содержать, и писать ко мнѣ подлинно».

Очевидно, это относится къ той женщинѣ, о которой говорилось выше и которая въ 1721 году открылась императрицѣ. 4-го іюня 1725 года Репнинъ извѣстилъ Макарова, что наканунѣ эта самая женщина явилась къ нему и «подала суплику на польскомъ языкѣ, которую при семъ посылаю, и сказывала мнѣ словесно, будто она Ея Величества сестра, что̀ и въ письмѣ ея написано, и братъ де ея родной и съ женою взятъ въ Русь, а она въ прошломъ 1721 году, въ бытность блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества и Ея Величества Государыни Императрицы здѣсь въ Ригѣ, та женка у Ея Величества была, и тогда Ея Величество пожаловала ей двадцать червонныхъ, и отпущена паки въ домъ, и нынѣ она съ мужемъ и съ дѣтьми живетъ въ Лифляндіи недалеко отъ Риги, и я прошу васъ, моего государя, въ благополучное время донести Ея Величеству какъ мнѣ съ нею поступить, и прислать ко мнѣ о томъ немедленно резолюцію, дабы не разгласилось. А до полученія о томъ резолюціи буду ее съ мужемъ и съ дѣтьми содержать въ домѣ ея подъ карауломъ. Паки васъ, моего государя, прошу о скорой резолюціи, чего ради сіе письмо посылаю чрезъ нарочной штафетъ.

Іюня 4 дня
1725 г.
Рига»

Вамъ, моему государю,
всегдашній слуга
Князь А. Репнинъ».

Въ поданной Репнину просьбѣ Христина Гендрикова писала: «Припадая къ ногамъ вашей ясновельможности, осмѣливаюсь просить васъ обратить милостивое вниманіе на меня бѣдную сироту, оставленную Богомъ: я была въ плѣну въ войскѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ вашимъ (perwsza że byłem w niewoli w woysku Jasniewielmożności waszey) во время войны, которая разсѣяла народъ нашъ; Всевышній, по особенной милости Своей, возвелъ сестру мою въ Императорской санъ; мы же двѣ остались въ крайней бѣдности. Ея Величество, сестра наша, уже извѣщена о нашей участи, какъ равно о мужѣ и дѣтяхъ монхъ, пожаловала на содержаніе семейства моего жалованье и повелѣла ожидать благопріятнаго случая; вслѣдствіе чего я теперь прибѣгаю къ вашей ясновельможности, прося милостиваго состраданія вашего ко мнѣ, ибо я нынѣ живу въ бѣдномъ весьма положеніи въ деревнѣ Кегему на землѣ, принадлежащей г. майору Гульдынашульду (Вульфеншильду), который обращается со мной какъ съ крестьянкою и обижаетъ меня. Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ бѣдной въ совѣтѣ вашемъ, какимъ бы образомъ мнѣ можно было поклониться Ея Величеству Императрицѣ, ибо я вовсе не знаю, какъ и въ чемъ мнѣ къ ней пріѣхать. Я совершенно увѣрена, что она не отречется меня; бѣдная же сирота за оказанную ей вами милость не перестанетъ никогда молить Всемогущаго Бога о сохраненіи вашего здоровья и продолженіи счастливаго господства вашего».

Императрица повелѣла «содержать эту женщину и довольствовать, чтобъ жили безъ нужды». Репнинъ, спрашивая о размѣрѣ этого довольства, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что она «живетъ у здѣшняго дворянина у Лифляндца майора Вульфеншильда въ подданствѣ и съ мужемъ во крестьянехъ и всякую работу работаетъ и оброкъ платятъ, какъ и прочіе. И нынѣ отъ работы ее и съ мужемъ приказалъ уволить. Такожъ и оброкъ за нихъ прикажу платить изъ казны. А какъ слышалъ я, что они уже многимъ о себѣ разгласили и оба люди глупые и пьяные, и мнѣ мнится удобнѣе бъ было ихъ отсюду куда въ другое мѣсто взять дабы

отъ нихъ больши врякъ не было, чего ради прошу васъ, моего государя, въ благополучное время донести о семъ Государынѣ Императрицѣ, и какой Ея Величества о томъ указъ состоится, ко мнѣ написать».

Макаровъ отъ 29-го іюня отвѣчалъ:

«О извѣстной женской персонѣ, о которой прислана сюды челобитная Ея Величеству, паки я доносилъ, на что изволила сказать, чтобъ ихъ содержать въ скромномъ (*т. е. сокровенномъ*) мѣстѣ, гдѣ ваше сіятельство за способнѣе разсудите, и дать имъ нарочитое пропитаніе и одежду, а отъ того шляхтича, гдѣ они прежде жили и разгласили о себѣ, взять ихъ подъ видомъ жестокаго караула и тому шляхтичу дать знать, что оные за нѣкоторыя непристойныя слова взяты за караулъ, или тайно взять, ничего ему не говоря объ нихъ, что́ Ея Величество изволила больше отдать на ваше разсужденіе, а когда взяты будутъ, то приставить къ нимъ повѣренную персону, которая бы ото вранья ихъ могла удерживать».

7 іюля Репнинъ писалъ:

«А нынѣ паки доношу какъ и прежде, что оная женщина въ прошломъ 1721 году взята была ко двору и спрашивана и паки отпущена, и надѣюся, о томъ здѣсь въ народѣ не безызвѣстны, также и она, уповаю, не молчитъ. И того для весьма удобнѣе бъ было отсюда ихъ взять въ Русь и содержать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ про нихъ не знаютъ.»

Макаровъ отвѣчалъ 17-го іюля:

«Государь мой милостивый, князь Аникитъ Ивановичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 7-го дня іюля я исправно получилъ, въ которомъ изволите писать о извѣстной женской персонѣ, что́ съ нею чинить, и о томъ я Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ доносилъ и Ея Величество указала взять ее со всею ея фамиліею сюды, и для того пришлется по нее вскорѣ въ Ригу нарочной курьеръ, а между тѣмъ, пока тотъ курьеръ пріѣдетъ, изволите приказать изготовить ей потребное въ дорогу: коляску и прочее».

Репнинъ писалъ 21 іюля:

«Г-дрь мой. Ваше письмо сего іюля отъ 17 дня я получилъ и

извѣстную женщину въ посылку изготовлю, и какъ отъ васъ присланъ будетъ курьеръ, то оную не усконя отправлю. А нынѣ извѣстился я отъ посланнаго своего офицера въ польскіе Лифлянды, что тамъ находится помянутой извѣстной женщины большая сестра родная и съ мужемъ своимъ и съ дѣтьми, и также о себѣ безопасно гласитъ, отъ чего тамошніе обыватели много врутъ, и нынѣ посылаю того офицера, оную женщину и съ мужемъ и съ дѣтьми подговоря, привезти и о вышеписанномъ прошу васъ, моего гдря, ежели потребно, донесши Ея Величеству прислать ко мнѣ указъ».

Это письмо, какъ и слѣдующая за нимъ переписка, подтверждаютъ свидѣтельство Бюшинга, что онъ имѣлъ въ рукахъ дневникъ офицера, посланнаго въ Литву для отысканія другой сестры Карла Сковоронскаго, Анны Ефимовской [1]).

Бюшингъ сообщаетъ изъ этого дневника слѣдующее извлеченіе.

«2-го февраля 1725 онъ (т. е. посланный офицеръ) отправленъ былъ по высочайшему повелѣнію изъ Петербурга въ Ригу, чтобы получить отъ тамошняго генералъ-губернатора кн. Репнина наставленія, какъ отыскать въ Великой Литвѣ одну изъ сестеръ императрицы Екатерины. Князь Репнинъ въ первый разъ отправилъ его 20 марта. Онъ поѣхалъ въ Биржи и съ собранными тамъ свѣдѣніями возвратился въ Ригу. 25-го мая онъ поѣхалъ вторично, и именно въ Дубно, въ польскую Лифляндію, а оттуда въ Каменецъ. Здѣсь онъ разспросилъ одного священника, по имени Силицкаго, о фамиліи Ефимовскихъ и узналъ, что они принадлежатъ вдовѣ старосты Ростовскаго. Онъ познакомился съ этой женщиной, увидѣлся также и разговаривалъ съ Ефимовскимъ и его женой. Онъ всячески старался скрыть цѣль своего путешествія и выдавалъ себя за саксонскаго офицера. Но старостиха заподозрила его, велѣла напоить его слугу и вывѣдать, не русскій ли офицеръ — хозяинъ его. Догадываясь, что онъ хочетъ увезти семейство Ефимовскихъ, она приказала четыремъ изъ сво-

[1]) Büschings Magazin III, 190.

ихъ людей напасть на него, когда онъ будетъ уѣзжать 21 мая, и умертвить его. Однакожъ онъ отдѣлался пятью ударами и ранами въ лѣвую руку (которою уже никогда не могъ владѣть) и возвратился въ Ригу 7-го іюля. 3-го августа отправился онъ въ третій разъ, чтобы втайнѣ увезти семейство Ефимовскихъ, что́ однакожъ и тогда не удалось, такъ какъ у него было не довольно денегъ. 17-го сентября онъ поѣхалъ изъ Риги въ послѣдній разъ, имѣлъ достаточно денегъ, и 12-го сентября привезъ Ефимовскихъ благополучно въ Ригу. Онъ держалъ ихъ тамъ до 23 ноября, когда передалъ ихъ майору Б., привезшему ихъ въ Петербургъ. Въ это самое время и вторая сестра императрицы, Христина, была перевезена съ мужемъ своимъ Гендриковымъ изъ Великой Литвы въ Петербургъ. Это семейство было въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и Ефимовскіе». Мы скоро увидимъ, что главное показаніе этого извѣстія, именно о времени доставленія Ефимовскихъ въ Ригу, совершенно совпадаетъ съ извлекаемымъ изъ нашей переписки свѣдѣніемъ.

25 августа Репнинъ, напоминая Макарову «объ извѣстной женщинѣ съ мужемъ ея и фамиліею, которые за непристойныя слова содержатся здѣсь подъ карауломъ», жалуется, что ожидаемый «для взятія ихъ курьеръ до сего времени не бывалъ, а они понынѣ содержатся подъ карауломъ; такожъ помянутой посланной мой изъ польскихъ Лифляндъ возвратился и словесно доносилъ и письмо отъ нихъ подалъ, въ которомъ пишутъ, что объ нихъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества извѣстно, ибо въ прошлыхъ годехъ присыланъ былъ нарочной и взялъ жену родного брата ея, которой въ Россіи, а ихъ тамъ оставилъ, и нынѣ они въ Россію ѣхать желаютъ, токмо на росплату долговъ и чѣмъ подняться, просятъ денегъ ста рублевъ, а я на прежнее мое объ нихъ письмо отвѣту отъ васъ не имѣю и денегъ послать къ нимъ не смѣю. Понеже, какъ выше упомянуто, что при дворѣ объ нихъ уже извѣстно, чего ради прошу васъ, моего гдря, дабы о помянутомъ прислана была ко мнѣ резолюція».

На это письмо Макаровъ 11 сентября отвѣчалъ, что курьеръ

еще не отправленъ оттого, что онъ боленъ «и по се время не выздоровѣлъ, а иного я на то дѣло послать не могу» и пр.

13 октября 1725 г. Репнинъ сообщалъ Макарову изъ Риги:

«Минувшаго сентября 11 дня писали вы ко мнѣ Ея Императорскаго Величества указомъ о извѣстной женщинѣ: ежели она подлинно должна и не болѣе какъ рублей до ста, то ея долги указала Ея И. В. искусно оплатить, и по тому васъ, моего государя, письму посылалъ я нарочнаго въ польскіе Лифлянды и съ нимъ денегъ сто ефимковъ, и оная женщина и съ мужемъ ея и четверо дѣтей мужеска полу 15, 13, 10 и 5 лѣтъ сюда привезены [1]) и деньги оплачены, и содержатся, какъ и первые, подъ карауломъ, въ довольномъ пропитаніи; только вельми сомнѣваются, что они содержатся многое время подъ карауломъ».

14 ноября Репнинъ опять напоминаетъ, что «люди, которые содержатся подъ карауломъ и которые также взяты изъ Литвы», все еще содержатся подъ карауломъ и въ немаломъ о томъ сумнѣніи состоятъ и жалобу приносятъ, а особливо тѣ, которые изъ Литвы привезены, нарекаютъ, что оставя домъ свой, сюда поѣхали», а потому онъ повторяетъ свою просьбу, «дабы о помянутыхъ арестантахъ получилъ какой указъ, ибо опасенъ я на себя отъ нихъ жалобы, которую уже и нынѣ производятъ».

6 января 1726 г. Репнинъ, благодаря Макарова за поздравленіе съ новымъ годомъ и самъ поздравляя его, посылаетъ «вѣдомость, коликое число на извѣстныхъ персонъ, которыя содержатся подъ арестомъ, въ расходъ употребилъ денегъ:

«На расплату долговъ, которые изъ польскихъ Лифляндъ привезены: 100 ефимковъ.

«Да всѣ, которые были въ Лифляндіи и въ польскихъ Лифляндахъ, на пищу и на платья и на обувь 70 ефимковъ, да россійскихъ 190 рублевъ.

---

[1]) Вѣроятно это случилось именно наканунѣ, т. е. 12 октября, согласно съ показаніемъ Бюшинга, и Репнинъ поспѣшилъ донести о томъ въ Петербургъ. Время отправки туда обоихъ семействъ Бюшингъ показываетъ, невѣрно; понятно, что въ этомъ показаніи офицеръ, на котораго онъ ссылается, легко могъ ошибиться.

«А россійскими деньгами, считаючи ефимокъ по 95 коп., всего въ расходѣ 351 рубль 50 копѣекъ»».

18 января Макаровъ пишетъ: «Для извѣстной женщины, о которой ваше сіятельство писали, курьеръ отсель наряженъ и вскорѣ къ вашему сіятельству отправится. Того для извольте ей съ дѣтьми приготовить въ путь сани и шубы. Я надѣюся, что отсюды одни сани нарочитые съ курьеромъ отправлю».

23 января Репнинъ отвѣчаетъ: «Ваше письмо отъ 18 сего генваря я вчерась получилъ, по которому для покупки, по указу Ея Императорскаго Величества, лошадей пошлю нарочнаго съ деньгами и прикажу искать, чтобъ были лошади чистыя и легкія, а не тяжелыя и не фризованныя, и что учинится, о томъ къ вамъ писать буду.

«Что же изволили ко мнѣ писать о извѣстной женщинѣ, что вскорѣ присланъ будетъ по нее нарочной курьеръ и чтобъ приготовить сани и шубы, и по тому вашему письму учиню, токмо вамъ, моему государю, изъ прежнихъ моихъ писемъ извѣстно, что помянутая женщина съ мужемъ и съ дѣтьми не одна, но съ нею есть братъ ея родной, съ женою и дѣтьми, которые съ нею здѣсь въ Лифляндіи въ одной деревнѣ жили, да изъ польскихъ Лифляндъ привезены помянутой женщины большая родная сестра съ мужемъ и съ дѣтьми, всего нынѣ содержатся здѣсь 3 семьи, которымъ при семъ посылаю роспись. Прошу васъ, моего государя, какъ прибудетъ помянутой курьеръ, всѣхъ ли мнѣ отправлять или токмо помянутую одну женщину съ дѣтьми, и что съ достальными дѣлать».

«Роспись:

«Женщина Крестина Сковорощанка съ мужемъ [1]). У нихъ дѣтей два сына: одинъ 12-ти, другой 6-ти лѣтъ, да двѣ дочери: одна 9-ти, другая 2-хъ лѣтъ, и того самъ шостъ.

«Оной же Крестины Сковорощанки братъ родной Фридрихъ Сковоронскій съ женою Катериною. У него двѣ падчерицы: одна

[1]) Гендриховымъ.

12-ти, другая 7-ми лѣтъ, и того самъ четвертъ (которые жили въ Лифляндіи въ одной мызѣ во крестьянствѣ).

«Да изъ польскихъ Лифляндъ привезены:

«Оной же Крестины Сковорощанки сестра родная большая Анна съ мужемъ Михаиломъ Якимовичемъ (которые жили въ польскихъ Лифляндахъ въ одномъ мѣстечкѣ). У нихъ три сына: одинъ 15-ти, другой 13-ти, третій 7-ми лѣтъ. Итого самъ пять.

«Всего 15 персонъ».

Въ тотъ же день, когда было послано письмо съ этою росписью, т. е. 23 января 1726 года, и Макаровъ писалъ къ Репнину:

«Для извѣстной женщины съ ея фамиліею посланъ отсюда сержантъ гвардіи Левъ Микулинъ, и когда онъ въ Ригу пріѣдетъ, то изволите его отправить въ польскіе Пруссы къ Друѣ и придать ему для конвоя нѣсколько человѣкъ солдатъ. А какъ онъ оттуда съ съ нѣкоторыми персонами возвратится, то вышеупомянутую женщину со всею ея фамиліею изволите отправить сюды; съ нимъ Микулинымъ послано отсюда двои сани, такожъ три мѣха лисьихъ и пять косяковъ камокъ, изъ которыхъ ваше сіятельство изволите приказать сдѣлать имъ платье теплое. Ежели же чего не достанетъ, то изволите приказать купить, и что потребно будетъ къ дорогѣ, то по предложенію помянутаго Микулина изволите приказать исправить, чтобъ безъ нужды сюды могли доѣхать».

Микулинъ отправился наканунѣ по слѣдующему указу, данному изъ Кабинета въ Ямскую канцелярію:

«1). По указу Ея Императорскаго Величества посылается для нѣкотораго важнаго дѣла въ Ригу курьеръ Левъ Микулинъ. Того для изъ Ямской Канцеляріи дать ему со обрѣтающимся при немъ человѣкомъ до Риги подорожную на 4 почтовыя подводы за указные прогоны.

«Алексѣй Макаровъ.

«Въ С.-Петербургѣ.

«Генваря въ 22 день 1726. Послано того же числа»

Письмо Репнина, 30 янв. 1726 г.

«Государь мой. Ваше письмо изъ С.-Петербурга, отъ 23-го генваря писанное, чрезъ присланаго сержанта Микулина я вчерась получилъ, по которому онаго сержанта Микулина отъ Риги къ Друѣ, придавъ ему конвой, отправлю; такоже, когда и оттуда возвратится, потомужъ его Микулина и съ нимъ извѣстную женщину со всею ея фамиліею отправлю, удовольствовавъ по вашему письму; при томъ же отправлю другихъ той же фамиліи, о которыхъ вамъ уже извѣстно изъ прежнихъ моихъ писемъ, которымъ паки при семъ прилагаю роспись, сколько ихъ персонъ, а платье камчатое, о которомъ вы изволили ко мнѣ писать, приказалъ сдѣлать на однѣ женскія персоны, а на мужскія велѣно подѣлать суконныя». (Получ. 4 февр. 1726).

21 февраля Репнинъ извѣщаетъ: «Сего числа тѣ персоны отправились съ сержантомъ Микулинымъ (кромѣ одной Латышки, жены Фридриха Сковоронскаго съ ея дѣтьми и его падчерицами, которые сами слезно просили, дабы ихъ здѣсь оставить, да и къ посылкѣ оные весьма непотребны, къ томужъ и мужъ ее отпустилъ), и дано подъ нихъ 17 подставныхъ подводъ и прогонныхъ денегъ 56 р. 10 коп., да въ пути на кормъ 50 рублевъ, и подѣлано на нихъ платье и обувь, такожъ въ дорогу сдѣланы сани. А сколько всего и въ бытность ихъ въ Ригѣ издержано, о томъ вѣдомости къ вамъ пришлю вскорѣ».

13 марта Репнинъ послалъ въ Петербургъ обѣщанную вѣдомость, прося написать, «на какой счетъ оныя деньги записать, или присланы будутъ отъ Кабинета». Вотъ эта вѣдомость:

	ефим.	грош.	рубл.	коп.
«Когда извѣстная женщина явилась и просила, что имѣетъ нужду, дано ей...	—	—	5	—
Да по указамъ на расплату долговъ, которые взяты изъ польскихъ Лифляндъ.	100	—	—	—
На пропитаніе въ Ригѣ всѣхъ.....	50	—	154	7½
На дѣло имъ платья, обувь и постель	—	—	268	48½

	ЕФИМ.	ГРОШ.	РУБЛ.	КОП.
Которая женщина Латышка оставлена и отпущена въ мызу, въ награжденіе	—	—	10	—
На посылку саней	—	—	20	—
На прогоны до С.-Петербурга и на пропитаніе въ пути	—	—	106	10
За наемъ двора, на которомъ оныя персоны стояли	13	18	—	—
Итого...	163	18.	563	66.

Марта 13 1726».

Что исчисленные тутъ деньги вскорѣ уплачены были Репнину видно изъ слѣдующаго письма его къ Макарову отъ 10 апрѣля 1726 года:

«Государь мой. Ваше, моего государя, письмо, отъ 2 сего апрѣля писанное, и съ приложеннымъ векселемъ на 726 р. на 66 коп., которые въ расходъ употреблены на извѣстныхъ персонъ, я получилъ и помянутыя деньги въ рижскую рентерею принять приказалъ. Что же меня изволили увѣдомить о пришествіи сюда Ея Императорскаго Величества, и за оное вамъ, моему государю, попремногу благодарствую и съ сердечнымъ моимъ желаніемъ такихъ дорогихъ гостей съ радостію ожидаю».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка, сохранившаяся при письмѣ Петра Бестужева къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ отъ 25 іюля 1715 года.

Фамилія вдовы Веселевской и мѣщанина Дукляса.

Вдова Катерина Лиза Веселевска жила въ Крыжборху вдовою лѣтъ съ пять, которая была за сыномъ Веселевскимъ и имѣла съ нимъ двухъ сыновъ, и оба умерли.

Отецъ ея Мерхертъ Ганъ жилъ въ польскихъ Лифляндтахъ въ Калкунѣ мызѣ у маіора Фелькерзама. Оная Катерина Лиза дѣвицею жила барона Унгера у его жены въ мызѣ Унгарѣ и оттоль вышла замужъ въ Крыжборхъ за Яна Веселевскаго. У ней было три сестры, да братъ Вильгельмъ Ганъ, которой и нынѣ живъ въ Якубштатѣ на Курляндской сторонѣ; сестры: одна Дорота была за католикомъ Сковоротскимъ, имѣла съ нимъ 4 дочери; одна жила у меньшой Веселевской въ Крыжборхѣ и взяли Шведы; другія померли. Вторая сестра Софія за Генденбергомъ. У ней два сына въ Курляндіи въ Субочѣ у Сакина и нынѣ живы. Третья сестра была за сыномъ мужа ея за Яномъ же Веселевскимъ. У нихъ остался сынъ Андрей Веселевской и нынѣ живетъ въ Якубштатѣ.

Первая старшая сестра вдова Катерина Лиза послѣ Веселевскаго изъ Крыжборга перешла чрезъ рѣку на Курляндскую сторону въ Якубштатъ и взяла мужа мѣщанина Лаврина Дукляса и родила съ нимъ 6 сыновъ и дочь; всѣ померли; одинъ Симонъ Дуклясъ, сынъ ея, и нынѣ живъ въ Якубштатѣ.

Лаврина же Дукляса первой жены дочь нынѣ жива въ Якубштатѣ за ранцемъ (?) Яковомъ Залескимъ.

II.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской. Объявляется во всенародное извѣстіе. [1])

Понеже въ разныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ являлись многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ блаженыя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества. Также и нынѣ благополучно владѣющей Ея Императорскаго Величества и ихъ высокой фамиліи. А въ Прѣображенской канцеляріи съ розысковъ

[1]) См. П. С. З. VII, № 5004. Воспроизвожу однакоже этотъ указъ во всей точности не по полному Собранію Законовъ, а по тексту современнаго печатнаго сборника указовъ Екатерины I и Петра II.

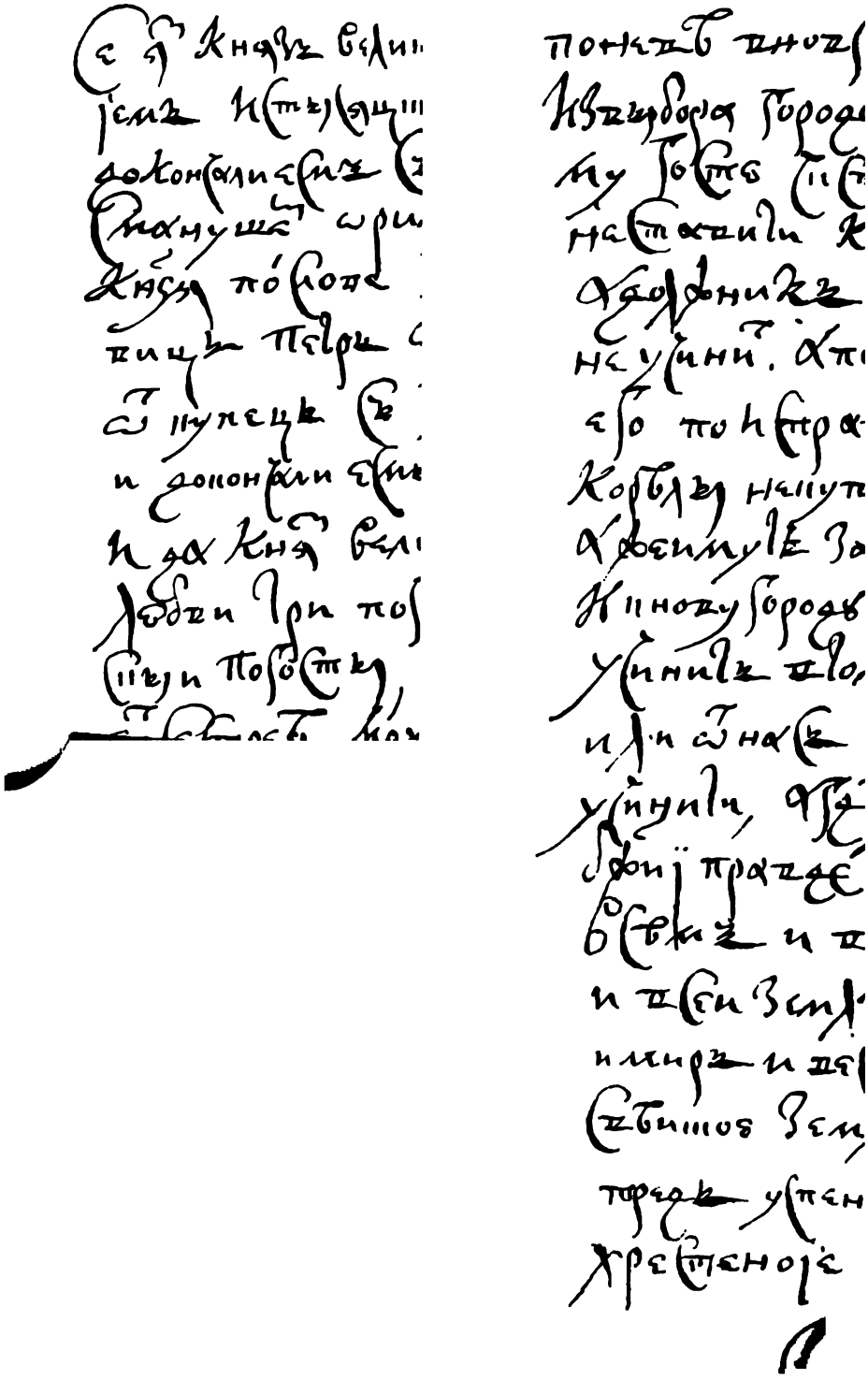
показывали яко бы они тѣ непристойныя слова говорили собою съ проста, а иныя съ пьяна, за что онымъ по указомъ ихъ Величества чинена смертная казнь и политическая смерть, а протчимъ по милосердымъ Ихъ Величества указомъ чинено жъ наказанье и ссыланы въ каторжную работу. А потомъ и нынѣ такія жъ злодѣи, не взирая на оное Ихъ Величества милосердіе къ подданнымъ своимъ, забывъ страхъ Божій и присяжную свою должность, являются въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ. Того ради Ея Императорское Величество указала, ежели съ сего указу впредь кто бъ какого званія ни былъ, явится въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ про Его блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорское Величество, также и противъ Персоны Ея Императорскаго Величества и Ихъ Величества Высокой Фамиліи, а по извѣтомъ и по доказательству оныя въ томъ будутъ обличены, и хотя станутъ показывать отговоркою, якобы они тѣ непристойныя и противныя слова говорили съ проста или съ пьяна, и таковымъ злодѣямъ за тѣ ихъ вины, не смотря на такія ихъ отговорки, учинена будетъ смертная казнь безъ пощады.

Сей указъ состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, генваря 30 дня.

Печатанъ февраля 4 дня 1727 году.

ORI

(СНИМОКЪ



городов и погостов, а свѣдам и свѣим
гости не перенимали, а напоуть инакы
путь за море по сим миру городо
ор... земли ни ин ни иным.
порушник и холоп ни хто лихо
... или кто или иная вѣдали
... а землю и воду у новогородцких
и свѣйских к выборяномъ.
крови не правили великому княз
а свеи им на подобных. а что
мир ... или ...
миру не порушили ... тому истраж
... ... по
... городу мир и при городом
и полости новгородцкой ...
свейской а ... князь вели...
новгород... свѣйским князем и со...
ес к выбор... заручи...
... ... изменит
... ... и ...

ѵ҃і

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 5.

РѢЧЬ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО СЛУЧАЮ

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

АЛЕКСАНДРА I.

Академика **М. И. Сухомлинова.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1877.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1877.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Столѣтіе, истекшее со дня рожденія императора Александра I ознаменовано многими достопамятными явленіями въ исторіи русской литературы и науки. Ровно четверть этого столѣтія принадлежитъ эпохѣ Александра I, имѣющей въ высшей степени важное значеніе въ умственной и общественной жизни русскаго народа.

Рожденіе Александра I вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, не мало торжественныхъ одъ, авторы которыхъ заплатили самую щедрую дань тогдашнему литературному обычаю [1]).

Лирикъ Петровъ, слывшій нѣкоторое время соперникомъ Ломоносова, въ одѣ на рожденіе Александра I говоритъ:

Возникла нова въ міръ планета!
Знать были созданы не всѣ?
Отнынѣ совершенство свѣта;
Днесь, днесь во полной онъ красѣ....
Ему (новорожденному) поклонятся языки,
Его почтутъ земны владыки....
Днесь станутъ ранѣ цвѣсть древа,
Волковъ уже не будетъ болѣ....

Въ одѣ Майкова предсказывались побѣды надъ мусульманами и водвореніе правосудія, и такое пророчество основывалось единственно на томъ, что великій князь Александръ Павловичъ родился тогда, когда *луна* проходила черезъ знакъ *вѣсовъ* [2]).

Звѣзда первой величины тогдашняго литературнаго міра, знаменитый лирикъ Державинъ написалъ стихотвореніе на рожденіе на сѣверѣ порфироднаго отрока. Пьеса Державина, начинающаяся словами: «съ бѣлыми Борей власами и съ сѣдою

бородой» долгое время была весьма популярною, чему немало содѣйствовалъ самый размѣръ ея. Всего замѣчательнѣе въ ней стихъ: «будь на тронѣ *человѣкъ*».

Слова Державина могутъ служить девизомъ того направленія, которое дано воспитанію будущаго государя. Стремленіе Екатерины II достигнуть того, чтобы Александръ былъ на тронѣ *человѣкомъ* выразилось и въ выборѣ наставника и въ преобладающемъ свойствѣ воспитанія. Избранный Екатериною II воспитатель ея внука, просвѣщенный гражданинъ швейцарской республики, Лагарпъ, ознакомилъ своего питомца съ идеями энциклопедистовъ о правахъ и обязанностяхъ человѣка, о происхожденіи гражданскихъ обществъ, объ отношеніяхъ между властителями и подвластными, и т. д. Было бы нелѣпо предполагать,—говорилъ Лагарпъ будущему властителю — чтобы Творецъ безчисленнаго множества свѣтилъ, сіяющихъ на тверди небесной, далъ нѣкоторымъ изъ людей право располагать по своему произволу судьбою всего остальнаго человѣчества, и можно ли допустить божественное происхожденіе власти Нероновъ, Калигулъ, Филипповъ II, Людовиковъ XI, Чингисхановъ — этихъ чудовищъ, рожденныхъ къ стыду и несчастію человѣчества. Грубая сила создала власть; чтобы сохранить эту власть, потребовалась иная, разумная сила: надо было прибѣгнуть къ закону, водворяющему порядокъ и основы справедливости; властитель, попирающій законъ и его требованія, заставляетъ вспоминать о нечистомъ источникѣ, откуда произошла его власть. Лучшая слава государя заключается въ исполненіи имъ обязанностей *человѣка* и гражданина, и т. д. — Подобный образъ мыслей заслужилъ полное одобреніе Екатерины II. Сочувственно отзывались слова Лагарпа и въ душѣ его царственнаго питомца, считавшаго крѣпостное право позоромъ для человѣчества, и глубоко скорбѣвшаго о господствѣ произвола въ дѣйствіяхъ властителей.

Но въ нѣкоторой части нашего общества слышалось неудовольствіе на черезчуръ будто бы либеральное направленіе и учителя и ученика. Въ запискахъ современниковъ встрѣчаются и

такого рода замѣтки: «имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ по несчастію наставникомъ своимъ француза Лагарпа, внушавшаго ему таковыя же понятія».

Обвиненіе гораздо болѣе вѣское, идущее также отъ современниковъ, заключается въ томъ, что воспитаніе образовало изъ Александра космополита въ полномъ смыслѣ слова, и нисколько не содѣйствовало развитію живаго, говорящаго душѣ, сознанія нуждъ и потребностей Россіи и русскаго народа. Писатель, передавшій потомству, подъ видомъ простодушныхъ басенъ, множество чертъ современной ему общественной жизни, указалъ и на существенный по его мнѣнію недостатокъ въ воспитаніи Александра I. Крыловъ такимъ образомъ разсказываетъ о воспитаніи льва: Когда стали не шуткой думать «кого бы попросить, нанять или заставить» принять на себя воспитаніе царевича, то оказалось, что между тѣми, кого можно было попросить, нанять или даже заставить не было подходящаго, и пришлось отдать царевича на выучку въ чужую сторону. Тамъ стали учить его всякой мудрости, недоступной въ дѣтскомъ возрастѣ, но сообщаемой царевичу единственно потому, что «у нихъ не какъ у насъ, и годовалый львенокъ давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ». Извѣстно, что и Лагарпъ свои философскія идеи объ основахъ общественнаго союза развивалъ передъ слушателями, изъ которыхъ старшему не было полныхъ двѣнадцати лѣтъ. Результатомъ чужеземной педагогіи для крыловскаго львенка было то, что онъ хотѣлъ «звѣрей учить вить гнѣзда». Основная мысль басни-памфлета выражается въ заключительныхъ словахъ:

Важнѣйшая наука для царей —
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Въ доказательство же, что наука эта не вполнѣ была усвоена Александромъ, ссылаются на то, что въ его политикѣ отвлеченныя соображенія космополитическаго свойства иногда одерживали

верхъ надъ прямыми и существенными потребностями Россіи, и что даже въ средѣ самой близкой къ нему и самой вліятельной появлялись иногда лица, желавшія дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи и въ явный ущербъ русскому народу.

Но каковы бы ни были воззрѣнія современниковъ и потомства на воспитаніе Александра I, несомнѣнно то, что при первомъ проявленіи этого воспитанія на дѣлѣ, съ восшествіемъ императора Александра I на престолъ, всѣ возлагали самыя свѣтлыя надежды на молодаго государя, въ которомъ видѣли не ученика иностранныхъ учителей, а питомца Екатерины II, русской по своей дѣятельности и по своимъ сочувствіямъ.

Восшествіе императора Александра I на престолъ привѣтствуемо было въ литературѣ дружнымъ хоромъ торжественныхъ одъ. Въ числѣ ихъ авторовъ были и ветераны нашей словесности — Державинъ и Херасковъ; и профессора московскаго университета — Сохацкій и Мерзляковъ; были и князья и княжны, и гвардейскіе офицеры и священники; былъ и писатель, которому суждено впослѣдствіи составить литературную славу эпохи Александра I — Н. М. Карамзинъ. Какъ ни безцвѣтны повидимому многія изъ произведеній, вызванныхъ воцареніемъ Александра I, въ совокупности они служатъ живымъ памятникомъ своего времени, знакомятъ съ настроеніемъ тогдашняго общества и съ понятіями и требованіями образованнѣйшей его части. Всѣ эти оды привѣтствуютъ воспитанника *Екатерины II*, государя-*человѣка*, уважающаго законъ и ненавидящаго рабство. Такое представленіе вытекало изъ жизни: оно сложилось очевидно подъ вліяніемъ порядка вещей, господствовавшаго со времени кончины Екатерины, и невольно пробуждавшаго воспоминаніе о той счастливой порѣ, когда съ высоты престола говорили о святости закона и рѣзко осуждали злоупотребленіе власти.

Впечатлѣніе, произведенное на современниковъ восшествіемъ императора Александра I на престолъ, просто и вѣрно представлено въ запискахъ Шишкова, близко знакомаго съ тогдашними событіями. Этотъ честный морякъ и замѣчательный писатель го-

воритъ слѣдующее: «Александръ первый, государь младой и кроткій, воцарился. Радость была всеобщая. Безпрестанные слухи о заточеніяхъ и наказаніяхъ, всякаго рода страхи и опасности, чтобъ нечаянно не провиниться, исчезли. Всѣхъ умы и сердца успокоились. Крѣпость опустѣла отъ заключенныхъ въ ней, и на вратахъ ея неизвѣстною рукою написано было: *свободенъ отъ постоя*. Всѣ ожидали возстановленія прежняго (т. е. екатерининскаго) въ правительствѣ духа и устройства. Трощинскій поднесъ къ подписанію манифестъ, въ которомъ государь торжественно обѣщалъ идти по стопамъ великой своей бабки. Въ тысячи стихотвореніяхъ на разныхъ языкахъ, повторялись восторги и похвалы сему обѣщанію. Самый поворотъ отъ хладной зимы къ яснымъ и теплымъ днямъ весны, казалось, предвѣщалъ, съ уничтоженіемъ худо-введенныхъ новизнъ, оборотъ на старый, благотворный образъ правленія».

Какъ ни старались писатели умалчивать о событіи, утаить которое, говоря словами Шишкова, было такъ же трудно, какъ и спрятать солнце и луну отъ людскаго глаза, тѣмъ не менѣе намеки, и весьма прозрачные, невольно срывались съ пера. Державинъ вздумалъ было оправдываться и доказывать, что слова его оды: «умолкъ ревъ норда сиповатый; закрылся грозный, страшный взглядъ»—простая риторическая фигура; но этимъ самымъ далъ новый поводъ искать въ нихъ реальнаго смысла, ради котораго ода и была запрещена цензурою.

Воцареніе Александра I привѣтствовали не только русскіе, но и иностранные поэты, и во главѣ ихъ одинъ изъ корифеевъ тогдашней нѣмецкой литературы, авторъ мессіады, Клопштокъ. На своемъ мистическомъ языкѣ Клопштокъ изображаетъ появленіе въ міръ человѣчности (menschlichkeit) въ лицѣ русскаго государя Александра, который одержитъ прекрасную побѣду надъ грубою силою, и смоетъ позоръ, лежащій на имени *Александръ* со времени Александра македонскаго [3]). Подобныя же мысли и образы встрѣчаются и въ произведеніяхъ русскихъ писателей:

Такъ два извѣстны Александра:
Одинъ всю землю возжигалъ;
Объятый заревомъ пожара,
Въ громахъ и молніяхъ леталъ.
Другой спокойство всѣмъ даруетъ,
Любовью нѣжной торжествуетъ,
И ею побѣждаетъ міръ.
Тотъ богъ войны, тотъ богъ свирѣпства,
А сей творецъ добра, блаженства.... [4]).

Изъ ряда торжественныхъ одъ выдѣляются два произведенія Карамзина: на восшествіе на престолъ и на коронованіе императора Александра I. Карамзинъ говоритъ:

Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ воспріялъ.

Эти великія дѣла обнаружатся въ заботахъ о просвѣщеніи и правосудіи:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья —
Наукой счастливъ человѣкъ —
И блескомъ твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы, къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ....
Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ несогласны,
Ты ихъ премудро согласишь.
Законъ быть долженъ какъ зерцало,
Гдѣ бъ солнце истины сіяло

Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ какъ Богъ законодатель,
Онъ мирныхъ обществъ основатель
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ....

Но для достиженія великихъ цѣлей — умственнаго и нравственнаго блага, необходимо оградить себя отъ лукавыхъ совѣтовъ:

Есть родъ людей царю опасный:
Имъ имя — хитрые льстецы;
Снаружи ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.
Они отечества не знаютъ,
Они не любятъ и царей;
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ богъ: лишь служать ей....

Внутренняя связь между временами Екатерины II и Александра I открывается и въ сходствѣ воззрѣній замѣчательнѣйшихъ представителей этихъ двухъ эпохъ. Свобода, основанная на законѣ и изъ него истекающая была идеаломъ лучшихъ людей вѣка Екатерины II. Водворенія свободы и законности искренно желали поэты и мыслители Александровскаго времени. Державинъ говорилъ:

Рабъ и похвалить не можетъ,
Онъ лишь можетъ только льстить.

Таже мысль заключается въ словахъ Карамзина, обращенныхъ къ императору Александру:

Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зритъ — рабовъ;
Но ты, душою просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ.

Тебѣ одна любовь прелестна,
Но можно ли рабу любить?
Любовь со страхомъ несовмѣстна;
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.....
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ....

Идею закона и отношеніе его къ власти, управляющей народами, Державинъ выразилъ ясно и опредѣленно, сказавши:

Царей они подвластны волѣ,
А Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Такое же высокое уваженіе къ закону было неоднократно выражаемо и императоромъ Александромъ. Я отнюдь не считаю себя выше закона,—говорилъ императоръ Александръ — и признаю справедливою только ту власть, которая истекаетъ изъ закона; на мнѣ болѣе, нежели на комъ другомъ, лежитъ обязанность быть строгимъ блюстителемъ закона [5]).

Признаніе правъ закона произвело оживляющее дѣйствіе на умы. Рѣшимость править Россіею по законамъ Екатерины II, выраженная Александромъ I при вступленіи его на престолъ, какъ нельзя болѣе удовлетворяло тогдашнему настроенію общества и положенію вещей: у всѣхъ передъ глазами были печальные слѣды упорнаго желанія идти противъ теченія, дѣйствовать наперекоръ законамъ и стремленіямъ Екатерины. И впослѣдствіи не одна личная воля, подлежащая колебаніямъ и измѣненіямъ, заставляла Александра обращаться ко временамъ Екатерины мыслію и дѣломъ при рѣшеніи многихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Геніальный умъ Екатерины работалъ для настоящаго и будущаго, и хотя будущее приносило новыя нужды и требованія, связь съ прошлымъ не разрывалась иногда даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда личная воля новыхъ людей требовала

разрыва. Сама исторія словно позаботилась о томъ, чтобы сблизить въ сознаніи потомства двѣ эпохи, связь между которыми такъ живо чувствовалась современниками, пережившими первую изъ нихъ и видѣвшими наступленіе второй.

Сила историческихъ обстоятельствъ привела къ тому, что эпоха Екатерины II и эпоха Александра I ознаменованы событіями, представляющими много общаго по своей основной идеѣ и по своему вліянію на умственную и общественную жизнь русскаго народа. Первостепенный ученый своего времени, историкъ Шлецеръ замѣтилъ, что изъ всѣхъ событій, прославившихъ царствованіе Екатерины II, по своимъ послѣдствіямъ и по высокому историческому значенію особенно важны: побѣды Румянцова надъ турками и учрежденіе народныхъ училищъ. Съ такою же справедливостью исторія имѣетъ право сказать, что главнѣйшими событіями царствованія Александра I должны быть признаны: война 1812 года и учрежденіе цѣлаго ряда училищъ съ университетами во главѣ.

Мы не будемъ говорить о войнѣ 1812 года. Память о ней воскресаетъ съ новою силою въ настоящую годину, когда русскій народъ приноситъ столько кровавыхъ жертвъ, и чѣмъ выше эти жертвы, чѣмъ несокрушимѣе храбрость и отвага русскихъ воиновъ, тѣмъ живѣе благодарность Провидѣнію, пославшему ихъ доблестнымъ предкамъ достойныхъ ихъ вождей: Кутузова, Барклая-де-Толли, и ихъ сподвижниковъ, имена которыхъ дороги для русскаго народа «священной памятью двѣнадцатаго года». Предоставляя правдивому и безпристрастному суду исторіи опредѣленіе заслугъ Александра I передъ Россіею въ отношеніи къ войнѣ 1812 года и ея политическимъ слѣдствіямъ, обратимъ вниманіе на подвиги другаго рода — на явленія въ обширной области просвѣщенія народа.

Просвѣщеніе народа, содѣйствіе успѣхамъ науки и литературы было однимъ изъ прекрасныхъ стремленій, завѣщанныхъ Александру I его геніальною воспитательницею. Воспитанникъ Екатерины съ самаго вступленія своего на престолъ выражалъ

свое уваженіе къ наукѣ и литературѣ и свое сочувствіе къ ихъ представителямъ. Многіе научные и литературные труды явились въ свѣтъ только благодаря вниманію къ нимъ государя; многія сочиненія представляемы были государю въ рукописи, печатались по его приказанію на счетъ кабинета, и всѣ экземпляры отдавались авторамъ въ ихъ полную собственность. Втеченіи одного 1802 года на счетъ кабинета напечатано книгъ на 160,000 руб. Всѣ выдающіеся ученые того времени: академики Румовскій, Иноходцевъ, Палласъ, Георги, Озерецковскій, Севергинъ, и др., были такъ или иначе почтены вниманіемъ государя. Но что всего замѣчательнѣе — Александръ I обнаруживалъ желаніе приблизить къ себѣ людей мысли и науки, и считалъ своею обязанностію прислушиваться къ ихъ правдивому голосу даже и тогда, когда они рѣшались высказывать горькія истины. При этомъ невольно приходятъ на мысль отношенія императора Александра I къ его знаменитому современнику Карамзину. Справедливо замѣчаютъ, что эти отношенія дѣлаютъ честь какъ писателю, незапятнавшему себя лестью, и смѣло говорившему правду, такъ и государю, понимавшему благородный источникъ смѣлости человѣка, никогда и ни передъ кѣмъ неизмѣнявшаго своей любви къ Россіи. До конца жизни своей Александръ сохранилъ высокое уваженіе къ Карамзину, какъ это торжественно засвидѣтельствовалъ императоръ Николай, выражая «и за покойнаго государя, и за себя самого, и за Россію признательность Карамзину, которую онъ заслужилъ и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель». Безспорное значеніе для характеристики Александра I имѣетъ та черта, что передъ нимъ могъ свободно высказывать свой образъ мыслей гражданинъ-писатель,

Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ, полномъ строѣ
Все человѣчески-благое
И русскимъ чувствомъ закрѣпить;
Умѣвшій, не сгибая выи

Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи [6]).

По убѣжденію Карамзина, лучшею похвалою Александру I служитъ то, что онъ былъ *человѣкъ:* «у насъ на тронѣ человѣкъ», говоритъ Карамзинъ, и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ этому считаетъ основанную на уваженіи къ правамъ человѣчества систему народнаго образованія, возвышающаго умственное и нравственное достоинство человѣка. По замѣчанію Карамзина, выработанный при Александрѣ «великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и государя ея, но и для самого вѣка; не только Россія, но и Европа, и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей» [7]).

Начало царствованія императора Александра I ознаменовано учрежденіемъ университетовъ въ Казани и въ Харьковѣ; преобразованіемъ университетовъ: московскаго, виленскаго и дерптскаго; открытіемъ по всей Россіи гимназій, уѣздныхъ училищъ и приходскихъ школъ; устройствомъ учебныхъ округовъ, и т. п. Тогда же данъ новый уставъ и академіи наукъ. Всѣ эти мѣры, будучи связаны единствомъ основной мысли, составляютъ стройное цѣлое, дополняя и объясняя одна другую. Дѣятельность по устройству университетовъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія бросаетъ новый свѣтъ и на времена отдаленныя, на событіе, совершившееся почти за цѣлое столѣтіе, именно на учрежденіе академіи наукъ. Многое изъ того, что было неизбѣжно при основаніи академіи, повторилось и при учрежденіи университетовъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всей системы народнаго образованія, ограничимся въ настоящемъ очеркѣ нѣсколькими данными, относящимися къ академіи наукъ и отчасти къ университетамъ.

Преобразованіе академіи наукъ при Александрѣ I находится

въ неразрывной связи съ тогдашнимъ состояніемъ русской образованности и съ предшествующими судьбами академіи.

При самомъ учрежденіи академіи наукъ и много разъ впослѣдствіи возникалъ вопросъ о томъ, не было ли это дѣйствіе Петра Великаго преждевременнымъ, и соотвѣтствовало ли оно существеннымъ потребностямъ Россіи. Одинъ изъ образованнѣйшихъ современниковъ Петра Великаго, историкъ Татищевъ, говорилъ, что прежде надо было бы приготовить почву, а потомъ уже бросать въ нее сѣмена науки. Представитель другаго поколѣнія, академикъ Шлецеръ, не могъ, говоря его словами, постигнуть, какимъ образомъ такой великій государь, какъ Петръ I основалъ академію наукъ, а не подумалъ о народныхъ школахъ[8]). Но при внимательномъ и разностороннемъ обсужденіи дѣла открытіе въ Россіи академіи наукъ по мысли Петра Великаго представляется въ иномъ свѣтѣ. Если перенестись мыслію въ тѣ времена, когда жилъ и дѣйствовалъ Петръ Великій; если вникнуть въ условія тогдашняго быта, въ складъ понятій, господствовавшихъ въ обществѣ, и т. д., нельзя не отдать должной справедливости тому, что наукѣ предоставлено, такъ сказать, право гражданства въ русскомъ обществѣ, и учреждена академія не исключительно для примѣненія наукъ къ насущнымъ, матеріальнымъ потребностямъ, а одною изъ существенныхъ ея цѣлей поставлено расширять область знанія новыми изслѣдованіями и открытіями — «чрезъ новые инвенты совершать и умножать науки». Въ этомъ сознаніи правъ науки заключался вѣрный залогъ для ея водворенія въ Россіи. Чѣмъ выше стоитъ наука, тѣмъ разумнѣе и плодотворнѣе ея примѣненіе; чѣмъ обширнѣе знанія людей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія, тѣмъ сильнѣе вліяніе ихъ просвѣтительной дѣятельности. Судьбы народнаго просвѣщенія въ эпоху Александра I доказываютъ это самымъ положительнымъ образомъ.

Что касается отношенія академіи, при самомъ ея открытіи, къ нуждамъ и потребностямъ Россіи, то на это имѣются самыя точныя указанія. Утвержденный Петромъ Великимъ проэктъ ясно

и опредѣленно говоритъ, что академія наукъ учреждается съ двумя цѣлями, изъ которыхъ одна имѣетъ въ виду настоящее, а другая — будущее.

Первая цѣль состояла въ томъ, чтобы «слава государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась», т. е. чтобы Россія пріобрѣла во всей Европѣ славу государства, заботящагося о развитіи наукъ. Довольно вспомнить славныя имена Леонарда Эйлера и Бернулли, чтобы видѣть, какъ блистательно достигнута одна изъ цѣлей академіи — повліять на общественное мнѣніе Европы. Конечно, призвать въ Россію иностранныхъ знаменитостей отнюдь не значило еще водворить науку въ Россіи; но начало было положено, и произвело свое впечатлѣніе въ образованныхъ кругахъ европейскаго общества. Вѣдь и наказъ Екатерины II вовсе не служилъ ручательствомъ въ томъ, что просвѣтительныя идеи примѣняются во всей своей силѣ въ русскихъ судахъ и администраціи; тѣмъ не менѣе обнародованіе наказа сильно подѣйствовало на общественное мнѣніе Европы, и возбудило въ иностранцахъ желаніе ближе ознакомиться съ умственною жизнію Россіи. Желаніе это было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ появленію превосходнаго труда Бакмейстера — «русской библіотеки для познанія современнаго состоянія литературы въ Россіи».

Но мысль Петра Великаго не могла удовлетвориться блескомъ, хотя бы и ослѣпительно-яркимъ, но тѣмъ не менѣе временнымъ. Петръ Великій желалъ, чтобы свѣтъ наукъ, зажженный въ его родной землѣ, не только свѣтился въ ней, но и просвѣщалъ и согрѣвалъ ее, питая и поддерживая живыя умственныя силы русскаго народа. Вторая цѣль учрежденія академіи заключалась въ томъ, чтобы науки разрослись и размножились въ русскомъ народѣ — чтобы «чрезъ обученіе и распложеніе наукъ польза народа впредь была». Въ сущности въ словахъ этихъ заключается таже самая мысль, которая впослѣдствіи неоднократно выражалась въ проэктахъ и разсужденіяхъ лицъ, наиболѣе знакомыхъ съ ходомъ академической жизни и съ существенными задачами и потребностями академіи наукъ.

Какое же средство придумалъ Петръ Великій для того, чтобы открыть русскимъ путь для самостоятельныхъ занятій наукою, сосредоточенныхъ тогда въ академіи? Единственнымъ средствомъ оказалось учрежденіе университета, хотя въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Исторія просвѣщенія въ Россіи показываетъ, до какой степени необходимо было учрежденіе при академіи наукъ университета и гимназіи. Всѣ русскіе академики восемнадцатаго столѣтія, за весьма незначительными исключеніями, получили свое образованіе въ академической гимназіи и университетѣ. Даже въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, во время преобразованія академіи наукъ при Александрѣ I, признано необходимо учредить при академіи училище, которое служило бы разсадникомъ будущихъ русскихъ ученыхъ. Лица, спеціально призванныя для обсужденія академическаго устава, въ числѣ которыхъ были и товарищъ министра народнаго просвѣщенія и непремѣнный секретарь академіи наукъ, не придумали другаго средства, кромѣ того, которое указано было еще Петромъ Великимъ: они предлагали учредить академическое училище съ раздѣленіемъ учениковъ, по мѣрѣ прохожденія курса, на два разряда — на *питомцевъ* и на *студентовъ*. Въ уставѣ академіи наукъ, утвержденномъ Александромъ I, говорится: «Какъ науки, коихъ усовершенствованіемъ академія должна заниматься, преподаются только до нѣкоторой степени ихъ во всѣхъ заведеніяхъ, для образованія юношества учрежденныхъ, даже и въ самыхъ университетахъ, то дабы академія обезпечена была со стороны способовъ наполнить со временемъ мѣста академиковъ россійскими учеными, мы повелѣваемъ ей содержать, подъ именемъ академическихъ воспитанниковъ, извѣстное число молодыхъ людей изъ россійскихъ уроженцевъ, выбранныхъ съ надлежащею осмотрительностію. Сіи воспитанники, числомъ 20, будутъ избираемы изъ университетскихъ студентовъ и учениковъ гимназій, имѣющихъ постоянную склонность и отмѣнную способность къ одной изъ тѣхъ наукъ, коими академія занимается. Каждый изъ воспитанниковъ препоручается академику той науки, которой онъ посвятилъ себя. Академикъ, взявъ

воспитанника подъ свое управленіе и непосредственный надзоръ, преподаетъ ему наставленіе вмѣстѣ съ своимъ адъюнктомъ, препоручая ему утверждать его въ началахъ науки, и предоставляя себѣ труднѣйшія и высшія части оной». Не тоже ли самое говорится и въ проэктѣ, утвержденномъ Петромъ Великимъ: потребнѣе всего, чтобы академія наукъ состояла «изъ самолучшихъ ученыхъ людей», и чтобы они «наукамъ младыхъ людей публично обучали, и чтобъ они нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли».

Для вѣрной оцѣнки дѣйствій и воззрѣній Петра Великаго необходимо строго держаться историческаго мѣрила и не терять изъ виду послѣдовательности явленій, въ которой одни изъ нихъ смѣнялись другими. Во времена, ближайшія къ эпохѣ Петра Великаго, занятія науками цѣнились исключительно по степени ихъ практической пригодности въ примѣненіи къ ремесламъ, фабрикамъ, заводамъ и т. д. На академію наукъ смотрѣли какъ на канцелярію ученыхъ дѣлъ, а на академиковъ — какъ на чиновниковъ этой канцеляріи. Всѣ государства, а особенно россійское — говорилось въ регламентѣ, дѣйствовавшемъ съ половины восемнадцатаго столѣтія — нуждаются въ изученіи и въ открытіяхъ въ травахъ, деревьяхъ, соляхъ, рудахъ и пр., словомъ во всемъ томъ, что внутрь и на поверхности земли находится. И какъ всѣхъ этихъ вещей не только свойства и пригодности, но часто и имена неизвѣстны, то надо имѣть ботаника, анатомика и химика. Такъ какъ въ государствѣ, въ которомъ есть и администрація, и флотъ, и мануфактуры, и т. д., необходимы матеріи, краски, машины, пушки, и т. п., то необходимъ академикъ по экспериментальной физикѣ и другой — по механикѣ. Академикъ по механикѣ обязанъ изобрѣтать всякія машины, которыя были бы полезны въ гражданской и военной архитектурѣ и въ прочемъ. Польза отъ академиковъ слѣдующая: если понадобится проэктъ или что другое адмиралтейству или полиціи, то академики должны разсмотрѣть или изобрѣсти... Если кто изъ академиковъ сдѣлаетъ изобрѣтеніе,

которое можетъ служить или къ пользѣ полиціи (т. е. администраціи) или къ силѣ военной, долженъ сейчасъ донести канцеляріи, и т. п. Академикамъ Ломоносову и Тредьяковскому приказано было сочинить по трагедіи, и приказъ этотъ объявленъ имъ въ канцеляріи, и т. д.[9])

Съ воцареніемъ Екатерины II настали лучшія времена для умственной жизни Россіи, для русской литературы и науки; начался и новый и блистательный періодъ академіи наукъ. Покойный академикъ Бэръ находилъ, что именно въ этотъ періодъ академія наша наиболѣе приблизилась къ своему истинному назначенію. По живой связи эпохи Екатерины II съ эпохою Александра I позволяю себѣ привести слова знаменитаго ученаго, который еще такъ недавно составлялъ красу и гордость нашей академіи.

Въ сохранившемся въ рукописи, замѣчательномъ отзывѣ своемъ по поводу открытія новой каѳедры академикъ Бэръ говоритъ: Мнѣ всегда казалось, что наша академія должна устремлять свою ученую пытливость преимущественно на тѣ особенности, которыя представляетъ Россія, и расширять область знанія такими вкладами, которые можно добыть преимущественно въ Россіи. Но при первомъ устройствѣ академіи не обратили на это должнаго вниманія. Выборъ академическихъ каѳедръ въ такой же мѣрѣ соотвѣтствовалъ Петербургу, какъ и Парижу или Палермо. Не было даже учреждено ни каѳедры русской исторіи, ни каѳедры русскаго языка. По духу того вѣка заботились только о томъ, чтобы перенести въ Россію науку, научное изслѣдованіе, простирающееся на различныя области знанія. Въ царствованіе Екатерины II порядокъ вещей измѣнился. Россія пріобрѣла подобающее ей мѣсто въ средѣ цивилизованныхъ государствъ, и ученый міръ, признавшій за Россіею право голоса, долженъ былъ ожидать, что она возвыситъ свой голосъ преимущественно по тѣмъ отраслямъ знанія, которыя съ особеннымъ успѣхомъ могли разрабатываться въ Россіи. Это превосходно понимала Екатерина II, и снаряженныя ею ученыя путешествія для всесторонняго изученія Россіи соста-

вили истинную, неотрицаемую славу нашей академіи. Отдавая должную справедливость великой мысли Екатерины, Бэръ выражаетъ сожалѣніе, что академія не была тогда же преобразована согласно съ тѣми требованіями, которыя предъявляла наука въ отношеніи къ изученію и изслѣдованію Россіи. Но то, что неудобно было сдѣлать вдругъ, совершалось постепенно. Условія, къ которымъ не могла оставаться равнодушною наука, заключались въ слѣдующемъ: обширное пространство Россіи, разнообразіе климата и естественныхъ произведеній, сношенія съ азіятскими народами, разноплеменное населеніе Россіи и преобладаніе въ ней славянской расы, и т. д. По мнѣнію Бэра, отвѣтами на эти жизненныя требованія науки служили: учрежденіе россійской академіи; открытіе каѳедръ азіятскихъ языковъ и проэктъ азіятской академіи; обширныя изслѣдованія по климатологіи; предложеніе открыть двѣ каѳедры для языковъ такъ называемыхъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, и заявленіе о необходимости призвать въ академическую среду ученаго изъ западныхъ славянъ. Бэръ энергически поддерживалъ это заявленіе, указывая на связь его съ прямыми потребностями Россіи не только въ научномъ, но и въ политическомъ отношеніи [10]).

Императоръ Александръ I, приступая къ преобразованію академіи, объявилъ во всеуслышаніе, что академія наукъ рядомъ подвиговъ и въ особенности славными путешествіями академиковъ въ царствованіе Екатерины II доказала ту пользу, которую подобныя учрежденія приносятъ государству. Потребность преобразованія всего живѣе сознаваема была въ ученой средѣ самой академіи. Привѣтствуя новаго президента, непремѣнный секретарь академіи наукъ Фуссъ высказалъ отъ имени всей ученой корпораціи общее, единодушное и завѣтное желаніе всѣхъ ея членовъ, состоявшее въ томъ, чтобы академія была преобразована. Къ участію въ этомъ дѣлѣ призваны были всѣ члены ученаго собранія; каждому предоставлено было право высказать свое мнѣніе о нуждахъ и потребностяхъ академіи. Отовсюду послышались жалобы на крайнюю недостаточность научныхъ посо-

бій, которыми могла располагать академія, неимѣвшая ни инструментовъ для призводства наблюденій, ни матеріальныхъ средствъ для ученыхъ предпріятій въ обширныхъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ академики жаловались на свое, какъ выражались они, порабощеніе вслѣдствіе полнѣйшаго господства бюрократіи въ управленіи академическими дѣлами. Представлено было нѣсколько проэктовъ устава академіи наукъ, заключающихъ въ себѣ любопытныя черты умственной и общественной жизни того времени. Для разсмотрѣнія проэктовъ и начертанія устава составленъ былъ комитетъ, членами котораго назначены: Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, графъ Северинъ Потоцкій, профессоръ московскаго университета Баузе и непремѣнный секретарь академіи наукъ Николай Ивановичъ Фуссъ. М. Н. Муравьевъ соединялъ въ себѣ двѣ знаменательныя эпохи: принадлежа къ числу просвѣщеннѣйшихъ писателей вѣка Екатерины II, онъ былъ и однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ области просвѣщенія въ первые года царствованія императора Александра I. Графъ Северинъ Потоцкій памятенъ въ исторіи русской образованности своею разумною дѣятельностью по устройству харьковскаго университета и харьковскаго учебнаго округа. Профессоръ Баузе пріобрѣлъ почетную извѣстность своими учеными трудами, между которыми видное мѣсто занимаютъ изысканія, касающіяся внутренней жизни Россіи и знакомящія съ историческимъ движеніемъ народнаго образованія. Отъ академика Фусса, по самому его званію, комитетъ въ правѣ былъ ожидать наиболѣе точныхъ и подробныхъ указаній на нужды академіи и на ходъ академическихъ дѣлъ вообще.

Въ проэктѣ, выработанномъ названными лицами, назначеніе академіи опредѣляется слѣдующими знаменательными чертами: «Санктпетербургская академія наукъ, полагая во основаніе главное назначеніе всѣхъ ученыхъ обществъ — распростирать предѣлы человѣческихъ знаній откровеніями, присоединяетъ къ тому особенную и ей свойственную обязанность — прилагать ихъ безпосредственно къ государственной пользѣ: испытывать есте-

ственныя произведенія во всемъ пространствѣ Россіи, и неослабными попеченіями назидать собственную ученость, чтобы она обратилась наконецъ въ природное произведеніе отечества»[11]).

Въ офиціальной редакціи, мысль эта, ослабленная подробностями, давшими ей нѣсколько иной видъ, выражена такимъ образомъ: «Главнѣйшія обязанности академіи слѣдуютъ изъ самой цѣли ея назначенія, общей со всѣми академіями и учеными обществами: — расширять предѣлы знаній человѣческихъ; усовершенствовать науки; обогащать ихъ новыми открытіями; распространять просвѣщеніе; направлять, колико возможно, познанія ко благу общему, приспособляя къ практическому употребленію теоріи и полезныя слѣдствія опытовъ и наблюденій, — се въ краткихъ словахъ книга ея обязанностей. Къ обязанностямъ, общимъ ей съ другими академіями, присоединяется должность непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній имперіи, изыскивая средства къ умноженію такихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности и торговли, къ усовершенствованію фабрикъ, мануфактуръ, ремеслъ и художествъ, — сихъ источниковъ богатства и силы государствъ»[12]).

Для достиженія существенной, основной цѣли академіи, такъ опредѣленно выраженной въ лучшемъ изъ всѣхъ проэктовъ, т. е. для того, чтобы содѣйствовать расширенію человѣческихъ знаній, необходимо было расширить самый кругъ ученыхъ занятій академиковъ посредствомъ открытія новыхъ каѳедръ. Втеченіе долгаго и весьма долгаго періода въ академіи существовали каѳедры только по математическимъ и естественнымъ наукамъ, и вовсе не было ни историческаго, ни филологическаго отдѣленій. Даже такія ученыя работы, какъ изданіе древнихъ памятниковъ исторіи и словесности, требующее спеціальной подготовки, было поручаемо математикамъ и анатомамъ.

Въ одномъ изъ проэктовъ начала девятнадцатаго столѣтія, представленномъ, по всей вѣроятности, президентомъ академіи наукъ барономъ Николаи, полагалось всего девять каѳедръ, а именно:

1) математики,
2) астрономіи,
3) физики,
4) механики,
5) зоологіи,
6) ботаники,
7) минералогіи,
8) химіи,
9) анатоміи и физіологіи [13]).

По нѣкоторымъ изъ этихъ каѳедръ полагалось по два и по три члена на томъ основаніи, чтобы въ случаѣ путешествія академиковъ въ отдаленныя области Россіи академія не оставалась безъ ученыхъ людей.

По проэкту Муравьева и его сотрудниковъ, число каѳедръ увеличено до двѣнадцати, и притомъ сдѣлана оговорка, что такое ограниченное число полагается при самомъ введеніи устава; впослѣдствіи же число академическихъ каѳедръ не только можетъ, но и должно быть постепенно увеличиваемо.

На первое время избраны слѣдующія каѳедры:

1) математики,
2) астрономіи,
3) химіи,
4) физики,
5) механики,
6) минералогіи,
7) ботаники,
8) зоологіи,
9) анатоміи,
10) умственной и дѣятельной философіи,
11) политической экономіи, комерціи и технологіи,
12) исторіи и статистики.

На каждую каѳедру полагалось по два академика или по одному академику и по одному адъюнкту, и для полученія званія адъюнкта по философіи, политической экономіи и исторіи, сверхъ

познаній въ избранной спеціальности, требовались основательныя свѣдѣнія какъ въ словесности древнихъ народовъ, греческой и римской, такъ и въ русской словесности или, какъ называли тогда, въ *письменахъ россійскихъ* (lettres, belles-lettres).

Прямо въ академики могли быть избираемы только лица, снискавшія уже славу своими сочиненіями или научными открытіями и изобрѣтеніями. Для выбора въ адъюнкты требовалась также извѣстность въ ученомъ мірѣ, пріобрѣтенная какимъ-либо ученымъ трудомъ или курсомъ какой-либо науки. Въ противномъ случаѣ, желающій вступить въ академію наукъ адъюнктомъ обязанъ былъ представить въ академію одно или два сочиненія и сверхъ того подвергнуться испытанію.

Еще требовательнѣе въ этомъ отношеніи былъ другой проэктъ того же времени. Только такіе ученые, — говорилось въ этомъ проэктѣ — которые стоятъ въ наукѣ на одной высотѣ съ Бургавами, Альбинами, Линнеями, имѣютъ право на званіе академика. Всѣ другія лица безъ исключенія могутъ вступить въ академію только адъюнктами и не иначе, какъ посредствомъ балотировки, причемъ если окажется хоть одинъ неизбирательный шаръ, кандидатъ въ адъюнкты подвергается весьма строгому испытанію: онъ долженъ доказать свою ученость шестью диссертаціями....

Въ проэктѣ, представленномъ въ подлинной рукописи Фусса на французскомъ языкѣ, и наиболѣе подходящемъ въ цѣломъ къ утвержденному уставу, полагалось также двѣнадцать каѳедръ и семнадцать ординарныхъ академиковъ, по два на каѳедры:

1) математики,
2) астрономіи,
3) химіи,
4) минералогіи,
5) зоологіи,

и по одному академику на каѳедры:

6) экспериментальной физики,
7) механики,

8) гидравлики,
9) ботаники,
10) анатоміи,
11) политической экономіи,
12) исторіи.

Регламентъ, не допуская раздѣленія наукъ на классы, постановлялъ, чтобы въ академіи имѣли своихъ представителей слѣдующія науки:

1) вышняя астрономія,
2) математика,
3) химія,
4) зоологія,
5) технологія,
6) механика твердыхъ и жидкихъ тѣлъ,
7) физико-математика,
8) анатомія и физіологія,
9) ботаника,
10) минералогія,
11) политическая экономія и статистика,
12) исторія.

Для первыхъ шести каѳедръ полагалось по два, для остальныхъ шести по одному академику на каждую каѳедру. Общее число обязательныхъ членовъ академіи по регламенту полагалось 38; изъ нихъ—ординарныхъ академиковъ 18 и адъюнктовъ—20.

Первая обязанность академиковъ, по регламенту, состояла въ томъ, чтобы «употреблять всѣ силы свои къ усовершенствованію своей науки, къ обогащенію ея новыми открытіями и къ умноженію такимъ образомъ познаній человѣческихъ». Сообразно съ этою цѣлію запрещалось предлагать на мѣста академиковъ «людей непзвѣстныхъ и посредственныхъ: ученый, ищущій чести быть академикомъ, — сказано въ регламентѣ — долженъ быть извѣстенъ въ ученомъ свѣтѣ своими сочиненіями или полезными открытіями».

Вторая обязанность, возложенная регламентомъ на академиковъ, состояла въ томъ, чтобы каждый изъ нихъ, имѣя у себя одного воспитанника, руководилъ его научными занятіями, и всѣми мѣрами способствовалъ ему къ пріобрѣтенію познаній, дающихъ воспитаннику право на званіе адъюнкта, а впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи его ученой дѣятельности, и на званіе академика.

Къ общей всѣмъ академіямъ чисто-ученой цѣли проэкты александровскаго времени присоединяютъ и другую, имѣющую въ виду примѣнять знанія непосредственно къ пользѣ Россіи и къ просвѣщенію русскаго народа. Въ умахъ просвѣщеннѣйшихъ представителей александровской эпохи любовь къ наукѣ и любовь къ Россіи сливались въ одно нераздѣльное цѣлое, чуждое крайностей и незатемняемое никакими пристрастіями. По убѣжденію этихъ людей, академія должна стремиться къ тому, чтобы наука сдѣлалась у насъ природнымъ отечественнымъ произведеніемъ. Тоже самое утверждаютъ и современные намъ ученые. Почтенный сочленъ нашъ, г. непремѣнный секретарь академіи К. С. Веселовскій, доказывая, что академія наукъ есть въ настоящее время необходимость для Россіи, говоритъ: «Чѣмъ яснѣе обозначается мѣсто, принадлежащее великому народу русскому среди другихъ народовъ, тѣмъ болѣе мы должны желать, чтобы голосъ его слышался не только въ вопросахъ войны и мира Европы, но и въ вопросахъ ея цивилизаціи и науки. Отказаться отъ самостоятельныхъ занятій въ области расширенія человѣческихъ знаній мы не можемъ, ибо это значило бы осудить себя на постоянную зависимость отъ иностранной науки, а такое положеніе было бы несовмѣстно съ значеніемъ Россіи» [14]).

При преобразованіи академіи наукъ во времена Александра I полагали возможнымъ согласить чисто-ученыя стремленія академіи съ участіемъ ея въ распространеніи знаній въ Россіи. Отъ академіи наукъ ожидали двоякаго рода повременныхъ изданій, изъ которыхъ одно имѣло бы въ виду строгую науку, а другое — ея общеполезное примѣненіе. Между обоими изданіями

могла и должна была существовать живая внутренняя связь, и предпринимая ихъ, академія отнюдь не уклонялась отъ своего назначенія. Обстоятельство это старался выяснить академикъ Фуссъ въ запискѣ, составленной имъ по поводу предпринимаемыхъ изданій. Если прослѣдить — говоритъ Фуссъ — содержаніе мемуаровъ академій и ученыхъ обществъ Европы съ конца семнадцатаго столѣтія и до настоящаго времени, то нельзя не замѣтить взаимнаго и благотворнаго дѣйствія академій и ученыхъ обществъ на духъ времени и духа времени на ученыя общества и академіи. Такое взаимодѣйствіе выражается съ одной стороны въ расширеніи круга научныхъ изслѣдованій и въ возрастаніи числа ученыхъ, съ другой стороны — въ выборѣ предметовъ и въ самомъ способѣ ихъ изложенія. Ученыя корпораціи мало по малу выходили изъ своей замкнутости, обращая добытые ими результаты въ общее достояніе образованнаго міра. Посредствомъ этого академіи содѣйствовали распространенію знаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно доказывали значеніе науки не только теоретическое, но и практическое. Безъ свѣта науки практика ходитъ ощупью, и обращается въ эмпиризмъ, самый печальный по своимъ послѣдствіямъ. Часто разысканія, свиду мелочныя и безплодныя, приводятъ къ обширнымъ и важнымъ примѣненіямъ, и т. д. [15]). Записка Фусса показываетъ, какъ внимательно обдумывалась каждая черта академическаго устава, и какъ заботились о томъ, чтобы не возлагать на академію обязанностей, несообразныхъ съ ея достоинствомъ и съ современными требованіями науки. Изъ мотивовъ, приведенныхъ академикомъ Фуссомъ, видно, что не случайно, а на основаніи близкаго знакомства съ литературною дѣятельностію европейскихъ академій и ученыхъ обществъ, внесена въ регламентъ слѣдующая статья: «Академія продолжаетъ, по примѣру другихъ ученыхъ обществъ, ежегодно издавать одинъ томъ умозрительныхъ изслѣдованій своихъ какъ на россійскомъ, такъ и на латинскомъ или другомъ изъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ языковъ. Равнымъ образомъ она должна ежегодно издавать на россійскомъ языкѣ одинъ томъ записокъ,

достойныхъ примѣчанія по своей практической пользѣ, подъ именемъ Технологическаго журнала».

Отвѣтомъ на первое требованіе этой статьи послужили повременныя изданія академіи наукъ:

1) Mémoires de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg—собраніе академическихъ мемуаровъ съ 1803 по 1822 годъ, и
2) Умозрительныя изслѣдованія императорской санктпетербургской академіи наукъ.

Для выполненія втораго требованія издавались:

3) Технологическій журналъ или собраніе сочиненій и извѣстій, относящихся до технологіи и приложенія учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію.
4) Прибавленіе къ технологическому журналу, заключающее въ себѣ извѣстія по математикѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, зоологіи, ботаникѣ и др., и
5) Продолженіе технологическаго журнала, состоящее изъ ученыхъ извѣстій, имѣющихъ предметомъ приложеніе учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію.

Дѣятельнымъ участникомъ въ преобразованіи академіи былъ любимецъ государя Новосильцовъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа и президентъ академіи наукъ. Новосильцовъ повелъ дѣло съ обычною своею энергіею и нелюбовью къ проволочкамъ и выжиданіямъ. 14 февраля 1803 г. данъ былъ сенату указъ, въ которомъ говорится: «внимая ревностнымъ трудамъ по части народнаго просвѣщенія двора нашего дѣйствительнаго камергера Новосильцова, всемилостивѣйше опредѣляемъ его президентомъ академіи наукъ». 17 февраля Новосильцовъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго всѣ бумаги касательно приведенія академіи наукъ въ лучшее состояніе, а 15 іюня представилъ проэктъ устава, причемъ пояснилъ, что сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны относительно внутренняго управленія академіи, числа академиковъ, предметовъ ихъ занятій, и т. п. [16]).

25 іюля 1803 года былъ утвержденъ новый уставъ академіи наукъ. Привѣтствуя ученое собраніе съ этимъ достопамятнымъ событіемъ въ академической жизни, Новосильцовъ обратился къ академикамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Прежде, нежели приступимъ къ слушанію журнала, позвольте, почтенные сочлены, съ чувствомъ живѣйшей радости объявить вамъ высочайшую милость, оказанную его императорскимъ величествомъ сей академіи. Достославный подвигъ монарха нашего, о которомъ спѣшу васъ увѣдомить, утверждая сей знаменитый и древній въ Россіи храмъ наукъ на незыблемомъ и высокому предназначенію его пристойномъ основаніи, открываетъ вамъ новые способы быть полезными отечеству, новыя средства достигать вышней степени совершенства и славы, и тѣмъ самымъ изъявить достойную благодарность великому его преобразителю.

«Чуждый пагубнаго мнѣнія, которое, къ стыду послѣднихъ временъ, заставляя мрачное невѣжество предпочитать успѣхамъ наукъ и художествъ, заграждало путь къ распространенію оныхъ, и увѣренъ будучи, что познаніе истинъ въ естественномъ ихъ порядкѣ и въ надлежащемъ между собою отношеніи, предметъ всѣхъ наукъ составляющее, обогащаетъ и украшаетъ разумъ, возвышаетъ духъ, чувствованія и добродѣтели человѣка, и убѣжденіемъ въ собственной пользѣ побуждаетъ чтить законы, любить отечество, быть вѣрнымъ подданнымъ и добрымъ гражданиномъ,—мудрый монархъ нашъ начерталъ правила народнаго просвѣщенія, которыя пребудутъ незабвенны въ лѣтописяхъ имперіи россійской, и, движимый собственнымъ побужденіемъ великой души своей, вскорѣ потомъ обратилъ вниманіе на главнѣйшій источникъ онаго—императорскую академію наукъ, разсмотрѣлъ ея регламентъ, изслѣдовалъ ея обязанности, измѣрилъ кругъ дѣятельности, исчислилъ средства ей предоставленныя, вникнулъ въ ея потребности, сравнилъ состояніе ея съ обстоятельствами времени, и наконецъ торжественнымъ актомъ, запечатлѣннымъ безпримѣрными щедротами его, утвердилъ ее, преобразилъ, возвысилъ.

«Почтенные члены! Теперь, осыпанные благодѣяніями монаршими, устремимся совокупными силами, единымъ духомъ, единымъ сердцемъ въ знаменитое поприще, намъ предлежащее, и потщимся оправдать предъ нашими согражданами и цѣлымъ свѣтомъ ожиданія всеавгустѣйшаго Александра и отечества» [17]).

Новый регламентъ заключалъ въ себѣ несомнѣнныя доказательства вниманія императора Александра I къ нуждамъ и потребностямъ академіи и уваженія къ ея ученому достоинству. Средства академіи болѣе нежели удвоены; дано торжественное обѣщаніе вспомоществовать ученымъ путешествіямъ по Россіи; въ знакъ особеннаго сочувствія къ наукѣ и просвѣщенію выражено желаніе посѣщать ежегодныя торжественныя собранія академіи наукъ, и т. п. Академія получала прежде 53,298 рублей въ годъ; императоръ Александръ I повелѣлъ отпускать ей ежегодно 120,000 рублей. Касательно ученыхъ путешествій въ регламентъ сказано слѣдующее: «Какъ усовершенствованіе географіи и физическаго познанія имперіи должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вниманія академіи, то она по временамъ должна отправлять астрономовъ и натуралистовъ для путешествія по тѣмъ губерніямъ, коихъ географическое положеніе и естественныя произведенія недовольно еще извѣстны или описаны. Мы обѣщаемъ всегда вспомоществовать ей въ такихъ полезныхъ предпріятіяхъ и содѣйствовать исполненію оныхъ тѣми мѣрами, кои не зависятъ отъ самой академіи». Объ академическихъ собраніяхъ, раздѣляющихся на торжественныя, экстраординарныя и обыкновенныя, сказано въ регламентѣ: «Торжественныя собранія имѣютъ быть ежегодно въ день преобразованія академіи по новому ея регламенту. Академія извѣщаетъ о томъ въ вѣдомостяхъ, и приглашаетъ въ торжественное свое собраніе не только почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, но и другихъ ученыхъ и отличныхъ любителей наукъ. Обращая особенное вниманіе на полезныя знанія, Мы сами за удовольствіе себѣ поставимъ посѣщать таковыя собранія», и т. д.

При вступленіи императора Александра I на престолъ въ

академической средѣ были еще ученые, прославившіеся во времена Екатерины II: Румовскій, Палласъ, Лепехинъ, Иноходцевъ, Озерецковскій и другіе. Лепехинъ и Иноходцевъ умерли въ началѣ царствованія Александра I, Румовскій и Палласъ—въ серединѣ его. Озерецковскій и Севергинъ дожили до слѣдующаго царствованія. Въ александровскій періодъ, съ 1802 по 1823 годъ, вступило въ академію 30 дѣйствительныхъ членовъ; но къ сожалѣнію, академія лишилась ровно половины своихъ новыхъ членовъ втеченіе того же самаго періода. Шесть изъ нихъ умерли и девять покинули академію по разнымъ причинамъ. Изъ этихъ девяти пять пробыли въ академіи отъ тринадцати до девяти лѣтъ; одинъ — шесть лѣтъ; одинъ—четыре года; одинъ—два года, и одинъ — всего одинъ годъ. Въ александровскій періодъ вступили въ академію слѣдующіе академики:

По *математикѣ*: Висковатовъ (1803—1812).
Коллинсъ (съ 1814).
Фуссъ (съ 1818).

По *астрономіи*: Вишневскій (съ 1804).
Горнеръ (1806—1808).
Тархановъ (съ 1822).

По *химіи*: Волковъ (1803—1809).
Шереръ (1805—1824).
Кирхгофъ (1809—1818).

По *зоологіи*: Адамсъ (1805—1809).
Пандеръ (съ 1821).

По *технологіи*: Нассе (1805—1817).

По *экспериментальной физикѣ*: Петровъ (съ 1807).

По *анатоміи и физіологіи*: Загорскій (съ 1805).

По *естественной исторіи*: Тилезіусъ-фонъ-Тилезау (1806—1817).

По *ботаникѣ*: Смѣловскій (1802—1815).
Рудольфъ (1804—1809).
Редовскій (1805—1807).

Лангсдорфъ (съ 1808).
Триніусъ (съ 1823).
По *минералогіи*: Шлегельмильхъ (1808—1820).
По *статистикѣ и политической экономіи*:
Шторхъ (съ 1804).
Германъ (съ 1805).
По *исторіи*: Кругъ (съ 1805).
Лербергъ (1807—1813).
По *греческой и римской словесности и древностямъ*:
Келеръ (съ 1817).
Грефе (съ 1820).
По *восточнымъ языкамъ*: Клапротъ (1804—1817).
Френъ (съ 1817).
Ярцовъ (1818—1819).

Выбыли изъ академіи: Клапротъ, Шлегельмильхъ, Нассе, Тилезіусъ-фонъ-Тилезау, Кирхгофъ, Волковъ, Адамсъ, Горнеръ и Ярцовъ. Умерли: Смѣловскій, Висковатовъ, Рудольфъ, Шереръ, Редовскій и Лербергъ.

Несмотря на такія потери и на другія неблагопріятныя обстоятельства, академія продолжала свою ученую дѣятельность, обогащая науку новыми и важными данными. Продолжалось и завѣщанное Палласомъ и Лепехинымъ ихъ ученымъ преемникамъ всестороннее изученіе Россіи, особенностей ея природы, нравовъ и обычаевъ ея жителей, и т. п. Озерецковскій совершилъ путешествіе по петербургской и новгородской губерніямъ, къ верховьямъ Волги и на озеро Селигеръ, Севергинъ путешествовалъ по западному краю Россіи и по Финляндіи. Редовскій палъ жертвою своей любознательности во время ученаго путешествія по Сибири. По замѣчанію академика Фусса, «путешествія Озерецковскаго, Редовскаго, Адамса, нашедшаго во льдахъ свѣжее тѣло мамонта, также путешествія Тилезіуса и Лангсдорфа, ученыхъ естествоиспытателей, участвовавшихъ въ славной экспедиціи Крузенштерна, равно обогатили естественныя науки и зоологическій кабинетъ нашъ» [18]).

Къ числу замѣчательнѣйшихъ ученыхъ принадлежалъ безспорно академикъ Вишневскій. Въ запискѣ, представленной въ конференцію академіи наукъ въ 1815 году, ближайшіе свидѣтели трудовъ Вишневскаго, вполнѣ понимавшіе значеніе ихъ для науки, говорили о немъ слѣдующее: «Впродолженіе уже девяти лѣтъ Вишневскій путешествуетъ по Россіи, отрекаясь отъ всѣхъ житейскихъ удобностей и наслажденій, перенося великія тягости, подвергаясь опасностямъ, и жертвуя здравіемъ и цвѣтущими лѣтами своея жизни службѣ государственной и чести академіи. Опредѣливъ безчисленными астрономическими наблюденіями географическое положеніе болѣе 300 мѣстъ, Вишневскій пріобрѣлъ себѣ неоспоримое право на признательность правительства, коему онъ доставилъ способы къ составленію точныхъ картъ россійской имперіи, и на благодарность академіи, которая одолжена ему честію, что могла государству оказать сію услугу. Во время сихъ путешествій, съ толикими трудностями сопряженныхъ, Вишневскій успѣлъ еще отыскать большую комету 1811 года и сдѣлать надъ оною 29 наблюденій, по вторичномъ ея появленіи въ 1812 году, въ такое время, когда во Франціи и Италіи, подъ яснымъ небомъ сихъ странъ и при гораздо достаточнѣйшихъ способахъ, астрономы тщетно отыскивали сіе свѣтило,—каковое открытіе толикую же какъ ему, такъ и академіи приноситъ честь, колико оно важно для астрономіи» [19]).

И въ другой отрасли знаній—въ наукахъ, каѳедры которыхъ открыты въ академіи при Александрѣ I, заслуги академиковъ не подлежатъ сомнѣнію. Въ исторіи нашей академіи и научной дѣятельности въ Россіи вообще навсегда сохранятся имена Круга, Лерберга, Френа, Шторха, и другихъ ученыхъ. Критическія разысканія Круга о древнихъ русскихъ монетахъ; изслѣдованія Лерберга, служащія къ объясненію русской исторіи, и многіе другіе труды нашихъ ученыхъ давно уже оцѣнены по достоинству. Въ историческомъ обозрѣніи трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи находимъ слѣдующій отзывъ о дѣятельности академика Френа: «Съ воодушевленіемъ, подобнымъ тому, какое овладѣло

отличнѣйшими умами на западѣ при возрожденіи эллинскаго классицизма, Френъ принялся за водвореніе въ Россіи изученія мусульманскаго востока въ историческомъ, географическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Посвятивъ всю свою жизнь этому предмету, обладая самъ глубокими и обширными познаніями въ арабской, персидской и турецкой словесностяхъ, Френъ пролилъ новый свѣтъ на всю эту отрасль литературы. Обогативъ или даже учредивъ собственными усиліями восточныя библіотеки, собранія восточныхъ рукописей и монетъ не только при академіи, но и въ разныхъ другихъ нашихъ центрахъ научной дѣятельности, онъ облегчилъ и другимъ пониманіе востока, его народовъ и ихъ своеобразной словесности. Френъ, можно сказать, создалъ совершенно новую науку — мусульманскую нумизматику. Важны также услуги, оказанныя имъ отечественной исторіи и географіи изданіемъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ восточныхъ писателей и относящихся до Россіи» и т. д. [20]).

При всемъ желаніи нашемъ ограничиться самыми краткими замѣтками, мы не можемъ не упомянуть о замѣчательномъ трудѣ, явившемся въ началѣ нашего столѣтія и сохраняющемъ до сихъ поръ свое важное значеніе: онъ служитъ въ высшей степени цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для изученія эпохи Александра I. Мы говоримъ о трудѣ академика Шторха: Россія въ царствованіе Александра I [21]). Будучи свидѣтелемъ событій, совершавшихся въ Россіи въ первые года царствованія императора Александра I, Шторхъ рѣшился представить живую и вѣрную картину дѣйствій и преобразованій, происходившихъ какъ въ государственной, такъ и въ умственной жизни русскаго народа. Онъ заносилъ на страницы своего изданія каждое замѣчательное и любопытное явленіе въ области наукъ, искусствъ, народнаго просвѣщенія, торговли, государственнаго управленія, и т. д.; каждую черту, ярко и мѣтко рисующую время, которое переживала тогда Россія. Чтобы видѣть, какъ добросовѣстно относился Шторхъ къ предпринятой имъ работѣ, и какое значеніе имѣетъ она для знакомства съ изображаемою эпохою, укажемъ на тотъ отдѣлъ,

который посвященъ русской литературѣ и изданъ подъ заглавіемъ: Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи втеченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ. Независимо отъ точнаго указанія книгъ, вышедшихъ на русскомъ языкѣ въ первое пятилѣтіе царствованія Александра I, а также отдѣльныхъ статей и рецензій, весьма любопытны заключительные выводы, дающіе наглядное понятіе о литературной производительности того времени. Всего втеченіе пятилѣтія вышло 756 оригинальныхъ сочиненій и 548 переводовъ. Особенно много издано богословскихъ сочиненій и романовъ. По богословію вышло 213 сочиненій, изъ которыхъ 175 оригинальныхъ и только 38 переводныхъ. Наоборотъ, изъ числа 210 романовъ—175 переводныхъ и только 35 оригинальныхъ. По естественнымъ наукамъ вышло 33 сочиненія, по математикѣ 32, по военнымъ наукамъ 20, по законовѣдѣнію 19, и т. д. Переводовъ съ французскаго появилось почти столько же, сколько со всѣхъ остальныхъ языковъ. Съ нѣмецкаго вышло 194 перевода, съ англійскаго 24, съ греческаго 22, съ латинскаго 20, съ шведскаго 2, съ итальянскаго 1, и т. д. Наибольшее число переводовъ сдѣлано изъ сочиненій Вольтера, Монтескье, Руссо, Августа Лафонтена, госпожи Жанлисъ, Мейснера, Экартсгаузена, и др. Особенно много переводилось изъ Вольтера: выходили и отдѣльныя повѣсти, романы и поэмы, и собраніе сочиненій, и отрывки и извлеченія, и переписка Вольтера съ Екатериною II и переписка его съ д'Аламберомъ. Переписка съ Екатериною II вышла въ трехъ переводахъ. Изъ Руссо переведены: новая Элоиза, отрывки изъ Эмиля, ефраимскій левитъ, избранныя мысли, исповѣдь. Изъ Монтескье: духъ законовъ, поэма: храмъ Венеры на островѣ Книдѣ, рѣчь по случаю возобновленія бордоскаго парламента, и др.

Любопытную черту того времени представляютъ статистическія данныя, показывающія, говоря словами Шторха, изъ какихъ классовъ гражданскаго общества составлена была республика писателей александровскаго времени. Извѣстно, что въ восемнадцатомъ столѣтіи вельможи и сановники весьма недруже-

любно смотрѣли на людей, занимающихся литературою. Это обстоятельство заставило русскихъ писателей подать Екатеринѣ II челобитную, въ которой говорилось, что многіе знатные невѣжды, жалуемые въ умные люди по разнымъ торжественнымъ днямъ, считаютъ литературныя занятія чуть не уголовнымъ преступленіемъ. Редакція Собесѣдника убѣждала Екатерину продолжать свое сотрудничество въ этомъ журналѣ, чтобы обезоружить начальниковъ, преслѣдовавшихъ всякаго, въ комъ замѣчали умъ и любовь къ литературѣ [22]). Собственный примѣръ Екатерины II, ея непосредственное, всѣмъ извѣстное участіе въ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ, въ значительной степени ослабили предразсудки родовой знати и выслужившагося чиновничества. Въ первые года царствованія питомца Екатерины II большая часть писателей принадлежала, по замѣчанію Шторха, къ дворянству, т. е. къ природному дворянству, ибо если разумѣть заслуженное дворянство, то почти всѣ писатели оказались бы дворянами. Изъ росписи, составленной Шторхомъ, оказывается, что въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ числѣ русскихъ писателей были: 10 князей, 6 графовъ, 3 министра, 2 посланника, 1 генералъ, 2 адмирала, 2 митрополита, 6 архіепископовъ, 4 епископа, 7 архимандритовъ, 4 сенатора, 2 губернатора, 6 дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, 10 тайныхъ совѣтниковъ, многіе начальники департаментовъ, и т. д. «Если бы нужно было еще доказывать,— прибавляетъ Шторхъ—что науки въ Россіи уважаются, то таковое первѣйшихъ чиновниковъ участіе въ учености могло бы служить достаточнѣйшимъ доказательствомъ».

Преобразовывая академію наукъ, императоръ Александръ I обратилъ вниманіе и на другое учрежденіе, слившееся впослѣдствіи съ академіею наукъ, но болѣе полувѣка существовавшее самостоятельно, именно на россійскую академію. Въ возстановленіи россійской академіи особенно ярко выразилось уваженіе Александра I къ памяти Екатерины II: Россійская академія была

любимымъ созданіемъ государыни-писательницы, такъ искренно дорожившей успѣхами русскаго языка и словесности. Сочувствіе къ академіи выразилось въ дѣйствіяхъ Екатерины II, и какъ писательницы, и какъ государыни: Екатерина охотно принимала на себя литературныя работы, собирала матеріалы для академическаго словаря; предоставила въ распоряженіе академіи весьма значительныя суммы; назначила президентомъ ея своего друга— также русскую писательницу, княгиню Дашкову, и т. п. Россійская академія являлась живымъ памятникомъ временъ Екатерины II и господствовавшихъ тогда понятій и стремленій. Преемникъ Екатерины, императоръ Павелъ I, какъ извѣстно, неособенно цѣнилъ подобнаго рода памятники: вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ онъ сослалъ президента россійской академіи въ ссылку, и лишилъ академію денежныхъ ея средствъ, а вслѣдъ за тѣмъ и помѣщенія, передавъ принадлежавшіе ей дома въ другое вѣдомство. Любопытно, что официальное извѣстіе объ отнятіи академическихъ суммъ произвело на академиковъ весьма пріятное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что академики, зная образъ мыслей государя, съ часу на часъ ожидали закрытія академіи; въ объявленномъ же имъ повелѣніи говорилось, что академіи предоставляется содержать себя своими собственными средствами, слѣдовательно признавалось за нею право на существованіе. Въ протоколѣ академическаго собранія записано, что повелѣніе, прекратившее отпускъ назначенныхъ академіи суммъ, «подтверждающее существованіе россійской академіи, принято съ достодолжнымъ благоговѣніемъ» [23]). Императоръ Александръ I, по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣлъ снова отпускать на содержаніе россійской академіи сумму, назначенную ей Екатериною II, и далъ средства для постройки зданія, въ которомъ и помѣщалась съ тѣхъ поръ академія. Члены россійской академіи александровскаго времени выбрали своимъ президентомъ то самое лицо, которое избрано было Екатериною II при самомъ учрежденіи академіи....

Не останавливаясь на дальнѣйшей судьбѣ россійской ака-

деміи, скажу только, что въ числѣ членовъ ея во времена Александра I находился знаменитый филологъ Востоковъ, бывшій и тогда и въ послѣдующій періодъ однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ нашей академіи и русской науки вообще.

Изъ всѣхъ событій, совершившихся въ началѣ царствованія Александра I въ области народнаго просвѣщенія, особенно выдается по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ — учрежденіе и преобразованіе университетовъ. И въ этомъ великомъ дѣлѣ Александръ I является до нѣкоторой степени продолжателемъ Екатерины II. Извѣстно, что Екатерина II имѣла твердое намѣреніе учредить въ Россіи университеты: выбраны были мѣста для нихъ — Черниговъ, Пенза и Псковъ; составленъ общій планъ университетовъ, и внесена въ государственный банкъ весьма значительная сумма именно съ этою цѣлью—для открываемыхъ въ Россіи университетовъ.

Исторія учрежденія русскихъ университетовъ напоминаетъ нѣкоторыя черты изъ исторіи нашей академіи наукъ въ первыя времена ея существованія. И для университетовъ оказалась также необходимость пригласить на первыхъ порахъ не мало иностранныхъ ученыхъ; возникалъ тотъ же роковой вопросъ — не преждевременно ли открывать высшіе разсадники наукъ, когда еще нѣтъ самаго главнаго — народныхъ школъ, и т. д.

Какъ ни кажется убѣдительною мысль, что университеты и академіи долж ны служить вѣнцомъ, а не началомъ просвѣтительной дѣятельности, при болѣе глубокомъ изученіи дѣла открывается, что система, принятая при Александрѣ I, заключаетъ въ себѣ не кажущійся, а дѣйствительный и прочный залогъ дальнѣйшаго движенія образованности въ Россіи.

Въ планѣ университетовъ, составленномъ екатерининскою коммиссіею о народныхъ училищахъ, читаемъ слѣдующее: «По расположенію самой природы начальное ученіе долженствуетъ всегда предшествовать ученію вышнихъ школъ. Вышнія училища какъ бы хорошо устроены ни были, но если нѣтъ въ томъ же государствѣ

достаточнаго числа нижнихъ школъ, въ коихъ бы юношество пріобрѣтало первоначальныя въ наукахъ знанія, то науки неминуемо останутся токмо въ университетахъ и академіяхъ, а народъ пребудетъ въ невѣжествѣ. Университеты и всѣ вышнія училища вообще, существующія въ другихъ государствахъ, приносятъ ожидаемую пользу, и распространяютъ успѣшно въ народѣ просвѣщеніе и потому, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ коихъ учреждены порядочные университеты и академіи, учреждены также въ великомъ числѣ и народныя школы, въ которыхъ юноши пріобрѣтаютъ познаніе языковъ и первоначальныхъ наукъ, слѣдственно приходятъ въ университеты пріуготовленными и сдѣлавшись способными къ пріобрѣтенію знанія въ вышнихъ школахъ. Нынѣ не можетъ уже недостатокъ въ народныхъ школахъ препятствовать вышнимъ заводимымъ училищамъ приносить Россіи пользу и распространять отъ себя въ народѣ просвѣщеніе, ибо ея величество прежде устроенія университетовъ повелѣть изволила учредить народныя училища, которыя уже и учреждены въ 26 губерніяхъ имперіи. Слѣдовательно, россіянамъ открыты нынѣ пути къ просвѣщенію, чрезъ которые желающіе пріобрѣсти знаніе вышнихъ наукъ могутъ доходить и до ученія университетскаго»[24]).

Въ статьѣ своей о новомъ и обширномъ планѣ народнаго образованія, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, Карамзинъ говоритъ: «Петръ Великій учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ! Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи моральнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ, не отечества, не народа..... Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Между людьми, кото-

рые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума», и т. д. [25]).

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ писателей, и во главѣ ихъ извѣстный нѣмецкій историкъ Гервинусъ, считаютъ реформы александровскаго времени болѣе или менѣе призрачными, и указываютъ на то, что были построены блестящія верхушки — академіи и университеты, а необходимыя основы зданія едва, едва закладывались: народныя школы существовали только на бумагѣ. [26])

Но чѣмъ важнѣе, по существу своему, учрежденіе народныхъ школъ, тѣмъ необходимѣе дать этому дѣлу твердую опору и призвать къ участію въ немъ людей вполнѣ приготовленныхъ и дѣйствительно способныхъ быть распространителями знаній въ обществѣ и народѣ. Откуда же добыть подобныхъ людей и кому ввѣрить ихъ образованіе? Основательное рѣшеніе этого вопроса бросаетъ свѣтъ на тѣсную, неразрывную связь училищъ, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Ученые и писатели, какъ только изъ области теоріи обращались къ условіямъ дѣйствительной жизни, приходили къ такому же заключенію, къ какому пришли и знаменитые сподвижники Александра I въ дѣлѣ народнаго образованія. По замѣчанію Шторха, удивляться тому, что дѣло это начато съ университетовъ, можетъ только тотъ, кто незнакомъ съ настоящимъ положеніемъ вещей: чтобы устроить школы на прочномъ основаніи и обезпечить дальнѣйшее развитіе учебнаго дѣла, необходимо учрежденіе университетовъ, которые одни въ состояніи организовать послѣдовательный рядъ училищъ, удовлетворяющихъ какъ научнымъ требованіямъ, постепенно возрастающимъ, такъ и разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ. Самъ Карамзинъ, будучи горячимъ приверженцемъ народныхъ школъ, является въ тоже время защитникомъ университетовъ, какъ проводни-

ковъ образованія въ народныя массы. Опровергай возраженія скептиковъ, онъ указываетъ на университеты какъ на единственный источникъ для образованія учителей, необходимыхъ для уѣздныхъ и губернскихъ школъ. Ученики университетскихъ питомцевъ могутъ въ свою очередь быть учителями въ народныхъ школахъ. Для этой цѣли слѣдуетъ умножить число «народныхъ или государственныхъ» воспитанниковъ при гимназіи, и т. д.[27])

Лица, призванныя императоромъ Александромъ къ устройству университетовъ, останутся навсегда памятными въ исторіи русской образованности и русской общественной жизни. Академія наукъ съ справедливою гордостью можетъ занести въ лѣтописи свои тотъ фактъ, что внутреннее управленіе русскихъ университетовъ устроено по плану, составленному *академикомъ* Озерецковскимъ. Свѣтлымъ умомъ своимъ понимая весь вредъ бюрократіи, пустившей со временъ бироновщины цѣпкіе корни во многія учрежденія, Озерецковскій былъ энергическимъ защитникомъ выборнаго начала. По уставу, утвержденному императоромъ Александромъ I, *совѣтъ* университета являлся средоточіемъ университетской жизни и охранителемъ научнаго и нравственнаго достоинства ученой корпораціи. Совѣту университета законъ предоставлялъ и выборъ профессоровъ и выборъ ректора. Самъ императоръ Александръ цѣнилъ и уважалъ выборное начало, что положительно доказываютъ не только утвержденныя имъ постановленія, но и собственноручныя помѣтки его на нѣкоторыхъ докладахъ. А какъ отнеслись къ устройству университетовъ въ духѣ выборнаго начала лучшіе люди тогдашней Россіи, видно изъ сужденій Карамзина, высказанныхъ имъ по этому поводу. «Ученыя мѣста—говоритъ онъ—должны зависѣть только отъ ученыхъ. Довѣренность, изъявляемая монархомъ къ собранію профессоровъ еще болѣе возвышаетъ сей истинно-благородный санъ. Лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ».[28])

Устройство александровскихъ университетовъ замѣчательно и въ другомъ отношеніи. Оно узаконивало тотъ порядокъ вещей, начало котораго восходитъ къ учрежденію перваго университета

въ Россіи, въ восемнадцатомъ столѣтіи. Открывая свои аудиторіи для всѣхъ ищущихъ свѣта науки, университеты содѣйствовали ослабленію сословной розни, постепенно вели къ тому признанію человѣческаго достоинства, которое проявилось въ наше время въ освобожденіи крестьянъ, въ учрежденіи суда присяжныхъ, выбираемыхъ изъ всѣхъ сословій, и т. п. Такое допущеніе всѣхъ въ университетскія аудиторіи шло въ разрѣзъ съ упорными предразсудками нѣкоторой части общества. Въ печати того времени высказывалось, иногда весьма наивно, желаніе примѣнить сословную рознь и къ наукамъ и къ искусствамъ. Въ законахъ нашихъ, по замѣчанію одного автора, права и выгоды идутъ въ восходящемъ порядкѣ, и образуютъ пирамидальную лѣстницу съ двумя противоположностями: внизу — крѣпостные крестьяне, вверху—дворяне-помѣщики. Съ этою градаціею должна сообразоваться архитектура. Дома дворянскихъ собраній должны строиться съ такимъ великолѣпіемъ, которое бы производило военное или грозное впечатлѣніе; окна въ домахъ дворянскихъ собраній должны имѣть видъ оконъ Соломонова храма. Умѣренность и скромность должна быть какъ въ нравахъ, такъ и въ постройкахъ средняго сословія; надъ магистратомъ необходима башня съ часами, чтобы лица средняго сословія, во всякое время зная часы, могли вести жизнь однообразную, наиболѣе свойственную ихъ сословію. Изба для крестьянскихъ сходокъ должна строиться въ одинъ, а отнюдь не въ два этажа; необходимая ея принадлежность — тюрьма для заключенія строптивыхъ, и т. п.[29])

Подобныя измышленія вызывали улыбку даже у тѣхъ, которымъ сословная лѣстница съ восходящими выгодами и преимуществами приходилась по сердцу. Другіе поступали осторожнѣе наивнаго автора, и придавали своимъ любимымъ взглядамъ менѣе рѣзкую оболочку. Преодолѣть давніе предразсудки было нелегко. Дворяне предпочитали военную службу, не отказывались и отъ гражданскихъ мѣстъ, какъ напримѣръ отъ должности судьи, но упорно избѣгали ученаго званія. Почти всѣ русскіе академики восемнадцатаго столѣтія вышли изъ крестьянскаго сословія; почти

всѣ профессоры русскихъ университетовъ начала девятнадцатаго вѣка происходили изъ духовнаго званія. Публицисты времени учрежденія университетовъ въ Россіи вынуждены были доказывать, что ученое званіе есть званіе благородное, не унижающее, а возвышающее дворянина: «Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человѣка. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленій: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствія».... [30])

Не внѣшнимъ блескомъ, не случайностію происхожденія, а внутреннею силою таланта и знаній отличались люди, съ честію послужившіе наукѣ и много сдѣлавшіе для распространенія и знаній въ Россіи.

Слова великаго писателя: «лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ» — вполнѣ оправдались въ примѣненіи къ университетамъ.

Университеты, заключавшіе въ самомъ устройствѣ своемъ прекрасные задатки, дорожили своимъ достоинствомъ, и опытъ доказалъ, сколько добра принесло выборное начало, предоставленное университетскимъ совѣтамъ. Какъ ясно понимали они требованія науки, и какъ высоко цѣнили званіе ученаго, видно уже изъ того, что на каѳедру русской исторіи выбранъ былъ исторіографъ Карамзинъ, а на каѳедру древнихъ литературъ Фридрихъ Августъ Вольфъ, труды котораго составляютъ эпоху въ классической филологіи. Вольфъ избранъ совѣтомъ харьковскаго университета въ тотъ самый годъ, когда явился его очеркъ науки древности (darstellung der alterthumswissenschaft)—сочиненіе, которое и теперь, спустя ровно семьдесятъ лѣтъ, признается классическимъ, и представляетъ лучшій отвѣтъ на одинъ изъ самыхъ

живыхъ вопросовъ современной науки [31]). Лица, съ честію занимавшія каѳедры въ университетахъ александровскаго времени, пріобрѣли себѣ вполнѣ заслуженную извѣстность и въ Россіи и въ иностранномъ ученомъ мірѣ. Профессора казанскаго университета Бартельса Лапласъ признавалъ однимъ изъ первыхъ математиковъ своего времени. Профессоръ харьковскаго университета Осиповскій обладалъ рѣдкимъ математическимъ дарованіемъ, какъ утверждаютъ академики Остроградскій и Сомовъ, близко знакомые съ трудами Осиповскаго и цѣнившіе весьма высоко ихъ научное достоинство; труды харьковскаго профессора обратили на себя вниманіе парижской академіи, весьма строгой въ своихъ приговорахъ, особенно въ отношеніи къ иностранцамъ. Профессоръ Мерзляковъ занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи русской словесности, и справедливо признается основателемъ русской критики; слушатели его университетскихъ лекцій отзывались о нихъ съ восторгомъ; его произведенія служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ заслугъ его и какъ ученаго и какъ писателя. Не исчисляемъ ни именъ, ни заслугъ первыхъ представителей науки въ нашихъ университетахъ: мы уже имѣли случай подробно говорить о научной дѣятельности русскихъ университетовъ въ эпоху Александра I.

Духъ науки, внесенный въ наши университеты ихъ первыми дѣятелями, развивался все сильнѣе и сильнѣе, оказывая благотворное вліяніе на всѣ послѣдующія поколѣнія. Исторія русской литературы и просвѣщенія подтверждаетъ это многими доказательствами. Изъ университетовъ, и преимущественно изъ университетовъ, выходили и выходятъ труженики, проникнутые живою, искреннею любовью къ наукѣ, неугасающею подъ гнетомъ невзгодъ и лишеній, и недоступною для приманокъ внѣшняго блеска и житейскихъ выгодъ. Предоставляя статистикѣ народной образованности опредѣлить число научныхъ дѣятелей по различнымъ отраслямъ знанія, вышедшихъ изъ университетовъ, позволяю себѣ замѣтить, что между членами академіи наукъ постоянно увеличивается число лицъ, обязанныхъ своимъ образованіемъ рус-

скимъ университетамъ. Изъ 37 дѣйствительныхъ членовъ академіи наукъ настоящаго времени только 7 получили свое образованіе исключительно заграницею, въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ остальные получили образованіе въ Россіи, преимущественно въ университетахъ и отчасти въ другихъ заведеніяхъ, учрежденныхъ или только преобразованныхъ также при императорѣ Александрѣ I. Изъ числа 30 академиковъ, — одинъ началъ свое образованіе въ Москвѣ, а довершилъ въ Парижѣ, гдѣ и пріобрѣлъ ученую степень доктора въ избранной имъ спеціальности; одинъ, родившійся въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, хотя и не вступалъ въ студенты, но учился подъ руководствомъ профессоровъ московскаго университета, и пользовался ихъ лекціями; одинъ воспитывался въ кіевской духовной академіи; одинъ въ горномъ корпусѣ; одинъ въ артиллерійскомъ училищѣ; четыре въ царскосельскомъ лицеѣ, учрежденномъ Александромъ I, и 21 въ пяти русскихъ университетахъ, а именно:

8 — въ дерптскомъ,
5 — въ московскомъ,
3 — въ казанскомъ,
3 — въ петербургскомъ и
2 — въ харьковскомъ.

Академія наукъ соединяетъ въ себѣ ученыхъ различныхъ поколѣній, и служитъ живою связью двухъ достопамятныхъ эпохъ въ жизни русскихъ университетовъ: учрежденія и преобразованія университетовъ при Александрѣ I и дарованія имъ новаго устава императоромъ Александромъ II. Старѣйшій изъ нашихъ академиковъ вступилъ въ университетъ при самомъ учрежденіи его Александромъ I, и кончилъ курсъ въ 1808 году. Самый младшій изъ академиковъ поступилъ въ университетъ при первомъ введеніи новаго устава, дарованнаго Александромъ II, и окончилъ курсъ въ 1867 году.

Великое, непреходящее значеніе и несокрушимая сила тѣхъ благотворныхъ началъ, которыя внесены въ университетскую

жизнь при первомъ ея устройствѣ, доказываются всею послѣдующею судьбою русскихъ университетовъ. Начавши свою дѣятельность при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, напутствуемые сочувствіемъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей русскаго общества, университеты наши выдержали впослѣдствіи весьма тяжкое испытаніе. Не напрасно благородный и проницательный Карамзинъ предостерегалъ Александра I отъ злыхъ совѣтниковъ, недостойныхъ довѣрія государя, но желавшихъ быть его любимцами. Подъ благовиднымъ предлогомъ усердія къ религіи и къ пользамъ государства, но въ дѣйствительности руководимые своекорыстными разсчетами, враги науки и просвѣщенія возстали противъ университетовъ, и думали наложить оковы на человѣческую мысль, забывая, что

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободна,
Въ оковахъ не умретъ.... [32]).

И она не умерла. Университеты побѣдоносно вышли изъ борьбы, которая еще болѣе возвысила ихъ нравственное достоинство, и дала имъ новыя силы продолжать свою просвѣтительную дѣятельность. Начало этой дѣятельности восходитъ къ первымъ годамъ царствованія императора Александра I, и какого бы развитія не достигли наши университеты въ настоящемъ и въ будущемъ, какъ бы ни были велики заслуги ихъ и передъ наукою и передъ Россіею, никогда не померкнетъ слава и не умалится значеніе полной историческаго смысла, создавшей систему народнаго образованія, эпохи Александра I.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Съ давнихъ временъ оды по случаю рожденія пишутся на одинъ и тотъ же ладъ: все тѣже желанія и предсказанія, тѣже обращенія къ природѣ, измѣняющей свои непреложные законы — вѣтры перестаютъ дуть, зимой появляются весенніе цвѣты, съ лица земли исчезаетъ печаль и горе, и водворяется общая радость и веселье. Первообразомъ подобнаго рода стихотвореній служитъ эклога Виргилія, въ которой онъ воспѣваетъ рожденіе сына у римскаго вельможи, возвратившаго поэту отнятое у него имѣніе. Признательный поэтъ не поскупился на выраженіе своихъ чувствъ, и изобразилъ новорожденнаго въ такомъ необычайномъ свѣтѣ, что коментаторы терялись въ догадкахъ о чудесномъ младенцѣ: одни видѣли въ немъ сына императора Августа; другіе и весьма многіе искали въ эклогѣ таинственнаго смысла—пророчества о рожденіи Іисуса Христа. Вотъ нѣсколько строкъ эклоги Виргилія въ русскомъ переводѣ писателя Александровскаго времени.

Астрея на земли! Сатурнъ свой тронъ вознесъ,
И племя новое низводится съ небесъ.
. . . . . Зло кругъ земной оставитъ,
Младенецъ путь боговъ въ путяхъ своихъ прославитъ...
Погибнетъ всякъ недугъ, всѣ язвы, всякій ядъ,
Погибнетъ! здѣсь востокъ раскроетъ пышный садъ....

(Подражаніе и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ. А. Мерзлякова. 1826. Часть II, стр. 211—219.)

Въ подлинникѣ въ четвертой эклогѣ Виргилія (Pollio);

....Magnus al integro saeclorum nascitur ordo,
Jam redit et virgo; redeunt Saturnia regna;
Jam nova progenies coelo demittitur alto....
Te duce, si qua manent, sceleris vestigia nostri
Irrita perpetua solvent formidine terras.
Ille deum vita accipiet.....
Ipsae lacte domum referent distenta capellae
Uberae; nec magnos metuent armenta leones.
Ipsa tibi blandos fundent cunabula flores.
Occidet et serpens, et fallax herba veneni
Occidet; assyrium vulgo nascetur amomum....

Ср. Проперція, кн. III, элегія X (на рожденіе Цинтіи), ст. 5—10;

....Transeat hic sine nube dies, stent aere venti,
Ponat et in sicco molliter unda minas.
Aspiciam nullos hodierna luce dolentes,
Et Niobe lacrymas supprimat ipse lapis.
Halcyonum positis requiescant ora querelis.
Increpet absumptum nec sua mater Ityn...

Съ легкой руки Виргилія поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ прославляли новорожденныхъ, почему бы то ни было выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Чѣмъ выше былъ новорожденный по общественному положенію родителей, тѣмъ громче возвышали свой голосъ панегеристы, тѣмъ безцеремоннѣе обращались они съ законами природы, искажая ихъ по собственной фатазіи. Не одна только насмѣшка, но и близкое знакомство съ обычными пріемами стихотворцовъ слышится въ словахъ Дмитріева:

У льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
Во всѣхъ его странахъ,
Потѣшные огни, веселье, жертвы, оды.

Махнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
Скачи земля, взыграйте воды,
У льва родился сынъ....

Настроивая свои лиры на общій господствующій тонъ хвалебныхъ пѣснопѣній стихотворцы наши семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія воспѣвали «всевожделѣнное» рожденіе великаго князя Александра Павловича.

2) Сочиненія и переводы В. И. Майкова. 1867, стр. 155—159.

Намъ небо счастье предвѣстило,
Когда свершался Павловъ бракъ:
Вѣсовъ вступало солнце въ знакъ....
Теперь, во радостные часы,
Когда младенецъ въ свѣтъ раждался,
Луна текла черезъ вѣсы
Во знакъ, что росскіе герои
Низложатъ лунноносны строи;
Что правосудія законы
Не будутъ колебимы въ вѣкъ;
Что счастливъ будетъ человѣкъ....

«Къ колыбели новорожденнаго Александра» Johann Julius Ungebauer принесъ «жертву» такого рода стихами, напечатанными въ Петербургѣ, въ 1777 году:

....Vergnügen herrscht an allen Orten,
Die Freude, die der Herr uns gab,
Die trifft so Thron, als Schäfer-Horden,
Den Zepter, und den Bettelstab;
Belebt des Alters grauen Haare,
Die Milch, flöst sie dem Säugling ein,
Vom Flügelkleide, bis zur Bahre,
Ertönt ein frohes Jubelschrein....

3) Klopstocks sämmtliche werke. Leipzig. 1839. Fünfter band. s. 36—37.

Kaiser Alexander.

Erscheinen sah dich, heilige Menschlichkeit,
Mein wonnetrunknes Auge. Begeisterung
Durchglühte mich, als in dem stillen
Tempel ich sahe der Wohlfahrt Mutter,

Zur Zeit der Läugnung dessen, der schuf, zur Zeit
Der nur verheissnen, neuen Beseligung
Der Nationen, in den stummen
Hallen ich sah die Gottbelohnte.

Allein die Stille floh; in dem Tempel scholl's
Von frohen Stimmen. Eine der Stimmen sprach:
Euch wägt die Menschlichkeit, Gebieter,
Staub ist der Ruhm auf der ernsten Wage,

Wenn eure Schale sich nur ein wenig hebt:
Weh' euch alsdann schon! Wie auch die Vorwelt, sprach
Der Stimmen eine, wie die spätern
Völker vergötterten Alexander,

Ist Schmach doch dieser Name den Herrschenden,
Die er uns nennet. Eine der Stimmen sprach:
Her von der Ostsee bis gen Sina's
Ocean herrschet ein edler Jüngling.

Der hat des Namens Flecke vertilgt; der ist
Des Streiters am Granikus, bei Arbela,
Des Streiters in den Wäldern Issos,
Aber in schöneren Kampf, Besieger.

Der hat gesehn der heiligen Menschlichkeit
Erscheinung. Thaten folgten dem Blick! Nun scholl's
Von Melodien, und tausend Stimmen
Feierten Russiens Alexander. —

4) Стихи его императорскому величеству, Александру первому, самодержцу всероссійскому, при восшествіи на престолъ.

Москва. 1801. Въ концѣ стиховъ подпись: Владиміръ Измайловъ. Москва. 1801 года 15 марта.

5) Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch. 1804. Vierter band. s. 362—365.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1864—1865. Т. II. стр. 47 (Храповицкому). Т. I, стр. 141 (Фелица).

6) Стихотворенія Ѳ. Тютчева. М. 1868. На юбилей Н. М. Карамзина, стр. 232.

7) Вѣстникъ Европы. 1803. № 5. О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. стр. 59. Статья эта написана Карамзинымъ по поводу обнародованія Предварительныхъ правилъ, народнаго просвѣщенія, утвержденныхъ государемъ 24 января 1803. Что помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы 1802 — 1803 гг. статьи: О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи; О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей и О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи,— принадлежатъ Карамзину, видно изъ точнаго свидѣтельства самого Карамзина. Окапчивая изданіе Вѣстника Европы, Карамзинъ говоритъ (Вѣстникъ Европы 1803. Декабрь, стр. 283—284): «Любопытные желали знать, кто сочинялъ нѣкоторыя піесы въ Вѣстникѣ? Кромѣ *Смерти Шелехова*, *Портрета любезной женщины*, *Мыслей о русскихъ комедіяхъ*, *Прогулки молодой россіянки*, *Сказки господина Измайлова*, *Храма Свѣтовидова*, *Объявленія о путешествіи въ Малороссію князя Ш.*, *Письма о законодательствѣ въ отношеніи къ Россіи*, другова отъ господина Фон-Визина къ г. N. N. о сочиненіи русскаго лексикона; *рѣчи* господина Карамзина, разныхъ извѣстій о великодушныхъ дѣлахъ, описанія гетгингенскаго университета, и повѣсти *Вадима*,—*все остальное въ прозѣ писано издателемъ*. Удовольствіе читателей казалось мнѣ важнѣе авторскаго хвастовства, и для того я не подписывалъ своего имени подъ сочиненіями».

8) Stats-Anzeigen, gesammelt und zum druck befördert von August Ludwig Schlözer. Göttingen. 1783. Dritter band. s. 258. Отзывъ Шлецера въ этомъ случаѣ несправедливъ: Петръ Великій думалъ о народныхъ школахъ, что доказываютъ открытыя по волѣ его епархіальныя училища, школы для солдатскихъ дѣтей, и т. д.

9) Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны экстраординарнымъ академикомъ Билярскимъ. 1865, стр. 145.

10) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 79.—Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Мнѣніе академика Бэра, представленное въ конференцію академіи наукъ 5 марта 1842 года.

Zu der Proposition der historisch-philologischen Klasse, eine Stelle für vergleichende Sprachkunde bei der Akademie zu St. Petersburg zu begründen.

Es hat mir immer geschienen, dass die Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ihre Aufmerksamkeit vorzüglich auf die eigenthümlichen Verhältnisse des Russischen Reiches zu richten habe, und sich bestreben müsse dem Gebiete der Wissenschaften diejenigen Bereicherungen zu bringen, welche man vorzüglich von Russland erwarten muss, oder welche nur in dem Russischen Reiche gewonnen werden können.

Es ist wahr, dass wenn man die Stiftungs-Geschichte der Akademie zu St. Petersburg durchgeht, eine solche Rücksicht nicht hervortritt. Vielmehr ist der ersten Organisation der Akademie keine andere Beziehung zum Russischen Reiche zu erkennen, als dass sie berathende Behörde und Unterrichts-Anstalt zugleich sein sollte. Es waren nicht einmal Stellen für die Russische Geschichte und Sprache creirt. Der Inbegriff der Akademischen Stellen und der dadurch vorgeschriebene Kreis wissenschaftlicher Beschäftigungen ist bloss nach dem damaligen Umfange der Wissenschaften berechnet und hätte auf Paris oder Palermo ungefähr so gepasst, wie auf St. Petersburg. Der Grund

ist auch leicht einzusehen. Es galt damals nur, streng wissenschaftliche Forschung in mannigfaltiger Richtung nach Russland zu versetzen. Anders wurden die Verhältnisse unter der Regierung der Kaiserin Catharina. Das Russische Reich hatte seinen Platz unter den civilisirten Staaten eingenommen, und die gelehrte Welt, welche dieses Reich für stimmfähig erkannt hatte, musste erwarten, dass es seine Stimme vorzüglich über Aufgaben erhob, die besonders in Russland mit Erfolg zu untersuchen waren. Dieses hatte die Kaiserin Catharina sehr wohl erkannt, indem sie an der Untersuchung des Durchganges der Venus so wesentlichen Antheil zu nehmen beschlöss, ja vielleicht die Veranlasserin der so allgemeinen Theilnahme an diesen Beobachtungen wurde, indem sie die vielfach verzweigten Reisen zur Untersuchung der Natur- und Völker-Verhältnisse des Reiches anordnete und im eigenen Cabinette die Grundlage eines vergleichenden Wörterbuches der Sprachen anlegte. Ich brauche nicht an die Anerkennung zu erinnern, welche diese Unternehmungen in ganz Europa fanden, ich will nur bemerken, dass man darin einen Fehler beging, dass man, trotz dieser Anerkennung nicht die Organisation der Akademie nach den wissenschaftlichen Aufgaben, zu welchen das Russische Reich auffordert, umgestaltete. Wahrscheinlich gedachte man nicht der wachsenden Anforderungen der Wissenschaft und glaubte für immer den Anforderungen, welche das gelehrte Europa machen kann, entsprochen zu haben — oder man überliess es der Zukunft, künftigen Forderungen zu genügen. Diese haben denn auch nicht unterlassen, in der neuesten Zeit sich geltend zu machen. Die eigenthümlichen Verhältnisse des Russischen Reiches, seine vorherrschend Slavische Bevölkeruug, seine weite Ausdehnung, seine Berührungen mit vielen Völkern Asiens von eigenthümlicher Bildung, die grosse Mannigfaltigkeit seiner eigenen Bewohner und ihrer Bildungs-Stufen, der klimatischen Verhältnisse und der Naturproducte haben nach einander die Gründung einer Russischen Akademie, den Vorschlag einer asiatischen Akademie, die Vermeh-

rung der Stellen für asiatische Sprachen, die ausgedehnten Untersuchungen über Klimatologie veranlasst und der Vorschlag für die vergleichende Sprachkunde der Völker des Reiches, eine oder zwei Stellen zu begründen, ist offenbar nur ein Glied in dieser Umgestaltung der Akademie nach den wissenschaftlichen Aufgaben des Russischen Reiches.

Da ich die bezeichnete Umgestaltung durchaus für zweckmässig und nothwendig halte, so kann ich nicht umhin, mich auch für die erwähnte Proposition zu erklären. Es wäre nicht nöthig gewesen, meine Meinung hierüber schriftlich abzugeben, wenn ich mich nicht veranlasst fühlte, zu dem Vorschlage der Herrn Frachn und Graefe noch ein Paar Bemerkungen hinzuzufügen.

Die Herrn von der historisch-philologischen Klasse haben nur die philologische Seite der Ethnographie Russlands hervorgehoben. Allein diese hat noch eine rein-anthropologische oder wenn man will, physische. Es ist allgemein bekannt, dass die durch Blumenbach begonnene Vergleichung der Menschen-Stämme und ihrer Verzweigungen in neuerer Zeit eine allgemeine Theilnahme gefunden und vielfach bearbeitet worden ist. Diese allgemeine Theilnahme hat aber auch Uebertreibungen und Einseitigkeiten mancher Art erzeugt. Die Franzosen namentlich, welche die Zahl der Menschenstämme zu vermehren so sehr geneigt sind, gründen auf einzelne Schädel, Bildnisse oder andere auf Reisen aufgegriffene Materialien die kühnsten Zusammenstellungen über Verwandtschaft, Abstammung und Wanderungsverhältnisse der Völker. Es scheint daher die Vorfrage, in wie weit die physischen Unterschiede constant genug bleiben, um auf sie zu bauen einer gründlichen Untersuchung zu bedürfen. Diese Untersuchung kann aber ohne ein reichhaltiges Material nicht angestellt werden. Ich gestehe, dass es bei meiner Versetzung nach St. Petersburg zu meinen Wünschen gehörte, eine solche Untersuchung in Bezug auf die Völker Russlands anzustellen. Ich fand aber zu meiner Verwunderung fast gar kein Material vor.

Dass ein solches Material sich hier nicht angehäuft hat, beruht aber zum Theil darauf, dass in neuerer Zeit das Studium der Sprachen der verschiedenen Völker nicht die Theilnahme gefunden hat, welche ihr in andern Gegenden geschenkt worden ist. Die Kenntniss der Sprachen muss wenigstens in allgemeinern Grundzügen schon gewonnen sein, um mit einiger Sicherheit zu der Vergleichung der physischen Verhältnisse überzugehen. Es hat daher auch die Anhäufung des physischen Materials für die Ethnographie wenig Interesse, wenn nicht auch das linguistische gesammelt wird. Im Jahre 1828 fand ich in Berlin den Dr. Rehmann im Begriffe der dortigen Universität eine sehr ansehnliche Sammlung von Schädeln russischer Völker zu verkaufen. Anf meine Vorstellung, wie es so unpatriotisch sein könne, diese nicht zuvörderst in St. Petersburg anzubieten, gab er mir zur Antwort: In St. Petersburg bekümmert man sich nicht um die Ethnographie. Diese Sammlung befindet sich jetzt in der That in Berlin, und ich habe im vorigen Jahre einen Herrn Tillner, der die Schädel verschiedener Völker der russischen Staaten vergleichen wollte, nach Berlin verweisen müssen. Ein solches Verhältniss würde sich ändern, wenn hier Jemand zur Sammlung des ethnographischen Materials angewiesen wäre.

Der Bericht der historisch-philologischen Klasse hat der Arbeiten der Engländer, Franzosen und Deutschen für vergleichende Linguistik erwähnt. Man erlaube mir einen noch näher liegenden Vergleichungspunct zu wählen — den Amerikanischen Freistaat. Ausser dem Britischen Reiche mit seinen Kolonien ist er der einzige Staat von wissenschaftlicher Bildung, welcher in Bezug auf Mannigfaltigkeit des Klimas und der Bevölkerung mit dem Russischen Reiche verglichen werden kann. Beide Reiche haben daher dieselben Aufforderungen zu wissenschaftlichen Untersuchungen. In Bezug auf die Naturverhältnisse ist der Amerikanische Freistaat hinter dem Russischen sehr zurückgeblieben. Was aber die einheimische Ethnographie anlangt, so ist diese seit einer Reihe von Jahren eine wesentliche Beschäfti-

gung der dortigen gelehrten Gesellschaften und es giebt daselbst wissenschaftliche Vereine, die nur dieser Aufgabe gewidmet sind. Sie haben so viel Erfolg gehabt, dass schon im Jahre 1836 Herr Galatin, die Arbeiten der Herrn Heckewelden, Pickering, Duponceau und anderer benutzend, und von der Regierung unterstützt, ein Werk herausgeben konnte, in welchem er die Eingebornen Nordamerika's, mit Einschluss der Englischen und Russischen Besitzungen, in 27 Familien gruppirt und 81 Völker unterscheidet, von welchen allen wenigstens Sprachproben, oft aber auch ausführliche grammatische Untersuchungen mitgetheilt werden. Herr Galatin hat aber auch eine Karte über Verbreitung aller dieser Völker gegeben. Nur in Bezug auf die Westküste waren diese Nachrichten auffallend unvollständig. Ueber diese Gegenden sind seit jener Zeit neue Forschungen angestellt, so wie auch die physische Untersuchung reichhaltiges Material in dem grossen Werke von Morton (Crania Americana) erhalten hat. Da wir jetzt den Repräsentanten der vaterländischen Geographie unter unsern Mitgliedern zählen, so muss ich diesem verehrten Herrn Collegen die Entscheidung überlassen, ob wir schon Material genug in Russland besitzen, um eine Völkerkarte des Reiches zu entwerfen? Hat doch Herr Sjögren vor nicht gar langer Zeit im St. Petersburger Gouvernement ungekannte Verzweigungen des Finnischen Stammes gefunden. Jedenfalls scheint das Material seit den grossen Reisen nicht in dem Maasse sich gehäuft zu haben, als man hätte erwarten können.

An sich kann also die Ethnographie des Russischen Ländergebiets wohl kaum als eine überflüssige Beschäftigung betrachtet werden. Es ist aber in der vorigen Gesammtsitzung der Akademie die Bemerkung gemacht worden, dass das vergleichende Studium des Slavischen Volks-Stammes für uns noch wichtiger ist. Dieser Bemerkung pflichte ich vollkommen bei, und ich fühle mich gedrungen, bei dieser Gelegenheit die Ueberzeugung auszusprechen, dass die politische Stellung Russlands als des einzigen selbstständig und gross dastehenden Slavischen Staates, es

sehr wünschenswerth macht, dass von den West-Slaven wenigstens ein gründlicher Linguist bei unserer Akademie eine Anstellung finde, auch wenn dieser Zweig der Forschung bei uns vollständig repräsentirt sein sollte, worüber ich natürlich gar kein Urtheil habe. Ich glaube nur, dass die Aussicht für die westlichen Slaven, dass wenigstens Einer von ihnen in Russland eine sorgenfreie Existenz und einen passenden Wirkungskreis für seine wissenschaftliche Untersuchungen finden kann, nicht nur für das wissenschaftliche Studium des Slavismus sondern auch für Anerkennung der Stellung, welche dem Russichen Reiche in dieser Beziehung gebührt, sehr wirksam sein würde.

Мнѣніе Бэра вызвано было слѣдующимъ предложеніемъ академиковъ Френа и Грефе объ учрежденіи мѣста академика для изученія языковъ и народовъ неславянскаго племени, обитающихъ въ Россіи:

Какъ другія науки, такъ и языкоученіе въ новѣйшее время приняло совершенно измѣнившійся видъ и направленіе. Оставляя въ сторонѣ прежнія, изъ другихъ ученыхъ системъ проистекшія, одностороннія мнѣнія о началѣ и происхожденіи народовъ и языковъ, нынѣ изучаютъ ихъ болѣе ради ихъ самихъ, и вникая съ одной стороны съ величайшимъ тщаніемъ въ индивидуальность отдѣльныхъ языковъ для распространенія тѣмъ по возможности матеріальной области языковѣдѣнія, стараются, съ другой стороны, добытыя симъ путемъ и болѣе и болѣе размножающіяся данности подводить подъ общія точки зрѣнія. Здѣсь главное дѣло состоитъ въ сравнительномъ языкоученіи, т. е. въ безпристрастномъ и добросовѣстномъ сличеніи между собою языковъ,—сличеніи, которое уже не останавливается, какъ-то прежде было, на одной оболочкѣ,—на словахъ, въ словарѣ содержащихся и ихъ произвольномъ разложеніи, но болѣе старается проникнуть въ самое существо и духъ языковъ, и въ законы, ими управляющіе, чтобы изъ нихъ извлечь сходства, которыя могли бы служить руководствующею нитью при изслѣдованіи отдѣльныхъ языковъ и сличеніи ихъ между собою и тѣмъ навести на общіе первообра-

зы, по которымъ языки могутъ быть распредѣлены на семейства и разряды, дабы чрезъ то самое вѣрнѣе дознаться взаимнаго сродства и происхожденія языковъ и народовъ. Къ таковому существенному преобразованію общаго сравнительнаго языкоученія преимущественно содѣйствовали англичане, хотя менѣе своими произведеніями въ области сравнительнаго языковѣдѣнія, сколько тѣмъ, что они раскрыли ученому свѣту множество особыхъ азіятскихъ языковъ и народовъ во всей ихъ индивидуальности. Каждый изъ языковъ, каждое изъ племенъ, съ которымъ англичане вошли въ ближайшее соприкосновеніе, нашли одного или болѣе изслѣдователей и представителей, и политическія торжества и побѣды всегда влекли за собою и ученыя. Движимые хотя и не столь обширными политическими побужденіями, какъ англичане, и французы ревностно соперничествовали съ своими сосѣдями въ споспѣшествованіи изученія особенно азіятскихъ народовъ и языковъ для расширенія предѣловъ науки и образованности, и правительство издавна содержитъ ученыхъ, которые занимаются не только арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ, но по долгу своему также армянскимъ, зендскимъ, санскритскимъ, индостанскимъ и китайскимъ языками. Въ сравненіи съ англичанами и французами, нѣмцы, уже по географическому положенію своего отечества, должны были ограничиваться только чисто ученою частію этнографіи и языкознанія, но именно за эту часть принялись они съ свойственною имъ живостью и пламеннымъ усердіемъ и, щедро подкрѣпляемые своими правительствами, дѣйствительно воздѣлали ее съ отличнѣйшимъ успѣхомъ, подвергая взгроможденные англичанами и французами матеріалы тщательному разбору, приводя въ порядокъ неустроенныя массы, и направляя ихъ къ высшимъ общимъ результатамъ; а тѣмъ самымъ возвели эти ученыя отрасли на ту высоту, на которой мы видимъ ихъ въ настоящее время. Обращаясь наконецъ къ Россіи, мы находимъ, что это могущественное государство, относительно къ политическому и географическому своему положенію, не только равняется съ гордою Англіею, но даже далеко превосходитъ ее

по внѣшнимъ отношеніямъ и зависящей отъ того значимости. Ибо, хотя владѣнія Россіи и не объемлютъ столько разныхъ частей свѣта какъ англійскія, но они уже сами по себѣ образуютъ связное цѣлое, которое именно потому гораздо болѣе сжато и сосредоточено, и, что особенно важно въ нашемъ сравненіи, вещественные матеріалы для познанія языковъ и народовъ въ Россіи гораздо обильнѣе и разнообразнѣе. Сколько многоразличныхъ племенъ и нарѣчій не заключаетъ въ себѣ уже одна Европейская часть Россіи! А если къ тому присовокупить еще Кавказъ и Сибирь, то мы найдемъ и по нынѣ въ Россіи эту officina gentium, эту vagina nationum, эти multas et diversas nationes и эту turba diversarum gentium, которую уже Іорданъ приписывалъ Скандіи, вѣрно не имѣя въ виду одной дѣйствительной Скандинавіи, какъ многіе полагали и еще понынѣ полагаютъ по недоразумѣнію.

Изъ сихъ указаній явствуетъ само собою, какое необъятное поле для изслѣдованія языковъ и народовъ представляетъ именно наша Россія, и какихъ важныхъ поясненій даже всеобщая исторія человѣчества можетъ еще ожидать, именно въ самыхъ темнѣйшихъ своихъ частяхъ, если однажды вышеозначенное изобиліе матеріаловъ будетъ расчищено и обработано надлежащимъ образомъ. Мы говоримъ, если это будетъ нѣкогда исполнено; ибо что до сихъ поръ сдѣлано по этой части, къ сожалѣнію, ограничивается столь малымъ, что Россія въ этомъ отношеніи никакъ не можетъ войти въ сравненіе съ прочими главными государствами Европы, хотя, по своему собственному богатству матеріаловъ и послѣ примѣра успѣшныхъ усилій другихъ народовъ, уже давно имѣетъ преимущественное къ тому призваніе. Это чувствовала уже великая императрица Екатерина II, обративъ, между прочимъ, свое вниманіе также на этнографическія и лингвистическія отношенія подвластныхъ ея скипетру народовъ, и повелѣвъ, на первый разъ, изготовить хотя короткіе, но хорошо расположенные образчики нарѣчій и сборники словъ. Хотя первое выполненіе дѣла и отстало далеко отъ высокой идеи, служившей тому основаніемъ, но по крайней мѣрѣ было положено прекрасное начало,

и свыше дано было побужденіе, которое въ то время съ радостію привѣтствовалъ весь ученый міръ, а внутри имперіи это самое подало поводъ къ появленію первыхъ печатныхъ опытовъ грамматикъ разныхъ чуждыхъ нарѣчій, составленныхъ между прочимъ самими русскими и на русскомъ языкѣ,—грамматикъ, которыя, не взирая на всѣ ихъ недостатки, и понынѣ еще остаются лучшими у насъ по своей части. Конечно и такихъ опытовъ явилось у насъ очень не много, потому что изученіе туземныхъ языковъ и народовъ со времени Екатерины II, къ сожалѣнію, опять пришло почти въ совершенное пренебреженіе, и это имѣло печальнымъ послѣдствіемъ то, что именно въ Сибири цѣлыя отдѣльныя племена, которыхъ имена по крайней мѣрѣ были уже вызваны изъ мрака неизвѣстности великою Екатериною, совершенно вымерли, и тѣмъ невозвратно погибли для науки. Нѣкоторыя другія, и въ числѣ ихъ даже европейскія, вблизи насъ обитающія, какъ то: Ливь въ Лифляндіи и Курляндіи, кажется, идутъ на встрѣчу той же участи. И такъ, чтобы по возможности предотвратить на будущее время ощутительныя для науки потери, могущія произойти отъ такихъ событій, и приличнымъ образомъ соотвѣтствовать справедливымъ ожиданіямъ, какія образованная Европа имѣетъ отъ Россіи по ея всемірному положенію, весьма необходимо, чтобы также языки и этнографическія отношенія такихъ племенъ и народовъ, которые стоятъ на низшей степени образованности, и, слѣдовательно, не имѣютъ своихъ письменъ и литературы, были сдѣланы предметомъ особыхъ изслѣдованій при нашей академіи, а посему мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность предложить, въ пользахъ науки и для чести Россіи, чтобы *изученіе языковъ и народовъ въ спеціальномъ отношеніи къ Россіи*, и именно къ *не-славянскому* ея народонаселенію, за изъятіемъ тѣхъ частей онаго, которыхъ литература уже имѣетъ особыхъ представителей въ академіи (какъ то мугамеданская, монгольская и грузино-армянская), были впредь представляемы по крайней мѣрѣ двумя особыми членами, однимъ ординарнымъ академикомъ и однимъ адъюнктомъ. Для изслѣдованія славянскихъ нарѣ-

чій и славяно-русской филологіи вообще въ недавнемъ времени пріобщены къ намъ 20 новыхъ членовъ; и такъ, кажется, справедливость требуетъ, чтобы и для чрезвычайнаго множества прочихъ, еще находящихся внутри Россіи, не-славянскихъ нарѣчій, доселѣ не имѣвшихъ у насъ представителей, были присоединены къ намъ по крайней мѣрѣ двое новыхъ членовъ, въ дополненіе уже прежде существовавшаго у насъ третьяго отдѣленія историческихъ наукъ и филологіи, тѣмъ болѣе, что Его Императорскому Величеству высочайше благоугодно было повелѣть, чтобы при нынѣшнемъ преобразованіи нашей академіи избытокъ прежней штатной и экономической суммы россійской академіи былъ употребленъ въ особенности на усиленіе способовъ 3-го, т. е. историко-филологическаго отдѣленія. . . .

11) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Проэктъ устава академіи наукъ:

ГЛАВА I.

О составѣ Академіи, ея обязанности и преимуществахъ.

Статья 1-я.

Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ, полагая во основаніе главное назначеніе всѣхъ ученыхъ обществъ: распростирать предѣлы человѣческихъ знаній откровеніями, присоединяетъ къ тому особенную, и ей свойственную обязанность — прилагать ихъ безпосредственно къ государственной пользѣ: испытывать естественныя произведенія во всемъ пространствѣ Россіи, и неослабными попеченіями назидать собственную ученость, чтобы она обратилась наконецъ въ природное произведеніе отечества.

Статья 2-я.

На сихъ началахъ учрежденная академія наукъ состоитъ изъ дѣйствительныхъ членовъ, то есть: *академиковъ* и *адъюнк-*

товъ, изъ *почетныхъ членовъ* и *корреспондентовъ* внутри и внѣ государства; и имѣетъ подъ собственнымъ надзоромъ училище, коего воспитанники будутъ готовиться поступать въ ея сословіе.

Статья 3-я.

Она имѣетъ *Президента*, *Вице-Президента*, *Секретаря* и *Комитетъ* для хозяйственныхъ ея распоряженій. Должности каждаго и всѣхъ вообще опредѣлятся въ слѣдующихъ главахъ и статьяхъ.

Статья 4-я.

Академія наукъ издаетъ ежегодно въ трудахъ своихъ подъ именемъ *Актовъ* или *Комментаріевъ* на латинскомъ или французскомъ языкѣ тѣ ученыя сочиненія членовъ своихъ, которыя признаетъ она способствующими къ распространенію наукъ: сочиненія, основывающія славу ея въ Европѣ. Но вѣрна правиламъ своимъ — распростирать знанія въ отечествѣ, столь же постоянно издаетъ на одномъ россійскомъ языкѣ, подъ приличнымъ заглавіемъ, сочиненія о предметахъ, къ наукамъ принадлежащихъ, и которыхъ приложеніе наиболѣе ощутительно, образомъ и слогомъ, примѣненнымъ къ общему понятію, и отдаляя всѣ тѣ подробности, которыхъ разумѣніе требуетъ неотмѣнно предварительнаго ученія.

Статья 5-я.

Академія, въ одно изъ первыхъ собраній каждаго года предлагаетъ двѣ *ученыя задачи*, избирая преимущественно такія, которыхъ разрѣшеніе полезно для Россіи. Одна изъ оныхъ должна имѣть предметомъ изысканіе умозрительной истины, а другая относиться къ усовершенію домоводства или промысла. Отечество наше, по малоизвѣстности обширнаго его состава, по вліянію, которое будутъ имѣть предполагаемыя въ немъ открытія на человѣчество вообще, конечно представитъ избытокъ вопросовъ, достойныхъ упражнять умы и другихъ народовъ. За разрѣшеніе каждой таковой задачи назначается золотая медаль въ триста рублей или другое равноцѣнное воздаяніе.

Статья 6-я.

Академія препровождаетъ также золотыя медали въ знакъ одобренія своего тѣмъ изъ россійскихъ подданныхъ, почетныхъ членовъ, корреспондентовъ и другихъ лицъ, какого бы состоянія они ни были, которые отличатся въ теченіе года доставленіемъ къ ней полезнѣйшихъ ученыхъ сочиненій или извѣстій о своихъ изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ. Оныя могутъ быть обнародываемы помѣщеніемъ въ упомянутыя въ 4-ой статьи сочиненія, или и въ пользу сочинителя другими, по расположенію академіи, способами.

Статья 7-я.

Академическое училище требуетъ тщательнѣйшаго вниманія академіи, яко учрежденіе необходимое, чтобы обезпечить на предбудущее время составленіе ея большею частью изъ природныхъ россіянъ.

Статья 8-я.

Для познанія государства посредствомъ наукъ, будутъ Нами открыты способы по ея представленію. Но сверхъ того уполномочивается она имѣть по сему предмету сношенія со всѣми государственными мѣстами, и обязуется она по временамъ и обстоятельствамъ посылать членовъ своихъ для мѣстнаго обозрѣнія различныхъ областей и предѣловъ.

Статья 9-я.

Наипаче обязана она имѣть непрерывное сношеніе со всѣми учеными и училищными учрежденіями, существующими въ Россіи, дабы, знавъ успѣхи народнаго воспитанія и просвѣщенія, могла располагать по тому и свое содѣйствіе.

Статья 10-я.

Академія, состоя со всѣмъ, принадлежащимъ къ ней, въ непосредственномъ нашемъ покровительствѣ, изъемлется отъ всякой другой зависимости кромѣ правительствующаго сената, которому она подчинена на ряду со всѣми государственными учрежде-

ніями. Она всегда имѣетъ право непосредственно представлять Намъ о своихъ нуждахъ.

Статья 11-я.

Внутренній порядокъ и благочиніе предоставляются ея собственному наблюденію. Никакое присутственное мѣсто не можетъ входить въ дѣла ея и ея членовъ безъ предварительнаго отношенія къ ней на законномъ основаніи, и по законнымъ, въ томъ отношеніи обнаруженнымъ, причинамъ.

Статья 12-я.

Академія однимъ избраніемъ своимъ возводитъ въ достоинство особы, составляющія ея сословіе, и тѣхъ, которымъ избраніемъ поручаетъ она должности, можетъ увольнять по своему произволенію.

Статья 13-я.

Всякій дѣйствительный членъ, съ предъявленіемъ академическаго диплома, имѣетъ право получить отъ герольдіи патентъ на чинъ, ономy соотвѣтствующій, поелику онъ, непосредственно по совершеніи избранія академіею, вступаетъ во всѣ гражданскія преимущества, званію его присвоенныя.

Статья 14-я.

По выбытіи одного изъ членовъ, академія не обязывается немедленно наполнять его мѣсто, но употребляетъ должное время и вниманіе, чтобы замѣнить его достойно. При равномъ достоинствѣ россійскій подданный предпочтется иностранному. На сей конецъ о всякомъ упразднившемся мѣстѣ будетъ предварительно обнародовано въ россійскихъ вѣдомостяхъ, дабы почитающіе себя способными могли прислать сочиненія и лично предстать къ испытанію академіи.

Статья 15-я.

Академія имѣетъ право требовать отъ училищъ и другихъ мѣстъ всей имперіи людей, которыхъ способности ей сдѣлаются

извѣстны, и съ согласія ихъ принимать къ себѣ по должномъ испытаніи въ *воспитанники* академиковъ или и адъюнкты.

Статья 16-я.

Членамъ академіи, которые по болѣзнямъ или старости пожелаютъ быть уволены, производить въ пенсіонъ полное ихъ жалованье, ежели они служили тридцать, а половинное, ежели служили двадцать лѣтъ со вступленія въ званіе дѣйствительныхъ членовъ. Дѣти умершихъ членовъ, выслужившихъ десять лѣтъ, или ихъ вдовы, получаютъ треть послѣдняго жалованья ихъ отцовъ или мужей, первые по совершеннолѣтіе, а послѣдніе по смерть или по вступленіе въ новый бракъ. Въ послѣднемъ случаѣ, или по смерти ихъ, дѣти до совершеннолѣтія своего раздѣляютъ между собою сію третью долю. Вдовы же членовъ, десяти лѣтъ не выслужившихъ, или ихъ дѣти, получаютъ единовременно полное годовое жалованье ихъ мужей или отцовъ. Прочіе чины и служители, къ академіи принадлежащіе, имѣютъ получать половинный пенсіонъ за тридцати-пяти-лѣтнюю безпорочную службу.

Статья 17-я.

Питомцамъ академическаго училища по окончаніи наукъ, которое доказывается полученнымъ ими свидѣтельствомъ, предоставляется полная воля избирать всякій родъ жизни, приличный ихъ воспитанію.

Статья 18-я.

Корреспонденція академіи имѣетъ быть уважаема всѣми государственными мѣстами, внутренняя освобождается отъ платежа почтовыхъ сборовъ, разумѣя въ семъ числѣ и все, отправляемое на ея имя.

Статья 19-я.

Исключая святѣйшій правительствующій синодъ и правительствующій сенатъ, всѣ высшія и нижшія мѣста сносятся съ академіею *сообщеніями*. На ея же отношенія, во всякихъ случаяхъ, опредѣленныхъ настоящимъ уставомъ или въ немъ не пред-

видѣнныхъ, но непротивныхъ законамъ, отвѣтствуютъ удовлетвореніемъ ея запросовъ и неукоснительнымъ вспоможеніемъ, гдѣ оно востребовано будетъ.

Статья 20-я.

Сумма на содержаніе академіи, ежегодно изъ государственныхъ казначействъ отпускаемая, равно какъ и другія, ей присвоенныя суммы, подлежатъ собственному ея распоряженію. Она не обязывается къ другимъ въ нихъ отчетамъ, кромѣ перечневаго по окончаніи каждаго года Намъ донесенія о ихъ употребленіи и наличности и таковагожъ въ правительствующій сенатъ.

ГЛАВА II.

О Президентѣ Академіи.

Статья 21-я.

Президентъ Академіи Наукъ назначается Нами изъ особъ первыхъ государственныхъ классовъ.

Статья 22-я.

Онъ есть главный исполнитель сего устава, внѣшній защитникъ правъ академіи и внутренній блюститель ея обязанностей. Не изображая подробно правилъ, составляющихъ его должность, Мы надѣемся, что особа, носящая на себѣ въ такой степени Наше и общества довѣріе, бывъ руководима сколько любовію къ отечеству, столько истиннымъ просвѣщеніемъ и ревностію, усмотритъ ихъ въ цѣли и расположеніи сего устава. Намъ пріятно думать, что слава академіи и отечества неразлучна будетъ въ глазахъ его съ честію предсѣдательствовать въ первомъ сословіи россійскихъ ученыхъ; что единое достоинство, несомнительный залогъ общественной пользы, будетъ имъ ободрено и приближено къ наградѣ.

Статья 23-я.

Президентъ лично докладываетъ Намъ о дѣлахъ академіи отъ ея имени. Доноситъ о важнѣйшихъ въ ней происшествіяхъ,

какъ то: объ учиненныхъ открытіяхъ или отличнѣйшихъ произведеніяхъ ея членовъ, о избраніи и пріобщеніи ихъ самихъ, о предполагаемыхъ путешествіяхъ и положеніяхъ академіи, по сомнительности или важности своей требующихъ непосредственнаго нашего разрѣшенія.

Статья 24-я.

Онъ представляетъ Намъ къ должному награжденію членовъ, отличившихся своими трудами, прописавъ случай заслуги, и указавъ на ту изъ статей сего устава, къ которой она относится.

Статья 25-я.

Навѣдываясь съ уваженіемъ, приличнымъ наукамъ и званію академиковъ, въ какомъ степени прилежанія исполняется должность каждаго, онъ представляетъ Намъ свои замѣчанія и о тѣхъ, которые уклоняться будутъ отъ исполненія почтенной своей обязанности. Какъ въ семъ, такъ и въ случаѣ предидущей статьи, донесенія его всеконечно отъ гласу общества и доводовъ въ дѣлахъ самой академіи будутъ заимствовать вящшую свою силу.

Статья 26-я.

О прочихъ чиновникахъ академіи въ обоихъ означенныхъ случаяхъ представляетъ президентъ правительствующему сенату на основаніи общихъ узаконеній. Онъ же, сообразно съ статьею 163-ю, представляетъ людей достойныхъ къ наполненію мѣстъ, независящихъ отъ избранія академіи.

Статья 27-я.

Какъ президентъ есть блюститель порядка и внутреннаго благочинія академіи, то въ случаѣ нарушенія оныхъ въ какой либо части, ему отъ Насъ предоставляется брать мѣры, сообразныя съ законами и важностію особъ или обстоятельствъ.

Статья 28-я.

Въ дѣлахъ, до хозяйственнаго управленія академіи касающихся, одинъ президентъ имѣетъ право предлагать собранію

академіи что́ за нужное почтетъ; въ небытность же свою, поручаетъ сіе вице-президенту или его сочлену въ комитетѣ. Членъ, имѣющій въ виду подобное предложеніе, относится къ президенту; въ случаѣ непринятія онаго, имѣетъ право требовать, чтобъ мнѣніе его приложено было къ протоколу засѣданія.

Статья 29-я.

Президентъ по ученымъ предметамъ не входитъ въ разсужденія членовъ; но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ собраніи академіи встрѣтится равенство противныхъ голосовъ, яко первенствующая особа, рѣшитъ своимъ мнѣніемъ.

ГЛАВА III.

О вице-Президентѣ.

Статья 30-я.

Академія въ послѣднее собраніе каждаго третьяго года избираетъ по большинству голосовъ изъ числа всѣхъ дѣйствитепьныхъ академиковъ своего вице-президента. Она можетъ и на слѣдующее трехлѣтіе подтвердить его въ семъ званіи.

Статья 31-я.

Вице-президентъ есть ближайшій помощникъ президенту въ отправленіи ввѣренной ему должности. Онъ въ собраніяхъ и хозяйственномъ комитетѣ занимаетъ мѣсто непосредственно по немъ, а въ отсутствіи имѣетъ его права и голосъ, который бывъ данъ единожды, не можетъ быть уже отмѣненъ и президентомъ.

Статья 32-я.

Въ присутствіи президента въ собраніяхъ академіи, вице-президентъ даетъ свое мнѣніе просто какъ академикъ; ибо избраніемъ въ сію должность не перестаетъ быть членомъ.

Статья 33-я.

Вице-президенту наипаче ввѣрено надзираніе надъ академи-

ческимъ училищемъ. По окончаніи каждаго курса вноситъ онъ въ собраніе академіи записку о успѣхѣ учащихся, о усмотрѣнныхъ имъ недостаткахъ и средствахъ, какъ исправить оныя по его мнѣнію.

Статья 34-я.

Онъ не обязывается къ доставленію сочиненій во время отправленія его должности, но соединеніе съ оною обыкновенныхъ трудовъ академика вмѣнено ему будетъ въ особенную заслугу.

Статья 35-я.

Ежели мѣсто вице-президента упразднится до истеченія третьяго года, то президентъ немедленно созываетъ чрезвычайное собраніе, которое и поручаетъ должность его академику, слѣдовавшему за нимъ въ большинствѣ голосовъ, не производя уже новаго выбора.

Статья 36-я.

Вице-президентъ, если не имѣетъ высшаго чина, числится за урядъ въ пятомъ классѣ, доколѣ въ должности пребываетъ; по пробытіи же двухъ трехлѣтій удерживаетъ онъ чинъ, сему классу соотвѣтствующій.

ГЛАВА IV.

О непремѣнномъ Секретарѣ Академіи.

Статья 37-я.

Особа, которая печется о перепискѣ академіи, о приведеніи въ порядокъ и изданіи, какъ ея собственныхъ, такъ и вступающихъ въ нея сочиненій, не можетъ быть иная, какъ токмо академикъ, который и избирается на неопредѣленное время.

Статья 38-я.

Немедленно по упраздненіи секретарскаго мѣста, президентъ созываетъ чрезвычайное собраніе академиковъ. Всякій имѣетъ

право предложить своего кандидата, и избраніе рѣшится большинствомъ голосовъ.

Статья 39-я.

Академія таковымъ же образомъ избираетъ *помощника* своему секретарю изъ адъюнктовъ, взирая въ выборѣ семъ на искусство въ россійскомъ словѣ, *архиварія*, *переводчика* и *писца*, знающаго языки, изъ студентовъ академіи. Они состоятъ подъ начальствомъ секретаря.

Статья 40-я.

Секретарь ведетъ *протоколъ засѣданій* академіи; составляетъ ея исторію; подъ вѣдѣніемъ имѣетъ изданіе всѣхъ ея сочиненій; представляетъ письма, на ея имя полученныя, и отвѣтствуетъ по ея заключенію, со внесеніемъ отвѣтовъ въ протоколъ; вообще исполняетъ онъ, съ подчиненными ему, всѣ до его званія принадлежащія порученія, какія ему академіею или въ слѣдствіе ея положеній президентомъ даны будутъ.

Статья 41-я.

Архиварій, имѣющій попеченіе о порядкѣ и храненіи бумагъ академіи, сданныхъ ему секретаремъ, и переводчикъ, имъ употребляемый, состоятъ въ девятомъ классѣ, если выше того чина не имѣютъ. Отъ академіи зависитъ прибавить послѣднему жалованья и сверхъ штата по мѣрѣ его трудовъ или придавать ему на время помощниковъ изъ студентовъ.

ГЛАВА V.

О дѣйствительныхъ членахъ Академіи и избраніи ихъ.

Статья 42-я.

Не подвергаясь неизбѣжному затрудненію при раздѣленіи наукъ по примѣру нѣкоторыхъ академій на классы, но видя напротивъ того въ упражненіяхъ академиковъ, сколько они по различію предметовъ ни различествуютъ, единую общую цѣль, пола-

гаемъ, что академики и адъюнкты или помощники ихъ будутъ принадлежать къ одному нераздѣльному и классами неразличенному сословію.

Статья 43-я.

Оно имѣетъ состоять, при введеніи сего устава, изъ слѣдующаго числа академиковъ для разныхъ наукъ, а именно: изъ двухъ для математики, старшаго и младшаго; двухъ для астрономіи; двухъ для химіи; по одному для физики, для механики, минералогіи, ботаники, зоологіи, анатоміи, для умственной и дѣятельной философіи, для политической экономіи, коммерціи и технологіи, и для исторіи и статистики, придая къ каждому изъ оныхъ, кромѣ тѣхъ наукъ, въ которыхъ положено два академика, по одному адъюнкту, съ таковымъ наблюденіемъ, чтобъ послѣдніе три адъюнкта, кромѣ главной науки, имѣли совершенное знаніе какъ древней словесности греческой и латинской, такъ и въ письменахъ россійскихъ.

Статья 44-я.

По сему число академиковъ ограничено *пятнадцатью* особами; однако ежели академія разсудитъ пріобщить къ нимъ мужа искуснаго въ одномъ изъ полезнѣйшихъ познаній, которыя здѣсь не именованы, находя въ томъ истинную пользу для государства, равно, ежели представится ей случай пріобрѣсти въ свое сословіе какого либо славнаго мужа, хотя и въ такой части, которая въ семъ уставѣ находится уже въ виду (назначая въ обоихъ обстоятельствахъ содержаніе изъ собственныхъ суммъ), то сіе не токмо не возбраняется, но намъ въ особенности пріятно будетъ.

Статья 45-я.

Равнымъ образомъ, можетъ академія сверхъ наименованныхъ девяти адъюнктовъ принять на счетъ собственныхъ своихъ доходовъ еще трехъ или болѣе, по мѣрѣ какъ представляться ей будутъ природные россіяне съ отличными способностями и такими

свѣдѣніями, которыя бы давали право на сіе званіе. Къ сему можетъ она употребить способъ, въ статьѣ 15-й начертанный.

Статья 46-я.

Должность академиковъ опредѣляется самымъ назначеніемъ академіи. Они обязаны руководствовать усовершеніемъ наукъ въ государствѣ, каждый по своей части, и въ ученыхъ своихъ трудахъ вспомоществуются своими товарищами, неимѣющіе ихъ — адъюнктами.

Статья 47-я.

Адъюнкты засѣдаютъ ниже академиковъ, участвуютъ въ общихъ трудахъ и разсужденіяхъ, но при избраніи членовъ не имѣютъ ни мѣста, ни голоса.

Статья 48-я.

Академія въ первые свои члены или академики обязана избирать таковыхъ токмо ученыхъ, кои снискали уже славу сочиненіями или полезными и отличными изобрѣтеніями въ одной изъ наукъ, составляющихъ предметъ академіи. Желающіе заступить мѣста адъюнктовъ, если они прежде того неизвѣстны сочиненіемъ, принятымъ съ похвалою, или курсомъ какой либо науки, должны представить академіи одно или два сочиненія, которыя бы доказывали основательныя и глубокія познанія; по одобреніи жъ явиться лично для испытанія. И тѣ и другіе должны быть люди непорицаемой нравственности.

Статья 49-я.

Каждый старшій академикъ, получивъ своего *воспитанника* образомъ, постановленномъ въ главѣ VIII-й, имѣетъ его въ ближайшемъ своемъ вѣдѣніи, и чрезъ наставленія и руководство пріуготовляя его быть современемъ членомъ академіи, даетъ ежегодно собранію отчетъ о его успѣхахъ. Онъ можетъ его употреблять для перевода своихъ сочиненій, назначенныхъ ко внесенію въ россійскія академическія изданія.

Статья 50-я.

Коль скоро таковой воспитанникъ получитъ достоинство адъюнкта, то академикъ, наставлявшій его, получаетъ право на особенную награду нашу, и президентъ обязанъ донесть о семъ безъ замедленія.

Статья 51-я.

Всѣ младшіе академики и адъюнкты той науки, гдѣ младшихъ академиковъ не положено, входятъ въ составъ академическаго училища, образомъ опредѣленнымъ въ главѣ VIII. Старшіе академики къ сему не обязываются; но буде захотятъ участвовать, то сіе вмѣнится имъ въ заслугу.

Статья 52-я.

Академикъ въ теченіе года представляетъ собранію по крайней мѣрѣ два *сочиненія*: одно, достойное для помѣщенія въ акты, а другое — въ изданіе академическихъ трудовъ на россійскомъ языкѣ. Адъюнктъ же ежегодно обязанъ представить по крайней мѣрѣ одно сочиненіе, которое, по разсужденію академиковъ, помѣстится въ то или другое академическое изданіе.

Статья 53-я.

Каждое трехлѣтіе назначается награжденіе пятисотъ рублей изъ академической суммы тому академику, котораго сочиненіе произвело въ ученомъ свѣтѣ ощущеніе, соединенное съ пользою для имперіи; въ чемъ и позволяется тому академику представить письменныя доказательства.

Статья 54-я.

Всякій членъ академіи, ставя себѣ за честь порученіе своего собранія, въ чемъ бы оное ни состояло, не можетъ отрицаться отъ исполненія его безъ особливыхъ и важныхъ причинъ. Таковыя причины обязанъ онъ немедленно представить на усмотрѣніе президента и академіи.

Статья 55-я.

Но съ другой стороны, членамъ академіи позволяется имѣть соотвѣтственныя ихъ знаніямъ постороннія упражненія, съ тѣмъ только, чтобъ они не отвлекали ихъ отъ академическихъ.

Статья 56-я.

Членъ, желающій оставить академію, долженъ предизвѣстить президента о намѣреніи своемъ, по крайней мѣрѣ за шесть мѣсяцевъ.

Статья 57-я.

По выбытіи одного изъ академиковъ или адъюнктовъ, президентъ, возвѣстивъ собранію, даетъ время не менѣе шести мѣсяцевъ на предложеніе кандидатовъ, и въ тоже время, на основаніи статьи 14-й, велитъ обнародовать въ вѣдомостяхъ.

Статья 58-я.

Три академика совмѣстно должны представить объ одной, двухъ или трехъ особахъ по своему мнѣнію и внести имена ихъ въ полное собраніе академіи, съ выраженіемъ достоинства ихъ, на основаніи 48-й статьи, и за своимъ подписаніемъ.

Статья 59-я.

Собраніе не далѣе, какъ въ теченіе шести недѣль послѣ предложенія кандидатовъ, приступаетъ къ рѣшительному избранію ихъ по баламъ, одного послѣ другаго. Число дѣйствительно избирающихъ академиковъ должно быть не менѣе двухъ третей полнаго числа, составляющаго академію.

Статья 60-я.

Удостоенный большинствомъ голосовъ утверждается, и президентъ поручаетъ секретарю или одному изъ членовъ вступить съ нимъ въ сношеніе.

Статья 61-я.

Если избранный кандидатъ по какимъ либо причинамъ не

можетъ принять приглашеніе академіи, то секретарь предлагаетъ послѣдующему за нимъ въ большинствѣ голосовъ.

Статья 62-я.

Собраніе по большинству голосовъ можетъ принять, на основаніи статьи 58-й, и новыхъ кандидатовъ, если по полученіи извѣстія, что избранный не принялъ званія академика, произойдетъ разность мнѣній или въ продолженіе сего времени откроются новыя достойныя лица.

Статья 63-я.

Если бы кто изъ академиковъ пересталъ заслуживать честь быть въ сословіи академіи, отъ ожиданія чего Мы весьма удалены; то президентъ имѣетъ право предложить полному собранію о представленіи Намъ.

Статья 64-я.

Таковое представленіе должно быть основано на положеніи академіи, принятомъ по большинству голосовъ по крайней мѣрѣ двухъ третей всего числа членовъ.

Статья 65-я.

Старшіе академики состоятъ въ шестомъ классѣ, младшіе — въ седьмомъ, а адъюнкты — въ осьмомъ, если выше чиновъ не имѣютъ.

ГЛАВА VI.

О почетныхъ членахъ и корреспондентахъ.

Статья 66-я.

Академія можетъ имѣть внутри и внѣ государства *почетныхъ членовъ*, удостоивая сего имени мужей, прославившихся такими сочиненіями или открытіями, которыя составляютъ предметъ академіи, или свѣту извѣстнымъ особеннымъ ободреніемъ наукъ.

Статья 67-я.

Число ихъ неопредѣлено; они избираются по большинству голосовъ, въ слѣдствіе предложенія президента или трехъ членовъ, которые его о семъ должны предувѣдомить.

Статья 68-я.

Академія не возлагаетъ на почетныхъ своихъ членовъ никакихъ обязанностей, развѣ сами собою пожелаютъ участвовать въ ея трудахъ. Въ послѣднемъ случаѣ доставленныя ими сочиненія могутъ быть помѣщены въ одно изъ академическихъ изданій.

Статья 69-я.

Академія можетъ имѣть внутри и внѣ государства своихъ *корреспондентовъ*. Сіе названіе принадлежать будетъ особамъ, которыя не пріобрѣли еще качествъ пристойныхъ членамъ; но изданными въ свѣтъ сочиненіями и любовію къ наукамъ доказываютъ, что союзъ ихъ принесетъ академіи пользу.

Статья 70-я.

Число ихъ также не ограничивается, и академія ихъ избираетъ по предложенію президента или одного изъ членовъ, который обязанъ президента предувѣдомить.

Статья 71-я.

Десяти изъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, избранныхъ какъ внутри, такъ и внѣ государства, по мѣстопребыванію своему и дѣятельности наиболѣе имѣющимъ удобность доставлять свѣдѣнія о предметахъ, занимающихъ академію, производитъ она по двѣсти рублей въ годъ, наблюдая токмо, сколько возможно, чтобъ каждый *пенсіонеръ* принадлежалъ къ особливой наукѣ.

Статья 72-я.

Почетные члены и корреспонденты, находясь въ Санктпетербургѣ, могутъ присутствовать въ собраніи академіи, предувѣдо-

мивъ о томъ президента за день, и имѣютъ голосъ въ ученыхъ по ихъ части разсужденіяхъ.

ГЛАВА VII.

О собраніяхъ Академіи.

Статья 73-я.

Академія имѣетъ три рода собраній ея членовъ: *торжественныя, чрезвычайныя приватныя* и *обыкновенныя.*

Статья 74-я.

Торжественное собраніе бываетъ единожды въ годъ. Оно должно быть празднествомъ наукъ и воздаяніемъ общественной благодарности тѣмъ истиннымъ ученымъ, которые обязали отечество своими бдѣніями. Первые дни послѣ празднества святаго Александра Невскаго суть эпохою сего собранія. Академія приглашаетъ къ нему не только присутственныхъ почетныхъ членовъ своихъ и корреспондентовъ, но и всѣхъ любителей просвѣщенія. Ревностны къ возвеличенію онаго, Мы сами за удовольствіе поставимъ присутствовать въ семъ случаѣ. Президентъ, вице-президентъ или непремѣнный секретарь открываетъ собраніе рѣчью, въ которой академія отдаетъ торжественный отчетъ въ трудахъ того года; представляетъ вліяніе, которое имѣла она въ произведеніи государственной пользы; опредѣляетъ степень общественнаго просвѣщенія и успѣхи наукъ, какъ внѣ, такъ и въ особенности внутри Россіи. Секретарь читаетъ историческія похвалы академиковъ, которыхъ совершенное поприще ознаменовано подвигами. Провозглашаются имена увѣнчанныхъ академіею сочинителей отвѣтовъ на заданные вопросы. Новые академики посвящаютъ вступленіе свое въ академію опытами трудолюбія своего и проницательности. Въ заключеніи собранія президентъ представляетъ Намъ или особѣ, на тотъ случай отъ Насъ наименованной, тѣхъ изъ воспитанниковъ, на которыхъ академія основываетъ надежду свою.

Статья 75-я.

Чрезвычайныя приватныя собранія назначаетъ президентъ, извѣщая о томъ членовъ наканунѣ, вмѣстѣ съ причиною собранія, которою одною сей день исключительно и занимаются.

Статья 76-я.

Обыкновенныя собранія посвящаются чтенію очередныхъ сочиненій академиковъ, сужденій ихъ, разбирательству ученыхъ предметовъ и корреспонденціи съ обществами и учеными. Имъ быть отъ десяти часовъ утра до полудни каждый понедѣльникъ, а если случатся праздники или иныя непредвидимыя нынѣ препятствія, то въ слѣдующій за тѣмъ день по назначенію президента.

Статья 77-я.

Въ обыкновенныя собранія президентъ или занимающій мѣсто его вице-президентъ, послѣ чтенія академическихъ сочиненій и корреспонденціи, могутъ обратить разсужденіе на распоряженія и предметы, отъ нихъ собственно зависящіе.

Статья 78-я.

Тому наипаче, кто предсѣдательствовать будетъ, должно внимать, чтобъ никто не присвоивалъ въ собраніи правъ, непринадлежащихъ ему въ силу настоящаго устава. Онъ можетъ вышедшему изъ границъ напомнить порядокъ; въ случаѣ продолжительности преній, прекратить оныя собраніемъ голосовъ или напослѣдокъ заключить засѣданіе, отложивъ разсужденія до другаго времени.

Статья 79-я.

Впрочемъ мы надѣемся, что никто изъ членовъ академіи не забудетъ пристойности и собственнаго достоинства среди самыхъ преній, тѣмъ паче, что они не могутъ имѣть предметомъ личность, но единую истину и отечественную пользу.

Статья 80-я.

Время отдохновенія отъ собраній продолжается отъ 15 іюля по 15-е августа.

ГЛАВА VIII.

О академическомъ училищѣ.

Статья 81-я.

Академія подъ собственнымъ присмотромъ имѣетъ училище, на которое опредѣляется въ ея штатѣ особая сумма, достаточная между прочимъ на содержаніе неимущихъ *ста* питомцовъ.

Статья 82-я.

Такъ какъ академія всѣмъ сословіемъ своимъ не можетъ непосредственно заниматься управленіемъ своего училища, то на сей конецъ учреждается изъ членовъ ея особый комитетъ подъ названіемъ *училищнаго*, который имѣетъ состоять изъ президента, вице-президента и одного академика, каковой избирается по большинству голосовъ, но ежегодно можетъ быть подтверждаемъ въ должности.

Статья 83-я.

Впрочемъ каждый членъ академіи имѣетъ полное право, поколику время его позволить ему можетъ, входить въ состояніе училища, навѣдываться о благочиніи и о благонравіи питомцовъ, присутствовать при урокахъ, и потомъ представлять въ собраніе академіи свои замѣчанія и мысли для сообщенія комитету, коль скоро оныя собраніемъ одобрены будутъ.

Статья 84-я.

Въ статьѣ 33-й уже сказано, что вице-президенту ввѣрено надзираніе надъ академическимъ училищемъ. Подъ его вѣдѣніемъ управленіе ввѣряется *ректору*, а хозяйственное распоряженіе—*экономy*, которыхъ опредѣляетъ училищный комитетъ по представленію вице-президента, равно какъ *надзирателей* за благонравіемъ питомцовъ, и *учителей*. Прочихъ должностныхъ людей опредѣляетъ вице-президентъ, и доноситъ о томъ комитету въ ближайшее засѣданіе.

Статья 85-я.

Ректоръ избирается изъ людей дознанной нравственности, соединяющихъ привязанность къ отечеству, съ глубокими свѣдѣніями въ способѣ ученія и воспитанія, каковыя могутъ быть пріобрѣтены единымъ опытомъ. Какъ комитетъ, такъ и вице-президентъ, обязаны ему оказывать всякое уваженіе и ободреніе. Онъ состоитъ въ седьмомъ классѣ, если выше того чина не имѣетъ.

Статья 86-я.

Онъ имѣетъ въ непосредственномъ вѣдѣніи своемъ и начальствѣ, какъ нравственныхъ надзирателей, такъ и учителей. Прилежно посѣщаетъ жилыя и училищныя комнаты; выдаетъ экономy отпускаемую на училище сумму; принимаетъ его счеты, повѣряетъ ихъ и представляетъ вице-президенту. Комитетъ, при опредѣленіи ректора, даетъ ему подробнѣйшее начертаніе его должности.

Статья 87-я.

Во время болѣзни ректора, должность его во всѣхъ случаяхъ можетъ занимать младшій товарищъ или адьюнктъ члена академіи, избраннаго для училищнаго комитета.

Статья 88-я.

Надзиратели избраны будутъ изъ людей пожилыхъ, имѣющихъ представить неопровергаемыя свидѣтельства добраго поведенія, которые съ обходительностію соединяли бы нужную строгость и неусыпность въ надзираніи юношества. Они должны жить въ комнатахъ воспитанниковъ и имѣть общій съ ними столъ. Комитетъ будетъ стараться ободрять и награждать ихъ всѣми способами, а нерадивыхъ, напачежъ подпавшихъ наималѣйшему порицанію въ нравахъ, отставляетъ немедленно.

Статья 89-я.

Надзиратели, неимѣющіе высшихъ чиновъ, числятся въ десятомъ классѣ, пока въ должности пребываютъ. По прошествіи же

шести лѣтъ похвальнаго служенія, утверждаются въ чинѣ, соотвѣтствующемъ сему классу. Послѣ десяти лѣтъ получаютъ они въ пенсіонъ половину ихъ жалованья, хотя бы и службу продолжать пожелали; за двадцатилѣтнюю службу при увольненіи получаютъ въ пенсіонъ полное жалованье.

Статья 90-я.

Учители опредѣляются по испытанію комитета, какъ въ самой наукѣ, такъ и въ образѣ ея преподаванія. Они числятся, судя по степенямъ преподаваемаго ученія, въ 12-мъ, 11-мъ, 10-мъ, и девятомъ классахъ, пока въ должности пребываютъ.

Статья 91-я.

Учители послѣ извѣстнаго числа лѣтъ безпорочнаго и ревностнаго служенія, а по смерти, ихъ семейства, получаютъ пенсіонъ на томъ же основаніи, какъ въ статьи 16-й о членахъ академіи сказано.

Статья 92-я.

Учители въ преподаваніи слѣдуютъ способу, предначертанному комитетомъ, и вспомоществуются одобренными имъ же книгами. Тѣ изъ нихъ, кои изобрѣтутъ новый полезнѣйшій способъ ученія по своей части или представятъ классическую книгу, которая бы впослѣдствіи была одобрена и введена, получаютъ награжденіе изъ академическихъ сумиъ, по назначенію комитета, отъ ста до двухъ сотъ рублей.

Статья 93-я.

Поприще академическаго ученія раздѣляется на два *отдѣленія*: отдѣленія *питомцовъ* и *студентовъ*. Питомцамъ преподаютъ учители наставленія въ языкахъ: россійскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, въ законѣ Божіемъ, въ исторіи и географіи, въ началахъ математики, въ основаніяхъ естественной исторіи и въ рисованіи. По испытаніи переходятъ питомцы въ отдѣленіе студентовъ, въ которомъ слушаютъ лекціи

академиковъ и адъюнктовъ во всѣхъ математическихъ, физическихъ и философическихъ наукахъ, составляющихъ предметъ академіи.

Статья 94-я.

Кромѣ сихъ наукъ, по разсужденію комитета, могутъ быть введены не токмо нѣкоторыя изящныя художества, но и такія искусства, которыя, служа пріятнымъ разсѣяніемъ, представляютъ навыкъ къ тѣлодвиженію, по роду жизни ученыхъ людей столько необходимому для сохраненія ихъ здоровья.

Статья 95-я

Учителей собственно для наукъ, въ 93-й статьи показанныхъ, назначается восемнадцать человѣкъ; и именно для всякаго языка, кромѣ греческаго, по два, изъ которыхъ каждый можетъ занимать три класса или отдѣленія учениковъ. Сіи учители могутъ обучать и чистописанію поперемѣнно каждое отдѣленіе. На таковомъ же основаніи будутъ для математики два учителя, для первыхъ основаній слога, для логики, географіи, исторіи, нравоученія, введенія въ естественную исторію и рисованія по одному.

Статья 96-я.

Подробное расположеніе ученія, его порядокъ и раздѣленіе времени, зависитъ отъ комитета, и есть дѣло первыхъ его засѣданій.

Статья 97-я.

Назначенную въ штатѣ на жалованье учителей сумму комитетъ располагаетъ, соображаясь съ способностями и трудами, потребными для каждаго класса. Академики и адъюнкты, читающіе лекціи, получаютъ за свои курсы воздаяніе, въ штатѣ особо опредѣленное.

Статья 98-я.

Желающій быть принятъ въ академическіе питомцы долженъ представить ректору свидѣтельство въ отличныхъ способностяхъ

или другихъ обстоятельствахъ, дѣлающихъ его достойнымъ попеченія академіи, подписанное однимъ изъ ея членовъ. Послѣ того ректоръ, удостовѣрившись чрезъ испытаніе академическаго врача въ его здоровьи, представляетъ вице-президенту и получаетъ предписаніе.

Статья 99-я.

Кромѣ сказаннаго въ статьѣ 81-й числа питомцовъ, каждые полгода могутъ быть принимаемы къ слушанію уроковъ отроки двѣнадцати лѣтъ и свыше, навыкнувшіе уже всему тому, что обучаютъ въ обыкновенныхъ народныхъ училищахъ. Ректоръ, удостовѣрившись также въ ихъ здоровьи и поведеніи, представляетъ о нихъ президенту, отъ усмотрѣнія котораго единственно и положенія комитета зависитъ число учениковъ.

Статья 100-я.

Ученики вносятъ въ училище за первый годъ по двадцать четыре рубля, за второй—тридцать и такъ далѣе, прибавляя за каждый по шести рублей до вступленія своего въ студенты. Сначала ходятъ они во всѣ классы, но впослѣдствіи вице-президентъ, судя по представляемымъ отъ ректора вѣдомостямъ о успѣхахъ и по склонностямъ ихъ, опредѣляетъ, къ которому познанію они преимущественно должны готовиться.

Статья 101-я.

Сумма, собираемая сказаннымъ въ 100-й статьѣ образомъ, раздѣляется между учителями по соразмѣрности ихъ жалованья. Но комитетъ имѣетъ право исключить отъ сего награжденія тѣхъ, которые дали себя замѣтить со стороны нерадивости.

Статья 102-я.

Питомцы и ученики, признанные неспособными, нерадивыми или злонравными, если по прошествіи двухъ лѣтъ не перемѣнятся, должны быть возвращены ихъ родственникамъ; питомцы неимѣющіе оныхъ, отошлются въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Отроки же развратныхъ нравовъ, въ предупрежденіе заразительнаго примѣра, удалены будутъ немедленно, коль скоро окажется, что они послѣ трикратнаго увѣщанія надзирателей не исправились.

Статья 103-я.

Учащіеся, по мѣрѣ успѣховъ, опредѣляемыхъ *испытаніемъ*, переходятъ въ высшій классъ или отдѣленіе, напослѣдокъ въ званіи студентовъ слушаютъ лекціи у академиковъ и адъюнктовъ.

Статья 104-я.

Учители, въ концѣ каждой недѣли, подаютъ ректору вѣдомость въ прилежаніи каждаго ученика, а надзиратели благонравія о поведеніи питомцевъ. Сіи вѣдомости представляются вице-президенту.

Статья 105-я.

Надзиратели благонравія и учители руководствуются взаимными наблюденіями и совѣтами. Тѣ и другіе порознь въ назначенные дни, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, собираются къ ректору для разсужденія и сообщенія другъ другу примѣчаній о томъ, что принадлежитъ къ ихъ должности. Изъ сихъ разсужденій будетъ составлена каждый разъ записка и сообщена вице-президенту.

Статья 106-я.

Академическое училище должно быть помѣщено въ пристойномъ зданіи по близости академическихъ. Оно должно имѣть пространные учебные покои, залу для экзаменовъ, и другія залы, также чистый дворъ и садъ для прогулки и гимнастическихъ игръ юношества.

Статья 107-я.

Училище имѣетъ собственную библіотеку, составленную изъ учебныхъ книгъ, словарей и классическихъ сочиненій. Она, подъ вѣдѣніемъ инспектора, поручается одному изъ учителей.

Статья 108-я.

Дни испытанія какъ учениковъ, такъ и студентовъ, опредѣляются комитетомъ одни послѣ другихъ. На первыхъ присутствуютъ кромѣ комитета тѣ изъ членовъ академіи, которые того пожелаютъ. Но испытанія студентовъ, прошедшихъ хотя одинъ курсъ, производятся при полномъ собраніи; и въ сихъ случаяхъ академики отлагаютъ всѣ прочія упражненія.

Статья 109-я.

Отличившіеся ученики ободряются къ дальнѣйшимъ успѣхамъ раздачею имъ послѣ испытанія книгъ и серебряныхъ медалей. Студенты же, пріобрѣвшіе особенное вниманіе комитета и академіи, получаютъ золотыя медали, носимыя на лентѣ владимірскаго ордена.

Статья 110-я.

Ученики, по испытаніи удостоенные въ студенты, представляются вице-президентомъ въ полномъ собраніи президенту, который, утверждая ихъ въ семъ званіи, даетъ имъ приличное наставленіе.

Статья 111-я.

Студенты, содержимые на счетъ академической суммы, помѣщаются въ отдѣльномъ отъ жилищъ питомцевъ зданіи, подъ непосредственнымъ надзоромъ ректора, который отвѣтствуетъ за ихъ поведеніе, такъ какъ надзиратели за поведеніе питомцовъ.

Статья 112-я.

Студентами могутъ быть и непосредственно приняты тѣ изъ постороннихъ, которые по испытанію найдутся имѣющими потребныя къ тому свѣдѣнія.

Статья 113-я.

Двадцать студентовъ, въ дополненіе къ содержанію ихъ столомъ, получаютъ жалованье изъ штатной суммы; остальные за

тѣмъ изъ питомцовъ употреблены будутъ академіею въ должности, не отвлекающія отъ наукъ, или содержимы на счетъ собственныхъ суммъ, доколѣ не опредѣлятся въ другія мѣста.

Статья 114-я.

Изъ числа студентовъ, прошедшихъ курсъ тѣхъ наукъ, которымъ они себя посвятили, и показавшихъ между тѣмъ способности выше обыкновенныхъ, избираются академіею *ея воспитанники*, о которыхъ въ статьяхъ 49-й и 50-й было сказано.

Статья 115-я.

Воспитанники, пробывшіе при академіи три года, и назначаемые къ поступленію въ адъюнкты, могутъ быть отправлены на толикоежъ время или и болѣе въ чужіе краи. Въ штатѣ опредѣляется ежегодная сумма на четырехъ таковыхъ путешественниковъ, и комитетъ возьметъ пристойныя мѣры, чтобъ сдѣлать пребываніе ихъ внѣ отечества наиболѣе полезнымъ, и ободрять ихъ, какъ во время путешествія, такъ и по возвращеніи. Они ведутъ переписку съ секретаремъ академіи, а отъ членовъ или и президента получаютъ нужныя рекомендательныя письма.

Статья 116-я.

Студенты, которые кончили академическое ученіе и получили одобрительныя въ успѣхахъ своихъ свидѣтельства, состоятъ и въ службу принимаются въ 14-мъ классѣ. Удостоенные выборомъ въ воспитанники—въ 12-мъ; пробывшіе при академикахъ три года и одобренные академіею—въ 10-мъ; одобренные же послѣ упомянутыхъ въ статьѣ 115-й путешествій—въ 9-мъ классѣ. Хотя бы таковые (студенты) по болѣзни или другимъ причинамъ не могли принять никакой опредѣленной должности, а оставили бы академію по полученіи отъ нея одобрительныхъ свидѣтельствъ, то и тогда Мы, въ надеждѣ, что они тѣмъ или другимъ образомъ принесутъ обществу пользу, оставляемъ имъ прежнее ихъ граждан-

ское значеніе и его преимущества. Въ семъ случаѣ они почитаются наравнѣ съ отставленными отъ службы.

Статья 117-я.

Ближайшее и почтительнѣйшее назначеніе студентовъ есть поступать въ воспитанники, а воспитанниковъ—быть адъюнктами, а потомъ академиками или въ другихъ училищныхъ заведеніяхъ профессорами. При избраніяхъ будутъ они академіею предпочтены прочимъ при равномъ достоинствѣ.

Статья 118-я.

Если, сверхъ чаянія, воспитанникъ, по прошествіи нѣкотораго времени, нерадивостію или неприличнымъ поведеніемъ окажется недостоинъ чести, которую ему академія сдѣлала, назначивъ его кандидатомъ своего сословія, то академикъ его обязанъ донести президенту. Президентъ же, собравъ въ полномъ собраніи голоса, можетъ его исключить и предложить назначеніе другаго на его мѣсто. Воспитанникъ въ семъ случаѣ перестаетъ принадлежать академіи, и препровождается въ герольдію.

Статья 119-я.

Такимъ же образомъ, по представленію вице-президента, училищный комитетъ можетъ исключить безъ похвальнаго свидѣтельства студентовъ, впадшихъ въ пороки и пренебреженіе должности.

Статья 120-я.

Академики и адъюнкты, на основаніи 93-й статьи, читающіе лекціи имѣютъ право допускать къ слушанію, кромѣ признанныхъ академіею въ званіи студентовъ, всѣхъ, кого заблагоразсудятъ. Студенты, произведенные изъ академическихъ питомцовъ, однѣ имѣютъ право слушать безусловно. Отъ всѣхъ прочихъ получаютъ преподаватели самое умѣренное воздаяніе, которое полное собраніе академіи каждые три года опредѣляетъ, и возвѣщаетъ предъ начатіемъ курсовъ.

Статья 121-я.

Лекціи раздѣлены будутъ на непрерывные полугодичные курсы, и въ учрежденные дни продолжается каждая не болѣе одного часа, послѣ котораго за роздыхомъ слѣдуетъ другая.

Статья 122-я.

Начало каждаго курса, съ показаніемъ преподавателя и системы, которой слѣдовать будутъ, возвѣстится въ обыкновенныхъ санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ.

Статья 123-я.

Студенты академіи, въ свободные отъ лекцій дни, могутъ, раздѣлясь на общества, подъ руководствомъ адъюнктовъ, дѣлать ботаническія экскурсіи и опыты въ разныхъ частяхъ наукъ, посѣщать фабрики и другія подобныя заведенія, дабы усовершить практическія и технологическія свои познанія. Академикамъ вмѣнится въ заслугу, если они сами не отрекутся руководствовать студентовъ въ сихъ случаяхъ.

Статья 124-я.

На таковой конецъ всѣ общественныя заведенія, кромѣ тѣхъ, которыя по свойству своему не терпятъ постороннихъ посѣщеній, отверсты для членовъ академіи, ея воспитанниковъ и для студентовъ подъ надлежащимъ руководствомъ.

Статья 125-я.

Впрочемъ училищному комитету предоставляемъ не токмо расположить въ подробности порядокъ ученія и правила, которыя во всѣхъ случаяхъ должны наблюдать преподаватели и студенты; но также изобрѣтать и усовершать способы къ надежнѣйшему достиженію цѣли.

Статья 126-я.

Никакія знанія не могутъ замѣнить недостатка добрыхъ нравовъ: и того ради нравственное воспитаніе учащагося юноше-

ства столько же, или и паче, долженствуетъ привлекать попечительное вниманіе комитета, какъ и совершенство преподаваемаго ученія. Мы возлагаемъ на безпосредственный отвѣтъ комитета образованіе будущаго гражданина, воспитывающагося въ академическомъ училищѣ. Выдаваемое имъ одобреніе возвышаетъ всѣ прочія академическія свидѣтельства, а недостатокъ онаго уничтожаетъ ихъ силу.

Статья 127-я.

Обыкновенныя засѣданія училищнаго комитета бываютъ въ послѣобѣденное время, по крайней мѣрѣ единожды въ концѣ каждаго мѣсяца, по извѣщенію президента. Въ оныхъ комитетъ, разсмотрѣвъ внесенныя вице-президентомъ свѣдѣнія о состояніи училища, также представленныя ректоромъ подробнѣйшія вѣдомости, дѣлаетъ на слѣдующій мѣсяцъ свои распоряженія.

ГЛАВА IX-я.

О прочихъ принадлежностяхъ Академіи по ученой части.

Статья 128-я.

Академія имѣетъ собственную *типографію* и *книжную лавку*, *библіотеку*, *физическій кабинетъ* или собраніе физическихъ орудій, *залъ механическихъ моделей*, *астрономическія обсерваторіи*, хранилище естественныхъ и искусственныхъ произведеній или *музей*, *анатомическій театръ*, двѣ *химическія лабораторіи* и *ботаническій садъ*. Первые два предмета приносятъ ей доходы, а прочіе, служа къ употребленію ея членовъ, содержатся на означенныхъ въ штатѣ суммахъ.

Статья 129-я.

Типографія и книжная лавка состоятъ подъ вѣдѣніемъ хозяйственнаго комитета, который употребляетъ чиновниковъ къ управленію ихъ, и чрезъ посредство академика въ немъ засѣдающаго

имѣетъ наблюдать, чтобъ учрежденія сіи приносили академіи всевозможную пользу.

Статья 130-я.

Сей членъ комитета печется между прочимъ о расходѣ изданій академической типографіи и обмѣнѣ ихъ на изданія лучшихъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ типографій. Одинъ экземпляръ послѣднихъ всегда представленъ будетъ академической библіотекѣ.

Статья 131-я.

Каталоги назначаемыхъ къ выпискѣ въ книжную лавку книгъ предварительно должны быть, по представленію надзирающаго надъ оною члена, одобрены полнымъ собраніемъ академіи. Симъ подобныя и другія мѣры должны быть взяты комитетомъ для приведенія академическаго книжнаго торга въ самое цвѣтущее состояніе, чтобъ публикѣ, по крайней мѣрѣ со стороны ученыхъ всякаго рода сочиненій, ничего желать не оставалось.

Статья 132-я.

До изданія общаго закона о книготисненіи, запрещается всѣмъ россійскимъ типографіямъ перепечатывать книги, выходящія изъ академической, безъ согласія самой академіи; въ противномъ случаѣ изданіе конфисковано будетъ въ ея пользу.

Статья 133-я.

Какъ въ типографіяхъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій надзоръ за печатаніемъ порученъ единственно самымъ симъ мѣстамъ, то академія на сей конецъ избираетъ изъ членовъ своихъ цензора книготисненія.

Статья 134-я.

Должность цензора книготисненія заключается въ просмотрѣніи приносимыхъ въ академическую типографію для напечатанія постороннихъ рукописей, не находится ли въ оныхъ мыслей, устремленныхъ *явно* противу законовъ и общественнаго порядка.

Статья 135-я.

Нетокмо всѣ отдѣленныя сочиненія и переводы членовъ академіи, одобренные ею, печатаются на счетъ типографской суммы, но сочинитель или переводчикъ получаетъ третью долю суммы, продажею выручаемой.

Статья 136-я.

Подтверждается исключительное право, какое академія донынѣ имѣла, печатать календари на россійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, также и Санктпетербургскія Вѣдомости.

Статья 137-я.

Всѣ казенныя и частныя типографіи въ имперіи обязаны доставлять въ академическое книгохранилище одинъ экземпляръ каждаго выходящаго изданія, а въ библіотеку академическаго училища—экземпляръ всякой выходящей учебной книги; за упущенія взыскиваема будетъ съ частныхъ типографій, въ пользу академіи, продажная цѣна двадцати, въ случаѣ же вторичнаго упущенія той же типографіи, — пятидесяти экземпляровъ.

Статья 138-я.

Академическія хранилища книгъ и рѣдкостей состоятъ въ главномъ вѣдѣніи президента, подъ надзираніемъ двухъ членовъ, избранныхъ отъ академіи, одного для хранилища книгъ, а другаго для хранилища естественныхъ произведеній и искусственныхъ рѣдкостей или *музея*. Они получаютъ къ обыкновенному ихъ содержанію прибавленіе, въ штатѣ опредѣленное.

Статья 139-я.

Надзиратели непосредственно отвѣчаютъ за все, что имъ ввѣрено, и не дѣлаютъ сами собою никакихъ важныхъ перемѣнъ. Получивъ прежде одобреніе собранія, представляетъ каждый изъ нихъ президенту о предметахъ, коими бы нужно было хранилище умножить, также и о издержкахъ потребныхъ къ содержанію, умноженію или возобновленію нѣкоторыхъ. Впрочемъ и каждый

членъ академіи имѣетъ право, въ собраніи, о томъ же представлять президенту.

Статья 140-я.

Академики—надзиратели имѣютъ каждый по одному *помощнику*, числящемуся, буде выше того чина не имѣетъ, въ 10-мъ классѣ, также потребное число нижнихъ служителей. Помощники избираются изъ студентовъ, неимѣющихъ рѣшительныхъ способностей къ продолженію наукъ.

Статья 141-я.

Президентъ и собраніе академіи назначатъ два дни въ недѣлю, въ которые дозволяется входъ въ музей и книгохранилище всѣмъ желающимъ оныя видѣть, и получившимъ билеты отъ президента, вице-президента или надзирателей.

Статья 142-я.

Относительно до дальнѣйшаго позволенія пользоваться книгами и другими учеными принадлежностями академіи, комитетъ сдѣлаетъ особое постановленіе, принявъ правило, нѣкоторыми предѣлами ограничить употребленія оныхъ для тѣхъ, кои не принадлежатъ къ сословію академіи. Однимъ же академикамъ позволить употребленіе на домахъ.

Статья 143-я.

Обсерваторіи съ ихъ орудіями поручаются въ вѣдѣніе астрономамъ, физическій кабинетъ—физику, зала моделей—механику, ботаническій садъ—ботанику и лабораторіи—химикамъ; всѣ они по временамъ получаютъ отъ хозяйственнаго комитета изъ опредѣленныхъ на сіи предметы суммъ, сколько потребно будетъ. Они, по окончаніи года, отдаютъ отчетъ, какъ собранію, съ показаніемъ произведенныхъ ими перемѣнъ, такъ и комитету.

Статья 144-я.

Академикамъ позволяется допускать къ своимъ наблюденіямъ и опытамъ всѣхъ, кого они пожелаютъ.

Статья 145-я.

Ботаникъ обязанъ, между прочимъ, прилежать къ испытанію, какого рода иностранныя, а паче южной и сѣверной Америки, растенія, свойственныя одинакой широтѣ мѣста съ сѣверною Россіею, могутъ въ нее быть переселены.

О академическихъ суммахъ.

Статья 146-я.

На содержаніе академіи наукъ отпускаемо быть имѣетъ изъ государственныхъ суммъ сто одну тысячу рублей на употребленіе, въ прилагаемомъ здѣсь штатѣ росписанное.

Статья 147-я.

Всѣ прочіе расходы производитъ хозяйственный академіи комитетъ изъ ея собственныхъ доходовъ.

Статья 148-я.

Собственные доходы академіи суть: 1) проценты двухъ капиталовъ, въ сумму санктпетербургскаго воспитательнаго дома положенныхъ, всего на семьдесятъ тысячъ рублей. 2) Суммы, поступающія въ типографію и книжную лавку, какъ за разныя изданія академіи, за вѣдомости и календари, также за напечатаніе посторонныхъ сочиненій и переводовъ, и чрезъ продажу выписываемыхъ лавкою книгъ. 3) Выручаемое за отдачу въ наемъ академическихъ строеній, академіею не занимаемыхъ. 4) Остатки штатныхъ суммъ, происходящіе отъ уменьшенной выдачи тѣмъ изъ членовъ, которые не выслужили лѣтъ, положенныхъ въ штатѣ для полученія полнаго жалованья, и отъ временнаго упраздненія должностей, до наполненія ихъ новыми чиновниками. 5) Остатки отъ расходу процентовъ съ упомянутаго капитала.

Статья 149-я.

Проценты съ находящагося въ воспитальномъ домѣ капитала

будутъ употребляемы на пенсіоны уволеннымъ членамъ академіи и прочимъ чиновникамъ, также и семействамъ ихъ, на основаніи статьи 16-й; въ случаѣ недостатка, пенсіоны дополняются изъ другихъ суммъ академіи.

Статья 150-я.

Доходъ съ типографіи и книжной лавки и найма академическихъ зданій состоитъ въ полномъ распоряженіи хозяйственнаго комитета на предметы, выше въ статьяхъ означенные, и другіе, которыхъ существенная польза для академіи будетъ несомнительна, какъ-то: на усовершеніе академическаго училища, выписываніе лучшихъ періодическихъ сочиненій по ученой части. На сіе послѣднее употребленіе позволяется назначать ежегодно до тысячи рублей.

Статья 151-я.

Прочіе избытки за расходомъ академическихъ суммъ будутъ употребляемы или на дополненіе недостатка въ разныхъ случаяхъ или на приращеніе пенсіоннаго капитала.

ГЛАВА XI.

О хозяйственномъ комитетѣ Академіи.

Статья 152-я.

Хозяйственный комитетъ составляютъ: президентъ, вице-президентъ и одинъ изъ академиковъ, ежегодно избираемый по большинству голосовъ въ полномъ собраніи академіи.

Статья 153-я.

Секретарь академіи, открывая пакеты на имя ея надписанные, посылаетъ тѣ изъ нихъ, которые не принадлежатъ къ ученымъ предметамъ, въ хозяйственный комитетъ.

Статья 154-я.

Комитетъ печется о домашнемъ благоустройствѣ академіи,

о ея собственности, какъ то: о всѣхъ ей присвоенныхъ и въ нее вступающихъ суммахъ, собраніяхъ ея вещей, къ учености принадлежащихъ, ея зданіяхъ, ихъ употребленіи, починкѣ, украшеніи или распространеніи; ея типографіи и хозяйственныхъ распоряженіяхъ ея училища, котораго счеты, вице-президентомъ внесенные, должны быть пріобщены къ прочимъ.

Статья 155-я.

Комитетъ въ дѣлахъ, до него принадлежащихъ, сносится со всѣми присутственными мѣстами отъ имени академіи и на тѣхъ же правилахъ. Впрочемъ онъ ни въ какомъ случаѣ не смѣшиваетъ производства своихъ дѣлъ съ дѣлами собранія.

Статя 156-я.

Комитетъ, представляя въ извѣстномъ отношеніи цѣлую академію, не отдаетъ никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, кромѣ Насъ чрезъ посредство президента. Но членъ академіи, избранный для засѣданія въ ономъ, по истеченіи времени своей обязанности, вноситъ въ полное собраніе подписанную имъ копію всѣхъ счетовъ, и выписку изъ журналовъ комитета, дабы академія могла судить о всѣхъ, учиненныхъ комитетомъ ея въ продолженіи года распоряженіяхъ.

Статья 157-я.

Комитетъ собирается еженедѣльно по вторникамъ и пятницамъ, если въ одинъ изъ сихъ дней не назначено президентомъ чрезвычайнаго собранія академіи. Въ противномъ случаѣ имъ же назначается иной день, или, судя по обстоятельствамъ, до слѣдующей недѣли отлагается засѣданіе.

Статья 158-я.

Въ случаѣ отсутствія одного изъ членовъ голосъ президента имѣетъ перевѣсъ.

Статья 159-я.

Комитетъ имѣетъ собственнаго своего *секретаря*, и *прото-*

колиста, который есть и *переводчикъ*. Они назначаются президентомъ изъ академическихъ студентовъ. Имѣетъ также и *казначея*, который опредѣляется на основаніи 12-й статьи.

Статья 160-я.

Секретарь и казначей состоятъ въ 9-мъ классѣ, а протоколистъ—въ 10-мъ, если по представленію комитета въ правительствующій сенатъ выше произведены не будутъ.

Статья 161-я.

На содержаніе приказныхъ служителей и другіе по сей части расходы комитетъ имѣетъ особую сумму.

Статья 162-я.

Первымъ упражненіемъ комитета, по открытіи его въ силу настоящаго устава, должно быть приведеніе въ ясность всего, принадлежащаго къ хозяйственному распоряженію академіи, какъ то: числа необходимыхъ по разнымъ частямъ служителей и тѣхъ, коихъ уволить должно; назначеніе имъ соразмѣрнаго нынѣшнимъ цѣнамъ жалованья и помѣщенія; также наличности собственныхъ ея суммъ; расположенія какъ ихъ хранить и употреблять, какъ возвратить утраченныя, если таковыя найдутся; употребленія ея зданій,—однимъ словомъ, приведенія въ ясность способовъ извлечь изъ настоящаго положенія академіи всю возможную пользу для предбудущаго времени.

Статья 163-я.

Опредѣленіе въ службу академіи *священника* и его причетъ, *доктора* и *лѣкаря*, *экзекутора*, *архитектора*, *механика* и прочихъ необходимыхъ чиновниковъ и художниковъ, также типографскихъ разнаго рода служителей зависитъ отъ комитета. Принимая тѣхъ изъ нихъ, которые чины имѣютъ, обязанъ онъ доносить правительствующему сенату.

Статья 164-я.

Комитетъ опредѣляетъ и отрѣшаетъ также всѣхънижнихъ

служителей при академіи, необходимыхъ для содержанія въ ея зданіи стражи, для наблюденія за чистотою и порядкомъ. На сей конецъ можетъ онъ употреблять преимущественно военныхъ инвалидовъ, требуя ихъ отъ государственной военной коллегіи.

Статья 165-я.

Академія и хозяйственный комитетъ сносятся взаимно *выписками* изъ протоколовъ своихъ, за подписаніемъ секретарей; симъ же образомъ комитетъ сообщать будетъ свои положенія и порознь членамъ академіи, если что до кого въ особенности касаться будетъ. Впрочемъ въ статьѣ 28-й уже сказано, что президентъ или засѣдающій съ нимъ въ комитетѣ могутъ въ полномъ собраніи предлагать изустно по ихъ части.

Статья 166-я.

Всѣ прочія сношенія комитета должны быть строжайше ограничены навсегда принятымъ правиломъ. Онъ не вступаетъ съ присутственными мѣстами и другими начальствами ни въ какую переписку, кромѣ какъ принадлежащую собственно до мѣста, котораго голосъ въ правительственномъ отношеніи онъ представляетъ. Академія же не пріемлетъ иныхъ бумагъ, кромѣ имѣющихъ предметомъ ученость.

ГЛАВА XII.

Общія постановленія.

Статья 167-я.

Академія посылаетъ ученые свои акты, непосредственно по изданіи ихъ, не токмо въ тѣ изъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, которыя наблюдать станутъ взаимность, но и почетнымъ членамъ, сообщающимъ ей собственныя творенія. Она всѣми образами будетъ стараться умножать и распространять свои сношенія внѣ государства.

Статья 168-я.

Печать академіи, представляющая россійской гербъ съ пристойными символическими изображеніями и надписью, прикладывается къ грамотамъ ея членовъ и корреспондентовъ, которыя бываютъ подписаны отъ имени академіи президентомъ и секретаремъ. Печати хранятся у сего послѣдняго.

Статья 169-я.

Академія обнародываетъ о ежегодныхъ задачахъ своихъ изданіемъ особенныхъ листовъ, которые сообщаются при обыкновенныхъ вѣдомостяхъ и разсылаются во всѣ ученыя общества и учебныя заведенія, какъ россійскія такъ и иностранныя.

Статья 170-я.

Сочиненія на предложенныя задачи будутъ доставлены по крайней мѣрѣ за четыре мѣсяца до торжественнаго собранія академіи. Они могутъ быть писаны на латинскомъ, россійскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, и имена сочинителей не могутъ быть открыты и объявлены прежде, какъ въ упомянутомъ собраніи.

Статья 171-я.

Исполняя предписанное въ 8-й статьѣ, академія, сообразивъ по времени замѣчанія, кои въ продолженіе трудовъ своихъ сдѣлать можетъ каждый членъ ея по своей части, наипачежъ астрономы, ботаники, зоологи и минералоги, и опредѣливъ тѣ статьи, которыя потребуютъ мѣстнаго изслѣдованія, будетъ составлять *проэкты путешествій* по Россіи.

Статья 172-я.

Таковые проэкты имѣютъ быть Намъ поднесены отъ лица собранія академіи, которое вмѣстѣ назначитъ путешественниковъ изъ своего сословія и перечень необходимыхъ издержекъ. Въ слѣдствіе чего Мы, по благоусмотрѣнію нашему, не преминемъ содѣйствовать къ исполненію, всѣми зависящими отъ Насъ пособіями.

Статья 173-я.

Путешествующіе члены академіи имѣютъ право ожидать, по примѣру тѣхъ, которые отправляемы были въ царствованіе августѣйшей бабки нашей, не токмо всякаго ободренія, независимо отъ суммъ академическихъ, но и особенной награды за открытія, кои послужатъ непосредственно къ государственной пользѣ.

Статья 174-я.

Всякое открытіе, сдѣланное путешествующимъ академикомъ, и доставленное въ его сословіе, коль скоро представляетъ въ себѣ непосредственную для государства выгоду или возможность сдѣлать употребленіе въ пользу жителей того края, гдѣ оно учинено, немедленно сообщится отъ академіи начальству, до котораго оно по роду своему принадлежитъ.

Статья 175-я.

Академія и въ прочихъ случаяхъ, ссли открытіе, сдѣланное членомъ ея или ставшее ей извѣстнымъ, можетъ послужить къ усовершенію въ какой либо части государственныхъ или сельскихъ работъ, также рукодѣлій, промысловъ и торговли, безъ замедленія относится съ замѣчаніемъ въ то начальство, которое изъ открытія можетъ сдѣлать ближайшее употребленіе или послужить къ распространенію въ народѣ.

Статья 176-я.

Равнымъ образомъ, всѣ начальства въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могущественное пособіе наукъ потребно будетъ къ производству или облегченію работъ въ какой либо части, также, гдѣ познанія, снисканныя вѣками, могутъ распространять свѣтъ на предметы или облегчить приложеніе къ нимъ частныхъ свѣдѣній, имѣютъ право относиться къ академіи и просить ея разрѣшенія.

Статья 177-я.

Академія, въ обстоятельствахъ, гдѣ отвѣтъ ея на запросъ го-

сударственнаго мѣста будетъ недостаточенъ, можетъ послать для объясненія и личнаго обозрѣнія или сужденія одного или нѣсколькихъ изъ членовъ своихъ.

Статья 178-я.

Члены академіи и другіе чиновники, которыхъ должность болѣе требуетъ безотлучнаго присутствія, будутъ со временемъ помѣщены въ академическихъ строеніяхъ, со всѣми, слѣдующими имъ по ихъ званію и семействамъ выгодами. Но въ такомъ случаѣ хозяйственный комитетъ будетъ вычитать изъ суммы, назначенной на содержаніе каждаго, по двѣсти рублей. Предварительно же помѣстятся тѣ, которымъ въ штатѣ назначены жилища.

Статья 179-я.

Вообще, содержаніе членовъ академіи и издержки, относительныя къ ея цѣли, неограничаваются штатными суммами. Но отъ хозяйственнаго комитета зависитъ, по требованіямъ собранія, доставлять первымъ выгоды, а къ послѣднимъ дѣлать прибавленія, каковыя найдетъ возможными на счетъ собственныхъ доходовъ академіи.

Михайло Муравьевъ.
Графъ Севѣринъ Потоцкій.
Николай Фусъ.
Федоръ Баузе.

12) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Царствованіе императора Александра I. Изданіе второе 1875. Регламентъ академіи наукъ, стр. 89—116.

13) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Прилагаемый проэктъ, по всей вѣроятности, представленъ барономъ Николаи. Въ находящемся въ архивѣ министерства реэстрѣ бумагъ, препровожденныхъ къ Новосильцову, обозначено: «Привилегія и регламентъ академіи наукъ, сочиненный барономъ Николаемъ». Всѣ бумаги, названныя въ реэстрѣ, сохранились въ архивѣ до настоящаго времени; всѣ под-

писаны ихъ составителями за исключеніемъ приводимаго устава и проэкта, писаннаго рукою Фусса. Сходство послѣдняго проэкта съ утвержденнымъ уставомъ заставляетъ предполагать, что рукопись Фусса есть тотъ самый документъ, который въ архивномъ реэстрѣ названъ «проэктомъ устава академіи наукъ, представленнымъ президентомъ оной Николаемъ Новосильцовымъ». Указаніе же реэстра — «привилегія и регламентъ академіи» можетъ относиться только къ приводимому уставу. Онъ составленъ во время президентства Николаи, какъ видно изъ помѣтки на немъ: $1\frac{16}{1}803$. Но неизвѣстно, до какой степени участвовалъ въ его составленіи Николаи. Содержаніе устава обнаруживаетъ сильное участіе Озерецковскаго, собственноручныя замѣчанія котораго непосредственно слѣдуютъ за уставомъ.

Уставъ Академіи Наукъ.

§ 1. Академія Наукъ состоитъ подъ единственнымъ нашимъ покровительствомъ и вѣдѣніемъ, а попечителемъ себѣ имѣетъ одного только министра народнаго просвѣщенія, который собственно Нами опредѣляется.

§ 2. Ее составляютъ мужи, искусные въ разныхъ наукахъ, которые и должны пещися о славѣ и чести академіи, обращая труды свои въ пользу нашего государства.

§ 3. Мужи оные должны быть искусны въ математикѣ по всей ея обширности, въ опытной физикѣ, въ химіи, въ естественной исторіи, то есть въ зоологіи, въ ботаникѣ и минералогіи, наконецъ въ анатоміи и физіологіи.

§ 4. По томъ въ академіи должно быть: 1) математику, 2) астроному, 3) физику, 4) механику, 5) зоологу, 6) ботанику, 7) минералогу, 8) химику, 9) анатомику и вмѣстѣ физіологу.

§ 5. Поелику для многоразличныхъ изслѣдованій въ природѣ могутъ понадобиться академики для посылокъ въ отдаленныя области нашей имперіи, то дабы академія никогда не оставалась безъ ученыхъ людей, нужнымъ находимъ, чтобы при академіи въ нѣкоторыхъ наукахъ было по два, а въ другихъ по три члена.

§ 6. Изъ нихъ ни одинъ не долженъ вступать въ академію прямо академикомъ, кромѣ великихъ Бургавовъ, Альбиновъ, Линнеевъ, и проч., а всякій другой вступаетъ только адъюнктомъ по балотированію, въ которомъ если бы одинъ шаръ случился неизбирательный, то академія приступаетъ къ испытанію кандидата въ его знаніяхъ, которыя если удостоенный въ адъюнкты докажетъ еще шестью сочиненіями или диссертаціями, достойными актовъ академіи, то министръ и собраніе производятъ его въ академики, оставляя на адъюнктскомъ жалованьѣ, которое можетъ онъ увеличить, преподавая наставленія въ университетѣ.

§ 7. Въ собраніяхъ академіи, академики, равно какъ и адъюнкты, читаютъ свои сочиненія, которыя помѣщаются въ актахъ академіи; такимъ образомъ адъюнкты тоже дѣлаютъ, что и академики; слѣдовательно они суть настоящіе члены академіи и во всѣхъ сужденіяхъ имѣютъ голосъ съ академиками.

§ 8. Польза нашего государства и слава академіи требуютъ, чтобы она состояла изъ собственныхъ нашихъ подданныхъ, и такъ надлежитъ быть при ней училищу, въ которомъ бы обучались и приготовляемы были воспитанники въ званіе адъюнктовъ, а потому и возлагаемъ на министра народнаго просвѣщенія возстановить академическую гимназію и университетъ и содержать оные въ томъ точно порядкѣ, какой предписанъ регламентомъ прабабы нашей императрицы Елисаветы I.

§ 9. Гимназія и университетъ состоять должны въ полномъ вѣдѣніи и надзираніи цѣлой академіи, то есть: всѣхъ ея членовъ безъ исключенія, дабы каждый членъ по своей наукѣ успѣхи воспитанниковъ видѣть и способнѣйшихъ могъ назначать къ отправленію въ иностранные университеты для усовершенствованія ихъ въ званіе адъюнктовъ. Самая же академія, съ вѣдома министра или своего попечителя, ежегодно избирать будетъ троихъ старѣйшинъ изъ россійскихъ своихъ членовъ, которые составятъ комитетъ, и за всѣми по академіи экономическими дѣлами рачительно смотрѣть и министра увѣдомлять должны. Особенному ихъ смо-

трѣнію препоручается типографія и книжная лавка, отъ которыхъ академія имѣетъ свои доходы.

§ 10. Разныя науки различныхъ требуютъ пособій; потому возлагаемъ на министра, чтобъ астрономы имѣли порядочную обсерваторію, физики—физическій кабинетъ, химики—лабораторію, зоологи и минералоги—собранія естественныхъ произведеній, ботаники—обильный растеніями садъ, механики—свою мастерскую, и наконецъ анатомики — свой анатомическій театръ.

§ 11. Академія будетъ по прежнему продолжать изданіе своихъ сочиненій подъ названіемъ актовъ, на языкахъ латинскомъ и россійскомъ, не употребляя отнюдь ни французскаго, ни нѣмецкаго языка, какъ ивъ прежнемъ регламентѣ академіи запрещено сіе было; потому что на сихъ языкахъ уже многіе миліоны книгъ написаны и вновь ежегодно прибавляются, а на россійскомъ языкѣ еще недостаетъ и самыхъ нужныхъ твореній; латинскій же языкъ былъ и будетъ всеобщимъ ученыхъ языкомъ, для взаимнаго ихъ разумѣнія. Сверхъ того академія главнѣйшую пользу трудами своими доставлять должна своему отечеству, потому академики и адъюнкты изъ природныхъ россіянъ наиболѣе стараться должны, чтобъ какъ собственныя свои открытія, такъ и изъ чужестранныхъ сочиненій почерпнутыя изобрѣтенія, сообщать своимъ соотечественникамъ на природномъ ихъ языкѣ.

§ 12. Академіи предоставляется прежнее право задавать на рѣшеніе ученыхъ задачи изъ математическихъ и физическихъ наукъ, взятыхъ во всемъ ихъ пространствѣ, то есть: относя къ первымъ высшую математику, механику, оптику и астрономію; а ко вторымъ—химію, натуральную исторію вообще, анатомію и физіологію; за рѣшеніе таковой задачи назначается сто червонныхъ или равноцѣнная золотая медаль.

§ 13. Академія собственнымъ своимъ избраніемъ удостоиваетъ въ адъюнкты, академики, почетные члены и корреспонденты, также въ ректоры, въ профессоры, учители и надзиратели въ академическіе университетъ и гимназію, предваривъ о томъ своего министра; другихъ же служителей, нужныхъ по академіи, изби-

раетъ комитетъ, состоящій изъ помянутыхъ трехъ старѣйшинъ, съ согласія на то министра.

§ 14. Когда кто изъ членовъ академіи выбудетъ, то она не обязывается немедленно принимать другаго на его мѣсто, но употребляетъ должное время и вниманіе, чтобъ замѣнить его достойнымъ. При равномъ достоинствѣ природный россіянинъ предпочитается чужестранцу. Потому о всякомъ упразднившемся мѣстѣ будетъ предварительно обнародовано въ россійскихъ вѣдомостяхъ, дабы почитающіе себя способными могли прислать сочиненія и лично предстать къ испытанію академіи.

§ 15. Академія имѣетъ право требовать отъ другихъ училищъ, какъ то: университетовъ, семинарій и пр., такихъ воспитанниковъ, которыхъ способности сдѣлаются ей извѣстны, и съ согласія ихъ начальствъ принимать къ себѣ, по должномъ испытаніи, въ студенты и потомъ въ адъюнкты.

§ 16. Переписку какъ иностранную, такъ и внутреннюю по ученымъ дѣламъ, со всѣми мѣстами и особами, ведетъ ученый секретарь, котораго избираетъ академія изъ своихъ членовъ на неопредѣленное время. Онъ въ собраніяхъ академіи пишетъ протоколы, изъ которыхъ извлекаетъ исторію академіи для ея актовъ, и печется объ исправномъ изданіи оныхъ. Въ вѣдѣніи своемъ имѣетъ онъ архиварія, переводчика и писца. Съ согласія членовъ академіи отвѣтствуетъ на приходящія въ оную письма, и какъ содержаніе ихъ, такъ и отвѣты свои вноситъ въ протоколъ.

§ 17. Мнѣнія, предложенія и разсужденія членовъ, которыя въ протоколѣ помѣстить они заблагоразсудятъ, секретарь долженъ вносить вѣрно и обстоятельно, ничего не умалчивая и не прикладывая; а если бы то и другое сдѣлалъ онъ умышленно, въ такомъ случаѣ собраніе можетъ его отъ секретарской должности отрѣшить, и на мѣсто его выбрать другаго.

§ 18. Академики и адъюнкты должны представлять въ собраніяхъ академіи свои собственныя сочиненія, каждый по своей наукѣ. Не назначается время и очередь къ представленію ихъ со-

чиненій; а чѣмъ болѣе кто оныхъ представитъ, тѣмъ отличнѣе будетъ въ своемъ сообществѣ, и оный, по прошествіи трехъ годовъ, сверхъ своего жалованья, получитъ въ награжденіе пять сотъ рублей. Изъ нихъ желающіе обучать въ академическомъ университетѣ предпочтены быть должны всѣмъ постороннимъ профессорамъ, и сверхъ своего жалованья получаютъ все то, что по академическому университету за какую науку положено.

§ 19. Извѣстно изъ многихъ опытовъ, что порученные академикамъ воспитанники академической гимназіи и университета, вмѣсто того, чтобъ научиться отъ нихъ одной своей наукѣ въ кратчайшее время, препроводили при нихъ многіе годы, и при всѣхъ своихъ къ наукамъ способностяхъ, не только великихъ, но ниже посредственныхъ успѣховъ не сдѣлали (чему и нынѣ есть въ академіи очевидный примѣръ). Потому академикамъ воспитанниковъ для обученія, какъ донынѣ велося, препоручать болѣе не должно; а несравненно полезнѣе обучившихся въ академическомъ университетѣ и надежныхъ для академіи отправлять въ иностранные университеты, въ которыхъ почти всѣ россійскіе адъюнкты и академики, которые въ здѣшней академіи были и теперь находятся, пріобрѣли свои знанія, и удостоились быть членами оныя.

§ 20. Сверхъ того, поелику академія есть такое собраніе ученыхъ людей, которыхъ верховное правительство назначать и употреблять можетъ въ разныя посылки для наблюденій, изслѣдованій и описаній разнаго рода предметовъ,—чѣмъ главнѣйшую академія приносить можетъ пользу; то когда академикъ или адъюнктъ отправляются въ посылку, можно послать съ ними воспитанника академическаго университета, для его усовершенствованія въ той наукѣ, которая будетъ цѣлью ихъ отправленія.

§ 21. Возстановляя университетъ при академіи, приводя въ лучшее состояніе заведенные въ государствѣ нашемъ университеты и учреждая новые, ласкаемся Мы надеждою, что училища оныя произведутъ такихъ людей, которые познаніямъ своимъ удостоятся быть въ академіи адъюнктами и академиками, ей останется дѣлать изъ нихъ хорошій только выборъ, въ которомъ фи-

зики первенствуютъ по физическимъ, а математики—по математическимъ наукамъ.

§ 22. Въ выборѣ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ соблюдать должно, чтобъ физиками избираемы были физики, а математиками математики и пр. Почетными членами и корреспондентами могутъ быть какъ россіяне, такъ и иностранные. По сочиненіямъ сихъ членовъ и по свѣдѣніямъ и присылкамъ, отъ корреспондентовъ доставляемымъ, академія безпристрастно должна разсматривать, которымъ изъ нихъ пенсію, въ 200 рубляхъ состоящую, ежегодно производить будетъ надобно; каковыхъ пенсіонеровъ полагается токмо десять. Всякій почетный членъ и корреспондентъ, какъ россійскій, такъ и иностранный, въ собраніяхъ академіи присутствовать иначе не можетъ, какъ съ согласія всей академіи.

§ 23. Обыкновенныхъ собраній академія имѣетъ два въ недѣлѣ, по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 10-ти часовъ утра до полудня и далѣе, ежели въ томъ будетъ надобность. Что въ сихъ собраніяхъ происходить будетъ въ теченіе года, то сокращенно предложено быть долженствуетъ въ одномъ публичномъ собраніи, для котораго назначаетъ день попечитель академіи. Въ семъ собраніи академія должна отдавать отчетъ публикѣ въ своихъ упражненіяхъ и обнародовать рѣшенія на задачи, ей присланныя. Отъ сихъ собраній удалена быть должна всякая пышность, какъ неприличная ученымъ обществамъ. Кромѣ обыкновенныхъ собраній можетъ случиться надобность и въ чрезвычайныхъ собраніяхъ, о причинѣ которыхъ напередъ извѣщаетъ секретарь всѣхъ членовъ академіи, и они должны собраться.

§ 24. По примѣру всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, академія отъ дѣлъ своихъ будетъ имѣть отдохновеніе съ 15-го числа іюля по 15-е августа; на сіе время собранія ея останавливаются, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ сбираются члены ея, какъ выше сказано.

§ 25. Споспѣшествуя академіи въ распространеніи человѣческихъ познаній, позволяемъ ей сноситься со всѣми начальствами

въ нашемъ государствѣ *сообщеніями*, выключая святѣйшій правительствующій синодъ и правительствующій сенатъ, въ разсужденіи свѣдѣній, какія понадобятся ей по наукамъ, повелѣвая онымъ начальствамъ удовлетворять академіи, сколько могутъ, своими отвѣтами. Отношенія ея къ начальствамъ, внѣ столицы находящимся, освобождаются отъ платежа почтовыхъ сборовъ, равнымъ образомъ и всѣ письма и посылки, въ оную отправляемыя, повелѣваемъ принимать на почтахъ безденежно и за провозъ съ академіи платы не требовать.

§ 26. Отъ пособій начальствъ, во всей нашей имперіи учрежденныхъ, будетъ имѣть приращеніе наша кунсткамера, въ которую повелѣваемъ онымъ начальствамъ присылать все рѣдкое изъ трехъ царствъ природы, поручая оную въ смотрѣніе натуралисту. Пособіемъ тѣхъ же начальствъ распространенъ быть можетъ при академіи ботаническій садъ, когда ей присылаемы будутъ сѣмена, отрасли и корни произрастеній, свойственныхъ разнымъ климатамъ нашей имперіи. Надъ садомъ смотрѣніе имѣть долженъ ботаникъ. Съ пріумноженіемъ естественныхъ произведеній въ кунсткамерѣ, для помѣщенія ихъ и для преподаванія наставленій въ зоологіи и минералогіи понадобится въ ней болѣе мѣста, потому библіотеку, которая въ одномъ зданіи съ собраніемъ естественныхъ вещей нынѣ находится, повелѣваемъ отъ онаго отдѣлить и помѣстить въ другомъ зданіи, дабы въ пожарномъ случаѣ не всѣ драгоцѣнности вдругъ погибнуть могли. Библіотека поручается одному изъ членовъ академіи, по ея выбору, который долженъ всякія книги выдавать академикамъ и адъюнктамъ подъ росписку.

§ 27. Всѣмъ академикамъ, адъюнктамъ, почетнымъ членамъ и корреспондентамъ давать дипломы за подписаніемъ попечителя и ученаго секретаря, съ приложеніемъ обыкновенной академической печати. Постановляемъ притомъ, чтобъ каждый членъ, со вступленія своего въ академики, а адъюнкты по удостоенію въ сіе званіе, имѣли государственные чины, первые шестаго, а другіе седьмаго класса, и потомъ бы далѣе производимы были на ряду

со всѣми прочими чиновниками, въ статской службѣ находящимися. Воспитанники же излишніе для академіи, по одобренію ея, принимаемы будутъ въ нашу службу съ тѣми оберъ-офицерскими чинами, которыхъ академія свидѣтельствомъ своимъ ихъ удостоитъ, а если бы академіи понадобилось кого нибудь изъ воспитанниковъ отправить въ путешествіе по Россіи для какихъ либо изслѣдованій съ академикомъ или адъюнктомъ, въ такомъ случаѣ представляетъ академія попечителю, а онъ Намъ, какимъ кто чиномъ изъ воспитанниковъ ободренъ быть долженъ; но воспитанники, которые отъ академіи отправляемы будутъ въ чужія государства, предназначаются въ адъюнкты, и слѣдовательно, когда академія удостоитъ ихъ сего званія, получаютъ чинъ седьмаго класса; въ противномъ же случаѣ выходятъ изъ академіи на основаніи ея воспитанниковъ, о коихъ сказано выше. Освобождаемъ отъ постоевъ собственные домы академиковъ распростирая сіе облегченіе на ихъ вдовъ и сиротъ. Оставляемъ на пенсіи служившимъ при ней въ разныхъ должностяхъ людямъ проценты отъ семидесяти тысячъ рублей, въ санкпетербургскомъ воспитательномъ домѣ находящихся. Оставляемъ академіи всѣ ея доходы отъ типографіи и книжной лавки, отъ продажи вѣдомостей, календарей и пр. на употребленіе въ ея пользу и на ежегодное ободреніе чиновниковъ и служителей за ревностные труды, повелѣвая комитету сноситься въ томъ съ собраніемъ академіи; и наконецъ академикамъ, прослужившимъ двадцать лѣтъ, равно какъ и адъюнктамъ, повелѣваемъ производить въ пенсію полное ихъ жалованье, когда бы они по какимъ либо основательнымъ причинамъ въ академіи служить болѣе не пожелали.

§ 28. Въ награжденіе академиковъ, адъюнктовъ и ими одобренныхъ людей, разныя должности по академіи отправлявшихъ, призираемъ мы и ихъ потомство, опредѣляя умершихъ академиковъ, сколько бы времени при академіи они ни прослужили, вдовамъ половинное мужей ихъ жалованье, до новаго ихъ замужества, если бы когда нибуть сіе случилось; а дѣтямъ мужескаго пола—до опредѣленія къ должности или въ государственное воспитатель-

ное заведеніе, женскаго жъ—до вступленія въ бракъ. Тѣмъ же самымъ ободряемъ и другихъ чиновниковъ, двадцать пять лѣтъ при академіи прослужившихъ, которыхъ потомство академія удостоитъ пенсіи, которую всѣмъ имъ производитъ изъ статной суммы.

Съ сего времени академія съ своею гимназіею и университетомъ жалованье въ годъ получать будетъ по сту по пятидесяти тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства, откуда выдачу онаго производить ей каждые два мѣсяца.

§ 29. Въ заключеніе сего устава объявляемъ наше желаніе и вмѣстѣ надѣемся, что преемники наши, съ равнымъ къ имперіи нашей доброжелательствомъ, оставятъ академію наукъ при сихъ правахъ и преимуществахъ, которыя мы ей жалуемъ.

14) Историческое обозрѣніе трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1864 года академикомъ К. С. Веселовскимъ. 1865, стр. 40.

15) Дѣла архива конференіи академіи наукъ. Картонъ № 20. Помѣщаемый планъ читанъ въ конференціи 2 ноября 1803 года.

Plan de l'ouvrage périodique que l'Académie se propose de publier conformement à l'article 9me du nouveau Reglement.

Quand on jette un coup d'oeil sur les collections des mémoires de celles d'entre les académies et sociétés des sciences qui ont pris naissance vers la fin du dixseptième siècle et au commencement du siècle passé, et que de là on tourne son regard vers les progrès si marqués de la culture des sciences et de la propagation des lumières, on ne sçaurait guères y méconnaître l'influence heureuse et réciproque des associations savantes sur l'esprit du temps et de l'esprit du temps sur les associations savantes. Cette action et réaction se manifeste d'un côté dans l'étendue du terrain que les sciences ont gagné et dans le plus grand nombre de ceux qui les cultivent; de l'autre côté dans le choix des objets des recherches scientifiques, et jusque dans la

manière de les voir et de les traiter, qui, depuis que les sciences ne sont plus exclusivement l'occupation des savans de profession, ont subi des modifications sensibles dans le fond et dans la forme, et souffert des changemens amenés par la tendance toujours plus marquée de s'accommoder aux besoins du temps et au desir de s'instruire que témoignait un public cultivé et avide d'instruction.

Dans les premiers temps qui suivirent la fondation de ces institutions savantes et qui favorisèrent particulièrement l'étude des sciences mathématiques et physiques, étude qui, par sa nature, n'est ni à la portée, ni, par conséquent, du goût du grand nombre, cette influence ne pouvait pas, à la vérité, être bien sensible. Fidèles au but primitif de leur institution qui fut le perfectionnement des sciences exactes, et uniquement occupées pendant longtemps à poursuivre les nouvelles routes, ouvertes au génie inventeur, par les nombreuses découvertes qui venaient de changer la face et d'ajouter de nouvelles branches à ces sciences. Les académies ne purent guères alors influer sensiblement sur le grand public; leurs travaux n'étaient connus que des seuls savans de profession qui seuls aussi étaient en état d'en profiter et de les apprécier, tandis que le grand nombre ne vit dans ces occupations que des spéculations stériles de théorie, ignorant combien plusieurs de ces spéculations avaient été susceptibles d'applications heureuses, et combien elles avaient contribué à l'utilité pratique et au perfectionnement des arts mécaniques.

Cette erreur était pardonnable, mais elle ne laissait pas de faire un tort réel aux académies, en retrécissant la sphère de leur activité, par là même que leur utilité était méconnue. Aussi les formes qu'elles observaient dans la publication de leurs mémoires, lesquels, en embrassant toute l'étendue du domaine des sciences, composent des suites nombreuses de gros volumes, contribuèrent à isoler les académies au milieu d'un public non moins disposé a recevoir l'instruction que préparé à la mettre à son profit.

Mais peu-à-peu ces mêmes sociétés savantes s'appliquèrent à

populariser les sciences, en les dépouillant de tout ce qu'elles pouvaient avoir de trop rebutant pour un public mélé qui n'est pas composé uniquement de savans. On commença à mettre plus à la portée de tout le monde les recherches scientifiques qui en étaient susceptibles; à leur donner plus d'intérêt par des applications fréquentes aux arts et métiers; et à présenter sous différentes formes les résultats fructueux du calcul, de l'observation et de l'expérience, fruits des recherches théorétiques. Almanacs, gazettes, journaux, tout fut mis en usage pour mettre le public dans les intérêts des sciences, pour l'éclairer sur leur utilité réelle et pour les lui rendre chères, en les faisant tourner le plus directement possible au bien général.

C'est depuis ce temps-là que plus instruit sur le véritable bien que les sciences peuvent procurer à l'état où elles fleurissent, et sur le but et l'utilité des académies et sociétés savantes, le public a commencé à leur rendre plus de justice. Mieux en état d'apprécier leurs travaux du moment qu'elles leur ont donné un but et une publicité plus à sa portée, il profite des applications pratiques qu'elles lui offrent, et leur passe les recherches purement speculatives en faveur de celles qu'il peut convertir immédiatement à son profit.

Or si d'un côté on doit convenir que sans une utilité pratique quelconque les sciences ne seraient qu'un luxe d'esprit, il ne faut pas oublier que de l'autre côté une pratique qui n'est point éclairée par le flambeau de la théorie, ne marche qu'en tâtonnant et conduit à un empirisme qui dans les arts n'est guères plus recommandable que l'empirisme en fait de médecine. Le premier opère quelquesfois des inventions et l'autre des cures, mais ces succès fortuits sont d'ordinaire achetés au prix de mille tentatives manquées. Il faut surtout se garder de taxer legèrement de sterilité les spéculations théorétiques dont on ne voit pas d'abord résulter une application fructueuse. Car combien de fois des recherches analytiques — en apparence les plus oiseuses — telles par exemple que l'inté-

gration d'une formule ou équation différentielle, la rectification ou la quadrature d'une ligne courbe, la sommation ou reversion d'une série, et d'autres, n'ont elles pas frayé la route à la solution des problèmes les plus importans de la mécanique, de l'hydraulique, de la navigation ou de l'astronomie? combien de fois la découverte d'une nouvelle propriété de quelque corps organisé ou non-organisé, de quelque fluide aëriforme; celle d'une nouvelle application, direction ou modification des forces motrices, n'a-t-elle pas conduit aux avantages techniques les plus précieux?

Quiconque se met à parcourir l'histoire des progrès des sciences et des arts y trouvera sans peine cent exemples qui prouvent ce qui vient d'être avancé, et conviendra que de pareilles considérations doivent engager les académies à continuer de s'occuper de la double tâche de cultiver les connaissances pratiques qui conduisent au perfectionnement des arts, en même tems que celles qui mènent au perfectionnement des sciences mathématiques et physiques, sans lesquelles la route la plus sûre pour arriver aux premières est fermée et ne laisse libres que de sentiers tortueux difficiles et incertains.

L'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg qui a eu constamment en vue la combinaison de ces deux tâches vient d'y être engagée plus formellement, par le nouveau reglément que Sa Majesté l'Empéreur a daigné trèsgracieusement lui donner. Persuadé de l'utilité des recherches théorétique l'auguste protecteur des sciences ordonne expressément à son académie de continuer à en donner un volume par an; mais Il lui a préscrit en même temps de publier en langue russe un volume de mémoires propres, par leur utilité pratique, à intéresser le public.

Conformement à cette volonté suprème, qui authorise et ennoblit la combinaison de deux tâches mentionnées, l'académie a arrêté le plan suivant pour la publication de ce recueil:

I.

L'ouvrage sera périodique et paraîtra, à des epoques fixées ci-dessous, en langue russe, sous le tître:

Journal technologique
ou
Recueil de mémoires
et notices
concernant la technologie
et
l'application des découvertes
faites dans les sciences
à un usage pratique quelconque
ouvrage périodique
publié par l'Académie Impériale
des Sciences.

II.

Le principal but de cet ouvrage étant de répandre la connaissance de toutes les applications utiles de la Mécanique, de l'Hydraulique, de la Physique, de la Chymie, de la Minéralogie, de la Botanique et de la Zoologie, en tant que ces sciences, qui ont été de tout temps l'objet des recherches de l'académie, peuvent contribuer au perfectionnement des fabriques et manufactures, de l'économie rurale et forestière, des mines et fondéries, des arts et métiers: ce recueil sera destiné particulièrement à recevoir des mémoires concernans la Technologie proprement dite, et les mémoires en seront le fonds principal.

III.

Mais comme il peut se présenter quantité de découvertes et d'inventions qui, sans être dans un rapport directe avec la Technologie, peuvent intéresser et instruire un puclic cultivé, afin d'augmenter l'utilité de cet ouvrage et le rendre instructif pour un plus grand nombre de lecteurs et pour des personnes de tous les états et de toutes les vocations: on y fera entrer aussi d'autres notices et mémoires, relatifs à d'autres objets, lorsqu'ils se-

ront jugés propres à répondre des notions utiles, à éclaircir ou expliquer des faits et des phénomènes curieux.

IV.

Il en paraitra un cahier de dix à douze feuilles tous les trois mois, de sorte que les quatre numéros de l'année formeront un volume de quarante à quarante huit feuilles grand in 8°.

V.

Les articles de chaque cahier seront divisés en six chefs qui contiendront:

1°) Des mémoires originaux présentés à l'académie par les académiciens et adjoints, par les membres honoraires et les correspondans.

2°) Des mémoires technologiques les plus intéressans pour la Russie, tirés des meilleurs journaux étrangers et traduits en russe.

3°) Des analyses et des extraits des meilleurs ouvrages systématiques qui ont parus sur la Technologie, ou une de ses branches, chez les nations le plus éclairées et les plus industrieuses de l'Europe.

4°) Des descriptions courtes, mais claires et précises de nouvelles machines, instrumens, outils, de nouveaux procédés, de manipulations, préparations nouvelles, relatives aux arts et métiers.

5°) Des courtes notices de nouvelles observations, expériences et découvertes dans toutes le sciences en général, en tant qu'elles pouvait intéresser le public et lui être présentées d'une manière lumineuse.

6°) Des nouvelles littéraires et autres, comme annonce des livres nouveaux les plus importans, des questions proposées, des prix remportés, des établissemens nouveaux et des nouvelles entreprises faites en faveur des sciences et des arts, des ordonnances concernant les fabriques et manufactures, le commerce et l'industrie nationales.

VI.

Chaque cahier sera accompagné des figures gravées nécessaires pour l'explication et l'intelligence des machines, instrumens, outils, appareils et autres objets dont on y donne la description et dont y explique l'usage.

VII.

Chaque cahier sera pourvu aussi d'un table des matières; et à la fin du quatrième numéro suivra, pour la commodité des lecteurs, un registre pour le volume entier.

VIII.

Le prix sera invariable et le même pour chaque numéro, et les cahiers se distribueront, à la fin de chaque trimestre, numérotés et brochés, à tous les amateurs qui ne les demanderont pas expressément en feuilles.

IX.

Le premier numéro destiné pour le premier trimestre de l'année prochaine paraîtra vers la fin du mois de mars 1804.

Afin de mettre dans la publication de ce journal tout l'ordre et l'exactitude possibles, l'académie prendra les arrangemens suivans:

1°) Tous les académiciens sont invités à coopérer à ce journal, en présentant des mémoires, observations, notices et autres articles qui par leur objet répondent au but et au plan de cet ouvrage.

2°) La conférence fera traduire, par son translateur, les articles qui lui auront été présentés dans cette vue en latin, français ou allemand.

3°) Elle fera circuler parmi les académiciens et adjoints plusieurs ouvrages périodiques et autres relatifs à la technologie. Chacun indiquera à la conférence les articles qui lui auront

paru propres à occuper une place dans le journal de l'académie, et la conférence les fera traduire par son translateur, à moins que l'importance du sujet, les difficultés de le bien traduire sans des connaissances scientifiques suffisantes, ou d'autres considérations ne l'engagent à en charger l'académicien ou l'adjoint qui lui paraîtra le plus propre à remplir cette tâche.

4°) La conférence nommera un académicien pour être le rédacteur de ce journal.

5°) Tous les mémoires originaux, traductions, extraits, notices et autres articles propres à entrer dans ce journal, qui auront été présentés à la conférence, seront remis à ce rédacteur.

6°) Le rédacteur fera choix des pièces qui doivent être insérées dans chaque cahier, et il en présentera la liste à la conférence dans les premiers jours du trimestre à la fin duquel le cahier doit paraître.

7°) Cette liste ayant été approuvé par la conférence, le rédacteur peut en ordonner l'impression et faire graver les planches sans formalité ultérieure.

3°) La presse et les imprimeurs déstinés à l'impression du journal, de même que le graveur qui entaillera les figures, ne doivent pas être employés à d'autres ouvrages, tant que dure l'impression d'un cahier, afin qu'il n'y ait jamais de retardement à craindre et que chaque cahier puisse paraître au terme fixé.

9°) Chaque auteur ou traducteur corrigera les premières épreuves, afin de soulager le rédacteur et avoir la facilité d'y faire les changemens, additions et corrections qui lui paraîtront nécessaires. Mais le rédacteur révisera les dernières épreuves, à cause des renvois aux figures et du coup d'oeuil de l'ensemble.

16) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Отношенія Новосильцова къ министру Завадовскому.

17) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы конференціи 1803 года. № 43. Собраніе 14 августа 1803 года.

Мы привели рѣчь Новосильцова въ томъ видѣ, какъ находится она въ рукописномъ протоколѣ академической конференціи. Тамъ помѣщена она и на русскомъ и на французскомъ языкѣ, texte en regard; протоколы конференціи велись тогда на французскомъ языкѣ. Такъ какъ въ протоколѣ не сказано, на какомъ языкѣ Новосильцовъ говорилъ свою рѣчь, то мы приводимъ и французскій текстъ:

Avant de passer à la lecture du journal, permettez moi, honorables collègues, que je vous annonce avec les sentimens de la plus vive joie la grace suprème que sa majesté impériale vient d'accorder à cette académie. L'action glorieuse de notre monarque, dont je m'empresse de vous donner connaissance, en affermissant cet antique et fameux temple érigé aux sciences en Russie sur des fondemens immuables et conformes à sa sublime destination, va vous offrir de nouveaux moyens de devenir utiles à la patrie, de nouvelles voies pour atteindre le plus haut dégré de perfection et de gloire et pour temoigner par là même votre reconnaissance d'une manière digne de votre grand reformateur.

Etranger au principe pernicieux qui, à la honte des derniers tems, a préféré un sombre fantôme aux progrès des sciences et des arts, qui a fermé tous les chemins à la propagation des lumières; persuadé que la connaissance des vérités dans leur ordre naturel et dans leur liaison mutuelle, unique objet de toutes les sciences, enrichit et orne l'esprit, élève l'âme, le sentiment et la vertu de l'homme; et qu'éclairé sur ses propres intérêts il est forcé d'obéir aux lois, d'aimer la patrie, d'être sujet fidèle et bon citoyen — persuadé de tout cela notre sage monarque traça ce plan de l'instruction nationale qui sera à jamais mémorable dans l'histoire de l'empire de Russie. Peu de tems après, porté par une impulsion de sa grande âme, il a tourné son attention vers la source principale de cette instruction, vers l'académie impériale des sciences; il a examiné son reglement, mesuré la sphère de son activité, calculé les moyens qui lui étaient accordés, pénétré ses besoins, comparé son état actuel avec les circonstances

du tems, et l'a enfin confirmée, réorganisée, relevée par un acte solemnel qui porte l'empreinte de sa générosité sans exemple.

Comblés ainsi des bienfaits du monarque, élançons nous, membres honorables, avec des forces réunis, avec une même âme, un même coeur, dans la carrière qui est devant nous, et efforçons nous de justifier à la face de nos concitoyens et du monde entier l'attente de notre auguste souverain et de la patrie.

18) Собраніе актовъ торжественнаго засѣданія императорской санктпетербургской академіи наукъ, бывшаго по случаю празднованія столѣтняго ея существованія 29 декабря 1826 года. 1827. стр. 30.

19) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 231, дѣла № 10.970. Представленіе академиковъ: Озерецковскаго, Шуберта и Фусса, 25 февраля 1815 года.

20) Историческое обозрѣніе трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи. К. С. Веселовскаго. 1865. стр. 29—30.

21) Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ, сочиненное А. Шторхомъ и Ф. Аделунгомъ. Часть первая. 1810. Россійская литература, собранная императорской академіи наукъ дѣйствительнымъ академикомъ, ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ наставниковъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Андреемъ Шторхомъ.

22) Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой. Я. К. Грота. Печатано по распоряженію Совѣта русскаго историческаго общества, стр. 3—4.

23) Рукописныя записки собраній россійской академіи. Собраніе 10 января 1797 года, ст. II.

24) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ №I, дѣла № 36,723. Журналы и опредѣленія коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ; № 5, журналъ 27 февраля 1787 года. Приложеніе. Планъ учрежденію въ Россіи университетовъ. Предварительное разсужденіе о народномъ въ Россіи просвѣщеніи.

25) Вѣстникъ Европы. 1803. № 5, стр. 49—50.

26) Gervinus: Geschichte des XIX jahrhunderts. 1856. T. II, стр. 702—704 и др.

27) Вѣстникъ Европы. 1803. № 8. О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей, стр. 317—326.

28) Вѣстникъ Европы. 1803. № 5. стр. 57—58.

29) Трактатъ о политической естетикѣ и приложеніи оной къ разнымъ общенароднымъ предметамъ. Россійское сочиненіе. 1814.

30) Вѣстникъ Европы. 1803. № 8, стр. 322.

31) Что такое классическая филологія? І. Фр. Авг. Вольфа. Очеркъ науки древности. Переводъ съ нѣмецкаго И. Помяловскаго, 1877. Профессоръ Помяловскій говоритъ: «Многимъ можетъ показаться страннымъ, что мы выбрали сочиненіе, появившееся въ началѣ нынѣшняго вѣка, для отвѣта на вопросъ современности. Но, разсматривая статью Вольфа съ точки зрѣнія современной науки, прилагая къ ней требованія нашего времени, мы съ изумленіемъ видимъ, что въ общемъ она вполнѣ подходитъ подъ первую, и отвѣчаетъ послѣднимъ. Такова сила геніальнаго ума великаго основателя новой филологіи, опередившаго на много свою современность. Значеніе статьи Вольфа, сразу поставившей филологію въ рядъ наукъ, давшей ей опредѣленныя границы, указавшей ея цѣли — неизмѣримо велико. Еще бо̀льшимъ должно оно показаться тому, кто хотя нѣсколько знакомъ съ тѣмъ состояніемъ нашей науки, въ которомъ мы находимъ ее на западѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Статья Вольфа произвела въ ней радикальный переворотъ, давши ей совершенно иное направленіе, слѣдуя которому филологія, въ лицѣ великихъ послѣдователей геніальнаго учителя, дошла до настоящаго процвѣтанія. Ознакомить русскихъ читателей съ такимъ произведеніемъ казалось намъ далеко не безполезнымъ, особенно въ настоящее время».

32) Іоаннъ Дамаскинъ. Графа А. К. Толстаго. М. 1859. стр. 15.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 6.

НА ПАМЯТЬ

О

БОДЯНСКОМЪ, ГРИГОРОВИЧѢ И ПРЕЙСѢ,

ПЕРВЫХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЯХЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Іюнь 1878 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

НА ПАМЯТЬ

ОБЪ О. М. БОДЯНСКОМЪ, В. И. ГРИГОРОВИЧѢ И П. И. ПРЕЙСѢ.

ПЕРВЫХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЯХЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Почти одновременно Академія Наукъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русская научная литература лишились двухъ замѣчательныхъ сподвижниковъ ихъ дѣятельности, достойныхъ благодарной памяти современниковъ и потомства: 19 декабря 1876 г. скончался В. И. Григоровичь, а 6 сентября 1877 г. О. М. Бодянскій.

Какъ ни различны стали направленія ихъ занятій въ послѣдніе годы ихъ жизни и ожиданія людей науки отъ трудовъ каждаго изъ нихъ, многое заставляло всегда смотрѣть на нихъ, какъ на сподвижниковъ, идущихъ къ одной цѣли. Такими сподвижниками они показали себя съ перваго выступленія на путь научныхъ работъ.

Въ тѣ давно прошлые годы, когда они начали работать оба какъ люди молодые, былъ у нихъ и еще сподвижникъ шедшій по одному пути съ ними, не менѣе ихъ надежный и потому съ самаго начала дѣятельности привлекшій на себя уважительное вниманіе,— П. И. Прейсъ. Его давно не стало: онъ скончался 11 мая 1846 года.

Остается еще одинъ, послѣдній изъ этого случайно образовавшагося товарищества: на долю его досталось быть свидѣтелемъ передъ новыми поколѣніями о томъ, чѣмъ были въ своей дѣятельности его бывшіе сотоварищи. И онъ исполняетъ эту обязанность тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ, что не можетъ не чтить ихъ заслугъ независимо отъ всякихъ случайностей сближенія, какъ соучастниковъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, не только первыхъ по времени, но и сильныхъ рвеніемъ.

---

26 іюля 1835 года утвержденъ былъ тотъ новый уставъ Русскихъ университетовъ, который, введши очень много новаго въ строѣ университетскаго научнаго быта, въ ряду другихъ новооткрытыхъ каѳедръ далъ мѣсто и каѳедрѣ Славянской филологіи, или, какъ въ уставѣ было названо, исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій. Тѣ, которые понимали нужды Русской науки, не могли не сознавать важности этой каѳедры, тѣмъ болѣе, что нѣсколько замѣчательныхъ Русскихъ дѣятелей своимъ личнымъ усердіемъ въ разработкѣ нѣкоторыхъ важныхъ задачъ Славянской филологіи въ связи съ задачами собственно Русской филологіи и археологіи уже успѣли доказать необходимость сравнительнаго изслѣдованія всего народно-Русскаго съ народно-Славянскимъ западнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указать на кое-что очень занимательное въ западномъ Славянствѣ по словесности, народной и письменной, по научной дѣятельности, и проч. Ученыхъ, приготовленныхъ къ занятію этой новой каѳедры, не было, и потому министерство народнаго просвѣщенія предложило университетамъ выбрать молодыхъ людей, для этого пригодныхъ, и дать имъ средства приготовиться къ исполненію обязанности. Три университета, Московскій, Харьковскій и Петербургскій, а позже и еще одинъ, Казанскій, нашли возможность исполнить это предложеніе, и четыре молодыхъ труженика вышли на новый путь.

Двое изъ нихъ, послѣ домашняго свободнаго приготовленія, начали свои занятія прямо путешествіемъ по Славянскимъ зем-

лямъ. Двое другихъ нашли болѣе выгоднымъ, начать обязательныя занятія въ самой Россіи и затѣмъ уже отправиться въ западныя Славянскія земли. Одинъ изъ первыхъ двухъ былъ О. И. Бодянскій; двое другихъ были: П. И. Прейсъ и В. И. Григоровичъ.

Я начну воспоминаніями объ этихъ двухъ какъ о ранѣе другихъ окончившихъ посѣщенія университетскихъ аудиторій.

I.

Петръ Ивановичъ Прейсъ родился въ 1810 году. Рано лишившись отца, бывшаго учителемъ музыки, онъ долженъ былъ принять самъ на себя обязанности собственнаго образованія и попеченій о матери. Тяжкій недугъ ея вызвалъ его въ Псковъ, гдѣ она тогда находилась, въ то время, когда ему было бы необходимо остаться въ Петербургѣ для окончанія курса наукъ въ университетѣ и для полученія первой ученой степени. И остаться въ Псковѣ онъ долженъ былъ такъ долго, что выйдти изъ университета со степенью кандидата онъ уже не могъ, не начиная вновь студентства съ первыхъ курсовъ. На это послѣднее онъ не рѣшился, хотя и былъ еще очень молодъ, едва 18-ти лѣтъ, сталъ искать себѣ прямо службы, и получилъ мѣсто младшаго учителя Русскаго языка въ Дерптской гимназіи: утвержденіе Прейса въ этой должности, съ Высочайшаго соизволенія, состоялось 12 мая 1828 г. Разъ поселившись въ Дерптѣ, Прейсъ остался въ немъ на цѣлые десять лѣтъ, до іюня 1838 г., и только за годъ передъ тѣмъ, будучи повышенъ въ должность старшаго учителя той же гимназіи, сталъ менѣе терпѣть отъ житейскихъ лишеній. Это не мѣшало ему однако, при усердномъ исполненіи обязанностей учителя, заниматься и дома, при помощи Дерптскихъ добрыхъ ученыхъ, изученіемъ языковъ древнихъ, а равно и Славянскаго, древняго и новаго Нѣмецкаго, и болѣе замѣчательныхъ научныхъ трудовъ особенно по Германской и Славянской филологіи — въ обширномъ смыслѣ этого слова. Изъ трудовъ его, относящихся къ этому времени, извѣстны статьи: О Волохахъ Нестора (Журн. Мин. Нар. Просв. XIX: 213) и Изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ по Шафарику (Жур. Мин. XVIII: 227). Своимъ добрымъ нравомъ, мирною прямотою отношеній, свѣтлымъ умомъ и основательными знаніями онъ пріобрѣлъ себѣ въ Дерптѣ

общее уваженіе людей наўки, молодыхъ и старыхъ, какъ тамошнихъ такъ и пріѣзжихъ Русскихъ. Дружественно сблизился онъ тамъ и съ тѣми молодыми Русскими учеными, которые были приняты въ такъ называвшійся профессорскій институтъ, основанный въ 1828 г. Между ними было и нѣсколько воспитанниковъ Петербургскаго университета, въ послѣдствіи занявшихъ въ немъ профессорскія каѳедры. Эти молодые Русскіе ученые, сохранивъ уваженіе къ дарованіямъ, преданности наукѣ и знаніямъ Прейса и зная его научныя стремленія, не забыли о немъ, когда явилась возможность достойно удовлетворить потребности Петербургскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ вывести самого Прейса на его прямую дорогу. Когда, въ слѣдствіе предложенія министра, Совѣтъ Петербургскаго университета долженъ былъ позаботиться о пріисканіи молодого ученаго, способнаго готовиться къ занятію новооткрытой каѳедры исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, друзья Прейса представили его, какъ самаго способнаго, и Прейсъ былъ выбранъ единогласно. Попечитель округа и министръ со своей стороны одобрили выборъ. Прейсъ принялъ вызовъ съ благодарностью, но не совершенно безусловно. Въ то время, какъ и долго послѣ, приготовленіе къ занятію каѳедры и начиналось и заканчивалось путешествіемъ за границу въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ предполагалось устроить и приготовленіе къ занятію новооткрываемой Славянской каѳедры. Такой порядокъ въ отношеніи къ этой каѳедрѣ былъ даже пригоднѣе, чѣмъ ко всякой другой; но Прейсу онъ не показался пригоднымъ. Онъ находилъ необходимымъ, до путешествія по Славянскимъ землямъ, провести по крайней мѣрѣ годъ въ Петербургѣ, что бы предварительно потрудиться подъ руководствомъ Востокова, — и просилъ объ этомъ. Министръ народнаго просвѣщенія — это былъ С. С. Уваровъ — справедливо оцѣнилъ желаніе Прейса, и увольняя его отъ должности учителя Дерптской гимназіи, велѣлъ его причислить къ Петербургскому университету и поручить ближайшему надзору Востокова. Это желаніе Прейса рѣзко обозначаетъ его научныя убѣжденія и направленіе его дѣятель-

ности. Востоковъ былъ тогда, какъ остался и до конца жизни, лучшимъ знатокомъ древняго Славянскаго языка и письменной древности Славянской, лучшимъ изслѣдователемъ памятниковъ Славянскаго языка и самого языка по памятникамъ. Это понималъ Прейсъ, и не могъ не понуждаться въ наставленіяхъ Востокова— такъ же какъ понуждался бы въ наставленіяхъ Я. Гримма, если бы его дѣломъ было изученіе Германства а не Славянства. И Прейсъ нашелъ въ Востоковѣ наставника столько же и радушнаго, какъ сильнаго знаніемъ. Подъ его руководствомъ Прейсъ занимался памятниками хранящимися въ Императорской публичной библіотекѣ и въ Румянцевскомъ музеѣ около года. Въ то же время, въ часы свободы отъ занятій памятниками Славянскаго языка продолжалъ онъ изучать Славянскія древности въ связи съ иноплеменною но родственною Славянамъ древностью Германскою, и началъ занятія Литовскимъ языкомъ на сколько это было тогда возможно, по книгамъ. Какими произведеніями научнаго труда онъ занимался въ то время, видно отъ части изъ его статей о Нѣмецкихъ книгахъ по Славянской исторіи и древностямъ (Жур. мин. нар. просв. XXI: VI: 85—108. XXIII: VI: 219—236) [1]).

---

[1]) Передъ выѣздомъ заграницу, Прейсъ по порученію факультета составилъ предположительный планъ путешествія, который, будучи одобренъ Факультетомъ и Совѣтомъ Университета, посланъ былъ на разсмотрѣніе министра, а министромъ переданъ Востокову, отъ котораго потребованъ былъ отзывъ не только о планѣ путешествія, но и объ успѣхахъ Прейса. Записка, излагавшая планъ путешествія, найдена была Востоковымъ «очень основательно написанною и совершенно соотвѣтствующею своему назначенію. Ему казался только срокъ путешествія не достаточнымъ: въ запискѣ назначенъ былъ годъ на путешествіе «по Пруссіи, Бранденбургіи, Силезіи, Саксоніи, Лузаціи, Моравіи и Богеміи», и полтора года на путешествіе «по Иллирійскимъ землямъ, Галиціи и царству Польскому»; Востоковъ думалъ, что «срокъ могъ бы быть и увеличенъ полугодомъ». Объ успѣхахъ занятій Прейса, Востоковъ выразился такъ: «При порученіи сего молодого человѣка моему руководству въ іюлѣ прошлаго 1838 г., я нашелъ его уже весьма хорошо приготовленнымъ, и потому мнѣ легко было руководить его къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ познаній ему нужныхъ. Онъ прилѣжно занимался въ И. П. Б—кѣ и въ Рум. Муз. по моему указанію чтеніемъ древнѣйшихъ Слав. рукописей и выписками изъ оныхъ, и надѣюсь, что въ сіи девять мѣсяцевъ онъ не мало пріумножилъ свой запасъ Славянскаго языкознанія».

Только уже осенью 1839 года Прейсъ началъ свое путешествіе по Славянскимъ землямъ, — и оно продлилось съ небольшимъ три года (съ сентября 1839 г. по декабрь 1842 г.). Путешествуя, онъ занимался смотря по обстоятельствамъ, или древними памятниками, или остатками древности и старины въ народѣ, или же живыми нарѣчіями. Какъ министру такъ и совѣту университета онъ посылалъ подробные отчеты о своихъ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ. Отчеты эти, давая ясное понятіе о научной требовательности, руководившей Прейса во время путешествія, вмѣстѣ съ тѣмъ представили по изученію Славянства столь драгоцѣнныя сообщенія, что ими нельзя было не пользоваться какъ важнымъ пособіемъ. Не утратили они своего достоинства и теперь, не смотря на множество открытій по всѣмъ отраслямъ науки, въ нихъ затронутымъ. Такъ въ одномъ изъ отчетовъ Прейсъ даетъ свои выводы изъ наблюденій надъ Литовскимъ языкомъ, которымъ онъ продолжалъ заниматься въ Кенигсбергѣ; въ другомъ сообщилъ свѣдѣнія о нарѣчіи Кашебовъ или Кашубовъ, которымъ онъ занимался въ Данцигѣ и въ Берлинѣ, и за тѣмъ о занятіяхъ своихъ памятниками Польской старины въ Гнѣзнѣ и въ Познани; въ третьемъ представилъ свои соображенія объ именахъ языческихъ боговъ, занесенныхъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ и въ нѣкоторые другіе памятники, и общіе выводы изъ этихъ соображеній, а за тѣмъ данныя о памятникахъ, имъ разсмотрѣнныхъ въ Галле, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Прагѣ; еще въ одномъ — о памятникахъ, которыми онъ занимался въ Вѣнѣ и объ отношеніяхъ между древнимъ Церковнославянскимъ и новымъ Болгарскимъ нарѣчіями; еще въ одномъ о глаголической письменности. Многіе изъ отчетовъ Прейса напечатаны въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и высоко цѣнятся знатоками дѣла. Столько же цѣнились начитанность, наблюдательность и трудолюбивая изслѣдовательность Прейса и тѣми людьми науки, съ которыми онъ сближался во время путешествія. Составитель этой записки, путешествуя по Славянскимъ землямъ одновременно съ Прейсомъ и частію вмѣстѣ съ нимъ, можетъ лично свидѣтельствовать объ

уваженіи, которое Прейсъ оставлялъ всюду за собою, какъ ученый, столько же богатый запасами знаній и наблюденій, сколько и осторожный въ соображеніяхъ и выводахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ провели мы вмѣстѣ съ нимъ въ Прагѣ, сходясь съ Пражскими учеными. Всѣ они дорожили указаніями и мнѣніями Прейса. Шафарикъ между прочимъ обильно пользовался его извлеченіями изъ древнихъ Церковно-славянскихъ памятниковъ и указателями его къ Славянскимъ древностямъ самого Шафарика и къ нѣкоторымъ трудамъ Я. Гримма. Пользовался его указаніями и Челяковскій, и Палацкій, и нѣкоторые другіе. Ему и я обязанъ, какъ первому совѣтнику, узнаніемъ первыхъ пріемовъ, какъ заниматься древними рукописями. Вмѣстѣ съ нимъ я началъ и кончилъ путешествіе по Истріи, Далмаціи съ Черной горой и Хорватской землѣ, работая между прочимъ и надъ памятниками письменности, тамъ нами замѣченными. Вмѣстѣ съ нимъ думалъ я продолжать путешествіе и далѣе; но болѣзнь Прейса помѣшала исполненію этого предположенія — такъ-же какъ и составленію одного общаго нашего отчета о сдѣланномъ вмѣстѣ путешествіи (причина, по которой ни отъ него ни отъ меня не было отдѣльныхъ отчетовъ объ этой долѣ нашихъ заграничныхъ занятій). Болѣзнь Прейса, непокидавшая его со времени нашей разлуки въ Загребѣ, т. е. съ осени 1841 года, если развилась и не исключительно подъ вліяніемъ душевныхъ заботъ, то все таки отъ нихъ сильно зависѣла. Прейсъ сталъ задумываться все чаще, чѣмъ болѣе приближалось время его возвращенія домой. Какая судьба ожидала его безъ состоянія, безъ умѣнья считать копейки — и безъ той первой ученой степени, которая необходима для достиженія другихъ высшихъ и для полученія которой испытаніе становилось ему тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе обособлялъ онъ свои научныя работы! Профессоромъ онъ сдѣлаться не можетъ, и останется вѣчнымъ безкласнымъ и безгласнымъ лекторомъ. Зная по сравненію съ другими свои достоинства, онъ былъ гордъ и честолюбивъ; безвыходное, жалкое положеніе, безъ возможности сдѣлать шагъ въ передъ, его пугало и ослабляло. Еще при переселеніи изъ Дерпта въ Петербургъ и

потомъ передъ выѣздомъ за границу онъ хлопоталъ, чтобы ему было позволено держать экзаменъ прямо на степень магистра, а отъ него требовали предварительнаго испытанія на степень кандидата, т. е. изъ всѣхъ факультетскихъ предметовъ. Послѣднее рѣшеніе министра было: отправить Прейса въ чужіе края не подвергая его никакому испытанію; что же касается до освобожденія его отъ кандидатскаго экзамена, то министръ, не видя въ этомъ необходимости, предоставилъ себѣ сообразить сей вопросъ съ обстоятельствами, въ которыхъ Прейсъ будетъ находиться въ послѣдствіи, и съ правилами, какія по возвращеніи его будутъ по сему предмету въ дѣйствіи (Предложеніе 10 авг. 1839 г.). Извѣстно, что никакихъ правилъ, которыми бы могъ воспользоваться Прейсъ, не было издано. Увлекшись научными трудами, Прейсъ забылъ было обо всемъ подобномъ; но съ наступленіемъ послѣдняго полугодія его путешествія, воспоминанія ожили въ немъ тревожно и сокрушительно для его силъ, и безъ того ослаблявшихся непрерывнымъ трудомъ, да и вообще не очень надежныхъ. Преодолѣвая себя онъ сдѣлалъ еще поѣздку изъ Загреба въ Сербію, потомъ по Венгріи черезъ Новый Садъ, Пештъ и Шемницъ; но нигдѣ уже не могъ работать такъ, какъ работалъ прежде — въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Берлинѣ, Познани, Дрезденѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Тріестѣ, Дубровникѣ, Макарскѣ, Загребѣ. Болѣзнь не позволила ему воротиться къ сроку. Онъ пробылъ за границею еще болѣе полугода, — и все таки воротился больной.

Болѣзнь была виною, что и чтенія, вмѣсто начала января 1843 г. онъ началъ только во второй половинѣ марта. Успокоенный нѣсколько назначеніемъ порядочнаго оклада (1000 р.) съ званіемъ преподавателя и увлекшись приготовленіемъ университетскихъ чтеній, онъ по видимому оправился отъ болѣзни, и разъ начавъ чтенія, продолжалъ ихъ ревностно, незаботясь о здоровьи. Общій распорядокъ чтеній имъ предположенныхъ, — былъ имъ приготовленъ еще во время путешествія, и потому записка о немъ была имъ представлена въ факультетъ скоро по возвращеніи.

Чтенія свои онъ раздѣлилъ на три отдѣла:

1. Введеніе съ отвѣтами на вопросы: о древнѣйшихъ жилищахъ Славянъ въ Европѣ, объ ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и повелителямъ, объ эпохѣ ихъ переселеній, ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ, объ образованіи самостоятельныхъ Славянскихъ государствъ, о принятіи Славянами христіанства, о внутреннемъ бытѣ Славянъ — по положительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ и по выводамъ сравнительнаго изученія древностей Славянскихъ.

2. Историческое разсмотрѣніе каждаго изъ важныхъ народовъ Славянскихъ: Болгаръ, Сербовъ съ Хорватами, Хорутанъ, Чеховъ со Словаками, Поляковъ съ Балтійскими и Лужицкими Славянами—въ отношеніи къ судьбамъ политическимъ, языку и литературѣ.

3. Сравнительная грамматика Славянскихъ нарѣчій съ изложеніемъ главнѣйшихъ результатовъ сравнительной филологіи вообще и отношеній Русскаго языка къ прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ.

Этотъ стройный, многообъемлющій и вмѣстѣ самостоятельный распорядокъ чтеній по каѳедрѣ новой, не давшей ничего ни для подражанія, ни для исправленія, не могъ не быть одобренъ факультетомъ, и долженъ остаться памятникомъ въ исторіи Славянской филологіи [1]).

Прейсъ не побоялся затруднить себя веденіемъ за разъ четырехъ курсовъ чтеній, т. е. всего, имъ назначеннаго, кромѣ сравнительной грамматики, вмѣсто которой долженъ былъ излагать Церковнославянскую грамматику для студентовъ не-филологическаго факультета: каждый годъ онъ излагалъ, кромѣ введенія, одному курсу исторію, литературу и нарѣчія южныхъ Славянъ съ грамматикой Церковнославянскаго языка; другому исторію и литературу Чехо-Славянскую; третьему исторію и литературу Польскую съ замѣчаніями о Лужичанахъ и Полабахъ. Мнѣ удалось слышать отзывы нѣкоторыхъ изъ лучшихъ слушателей

[1]) Болѣе полное изложеніе его сохранилось въ архивѣ университета.

Прейса: отзывы эти совершенно совпадали съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое Прейсъ оставилъ во мнѣ своимъ умомъ, живымъ и яснымъ, своими знаніями, искренностью и вмѣстѣ сдержанностью рѣчи. Онъ не производилъ восторга и не хотѣлъ этого, но умѣлъ возбуждать любознательность, и возбужденныхъ умѣлъ увлекать не собою, а дѣломъ [1]) Нельзя не скорбѣть, что ему не пришлось дѣйствовать долго.

Приготовленіе разнообразныхъ чтеній должно было требовать много времени; а между тѣмъ нужно было оно и на изслѣдовательныя работы, къ которымъ онъ привыкъ изъ давна, и на чтеніе вновь являвшихся произведеній по Славянству и по Филологіи средневѣковой.

Прейсъ трудился много. Многимъ запасался для выработки задуманныхъ трудовъ. Писалъ мало, кромѣ частныхъ замѣтокъ.

Черезъ полтора года послѣ возвращенія изъ путешествія, по ходатайству министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, сообразно съ мнѣніемъ комитета министровъ (13 и 27 іюля 1844 г.), соизволилъ «по вниманію къ особеннымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится Прейсъ, дозволить ему подвергнуться испытанію прямо на степень магистра». То было новое успокоеніе для его души, новая забота для его труда. Прейсъ сталъ заниматься собираніемъ запасовъ для диссертаціи— особенно съ тѣхъ поръ, какъ окончилъ рѣчь, которую долженъ былъ произнести на университетскомъ торжественномъ собраніи 8 Февраля 1845 г. Рѣчь эта заключаетъ въ себѣ разсужденіе объ эпической народной поэзіи Сербовъ (напечатана въ книгѣ Акта Спб. унив. 1845 г. стр. 133—167). Предметомъ диссертаціи онъ избралъ Богумильскую ересь, и работалъ надъ нимъ неусыпно въ продолженіе всего 1845 года. Вопросъ о ереси Богумиловъ еще не былъ въ то время никѣмъ тронутъ, кромѣ тѣхъ

[1]) Отъ одного изъ слушателей я получилъ въ даръ Записки, сдѣланныя по чтеніямъ Прейса. Пересматривая ихъ теперь, слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ ихъ написанія, все таки видимъ въ нихъ достоинства изложенія, не общія и въ это послѣднее время.

историковъ, которые вносили въ свои сочиненія данныя объ Албигойцахъ. Изслѣдователю нужно было дѣлать очень разнообразныя изысканія, церковноисторическія и литературныя, читать многія произведенія богословскихъ писателей Греческихъ и Латинскихъ, доискиваться недостающаго или и новаго, непредполагаемаго въ рукописяхъ. Эти работы и увлекали Прейса и ослабляли его силы. Не успѣвъ довести свой трудъ до конца, онъ заболѣлъ; продолжалъ заниматься и больной, лежа, — и все болѣе слабѣлъ, видимо таялъ. Нѣсколько толстыхъ тетрадей труда его о Богумилахъ приготовлены были имъ на бѣло прежде нежели онъ лишился силы писать. Дѣло еще не было однако окончено, или по крайней мѣрѣ не было обработано окончательно, успокоительно для больнаго, и онъ старался пользоваться послѣдними усиліями. Друзья, посѣщавшіе его въ это время, за нѣсколько дней до смерти, заставали его за работой. Такъ, не дописавъ своего труда, который безъ сомнѣнія былъ бы драгоцѣннымъ вкладомъ въ научную литературу, Прейсъ умеръ — 11 мая 1846 г. Не стало вмѣстѣ съ нимъ и труда его о Богумилахъ: кто-то овладѣлъ имъ, до сихъ поръ безслѣдно, на первыхъ же порахъ послѣ его кончины.

Прейсъ умеръ тридцати шести лѣтъ отъ рожденія, въ томъ возрастѣ жизни и научной зрѣлости, когда отъ него можно было ожидать трудовъ необходимыхъ для дальнѣйшихъ успѣховъ науки. Бумаги, послѣ него оставшіяся, перешли въ руки его близкаго товарища М. С. Куторги. Незначительная часть ихъ перешла въ собственность Академіи; почти все другое лежитъ не тронутое, неизвѣстное. Говорю почти все, а не все, потому что очень многія замѣтки, малаго и не малаго объема, при продажѣ книгъ его библіотеки, достались тѣмъ, кто купилъ книги, въ которыя онѣ были вложены. Взявъ во вниманіе то, что изъ его бумагъ стало хотя кому нибудь доступно, и то, о чемъ съ достовѣрностью по несомнѣннымъ даннымъ можно сказать какъ о написанномъ имъ, должно внести въ списокъ ихъ слѣдующее:

— Вымѣтки и выписки изъ рукописей, имъ разсмотрѣнныхъ

до выѣзда за границу въ Петербургѣ и потомъ за границей преимущественно въ Прагѣ и Вѣнѣ, съ описаніями рукописей. О нѣкоторыхъ изъ нихъ упомянуто имъ въ отчетахъ; на другія есть у него ссылки въ словарныхъ выпискахъ; нѣкоторыя остались на листкахъ въ книгахъ его — въ томъ числѣ и въ купленныхъ мною.

— Собранія словъ на карточкахъ и въ тетрадяхъ: — по Церковнославянскому языку — особенно изъ рукописей Сербскихъ и такъ называемыхъ средне-Болгарскихъ; — по Сербскому народному — изъ пѣсенъ и пословицъ; по Болгарскому—изъ новыхъ печатныхъ книгъ; — по именослову мѣстъ, лицъ и народовъ разныхъ Славянъ — изъ различныхъ источниковъ, между прочимъ и изъ народныхъ пѣсенъ.

— Библіографическія замѣтки на карточкахъ и въ тетрадяхъ касательно источниковъ и изслѣдованій по Славянскимъ древностямъ, исторіи, литературѣ, народной поэзіи и т. п.

— Черновыя тетради отчетовъ министру нар. просв. и совѣту университета, и отчеты переписанные на бѣло и посланные — послѣднія въ архивахъ министерства и университета.

— Записки по курсамъ университетскихъ чтеній.

— Черновыя тетради изслѣдованія о Богумильской ереси— если не всѣ, то хоть нѣкоторыя, или по крайней мѣрѣ выписки изъ источниковъ, по которымъ дѣлались изслѣдованія.

— Переписка, т. е. по крайней мѣрѣ письма писанныя Прейсу и дѣловыя бумаги имъ полученныя. (Прейсъ берегъ письма, къ нему написанныя, и во время путешествія; тѣмъ легче было ему сохранять ихъ послѣ. Между письмами должны быть и отъ ученыхъ Славянскихъ и Нѣмецкихъ, между прочимъ и научнаго содержанія).

Нельзя не желать, чтобы все, уцѣлѣвшее отъ Прейса, было собрано и сдѣлалось собственностью какого-нибудь государственнаго учрежденія, Академіи Наукъ, Императорской Публичной библіотеки или другого подобнаго. Все это дорого, какъ память о замѣчательномъ научномъ дѣятелѣ, одномъ изъ первыхъ —

если не по времени, то по достоинству — учениковъ Востокова, умѣвшемъ соединить въ себѣ уваженіе къ заслугамъ другихъ и полную самостоятельность мысли и работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ научно важный источникъ свѣдѣній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть ничѣмъ незамѣнимый. Собственныя письма Прейса дороги еще и потому, что даютъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ, глубоко нравственномъ, добромъ по природѣ и по выработкѣ характера въ помыслахъ и въ дѣйствіяхъ.

II.

Викторъ Ивановичь Григоровичь родился въ 1815 году въ Балтѣ, воспитывался до восьми лѣтъ дома — подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ матери Польки, чѣмъ отца, Малорусскаго помѣщика, чиновника, а потомъ въ Уманскомъ уніатскомъ училищѣ, подъ вліяніемъ монаховъ василіанъ. Юношею по 16-му году вступилъ онъ въ студенты Харьковскаго университета по словесному факультету, и оставшись въ немъ три года, окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ въ 1833 г. Скромный, застѣнчивый, можно сказать, боязливый, онъ хотя и не удалялся отъ товарищей, но сближался съ очень немногими изъ нихъ, и даже сблизившись оставался робкимъ въ отношеніяхъ съ ними, какъ будто скрытнымъ, недовѣрчивымъ. Это была недовѣрчивость не къ товарищамъ, а къ самому себѣ, къ каждому своему поступку, къ каждому слову. Такимъ онъ былъ и въ той семьѣ, гдѣ по близости съ сыномъ доброй матери былъ принятъ родственно радушно. Еще рѣзче выказывалась эта сторона его нрава въ отношеніяхъ къ профессорамъ; передъ ними онъ былъ еще болѣе робокъ: нерѣшительный, постоянно сомнѣвающійся въ отвѣтахъ, онъ не рѣдко выказывалъ на испытаніи даже полное незнаніе того, что зналъ и зналъ лучше другихъ. Эта особенность его нрава, происшедшая можетъ быть отъ воспитанія, была главною причиною неблистательнаго окончанія имъ университетскихъ курсовъ, тогда какъ товарищи его пользовались его помощью, чтобы выдерживать испытанія съ большимъ, чѣмъ онъ, успѣхомъ. Не только профессорамъ, но и товарищамъ, кромѣ двухъ-трехъ, не была извѣстна его склонность увлекаться историческими и поэтическими образами, складностью и звучностью рѣчи, особенно стиховъ.

Осталась почти неизвѣстною и его любознательность, дававшая ему такія свѣдѣнія внѣ круга факультетскихъ предметовъ, какихъ никто изъ его товарищей не имѣлъ. Вѣроятно эта любознательность съ желаніемъ большихъ успѣховъ повлекла его въ Дерптскій университетъ, гдѣ его ожидала, между прочимъ, возможность освоиться болѣе съ Греческимъ языкомъ и Греческою литературою, чего онъ не могъ достигнуть въ Харьковскомъ университетѣ по слабости преподавателя. Ожидала его тамъ и возможность ознакомиться съ Нѣмецкой философіей, которая въ Харьковѣ уже издавна была не въ ходу, уступивъ свое мѣсто философіи Шотландской и Французской, и проникала въ умы молодежи только изъ случайно попадавшихся ей подъ руку книгъ — и то не столько въ своей новѣйшей Гегелевской постановкѣ, сколько въ Шеллинговской. Григоровичь увлекся философіей Гегеля. Въ Дерптѣ онъ получилъ степень кандидата и сблизился съ нѣкоторыми изъ молодыхъ Русскихъ ученыхъ, приготовлявшихся къ професорскому званію, всего болѣе съ И. Я. Горловымъ, умѣвшимъ оцѣнить его внутреннія достоинства. И. Я. Горловъ, сдѣлавшись професоромъ Казанскаго университета, былъ главнымъ виновникомъ и того, что въ Казанскомъ университетѣ нашлось мѣсто и Григоровичу, прежде всего какъ преподавателю Греческаго языка, въ 1839 г. Уже не Греціей однако увлекался онъ душою въ то время. Онъ пользовался знаніемъ Греческаго языка, какъ средствомъ для жизни; а любознательность его витала въ другомъ мірѣ, въ Славянскомъ. Григоровичь занялся Славянствомъ еще въ Дерптѣ. Знаніе Польскаго языка, которое онъ усвоилъ съ дѣтства, само по себѣ было слишкомъ незначительно, какъ притягательная сила для его перехода изъ древняго міра въ Славянскій; занятія въ Дерптѣ сами по себѣ такъ же не могли дѣйствовать на его душу въ этомъ отношеніи. Всего легче могло быть это слѣдствіемъ вліянія такого труженика, преданнаго занятіямъ Славянской филологіи, какимъ былъ въ то время въ Дерптѣ П. И. Прейсъ; но едва ли они были даже знакомы другъ съ другомъ, не только близки.

Какъ бы то ни было, только Григоровичь и вызванъ былъ въ Казань для приготовленія себя къ занятію каѳедры исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, занимался въ Казани Славянствомъ, приготовлялся къ испытанію на степень магистра по Славяно-Русской филологіи, изучалъ подробности древней Славянской литературы для диссертаціи на эту степень. Она вышла подъ названіемъ: «Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ, часть I: 1 и 2 эпохи» (напечатана въ Учен. Запискахъ Казанскаго университета: 3-я книга 1842 г. и отдѣльно въ 1843 г.). Это было явленіе очень замѣчательное для своего времени. До его выхода въ свѣтъ былъ изданъ только одинъ трудъ такого рода: Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, П. Шафарика, вышедшее въ свѣтъ въ 1826 году, слишкомъ за четверть вѣка передъ тѣмъ, могшее для Григоровича быть важнымъ только по соображенію открытій, сдѣланныхъ до 1825 года. Григоровичь долженъ былъ самъ трудиться для отысканія свѣдѣній, обнародованныхъ послѣ книги Шафарика, и успѣлъ найдти почти все, что было нужно. Можетъ быть Григоровичь даже и книги Шафарика не имѣлъ подъ рукою, такъ какъ ни разу не сослался на нее, и слѣдовательно долженъ былъ выработать свой трудъ при значительно бо̀льшихъ усиліяхъ подбора данныхъ изъ частныхъ пособій и изъ источниковъ. Пособій у него было много, и все такія, на которыя нельзя было не положиться, между прочимъ и сочиненія Шафарика, позже вышедшія, Мацѣевскаго, Копитара, Вишневскаго и другихъ западно-Славянскихъ изслѣдователей, а равно и Русскихъ. Двумя особенными чертами отличается опытъ Григоровича отъ другихъ Русскихъ и не Русскихъ трудовъ по исторіи литературы того и прежняго времени. Во первыхъ онъ оживленъ философскимъ направленіемъ, въ силу котораго всѣ явленія, взятыя во вниманіе, представлены не только въ систематически стройномъ порядкѣ, но и философски развитою связью причинъ и послѣдствій. Во вторыхъ, въ этомъ опытѣ литература Славянъ представлена не отдѣльно сама по себѣ, а въ связи съ политическими судьбами народа и вмѣстѣ съ

тѣмъ въ связи съ ходомъ событій политическихъ и литературныхъ въ другихъ странахъ Европы. Кромѣ того она замѣчательна и по подбору данныхъ о важнѣйшихъ древнихъ памятникахъ, тогда извѣстныхъ, и объ особенностяхъ ихъ языка. Опытъ доведенъ до конца XIV вѣка, и временемъ раздѣла двухъ «эпохъ» какъ назвалъ сочинитель, взята половина XI вѣка.

Покончивъ съ магистерскою степенью, Григоровичь приглашенъ былъ читать лекціи въ университетѣ по Славянской каѳедрѣ и читалъ годъ — съ осени 1843 до лѣта 1844 года. Уже приготовленный домашними учеными занятіями и выработкою своихъ знаній для своихъ слушателей, Григоровичь отправился въ путешествіе по Славянскимъ землямъ. Проѣздомъ черезъ Харьковъ онъ остановился въ немъ, и мы сошлись, какъ товарищи, уже подвизавшіеся на новооткрытой каѳедрѣ. Мы были знакомы и прежде, когда онъ былъ близкимъ товарищемъ моего брата по студенчеству, и былъ у насъ принятъ какъ родной. Затѣмъ мы сблизились болѣе, когда онъ, уже выдержавши испытаніе на степень магистра Славянской Филологіи, ѣздилъ черезъ Харьковъ на родину, и по возвращеніи въ Казань долженъ былъ начать свои Славянскія чтенія. Тогда мы лучше поняли другъ друга, и я не могъ не оцѣнить его, какъ увлеченнаго труженика науки, очень начитаннаго и много думавшаго. Теперь явился онъ мнѣ еще въ новомъ свѣтѣ, какъ ученый, предпринимающій путешествіе со строго обдуманною цѣлію, понятою совершенно самостоятельно, совершенно отличною отъ тѣхъ цѣлей, какія имѣли въ виду всѣ мы другіе, прежде него ѣздившіе въ Славянскія земли, важною, тяжело исполнимою, но для его рѣшимости неизмѣнною.

Онъ выбралъ для своего путешествія путь открытій памятниковъ, остававшихся никому неизвѣстными, и потому рѣшился начать путешествіе съ земель Турецкихъ. И долго послѣ путешествіе для Русскаго по Турціи было затруднительно; тяжело оно было въ то время. Тяжелѣе, чѣмъ кому оно должно было быть для Григоровича, робкаго, нерѣшительнаго, ненаходчиваго. Такимъ оно и было.

Онъ вытерпѣлъ столько, что его ненапрасно «мученикомъ» называлъ послѣ Надеждинъ, съ которымъ онъ встрѣчался на пути раза два или три. Нѣкоторыя черты своихъ страданій онъ отмѣтилъ въ своихъ отчетахъ университету, которые потомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ появились отдѣльною книгой подъ названіемъ Очерка путешествія по Европейской Турціи (и въ 3-й книжкѣ Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета за 1848 годъ). Но страдалъ онъ ненапрасно: онъ домогся таки до памятниковъ, никѣмъ изъ изслѣдователей дотолѣ невидѣнныхъ и никому неизвѣстныхъ, сдѣлалъ описи ихъ, вымѣтки изъ нихъ, а нѣкоторые и пріобрѣлъ въ собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ собралъ такъ же, какъ новости, много свѣдѣній мѣстныхъ—частію о народѣ и народныхъ преданіяхъ, частію о разныхъ мѣстностяхъ, важныхъ для древней исторіи Славянъ и для Славянскаго языка. Книга его о путешествіи по Турціи остается и вѣроятно еще на долго останется важнымъ источникомъ первоначальныхъ свѣдѣній по политической исторіи, по исторіи христіанства и письменности, по палеографіи и дипломатикѣ южныхъ Славянъ. Путь его изъ Одессы и Константинополя направился въ Солунь, въ монастыри Аѳонской горы, Битоль, Охриду, монастырь св. Наума на Охридскомъ озерѣ, Слѣнченскій монастырь, Трескавецкій монастырь, Велесъ, Серетъ, Рыльскій монастырь, Софію, Филиппополь, Казанлыкъ, Шипку, Габрово, Терново, Свиштово, Рущукъ. Въ свой «Очеркъ» Григоровичь внесъ очень много драгоцѣнныхъ указаній, которыми нельзя не пользоваться какъ важнымъ источникомъ. Дальнѣйшее путешествіе Григоровича по Валахіи, Венгріи, въ Вѣну и изъ нея въ Краину, Венецію, Далмацію и Черногорію, изъ Далмаціи въ Кроацію и Славонію и опять въ Вѣну, потомъ въ Моравію и Чехію, хотя и продолжалось довольно долго, не было и не могло быть такимъ важнымъ по послѣдствіямъ какъ путешествіе по Турціи: Григоровичь останавливался большею частію въ городахъ и въ нихъ обозрѣвалъ важные памятники, сближался съ учеными и съ мѣстными наблюдателями, запасался рѣдкими книгами, останавливался на нѣкоторыхъ за-

мѣчательныхъ рукописяхъ, частію и на нѣкоторыхъ особенностяхъ мѣстныхъ нарѣчій; но едва ли не болѣе былъ полезенъ другимъ своими сообщеніями, чѣмъ самъ пользовался ихъ сообщеніями. Нѣкоторыя изъ его сообщеній были напечатаны въ Западно-Славянскихъ изданіяхъ: Болгарскія пѣсни, имъ сообщенныя, изданы въ Хорватскомъ повременникѣ «Kolo» 1847 года (IV: 37—56, V: 24—57); свѣдѣнія и изслѣдованія о Климентѣ Болгарскомъ въ Чешскомъ Časopisu Českého Museum 1847 года (I: 508—521), и др. Въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ П. П. Шафарика (какъ на пр. въ изслѣдованіи о мѣстныхъ названіяхъ Болгарскихъ (Čas. Čes. Mus. 1847, II: 572) видны слѣды свѣдѣній, сообщенныхъ Григоровичемъ.

Онъ воротился въ Россію весною 1847 года, пробывъ въ путешествіи за границей нѣсколько болѣе $2^1/_2$ лѣтъ. Въ Петербургѣ мы опять сошлись, и видались, какъ въ Харьковѣ, почти ежедневно. Онъ уже не былъ такъ застѣнчивъ, какъ былъ прежде, и сталъ гораздо болѣе сообщителенъ, хотя иногда и съ недовѣрчивостью — то къ самому себѣ, то къ другимъ. Собранныя имъ сокровища онъ не скрывалъ, даже позволялъ ими пользоваться. По его рукописямъ я почти что началъ заниматься глаголическою письменностью и при этомъ пользовался его указаніями и объясненіями. Онъ съ радостною готовностью, можно сказать, съ увлеченіемъ отвѣчалъ на всѣ распросы и самъ вызывалъ вопросы на отвѣты, по которымъ былъ богатъ свѣдѣніями. Онъ былъ преданъ глаголицѣ какъ религіозной святынѣ, готовъ былъ всякого вводить въ ея таинства. Не ею впрочемъ одною занятъ былъ умъ его. Не съ меньшимъ увлеченіемъ онъ высказывалъ и свои домыслы о древнѣйшемъ времени литературной дѣятельности Славянъ — особенно въ Болгаріи, и свои взгляды на новѣйшіе изслѣдовательные труды по этому предмету западно-Славянскихъ и Русскихъ ученыхъ, воздавая каждому свое. Часть его разысканій, сюда относящихся, издана тогда же (въ Журналѣ мин. нар. просв. 1847: Изысканія о Славянскихъ апостолахъ въ Европейской Турціи). Кромѣ этого занимали его

умъ и нѣкоторыя другія стороны историко-литературныхъ изслѣдованій, и между другимъ, болѣе всѣхъ другихъ связи Византійской Греціи со Славянствомъ и Византійская древность и исторія вообще. Это было мнѣ тогда почти совершенно чуждо и становилось дорого — по увлеченію, оживлявшему его бесѣду объ этомъ, по огромному запасу его знаній, по смѣлости соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по труду надъ нѣкоторыми Византійскими памятниками совмѣстно съ Н. И. Надеждинымъ. Часть его работъ этого отдѣла появилась въ печати (въ Журналѣ мин. нар. просв. 1847: Протоколы Константинопольскаго патріархата).

Въ томъ же 1847 году Григоровичь приступилъ въ Казани къ чтеніямъ по своей каѳедрѣ, и сколько мнѣ извѣстно, одновременно читалъ и о древностяхъ и о литературѣ Славянъ, занимая при томъ слушателей какъ чтеніями образцовъ древняго и новаго языка, такъ и разборомъ древнихъ памятниковъ по подлинникамъ и снимкамъ приготовлявшимся самими слушателями. И въ Казани какъ и въ другихъ университетахъ того времени отъ очень и очень немногихъ можно было ожидать хоть небольшой рѣшимости заниматься изученіемъ Славянства какъ дѣломъ научно важнымъ; тѣмъ не менѣе Григоровичь своимъ личнымъ увлеченіемъ, своею готовностью всякому желающему заняться помогать всѣмъ, чѣмъ только могъ, привлекалъ слушателей не только къ себѣ но и къ предметамъ, его занимавшимъ. Въ концѣ 1848 г. по особеннымъ обстоятельствамъ Григоровичь переведенъ былъ профессоромъ въ Московскій университетъ и остался тамъ слишкомъ годъ; а за тѣмъ опять воротился въ Казань, гдѣ и оставался до 1864 г., преподавая Славянскую филологію по той программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія, по которой введено было преподаваніе этого предмета въ Петербургѣ еще въ 1847 году, но совершенно самостоятельно какъ относительно частностей содержанія, такъ и относительно убѣжденій.

Не лишнимъ будетъ дать здѣсь мѣсто нѣсколькимъ небольшимъ выдержкамъ изъ воспоминаній о Григоровичѣ какъ преподавателѣ Казанскомъ. Одно изъ нихъ, и сочувственное и вмѣстѣ

безпристрастное (Древ. и Нов. Россія. III: 11: 75) даетъ свѣдѣнія о Григоровичѣ, какъ о преподавателѣ начинающемъ:

«Григоровичь началъ читать свои лекціи по Славянскимъ нарѣчіямъ третьему курсу словеснаго факультета. Онъ ознакомилъ насъ съ этнографіей и весьма кратко съ исторіей Славянскихъ народовъ, и потомъ изложилъ въ главныхъ чертахъ особенности языковъ Чешскаго, Сербскаго, Болгарскаго, Лужицкаго и Хорватскаго. Для переводовъ онъ выбиралъ статьи и отрывки преимущественно изъ народной поэзіи. Студентамъ, желавшимъ ближе познакомиться со Славянскими языками, онъ охотно давалъ книги изъ своей библіотеки. Изъ бывшихъ на нашемъ курсѣ одиннадцати человѣкъ только двое-трое интересовались лекціями Григоровича и онъ радовался даже этому скудному числу внимательныхъ слушателей.... Непривлекательная внѣшность чтенія вполнѣ и съ лихвой искупалась внутреннимъ достоинствомъ его лекцій. Онъ читалъ съ искреннею любовью къ своему предмету, съ полной готовностью дѣлиться со своими слушателями всѣми своими знаніями и помочь имъ въ занятіяхъ. Онъ относился къ студентамъ, какъ къ любимымъ товарищамъ, искренно радовался каждому, даже незначительному ихъ успѣху. Скромность и добросовѣстность истиннаго ученаго проявлялась въ каждой его лекціи, даже можно сказать въ каждой его фразѣ. Если ему случалось, припоминая что на лекціи, сдѣлать какую-нибудь ошибку, онъ на слѣдующій разъ объявлялъ о томъ слушателямъ, откровенно сознаваясь въ промахѣ. У себя онъ принималъ каждого студента радушно, снабжалъ его книгами, давалъ совѣты въ занятіяхъ, съ полной готовностью дѣлалъ для него все, что могъ сдѣлать».

Подобные отзывы о Григоровичѣ случалось мнѣ слышать и послѣ отъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ его слушателей — между прочимъ и отъ тѣхъ, которые, перейдя въ здѣшній университетъ, становились моими слушателями: ихъ уваженіе къ нему выражалось въ нихъ между прочимъ и въ бережи, съ какою сохраняли они записки по его курсамъ и особенно его собственноручныя замѣтки.

Григоровичь занималъ своихъ слушателей и палеографиче-

скими работами. Читалъ ли онъ въ университетѣ цѣльный курсъ палеографіи, мнѣ неизвѣстно; но, приглашенный именно для этого Духовною академіей, онъ преподавалъ Славянскую палеографію студентамъ Академіи въ продолженіи двухъ лѣтъ. Вотъ что между прочимъ сообщилъ объ этомъ И. Я. Порфирьевъ (Правосл. Соб. 1877: I: 78):—Григоровичъ преподавалъ палеографію въ Духовной академіи (въ 1854—1856 гг.) безмездно. Для миссіонерской цѣли, конечно, достаточно было сообщить студентамъ только самыя простыя и краткія палеографическія свѣдѣнія; но В. И. придалъ своему преподаванію болѣе широкія рамки, чѣмъ требовалось указанною цѣлію. Онъ хотѣлъ не только научить студентовъ пользоваться старинными рукописями и книгами важными въ полемическомъ отношеніи, но и приготовить ихъ вообще къ разбору, изученію и изданію памятниковъ древне-Славянской письменности, и потому читалъ палеографію подробно въ связи со Славянскими нарѣчіями вообще и особенное вниманіе обращалъ на древне-Славянскій языкъ [1]). Что касается до характера преподаванія

---

[1]) И. Я. Порфирьевъ сообщилъ и извлеченіе изъ программы В. И. Григоровича: — «1. Замѣчанія о письменности Славянъ вообще. Черты, рѣзы. Глаголита. Кириллица. Связь спора о кириллицѣ и глаголитѣ съ вопросомъ объ органическомъ образованіи древне-славянскаго языка. Возможность рѣшить этотъ вопросъ на основаніи палеографіи. Труды ученыхъ славянистовъ основаны преимущественно на палеографіи: I. Добровскій, А. Х. Востоковъ, митр. Евгеній, Копитаръ, Шафарикъ и Миклошичъ. Изданія палеографическія. 2. Рукописи глагольскія и кирилловскія 1-го разряда. Отличія глаголиты отъ кириллицы. Знаки на древнѣйшихъ рукописяхъ; ударенія; просодія. Откуда вышли древнѣйшія рукописи? Замѣчанія о Болгарскомъ языкѣ; чтеніе Болгарское. 3. Рукописи со знаками ъ и ь, смѣшиваніе ѫ и ѧ, ѣ и ѥ; съ какихъ рукописей онѣ переписаны? Ихъ древность. Іотированье, удареніе. Предположеніе, что древній Славянскій языкъ есть Хорутанскій (Паннонскій), Сербскій, Болгарскій. Замѣчанія о Сербскихъ и Хорутанскихъ звукахъ. Чтеніе Сербское. 4. Рецензіи. Болгарская средняя рецензія. Попытка возстановить древнѣйшую рецензію въ Терновѣ; ударенія. Сербская рецензія; чтеніе Сербское. 5. Когда возникла Болгарская средняя рецензія, когда Сербская? Русская рецензія; ея древность; слѣды ея въ Остромировомъ евангеліи, въ Сборникѣ Святослава. Ея признаки. Могла ли быть еще рецензія Южно-Русская, Чешская?... Чтеніе Чешское. 6. Способъ опредѣлять древность и мѣстность рукописей. Начертаніе, употребленіе буквъ.... Чтеніе Польское. Угровлахійскія рукописи.

В. И. и его вліяніи на студентовъ, то объ этомъ излишне было бы распространяться: кто зналъ В. И., для котораго не было въ жизни ничего дороже и важнѣе его науки и который въ ея преподаваніе вносилъ всю силу своей страстной любви къ ней, тотъ можетъ представить, какое сильное впечатлѣніе на студентовъ производили его лекціи... Нѣкоторые студенты такъ сильно заинтересовались палеографіей и Славянскими нарѣчіями, что пожелали изучать ихъ спеціально и предпочитали многимъ другимъ предметамъ.... Въ тоже время онъ своимъ преподаваніемъ возбудилъ въ молодомъ поколѣніи Академіи интересъ и къ Славянской наукѣ вообще и развилъ въ немъ вкусъ къ памятникамъ древне-Славянской письменности».

Часть его чтеній и нѣкоторые изъ памятниковъ, на которые онъ обращалъ вниманіе въ чтеніяхъ, появлялись въ Московскихъ и Петербургскихъ повременныхъ изданіяхъ и въ Казани. Прежде другихъ вышли: Памятники XV вѣка (Временникъ 1850: V), Чтеніе о древней письменности Славянъ (въ присутствіи министра 17 сент. 1857 г. Журн. мин. нар. просв. 1852: 3), Записка о древнѣйшихъ памятникахъ церковно-Славянскихъ (Извѣстія 2-го Отд. Импер. Акад. Наукъ 1: 86—), Статьи касающіяся древняго Славянскаго языка (Казань 1852), гдѣ, кромѣ рѣчи о значеніи церковно-Славянскаго языка, и выше отмѣченной Записки, помѣщенъ обзоръ трудовъ касающихся древняго Славянскаго языка, а за тѣмъ предварительныя свѣдѣнія о литературѣ Церковно-Славянской. Эта статья была особенно важна въ то время и не потеряла значенія до сего времени — по самостоятельному взгляду на глаголицу, которая въ то время никому не была и не могла быть такъ хорошо извѣстна какъ Григоровичу, пользовавшемуся своими драгоцѣнными руко-

---

7. Уставъ и его время, его происхожденіе. Полуустав. Скоропись. Матеріалы, на которыхъ писали. Палимпсесты. Что такое книга, буквы, дъска, скрижаль? Переходъ къ книгопечатанію. Глаголитское и кирилловское книгопечатаніе; буквица. Важность первопечатныхъ книгъ для палеографіи. Болгарская, Сербская, Русская рецензія первопечатныхъ книгъ... Чтеніе Сербское и Чешское».

писями — тогда какъ другимъ изслѣдователямъ, кромѣ немногаго изданнаго и того, что сообщено было самимъ Григоровичемъ, неизвѣстными оставались и тѣ глаголическія памятники, которые хранились въ западно-Европейскихъ хранилищахъ. Въ 1853 году вышло его описаніе глаголическаго четвероевангелія съ выписками (Извѣстія. II: 241). Въ 1854 году вышло его изданіе Посланія Рус. митрополита Іоанна II — въ Греческомъ подлинникѣ (Ученыя Записки 2-го Отд. Акад. Наукъ 1).

Къ 1858 году относится его превосходная рѣчь о Сербіи и отношеніяхъ къ ней сосѣднихъ державъ преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ (изд. въ Казани въ 1859 г. см. о ней въ Изв. VIII: 122). О другихъ трудахъ и нѣкоторыхъ предметахъ своихъ изслѣдованій того времени онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія въ особенномъ письмѣ (которое тогда же мною издано въ Извѣстіяхъ VII: 219—223).

Въ 1862 г. Григоровичъ издалъ въ Казани Древне-Славянскій памятникъ, дополняющій житіе Славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія, т. е. каноны имени ихъ съ примѣчаніями (другое изданіе вышло въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ 1865 г.: стр. 235 и ц.).

Въ 1863 г. литографически изданы нѣкоторыя части его университетскихъ лекцій: о Славянскихъ нарѣчіяхъ и о церковно-Славянскомъ языкѣ.

Въ 1864 г. Григоровичъ перешелъ на службу въ Одессу въ новый Новороссійскій университетъ. Желалъ онъ этого для своего здоровья, чтобы быть ближе къ родинѣ, быть можетъ и въ надеждѣ найдти на новомъ полѣ болѣе обильную жатву. Эта надежда впрочемъ, если она была, скоро исчезла: въ Одессѣ пришлось ему сойтись и съ такими южными Славянами, въ которыхъ онъ не нашелъ ни малѣйшей искры сочувствія къ тому, что занимало его умъ и чувство; да и въ слушателяхъ своихъ онъ не могъ пробудить того рвенія къ труду, которое было необходимо для поддержанія его собственнаго рвенія. Недостатокъ внѣшняго сочувствія къ нему едвали не былъ главною причиною,

что въ немъ стала опять развиваться внутренняя недовѣрчивость и къ себѣ и къ другимъ.

И прежде увлекавшійся то тѣмъ то другимъ частнымъ вопросомъ, онъ въ Одессѣ жилъ самодовольнѣе только тогда, когда могъ увлечься чѣмъ нибудь; но не находя близь себя никого, съ кѣмъ бы могъ подѣлиться своимъ увлеченіемъ, онъ и самъ сталъ увлекаться научными работами все менѣе и не столько задачами Славянской филологіи, сколько другими, случайно ему встрѣчавшимися. Только по поводу нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, каковы были пріѣздъ нѣкоторыхъ ученыхъ изъ западныхъ Славянъ, археологическіе съѣзды, и другихъ подобныхъ, Григоровичь или личными заявленіями или сообщеніемъ памятниковъ, которые онъ привозилъ съ собою, ворочался къ тому, чѣмъ не могъ онъ не дорожить какъ Славянскій филологъ. Такъ во время пріѣзда Славянъ а потомъ на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ Григоровичь далъ возможность пользоваться нѣкоторыми изъ своихъ рукописей (Нѣкоторыя изъ нихъ вошли своими частями въ мой сборникъ Древнихъ памятниковъ юсоваго письма и въ Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ).

Труды послѣднихъ лѣтъ Григоровича, имъ изданные были:

— Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южные побережья Днѣпра и Днѣстра. (Одесса, 1874 съ картою).

— Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1875 г. (Записки Новороссійскаго университета XX томъ): изъ этого отчета видно, что Григоровичь продолжалъ заниматься землею и населеніемъ южной Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ о начатіи фотолитографическаго изданія части своихъ памятниковъ.

— Записка о пособіяхъ къ изученію южно-Русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба (Записки Новорос. унив. XX т. и отдѣльно въ 1876 съ картой).

— Записка объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ (Записки Новорос. унив. XXI, и отдѣльно въ 1876 г.).

Въ 1875 г. Григоровичь былъ выбранъ на новое пятилѣтіе профессорской службы въ Новороссійскомъ университетѣ; но скоро, недовольный и собою и другими, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и уединенно поселился въ Елисаветградѣ съ мыслію продолжать свои ученыя занятія. Не долго ему пришлось попользоваться этимъ уединеніемъ, если только онъ, разстроенный душевно а затѣмъ и тѣлесно, могъ имъ пользоваться: 19-го декабря 1876 г. онъ скончался.

Остались послѣ него рукописи: онѣ пріобрѣтены Московскимъ публичнымъ музеемъ. Остались книги: онѣ конечно тоже будутъ пущены въ продажу, и жаль, если будутъ проданы безъ разбора, потому что у Григоровича были и очень рѣдкія. Тѣмъ болѣе жаль, если не найдутъ себѣ уютнаго мѣста для сохраненія оставшіеся послѣ него начатые или и законченные труды, или какія нибудь собранія ученыхъ замѣтокъ. Изъ нѣкоторыхъ сообщеній видно впрочемъ, что не должно пропасть почти ничто цѣнное изъ его научнаго достоянія.

Здѣсь къ стати привести свѣдѣніе о бумагахъ В. И. Григоровича, которыя приняты на храненіе въ Московскій публичный музей, сообщенное мнѣ нашимъ заслуженнымъ ревнителемъ сохраненія древнихъ и старинныхъ памятниковъ письменности и всякаго рода посмертныхъ останковъ дѣятельности людей науки, А. Е. Викторовымъ. Вотъ что хранится теперь въ музеѣ:

1. Черновыя записки путешествія Григоровича по Европейской Турціи и Славянскимъ землямъ: 4^0: около 200 лл.

2. Изслѣдованія по исторіи Славянъ—большею частію въ отрывкахъ: 4^0: около 200 лл.

3. Университетскія лекціи по Славянской исторіи и филологіи, рукописныя и литографированныя: 4^0: около 500 лл.

4. Записныя книги по ученымъ работамъ, преимущественно по филологіи и библіографіи: 16 книжекъ 8^0 и двѣ 4^0: до 1,000 лл.

5. Отрывки изъ ученыхъ работъ по Славянской филологіи и библіографіи: 4^0: около 400 лл.

6. Копіи съ памятниковъ по Славянской исторіи и письменности: 8°: около 300 лл.

7. Копіи съ памятниковъ Славянской литературы письменной и народной: 4°: около 250 лл.

8. Переписка Григоровича, относящаяся къ его путешествію: 8°: до 200 лл.

9. Черновыя письма Григоровича къ ученымъ, роднымъ и другимъ лицамъ: 8°: до 150 лл.

Изъ этого перечня не видно, сохранилась ли въ бумагахъ Григоровича переписка его съ учеными послѣ путешествія, и видно, что въ этихъ бумагахъ нѣтъ бѣлового списка Очерка путешествія Григоровича по Европейской Турціи, приготовленнаго имъ для изданія, списка, которымъ пользовались нѣкоторые ученые. Уже ли его постигнетъ такая же судьба, какая постигла изслѣдованіе Прейса о Богумилахъ? Нельзя не желать, что бы тотъ, у кого какъ нибудь случайно остался этотъ списокъ, внесъ его на храненіе туда, гдѣ хранится уже лучшая доля достоянія, оставшаяся отъ Григоровича. Нельзя не желать, чтобы все это не только временно хранилось, но и на всегда осталось въ Московскомъ музеѣ, — и желать это позволительно тѣмъ болѣе, что все это, за исключеніемъ древнихъ рукописей, не представляетъ собою цѣнности, годной для продажи.

Нельзя не желать такъ же, что бы по крайней мѣрѣ кое что изъ обозначенныхъ бумагъ, наиболѣе важное, было издано. Важны и многіе домыслы Григоровича; еще важнѣе его наблюденія, и всякаго рода матеріялы, имъ собранные. То и другое сообщалъ онъ разнымъ людямъ науки въ письмахъ; то и другое входило и въ составъ его университетскихъ чтеній; то и другое сохранилось, какъ видно, и въ отдѣльномъ видѣ. При этомъ нельзя терять изъ виду, что Григоровичь предупредилъ многихъ другихъ въ поискахъ древнихъ памятниковъ Славянской письменности и памятниковъ народнаго языка и словесности, и отмѣтилъ между прочимъ то, что не только прежде не было отмѣчено, но и послѣ ушло отъ внимательности наблюдателей. Къ стати вспомнить объ его

Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи: этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ научной наблюдательности едва ли когда перестанутъ дорожить Славянскіе филологи и археологи; но остаться въ такомъ видѣ, съ такимъ множествомъ всякаго рода опечатокъ (а можетъ быть и случайныхъ описокъ) оно не должно. Очеркъ долженъ быть переизданъ съ возможно болѣе тщательнымъ устраненіемъ всего, мѣшающаго имъ пользоваться съ довѣренностію. Не знаю, и найденъ ли будетъ бѣловой списокъ Очерка, приготовленный самимъ Григоровичемъ; но если бы онъ и не былъ найденъ, все таки возстановленіе Очерка, въ достойномъ видѣ, нисколько не невозможно. Все, что изъ отмѣченнаго Григоровичемъ сдѣлалось извѣстно по трудамъ преосв. Порфирія, П. И. Савостьянова, арх. Леонида, Авраамовича, Гильфердинга и нѣкоторыхъ другихъ, можетъ быть провѣрено по этимъ трудамъ, большею частію изданнымъ или же по крайней мѣрѣ извѣстнымъ въ хорошихъ снимкахъ и спискахъ; все остальное можетъ быть провѣрено по рукописямъ и бумагамъ, хранящимся въ Московскомъ музеѣ, а можетъ быть частію и по тѣмъ, которыя Григоровичемъ пожертвованы въ библіотеку Новороссійскаго университета. Я бы думалъ, что къ возстановленію Очерка слѣдуетъ приступить не ожидая того, что найдется бѣловой списокъ Григоровича, даже для того, что бы можно было легче провѣрить самый бѣловой списокъ, въ которомъ такъ же могли какъ нибудь проскользнуть кое какія невѣрности: Очеркъ долженъ быть изданъ не только какъ памятникъ дѣятельности Григоровича, но и какъ настольная книга для изслѣдователей.

Такъ или иначе должна быть доиздана и та часть глаголическаго четвероевангелія, которую Григоровичъ поручилъ картографическому заведенію для печатанія фотолитографическимъ способомъ. Нельзя не желать, чтобы хоть эта частичка его драгоцѣннаго собранія рукописей была издана такъ, какъ онъ могъ желать.

Григоровичь умеръ на 62-мъ году жизни. Кто видѣлъ его не задолго до смерти, въ 1874 и 1875 гг., не могъ этого ожидать, глядя на его здоровое полное лице и слушая живую, одушевленную бесѣду его, приковывавшую къ нему его слушателей домыслами умнаго и ученаго изслѣдователя, поэтическими образами и свободнымъ богатствомъ изложенія, какъ это было на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ. Можно было напротивъ того надѣяться, что дѣятельность его, которою ознаменовались первые годы его научныхъ работъ по Славянской филологіи, возобновится опять, и что онъ додѣлаетъ то, что онъ могъ бы сдѣлать лучше всѣхъ своихъ собратій.

III.

Осипъ Максимовичь Бодянскій, скончавшійся 6 сент. 1877 года, родился 3-го ноября 1808 года въ мѣстечкѣ Варвѣ (Лохвицкаго уѣзда Полтавской губерніи) сыномъ священнослужителя.

Получивъ приготовительное образованіе въ Переяславской семинаріи, Бодянскій вступилъ студентомъ въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету (въ 1831 г.) въ такомъ возрастѣ (почти 23 лѣтъ), когда другіе оканчиваютъ или уже и окончили университетское образованіе, но за то съ такими знаніями по философіи и древнимъ языкамъ, какія въ то время получали немногіе не только въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ большей части семинарій, стоявшихъ тогда въ этомъ отношеніи значительно выше свѣтскихъ, и съ такимъ навыкомъ къ терпѣливому и стойкому труду и съ такою любознательностію, что университетскіе преподаватели не могли его не отмѣтить какъ одного изъ наиболѣе достойныхъ уваженія слушателей. Его успѣхи упрочили за нимъ доброе вниманіе наставниковъ: черезъ три года по вступленіи въ университетъ, въ 1834 г. Бодянскій получилъ степень кандидата; черезъ два года послѣ этого выдержалъ испытанія на степень магистра и въ 1837 г., въ слѣдъ за защищеніемъ диссертаціи, утвержденъ въ этой степени.

Эта диссертація была первымъ звѣномъ въ длинной цѣпи его трудовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указала опредѣлительно, въ какомъ кругѣ работъ думалъ сосредоточить свою дѣятельность новый труженикъ науки. Она была посвящена разработкѣ предмета въ то время совершенно новаго, можно сказать неизвѣстнаго. «О народной поэзіи Славянскихъ племенъ»: подъ такимъ заглавіемъ она вышла какъ довольно обширная книга, имѣя передъ собою только

нѣсколько отдѣльныхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ Русскихъ, Сербскихъ, Чешскихъ, Словацкихъ, Польскихъ, одинъ сводный сборникъ народныхъ пѣсенъ разныхъ Славянъ, выданный Чешскимъ поэтомъ Челяковскимъ въ подлинникѣ и въ Чешскомъ переводѣ (Slovanské národnj pjsně. V Praze. 1822—1827, въ 3-хъ книжкахъ) и нѣсколько легкихъ статей о народной поэзіи, навѣянныхъ неопредѣленнымъ чувствомъ потребности уважать все народное, и болѣе ничего. Даже и позже еще долго самые страстные поклонники народной поэзіи оставались съ нею въ очарованномъ кругѣ мечтаній, заступавшихъ мѣсто изслѣдованій, не зная, какъ взяться за дѣло, какъ за дѣло науки. Немудрено, что первый научный опытъ Бодянскаго довольно долго оставался съ значеніемъ строго ученаго разбора и рѣшенія знатока. Нельзя сказать, что онъ уже утратилъ совершенно это значеніе — если не по частнымъ выводамъ, то по способамъ ихъ достиженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ по нѣкоторымъ основнымъ убѣжденіямъ. Таковы напр. о поэзіи вообще: «всякая поэзія, чтобы быть самостоятельною, истинною поэзіей, должна быть народною; всякая народная поэзія съ достоинствами общечеловѣческаго художества соединяетъ еще особенныя, свойственныя ей какъ достоянію одного особеннаго народа, и выдѣляется отъ другихъ разными чертами, сводящимися въ одно цѣлое, изображающими и характеръ этой поэзіи и характеръ народа, которому она принадлежитъ; и т. д.

Выборъ задачи для магистерской диссертаціи не былъ рѣшеніемъ только частнаго пристрастія къ ней самого Бодянскаго: онъ былъ первымъ литературнымъ послѣдствіемъ одного изъ нововведеній Университетскаго устава 1835 года, которымъ въ числѣ каѳедръ историко-филологическаго факультета дало мѣсто каѳедрѣ исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій. Почти непосредственно за преобразованіемъ Московскаго университета на каѳедру эту вошелъ одинъ изъ главныхъ представителей исторической Русской науки того времени, М. Т. Каченовскій, бывшій до того въ продолженіи двадцати семи лѣтъ профессоромъ то археологіи, то словесности, то исторіи и статистики Русской,

то исторіи и статистики всеобщей, приготовленный къ новому назначенію болѣе всѣхъ своихъ товарищей и все таки очень мало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вступившій тогда въ седьмой десятокъ лѣтъ жизни. На виду у Каченовскаго какъ будущій помощникъ его по каеедрѣ, былъ Бодянскій, ученикъ имъ любимый и по познаніямъ, и по трудолюбію, и какъ землякъ. Каченовскій сталъ поддерживать Бодянскаго въ занятіяхъ Славянскими нарѣчіями и былъ главнымъ виновникомъ выбора предмета для диссертаціи — если не въ частности, то по крайней мѣрѣ вообще.

Когда съ открытіемъ каѳедры Славянской предложено было университетамъ выбрать молодыхъ ученыхъ для путешествія по Славянскимъ землямъ, съ цѣлію приготовляться къ занятію этой кафедры, отъ Московскаго университета, непосредственно за утвержденіемъ Бодянскаго въ степени магистра, представленъ былъ онъ для этого путешествія, и съ соизволенія Государя Императора отправленъ въ путешествіе на два года, а за тѣмъ, частію по ученымъ занятіямъ частію по болѣзни—остался заграницею еще три года. Бодянскій былъ первый изъ отправленныхъ въ то время молодыхъ ученыхъ въ Славянскія земли и пробылъ въ путешествіи болѣе всѣхъ другихъ. Какъ дѣятеленъ былъ онъ во время этого путешествія, какъ старался воспользоваться всѣмъ, что представлялось ему нужнымъ для его научныхъ цѣлей, и знакомствами, и библіотеками, и пособіями для изученія нарѣчій и словесности, и источниками по исторіи Славянъ, это выражалось въ уважительныхъ отношеніяхъ къ нему Западно-Славянскихъ ученыхъ того времени. Къ сожалѣнію нѣтъ на виду достаточнаго числа подробностей о томъ, какъ расположилось все его путешествіе, когда чѣмъ и какъ онъ занимался, чего когда искалъ и достигалъ. Въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія напечатано только два его отчета: одинъ отъ 23 марта 1838 г., (XVIII: 323), а другой отъ 1 февраля 1839 г., (XXIII: IV: 15). Изъ перваго видно, что Бодянскій выѣхалъ за границу черезъ Южнорусскія земли. Остановившись въ Переяславлѣ, онъ занялся двумя харатейными евангеліями, изъ которыхъ одно (написанное

въ 1656 г.) съ особенностями Малорусскаго говора дало ему поводъ высказать нѣсколько убѣжденій о Старославянскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ онъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя изъ рукописей тамошнихъ библіотекъ. Изъ Кіева черезъ Варшаву и Бреславль, онъ пріѣхалъ въ Прагу, гдѣ въ первые четыре мѣсяца занимался «исключительно — систематическимъ усовершенствованіемъ себя въ старомъ и новомъ Чешскомъ, Словацкомъ, Верхне- и Нижне-Лужицкомъ языкахъ, ихъ исторіи литературы и исторіи народа». Изъ втораго отчета узнаемъ, что Бодянскій пробылъ въ Прагѣ еще болѣе полугода, и съ апрѣля занимался древними Чешскими памятниками — по подлинникамъ. Лѣто до сентября онъ лѣчился въ Карлсбадѣ и Теплицѣ; сентябрь провелъ въ переѣздахъ по Чехіи для наблюденія надъ языкомъ Чешскимъ въ устахъ самого народа. Въ октябрѣ онъ переѣхалъ въ Моравію, и посѣтилъ тамъ Оломуцъ, Брно и Райградъ, знакомясь съ дѣятелями и съ нѣкоторыми изъ памятниковъ. Въ числѣ памятниковъ съ полною довѣренностью въ подлинность онъ занялся монетами съ записью ΠΕΓΝΗΣΕ (пенизе: пенязи) и Райградскою Латинской рукописью, гдѣ Палацкимъ отмѣчены кирилловскія приписки какъ очень древнія. Переѣхавъ въ Вѣну, онъ сблизился съ тамошними дѣятелями, и изъ памятниковъ занялся исключительно Октоихомъ Ганкенштеина и «сдѣлалъ изъ него огромныя извлеченія и нѣсколько снимковъ». Изъ Вѣны Бодянскій поѣхалъ въ Венгрію, гдѣ останавливался въ Пресбургѣ, потомъ, переѣхавъ черезъ сѣверные комитаты, спустился въ Пештъ и тамъ остался на зиму, сближаясь съ дѣятелями и осматривая библіотеки. Изъ Пешта Бодянскій предполагалъ проѣхать въ южную Венгрію, населенную Сербами, потомъ въ Турцію и именно въ Сербію и въ Болгарію, потомъ въ Седмиградію (Трансильванію), Буковину, Галицію, земли Венгерскихъ Русиновъ и Словаковъ, за тѣмъ къ Словинцамъ. «Заключая донесеніе — писалъ Бодянскій — считаю обязанностію присовокупить. что въ теченіе годоваго моего пребыванія за границей, кромѣ ближайшаго знакомства съ исторіей и литературой Чешской, Польской, Словац-

кой и Сербской, я успѣлъ усвоить себѣ и языки этихъ четырехъ соплеменныхъ намъ народовъ, и имѣю твердую надежду то же сдѣлать и съ остальными Славянскими языками, т. е. Булгарскимъ, Словинскимъ, Лужицкимъ». Что̀ именно исполнено Бодянскимъ изъ имъ предположеннаго, мнѣ остается неизвѣстнымъ Знаю только, что долгая болѣзнь не могла не отнять у него много времени — если не по домашнимъ занятіямъ, то по крайней мѣрѣ по задачамъ путешествія. Въ своемъ послѣднемъ отчетѣ, вышедшемъ въ видѣ отдѣльной статьи (О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій. Журн. мин. нар. просв. за 1843 г. XXXVIII: II: 130) Бодянскій упомянулъ, что послѣ долговременнаго пребыванія въ Судетахъ, у Присница, возстановленный въ здоровьи, онъ прибылъ во Вратиславль (Бреславль) въ исходѣ апрѣля 1842 г. и оттуда думалъ поѣхать въ Лужицы; но прежде этого рѣшился заняться во Вратиславлѣ. Здѣсь, почти въ концѣ лѣта, подъ самый конецъ путешествія, мы сошлись съ нимъ, когда и онъ и я передъ возвратомъ на родину имѣли въ виду только нѣкоторыя изъ Польскихъ мѣстностей. Вмѣстѣ мы поѣхали въ Познань и потомъ въ Варшаву, вмѣстѣ пріѣхали и въ Вильну, откуда онъ направился въ Москву, а я, желая хоть нѣсколько ознакомиться съ Бѣлоруссами, поѣхалъ на югъ. Жили мы вмѣстѣ въ одной комнатѣ и работали въ Познани; а въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, живя стѣна объ стѣну, видались очень часто. Вездѣ, гдѣ мы останавливались, онъ находилъ себѣ работу, и работалъ изо дня въ день цѣлый день, вставая рано и ложась поздно. Особенно занимался онъ выписками изъ рукописей, которыя мы получали на домъ: что̀ онъ выписывалъ, я большею частію не зналъ, но выписывалъ онъ цѣлыми тетрадями. Позже оказалось — для чего онъ дѣлалъ выписки, хотя едва ли и доселѣ не осталось многое, имъ выписанное, безъ употребленія.

Когда Бодянскій воротился въ Москву (въ сентябрѣ 1842 г.), Каченовскаго уже не было въ живыхъ (онъ умеръ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ), — и Бодянскій занялъ каѳедру исторіи и

литературы Славянскихъ нарѣчій какъ самостоятельный преподаватель въ званіи экстраординарнаго профессора — въ то же время, когда два другіе его товарища по цѣли путешествія начали такъ же преподаваніе въ двухъ другихъ университетахъ.

Какъ каждый изъ нихъ понялъ свои обязанности, какъ распредѣлилъ свое преподаваніе, знать это еще важнѣе, чѣмъ знать, какъ каждый изъ отправленныхъ въ ученое путешествіе по Славянскимъ землямъ, совершилъ его съ цѣлію приготовиться къ занятію каѳедры. Этими новыми преподавателями начиналось университетское изложеніе науки новой не только для Россіи, но и вообще, науки по которой нельзя было университетскому преподавателю отвѣчать на неизбѣжный въ то время вопросъ «какихъ руководствъ придерживается онъ въ изложеніи предмета». Не было не только руководствъ, но даже ни одного опредѣлительно высказаннаго мнѣнія, что̀ должно входить въ составъ курсовъ по этой новой каѳедрѣ. Не было оспариваемо только то, что преподаватели должны помочь своимъ слушателямъ въ изученіи главныхъ Славянскихъ нарѣчій и ознакомить ихъ съ достояніемъ западно-Славянскихъ литературъ; но какъ, въ какой степени, это оставалось на рѣшеніи доброй воли преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ самими преподавателями находимо было нужнымъ дать мѣсто и исторіи Славянъ, и этнографическому обзору Славянскаго племени, и Славянскимъ древностямъ, и грамматикѣ древняго Церковнаго Славянскаго языка, и т. д. Министерство народнаго просвѣщенія не посылало отъ себя преподавателямъ никакихъ наставленій, какъ бы предоставляя выработать содержаніе преподаваемой новой науки самимъ преподавателямъ. Не могло бы, казалось, остаться безъ пользы для этого отбираніе отъ каждаго изъ преподавателей программъ ихъ курсовъ и сообщеніе ихъ для свѣдѣнія всѣмъ другимъ; но и этого дѣлано не было. Что̀, въ какомъ порядкѣ и какъ излагалъ проф. Бодянскій оставалось извѣстнымъ только однимъ слушателямъ, — и уже отъ нихъ переходило по частямъ и случайно къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые желали имѣть объ этомъ свѣ-

дѣнія. Такъ между прочимъ сдѣлалось извѣстно, что, начиная съ перваго года преподаванія, проф. Бодянскій постоянно посвящалъ часть своихъ изложеній объяснительному чтенію образцовъ нарѣчій Сербскаго, Чешскаго и Польскаго, и что эти чтенія при постоянномъ участіи самихъ слушателей были самыя полезныя. Еще извѣстно, что въ кругъ его преподаванія входили, кромѣ Славянскаго народоописанія по книжкѣ П. Шафарика, самимъ Бодянскимъ переведенной и изданной, разныя части исторіи литературы Сербской, Чешской и Польской, части политической исторіи Славянъ, части общесравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій, что всѣ или почти всѣ эти части преподаванія излагались пр. Бодянскимъ очень подробно, и по крайней мѣрѣ нѣкоторыя совершенно самостоятельно. Извѣстно такъ же, что проф. Бодянскій усердно помогалъ заниматься изученіемъ Славянства тѣмъ изъ своихъ слушателей — студентовъ и окончившихъ студентскія курсы, которые избирали Славянство главнымъ предметомъ своихъ занятій, руководилъ ихъ учеными трудами, и т. п. Нѣкоторые изъ его слушателей отзывались объ его участіи въ ихъ трудахъ съ живою признательностью. На память объ этой дѣятельности проф. Бодянскаго осталось нѣсколько напечатанныхъ, очень замѣчательныхъ изслѣдованій, между прочимъ разборъ Сербо-лужицкихъ нарѣчій г. Новикова, Исторія Сербскаго языка г. Майкова и др.

Дѣятельнымъ и полезнымъ преподавателемъ, съ небольшимъ перерывомъ въ 1848—1849 гг., онъ оставался въ должности ординарнаго профессора до 1855 г., а потомъ въ званіи ординарнаго профессора, до 1868, когда принужденъ былъ выйдти въ отставку. Въ послѣдніе годы жизни его исключительнымъ занятіемъ, кромѣ чтенія, было веденіе дѣлъ Общества исторіи и древностей, сосредоточивавшихся въ его рукахъ, и изданіе Чтеній этого общества, гдѣ онъ помѣщалъ и свои труды.

Что касается до литературной дѣятельности Бодянскаго, то она такъ обильна плодами, что стойкое трудолюбіе Бодянскаго можетъ быть поставляемо въ образецъ другимъ научнымъ дѣяте-

лямъ Русскимъ и не Русскимъ. Законченныхъ изслѣдованій и вообще изслѣдовательныхъ работъ имъ издано сравнительно не много; но за то число переводовъ и изданій памятниковъ и его собственныхъ, и имъ вызванныхъ и вышедшихъ подъ его надзоромъ — безъ преувеличенія можно сказать — огромно.

Непосредственно по возвращеніи изъ за границы Бодянскій занялся переводомъ книжки извѣстнаго Чешскаго ученаго Шафарика, незадолго передъ тѣмъ изданной подъ названіемъ Slovanský národopis — Славянское народоописаніе, и издалъ ее въ Москвитянинѣ и отдѣльно (1843). Нѣсколько позже Бодянскій принялся за полный переводъ другого, гораздо болѣе важнаго произведенія Шафарика, его Славянскихъ древностей (Slovanské starožitnosti). Еще до выѣзда своего за границу въ 1837 г. Бодянскій предпринялъ изданіе своего перевода этого важнаго произведенія; но тогда напечатано было только начало его въ двухъ книгахъ. Въ 1848 году явился полный переводъ всего произведенія въ пяти книгахъ. Еще позже были имъ приготовлены и изданы переводы нѣсколькихъ частныхъ изслѣдованій Шафарика. Вообще говоря, Русскіе цѣнители заслугъ этого Чешскаго ученаго, не знающіе Чешскаго нарѣчія, обязаны знакомствомъ съ его трудами болѣе всего Бодянскому и почти ему одному. Нельзя при этомъ забыть, что Бодянскій, оставаясь въ постоянно близкихъ сношеніяхъ съ Шафарикомъ, оставался постоянно и горячимъ чтителемъ его заслугъ и мнѣній, какимъ могъ быть только безусловный его послѣдователь.

Вмѣстѣ съ Шафарикомъ Бодянскій уважалъ и Палацкаго, не менѣе извѣстнаго Чешскаго дѣятеля, — и не только другихъ поощрялъ къ изученію и переводу его произведеній, но и самъ перевелъ нѣсколько его статей, которыя послѣ и напечаталъ.

Въ ряду западно-Славянскихъ писателей, съ которыми Русскихъ читателей познакомилъ Бодянскій въ первые годы по возвращеніи изъ-за границы, былъ еще Д. Зубрицкій, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей изъ Галицкихъ Русиновъ: отдѣльныя статьи его по исторіи Галицкой Руси, написанныя и напе-

чатанныя по Польски, были Бодянскимъ подобраны, переведены и изданы подъ названіемъ: Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси (М. 1845 г.).

Изъ своихъ собственныхъ изслѣдовательныхъ работъ онъ въ эти годы издалъ статью о Церковно-Славянскомъ языкѣ и въ ней сказаніе монаха Храбра по особому списку (Жур. мин. нар. просв. XXXVIII: 130—168) и другую о собраніи Словацкихъ народныхъ пѣсенъ, изданныхъ Я. Колларомъ.

Съ 1846 г. начался новый періодъ дѣятельности Бодянскаго, продолжившійся до самой смерти и только случайно разбившійся на двѣ части въ 1848—1857 гг. Въ 1845 г. Бодянскій избранъ былъ секретаремъ Общества исторіи и древностей, и съ 1846 г. сталъ издавать повременникъ подъ названіемъ: Чтенія въ засѣданіяхъ общества. Въ первый годъ изданія вышло 4 книги, во второй и въ третій по 9-ти; столько же должно было выдти и въ четвертомъ году, но по особеннымъ обстоятельствамъ это изданіе было пріостановлено на 2-й невышедшей книгѣ 4-го года. Заступившій мѣсто Бодянскаго Бѣляевъ продолжалъ этотъ повременникъ общества, подъ особеннымъ названіемъ Временника, въ продолженіи 10 лѣтъ: отъ 1848 до 1858 вышли 25 большихъ томовъ такого же содержанія, какъ и вышедшіе передъ тѣмъ 23 книги Чтеній. Въ 1858 г. возобновилась дѣятельность Бодянскаго по обществу, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и изданіе Чтеній. Съ тѣхъ поръ каждый годъ выходило по 4 книги, только въ истекшемъ году Бодянскій успѣлъ приготовить къ изданію двѣ книги. Такимъ образомъ Бодянскимъ издано всего на все 97 книгъ Чтеній. Прибавивши къ этому 25 книгъ Временника, отличающагося отъ Чтеній только названіемъ, мы получимъ 112 книгъ, изданныхъ въ теченіи 31 года. До 1846 г. Общество издавало Труды и лѣтописи, Русскія достопамятности, Русскій историческій сборникъ и кромѣ того отдѣльныя книги. Съ 1815 года до 1846 издано 8 книгъ Трудовъ, 3 книги Достопамятностей, 7 книгъ Истор. Сборника и 20 книгъ отдѣльныхъ, всего на все 38 книгъ — такъ же въ теченіи 31 года, т. е. въ три

раза менѣе, если взять во вниманіе число книгъ, а сравнивъ тѣ и другія книги по величинѣ, можно безъ преувеличенія положить, что со времени Бодянскаго печатная дѣятельность Общества увеличилась болѣе чѣмъ въ 5 разъ. Увеличеніе печатной дѣятельности общества обыкновенно указываетъ не на увеличеніе дѣятельности его членовъ, а всего чаще на увеличеніе заботъ того, кто завѣдываетъ изданіями общества. И едва ли гдѣ и когда это выразилось рѣзче чѣмъ въ Обществѣ исторіи и древностей. Общество это не только сосредоточивалось въ лицѣ Бодянскаго но — по крайней мѣрѣ иногда — оно все покоило увѣренность въ свою жизненность и въ свое значеніе — на умѣ и волѣ Бодянскаго, какъ секретаря, въ дѣйствіяхъ его признавая свой умъ и свою волю. Имѣя въ виду непоколебимую стойкость Бодянскаго, какъ главную силу его характера, и его незамѣнимость какъ дѣятеля, неустаннаго и вполнѣ преданнаго Обществу, нельзя себѣ и представить, чтобы могло быть иначе. Взявшись за изданіе Чтеній Бодянскій придумалъ для этого повременнаго изданія такіе отдѣлы содержанія, и такой порядокъ помѣщенія вносимаго, что было мѣсто всему — и изслѣдованіямъ, и описаніямъ памятниковъ и самимъ памятникамъ, и запискамъ современниковъ прежняго и новаго времени, и всякимъ сборникамъ, и всякимъ замѣчаніямъ, всему, сколько нибудь подходящему подъ кругозоръ вниманія Общества, какъ бы оно велико или мало ни было, въ подлинникѣ ли или въ переводѣ. Не могло быть помѣщено только то, что почему нибудь Бодянскій находилъ неумѣстнымъ; но Бодянскій же хлопоталъ, болѣе чѣмъ кто другой могъ бы хлопотать, объ обогащеніи Чтеній всѣмъ достойнымъ вниманія и поощренія, — притомъ же, какъ издатель добросовѣстный, всегда давалъ преимущество тому, что получалъ отъ другихъ, передъ тѣмъ, что могъ бы дать отъ самого себя, и надъ этимъ чужимъ не рѣдко трудился по исправленію не только опечатокъ, но такъ же вольныхъ и невольныхъ ошибокъ переписи или и изложенія. Не говоря о сотняхъ статей разнаго рода малаго объема, въ Чтеніяхъ изданы очень обширныя сочиненія новыя и старыя, многія записки

современниковъ, и подлинныя Русскія, и иностранныя въ переводѣ, и сборники пѣсенъ и пословицъ, и памятники древніе, и т. д. Такимъ образомъ Чтенія составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только Русской, но и западно-Славянской.

Своихъ собственныхъ изслѣдованій Бодянскій помѣстилъ въ Чтеніяхъ очень немного и то только въ первые годы изданія. Значительно чаще являлись его случайныя замѣтки и объясненія, еще чаще его предисловія къ изданіямъ памятниковъ, записокъ и нѣкоторыхъ сочиненій. Записки, объясненія и предисловія Бодянскаго очень разнообразны не только по содержанію, но и по величинѣ, и большею частію богаты свѣдѣніями и указаніями.

Въ его переводѣ вышло въ Чтеніяхъ:

П. Шафарика О древне Славянскихъ Кирилловскихъ типографіяхъ въ южно-Славянскихъ и сосѣднихъ земляхъ. Чт. 1846. 3.

— О Сварогѣ. Чт. 1846. 1.

— Объ имени и положеніи города Винеты. Чт. 1847. 7.

— Разцвѣтъ Слав. письменности въ Булгаріи. Чт. Ш. 7.

— Ф. Палацкаго. Сравненіе законовъ ц. Стефана Душана Сербскаго и древнѣйш. земск. постановленій Чеховъ. Чт. 1846. 2.

— О Рус. князѣ Ростиславѣ. Чт. 1846. 3.

Собственныя его изслѣдованія и замѣчанія вышли въ Чтеніяхъ слѣдующія:

— О поискахъ моихъ въ Познанской публич. биб. Чт. 1846. 1.

— Объ одномъ прологѣ б-ки Москов. дух. типографіи и тождествѣ Хорса и Даждь-бога. Чт. 1846. 2. Переписка съ Сабининымъ по этому выводу. Чт. 1847. 9.

— Замѣчанія на проектъ положенія объ ученыхъ степеняхъ 1860. 4.

— Замѣчанія о Карамзинѣ. 1861. 3.

— Замѣчанія на проектъ университетскаго устава. 1862: 2.

— Польское дѣло. Записка. 1863. 2.

— Нужно ли преобразованіе календаря? 1864. 2.

— Объясненія. 1859: 1, 1864: 3, 1865: 2, 3, 1866: 2, 4, 1867: 1, 3, 1870: 1, 1870: 3, 1872: 1, 2: 1873. 1.

— О проектѣ устава Академіи наукъ. 1865. 2, 1866. 2.

— Рѣчь къ Славянамъ въ Москвѣ 1867. 2.

— Изображенія Слав. первоучителей на поляхъ образа святителя Николая со снимками 1868. 1.

— Замѣтки. 1869. 1, 1871. 1, 1873. 3, 1873. 4, 1874. 4, 1875. 2.

Главные памятники, изданные самимъ Бодянскимъ въ Чтеніяхъ, суть:

— Исторія Руссовъ или Малой Россіи *Георгія Конисскаго*. 1846. (стр. 265+IV+45) съ указателемъ.

— Винодольскій законъ въ подлинникѣ съ примѣчаніями, переведенными съ Сербскаго. 1846. 4.

— Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи *А. Ригельмана*. 1847., съ указателемъ.

— Исторія о Козакахъ Запорожскихъ. 1847. 6.

— Прѣніе митр. Даніила съ Максимомъ святогорцемъ. 1847. 7—9.

— Повѣсть о прихожденіи короля Стефана на в. Псковъ. 1847. 7.

— Выпись изъ грамоты о сочтаніи второго брака Паисія святогорца. 1847. 8.

— Сказаніе и повѣсть о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ 1847. 9.

— Паралипоменъ Зонаринъ III. 1.

— Переписка и др. бумаги Карла XII, Станислава Лещинскаго и др. III. 1.

— Краткое описаніе о козацкомъ Малороссійскомъ народѣ П. Симоновскаго. III. 2., съ указателемъ.

— Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. III. 3.

— Краткое историческое описаніе о Малой Россіи III. 6.

— Написаніе Георгія Скрипицы о вдовствующихъ попѣхъ III. 6.

— Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ купца Царскаго III. 7. съ большимъ предисловіемъ.

— Лѣтопись монастыря Густынскаго. III. 8.

— Описаніе о Малой Россіи и Украйны С. Зарульскаго III. 8.

— Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія. IV. 2.

— Граматично изказаніе об рускомъ језúку попа *І. Крижанища*. IV: I. 1859. 4.

— Діаріушъ генер. хор. 4. Д. Ханенка. 1858. 1.

— Розыскъ Висковатого. 1859. 2.

— Житіе Ѳеодосія Почерскаго, списаніе Нестора. 1858. 3.

— Источники Малорос. исторіи, собр. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. 1859. 1.

— Чтеніе Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ. 1859. 1.

— Московскіе глагольскіе отрывки. 1859. 1. съ введеніемъ и снимками.

— Разсужденіе инока князя Вассіана объ отчинахъ монастырскихъ 1859. 3.

— Житіе Ѳеодосія Терновскаго, списано куръ Калистомъ 1860. 1.

— Переписка между Россіей и Польшей. 1860. 4, 1861. 1, 1863 4.

— Путешествіе въ Іерусалимъ Іероѳея іеромон. Рачанинскаго. 1861. 4.

— Журналъ Г. М. Кречетникова и письма къ нему 1862.

— Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собраніе Я. Ѳ. Головацкаго, изд. Бодянскаго съ его предисловіемъ. 1862. 3 и далѣе.

— Проекты объ уничтоженіи Греко-Рос. вѣроисповѣданія въ отторженныхъ Польшею отъ Россіи областяхъ. 1862. 4.

— Кирилл и Меѳодій. Собраніе памятниковъ до дѣятельности сс. первоучителей Славянскихъ племенъ относящихся. I. Памятники отечественные. 1863. 2; 1864. 2; 1865. 1, 2; 1866. 2; 1873. 1.

— Хорватская хроника XII в. 1867: 3.

— Записки Ѳедора Бродовича о 1789 г. съ предисловіемъ 1868. 3, 4.

— Мнѣніе о разности между восточн. и западною церковью А. Н. Голицина. 1870. 1.

— Житіе сс. мм. Бориса и Глѣба, по сп. XII и XIV в. 1870. 1; съ больш. предисловіемъ и снимками.

— Латыши г. Меркеля съ больш. предисловіемъ 1870. 1.

— Правила о единовѣрцахъ со вступленіемъ 1870. 2.

— Матеріалы для исторіи Россіи изъ рукописей Британскаго музея, съ предисловіемъ. 1870. 3.

— Дѣло Гадяцкаго полковника М. Милорадовича 1716 г. 1870. 3.

— Физика, выбранная М. Сперанскимъ. 1797 г. съ предисловіемъ. 1871. 3. 1872 1.

— Актъ Зографскаго монастыря 980—981., со снимкомъ. 1873. 1.

— Записки Меербеера съ предисловіемъ. 1873. 3, 1874. 1.

— Путешествіе въ Иммеретію А. Е. Соколова, съ предисловіемъ. 1874. 4.

— Реестра войска Запорожскаго. 1874. 2.

— Письма Иннокентія еписк. Пенз. и Сарат., съ предисловіемъ. 1874. 4.

— Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна. 1575 г. 1876. 2, съ предисловіемъ.

Въ Чтеніяхъ всего драгоцѣннѣе памятники приготовленные къ изданію самимъ Бодянскимъ, между прочимъ—Житія Кирилла и Меѳодія, Похвальныя слова имъ и пр. во множествѣ списковъ, Житія Бориса и Глѣба, Житіе Ѳеодосія Печерскаго, Московскіе

глагольскіе отрывки, и другіе менѣе древніе памятники; за тѣмъ огромное число матеріаловъ для исторіи Малороссіи и пр. и пр. Не мало важныхъ памятниковъ, приготовлявшихся Бодянскимъ къ изданію въ Чтеніяхъ, остались не изданными.

Неутомимость Бодянскаго въ изданіи Чтеній невольно поражала всякого столько же, какъ и стойкость его характера, и самостоятельность воззрѣній на всѣхъ и все, соединяемая нерѣдко и съ самомнѣніемъ. Издавая Чтенія, Бодянскому приходилось и искать запасовъ, для этого годныхъ, и выбирать и подбирать ихъ, и перечитывать корректуры, начиная съ первой, много со второй, и хлопотать въ типографіи, наблюдая за печатаніемъ. Не мудрено, что ему иногда не доставало времени ни для чего другого, что онъ не успѣвалъ продолжать своихъ собственныхъ начатыхъ трудовъ, и тѣмъ менѣе могъ успѣвать строго оцѣнять то, что приносилось ему для изданія въ Чтеніяхъ, и всегда одинаково быть внимательнымъ къ частнымъ ошибкамъ содержанія и къ опечаткамъ, какъ дѣлалъ бы непремѣнно — даже по желанію придать Чтеніямъ какъ можно болѣе значенія.

Самое важное изслѣдованіе Бодянскаго издано имъ не въ Чтеніяхъ и не во Временникѣ, какъ бы могло случиться по времени напечатанія (1855 г.), а отдѣльно. Это была большая книга «О времени происхожденія Славянскихъ писменъ», гдѣ въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособія и мнѣнія, касающіеся этой задачи, и гдѣ обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянскаго высказались въ полномъ свѣтѣ. Все изслѣдованіе раздѣлено на четыре главы. Первая заключаетъ въ себѣ обзоръ свидѣтельствъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: къ одному отнесены источники (Греческіе, Западные и отечественные), ко второму пособія, т. е. свидѣтельства проложныя и лѣтописныя, какъ пересказы источниковъ. Во второй главѣ данъ разборъ свидѣтельствъ съ мыслію объяснить, какія и почему заслуживаютъ болѣе уваженіе. Третья глава, самая живая по увлеченію сочинителя, самая замѣчательная для того кто желаетъ познакомиться съ главными его убѣжденіями,

есть переборъ мнѣній относительно разбираемаго вопроса, начиная отъ старѣйшихъ, XVII вѣка, до послѣднихъ современныхъ. Въ четвертой главѣ еще разъ перебраны сравнительно и объяснительно главныя показанія, и дано общее рѣшеніе: Славянскія письмена созданы Кирилломъ философомъ въ Цареградѣ въ 862 году. Къ этому обширному изслѣдованію приложены не менѣе обширныя примѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть цѣнимы какъ отдѣльныя изслѣдованія: таковъ на пр. разборъ Житія Вячеслава князя Чешскаго (стр. 76—88).

Не въ изданіи же Общества, а въ Русскомъ вѣстникѣ (1856 г.) явилась и его работа о новыхъ открытіяхъ въ области глаголицы. Позже появился его разборъ книги П. А. Лавровскаго Кириллъ и Меѳодій (Седьмое присужденіе Уваровскихъ премій 1864 г.); а еще позже его рѣчь о Ломоносовѣ (Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова (М. 1865 г. 80 114).

Изъ изданій памятниковъ, приготовлявшихся личнымъ трудомъ самого Бодянскаго, съ наибольшимъ нетерпѣніемъ ожидаемы были два: изданіе Святославова списка Изборника 1073 года и изданіе твореній Іоанна екзарха Болгарскаго. Изборникъ принадлежащій въ спискѣ 1073 года къ числу драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древняго Русскаго письма и оказавшійся по изслѣдованію Востокова простымъ переводомъ Греческой книги, а по открытію Шевырева переводомъ времени Симеона Болгарскаго, достоинъ былъ самого тщательнаго ученаго изданія, и Бодянскій предпринялъ именно такое изданіе его: Славянскій переводъ долженъ былъ явиться съ Греческимъ подлинникомъ, съ Латинскимъ переводомъ и съ объяснительнымъ словаремъ-указателемъ; къ сожалѣнію отпечатано 23 лл., т. е. 184 стр.—и если нѣтъ продолженія и окончанія этого труда въ бѣловомъ спискѣ, то едвали можно надѣяться на допечатаніе всего памятника. Творенія Іоанна екзарха Болгарскаго, именно Шестодневъ и Богословіе Іоанна Дамаскина, приготовлялись по древнѣйшимъ спискамъ Синодальной библіотеки, съ которыми какъ и вообще съ Іоанномъ екзархомъ въ первые познакомилъ подробно изслѣдователей

Калайдовичъ слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, и кажется въ полнѣ отпечатаны: нельзя не надѣяться, что этотъ трудъ Бодянскаго появится въ непродолжительномъ времени. Очень было бы желательно найдти въ бумагахъ Бодянскаго и затѣмъ въ изданіи какія нибудь объяснительныя примѣчанія къ напечатанному тексту объ отличіяхъ другихъ списковъ и т. п.

Едва ли этими двумя изданіями можетъ быть завершено все, что нужно и можно издать изъ того, что осталось послѣ Бодянскаго. По свѣдѣніямъ А. Е. Викторова и въ томъ, что передано въ Общество исторіи и древностей, и въ томъ, что осталось у вдовы покойнаго, есть по крайней мѣрѣ кое что замѣчательное— между прочимъ описанія рукописей съ выписками и ученая переписка.

Если бы впрочемъ не оказалось возможности издать и ничего изъ неизвѣстныхъ трудовъ Бодянскаго, то довольно и изданнаго имъ, чтобы оцѣнить его заслуги.

Не много было у насъ такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какимъ былъ Бодянскій, нельзя не признавать его заслугъ, какъ заслугъ важныхъ, достойныхъ благодарности общей.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 7.

ОТЧЕТЪ

КОМИССІИ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ

ГРАФА Н. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКИ

ЗА БІОГРАФІЮ КАНЦЛЕРА КНЯЗЯ А. А. БЕЗБОРОДКИ.

(Составленъ академикомъ Я. К. Гротомъ и читанъ имъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 6 апрѣля 1878 г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Іюнь 1878 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Отчетъ Комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева Безбородки за біографію Канцлера Князя А. А. Безбородки.

(Составленъ академикомъ Я. К. Гротомъ, и читанъ имъ въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 6 апрѣля 1878 г.).

Въ октябрѣ 1856 года графъ Н. А. Кушелевъ-Безбородко пожертвовалъ 5,000 руб., съ тѣмъ чтобы какъ изъ этого капитала, такъ и изъ процентовъ съ него учреждена была при Академіи Наукъ премія за лучшее жизнеописаніе государственнаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородки. При этомъ было постановлено, что въ сочиненіи должно быть изложено, съ надлежащею полнотою, все что касается не только частной жизни князя Безбородки, но и дѣятельности его какъ государственнаго человѣка, въ связи съ духомъ времени и съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился: авторъ долженъ принять въ основаніе своего труда не одни печатные, русскіе и иностранные, источники, но и архивные и вообще еще неизданные матеріалы. Всѣ представленные авторомъ главные факты и соображенія должны быть подкрѣплены указаніемъ на источники, которыми онъ пользовался. Важнѣйшіе же изъ неизданныхъ документовъ должны быть присоединены къ сочиненію, въ видѣ приложенія къ оному.

Срокомъ для представленія сочиненій на этотъ конкурсъ на первый разъ было назначено 1-е декабря 1874 г. Въ случаѣ, если къ этому сроку будетъ доставлено хотя одно сочиненіе, Академія приступитъ къ его разсмотрѣнію, и буде оно признается достойнымъ награды, то отчетъ объ этомъ присужденіи будетъ прочтенъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 6-го апрѣля 1875 г.,

въ память дня кончины канцлера князя А. А. Безбородко, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1799 года. Въ случаѣ же неполученія Академіею къ вышеозначенному сроку ни одного сочиненія или неудовлетворительности представленныхъ ей сочиненій, конкурсъ будетъ возобновляться ежегодно до тѣхъ поръ, пока не явится сочиненіе, которое удостоится преміи.

Вся сумма, какая составится изъ капитала, пожертвованнаго для сей цѣли покойнымъ графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородкою въ 1856 году, и изъ процентовъ, которые съ того времени нарастутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи, назначается автору въ награду за его трудъ и на покрытіе расходовъ по изданію въ свѣтъ сочиненія и приложенныхъ къ нему документовъ; она будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его сочиненія.

Князь Безбородко, не смотря на роль, которую онъ игралъ въ событіяхъ и политикѣ царствованія Екатерины II, до сихъ поръ обращалъ на себя мало вниманія въ нашей исторической литературѣ. Можно даже сказать, что заслуги его и значеніе еще не были вполнѣ оцѣнены. О немъ ходило нѣсколько анекдотовъ, которые приводились въ доказательство его необыкновенной памяти и находчивости, говорилось о его участіи въ присоединеніи Крыма и въ заключеніи ясскаго мира, но обстоятельства его жизни не были достаточно извѣстны и, кромѣ двухъ-трехъ краткихъ и поверхностныхъ очерковъ его жизнеописанія, не было ни одной посвященной ему монографіи. Н. И. Григоровичъ, рѣшившись пополнить этотъ недостатокъ свѣдѣній объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи Россіи за вторую половину XVIII столѣтія, употребилъ около 10-ти лѣтъ на самое тщательное изученіе его жизни и характера. Такимъ образомъ произошелъ объемистый трудъ, представленный на судъ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: *Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени.* Рукописный текстъ этого изслѣдованія занимаетъ два большіе тома въ листъ, къ кос

торымъ присоединяются еще приложенія въ трехъ такихъ же томахъ. Комиссія, назначенная Академіею Наукъ для разсмотрѣнія его и состоявшая изъ академиковъ: А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, А. А. Куника, И. И. Срезневскаго и М. И. Сухомлинова, нашла трудъ г. Григоровича вполнѣ соотвѣтствующимъ условіямъ, постановленнымъ учредителемъ преміи за лучшее жизнеописаніе князя Безбородки. Заключеніе это было одобрено общимъ собраніемъ Академіи въ засѣданіи 31 минувшаго марта.

Благодаря труду г. Григоровича, нравственный и политическій обликъ знаменитаго государственнаго мужа является намъ теперь въ весьма полномъ и опредѣленномъ очертаніи; это цѣльный, очень характерическій образъ, возникающій изъ подробнаго разсмотрѣнія общественной и частной его жизни. Чтобы показать, какъ авторъ выполнилъ свою задачу, мы представимъ обзоръ какъ плана, которому онъ слѣдовалъ, такъ и содержанія его монографіи. Но прежде остановимся на источникахъ, которыми онъ пользовался.

Само собою разумѣется, что для доставленія возможной полноты и достовѣрности своимъ изслѣдованіямъ, г. Григоровичъ старался не упустить ни одного изъ тѣхъ матеріаловъ, которые ему представляли не только печатные документы на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, но и въ особенности хранящіеся въ архивахъ государственныхъ и частныхъ. Ему были открыты архивы сената, синода, государственнаго совѣта, министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, почтоваго вѣдомства, главнаго штаба въ обѣихъ столицахъ и императорскаго кабинета. Изъ частныхъ архивовъ онъ имѣлъ доступъ къ бумагамъ: кн. Сергѣя Викт. Кочубея, гр. Григ. Александр Кушелева-Безбородки, гр. Алексѣя Ив. Мус.-Пушкина, гр. Григорія Александр. Милорадовича и Петра Аркад. Кочубея.

Изъ архивовъ частныхъ лицъ первое мѣсто, по обилію извлеченныхъ свѣдѣній, занимаетъ Диканьскій, принадлежащій князю Кочубею, внуку кн. Безбородки. Посѣтивъ въ 1869 г. Диканьку по приглашенію просвѣщеннаго хозяина, г. Григоровичъ нашелъ

въ немъ драгоцѣнныя письма Безбородки къ отцу и матери, также къ другимъ родственникамъ и къ графамъ Александру и Семену Романовичамъ Воронцовымъ. Интимное содержаніе этихъ писемъ, говоритъ г. Григоровичъ, ставитъ ихъ въ рядъ весьма важныхъ источниковъ для обоихъ царствованій 2-й половины XVIII стол. Политика наша въ ту эпоху и придворныя интриги живо и откровенно описаны кн. Безбородкою, что и заставляло его весьма нерѣдко просить того или другого изъ братьевъ Воронцовыхъ сжигать его письма; но къ счастью, участь эта миновала ихъ. Изъ писемъ же графовъ Воронцовыхъ къ нему сохранились весьма немногія. Большая часть ихъ вѣроятно сожжена самимъ Безбородкою, который чистосердечно сознавался въ этомъ графу Семену Романовичу. Столь же важное историческое значеніе имѣютъ письма Безбородки къ Потемкину, особенно за время когда послѣдній былъ вдали отъ двора, т. е. за время 2-й турецкой войны и шведской кампаніи. Изъ писемъ, адресованныхъ къ Безбородкѣ, особенно интересны писанныя Викт. П. Кочубеемъ изъ Турціи, гдѣ онъ занималъ постъ посланника. Въ пополненіе сокровищъ, почерпнутыхъ изъ Диканьскаго и Рѣшетиловскаго архивовъ, г. Григоровичъ имѣлъ возможность снять копіи съ писемъ и бумагъ канцлера, хранящихся у гр. А. И. Мусина-Пушкина, доставшихся ему послѣ смерти гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, графа Г. А. Милорадовича и кн. П. В. Кочубея.

Кромѣ того, г. Григоровичу были доставлены: весьма важныя письма князя Безбородки, адресованныя къ другу его Николаю Александровичу Львову,—составителемъ этого отчета; матеріалы, собранные изъ государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, — сенаторомъ А. А. Половцовымъ; изъ Рѣшетиловскаго архива — вице-предсѣдателемъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей Н. Н. Мурзакевичемъ, а также академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, М. И. Семевскимъ, Н. Ѳ. Дубровинымъ, Г. Н. Александровымъ, П. И. Бартеневымъ и П. В. Киселевымъ.

Можно надѣяться такимъ образомъ, что изъ доступныхъ

въ настоящее время въ предѣлахъ Россіи рукописныхъ источниковъ для біографіи Безбородки, весьма немногіе развѣ не были въ рукахъ г. Григоровича. Всѣ документы, которые служили ему источниками, указаны имъ и отчасти сообщены въ извлеченіяхъ или цѣликомъ въ приложеніяхъ къ біографіи, тщательно собранныхъ въ заключеніи труда, вмѣстѣ съ дополнительными къ тексту примѣчаніями. Изданіе однихъ этихъ документовъ, представляющихъ между прочимъ цѣлыя коллекціи писемъ, государственныхъ актовъ, докладовъ и другихъ трудовъ Безбородки, само по себѣ составило бы уже не малую заслугу для пополненія источниковъ русской исторіи прошлаго вѣка.

Г. Григоровичъ не имѣлъ возможности воспользоваться только тѣми извѣстіями о кн. Безбородкѣ, которыя разбросаны въ заграничныхъ архивахъ; но такъ какъ извлеченіе свѣдѣній изъ этихъ отдаленныхъ родниковъ исторіи всегда бываетъ сопряжено съ особенными затрудненіями для частныхъ лицъ, то отсутствія ихъ и нельзя ставить въ упрекъ автору настоящаго изслѣдованія, которое, и при этомъ недостаткѣ, всетаки представляетъ на первый случай значительную степень полноты по богатству собранныхъ въ отечествѣ и въ иностранной литературѣ матеріаловъ.

Біографія, разработанная г. Григоровичемъ, состоитъ изъ 23-хъ главъ, расположенныхъ частью въ хронологическомъ порядкѣ обстоятельствъ жизни Безбородки, частью по различнымъ отраслямъ его дѣятельности и сторонамъ жизни. Къ послѣднему роду отдѣловъ относятся напримѣръ слѣдующіе: отношенія къ писателямъ и къ просвѣщенію,—домашняя жизнь въ Петербургѣ. Одно краткое оглавленіе сочиненія г. Григоровича даетъ уже понятіе о высокомъ интересѣ его содержанія, и надо отдать справедливость автору, что ожиданіе, возбуждаемое этимъ оглавленіемъ, вполнѣ удовлетворяется прочтеніемъ самаго изслѣдованія.

Прослѣдимъ нѣкоторые моменты дѣятельности Безбородки по труду г. Григоровича, большею частью собственными словами біографа.

Въ годъ празднованія въ Москвѣ Кучукъ-кайнарджискаго ми-

ра, Безбородко былъ опредѣленъ ко двору Екатерины II, на должность секретаря ея для принятія челобитныхъ. По пріѣздѣ его изъ Москвы въ Петербургъ, въ январѣ 1776 года, трудолюбіе и способность на лету схватывать распоряженія Императрицы и облекать ихъ въ форму высочайшихъ повелѣній, скоро доставили Безбородкѣ видное положеніе.

Въ концѣ 1778 года о служебныхъ занятіяхъ своихъ онъ писалъ къ отцу въ Малороссію: «Служба наша пріятна и видна, но нескоро полезна бываетъ, а представлять у двора приличную функціи фигуру довольно надобно иждивенія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ что шагъ ступить, то и платить надобно. Впрочемъ, я не могу довольно нахвалиться пребываніемъ своимъ здѣсь. Ея Императорское Величество отъ дня въ день умножаетъ ко мнѣ свою повѣренность. Для собственнаго вашего знанія скажу, дабы не причли сего въ самохвальство, что тамо вся публика и дворъ видитъ меня, яко перваго ея секретаря, потому черезъ мои руки идутъ дѣла: сенатскія, синода, иностранной коллегіи, не исключая и самыхъ секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ». Современники Безбородки: дипломаты и лица, близко стоявшія къ дѣламъ, видѣли въ немъ дѣльца, выходившаго изъ ряда тогдашнихъ секретарей Екатерины.

Обильная служебная дѣятельность Безбородки за первые годы жизни его въ столицѣ не отвлекала его и отъ ученыхъ занятій. Въ періодъ съ 1776 по 1779 годъ онъ составилъ а) обширную историческую записку о Татарахъ; б) участвовалъ въ составленіи лѣтописи Малой Россіи, изданной Рубаномъ, и в) составлялъ, по повелѣнію Государыни, «Хронологическую таблицу замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II», которая, къ сожалѣнію, составителемъ біографіи не отыскана.

Въ концѣ 1780 года Безбородко подалъ Государынѣ записку, извѣстную подъ названіемъ «Меморіала по дѣламъ политическимъ». По словамъ С. М. Соловьева, «записка эта имѣла весьма важное дипломатическое значеніе: въ авторѣ высказался тонкій и

дальновидный дипломатъ; она, почти слово въ слово, была переслана въ Вѣну, въ формѣ предложенія нашего двора».

Въ запискѣ Безбородко говоритъ, что, при условіи заключенія договора съ императоромъ Іосифомъ II, для Россіи нужно имѣть: 1) Очаковъ, 2) Крымскій полуостровъ и 3) одинъ или два острова въ Архипелагѣ. Австрія могла получить: Бѣлградъ съ частію Сербіи и Босніи, но въ томъ случаѣ, если бы вѣнскій дворъ согласился относительно дальнѣйшаго жребія Оттоманской Порты. При этомъ предполагалось, что «ежели обѣ державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли бы заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ, сверхъ обоестороннихъ пріобрѣтеній, полезно было бы имъ условиться и постановить, чтобъ Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ именемъ своимъ древнимъ Дакіи, учреждена была областію независимою, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіанскаго, тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго Императорскаго дома, то хотя другая какая-либо особа, на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи».

Въ концѣ того же 1780 г. Безбородко былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ «полномочнаго для всѣхъ негоціацій», и въ тотъ же день произведенъ въ генералъ-маіоры.

Вскорѣ послѣ причисленія къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ онъ пріобрѣлъ полное, обстоятельное знакомство съ внѣшними политическими дѣлами и сталъ оказывать на ходъ ихъ вліяніе. Это какъ нельзя лучше подтверждаютъ депеши англійскаго посланника Гарриса.

Изъ многихъ его отзывовъ достаточно привести здѣсь одинъ, чтобы видѣть какое Безбородко имѣлъ значеніе въ политикѣ при началѣ вступленія своего на дипломатическое поприще. «Единственный человѣкъ, доносилъ Гаррисъ своему двору, отъ кого я могъ надѣяться получить нѣкоторую выгоду, былъ частный секретарь Императрицы, и то только потому,

что это личность честная и незараженная предразсудками, и съ нимъ, съ однимъ, Императрица разсуждаетъ объ иностранныхъ дѣлахъ. Безбородко ежедневно возвышается въ ея уваженіи».

Въ концѣ 1782 года Екатерина, оцѣнивъ многообразныя заслуги своего секретаря, отличила его вмѣстѣ съ первѣйшими сановниками государства: 22-го сентября Государыня, празднуя годовщину двадцатилѣтія своего коронованія и въ память этого дня учредивъ орденъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра, статутъ котораго былъ составленъ Безбородкою, сама возложила на него звѣзду и ленту ордена.

Обширныя предпріятія Екатерины, какъ по распространенію предѣловъ Россіи, такъ и по внутреннимъ учрежденіямъ, истощали государственныя доходы, которыми далеко не покрывались расходы. Государственный дефицитъ правительство обыкновенно покрывало новыми выпусками ассигнацій; но уже въ концѣ 1782 года было замѣчено, что ассигнаціи вымѣнивались съ платежемъ лажа, что́ возбудило опасеніе и принудило изыскивать другія, болѣе разумныя мѣры для улучшенія финансовъ.

Для достиженія этой цѣли была образована особая комиссія изъ членовъ, которымъ больше другихъ сановниковъ были знакомы наши финансы. Выборъ этихъ лицъ, какъ кажется, возложенъ былъ на Безбородку, и вскорѣ онъ сдѣлался въ этой комиссіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Еще не кончила своихъ работъ финансовая комиссія, какъ онъ призванъ былъ къ новому труду по изысканію лучшихъ мѣръ къ переселенію въ Россію ногайскихъ ордъ.

Въ то самое время, когда обсуждался финансовый вопросъ и вопросъ о Татарахъ, 31-го марта 1783 года, умеръ графъ Н. И. Панинъ, еще за два года до кончины своей удалившійся отъ дѣлъ по разногласію съ княземъ Потемкинымъ. Мѣсто умершаго занялъ графъ И. А. Остерманъ съ званіемъ вице-канцлера. Всѣ иностранные агенты видѣли въ новомъ вице-канцлерѣ «только занимаемое имъ мѣсто». Кауницъ называлъ его «автоматомъ», императоръ Іосифъ — «соломенной чучелой» (homme de paille).

Именемъ вице-канцлера управляла его канцелярія, во главѣ которой стоялъ талантливый и дѣятельный Безбородко, при поддержкѣ князя Потемкина, любившаго вмѣшиваться во всѣ политическія дѣла. Съ удаленіемъ Панина, Потемкинъ сталъ дѣйствовать еще самостоятельнѣе и вмѣстѣ съ Безбородкою приготовилъ присоединеніе къ Россіи Крыма. Мысль о присоединеніи Крыма, какъ было сказано, секретарь Екатерины высказалъ еще въ 1776 г., въ исторической запискѣ своей о Татарахъ. «Остался одинъ только Крымъ,—писалъ тогда Безбородко,—и подвластные ему Татары, отъ которыхъ Россія уже съ двѣсти тому лѣтъ какъ страждетъ и раззоренія претерпѣваетъ». Эти обстоятельства побудили его совѣтовать правительству: «принять добрыя мѣры противъ сихъ нашихъ вѣчныхъ непріятелей, дабы единожды навсегда привести себя отъ нихъ въ безопасность и чрезъ то доставить отечеству нашему надежное навсегда спокойствіе». Послѣдующія событія и разсказъ Безбородки въ автобіографической запискѣ его о дипломатическихъ трудахъ за первые годы своей службы при Екатеринѣ и о дѣятельности по присоединенію Крыма, ясно наводятъ на мысль, что «Записка его о Татарахъ» была извѣстна Императрицѣ, и что мысли его, выраженныя въ ней, достигли блестящихъ, небывалыхъ въ исторіи результатовъ. «Еще въ концѣ 1777 года», читаемъ въ автобіографической запискѣ, «когда Государынѣ угодно было употребить меня въ дѣла политическія, я предлагалъ г. Бакунину, которому отъ Ея Величества поручено было сочиненіе наставленія фельдмаршалу, что независимость Татаръ въ Крыму ненадежна для насъ и что надобно помышлять о присвоеніи сего полуострова; тогда еще о Кубани не было дѣла. Идея наша отчасти апробована была, и близко было дѣлать исполненіе. Все однакоже осталось не по нашимъ желаніямъ, для того что мы, отложа попеченіе о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, вмѣшались въ постороннія. Французы захватили въ руки нашу негоціацію, много испортили, однако насъ изъ хлопотъ вывели. Съ перваго момента понялъ я, что намѣреніе Государыни о Греческой монархіи серьезно и ощутилъ въ полной мѣрѣ, что сей

проектъ достоинъ великаго духа, а при томъ, что онъ конечно и исполненъ быть можетъ, ежели не станутъ выпускать его изъ виду, будутъ принаравливать всѣ дѣйствія и пользоваться счастливыми обстоятельствами. Для сего я сошлюся на самую Государыню. Когда Порта сдѣлала затрудненіе въ разныхъ выгодахъ по торговлѣ и въ дѣлѣ консула бухарестскаго, я, спроси Ея Величество, серьезно ли держаться того вида, и получа на то ея повелѣніе съ повтореніемъ, чтобъ вездѣ дѣйствовать гласомъ твердости ей свойственнымъ, присвоилъ себѣ всѣ сіи дѣла, велъ ихъ такъ, какъ съ волею Монаршею было сходно и для интересовъ Россіи полезно, чѣмъ нажилъ неудовольствіе многихъ. Въ системѣ нейтральной, въ недопущеніи ввести ее въ морскую войну, немало я участвовалъ; а что принадлежитъ до связи съ Австрійскимъ домомъ, то въ архивѣ секретномъ и теперь служитъ документомъ планъ мой, данный три дня спустя послѣ извѣстія о смерти императрицы-королевы (Маріи-Терезіи). Онъ былъ апробованъ, и вся перемѣна нынѣшняя есть слѣдствіе его. Сколько моего труда было по коммерческому съ Портою трактату и по Крымскому дѣлу! Скажутъ, что я только исполнялъ волю Государыни и дѣйствовалъ по ея генеральнымъ видамъ и намѣреніямъ; тутъ ясно, что были прежде меня министры, но было и то, что или не умѣли, или не очень хотѣли то приводить къ исполненію. Собственныя уваженія оныхъ превозмогли надъ всѣмъ прочимъ, а я боролся съ трудностями, не уважалъ непріятелей, не боялся, что много и страха, и всего было. Я посылаюсь на князя Потемкина, сколько моихъ стараній и работы было въ дѣлахъ нынѣшнихъ; онъ не запирался, что мысль о Крымѣ была наша общая и что къ исполненію ея были мы равными побудителями».

Въ октябрѣ 1783 года Безбородко избранъ былъ членомъ Россійской Академіи. Этимъ объясняется, что въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ находится портретъ Безбородки, копія съ подлинника Лампи.

12 октября 1784 г. Екатерина писала своему довѣренному секретарю: «Труды и рвеніе привлекаютъ отличіе. Императоръ

даетъ тебѣ графское достоинство. Будешь comes! Не уменьшится усердіе мое къ тебѣ. Сіе говоритъ *Императрица. Екатерина* же дружески тебѣ совѣтуетъ и проситъ не лѣниться и не спѣсивиться за симъ».

Преимущественному вліянію Безбородки на дѣла немало способствовало также и то, что онъ, занимая должность секретаря, ближе и ранѣе могъ знать о существѣ дѣлъ, нежели Остерманъ, и прежде послѣдняго могъ слышать о нихъ мнѣнія Государыни. Перевѣсъ его надъ вице-канцлеромъ былъ такъ замѣтенъ, что сдѣлался извѣстенъ самой Екатеринѣ, которая однакожъ не отдаляла отъ себя Безбородку, какъ способнѣйшаго и преданнаго ей дипломата. Недаромъ, она въ письмахъ своихъ къ Гримму, часто упоминая о его участіи въ исполненіи ея порученій, постоянно называетъ его не иначе какъ factotum.

Такъ смотрѣли на него и всѣ близко знакомыя съ дѣлами того времени лица. Министръ Генуэзской республики, патрицій Риварола, говоритъ: «Наибольшимъ вліяніемъ пользуется графъ Безбородко, секретарь кабинета Ея Величества: онъ ежедневно въ положенные часы докладываетъ ей о текущихъ дѣлахъ по всѣмъ министерствамъ и вмѣстѣ съ ней предварительно разбираетъ ихъ. Въ отсутствіе вице-канцлера онъ принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ съ ними переговоры. Онъ бы могъ быть вице-канцлеромъ при возвышеніи въ канцлеры графа Остермана; но пользуясь одинаковымъ содержаніемъ, предпочитаетъ свое положеніе блеску вице-канцлерскому. Дѣятельный, мягкаго характера, старающійся, по мѣрѣ возможности, угодить всякому, онъ считается искуснымъ дипломатомъ и ловкимъ царедворцемъ».

Графъ Сегюръ, посолъ Франціи при нашемъ дворѣ, свидѣтельствуетъ что, политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Безбородки. Разсказывая затѣмъ, что Екатерина, «диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, обращала ихъ въ простыхъ секретарей», онъ говоритъ между прочимъ о Безбородкѣ, что «онъ скрывалъ тонкій умъ подъ тяжелою наружностью» и болѣе другихъ пользовался довѣріемъ

Императрицы». Еще точнѣе отозвался о графѣ Безбородкѣ Сардинскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, маркизъ де-Парело. Въ донесеніяхъ своему двору онъ писалъ, что «относительно дѣлъ важныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, все состоитъ въ зависимости отъ трехъ, много четырехъ лицъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ монархини, именно: отъ князя Потемкина, графа Безбородки, князя Вяземскаго и Бакунина.» Окончивъ разсказъ о Потемкинѣ, маркизъ сравниваетъ его съ Безбородкою и при этомъ говоритъ, что послѣдній ровностью своего характера, кротостью и даже, можетъ быть, застѣнчивостью, какъ и небрежною простотою костюма, представляетъ странный контрастъ съ пышностью, самоувѣренностью и горделивою осанкою упомянутаго министра. Судя по наружности, можно бы подумать, что графъ пользуется второстепеннымъ кредитомъ при дворѣ и играетъ роль подчиненнаго, но если всмотрѣться поглубже, нельзя не замѣтить тотчасъ, что онъ стоитъ выше въ мнѣніи Государыни, чѣмъ первый, вся сила котораго зависитъ единственно отъ убѣжденія ея въ томъ, что онъ необходимъ... Изъ всѣхъ однакожъ лицъ, находящихся въ составѣ министерства, я гораздо больше вѣрую въ его честность, чѣмъ всякаго иного, и если бы у меня было какое либо важное дѣло, мнѣ кажется, лучше всего было бы обратиться къ нему. Онъ умѣетъ цѣнить такое доказательство довѣрія, и это средство помогло уже многимъ, имъ пользовавшимся».

Въ первую половину царствованія Екатерины почтовое дѣло Россіи вѣдалось «Почтовымъ Департаментомъ», однимъ изъ трехъ департаментовъ «Публичной экспедиціи коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Безбородко сталъ въ близкое отношеніе къ почтовымъ дѣламъ съ самаго опредѣленія своего ко двору. Уже съ этой поры онъ докладывалъ дѣла почтовыя Императрицѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ резолюціи, писанныя его рукою на докладахъ по почтовымъ дѣламъ, и указы. Во время своихъ докладовъ Безбородко, вѣроятно, хорошо ознакомился съ состояніемъ почтъ въ Россіи, а потому и былъ назначенъ завѣдывать

непосредственно этимъ вѣдомствомъ: указомъ 20 декабря 1781 года Почтовый Департаментъ порученъ былъ «въ точное вѣдѣніе и наблюденіе генералъ-маіору Безбородкѣ». Сослуживецъ его Малиновскій, въ рукописномъ своемъ сочиненіи говоритъ, «что для Безбородки почтовое правленіе, всегда зависѣвшее отъ вице-канцлеровъ, отдѣлилось отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ».

До него почтовое управленіе въ Россіи складывалось и расширялось подъ вліяніемъ отдѣльныхъ и притомъ случайныхъ указаній опыта, да и въ такомъ видѣ оно удовлетворяло лишь самымъ общимъ потребностямъ государственной и частной жизни. Безбородко внесъ въ почтовое управленіе систему обдуманнаго усовершенствованія. Онъ произвелъ въ немъ весьма важныя улучшенія и измѣненія, какихъ требовало быстрое развитіе, сообщенное Екатериною II всѣмъ отраслямъ государственнаго быта, и которыя послужили началомъ преобразованій, отчасти продолжающихся и въ наше время.

Г. Григоровичъ посвятилъ трудамъ его по почтовому вѣдомству отдѣльную главу.

Съ наступленіемъ 1786 года, почти одновременно, состоялись два высочайшія повелѣнія, изъ которыхъ однимъ графъ Безбородко назначался членомъ «Комиссіи о дорогахъ въ государствѣ», а другимъ—«Совѣта при Ея Императорскомъ Величествѣ». Разсматривая дѣятельность Безбородки по званію члена Совѣта, нельзя не замѣтить, что дѣятельность эта была обширна и касалась предметовъ первостепенной государственной важности. Но, важная по предметамъ, къ которымъ относилась, она представляется еще болѣе вліятельною по тому значенію, какое графъ Безбородко имѣлъ въ Совѣтѣ, какъ членъ и въ особенности какъ постоянный докладчикъ верховной власти со дня поступленія своего въ него по день смерти.

Почти за годъ до поѣздки въ Крымъ Императрицы, начались приготовленія къ этому «историческому путешествію въ Таври-

ду». Главнымъ, чуть ли не единственнымъ исполнителемъ повелѣній Екатерины былъ опять Безбородко.

Труды, предпринятыя имъ по этому поводу, были безпрерывны и разнообразны. Большая часть указовъ, подписанныхъ Екатериною въ теченіе полугодоваго путешествія, были писаны самимъ Безбородкою. Даже мелочи проходили чрезъ его руки. Особенное вниманіе къ своему ближайшему секретарю, исполнявшему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, путешествующая Императрица выражала тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ удостоивала своимъ посѣщеніемъ его имѣнія. И теперь, 3 іюня, она остановилась ночевать въ слободѣ Анновкѣ, принадлежавшей Безбородкѣ. Затѣмъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, наканунѣ выѣзда изъ нея въ Петербургъ, Императрица пожаловала ему домъ графа Бестужева-Рюмина.

Тревожныя политическія обстоятельства во всей Европѣ, особенно крайне неблагопріятное отношеніе къ намъ Турціи, которая не могла забыть блестящихъ побѣдъ Румянцова-Задунайскаго и видѣть равнодушно отложеніе Крыма отъ ея владычества, заставляли Россію зорко слѣдить за событіями въ Портѣ. Безбородко, понимавшій тогдашнее положеніе дѣлъ, нерѣдко писалъ о нихъ князю Потемкину и лондонскому послу нашему графу Воронцову.

Наши первые шаги въ войнѣ съ Турціею были неудачны: севастопольскій флотъ былъ разбитъ бурею, Потемкинъ упалъ духомъ, медлилъ осадой Очакова и молчалъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ Безбородко весьма тревожился. Свои мысли о тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ высказалъ въ письмѣ къ графу Воронцову: «Ваше сіятельство съ симъ нарочнымъ получите довольно важную экспедицію, а могу сказать и трудную, потому что у насъ часто не легко отгадать чего мы желаемъ; теперь же еще къ сожалѣнію и больше оказывается, что и во внѣшнихъ дѣлахъ думаютъ такъ точно править, какъ во внутреннихъ. Я полагаю, что графъ Фалькенштейнъ, разговаривая со мною въ 780 году, въ Смоленскѣ, и по новости своей, а отчасти и ми-

нистра своего, считая меня въ связи съ покойнымъ графомъ Панинымъ, превознося сего послѣдняго похвалами, сказалъ, что управленіе иностранными дѣлами тѣмъ труднѣе предъ внутренними, что тутъ имѣемъ дѣло съ подчиненными и подданными, а тамъ съ людьми, которые эдиктовъ не слушаютъ, и коихъ ни краснорѣчіемъ, ни нравоученіемъ никогда съ собою не согласимъ. У насъ напротивъ того считаютъ, что всѣ по нашей дудкѣ плясать должны, и если бы не привычка иногда и съ огорченіемъ переносить все и воздерживать первую пыль съ твердостію, то Богъ знаетъ какъ бы иное и пошло. Надежда вся на ваше искусство въ поручаемыхъ вамъ объясненіяхъ; а я долгомъ службы и дружества поставляю сказать вамъ все искренно, что въ мое понятіе вмѣщается... Не смотря на всѣ ласкательства Франціи, здѣсь, конечно, неохотно поддадутся на какую-либо тѣсную съ ними связь, развѣ бы настали два обстоятельства: первое, возможность исполнить извѣстный большой планъ, и второе, явное недоброжелательство Англіи къ намъ или союзнику нашему; но первое я считаю вещію совсѣмъ удаленною, не столько еще по политическимъ соображеніямъ, сколько по нашему состоянію нѣкоторыхъ внутреннихъ частей, а прямо сказать, одной военной. Второе можетъ быть вамъ удастся объясненіями вашими удалить также, и потому есть надежда, что мы войну нынѣшнюю успѣемъ кончить, не связавшися и не имѣвъ нужды связаться ни съ Версальскимъ, ни съ Лондонскимъ дворами. Дружественные поступки, взаимные между нами и Франціею, и самое оказательство податливости нашей наружное на ихъ предложеніе, не должны бы были безпокоить Англію, если она къ интересамъ нашимъ доброхотна; а что мы, конечно, не рѣшимся противъ ея инако, какъ по ея развѣ вызову, въ томъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія. Самъ Императоръ, который имѣетъ меньше насъ нужды менажировать Англію, того мнѣнія, чтобъ удержать Францію въ благихъ расположеніяхъ, не дѣлать ей слишкомъ дальнихъ откровеній, а болѣе заставлять ее говорить; да и въ крайнемъ случаѣ нужды съ нею связаться, поставить себя и насъ ней-

тральными противъ Англіи, хотя, въ замѣну нейтралитета Франціи въ войнѣ турецкой. Мы располагаемся на сихъ дняхъ сдѣлать отвѣтъ Франціи учтивый, не отгоняющій ихъ, но и насъ ничѣмъ не обязующій.

«Съ императоромъ у насъ также происходятъ перекоры, чтобъ онъ зачалъ дѣйствія, а онъ говоритъ, чтобъ мы зачали, какъ воюющіе, а онъ тотчасъ и свои откроетъ; но, между тѣмъ, надѣлалъ онъ, правду сказать, много лишнихъ и новыхъ вопросовъ. У него есть точныя съ нами условія; на случай диверсіи Прусскаго короля, вздумалъ онъ предложить еще случай, буде король рѣшится чѣмъ-либо овладѣть изъ Польши. Что мы тутъ пассивны не останемся, и что составимъ общее дѣло, за симъ отвѣтомъ не стало бы; но онъ требуетъ, какія мѣры мы возьмемъ тогда, какія войска и гдѣ они, да еще чтобъ и постановить о томъ актъ. Вопросы и сами по себѣ затруднительны, а настояніе объ актѣ и для того неудобнымъ считаю, что самъ же бы онъ, увѣряся въ мѣрахъ, зачалъ бы задирать Прусскаго короля, котораго удерживать писсивнымъ на время войны нашей требуетъ наша польза. Я постараюся составить тутъ отвѣтъ, сходный съ доброю вѣрою Государыни, съ достоинствомъ и пользою Имперіи, и который бы отчасти успокоилъ Вѣнскій дворъ на всѣ случаи. Мнѣніе мое и въ Совѣтѣ и у Ея Величества уже апробовано, и я теперь работаю надъ сего матеріею, неся тягость, что сочиненіе русское никто со мною не раздѣляетъ.

«Ваше сіятельство согласитеся со мною, конечно, что весьма нужно, дабы нынѣшняя война скорѣе кончилася. Думали прежде, что финансы наши всего менѣе ее вынесутъ; но тутъ теперь оказалось, что два года можемъ вести войну, не прибѣгая къ налогамъ. О, ежели бы и военная часть могла равняться съ сею частію! Тогда не уважали бы мы на всѣ другія околичности. Но полгода слишкомъ проходитъ въ пріуготовленіяхъ. Взявъ со ста душъ рекрута, наполнили только армію, а болѣе 30.000 недостаетъ въ пограничныхъ однихъ гарнизонахъ. Теперь еще только готовымъ имѣемъ порохъ и снаряды, довольствуяся тѣмъ,

что одной полевой большой артиллеріи въ одной армій 200, а въ другой 90 орудій, да осадной въ одной 128, въ другой 40 орудій. Что мѣшало, я не говорю объ Очаковѣ, сдѣлать какое либо покушеніе или поискъ? Даже и теперь сущей дряни за Бугомъ и по Днѣстру премного, которую побивъ, дали бы лучшій покой и себѣ и Польшѣ, да и на весну себя много бы облегчили. Вы сами хорошо знаете сію часть и здраво объ ней судили.

«Слухи о начальникахъ напрасные. Они все тѣ же и перемѣны нѣтъ. Графъ Румянцовъ бодрствуетъ и дѣлами военными правитъ, какъ человѣкъ, который не впервые командуетъ. Имя его ободрило въ Молдавіи, гдѣ насъ ждутъ нетерпѣливо, и гдѣ Арнауты Турковъ хорошо поколотили. Союзникъ нашъ на него весьма считаетъ и, кажется, хочетъ комбинировать свои операціи съ его арміею. Я видѣлъ о семъ письма Принца де-Линія.

«Трудно себѣ представить мои работы. Я разумѣю не то, чтобъ или времени, или силъ недостаетъ, но то, что о многомъ надобно брать ad referendum (на донесеніе, т. е. посылать за совѣтомъ къ князю Потемкину) въ Новороссійскую губернію, а оттуда ни на что не добьешься не скораго, но уже и никакого отвѣта. Время ближится къ высылкѣ флота нашего, а дѣло стало за войсками и генераломъ. По мѣсяцу почти курьеровъ не имѣемъ. Въ случаѣ неудачъ ожидаю навѣрное, что тутъ и негодованіе на насъ, а главнѣйшее па меня обратится, при пособіи всякихъ коварныхъ происковъ, кои опять здѣсь умножаться стали. Я истинно ихъ не уважаю, но нельзя не заботиться, что подобныя происшествія публикою и свѣтомъ относимы будутъ на недосмотрѣніе министерства, у котораго ни силы, ни способовъ дѣлать лучше недостаетъ. Если бы можно было только вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами, направилъ бы я тогда всю возможность свою не допускать разрушать покой иногда легкомысленно, вѣдая, что онъ для насъ всего полезнѣе, а при упрямствѣ, по крайней мѣрѣ, пожелая добраго успѣха, своимъ покоемъ поспѣшу воспользоваться». Попросивъ затѣмъ Воронцова принять «все сіе за опытъ искренней предан-

ности и сжечь письмо», Безбородко прибавляетъ: «Если бы я не крѣпко корячился, во многихъ случаяхъ, не уважая, что и сердятся, не огрызался и не слаживалъ дѣла, то система наша съ Вѣнскимъ дворомъ въ ничто бы обратилася. Государыня не склонна къ Прусской системѣ, но меньшой дворъ въ рукахъ тамъ совершенно. Вице-канцлеръ, слѣдуя вездѣ за Англіею, не прочь и теперь съ Берлиномъ чтобъ сойтися, лишь бы Англія хотѣла».

Когда обнаружились приготовленіе Швеціи къ войнѣ съ Россіею, на графа Безбородко легла новая тяжесть. 4 апрѣля 1788 года онъ писалъ между прочимъ гр. С. Р. Воронцову: «Трудъ я несу тотъ же, и одинъ всю тягость бремени выдерживаю, съ тою разницею, что и положеніе дѣлъ гораздо заботливѣе, чѣмъ то, коему вы были свидѣтелемъ въ 1783 году. Прибавьте къ сему, что я, который шелъ всегда прямою дорогою и, кромѣ службы, не зналъ иного пути пріобрѣсть и имя значущее и благосостояніе не послѣднее, теперь долженъ заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветливыхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ. Сперва хотѣли сложить на насъ подозрѣніе, будто мы употребляемъ разные происки противу князя Потемкина; но когда сей послѣдній засвидѣтельствовалъ, что онъ мною совершенно доволенъ и свою довѣренность даже до собственныхъ видовъ ко мнѣ имѣетъ, тогда напали на насъ съ графомъ Александромъ Романовичемъ (Воронцовымъ) образомъ самымъ оскорбительнымъ. Дѣла и дѣйствія самыя насъ оправдали, но клевета на насъ была ясная, а оправданіе безъ явной репараціи можетъ ли удовлетворить чести оскорбленныхъ? Я буду ждать конца войны и тѣмъ кончивъ время свое, не втуне употребленное, примуся за собственныя дѣла, оставляя всѣ пакости съ презрѣніемъ».

Пока шли разсужденія о войнѣ и о необходимости заключенія мира съ одною изъ воюющихъ державъ, при дворѣ явилось новое лицо, оказавшее вліяніе на послѣдующую судьбу графа Безбородки, — секундъ-ротмистръ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Объ этомъ событіи не замедлилъ и Безбородко сообщить своему

другу С. Р. Воронцову: «О вступившемъ на мѣсто его сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуетъ. Дѣла наши идутъ не слишкомъ хорошо». Возвышеніе Зубова росло съ каждымъ днемъ и, подобно случаю Мамонова, было неблагопріятно для графа Безбородки.

Интриги двора и политическія событія шли своимъ чередомъ. Миръ съ враждебными державами представлялся необходимымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что Австрійскій и Берлинскій дворы существенно затрогивали интересы наши и Польшу, въ которой, дѣла казалось, принимали тревожное для Россіи направленіе.

Пушечный громъ сраженія при островѣ Сескарѣ, въ маѣ 1790 г., послышался въ самомъ Петербургѣ. Храповицкій въ своемъ Дневникѣ свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи Екатерины и ея ближайшаго секретаря, съ которымъ она раздѣляла трудныя минуты. «Великое безпокойство, почти ночь не спали. Графъ Безбородко плакалъ». «Таятся и не веселы». Однако Екатерина не теряла присутствія духа и утѣшала Безбородку, которому писала, «чтобы взяли примѣръ съ покойнаго короля Прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ».

Во время приготовленій нашего флота къ новымъ нападеніямъ на шведскій, въ августѣ 1790 г., было получено извѣстіе о заключенномъ мирномъ «оборонительномъ и наступательномъ союзѣ» съ королемъ Шведскимъ, подписанномъ 3 августа въ Верельской долинѣ, на берегахъ Кюмени. Густавъ обязался не вмѣшиваться въ дѣла Россіи съ Турціею; Екатерина съ своей стороны согласилась признать установленный имъ въ Швеціи образъ правленія и заплатить ему значительную сумму, въ видѣ вспоможенія, чтобъ отвлечь его отъ союза съ Пруссіею.

По поводу этого мира Безбородко сказалъ: «Мы свое кончили, пусть князь Потемкинъ свое кончитъ.»

За труды по шведской войнѣ Екатерина наградила Безбо-

родку со свойственною ей щедростію. Въ росписи наградъ, подписанной ею 8 сентября 1790 года, между прочимъ сказано: «Гофмейстеру графу Безбородку, котораго труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ ему дѣлъ Ея Величество ежедневно сама видитъ, всемилостивѣйше жалуется чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и оставаться ему при его должностяхъ» 29 декабря въ Петербургѣ было получено столь же радостное, какъ заключеніе мира съ Швеціею, извѣстіе, о взятіи крѣпости Измаила. Съ извѣстіемъ этимъ являлась прочная надежда на скорый миръ и съ Турціею.

Неожиданная вѣсть о кончинѣ Потемкина достигла столицы 12 октября, въ 5 часовъ пополудни, а къ 8 часамъ вечера члены Совѣта приглашались повѣстками собраться во дворецъ. Необыкновенный часъ собранія указывалъ, что случилось что-то чрезвычайное. Въ началѣ засѣданія Безбородко объявилъ, что Императрица въ этотъ самый вечеръ «получила нечаянное извѣстіе о кончинѣ генералъ-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, и потому указать изволила, чтобы Совѣтъ представилъ свое мнѣніе относительно распоряженій по этому случаю, какъ по начальству надъ арміей, такъ и по мирной съ Турками негоціаціи». Къ этому Безбородко присовокупилъ, что еще до своей смерти фельдмаршалъ поручилъ начальство надъ войскомъ генералъ-аншефу Каховскому, и что относительно мирныхъ переговоровъ онъ, Безбородко, «осмѣлился представить Ея Величеству готовность свою отправиться въ Яссы для руководства и произведенія оныхъ въ дѣйство чрезъ уполномоченныхъ отъ покойнаго фельдмаршала, которое представленіе Ея Величество и изволила принять за благо». Совѣтъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, относящіяся до войска; а о посылкѣ Безбородки опредѣлилъ: «что возложеніе на него означеннаго столь важнаго служенія есть тѣмъ удобнѣе, что онъ здѣсь, подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества руководствомъ, сіи дѣла производилъ; но, дабы подъ присмотромъ его могли мирные переговоры безъ упущенія времени принять надлежащее теченіе, то нужно

его туда немедленно отправить и, снабдя его полною мочью и сославшись на данныя покойному фельдмаршалу инструкціи, подтвердить о неотложномъ доведеніи къ концу той негоціаціи, дабы заранѣе знать можно было, какія потомъ мѣры, сходно достоинству Ея Императорскаго Величества и благу государства, завременно принять надлежитъ».

Данный по этому случаю Безбородкѣ рескриптъ поименовываемъ прежніе рескрипты по этой негоціаціи на имя князя Потемкина и подтверждаетъ неотлагательно кончить мирные переговоры съ удержаніемъ въ пользу Императрицы «всего возможнаго на основаніи ультимата» и часто увѣдомлять о ходѣ дѣла для принятія надлежащихъ мѣръ, согласныхъ съ ея достоинствомъ». Сообщая за тѣмъ о распоряженіяхъ данныхъ генералу Каховскому, назначенному начальникомъ «надъ арміею и надъ морскими на Черномъ морѣ силами», рескриптъ заканчивается словами: «Да управитъ Всевышній путь вамъ и да поможетъ вамъ совершить подвигъ вашъ ко благоугодности нашей и на добро Отечеству».

На поѣздку и на издержки Императрица собственноручнымъ указомъ назначила Безбородкѣ «десять тысячъ золотою и серебряною монетою». 14 октября Екатерина подписала ему «полномочіе», при чемъ назвала Безбородку «нашъ любезновѣрный», а 16 октября 1791 г. передъ полуднемъ преемникъ Потемкина по заключенію мира съ Турціею выѣхалъ изъ Петербурга Какъ ни поспѣшенъ былъ отъѣздъ Безбородки въ Яссы среди неожиданныхъ обстоятельствъ, которыми онъ былъ вызванъ, враги обвинили его въ медлительности и провозглашали его «тяжелымъ и безполезнымъ». Не такъ судила Екатерина. Вскорѣ по отъѣздѣ его, въ письмѣ къ В. С. Попову, она говоритъ: «О содержаніи турецкихъ полномочныхъ, по представленію Лошкарева, я писала къ графу Безбородку сегодня и надѣюсь, *«что тутъ ничего не будетъ проронено»*. Неаполитанскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, дюкъ де-Серра Капріола, въ письмѣ къ графу Лудольфу, отъ 1 (12) ноября, ласкаетъ себя надеждою,

«что новое открытіе конгресса вскорѣ воспослѣдуетъ; а какъ сей министръ (Безбородко) соединяетъ къ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ, къ тому жъ чрезъ его руки проходили всѣ производимыя здѣсь негоціаціи, то и можно ожидать, что онъ не замедлитъ рѣшить разныя спорныя статьи». Съ отъѣздомъ Безбородки въ Яссы, между нимъ и Императрицею начинается частая переписка, раскрывающая и великія мысли Екатерины, и дѣятельность ея ревностнаго секретаря. Ознакомившись съ ходомъ переговоровъ, которые, на двухъ конференціяхъ, состоявшихся до его пріѣзда въ Яссы, ведены были Самойловымъ, Рибасомъ и Лошкаревымъ, Безбородко убѣдился, что дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ: уполномоченные строго и точно выполняли лишь всѣ церемоніи этикета и исключительно трактовали объ устраненіи этихъ церемоній изъ будущихъ засѣданій. «Метода негоціаціи,—писалъ Безбородко Екатеринѣ,—тутъ употребленная, совсѣмъ не надежна для поспѣшнѣйшаго ея окончанія. Сообщая Туркамъ артикулъ за артикуломъ, теряется лишь время, и особливо ежели они, по трудности своей, или по недостатку наставленій, должны будутъ брать на донесеніе къ визирю, цѣлые мѣсяцы, и по крайней мѣрѣ до срока перемирія, будутъ потеряны. Въ отвращеніе сего, собравъ сегодня полномочныхъ нашихъ на совѣтъ ко мнѣ, преподалъ я имъ ту самую методу, которая уже не одинъ разъ съ пользою употреблена была и которая, являя рѣшимость нашу на скорое однимъ или другимъ образомъ дѣло, произведетъ въ Туркахъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Я разумѣю, чтобъ на будущей въ субботу (т. е. 8 ноября) конференціи предложить вдругъ всѣ артикулы мирнаго договора и, давъ имъ нѣсколько дней на размышленіе, потомъ рѣшительно съ ними разобрать всѣ оные. Тутъ, хотя и могутъ они взять на донесеніе къ визирю, но меньше трехъ недѣль отвѣтъ получатъ, и тогда ясно учинится, чего ожидать должно. Два главныя примѣчанія дѣлаю я полномочнымъ: *Первое*, чтобъ въ разговорахъ и пересылкахъ остерегалися касаться до перемирія и срока оному, для того, что оно покойнымъ фельдмаршаломъ, по точной волѣ Вашего Величества, не было

утверждено; слѣдовательно намъ должно и оставить себя господами рѣшиться, въ случаѣ разрыва, по обстоятельствамъ и по усмотрѣніямъ и возможностямъ со стороны главнаго военнаго начальства, такъ какъ, напротивъ того, и угрозы, что мы не почитаемъ сильнымъ перемиріе, безвременно дѣлать не полезно. *Второе*, чтобъ держалися основаній, на каковыхъ покойный фельдмаршалъ изъяснялся съ визиремъ въ перепискѣ его, при удобномъ случаѣ внушая Туркамъ, чтобъ они отнюдь не считали настоящихъ переговоровъ за обыкновенно производимые на конгресахъ, но чтобъ вѣдали заранѣе, что противу объявленнаго всему свѣту ультимата вашего ни малѣйшее смягченіе мѣсто имѣть не можетъ. Если турецкіе министры сами собою на подписаніе договора не рѣшатся, а представять визирю, я долженъ буду тогда написать къ нему письмо, доказывающее основательность нашихъ требованій, крайнюю черту составляющихъ и, для внушенія и на словахъ тому сообразнаго, отправлю подполковника Баронци. Въ домѣ, гдѣ конференціи производятся, назначилъ я себѣ возлѣ залы корференціи особую камеру, гдѣ бы я могъ быть во время переговоровъ инкогнито и удобнѣе преподавать наставленія полномочнымъ».

Крѣпко настаивая на денежномъ удовлетвореніи и на принятіи турецкими уполномоченными сепаратнаго артикула, оставленнаго ими на столѣ конференціи, Безбородко не считалъ однако денежнаго удовлетворенія существеннымъ пунктомъ переговоровъ: онъ придавалъ ему первенствующее значеніе въ ряду мирныхъ пунктовъ съ разсчитанною цѣлію — сосредоточить на немъ все упорство турецкихъ уполномоченныхъ и отвлечь это ихъ упорство отъ другихъ важнѣйшихъ пунктовъ. Первый уполномоченный Россіи, получивъ утвердительный отвѣтъ турецкихъ уполномоченныхъ на вопросъ: принята ли статья или нѣтъ, попросилъ ихъ подождать немного, вышелъ и, возвратясь, объявилъ, что сейчасъ придетъ графъ Безбородко». Съ этого момента зала конференціи обращается для Безбородки въ мѣсто дипломатическаго торжества. Моменты этого торжества сжато и офиціально запи-

саны въ протоколѣ, а Безбородко оживленно передаетъ ихъ въ донесеніи къ Императрицы отъ 29 декабря. «Какъ скоро мнѣ донесено было (что Турки приняли и обѣщали подписать врученный имъ Русскими артикулъ о кубанскихъ границахъ), то я велѣлъ просить ихъ, чтобы дождалися меня въ залѣ конференціи. Вошедъ въ оную, въ сопровожденіи многочисленнаго собранія, при растворенныхъ дверяхъ въ залѣ, сказалъ я имъ, въ изумленіи на ногахъ бывшихъ, что я радуюся, видя благоразумное ихъ соглашеніе на артикулъ, мною предложенный, отвращающій разрывъ и дальнее пролитіе крови, и что въ доказательство великодушія и рѣдкаго въ свѣтѣ безкорыстія, каковымъ Ваше Величество обыкли руководствоваться, объявляю имъ, что главныя Ваши намѣренія были одержать пункты необходимо нужные для безопасности предѣловъ Вашихъ и способствующіе отдаленію ссоръ и самой войны; что, окончивъ теперь всѣ пункты сего рода, не требуете никакого денежнаго удовлетворенія и даруете миръ многочисленнымъ милліонамъ людей, Вашу и Оттоманскую имперіи населяющимъ. Едва успѣлъ драгоманъ Порты сказать имъ мои слова, какъ всѣ полномочные турецкіе и секретари ихъ въ одинъ голосъ заговорили, прославляя великодушіе Ваше. Присовокупивъ, чтобъ теперь приступили они къ окончанію, обще съ товарищами ихъ, сего спасительнаго дѣла, я вышелъ въ свою камеру; а они, условився подписать 29 декабря трактатъ, попросили у меня дозволенія войти въ мою комнату и повторить чувствуемое ими удовольствіе. Сіе они исполнили съ великимъ вниманіемъ, и второй изъ нихъ, духовная особа, между прочими привѣтствіями сказалъ, что Ваше Величество велики въ войнѣ и мирѣ и во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Удовольствіе всеобщее разнеслося по всему городу въ мгновеніе». 1 февраля, въ письмѣ къ Я. И. Булгакову, Безбородко извѣщалъ, что размѣнъ взаимныхъ государскихъ ратификацій учиненъ 29 минувшаго января. «Дней черезъ десять—продолжаетъ Безбородко—отправляюся въ Петербургъ, имѣя дозволеніе для собственныхъ моихъ надобностей заѣхать въ Москву».

Къ этому письму Безбородко присоединилъ списокъ подарковъ, которыми Русскіе размѣнялися съ Турками.

Пока Безбородко былъ занятъ этой перепиской, 30 января въ Петербургъ изъ Яссъ пріѣхалъ генералъ-поручикъ Самойловъ, еще только съ ратификаціями главноуполномоченныхъ. «Это было во время собранія (въ Эрмитажѣ). Всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали», записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ. Въ этотъ же самый день Государыня наградила Безбородку 50-ю тысячими рублей денегъ и орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Здѣсь нѣтъ надобности долго останавливаться на разъясненіи услугъ, оказанныхъ графомъ Безбородкою Екатеринѣ и Россіи заключеніемъ Ясскаго мира. Безбородко, съ одной стороны, вполнѣ зналъ сущность тогдашнихъ политическихъ отношеній и потребностей а съ другой, при такомъ знаніи, былъ неусыпенъ до конца, устраняя самыя трудныя и самыя сложныя препятствія. Масса собственноручныхъ бумагъ, написанныхъ Безбородкою во время заключенія Ясскаго мира, способна изумить своею громадностью всякаго изслѣдователя давноминувшихъ событій. Кромѣ того, отличаясь точностью и замѣчательной для своего времени чистотою изложенія, приближающагося мѣстами къ складу нынѣшней рѣчи, каждая изъ множества бумагъ Безбородки носитъ на себѣ печать строгой обдуманности и разносторонней сообразительности, приложенныхъ авторомъ къ ея содержанію. «Труды и искусство», оказанные Безбородкою при заключеніи Ясскаго мира», говоря словами Екатерины, «въ полной мѣрѣ оправдали ея къ нему довѣренность, явили отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее благоволеніе къ нему» Императрицы. Эти слова великой Екатерины, сказанныя среди разгара сильной придворной интриги противъ Безбородки, служатъ вѣскимъ подтвержденіемъ доставляемаго изученіемъ историческихъ памятниковъ факта, что заключеніе почетнаго и выгоднаго мира съ Турціею въ Яссахъ вполнѣ принадлежитъ дипломатическому искусству графа Безбородки. Безбородко возвратился въ Петербургъ 10 марта 1792 г. На другой же день Импера-

трица поручаетъ ему написать указъ о пожалованіи П. А. Зубова въ генералъ-поручики и генералъ-адъютанты. Храповицкій объяснялъ это порученіе «дѣйствіемъ графскаго пріѣзда». И дѣйствительно, въ Зубовѣ Безбородко нашелъ полнаго и притомъ окрѣпшаго соперника по вліянію при дворѣ Всѣ дѣла, которыя, до отъѣзда Безбородки въ Яссы, производились въ его канцеляріи, теперь шли черезъ руки Зубова. Зубовъ сдѣлался такимъ же могущественнымъ совѣтникомъ Екатерины, какимъ прежде былъ Безбородко, съ тою разницею, что тотъ заслужилъ довѣренность своими многолѣтними трудами, а Зубову въ то время было всего 26 лѣтъ отъ роду. Не обладая ни опытностью, ни государственнымъ умомъ, Зубовъ, по необходимости, долженъ былъ отдаться, въ веденіи дѣлъ, чьему нибудь руководству. Такимъ совѣтникомъ сталъ для него А. И. Морковъ, бывшій пріятель и сослуживецъ Безбородки по коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто П. В. Бакунина, т. е. третьяго члена. Въ новыхъ рукахъ дѣла не могли идти тѣмъ твердымъ и разумнымъ порядкомъ, какъ они шли при Безбородкѣ: обнаружились колебанія и противорѣчія. Такъ, по польскому дѣлу, для котораго съ такою поспѣшностью Безбородко отозванъ былъ изъ Яссъ, чтобы «учинить съ польскими вельможами рѣшительное положеніе», у Зубова пущены были въ ходъ и давно оставленный планъ князя Потемкина, и измышленія самого Моркова. Зубовъ стѣснялся Безбородкою, избѣгалъ его, но по наружности отдавалъ ему первенство и помимо его никого не опредѣлялъ ко двору. Собственно говоря, положеніе дѣлъ было такое, какого Безбородко давно желалъ для себя. Изъ его вѣдѣнія оказалась изъятою хлопотливая обязанность докладовъ по всѣмъ дѣламъ, что̀ взялъ на себя Зубовъ; а за нимъ осталась честь являться въ важнѣйшихъ случаяхъ къ Государынѣ, въ тѣхъ именно, когда требовались испытанный государственный умъ и преданнѣйшая вѣрность. Естественно въ то же время допустить, что Безбородко, увидѣвъ свои дѣла и обязанности въ рукахъ Зубова, почувствовалъ невольное огорченіе. Въ слѣдъ за Зубовымъ выдвинулись при дворѣ и новые люди,

которые не раздѣляли воззрѣній Безбородки и его друзей. Это обстоятельство уже не могло не возбуждать въ немъ сожалѣнія о прежнемъ значеніи и непріязни къ сопернику. Сдержанная вражда между молодымъ фаворитомъ и заслуженнымъ секретаремъ усилилась и перешла въ открытую борьбу. Можно предполагать, что дѣло уладилось бы само собою, если бы одинъ изъ соперниковъ подалъ другому руку. Но Зубовъ, не смотря на свою неопытность, не хотѣлъ первый обратиться за совѣтомъ къ Безбородкѣ. Послѣдній, въ свою очередь, считалъ для себя унизительнымъ обнаружить искательство передъ новымъ любимцемъ придворнаго счастія, когда и къ покойному князю Потемкину «не учащалъ», даже во время «самаго тѣснаго согласія съ нимъ». Между тѣмъ Екатерина искренно желала, чтобы старый преданный дѣлецъ Безбородко взялъ подъ свое руководство молодаго царедворца, изъ котораго она хотѣла создать энергическаго дипломата: она не разъ намеками предлагала графу поговорить съ Зубовымъ о томъ или другомъ дѣлѣ. Но соперники были уже непримиримы. Понятно, что такая сильная борьба, поведенная Безбородкою противъ порядковъ, установленныхъ новымъ фаворитомъ въ его отсутствіе, не могла быть пріятна Екатеринѣ. Какъ ни скроменъ и уклончивъ, даже какъ ни правдивъ, по словамъ Воронцова, былъ Зубовъ, но при своихъ близкихъ и постоянныхъ отношеніяхъ къ Императрицѣ онъ едвали воздерживался отъ наговоровъ на Безбородку. Сама Екатерина, по всей вѣроятности, была тревожима тѣмъ, что старый царедворецъ отказывался уступить свое мѣсто молодому ея фавориту и безъ сомнѣнія чувствовала досаду на отсутствіе въ Безбородкѣ прежней безусловной поспѣшности къ исполненію ея приказаній. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ тому, что у Екатерины зародилось неудовольствіе на своего стариннаго совѣтника и довѣреннѣйшаго секретаря.

Наступившій 1793 годъ Безбородко рѣшился провести въ Москвѣ, служившей убѣжищемъ для недовольныхъ вельможъ. Пока онъ ѣздилъ въ Москву, въ Петербургѣ разнесся слухъ, что

онъ намѣренъ даже уѣхать за границу. Поѣздка въ Москву оказалась неудачной для Безбородки: четыре недѣли онъ провелъ здѣсь въ тяжкой болѣзни, отъ которой едва оправился. По возвращеніи въ Петербургъ Безбородко ясно увидѣлъ, что онъ находится, выражаясь его словами, «въ весьма непристойной роли, которую онъ составляетъ въ публикѣ». Интрига враговъ его дошла до крайнихъ предѣловъ: «дискредитированіе» пыталось навести тѣнь на честное имя Безбородки, на его свѣтлый умъ и его извѣданную добросовѣстность. Въ такомъ критическомъ положеніи онъ прибѣгнулъ къ послѣдней мѣрѣ для разъясненія своихъ отношеній съ Екатериною. Онъ рѣшился чистосердечно изложить Государынѣ свои мысли по поводу «тѣсно ограниченной сферы дѣлъ», въ которой онъ очутился. Съ этою цѣлію Безбородко представилъ Государынѣ обширную записку, обозначивъ на заглавномъ ея листѣ: «Къ собственному Вашего Императорскаго Величества прочтенію». Эту записку графъ Безбородко подалъ 30 іюня 1793 г., въ Царскомъ Селѣ, по совѣту Храповицкаго, чрезъ камердинера Зотова. На другой день, 1 іюля, Храповицкій записалъ: «Поутру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана, и съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана, и къ графу Безбородку возвращена. Зотовъ сказывалъ, что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ, получа сей отвѣтъ, уѣхалъ въ городъ».

Содержаніе отвѣта Екатерины занесено Храповицкимъ въ дневникъ его: «Графъ Безбородко далъ мнѣ прочитать отвѣтъ на записку его собственноручный Ея Величества. Въ немъ изображена: ласка, похвала службы и усердія». Отвѣтъ, которымъ Екатерина удостоила записку Безбородки, далъ ему почувствовать, что положеніе его Государыня вполнѣ понимаетъ и находитъ естественнымъ, а обидчивость его на стѣсненіе предоставленной ему сферы дѣлъ несправедливою; но въ этомъ же отвѣтѣ ясно слышится тонъ старинной высокой покровительницы, считающей Безбородку столь къ себѣ близкимъ, что передъ нимъ и

можно и стòитъ оправдывать себя въ новомъ, непривычномъ и тяжеломъ для него положеніи. Екатерина продолжала цѣнить и дарованія и службу Безбородки, и интригѣ не удалось поколебать ея взглядовъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, въ отвѣтѣ такъ же ясно просвѣчивался намекъ на то, что приближеннѣйшимъ къ себѣ лицомъ, и даже по дѣламъ, Императрица имѣетъ еще другого человѣка.

Вполнѣ милостивое расположеніе Екатерины къ Безбородкѣ обнаружилось 2-го сентября 1793 года, въ день, когда, совершилось давно уже предназначенное празднованіе заключеннаго Безбородкою съ Турками Ясскаго мира. Въ росписи наградъ, объявленныхъ по случаю этого празднованія, между прочимъ, читаемъ: «Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородку, за службу его въ заключеніи мира, всемилостивѣйше жалуется похвальная грамота и масличная вѣтвь, да притомъ деревня».

Въ послѣдующіе годы царствованія Екатерины хотя и возстановились прежнія отношенія Безбородки къ Императрицѣ, но уже довѣренный секретарь не имѣлъ того вліянія на дѣла, хотя и видимо былъ отличаемъ отъ другихъ царедворцевъ. Екатерина поручила ему быть шафером великой княжны Александры Павловны, сдѣлала его оберъ-гофмейстеромъ, и наконецъ предсѣдателемъ комитета по перечеканкѣ мѣдной монеты, учрежденнаго по проекту Зубова.

Насколько имѣлъ графъ Безбородко вліянія на внутреннія дѣла, видно уже изъ огромнаго количества актовъ и документовъ, прошедшихъ черезъ его руки. Безъ преувеличенія можно повторить слова академика Устрялова, что «рѣдкое изъ внутреннихъ учрежденій въ Имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородки».

Манифестъ 6 ноября 1796 года возвѣщалъ Русскому народу, что «къ крайнему прискорбію всего императорскаго дома, отъ сея временныя жизни, по 34-хъ лѣтнемъ царствованіи, переселилась въ вѣчность Императрица Екатерина II», и что на престолъ взошелъ ея сынъ и наслѣдникъ Императоръ Павелъ I. Обласканный

новымъ государемъ, Безбородко не переставалъ оплакивать Монархиню: ни увѣренія Павла въ благосклонности, ни лестный его отзывъ о немъ, конечно, переданный ему Растопчинымъ, не могли утѣшить убитаго горемъ оберъ-гофмейстера.

Павелъ вступилъ на престолъ на 43-мъ году отъ роду, съ накопившеюся жаждою къ работѣ, съ стремленіемъ къ педантической исполнительности и съ рыцарскою честностію. Качества эти онъ выработалъ въ гатчинскомъ уединеніи, отстраненный совершенно отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ зналъ, что ими заправляли сановники его матери, утомленные дѣлами, привыкшіе къ покою и сибаритству. Явились, потому, новые любимцы и довѣренныя лица: Куракины, Ростопчинъ, Нелидова, Кутайсовъ и еще нѣсколько человѣкъ, не боявшихся гатчинской скуки. Ближе другихъ стали къ Государю Нелидова, Ростопчинъ и Безбородко. Прочія лица пользовались непродолжительнымъ довѣріемъ Павла. За новыми назначеніями на высшія должности быстро слѣдовали увольненія отъ нихъ. Причина такихъ быстрыхъ перемѣнъ заключалась, безъ сомнѣнія, въ горячности характера Государя, а быть можетъ, и въ интригахъ лицъ, окружавшихъ его. И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ именно говоритъ, что царедворцы строили ковы другъ противъ друга, выслуживались тайными доносами и возбуждали недовѣрчивость въ Государѣ. Жизнь двора и высшаго круга столицы совершенно измѣнилась съ воцареніемъ новаго Императора: нѣжившіеся до полудня въ будуарахъ вельможи въ 7-мь часовъ утра должны были являться къ Государю. Роскошная и праздная жизнь, къ которой особенно привыкли царедворцы въ послѣдніе годы жизни Екатерины, замѣнилась скрытностію и опасеніемъ за одно слово попасть изъ дворца въ деревню и въ Сибирь. Одинъ только графъ Безбородко умѣлъ сохранить довѣріе Павла до самой своей смерти. Государь цѣнилъ въ немъ его короткое знакомство съ государственными дѣлами.

9 ноября 1796 г. Павелъ возвелъ Безбородку въ первый классъ и повелѣлъ остаться ему при прежнихъ должностяхъ.

Очутившись такимъ образомъ вновь въ кругу самой разнообразной дѣятельности, Безбородко сталъ теперь приближеннѣйшимъ къ престолу царедворцемъ. По словамъ Болотова, «говорили и писали около сего времени, что при Государѣ только два человѣка, Безбородко и Трощинскій: одинъ министръ, а другой секретарь, что всѣ другіе докладчики замолчали», и что Безбородко, какъ «первый министръ», долженъ былъ являться къ Государю всякое утро. Въ концѣ марта дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободской дворецъ совершился въ Вербное Воскресенье. Безбородко употребилъ всѣ усилія къ блистательному пріему высочайшихъ особъ, избравшихъ его московскій домъ мѣстомъ для своего пребыванія. «За недѣлю до коронаціи», писалъ Безбородко къ своей матери, «когда Ихъ Величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: Его Величество портретъ на голубой лентѣ, а Государыня Императрица перстень съ ея портретомъ».

На коронаціи, 5-го апрѣля, въ первый день Пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ письмѣ къ своей матери, Безбородко разсказывая, что онъ получилъ по этому случаю еще значительную недвижимую собственность, прибавляетъ: «Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ и предваренъ я не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ Сенату, коимъ Его Величество возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвояя мнѣ титулъ свѣтлости и жалуя, сверхъ того, еще 6 т. душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу».

Въ началѣ апрѣля 1797 года 72-лѣтній канцлеръ графъ Остерманъ былъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто былъ назначенъ князь Безбородко. Борьба съ Наполеономъ западной Европы поглощала въ то время политику нашего двора, которая не мало

обязана дипломатическому генію князя Безбородки. Онъ въ правѣ былъ потому сказать молодымъ дипломатамъ: «не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ, безъ позволенія нашего, выпалить не смѣла».

Усилившаяся болѣзнь привела Безбородку къ необходимому убѣжденію, оставить службу и ѣхать за границу; среди сборовъ онъ скончался на 52 году своей жизни, 6-го апрѣля 1799 года, въ своемъ петербургскомъ домѣ, въ которомъ теперь помѣщается Почтовый Департаментъ.

Авторъ біографіи въ заключеніе своего труда говоритъ: «Разсказъ мой о жизни канцлера князя Безбородки конченъ. Эта жизнь полна дѣяній замѣчательныхъ, важныхъ, полезныхъ и славныхъ. Говоря полнѣе, Безбородко былъ геніально-умный человѣкъ, научно и художественно образованный царедворецъ, искуснѣйшій дипломатъ, прекрасно понимавшій тогдашнія международныя отношенія, и находчивый министръ, ясно видѣвшій положеніе Россіи, любящій родственникъ, преданный другъ, всѣмъ доступный сановникъ, всегдашній радѣтель о благѣ отечества, неутомимый работникъ на службѣ и изящный сибаритъ въ часы отдыха. Нельзя его потому ставить идеаломъ нравственности для будущихъ поколѣній, но по неутомимости въ работѣ, по сочувствію къ наукѣ и искусствамъ и по государственнымъ заслугамъ онъ всегда будетъ звѣздою, къ которой пристально будетъ присматриваться потомство».

Уже эти немногія извлеченія изъ составленной г. Григоровичемъ біографіи могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ много этотъ трудъ представляетъ новыхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Правда что значительная часть заключающихся въ этомъ трудѣ свѣдѣній сообщена авторомъ подлинными словами документовъ, особенно писемъ Безбородки, но это, по нашему мнѣнію, никакъ не составляетъ недостатка, а напротивъ придаетъ представленнымъ фактамъ особенный интересъ, и мы не можемъ не согласиться съ приведенными въ предисловіи г. Григоровича словами кн. Вяземскаго, что «письмо—это самая жизнь, которую за-

хватываешь по горячимъ слѣдамъ», и что «самыя полныя, самыя искреннія записки (мемуары) не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышатъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, или по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающеюся рукою». Поэтому-то, прибавимъ мы, живой интересъ, заключающійся въ подобныхъ документахъ, никакъ не можетъ быть замѣненъ какимъ бы ни было тщательно и умно обработаннымъ изложеніямъ содержащихся въ нихъ фактовъ и мыслей. И авторъ біографіи совершенно правъ, говоря: «Въ письмахъ своихъ Безбородко выказывается весь, со всею накопившеюся на его сердцѣ болью и горечью жизни; только изъ нихъ можно уяснить до нѣкоторой степени привлекательный образъ и своеобразный отличительный отъ другихъ личностей характеръ Безбородки».

Мы признаемъ весьма существенною заслугою г. Григоровича неутомимыя старанія, благодаря которымъ ему удалось собрать такое множество писемъ и другихъ писанныхъ самимъ Безбородкою бумагъ, хотя онъ и сознается, что имъ не выяснено и не найдено многое для подтвержденія фактовъ, очевидно совершившихся. Нѣтъ сомнѣнія, что будущимъ изслѣдователямъ остается дополнить тѣ пробѣлы, которые не могутъ не оказаться въ трудѣ г. Григоровича и на которые самъ онъ въ разныхъ мѣстахъ его добросовѣстно указываетъ; но мы полагаемъ, что имъ сдѣлано все, чего въ настоящее время можно справедливо требовать, для выполненія предпринятой имъ задачи.

Г. Григоровичъ своею монографіей съ одной стороны положилъ твердое прочное и начало дальнѣйшему изученію плодотворной жизни и дѣятельности Безбородки, а съ другой внесъ важный вкладъ въ литературу исторіи Россіи XVIII вѣка. Поэтому Академія считаетъ особенно отраднымъ обстоятельствомъ представляющійся нынѣ случай увѣнчать разсмотрѣнное сочиненіе премією гр. Кушелева-Бобезбородки. Въ ожиданіи появленія въ свѣтъ этого труда, къ изданію котораго г Григоровичъ обѣщаетъ приложить портретъ канцлера и нѣкоторыя другія иллюстраціи, а

также указатель, нельзя въ заключеніе не пожелать ему полнаго успѣха въ довершеніи предпріятія, веденнаго имъ съ такимъ примѣрнымъ тщаніемъ и постоянствомъ, и не присоединить къ тому еще и другого желанія: чтобы въ нашей ученой литературѣ являлось болѣе и болѣе тружениковъ, оживленныхъ такою же любовію къ наукѣ и такимъ же серьезнымъ стремленіемъ къ обогащенію ея основательными трудами.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 8.

ЗАМѢТКИ

О СУЩНОСТИ

НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Я. К. Грота.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1878 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ЗАМѢТКИ О СУЩНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

(Академика Я. К. Грота.)

Фонетика, опирающаяся на физіологію звуковъ, есть вообще отрасль науки, еще мало разработанная; тѣмъ болѣе нова она въ области славянскихъ языковъ. Въ своихъ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (томъ II) я старался поставить русскую фонетику на это единственно надежное основаніе и показать, какъ не вполнѣ правильное пониманіе сущности звуковъ языка приводило даже нѣкоторыхъ изъ лучшихъ филологовъ къ разнымъ недоразумѣніямъ. Германскіе ученые хотя ранѣе насъ сознали необходимость обозначенной мною точки зрѣнія и примѣняли физіологическій методъ отчасти и къ славянскимъ языкамъ, но по недостатку практическаго съ ними знакомства, изучая ихъ звуки главнымъ образомъ по книгамъ, впадали въ ошибки другого рода. Мы, Русскіе, обладая однимъ изъ богатѣйшихъ по звукамъ языковъ и пріобрѣтая съ дѣтства навыкъ въ иностранной рѣчи или по крайней мѣрѣ слыша ее вокругъ себя, имѣемъ въ этомъ отношеніи значительное передъ другими Европейцами преимущество; но авторитетъ, какимъ пользуется у насъ западная наука, былъ причиною, что иногда наши ученые, принявъ безъ надлежащей критики положенія Нѣмцевъ по нашей фонетикѣ, повторяли и до сихъ поръ повторяютъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторые ихъ ошибочные взгляды.

Къ этимъ мыслямъ привело меня чтеніе появившагося недавно въ Кіевѣ труда профессора А. С. Будиловича: *Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія*, труда, помѣщеннаго въ 1-мъ выпускѣ «Извѣстій Нѣжинскаго Историко-Филологическаго института» и напечатаннаго также отдѣльными оттисками. Это собственно не изслѣдованіе, а отдѣлъ лекцій автора, распадающійся на три части: 1) Ученіе о строеніи славянскихъ корней; 2) Ученіе объ образованіи основъ, и 3) Ученіе объ образованіи словъ. Нельзя не быть благодарнымъ автору за такое изложеніе въ сжатомъ систематическомъ видѣ выводовъ современной науки относительно разсматриваемаго предмета. Этотъ еще молодой профессоръ успѣлъ уже, въ немногіе годы своей дѣятельности, обратить на себя вниманіе цѣлыми замѣчательными трудами, особенно же своимъ изслѣдованіемъ о древне-славянскомъ переводѣ 13-ти словъ Григорія Богослова (1871) и самымъ изданіемъ текста ихъ, напечатаннымъ въ *Сборникѣ* II-го Отдѣленія Академіи Наукъ (1875). Хотя въ настоящее время языкоизслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ и не составляетъ главнаго предмета занятій г. Будиловича, посвящающаго себя преимущественно славянской этнографіи, тѣмъ не менѣе новый трудъ его обнаруживаетъ обстоятельное знакомство и съ избранною имъ здѣсь областью филологіи. Болѣе слабую сторону его представляетъ фонетика, которая, правда, только мимоходомъ входитъ въ его разсмотрѣніе, но тѣмъ не менѣе не можетъ не составлять одного изъ самыхъ существенныхъ основаній всего трактата.

Въ самой терминологіи автора по этой части хотѣлось бы видѣть болѣе точности. Такъ, принимая извѣстное дѣленіе звуковъ на momentaneae и continuae, онъ по-русски называетъ послѣдніе (стр. 58) *протяжными;* очевидно, что это названіе не соотвѣтствуетъ особенности артикуляціи звуковъ *в*, *ф*, *з*, *с* и др., которые слѣдуетъ называть *длительными* или *продолжительными* (Dauerlaute, а не gedehnte). Далѣе, г. Будиловичъ еще держится мнѣнія объ эвфоніи (благозвучіи), какъ источникѣ происхожде-

нія многихъ звуковыхъ измѣненій и переходовъ, хотя уже давно Брюкке въ своемъ сочиненіи Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprachlaute показалъ, что звуки измѣняются не ради благозвучія, а въ слѣдствіе требованій самыхъ органовъ рѣчи. Взглядъ этотъ сдѣлался господствующимъ въ современной филологіи. Правда, и г. Будиловичъ признаетъ (стр. 28), что «въ наукѣ часто злоупотребляли терминомъ эвфонія», но не смотря на то, онъ объясняетъ этимъ началомъ разныя явленія въ языкѣ: такъ на стр. 11 онъ говоритъ объ эвфоническихъ вставкахъ въ составѣ корней, на стр. 15—что въ древнихъ арійскихъ языкахъ первый членъ редупликаціи сокращался по требованіямъ эвфоніи; на стр. 28 считаетъ способомъ устраненія зіянія вставку эвфонич. согласныхъ *й*, *в*; такою же считаетъ онъ вставку *с* (стр. 54).

Далѣе, не совсѣмъ удаченъ терминъ *придыхательный*, которымъ авторъ означаетъ звуки: *й* (стр. 33), *в* (35) и др. За неимѣніемъ вполнѣ утвердившагося русскаго термина для передачи названія spirant, лучше было бы взять этотъ готовый латинскій терминъ; слово же *придыхательный* нужно намъ и незамѣнимо для означенія звуковъ, извѣстныхъ въ санскритѣ и древне-греческомъ языкѣ подъ именемъ aspiratae. Придыханіемъ можно называть только: 1) Spiritus asper у Грековъ и 2) звукъ, являющійся въ санскритѣ послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, какъ въ слогахъ *бха*, *дха*, *тха*. Мы въ точности не знаемъ какъ Греки нѣкогда произносили свои ϑ, φ, χ, но судя потому, что Римляне на письмѣ изображали ихъ th, ph, ch, можемъ заключать, что въ греческомъ языкѣ были первоначально такія же, хотя не столь распространенныя придыханія, какъ въ санскритѣ, почему и осталось за этими звуками названіе придыхательныхъ; славянскіе же языки, какъ и почти всѣ остальные европейскіе, по крайней мѣрѣ, новѣйшіе, не знаютъ придыханій въ послѣднемъ значеніи.

Но всего болѣе слѣдуетъ остановиться на томъ, что г. Будиловичъ безусловно присталъ къ нѣкоторымъ германскимъ филологамъ въ теоріи о согласной натурѣ звука *й* (jot). По примѣру

Миклошича, Шлейхера и другихъ онъ признаетъ за аксіому, что j (*й*) есть согласный звукъ, и принимая формулы: *бойѣ*, *гнойѣ*, разсуждаетъ такимъ образомъ (стр. 27): «Отсутствіе *ѣ* въ формахъ: *бой*, *покой*, *гной* не должно возбуждать въ насъ сомнѣній касательно суффикса этихъ формъ. Косвенные падежи показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою основы, образованныя суффиксомъ *а* (*ѣ*). Форма *бойѣ* не встрѣчается въ памятникахъ древнеславянскаго языка; однако она не заключаетъ въ себѣ ничего несообразнаго съ его фонетикой, такъ какъ *й* (іотъ) есть звукъ согласный, слѣдовательно не только могъ, но и долженъ былъ имѣть послѣ себя гласный пазвукъ, подобно всѣмъ остальнымъ согласнымъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. *в* въ вышеприведенныхъ случаяхъ) ничуть не отличны по силѣ своего согласнаго характера отъ іота. Причина опущенія этого *ѣ* послѣ *й* могла быть двоякая: 1) ложный взглядъ не только славянскихъ, но и другихъ древнихъ, а отчасти и новыхъ писателей на звукъ *й* (j), который по своей близости къ гласному *и* (i) самъ казался гласнымъ, не будучи такимъ въ сущности; 2) общая слабость вокальныхъ пазвуковъ *ѣ*, *ъ* въ древнеславянскомъ уже языкѣ, обнаруживающаяся въ частомъ ихъ опущеніи на письмѣ, особенно въ предложныхъ префиксахъ».

Изъ этихъ строкъ, парафразирующихъ сказанное Шлейхеромъ (Kirschensl. Formenlehre, стр. 85), видно, что главнымъ основаніемъ вышеприведенныхъ искуственныхъ формулъ (*бойѣ* и проч.) служатъ косвенные падежи (*бой-а*, *бой-у* и т. д.) и что слѣдовательно *ѣ* въ именительномъ придуманъ для симметріи. Еслибъ послѣдователи этой орфографіи пристальнѣе обратили вниманіе на сущность звуковъ, на физіологическую сторону дѣла, то можетъ-быть убѣдились бы въ невозможности предполагать послѣ *й* въ древнемъ произношеніи гласный пазвукъ, т. е. нѣчто похожее на *о* или *у*. Иначе почему же тогдашніе писцы не стали бы означать на письмѣ этого добавочнаго звука, который они ставили во всѣхъ другихъ случаяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальное правописаніе было чисто-фонетическое. Итакъ причина

того, что послѣ *й* не ставили *ера*, была конечно попросту та, что его и не слышали. Въ доказательство того, что формула *бой-ъ* не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго древне-славянской фонетикѣ, приводятъ только одно: «*й* есть согласный звукъ», но спрашивается: изъ чего же это видно? Займемся этимъ вопросомъ.

Физіологическое различіе между гласными и согласными заключается существенно въ томъ, что при произнесеніи первыхъ устный проходъ остается открытымъ, для артикуляціи же послѣднихъ двѣ части рта образуютъ между собой затворъ или по крайней мѣрѣ суженіе. Замѣчается ли такая разница при произношеніи *и* и *й*? Если станемъ произносить *и* не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напр. къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и* (*i*) непремѣнно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (j) надо будетъ опять произнести *и* (*i*), какъ напр. въ англ. словѣ yeag или въ русскомъ *ихъ*, *имъ*, *ручьи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется), языкъ нѣсколько приближается къ нёбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ всю разницу въ произношеніи обоихъ звуковъ составляетъ только бо́льшая или меньшая продолжительность того и другого, такъ что *й* несомнѣнно оказывается полугласнымъ. Но и при артикуляціи *йи* суженіе между языкомъ и небомъ не настолько значительно, чтобъ можно было слышимый при этомъ звукъ назвать согласнымъ.

Еще явственнѣе обнаруживается это, если взять слово, оканчивающееся на *й* (напр. *край*) и продолжать произносить послѣдній звукъ, который при этомъ сейчасъ обращается въ чистое *и*: звуковое различіе между *край* и *краи* заключается только въ томъ, что первое слово односложно, а второе состоитъ изъ двухъ слоговъ. Въ слогѣ *ай*, какъ и во всякомъ другомъ дифтонгѣ, обѣ составныя части сохраняютъ свою первоначальную натуру. Чтобы доказать противное, г. Будиловичъ, какъ дѣлали и другіе до него,

приравниваетъ къ *и* звукъ *в*; но это невѣрно, ибо въ составѣ дифтонга звуку *й* соотвѣтствуетъ не *в*, а *у*: если вмѣсто *й* поставимъ *у* рядомъ съ другимъ гласнымъ и соединимъ оба звука въ одинъ слогъ, то при этомъ *у* не сдѣлается согласнымъ, а сохранитъ свою гласную натуру и по краткости своей будетъ признанъ за полугласный, напр. въ англ. we, were, word [1]) или how, now; въ нѣм. bau, lau. Въ собственно-русскихъ словахъ *у* никогда не является полугласнымъ членомъ дифтонга, и при сложеніи двухъ словъ въ одно (*за-утра*), гдѣ бы онъ могъ играть эту роль, отверждается въ *в*; то же бываетъ въ нѣкоторыхъ чужеязычныхъ словахъ, каковы напр. *авторъ*, *аврора*, *евангеліе*; но въ другихъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, напр. *гауптвахта*, *цейхгаузъ*, *бау*-адъютантъ, *у* и у насъ остается полугласнымъ, и Русскіе прекрасно справляются съ произношеніемъ дифтонга *ау*. Въ русскихъ же по происхожденію словахъ, изъ всѣхъ гласныхъ только *и* можетъ сокращаться въ полугласный для образованія дифтонга, при чемъ вторымъ членомъ можетъ служить каждый изъ прочихъ гласныхъ нашихъ, т. е. мы имѣемъ дифтонги: *йа* (я), *йэ* (*е*, *ѣ*), *йо* (*ё*), *йу* (*ю*) и *ай*, *эй*, *ой*, *уй* [2]).

Къ недоразумѣнію относительно натуры *й* способствовали два обстоятельства:

1) Не всегда точная и послѣдовательная орфографія, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ разсматриваемый звукъ изображается то чрезъ j, то чрезъ i, а прежде означаемъ былъ и чрезъ y, напр. jahr, jung, bei, ein, zwey, seyn. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ словахъ слабѣйшій звукъ дифтонга — одинъ и тотъ же, соотвѣтствующій русскому *й*, а едва ли кто захочетъ утверждать, что буква *i* въ ein, dein и проч. есть согласная. Такъ же непослѣдовательны и Русскіе, когда они перваго звука своихъ диф-

[1]) Въ нѣкоторыхъ англійскихъ словахъ начальное w звучитъ не какъ чистое *у*: передъ этимъ звукомъ слышится еще какъ будто нѣчто среднее между *у* и *в*, но всетаки еще не *в*, т. е. не согласный звукъ, хотя суженіе губного отверстія и нѣсколько болѣе нежели при образованіи *у*.

[2]) Излишне было бы останавливаться здѣсь на томъ, что звуки *яй*, *ей*, *юй*, собственно говоря, *трифтонги*, почему о нихъ здѣсь и не упоминается.

тонговъ *йа*, *йэ*, *йо*, *йу* совсѣмъ не пишутъ, превращая древнія ѣ, ѫ въ *я*, *е*, и вмѣсто *йо*, *йу* начертывая *е*, *ю*, отчего многіе и не сознаютъ присутствія йота въ этихъ начертаніяхъ. Только въ иностранныхъ словахъ начали въ новѣйшее время употреблять *й* въ началѣ и въ срединѣ словъ (*йоркъ*, *майоръ*); но во множествѣ случаевъ пишутъ еще по старому *і* вмѣсто *й*, напр. *Іорданъ*, или даже ставятъ лишнее *і* передъ буквою, которая уже сама по себѣ образуетъ дифтонгъ: *Іерусалимъ*, *іюнь*, *іюль*. Одни Англичане и Шведы остаются вѣрны себѣ въ означеніи звука jot: первые всегда употребляютъ на то y (whye), а послѣдніе j; Англичане пишутъ: yes, yacht, your; boy, eye; Шведы: ja, jul, hjerta, nej, koja, olja, familj.

2) Для образованія слога слабѣйшій членъ дифтонга дѣйствительно получаетъ назначеніе (*функцію*) согласнаго, играетъ *роль* его, почему древніе грамматики и дали йоту названіе i consonans (или i consona), но по натурѣ своей этотъ звукъ, какъ было показано, остается гласнымъ.

У Нѣмцевъ jot все еще составляетъ камень преткновенія фонетики. Большая часть филологовъ ихъ считаетъ его, въ слѣдствіе сейчасъ объясненнаго обстоятельства, согласнымъ звукомъ; но въ словаряхъ Гримма и Вейганда онъ принимается за полугласный; Лепсіусъ разсматриваетъ его въ разрядѣ согласныхъ, но называетъ его полугласнымъ [1]). Брюкке, пріобрѣтшій сильный авторитетъ въ физіологіи звуковъ, въ отношеніи къ jot впалъ въ странное недоразумѣніе и, утративъ свою обычную проницательность, утверждаетъ (Grundzüge, 2-е изд., 91) что при произнесеніи jot не пропадаетъ гласный i, но слышатся одновременно и онъ и *согласный* jot. На несообразность этого мнѣнія я обратилъ уже вниманіе въ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (т. II, стр. 30). Недавно въ такомъ же смыслѣ отозвался объ этомъ взглядѣ г. Крейтеръ (Kräuter) въ приложеніи къ своему изслѣдованію Zur Lautverschiebung (см. стр. 115). Какъ г. Крейтеръ, такъ и выступив-

[1]) Das allgemeine linguistische Alphabet, стр. 29.

шій ранѣе его г. Сиверсъ (послѣдній въ сочиненіи Die Grundzüge der Lautphysiologie) значительно содѣйствовали къ разъясненію спорнаго вопроса о натурѣ звука jot, и я считаю полезнымъ представить здѣсь нѣсколько выписокъ изъ ихъ замѣчаній по этому предмету. Г. Сиверсъ различаетъ два звука jot, изъ которыхъ одинъ, по его мнѣнію, согласный, а другой полугласный. О первомъ онъ говоритъ (стр. 33): «Если во время образованія i усилить выдыхательное давленіе, не измѣняя гортанной артикуляціи, то постепенно производится проточный звукъ j, какъ его произносятъ въ сѣверной Германіи». Далѣе (стр. 73) авторъ распространяетъ качество спиранта j и на среднюю Германію и прибавляетъ: «необходимо отличать его отъ полугласнаго i, который часто встрѣчается напр. въ южной Германіи». Такъ какъ полугласный большею частью является въ дифтонгахъ, то посмотримъ наперед, какъ г. Сиверсъ понимаетъ подобную звуковую группу. «Подъ дифтонгомъ, говоритъ онъ (стр. 86), разумѣютъ сочетаніе двухъ, однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ производимыхъ, т. е. образующихъ одинъ лишь слогъ, простыхъ, обыкновенно кратких гласныхъ, изъ коихъ первый носитъ болѣе сильный акцентъ.» Гласный, который по отсутствію на немъ акцента ослабѣлъ до функціи согласнаго, признаётся г. Сиверсомъ за *полугласный*, но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ замѣчено, что такая смѣна функцій случается только передъ гласнымъ, имѣющимъ болѣе сильное удареніе. «Поэтому, прибавляетъ г. Сиверсъ, (стр. 88) можно, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ дифтонговъ, сказать также, что полугласный происходитъ при соединеніи двухъ гласныхъ, изъ которыхъ *второй* носитъ удареніе.» Сознаюсь однакожъ, что мнѣ непонятно, почему послѣдующій гласный не можетъ, наравнѣ съ предшествующимъ, исполнять роль согласнаго: мнѣ напротивъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ, т. е. что какъ въ je (йэ), такъ и въ ej (эй) звукъ jot (й) по своей природѣ остается гласнымъ, но имѣетъ функцію согласнаго. Весьма справедливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи г. Крейтеръ (стр. 117): «Прежде всего предосудителенъ произволъ, съ которымъ сочетанія a͡i, o͡i, a͡u и т. д.

разсматриваются совершенно иначе, нежели i͡a, i͡o, u͡a и т. д.; это то же самое, что напр. смотрѣть на l въ al не такъ, какъ въ la». Для краткости не продолжаю этой выписки, но всякому, интересующемуся занимающими насъ вопросами, совѣтую прочесть и слѣдующія за симъ страницы небольшой книги г. Крейтера. Вниманія заслуживаетъ и то, что́ гораздо ранѣе его сказалъ г. Таузингъ въ дѣльномъ своемъ сочиненіи: «Das natürliche Lautsystem» (стр. 90 и сл.): онъ очень основательно принимаетъ два вида дифтонговъ, смотря по тому, имѣютъ ли они *нисходящій* характеръ (какъ въ нѣмец. Haus, heiss), или *восходящій* (какъ во франц. roi, lui). Но замѣчательно, что несмотря на это вѣрное пониманіе дѣла, и г. Таузингъ не замѣчаетъ двугласности слоговъ ja, je и т. п., и въ слѣдствіе того равнымъ образомъ видитъ въ jot согласный по его натурѣ. Между тѣмъ отъ этого изслѣдователя можно было бы ожидать болѣе проницательнаго взгляда, такъ какъ онъ нѣсколько далѣе вполнѣ правильно разсуждаетъ: «Если возлѣ гласнаго, образующаго слогъ, дать мѣсто еще другому гласному, то этотъ послѣдній въ силѣ и продолжительности тона долженъ ослабѣть до степени согласнаго, будетъ ли онъ принадлежать къ тому или другому разряду звуковъ» (т. е. хотя бы онъ по своей природѣ оставался гласнымъ).

Къ выпискамъ, дающимъ понятіе о выводахъ г. Сиверса, прибавлю еще слѣдующее его замѣчаніе: «Со спирантами j и w, которые часто отъ болѣе сильныхъ суженій (въ устномъ каналѣ) развиваются изъ i и u, не должно смѣшивать этихъ послѣднихъ» (Grundzüge, стр. 89). Но г. Крейтеръ съ своей стороны говоритъ (Lautverschiebung, 149, 150): «Нигдѣ въ Германіи я не слышалъ, чтобы j произносили не какъ полугласное i; люди, утверждающіе что j другой звукъ чѣмъ i, приводятъ въ подкрѣпленіе этого только такіе доводы, которые показываютъ, что j Mitlauter (созвучникъ), а не Selbstlauter (самогласъ)». Чтобы понять эти слова въ настоящемъ ихъ смыслѣ, надобно знать различіе, установляемое г. Крейтеромъ между названіями Mitlauter и Consonant (созвучащій и согласный) и явствующее уже изъ заглавія

статьи, приложенной къ книгѣ его, именно: «Vokalische Mitlauter und Konsonantische Selbstlauter» (гласные созвучники и согласные самогласы). Съ его точки зрѣнія (стр. 113) терминъ «Konsonant» (σύμφωνον) обозначаетъ не натуру звуковъ, а способъ ихъ употребленія въ языкѣ, слѣдовательно основывается на совершенно другомъ началѣ дѣленія, нежели «Vokal». «Названіе Konsonant, продолжаетъ онъ, придали подлежащимъ звукамъ, потому что они у Грековъ одни, сами по себѣ, не служатъ къ образованію слога, но всегда являются въ немъ только спутниками другихъ звуковъ. Та же наклонность обращать вниманіе болѣе на роль, какую звукъ играетъ въ языкѣ, нежели на существо его, обнаруживается позднѣе и у Римлянъ». Для бо́льшаго еще разъясненія дѣла, г. Крейтеръ замѣчаетъ: «Когда симитскіе грамматики разсматриваютъ *двугласные* (Doppellaute), какъ сочетаніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, то это по формѣ выраженія конечно неправильно, потому что *i* и *y* нисколько не измѣняютъ своего звука, своей физіологической натуры, слѣдовательно считаются гласными; но по смыслу это совершенно вѣрно, ибо подъ согласнымъ тутъ разумѣется не что иное, какъ то же самое, что́ я называю Mitlauter (созвучникомъ)». Наконецъ, г. Крейтеръ справедливо вызываетъ (стр. 119) одного рецензента разъяснить, въ чемъ же заключается разница между такъ называемымъ двугласнымъ ai и и слогомъ ăj, въ которомъ j будто бы выговаривается какимъ-то особеннымъ, нѣмецкимъ способомъ. Обычное выраженіе: «j вокализируется», когда оно должно означать различіе между aj и односложнымъ ai, изобличаетъ жалкую зависимость отъ правописанія». Сказанное г. Крейтеромъ на той же страницѣ, что «Славяне въ своихъ oи, aи, eи, уи и т. д. видятъ совершенно то же, что въ ой, ай, ей, уй и т. д.» сохраняетъ свою вѣрность и въ обратномъ смыслѣ, т. е.: ой, ай, ей, уй значатъ то же-что oи, aи, eи, уи, съ тою только разницею, что первый способъ начертанія указываетъ на возможно-краткую продолжительность звука *и*, который точно такъ же произносится въ нѣмецкихъ словахъ ei, sei, hai, ein, sein, hain, не будучи на письмѣ отличаемъ отъ полнаго

и. Но что въ такихъ случаяхъ славянское *й* совершенно тожественно съ нѣмецкимъ *i*, что слѣдовательно нѣтъ никакого основанія предполагать за нимъ въ концѣ слова (даже и въ древнемъ языкѣ) еще какой-то пазвукъ и означать этотъ послѣдній на письмѣ еромъ, этого конечно не станетъ отрицать ни одинъ безпристрастный читатель.

Правильный взглядъ на *й* находится въ тѣсной связи съ истиннымъ пониманіемъ тѣхъ двухъ звуковыхъ оттѣнковъ, которые означаются *еромъ* и *еремъ* и противоположность которыхъ проходитъ черезъ всю систему русскихъ звуковъ, составляя исконную особенность славянскихъ языковъ. Такъ какъ отмѣчаемый этими полугласными выговоръ почти безслѣдно исчезъ въ большей части названныхъ языковъ, то естественно, что западному Европейцу чрезвычайно трудно составить себѣ ясное понятіе о сущности этихъ двухъ звуковъ. Мы лишь приблизительно можемъ уразумѣть древнее значеніе обѣихъ полугласныхъ въ серединѣ словъ, имѣя въ виду неопредѣленный звукъ Англичанъ (напр. въ but), Французское e muet или произношеніе у Чеховъ и Сербовъ нѣкоторыхъ слоговъ, которые пишутся безъ гласныхъ. Но значеніе *ера* и *еря*, какъ двоякаго пазвука при согласныхъ, сохранилось въ русскомъ языкѣ: въ каждомъ изъ этихъ двухъ полугласныхъ слышится какъ бы приступъ къ произношенію либо широкаго гласнаго (а, о, у), либо тонкаго (э, и)[1]. Отличаемая знаками ъ и ь артикуляція согласныхъ зависитъ отъ особеннаго

[1]) У насъ по большей части представляютъ себѣ букву *э* какъ представительницу широкаго звука, что́ выражается особенно въ томъ, что въ заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ именахъ ее употребляютъ послѣ согласной не иначе какъ для замѣщенія Франц. è, ê или ai, нѣмецк. ä и т. п., напр. *тэма*, *мэръ*, *Рабле*, *Бэръ*, но при этомъ теряютъ изъ виду, что въ русскомъ языкѣ буква *э*, такъ же какъ и *е*, *ѣ*, означаетъ двоякій звукъ, какъ легко замѣтитъ всякій одаренный не слишкомъ грубымъ слухомъ, при сравненіи напр. словъ *э*-ти и *э*-та, *э*-рикъ и *э*-ра. Такъ какъ всякая согласная можетъ имѣть у насъ только двоякій звукъ, т. е. одинъ, означаемый *еромъ*, и другой *еремъ*, то очень не трудно убѣдиться, какова́ гласная, т. е. широкая ли она, или тонкая; для этого сто́итъ только приставить ее къ согласной и посмотрѣть, какъ произнесется эта послѣдняя—съ *еромъ* или съ *еремъ*; напр. въ словахъ *Рабле*, *атлэтъ л*, не смотря на видимую широкость гласной *э*, будетъ произнесенъ

выговора русскихъ гласныхъ, значительно отступающаго отъ произношенія тѣхъ же звуковъ у западныхъ Европейцевъ. Такъ напр. наши слоги ра, ро, ру, ре, ри звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ французскіе или нѣмецкіе га, го, ru, ге, гі; та же разница замѣчается и при измѣненномъ порядкѣ звуковъ (ар, ор, ур и т. д.). Если возьмемъ въ этихъ трехъ языкахъ нѣсколько словъ, повидимому составленныхъ изъ тѣхъ же звуковъ, напр. нѣмецкія koth, pott, rad, rath, nie; французскія: côte, cotte, rate, nid, и русскія: котъ, потъ, радъ, ни, то найдемъ, что два первые ряда словъ почти однозвучны, послѣдній же звучитъ совершено иначе. Всего поразительнѣе эта разница при *л*, но она ощутительна и при всякой другой согласной, и происходитъ отъ того, что мы отличаемся отъ прочихъ европейскихъ народовъ какъ самымъ растворомъ рта и движеніемъ органовъ рѣчи, которые точнѣе опредѣлить могутъ лишь физіологи, такъ и большею силой выдыханія. Обстоятельство что ъ и ь никогда не являлись въ началѣ слога, указываетъ на то, что они всегда служили только вспомогательными звуками при согласныхъ, опорою ихъ, хотя быть-можетъ нѣкогда и подходили ближе къ полнымъ гласнымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, считающіе и *й* и ь за сокращенное і (Шлейхеръ, Ksl. Form. стр. 9 и 154), не обращаютъ вниманія на различную продолжительность и разное значеніе этихъ двухъ краткостей и употребляютъ одинакую транскрипцію, напр. для словъ: крајъ и конјъ. Они не замѣчаютъ, что ь въ этомъ отношеніи занимаетъ середину между *и* и *й*, что *й* есть такъ-сказать удлиненіе *еря* или наоборотъ ь есть сокращеніе *й* [1]). Оттуда превратное мнѣніе, будто отонченныя согласныя (бь, вь и проч.) составляютъ «mouillirte Laute» или «согласные дифтонги». Первое выраженіе примѣнилъ къ этимъ славянскимъ

какъ *ль*, а не какъ *лъ*; слѣдов. *э* есть гласная тонкая или, если вы предпочитаете болѣе употребительный терминъ, — мягкая гласная. Не говорю уже о томъ случаѣ, когда *э* и безъ того представляетъ француз. *é* или нѣмецкій сжатый звукъ *е*, напр. въ именахъ *Эмилія*, *поэзія*.

[1]) Даже Востоковъ впалъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій, въ этотъ промахъ, сказавъ, что ь и й одно и то же (См. его Филолог. наблюденія, стр. 18).

звукамъ Брюкке (Grundzüge [1], стр. 98), второе находимъ у Шлейхера (Ksl. Fl., стр. 34). На невѣрность теоріи Брюкке я указалъ уже прежде [1]), такъ какъ у Французовъ l и n mouillés слышатся каждый какъ два звука (lj, nj), тогда какъ въ нашихъ ль, мь, нь и т. д. тонкій назвукъ совершенно сливается съ согласною въ одинъ звукъ, изъ котораго никакъ нельзя выдѣлить jot. Впрочемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я тѣмъ болѣе могу быть краткимъ, что уже г. Сиверсъ (Grundzüge, стр. 105) выяснилъ его и справедливо назвалъ русскій ь редуцированнымъ йотомъ. Смѣшеніе jot съ *еремъ* повторяется и у г. Лескина: по его мнѣнію, ль, рь, нь, пишется вмѣсто ljь, rjь, njь и по-настоящему й должно быть всегда читаемо какъ jї (т. е. jь) [2]). Но дѣло въ томъ, что такія слова, какъ напр. голубь, червь, лебедь, князь, гость вовсе не имѣютъ j въ концѣ, ибо иначе предшествующіе *ерю* согласные б, в, д, з, т непремѣнно умягчились бы въ бл, вл, ж или жд, ч или щ, какъ это дѣйствительно произошло въ другомъ разрядѣ словъ, именно въ такихъ словахъ, какъ корабль, журавль, ложь, вождь, кличь, плащь, которыхъ первоначальную форму можно представить себѣ такъ: корабьй, журавьй, логьй, водьй и т. д., т. е. въ послѣднемъ рядѣ словъ смягченіе было двойное и оттого произошло измѣненіе согласныхъ въ ихъ окончаніяхъ; ясно что здѣсь j (й) дѣйствительно имѣлъ физіологическое значеніе [3]). Въ первомъ ряду, напротивъ, не видно ничего подобнаго, и нельзя не признать мнѣніе о присутствіи въ этихъ словахъ йота лишеннымъ основанія. Только при переходѣ звука въ другой можно сказать, что ему предшествовало то, что Нѣмцы называютъ Mouillirung. Что касается начертанія jь (ji), то оно представляетъ еще

---

[1]) Филол. разыск., т. II, стр. 24.

[2]) Handbuch der altbulg. Sprache стр. 15; также Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (Leipzig 1876), стр. 9, 10, 84 и проч.

[3]) Присутствіе й при двойномъ, или полномъ умягченіи звуковъ очевидно особенно въ звукахъ губного органа: *л* послѣ *б*, *п*, *в*, *ф*, *м* есть не что иное, какъ замѣна йота, который и въ другихъ языкахъ легко подвергается такимъ превращеніямъ или становится на мѣсто другихъ звуковъ. Ср. итал. pianto, piegare, bianco, fiamma съ франц. plante, plier, blanc, flamme.

и тотъ абсурдъ, что если въ самомъ дѣлѣ ь значитъ jь, то произойдутъ слѣдующія, до безконечности простирающіяся формулы: конь=конjь=конjjь=конjjjь и т. д.

Ничѣмъ-инымъ, какъ такимъ же смѣшеніемъ еря съ йотомъ, можно объяснить, какъ могъ такой геніальный филологъ какъ Шлейхеръ не оцѣнить вѣрности различія, указаннаго Миклошичемъ между произношеніемъ е, ё, я, ю въ началѣ слога (praejotirte Laute) и произношеніемъ этихъ же буквъ послѣ согласныхъ (praejerirte Laute): увлеченный своею теоріею петацизма, онъ въ своей грамматикѣ псл. языка (стр. 84) рѣшительно высказался противъ этого взгляда.

Но и г. Миклошичъ, кажется, не совсѣмъ правъ, находя, что *мои*, *твои*, *краи*, въ древнихъ памятникахъ должны быть всегда произносимы какъ моjи, твоjи, краjи. Въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ не слышно въ такихъ словахъ йота, и нѣтъ основанія предполагать этотъ звукъ и въ древней ихъ формѣ, такъ какъ правописаніе не подаетъ къ тому повода. Русскіе (оставляю въ сторонѣ возможныя различія въ діалектическихъ говорахъ) выговариваютъ и за *йи* только въ личномъ мѣстоименіи: *ихъ*, *имъ*, *ими* и въ такихъ случаяхъ, какъ чьи, соловьи, Натальи. Востоковъ замѣчаетъ: «Надъ *и* древніе писцы не ставили знака краткости, а писали равно именит. ед. и именит. множ. *мои*, *твои*, *свои*; однакожъ вѣроятно произносили въ первомъ случаѣ мой, твой, свой, а въ второмъ мои, твои и пр., какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ». (Фил. Набл., стр. 21).

Показавъ отношеніе между *й* и ь, перейду теперь къ *еру*. Прежде всего надобно замѣтить, что произношеніе согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ (отмѣчается ли оно или нѣтъ на письмѣ), напрасно оставляется изслѣдователями безъ вниманія и они занимаются только *еремъ*. Выше уже, при общемъ разсмотрѣніи обѣихъ полугласныхъ, я замѣтилъ, что по причинѣ элемента ъ у насъ звуки, какъ согласные, такъ и гласные, слышатся совсѣмъ иначе, нежели въ западно-европейскихъ языкахъ. Г. Миклошичъ полагаетъ (Lautl. стр. 379), что «ъ въ

произношеніи безслѣдно исчезаетъ, такъ какъ предшествующій ему согласный сохраняетъ свой звукъ». Это выраженіе не только не точно, такъ какъ здѣсь ъ трактуется лишь какъ знакъ, а не какъ звуковой элементъ, но и не совсѣмъ отвѣчаетъ истинѣ: ибо каждый отмѣченный *еромъ* согласный имѣетъ именно тотъ звукъ, который онъ можетъ имѣть передъ широкими гласными или передъ приступомъ къ ихъ произношенію. Что значатъ слова: согласная *сохраняетъ* свой звукъ? Ей свойственны два звука, смотря по тому, который изъ двухъ элементовъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. Что ъ въ произношеніи безслѣдно не исчезаетъ, видно изъ того, что если непосредственно за словомъ, кончающимся на ъ, произнести другое, начинающееся съ *и*, то этотъ послѣдній звукъ превращается въ *ы*, напр. *идетъ изъ* звучитъ какъ *идетыз*, *зналъ имя* какъ *зналымя*. Всего яснѣе это обнаруживается при предлогахъ въ, съ, объ, подъ и др., ибо *подъ именемъ*, напр., слышится *подыменемъ*, что́ особенно наглядно является въ сложныхъ словахъ, гдѣ ы даже и пишется, напр. въ *обыскъ*, *предыдущій*, *сызнова*. Широкое произношеніе *и* послѣ з есть физіологическая необходимость Поэтому-то для западнаго Европейца такъ же трудно усвоить себѣ настоящее произношеніе ы, какъ и звуковой элементъ з: еслибъ было справедливо (какъ часто утверждаютъ), что русскія согласныя, отмѣченныя *еромъ*, звучатъ точно такъ же, какъ согласныя другихъ европейскихъ языковъ, то Нѣмцу было бы столь же естественно звукъ *и* послѣдующаго слова произносить какъ ы, и «er ist» слышалось бы какъ: эрыстъ.

Подобно еру, и *еры* составляетъ для большей части германскихъ филологовъ звукъ неразгаданный. Г. Миклошичъ полагаетъ, что ы въ древне-славянскомъ всегда было двугласнымъ (Lautl. стр. 112) и что въ односложныхъ русскихъ словахъ онъ звучитъ какъ *ый* (тамъ же, стр. 382). Послѣднее мнѣніе лишено всякаго основанія, а что касается перваго, то едва ли можно сомнѣваться, что ы было у славянскихъ народовъ однимъ изъ исконныхъ звуковъ, такъ какъ оно въ тѣсной связи съ *еромъ*: если этотъ послѣдній никогда не былъ яснымъ, полнымъ гласнымъ (что́

признано почти всѣми), то *ги* должно было естественно звучать простою гласной; на это указываетъ какъ присутствіе его, такъ и названіе въ кириллицѣ. Поэтому Шлейхеръ, кажется, правъ, ограничивая двугласность ера двумя случаями (Ksl. Formenl. стр. 60). Но о произношеніи *еры* и онъ повидимому не имѣлъ яснаго понятія, приравнивая его не разъ къ нѣмецкому ü. Такъ въ «Транскрипціи Кириллицы» (Beiträge I, стр. 31) онъ говоритъ объ этомъ: «можетъ быть, надо произносить его какъ üj, какъ оно и пишется въ кириллицѣ (ъі), а можетъ быть и какъ нѣмецкое ü». Но что сказалъ бы Нѣмецъ, еслибъ онъ изъ устъ Русскаго услышалъ свое слово Müh выговореннымъ какъ *мы?*» Стóитъ только обратить вниманіе на различное положеніе рта при произношеніи этихъ двухъ звуковыхъ комплексовъ, чтобы убѣдиться, какъ неудачно это сравненіе.

Г-ну Брюкке (Grundzüge [2] стр. 30) въ *еры* также слышится не вполнѣ образованный звукъ u^i. Правильное пониманіе звука ы находимъ мы только у г. Лепсіуса: онъ признаетъ, что ы дѣйствительно какъ ü представляетъ сліяніе у съ і, но вмѣстѣ съ тѣмъ остроумно разъясняетъ разницу между ü и ы. Вся теорія его объ этомъ послѣднемъ звукѣ такъ интересна, что я считаю полезнымъ привести ее цѣликомъ: «Гласная *е*, говоритъ онъ, не столько занимаетъ середину между *а* и *і*, сколько *ü* между *у* и *і*; ибо движеніе отъ *а* къ *і* есть простое, равно устремленное къ одному пункту; движеніе же отъ *у* къ *і*, или обратно, есть двойное, обоюдно перебивающееся. Если сравнимъ, какъ образуются *і* и *у*, то увидимъ, что при образованіи *у* губы кругло протягиваются впередъ, языкъ же отдергивается на самого себя, такъ что въ передней части рта образуется пустое пространство, котораго діаметръ больше нежели входъ и выходъ его, и отъ резонанса котораго происходитъ глухой тонъ этого звука. Для произнесенія *ü* дѣлятся функціи обоихъ органовъ: языкъ сохраняетъ то же положеніе, какъ при *і*, губы же принимаютъ положеніе, нужное для *у*. Если слѣдовательно оба эти положенія органовъ рѣчи признаются равно существенными, то *ü* дѣйствительно занимаетъ середину

между обоими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что между *i* и *y* должна быть еще *другая середина*, столь же законная. Ибо мы можемъ образовать и такой звукъ, при которомъ губы имѣютъ широкое положеніе для *i*, языкъ же—укороченное положеніе для *y*. Этотъ звукъ не только возможенъ, но и на самомъ дѣлѣ развитъ во многихъ языкахъ, какъ звукъ важный и характеристическій для ихъ фонетики. Это тотъ самый зкукъ, который всего болѣе извѣстенъ изъ славянскихъ языковъ, русское *еры*, называемое дебелымъ i (das harte i) и означаемое въ польскомъ чрезъ *y*. Но этотъ звукъ, по моему мнѣнію, всего первобытнѣе въ татарскихъ языкахъ, какъ то въ турецкомъ, татарскомъ, якутскомъ, гдѣ онъ составляетъ существенную принадлежность соотвѣтствія гласныхъ (Vokalharmonie) и повидимому вызванъ главнымъ образомъ послѣдовательностію этого закона. Слѣды *еры* можно указать и въ родственныхъ съ названными дравидскихъ языкахъ Индіи. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что различеніе заднихъ, низкихъ и глухихъ гласныхъ *a o y* отъ переднихъ, высокихъ и звонкихъ e, o̤, ṳ, i существуетъ во всѣхъ языкахъ и обнаруживается въ разнообразныхъ явленіяхъ и вліяніяхъ. Его значеніе особенно важно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ, какъ въ манджурскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, турецкомъ, якутскомъ, мадьярскомъ, финскомъ, оно служитъ основаніемъ свойственнаго имъ соотвѣтствія гласныхъ. Такъ называемымъ дебелымъ (harten) гласнымъ *a o y*, произносимымъ съ *отдернутымъ назадъ* языкомъ, соотвѣтствуютъ въ томъ же порядкѣ произносимыя съ *протянутымъ впередъ* языкомъ такъ называемыя мягкія (weichen) гласныя e, o̤, ṳ. Четвертому мягкому гласному *i* не было бы соотвѣтствующаго дебелаго, если бъ въ правильную систему звуковъ не было принято выше описанное *ы*, т. е. такое *i*, которое выговаривается съ *отдернутымъ* до нёбнаго пункта языкомъ. Теперь другъ другу отвѣчаютъ *a o y ы* и e, o̤ ṳ, i» [1]).

---

[1]) Abhandlungen der Königl. Akademie des Wissensch. zu Berlin 1861, «Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift», стр. 150.

Сверхъ широкаго *и* (ы, поль. y) есть въ польскомъ еще широкое *е*, которое особенно ясно слышится послѣ дебелаго *л* (ль), какъ напр. въ łeb, łecht, łeb, łezka (что по-русски слѣдовало бы писать: лъэбъ, лъэхтъ, и пр.), —звукъ, на который германскіе филологи до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Правда, и Русскіе произносятъ его при встрѣчѣ двухъ словъ, изъ которыхъ первое кончается *еромъ*, а второе начинается съ широкаго *э*, какъ напр. въ словахъ: зналъ это; но въ серединѣ словъ это *э* у насъ невозможно. Въ началѣ слова это *э* можетъ образоваться въ русскомъ языкѣ вообще послѣ широкихъ согласныхъ (отмѣченныхъ *еромъ*), напр. *объ этомъ, съ этою, двухъэтажный*, въ коихъ слоги *бъэ, съэ, хъэ* звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ въ такихъ сочетаніяхъ: объ *этихъ*, съ *этимъ*, гдѣ *э*, несмотря на предшествующій *ъ*, произносится узко, сообразно съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ (ти).

Это различіе основывается на законѣ, давно уже и не разъ указанномъ мною, но до сихъ поръ еще не всѣми признаваемомъ (см. мои Филол. Разысканія, т. I, стр. 265 и т. II, стр. 31, 315). Впрочемъ г. Миклошичъ (Lautl., стр. 374) уже упомянулъ объ этомъ двоякомъ произношеніи звука э (е, ѣ) по наблюденію нашего академика Бетлинга, который независимо отъ меня также замѣтилъ эту разницу. Люди, еще сомнѣвающіеся въ справедливости нашего наблюденія, которое подтвердитъ всякій не лишенный сколько-нибудь тонкаго слуха, могутъ для повѣрки вслушаться особенно въ произношеніе азбучныхъ названій *ѣръ* и *ёръ*.

Едва ли кто, произнеся ихъ, можетъ не замѣтить поразительной разницы въ выговорѣ не только *р*, но и *е* въ томъ и въ другомъ словѣ: для этого стóить только, произнеся *е* для *рѣ*, вдругъ попробовать приложить къ гласной звукъ *рь* и на оборотъ, т. е. какъ *рь* не придется къ *ѣ*, такъ и *рѣ* не придется къ *ё*.

Ограничусь на этотъ разъ изложенными замѣчаніями. Само собою разумѣется, что мое несогласіе съ германскими филологами по нѣкоторымъ вопросамъ нашей фонетики нисколько не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить услуги, оказанныя ими изученію славянскихъ языковъ, къ оживленію и успѣхамъ котораго они много

содѣйствовали не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи. Не менѣе благодарности заслуживаютъ и тѣ изслѣдователи, которые оказываютъ этому изученію косвенную пользу трудами по физіологіи звуковъ. Изъ новыхъ дѣятелей по этой части я не разъ ссылался на гг. Сиверса и Крейтера. Книга перваго Grundzüge der Lautphysiologie явилась въ 1876 г. какъ введеніе въ библіотеку индо-европейскихъ грамматикъ, изданіе, предпринятое въ Лейпцигѣ обществомъ ученыхъ.

О сущности взглядовъ г. Крейтера, выступившаго съ своею Lautverschiebung годомъ позже Сиверса, читатели могли уже судить по сдѣланнымъ мною выпискамъ изъ приложенія къ этому труду.

Г. Сиверсъ, съ своей стороны, находя старинное раздѣленіе звуковъ на гласные и согласные, не вполнѣ удовлетворительнымъ, предлагаетъ новое: смотря по тому, на какой звукъ падаетъ главное удареніе слога, онъ дѣлитъ звуки на *сонанты* и *консонанты*, разумѣя подъ послѣдними такіе вообще звуки, которыми только сопровождаются носящіе главное удареніе. Основаніемъ этого дѣленія служитъ функція (роля), исполняемая звуками въ словѣ. Изъ этого видно, что г. Крейтеръ только развилъ далѣе теорію, созданную его предшественникомъ.

Въ отношеніи къ самой сущности звуковъ и ихъ акустическому характеру г. Сиверсъ принимаетъ слѣдующіе разряды:

I. Звонкіе (Sonore), подраздѣляемые имъ на:

1. Гласные.
2. Плавные.
3. Носовые.

II. Шумящіе (Geräuschlaute), и именно:

1. Смычные или взрывочные (Verschluss-oder Explosivlaute).
   а. Шопотные (tenues, tonlose mediae).
   б. Голосовые (tönende mediae).
2. Спиранты или проточные:
   а. Шопотные (напр. ф, с, х, ш).
   б. Голосовые (напр. в, з, ж).

На ряду съ германскими изслѣдователями, способствовавшими въ недавнее время успѣхамъ физіологіи звуковъ, надо поставить молодого шведскаго ученаго, доцента Упсальскаго университета Леффлера (L. F. Leffler), который въ своемъ трудѣ: Några ljudfysiologiska undersökningar rörande konsonantljuden[1]) занялся разсмотрѣніемъ двухъ вопросовъ: 1) дѣйствительно ли артикулируется дважды согласная, удвояемая на письмѣ, напримѣръ въ словѣ *труппа*; и 2) въ чемъ собственно заключается физіологическое различіе между такъ называемыми твердыми (mutae tenues: п, т, к) и мягкими мгновенными звуками (mutae mediae: б д г).

Не касаясь второго вопроса, разрѣшеніе котораго представляетъ большія трудности, я здѣсь укажу только на выводы, къ которымъ г. Леффлеръ приходитъ по первому, и на употребленные имъ остроумные пріемы для разрѣшенія его. Но прежде надо упомянуть о господствующемъ въ наукѣ, согласно съ заключеніемъ Брюкке, взглядѣ на этотъ предметъ, принятомъ и мною въ моихъ *Филологическихъ Разысканіяхъ*. «Въ физіологическомъ смыслѣ, сказано тамъ (т. II, стр. 249), удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ не бываетъ, а есть только способъ произношенія его, который на письмѣ такъ означается. Когда мы пишемъ: *труппа*, *маттa*, *Мекка*, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, что́ должно бы слышаться, если бъ мы написали: трупъ-па, матъ-та, Мекъ-ка». Цѣль двойного начертанія согласной—только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлиненіе, или, точнѣе, что раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву. При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (п, б; т, д; к, г), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ неболь-

[1]) Upsala Universitets Årsskrift на 1874 годъ.

шой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (в ф, з с, ж ш, м н р л) просто протягивается. Г. Леффлеръ утверждаетъ, что мнѣніе Брюкке относительно мгновенныхъ согласныхъ въ этомъ случаѣ несправедливо, что звукъ дѣйствительно удвояется, съ тою только разницею, что сперва мы образуемъ его *затворомъ*, а потомъ, во второй разъ, *растворомъ*, т. е. что когда мы произносимъ напр. *труп-*, *мат-*, *мек-*, то хотя преграда еще не разрѣшена, однакожъ звукъ уже вполнѣ образованъ. Чтобы доказать это, г. Леффлеръ предварительно пересматриваетъ всю теорію смычныхъ звуковъ (Verschlusslaute), иначе мгновенныхъ, которые онъ называетъ klusela ljud; по его опредѣленію, это такіе звуки, которые для своего образованія требуютъ прегражденія (afspärring) воздушнаго тока совершеннымъ затворомъ какъ носового канала (посредствомъ небной занавѣски), такъ и полости рта (посредствомъ губъ или языка). Эти смычные звуки онъ раздѣляетъ на два разряда:

1) Звуки, которые происходятъ при образованіи затвора, т. е. когда выдыхаемый воздушный токъ прегражденъ закрытіемъ носового канала и полости рта: это *затворные* (implosiva) смычные звуки; въ типической системѣ знаковъ буквы для этихъ звуковъ должны бы имѣть особую примѣту, наприм. горизонтальную черточку съ лѣвой стороны: п̄, т̄, к̄; б̄, д̄, г̄.

2) Звуки, происходящіе, когда вогнанный въ полость рта и задержанный преградою воздухъ выпускается открытіемъ загражденнаго пути; это *растворные* (explosiva) смычные звуки; для отличія ихъ отъ предыдущихъ слѣдовало бы отмѣчать ихъ черточкою съ правой стороны: п̄, т̄, к̄; б̄, д̄, г̄.

Эта теорія отличается отъ установленной профессоромъ Брюкке и принятой другими физіологами тѣмъ, что они для полнаго образованія смычного звука считаютъ оба акта необходимыми, и потому даютъ звукамъ этого рода еще другое названіе, обнимающее какъ приготовительный затворъ, такъ и разрѣшеніе его,— названіе explosivae (взрывочные). Съ перваго взгляда мнѣніе г. Леффлера представляется совершенно основательнымъ, но

при ближайшей повѣркѣ его однакожъ оказывается, что звуки п б, т д, к г, образованные только затворомъ, напр. въ словахъ: трӯп, а̄б, ма̄т, А̄д, Ме̄к, Ба̄г, не могутъ считаться вполнѣ образованными пока они не опредѣлятся окончательно растворомъ; безъ этого послѣдняго они такъ неясны, что трудно и распознать ихъ по одному слуху, т. е. не слѣдя за самыми движеніями устныхъ органовъ. Слѣдовательно нельзя не согласиться съ г. Брюкке, что для полнаго образованія звука затворъ долженъ быть дополненъ растворомъ, какъ видно напр. въ словахъ: *трупъ*, *абъ*, *матъ*, *адъ*, *мекъ*, *Багъ*. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ: труп-па, аб-батъ, мат-та, Ад-да, Мек-ка, Баг-ге, чѣмъ отличается произношеніе этихъ звукосочетаній отъ выговора слѣдующихъ: тру-па, а-батъ, ма-та, Ме-ка, ба-ге? Въ обоихъ случаяхъ полный звукъ образуется одинакимъ образомъ, но разница въ томъ только, что во второмъ случаѣ мы не отдѣляемъ завора отъ раствора; въ первомъ же относимъ затворъ къ предъидущему слогу, а растворъ отдѣляемъ отъ него и относимъ къ послѣдующему.

Г. Леффлеръ въ своемъ разсужденіи не касается славянскихъ языковъ, и только однажды, мимоходомъ, замѣчаетъ о ихъ письмѣ, что оно не точно передаетъ произношеніе, не означая начертаніями удвоенія звуковъ. На это слѣдуетъ возразить, что таковъ дѣйствительно обычай въ письменности нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, напр. Чеховъ и Сербовъ, но у насъ преобладаетъ однакожъ правило означать и на письмѣ слышимое въ выговорѣ удвоеніе звуковъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XVIII, № 9.

НОВЫЕ ТРУДЫ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО

ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО

С. И. Пономарева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1878 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(С. И. Пономарева)

НОВЫЕ ТРУДЫ ПРЕОСВ. ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

Востокъ христіанскій. Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри и скиты архимандрита, нынѣ епископа, Порфирія Успенскаго въ 1845 году. Кіевъ. 1877. Въ 6. 8 д. Часть 1-я въ 2-хъ отдѣлахъ, 386 и 341 стр.

Исторія Аѳона, его же. К. 1877. 3 тома. Аѳонъ языческій; Аѳонъ христіанскій, мірскій; Аѳонъ монашескій по 1204 годъ. IV, 228; 179; 383. Цѣна всѣмъ пяти книгамъ, съ тремя картами, 5 рублей съ пересылкою. *Порознь не продаются.*

Преосвященный Порфирій, первый викарій кіевской митрополіи, давно уже извѣстенъ въ мірѣ ученомъ, какъ глубокій изслѣдователь христіанскаго Востока. Его два «Путешествія на Синай и по Египту» (изд. въ 1856 и 1857 г.) пользуются почетною извѣстностію. Его указатель актовъ, хранящихся на Аѳонѣ, былъ первымъ обстоятельнымъ описаніемъ почти 500 письменныхъ тамошнихъ памятниковъ. Разнородные труды его по исторіи Востока (помѣщавшіеся преимущественно въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи») доставили ему отъ с.-петербургскаго университета степень доктора еллинской словесности. Его «Исторія Аѳона», появившаяся первоначально въ томъ же Кіевскомъ журналѣ (1871—1873), была первымъ серьезнымъ трудомъ объ Аѳо-

нѣ и обратила на себя справедливое вниманіе ученыхъ; нынѣ она издана особо, въ трехъ томахъ, *исправленная и дополненная*. Его библіотека на языкахъ восточныхъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ собраній въ свѣтѣ. Академикъ И. И. Срезневскій, осматривавшій ее еще въ 1867 году, пришелъ къ тому убѣжденію, что ради ея одной археологу необходимо поѣхать въ Кіевъ. И до нынѣ маститый архипастырь, великій трудолюбецъ, продолжаетъ неутомимо работать для науки и приготовилъ ученыхъ трудовъ столько, что для одного изданія ихъ потребовалось бы нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію, досужаго времени у него, отъ служебныхъ занятій, мало, и потому-то медленно выходятъ его обширныя сочиненія. Но эта запоздалость ихъ появленія нисколько не умаляетъ достоинства ихъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ его «Путешествіе въ Аѳонскіе монастыри», о которомъ мы хотимъ говорить. Совершенное въ 1845 году, оно и нынѣ, чрезъ 32 года, имѣетъ полную цѣну и важность для науки, какъ это видно будетъ даже изъ нашего сжатаго обзора. Тѣмъ, кто любитъ многосодержательный трудъ, весь проникнутый исторической истиной, мы горячо рекомендуемъ эту книгу.

Характеръ этой книги и вообще ученой дѣятельности своей авторъ самъ очерчиваетъ стихами Лафатера:

«Отыскивать истину въ путаницѣ понятій,
«Предъощущать ее, находить ее,
«Исправлять свои ошибки —
«Вотъ моя утѣха, мое стремленье».

И онъ вполнѣ остается вѣренъ этому девизу. Служеніе истинѣ, гдѣ бы то ни было, проникаетъ собою всю его книгу. Мало того: это путешественникъ вовсе не односторонній; богомольная сторона у него занимаетъ скромное мѣсто и никогда не выставляется на показъ. Это по преимуществу путешественникъ-историкъ и археологъ, путешественникъ-критикъ. Приводя какую нибудь легенду, онъ сейчасъ же провѣряетъ ее несомнѣнными

историческими данными. Вслѣдствіе этого онъ нерѣдко отрицаетъ преданія аѳонцевъ, ихъ исторію, ихъ филологію; вмѣсто ихъ повѣрій и объясненій, приводитъ свои, добытые всестороннимъ изученіемъ предмета: и правда всегда на его сторонѣ; здравый смыслъ самихъ аѳонцевъ заставляетъ ихъ соглашаться съ нимъ (аѳонцевъ, конечно, добросовѣстныхъ и любящихъ правду). Историкъ въ немъ смѣняется изслѣдователемъ нравовъ, даровитымъ разсказчикомъ, поэтомъ даже. Короче сказать, онъ подобенъ тому евангельскому книжнику, который, какъ сокровищница, выдаетъ и старое и новое.

Въ доказательство этого прослѣдимъ, хотя кратко, его путь до Аѳона.

Въ іюлѣ 1845 года, авторъ, тогда еще архимандритъ, выѣзжаетъ изъ Константинополя на Аѳонъ чрезъ Солунь. По дорогѣ онъ разрѣшаетъ себѣ вопросъ о причинахъ разрозненности славянъ, отчего они доселѣ не сплотились въ одинъ народъ и подпали подъ власть грековъ, турковъ и разныхъ нѣмцевъ (с. 1—2); описываетъ свой путь; видя издали съ разныхъ сторонъ Аѳонъ, представляетъ нѣсколько его рисунковъ (стр. 4, 17, 22); очерчиваетъ Солунь; ѣдучи на конѣ, по дорогѣ на Аѳонъ, чертитъ путевую карту, съ обозначеніемъ на ней ближнихъ и дальнихъ мѣстностей, и ихъ разстоянія; указываетъ слѣды древнѣйшихъ городовъ; описываетъ сѣрные ключи, металлическія руды; обозначаетъ слѣды славянскихъ поселеній, приводитъ образцы славянизмовъ въ языкѣ тамошнихъ жителей (стр. 15, 19 и 36); описываетъ и срисовываетъ костюмы (15); представляетъ исторію замѣчательнѣйшихъ мѣстъ по пути, пользуясь для этого первыми источниками, греческими и латинскими — и трудами древнихъ и авторитетныхъ путешественниковъ; описываетъ и срисовываетъ остатки древностей; снимаетъ надписи; замѣчаетъ направленіе дороги, характеръ мѣстности; представляетъ обширный историческій очеркъ Сидирокавсіи (Халкидики), приводя значительныя выписки изъ Геродота, Ѳукидида, Діодора Сицилійскаго и Демосѳена; говоритъ о началѣ и судьбѣ христіанства въ попутныхъ

епархіяхъ Кассандрійской и Ериссовской; разсказываетъ о Ксерксовомъ каналѣ; при описаніи разныхъ мѣстъ, онъ нерѣдко излагаетъ миѳологическія сказанія о нихъ, о божествахъ языческихъ, и раскрываетъ ихъ смыслъ физическій, религіозно-нравственный и историческій. Вообще, по всему труду его широкою струею разливается классицизмъ, вполнѣ усвоенный имъ въ Петербургѣ, Одессѣ и Вѣнѣ *). Серьезный разсказъ свой онъ освѣжаетъ разговорами, характеристиками и анекдотами.

Таково содержаніе первыхъ 57 страницъ его книги.

Прибывъ на Аѳонъ, онъ проживаетъ въ монастыряхъ отъ 5 до 16 дней въ каждомъ и описываетъ ихъ всесторонно, за исключеніемъ развѣ богослужебной и обрядовой стороны, которой касается онъ изрѣдка. Свои описанія монастырей онъ располагаетъ по слѣдующему плану:

1. Справедливо признавая замѣчательно-тѣсную связь языческой миѳологіи съ христіанствомъ на Аѳонѣ и приходя къ убѣжденію, что безъ знанія миѳологіи нельзя понять Аѳона многобожнаго, авторъ въ начало исторіи всякаго монастыря ставитъ сказанія о встрѣчѣ язычества съ христіанствомъ на данной мѣстности; затѣмъ излагаетъ *первоначальную* судьбу монастыря или скита, предполагая сдѣлать цѣльную исторію каждаго изъ нихъ предметомъ особаго сочиненія.

2. Описаніе мѣстоположенія обителей, ихъ святынь, живописи, утварей; снимки надписей на вещахъ, зданіяхъ, стѣнахъ монастырей; описаніе замѣчательнѣйшихъ рукописей, съ выдержками нерѣдко весьма обширными. Особенно много предлагаетъ онъ матеріаловъ для исторіи иконописи и просвѣщенія. Говоря объ иконахъ, онъ опредѣляетъ ихъ вѣкъ, достоинство работы, типичность и племенныя особенности фигуръ и прихо-

*) Классицизмъ сослужилъ ему великую службу, особенно въ его «Исторіи Аѳона»; безъ него многое осталось бы для автора темнымъ и совершенно неразгаданнымъ во всѣхъ періодахъ аѳонской жизни.

дитъ иногда къ важнымъ и новымъ выводамъ, какъ напр. тотъ, что христіанство вошло въ Россію по Дону и Волгѣ изъ Египта и Сиріи ранѣе, чѣмъ по Днѣпру изъ Византіи (I, 224). Съ обширными выписками его по исторіи просвѣщенія подробно ознакомимся ниже.

и 3. Замѣтки о числѣ монаховъ въ каждой обители, объ ихъ преданіяхъ и толкахъ, о монастырскихъ имѣніяхъ и доходахъ съ нихъ и пр. При этомъ онъ дѣлаетъ характеристики настоятелей ихъ и другихъ властныхъ и почетныхъ старцевъ, и характеристики эти весьма мѣтки, какъ можетъ свидѣтельствовать пишущій эти строки, самъ прожившій на Аѳонѣ немалое время.

Все замѣченное по такому плану онъ немедленно вносилъ въ дорожный дневникъ свой, въ *домикъ памяти*, какъ онъ выражается (стр. 167), и потому описанія его свѣжи, ярки, безукоризненно точны.

Такъ онъ описалъ въ настоящихъ книгахъ девять монастырей и три скита. Тогда же онъ сдѣлалъ множество рисунковъ со всего замѣчательнаго, что встрѣчалъ онъ на Аѳонѣ; но всѣ они войдутъ въ особое его «Живописное обозрѣніе Аѳона», и только часть рисунковъ и снимковъ (около 60) вошла и въ его «Путешествіе». Здѣсь вы встрѣтите виды, иконы, древности, планы, надписи, костюмы, ноты.

Описаніе обителей онъ сопровождаетъ частыми выписками изъ извѣстнаго путешествія Барскаго и Проскинитарія аѳонскаго 1772 года, сопровождая ихъ своими дополненіями и поясненіями. Обширныя выписки изъ актовъ монастырскихъ и разныхъ историческихъ рукописей вошли отчасти и въ настоящую книгу, отчасти въ его «Исторію Аѳона», а большею частію войдутъ въ особое изданіе его «Статистику Аѳона». Кромѣ актовъ и указанныхъ книгъ, источниками ему служили — весьма дѣльное описаніе Аѳона (въ рукописи) есфигменскаго игумена Ѳеодорита (1805 — 1817) и критическое разсужденіе о началѣ монашества

на Аѳонѣ (тоже въ рукописи) какого то Филоѳеита (стр. 154, 333, и II, 127).

Пойдемъ же теперь за нимъ изъ монастыря въ монастырь, останавливаясь лишь на томъ, что онъ разскажетъ намъ самаго замѣчательнаго.

По случайнымъ обстоятельствамъ, онъ сначала разсказываетъ нѣчто объ Иверѣ, но полное описаніе этой обители у него слѣдуетъ далѣе; тогда мы выслушаемъ его объ Иверѣ разомъ. Теперь начнемъ съ *Русика*.

Въ *Русикѣ* онъ перечиталъ и переписалъ почти всѣ акты монастыря, начиная съ 1030 года*). Изъ нихъ онъ заключаетъ, что первоначальное поселеніе русскихъ на Аѳонѣ, послѣ препод. Антонія, было въ обители Ксилургу (Древодѣля), между 1060 — 1081 г. Когда число ихъ умножилось, имъ данъ былъ, по указу императора Алексѣя Комнина, монастырь Ѳессалоникійцевъ (нынѣ Старый Русикъ). Но русскіе недолго жили на Аѳонѣ: отъ жившихъ тамъ же семействъ Валахскихъ произошло на Аѳонѣ *скоромное зло*, о которомъ стыдно говорить и слышать; разнесся слухъ, что по этому поводу патріархъ наложилъ на монастыри прещеніе и проклялъ даже дерева и воду; вслѣдствіе этого, игумены, монахи, безмолвники ушли полнымъ домомъ съ Аѳона,—изъ 180 монастырей тогда бывшихъ на Аѳонѣ опустѣло 120, а въ прочихъ остались только хромые да слѣпые старики; покинули тогда и русскіе монастырь свой и обитель Ксилургу (весьма въ плохомъ состояніи) и ушли, принеся съ собою поговорку: «*идѣ чертъ не возьметъ, туда бабу пошлетъ*». Мѣсто русскихъ заняли въ 1143 —1169 г. другіе Россы — далматскіе сербы, отъ которыхъ и обитель получила названіе обители Руссовъ. Изъ уцѣлѣвшихъ актовъ видно, что этотъ монастырь съ 1169 г. по 1705 принадлежалъ монахамъ сербскимъ, которыхъ

**) Они недавно изданы самимъ Русикомъ, съ пояснительными примѣчаніями. Кіевъ 1873, въ 8-о. VIII, 24 и 618 стр.

игумены всегда подписывались *по сербски*. Здѣсь, какъ *въ родномъ достояніи*, постриженъ былъ въ монашество сынъ великаго Жупана Сербіи, впослѣдствіи св. Савва, архіепископъ сербскій. Но память о первыхъ насельникахъ монастыря изъ *нашихъ* Россовъ держалась въ немъ. И когда Сербія пала, то, по просьбѣ сербской деспотицы Ангелины (1509 г.), великій князь Василій Іоанновичъ принялъ подъ свое покровительство Аѳонорусскій монастырь, какъ отчину свою. Съ тѣхъ поръ небольшія милостыни шли изъ Москвы въ Русикъ, но наши монахи въ немъ не жили. Въ 17 вѣкѣ онъ было сдѣлался жилищемъ птицъ и звѣрей. Потомъ, въ 1705 году властные святогорцы порѣшили было учредить на Аѳонѣ одинъ монастырь русскій; но попытка не удалась: въ 1744 г. уже не было тамъ ни одного русскаго монаха. И монастырь исчезъ бы, если бы не поддержали его господари молдовлахійскіе и иноки греческіе. Въ 1812 г. онъ съ основанія построенъ кн. Каллимахи на новомъ мѣстѣ, у морскаго берега. Такимъ образомъ Русикъ вовсе не искони и не постоянно принадлежалъ русскимъ. И только съ октября 1840 года, заботами духовника русскихъ аѳонцевъ, о. Іеронима, монастырь заселился русскими, возвеличился и обогатился, такъ что нынѣ въ немъ и самый игуменъ изъ русскихъ (*второй* за все время существованія монастыря *).

Въ нынѣшнемъ Русикѣ авторъ немного нашелъ замѣчательнаго, но не опускаетъ ничего, стоющаго вниманія. Между прочимъ, представляя рисунокъ двубедреннаго налоя (с. 90), составленнаго въ видѣ четырехъ змѣй, онъ трактуетъ о змѣевидныхъ буквахъ, послужившихъ началомъ всякой письменности. Всего

*) Издатели вышеупомянутыхъ «Актовъ» (К. 1873) и книги «По поводу вопроса объ Аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеимона» (Спб. 1874 г., 8-о, 187) не раздѣляютъ этихъ выводовъ преосв. Порфирія, вѣроятно, потому, что у нихъ не было подъ руками всѣхъ тѣхъ источниковъ, какіе были у него. Преосв. Порфирій зналъ объ эти книги и тѣмъ не менѣе остался при своихъ выводахъ. Онъ любитъ Аѳонъ, но истину еще больше.

болѣе авторъ обращаетъ вниманіе на библіотеку монастыря и въ ней на старинныя рукописи; онѣ для него лучше всѣхъ въ мірѣ профессоровъ. Здѣсь онъ вполнѣ въ своей сферѣ. Весьма серьезно образованный, превосходно знающій древніе и новѣйшіе языки, онъ свободно читаетъ, изучаетъ, переводитъ и многое переписываетъ изъ разныхъ рукописей. Все хорошее и достойное онъ обѣщаетъ помѣстить въ особомъ каталогѣ аѳонскихъ рукописей, а теперь передаетъ только нѣчто, интересное для науки, особенно богословской. Такимъ образомъ, онъ приводитъ выписки изъ рукописей Свящ. Писанія, богословскихъ книгъ, твореній св. отецъ, законовѣдѣнія, сборниковъ, писемъ, медицины, языковѣдѣнія. Изъ рукописей Свящ. Писанія онъ разсматриваетъ псалтирь, по изданію Святоградца, 1194 г. и другую — XIII в., и третью, въ стихахъ, еписк. Аполлинарія, 370 года. При этомъ говоритъ о ихъ особенностяхъ, приводитъ объясненіе надписей надъ псалмами, находитъ, что у грековъ былъ акаѳистъ Іисусу еще въ XIII в. Особенно заинтересовываетъ его Новый Завѣтъ X в. (переписанный съ изданія Козмы Индоплавателя), своею замѣчательною припиской. Историки церкви, конечно, обратятъ вниманіе на тщательный анализъ ея и другой подобной приписки 14 в., сдѣланный авторомъ (с. 108 — 113). Любуясь точностію греческихъ рукописей св. писанія, онъ настоятельно предлагаетъ издать ихъ, чтобы имѣть наконецъ текстъ св. писанія наидревнѣйшій (115). Тоже потомъ говоритъ онъ и касательно твореній отцовъ Церкви (125, 227, 229) и по этому поводу сильно возстаетъ противъ изданій нѣмцевъ (см. также II, 144 —145). По отношенію къ св. Писанію, онъ считаетъ замѣчательною рукопись «*Амфилохія* или толкованіе рѣченій св. писанія и отвѣты патр. Фотія на разные вопросы м. Амфилохія». Подобная ей рукопись напечатана монахами Аѳонской Лавры въ Аѳинахъ и посвящена нашему Государю (стр. 116).

На богослужебныхъ книгахъ Русика остановимся на минуту по слѣдующему обстоятельству. Когда-то *Искандеръ* печатно упрекалъ русское духовенство, что оно изъ словъ литургійныхъ

«*Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите*» эскамотировало слово «*любовію*» (вѣрою и любовію приступите). Но вотъ въ рукописи 1409 года, читанной преосв. Порфиріемъ, этого слова вовсе нѣтъ (с. 116), и прибавка эта у грековъ — недавняя. Какъ иногда легковѣрны умные люди!

По объясненію Твореній отцевъ церкви замѣчательны, по словамъ автора: Изъясненія къ словамъ Григорія Богослова, драгоцѣнная рукопись XI в., гдѣ найдешь всю ученость того времени. Внѣшнимъ образомъ замѣчательны «слова царя Льва Мудраго, *говоренныя имъ въ разныхъ церквахъ;* — впрочемъ, въ словахъ этихъ говорливости много, а мудрости мало, по мнѣнію преосв. Порфирія. Изъ писемъ укажемъ на письма Ефрема (патріарха іерусал. 1761 г.), который насчитываетъ 170 разностей между католиками и православными. Любопытно, что въ XI вѣкѣ настоятель Ивера, св. Георгій, въ бесѣдѣ съ царемъ Константиномъ Дукою, говорилъ: нѣтъ у насъ *никакой* разности съ римлянами, *только бы вѣра была правая* *).

Изъ рукописей по Медицинѣ (которую авторъ называетъ *кладбищною* наукой), онъ извлекаетъ длинный трактатъ по исторіи медицины греческой (128 — 141).

По языковѣденію — онъ списываетъ изъясненіе египетскихъ іероглифовъ, составленное Оромъ Аполлономъ; думы автора надъ содержательностію іероглифовъ привели его къ мысли, что іероглифы — не первоначальное письмо, и вотъ онъ предлагаетъ выработанные имъ изъ наидревнѣйшихъ памятниковъ образцы письма первобытнаго (с. 145 — 154). Отсылая читателя къ этому любопытному трактату, мы здѣсь замѣтимъ только, что глаголитскую азбуку авторъ считаетъ весьма древнею, что она первоначально читалась отъ правой руки къ лѣвой, стало быть выдумана въ Азіи Рассами или Россами, принадлежавшими къ наидревнѣйшему племени арійскому, что она старше Кириллицы и

*) Исторія Аѳона, ч III, стр. 193.

что изъ нея заимствовалъ Кириллъ, апостолъ славянскій, буквы: ж, ч, ш, щ, ъ, ы, ь. Съ любопытнымъ памятникомъ глаголицы встрѣтимся мы далѣе.

Изъ Русика авторъ нашъ отправляется *въ Лавру св. Аѳанасія*. Истый классикъ, онъ не только въ библіотекахъ, но и по дорогѣ всякій разъ касается миѳологіи, когда представляется необходимость объяснить историческую судьбу той или другой мѣстности. О чемъ ни говоритъ онъ, ко всему принизываетъ классическія воспоминанія, «какъ жемчугъ къ рубинамъ, изумрудамъ, топазамъ, яхонтамъ» (с. 167). Но пылкая любовь къ классицизму нисколько не мѣшаетъ ему сознавать и выразить такое убѣжденіе: «Да, Религія — сила животворящая! А что такое классицизмъ? Что такое философія? Это — бѣлила и румяна для лица, и золотой порошокъ, насыпаемый въ черные волосы и нимало не позлащающій ихъ» (169). Прекрасны здѣсь страницы, гдѣ онъ описываетъ свое восхожденіе на вершину Аѳона и виды оттуда (168—172); поэтъ смѣняется историкомъ, съ вершины онъ чертитъ карту всего Аѳона и передаетъ краткую исторію Аѳона отъ 2500 года *до* Р. Хр. по 1520 годъ *по* Р. Хр. (с. 173 — 176). Далѣе — описанія мѣстности, разсказы о жизни подвижниковъ, историческія воспоминанія о заселеніи Аѳона монахами перевиваются миѳологическими преданіями о мѣстности. Религіозность побуждаетъ его сказать подобающее слово о христіанскихъ святыняхъ; наука требуетъ отъ него воспоминаній о миѳахъ, чтобы объяснить то или другое. И благочестивое чувство читателя не смущается словами автора, что на вершинѣ Аѳона нѣкогда стояла статуя Зевеса, изъ чистаго золота, съ діамантовыми глазами, что на мысѣ Нимфейскомъ были чтимы свѣтолѣпныя, красивыя и нагія красавицы-нимфы, какъ образцы дѣвическаго цѣломудрія.

Въ библіотекѣ лаврской авторъ выбралъ 60 рукописей, древнихъ, съ означенными на нихъ годами появленія ихъ, и новыхъ, замѣчательныхъ по содержанію, и выписалъ изъ нихъ все замѣчательное. Полная опись и каталогъ ихъ войдутъ въ его

«Статистику Аѳона»; здѣсь онъ передаетъ только содержаніе рукописи 1708 г., заключающей въ себѣ ученіе св. Григорія Паламы и борьбу его съ врагами Церкви; предлагаетъ существенную характеристику Паламы, какъ писателя, его богословской школы и приводитъ краткія, кристаллизованныя изреченія отцовъ (229—262). При этомъ онъ характеризуетъ и себя: «Люба мнѣ священная краткость Богословія, но возлюбленнѣе simplicitas sancta (святая простота) нашего Сѵмвола Вѣры. Этотъ Сѵмволъ есть насущный хлѣбъ души, безъ котораго она не можетъ жить вѣчноблаженно; а Богословіе есть *веліе утѣшеніе на братской трапезѣ*, безъ котораго можно обойтись, какъ обходятся милліоны неграмотныхъ людей» (262). Изъ лаврскаго архива извлекаетъ онъ матеріалы для исторіи церкви русской и сношеній ея съ Востокомъ, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Великомъ (265).

На пути изъ Лавры, онъ указываетъ мѣсто Амальфинскаго монастыря, построеннаго итальянцами въ X вѣкѣ, но исторію его онъ еще не уяснилъ себѣ во всей полнотѣ (с. 314 — 317).

Въ описаніи *Филоѳеевскаго* монастыря, отмѣтимъ мнѣніе автора объ иконахъ, приписываемыхъ св. апостолу Лукѣ (321 — 326). Сущность его та, что св. апостолъ постоянно въ древнѣйшихъ памятникахъ называется врачемъ, а не иконописцемъ, что объ иконахъ его не вѣдали ни историки, ни отцы Церкви до IX вѣка, что онъ живо изобразилъ пресв. Дѣву, но не красками, а словомъ, не на доскѣ, а въ своемъ евангеліи, что онъ живописецъ душевной красоты и внутренняго величія ея. — Въ библіотекѣ Филоѳеевскаго монастыря авторъ нашелъ двѣ славянскія рукописи XIV в., «Номоканонъ» и «Патерикъ», и приводитъ изъ нихъ выписки любопытныя по содержанію, указывая ихъ особенности въ правописаніи и языкѣ (326—332). На основаніи ихъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что миссійскіе (болгарскіе) славяне древле, что̀ писали, то писали буквами греческими, и потому привыкли къ ихъ просодійнымъ придыханіямъ и къ знакамъ пре-

пинанія, и эту давнюю вѣковую привычку свою не оставили даже и тогда, когда имъ пришлось писать книги Кириллицею. Съ другой стороны, славяне миссійскіе и сербохорватскіе долго жили подъ владычествомъ латинъ и потому привыкли латинословить и переводить глаголы amav(i)eram — *любилъ бѣхъ*, dedi(e)sses — *далъ еси* (333).

Въ обители *Ксиропотамской* авторъ не нашелъ никакихъ рукописей, но въ ней онъ встрѣтилъ три рѣдкія печатныя книги, изъ коихъ одна, «*Стефана Византійскаго о городахъ*» (1678, Амстердамъ), послужила ему источникомъ для исторіи Аѳона. Въ архивѣ обители онъ обнаруживаетъ замѣчательнѣйшій подлогъ въ двухъ спискахъ съ хрисовула царя Романа, писанныхъ на пергаминѣ (стр. 350—368). Списки эти разнятся и противорѣчатъ другъ другу, исторіи и хронологіи, и авторъ разбираетъ ихъ остроумно, неумолимо-строго, и приходитъ къ тому выводу, что подлинный хрисовулъ едва-ли существовалъ. Такой же подлогъ раскрываетъ онъ и въ хрисовулѣ царя Андроника. Оба они сочинены въ концѣ 17 вѣка малоученымъ аѳонцемъ. Съ блестящимъ остроуміемъ разбираетъ нашъ авторъ такой же подложный хаттишерифъ султана Селима (стр. 372—376). Прочитавъ его разборы, невольно скажешь — справедливо восклицаетъ авторъ словами Ювенала: mendax Graecia! Лживая Греція! Исторія Ксиропотамскаго монастыря — самая запутанная, и авторъ основательно радуется, что ему удалось ее разъяснить. Этимъ кончается первая часть книги.

Въ монастырѣ *св. Павла* авторъ возстановляетъ подлинную біографію основателя его, которую аѳонцы превратили чуть не въ миѳъ, и скромно говоритъ, что свѣдѣнія его о судьбѣ обители скудны. «Примите и малое. Гривенникъ не рубль, однако и за него можно купить немного хлѣба и утолить голодъ» (2, 12). За то здѣсь ему посчастливилось сдѣлать два замѣчательныя открытія въ библіотекѣ. Надо сказать сначала, что монастырь этотъ съ 1354 г. заселили сербскіе монахи, которые и жили тамъ до 1740-хъ годовъ. Этимъ объясняется то, что авторъ

встрѣтилъ здѣсь *древній Ресавскій переводъ свящ. Писанія* съ греческаго языка на славянскій, именно Апостолъ, рукопись 1638 г.; авторъ приводитъ изъ нея отрывки и предлагаетъ свои объясненія (с. 16—22). Ресава — округъ въ с.-в. Сербіи, между рѣками Великою Моравою и Млавою; тамъ былъ монастырь Раваница, котораго монахи, по порученію деспота Сербіи Стефана Высокаго (1389 — 1427), явились *пріводниками* св. Писанія и мастерами *добрыхъ книжныхъ изводовъ* (изданій); объ ихъ трудахъ съ похвалою отзывался Константинъ, Философъ Костеньчьскій. На основаніи этого перевода, преосв. Порфирій заключаетъ, что въ наилучшихъ церковно-славянскихъ переводахъ свящ. Писанія рѣчь не сербская и не болгарская, а словенорусская, и что лучшій церковный языкъ есть тотъ, которымъ славословимъ Бога мы. Переводъ сдѣланъ съ греческой рукописи не позже IX в. Кромѣ этой богословской новости, авторъ оповѣщаетъ и другую — *четырнадцать проповѣдей* россійскаго митрополита Григорія Цамблака (сконч. 1420 г.). Авторъ всѣ ихъ переписалъ для себя и въ книгѣ приводитъ обширные отрывки изъ нихъ и свое мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ ораторѣ (с. 22 — 64). Важное значеніе этихъ двухъ открытій оцѣнятъ историки Церкви, филологи и историки литературы. Въ той же обители онъ нашелъ «Лѣтовникъ Георгія Амартола» на славянскомъ языкѣ (с. 88), но не сообщаетъ о немъ никакихъ извѣстій.

На пути къ малому Аѳону, въ развалинахъ церкви онъ замѣчаетъ черепичныя трубки, вставленныя одна въ другую, и угадываетъ въ нихъ *голосники*, которые вставлялись въ стѣны церквей для того, чтобы голоса пѣвцовъ громче раздавались по всему храму (с. 89 — 90). Нахожденіе подобныхъ голосниковъ и въ другихъ развалинахъ, относящихся къ 5 вѣку, показываетъ, что древніе христіане были большіе любители пѣнія. Въ церкви монастыря *Діонисіатскаго* онъ останавливаетъ свое вниманіе на иконѣ, на которой архимандритъ сирійскихъ монаховъ изображенъ въ бѣломъ клобукѣ; и такъ, вотъ откуда бѣлые кло-

буки, изъ Сиріи! (стр. 98). Смотрите рисунки этихъ клобуковъ въ 1-й книгѣ, стр. 223.

Въ *Григоріатской* обители (также бывшей славянской) авторъ находитъ въ одной рукописи извѣстіе, что нѣкоторые наши корабли и полки въ 1805 г. содѣйствовали ея обновленію, а поминать вкладчиковъ едва-ли кто поминалъ, по незнанію русскаго языка, такъ какъ обитель стала уже греческою (с. 126—127). Другая рукопись содержитъ въ себѣ вѣрное и отчетливое описаніе монастырей аѳонскихъ и ихъ мѣстностей, составленное игуменомъ Есфигменской обители Ѳеодоритомъ (1805 — 1817); это драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Аѳона. «Цѣны ей нѣтъ!» восклицаетъ авторъ и переписываетъ ее всю. Изъ третьей рукописи онъ излагаетъ жаркіе споры аѳонцевъ между собою о времени поминовенія усопшихъ, споры, которые въ 1770 — 1809 годахъ волновали весь Аѳонъ, всѣхъ его богомольцевъ и даже Церковь Константинопольскую. Среди этихъ споровъ одни аѳонцы говорили о другихъ «еретики, фармасоны: они учатъ, что І. Христосъ былъ ремесленникомъ, они унижаютъ Его божественность» (стр. 127 — 131). Внимательно же читали Евангеліе эти аѳонцы! — Замѣченныя авторомъ здѣсь приходо-расходныя тетради монаховъ, длинныя и узкія, даютъ ему поводъ сказать, что такія книги греки понынѣ называютъ *дифтерами*, что ихъ-то и разумѣлъ св. апостолъ Павелъ, когда одному изъ учениковъ своихъ велѣлъ принесть ему *дифтеры*, и потому напрасно хотятъ видѣть въ нихъ походную библіотеку сего вселенскаго учителя, глаголавшаго всегда по вдохновенію отъ Духа Божія и не нуждавшагося въ книжной мудрости человѣческой (136). Конечно, такъ; но дѣло въ томъ, что въ греческомъ текстѣ Новаго Завѣта эти книги называются не дифтерами, а *мембранами*.

Въ м. *Симопетрѣ*, исчисляя святыни его, авторъ дѣлаетъ слѣдующую любопытную замѣтку: «Много св. мощей на Аѳонѣ, очень много. Но жаль, что здѣшніе монастыри не имѣютъ запи-

сей о происхожденіи ихъ, такъ-что не знаешь: кто и когда принесъ эти святыни, за исключеніемъ немногихъ изъ нихъ, которыхъ датели извѣстны. Впрочемъ, «*любы всему вѣру емлетъ*». Огонь же предъ общимъ воскресеніемъ всѣхъ людей испепелитъ и св. мощи; а изъ праха Всемогущій возсоздастъ новыя тѣла духовныя» (138). — Въ библіотекѣ монастыря онъ встрѣчаетъ рукописи св. Писанія XII и XIV в., которыя называетъ *основными*, и снова горячо рекомендуетъ ихъ для возстановленія подлиннаго текста, и снова нападаетъ на нѣмецкихъ книгопродавцевъ, которые, по спѣшности и скупости, допустили разночтенія въ сдѣланныхъ ими изданіяхъ. «Ужь мнѣ эти нѣмцы! — восклицаетъ онъ. Ищутъ истины, а найти ее не умѣютъ, и потому напоминаютъ собою разбойничьихъ коней, которые непрестанно норовятъ сворачивать съ большой дороги въ сторону. Счастливо имъ оставаться тутъ» (с. 145).

Въ описаніи м. *Иверскаго*, гдѣ авторъ былъ два раза, онъ между прочимъ предлагаетъ классическія замѣтки о зеленомъ мраморѣ, изъ котораго изсѣчены колонны и полъ въ обители; съ любовью говоритъ о греческомъ пѣніи, которое далеко не такъ монотонно, какъ инымъ кажется. Авторъ изучилъ греческую церковную музыку, и въ монастырѣ его, въ Кіевѣ, разъ въ году поется обѣдня по греческимъ нотамъ. Образецъ руладъ греческихъ онъ приложилъ въ книгѣ (ч. I, стр. 72). Тогда же записываетъ онъ образецъ греческой архіерейской проповѣди (73). Посѣтивъ во второй разъ Иверъ, авторъ представляетъ критическое изслѣдованіе явленія Иверской иконы Божіей Матери, образъ которой такъ уважается у насъ въ Москвѣ (ч. II, стр. 159—171). Существованіе иконы авторъ относитъ къ началу IX вѣка, къ г. Никеи; тамъ благочестивая вдова, опасаясь гоненій отъ иконоборцевъ, пустила по морю образъ Богоматери, и онъ 170 лѣтъ держался на морѣ у какого-то никѣмъ непосѣщаемаго и тихаго берега морскаго на о. Лимносѣ, и отсюда морскимъ теченіемъ въ 999 году принесенъ былъ къ Аѳону, гдѣ увидѣли его монахи и приняли, и вотъ онъ существуетъ въ монастырѣ уже

877 лѣтъ. — Съ особенною похвалою и неразъ отзывается авторъ объ обычаѣ аѳонцевъ устраивать придѣлы въ западной части церкви, съ боковъ ея, со внутренними входами съ сѣвера и юга, и считаетъ его весьма разумнымъ, ибо въ такихъ придѣлахъ можно совершать, какія нужно, священнодѣйствія *въ одинъ часъ* съ священнодѣйствіемъ, совершаемымъ въ главной церкви, чего не можемъ дѣлать мы, ставящіе придѣльные алтари въ части храма восточной. Многое заняли мы у аѳонцевъ, но не переняли у нихъ искусства строить церкви разумно, знаменательно и удобно для священнослуженія и здоровья (ч. II, 182; I, 202). Большое вниманіе обращаетъ онъ на иконы Иверской обители, которыя подробно описываетъ и прилагаетъ рисунки съ нихъ. На одной изъ этихъ иконъ, «Упованіе христіанъ», въ лѣвой рукѣ Богоматери виситъ хартія, на которой начертана слѣдующая превосходная надпись, въ видѣ разговора Богоматери съ Ея Сыномъ-Человѣколюбцемъ (стр. 200 — 201):

«Пріими прошеніе
Твоей матери, Милостиве.
— Чего просишь, Мати?
«Людямъ спасенія.
— Они прогнѣвали Меня.
«Помилуй ихъ, Сыне мой.
— Но они не обращаются.
«Спаси ихъ благодатно.
— Получатъ избавленіе. —

Въ библіотекѣ Иверской авторъ съ особеннымъ усердіемъ изучаетъ два толстые рукописные сборника, одинъ XVII в., другой 1514 года, въ которыхъ всѣ статья взяты изъ разныхъ рукописей. Подобные сборники — говоритъ онъ — у грековъ называются *куварасами*. А кувар-асъ тоже, что у насъ кубарь или клубокъ, на который наматываются нитки, ленты, снурки. Въ

самомъ дѣлѣ сборники походятъ на такіе клубки. Въ нихъ помѣщены разныя разности, богословскія, философскія, историческія, каноническія, географическія и пр. и проч. Перелистываешь ихъ, и словно *кубаремъ катишься* по тропамъ человѣческаго знанія (102). Сборники эти называются и *панвектами*, а панвектъ можно перевесть по русски такъ: *Все тутъ есть* (стр. 204). Изъ этихъ-то сборниковъ авторъ приводитъ разнообразныя и обширнѣйшія выписки (204—310). Изъ нихъ вниманію классиковъ предлагаемъ неизвѣстныя стихотворенія Ѳеокрита (с. 219—247), сочиненныя такъ, что расположеніе стиховъ изображаетъ въ одномъ свирѣль, въ другомъ крыло, въ третьемъ сѣкиру, въ четвертомъ жертвенникъ, въ пятомъ — яйцо. Въ видѣ подобныхъ рисунковъ авторъ и приводитъ стихотворенія, говоритъ о самомъ Ѳеокритѣ и предлагаетъ объясненія къ диковиннымъ его піесамъ, составленныя въ XIV вѣкѣ. Онъ такъ усердно сообщаетъ все это, что его умъ отъ этой поэзіи и наипаче отъ толкованія ея *зашелъ* (с. 239). А въ другомъ мѣстѣ прямо говоритъ: «Наскучила она мнѣ» (247), и отказывается «сварить, облупить и въ ротъ положить *яйцо* Ѳеокрита». И намъ кажется, что многія выписки могли бы спокойно войти въ Статистику Аѳона, а въ описаніи путешествія они — излишняя роскошь; они слишкомъ отвлекаютъ вниманіе и отъ Ивера и отъ Аѳона. Несравненно болѣе интересны образцы греческой словесности, называемой имъ *плакущей* (по примѣру ивы плакущей). Это, во 1-хъ, плачъ Іоанна діакона Евгеника о взятіи Константинополя (с. 247 — 256). Дѣйствительно, вопли его и долгія заунывныя причитанья щемятъ сердце. Въ нихъ дышетъ чувство истинной скорби, отчаянія, любви къ павшему городу. Болѣе сжатъ и едва ли не болѣе потрясающій другой плачъ — плачъ евреевъ по Іерусалимѣ (257 — 258). Пламенныя слезы чуются и въ плачѣ патріарха Фотія, когда россы осаждали Константинополь въ 864 г. (259 — 261). Святитель особенно горько рыдаетъ при мысли, что можетъ пасть храмъ св. Софіи, «*недреманное око вселенной*«, и призываетъ къ рыданію дѣвъ, юношей, матерей, дѣ-

тей. Чисто-историческимъ характеромъ, многими ужасными подробностями отличается плачъ неизвѣстнаго автора о Солунѣ, и о томъ, что происходило въ Солунѣ, предъ взятіемъ его турками (264 — 268). Любители церковной поэзіи обратятъ вниманіе на плачи духовные, покаянные (273 — 277), и на изъясненіе разговора между Спасителемъ и Матерію Его на бракѣ въ Канѣ (278), и на изъясненіе нѣкоторыхъ ирмосовъ (283 — 286). Для историковъ церкви интереснымъ будетъ вѣроисповѣдное посланіе Святогорцевъ къ царю Михаилу Палеологу, спѣшившему соединить съ ними латинцевъ (с. 288 — 301). Пастыри Церкви обратятъ вниманіе на древніе церковные обычаи при литургіи и рукоположеніи (с. 305, 306 и 308). Наконецъ въ Иверскомъ же монастырѣ авторъ находитъ судебное Солунское дѣло 982 г., которое неожиданно показываетъ ему давнюю давность глаголицы. Здѣсь онъ усмотрѣлъ и прочелъ глаголитскія буквы въ 4 ряда около креста, служащаго въ дѣлѣ свидѣтельскимъ знакомъ; онъ снялъ точную копію съ нихъ, разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства дѣла и пришелъ къ выводу, что эта подпись старше всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ глаголицы. Изъ судебнаго дѣла и изъ современнаго ему хрисовула царя Романа 960 г. оказывается, что въ 960 году, подлѣ города Іериссо, жили рабы болгары, что глаголитское письмо было имъ извѣстно уже въ 10 вѣкѣ, что глаголитскую письменность признавали и солунскіе судьи, что буквы подписи такія же, какими писались и богослужебныя книги; стало быть, богослуженіе у этихъ славянъ совершалось по книгамъ глаголическимъ (стр. 310 — 316).

Поѣздка автора въ *Иверо-предтеченскій* скитъ познакомила его съ диковиннымъ мученикотворцемъ. Надо при этомъ сказать, что всѣ аѳонцы вѣрятъ и учатъ, что христіане потурчившіеся могутъ спастись только тогда, когда раскаются, примутъ св. муропомазаніе и послѣ чрезвычайныхъ пощеній, многихъ слезъ, земныхъ поклоновъ (отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ въ сутки, а поясныхъ безъ счету), пойдутъ къ мусульманскому судьѣ, проклянутъ предъ нимъ Магомета, исповѣдаютъ Христа какъ Бога,

заушатъ судью или слугу его и будутъ замучены турками. Поэтому аѳонцы ищутъ такихъ несчастливцевъ, приготовляютъ ихъ, какъ сказано, и провожаютъ ихъ къ вольной смерти за Христа; потомъ они покупаютъ ихъ тѣла у турецкихъ стражей, дробятъ ихъ на части, привозятъ въ свою обитель (вмѣстѣ съ разными тряпками и веревками) и собираютъ дань съ темнаго, но набожнаго люда. Примѣры такого мученичества были въ 1814—1818 годахъ; скоро они стали извѣстны въ Европѣ, и Порта, по настоянію посланниковъ, особенно лорда Коулея, предписала всѣмъ помѣстнымъ властямъ — не лишать жизни христіанъ потурчившихся и опять обратившихся ко Христу. Авторъ отнесся сначала къ такому самозванному мученичеству неблагопріятно, бесѣдовалъ объ этомъ съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ (с. 338); владыка, не одобряя выставки мощей для наживы, защищалъ аѳонцевъ и ихъ мучениковъ, ссылаясь на примѣры древнихъ страстотерпцевъ, которыхъ Церковь признала святыми, и признавалъ въ новыхъ мученикахъ силу ихъ покаянія, ихъ любви ко Христу, ихъ рѣшимости умереть за Христа. Авторъ глубже вникнулъ въ значеніе этого мученичества и нашелъ въ немъ двѣ примиряющія стороны — во 1-хъ, энтузіазмъ всего греческаго народа, съ коимъ онъ присутствовалъ при смерти сихъ мучениковъ, намачивалъ полотенца и платки кровью ихъ, пригоршнями собиралъ землю, обагренную ею, цѣловалъ самую лодку, отвозившую останки мученика на глубину моря. Этотъ энтузіазмъ былъ геройскимъ отвѣтомъ народа тиранству турковъ, которые угнетали христіанство, насильственно забирали христіанскихъ дѣтей въ янычарскіе полки и обращали ихъ въ магометанство. Греки на мѣстахъ кончины мучениковъ *не говоря* говорили туркамъ: не поколебать вамъ нашей вѣры во Христа, не стереть вамъ всѣхъ насъ съ лица земли! Если мы умѣемъ умирать героями, — то съумѣемъ и жизнь нашу и дѣтей нашихъ защитить отъ васъ. Кровь мучениковъ нашихъ возопіетъ къ Богу и будетъ отмщена Имъ. Другая сторона — строгое приготовленіе къ смерти за Христа, дабы она явилась чистѣйшею жертвою любви

къ Нему, раздача милостыни бѣднымъ и нищимъ и горячія мольбы христіанъ, чтобы кончина мучениковъ была доблестна.

Этимъ оканчивается изданная половина Путешествія преосв. Порфирія. «Всего не опишешь — говоритъ онъ въ заключеніе — надобно пожить и для Неба. Кто не вноситъ вѣчность въ земное бытіе свое, тотъ — не знаю — что будетъ дѣлать въ раю вѣчномъ» (341).

Мы прослѣдили всю книгу преосв. Порфирія, останавливаясь преимущественно на предметахъ, имѣющихъ интересъ научный и на крупныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ ею. Но въ ней еще есть множество предметовъ, интересныхъ въ другихъ отношеніяхъ, хотя, быть можетъ, не общезанимательныхъ и притомъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ его книги. Чтобы яснѣе показать содержательность ея, приведемъ еще нѣсколько мѣстъ, не чуждыхъ современнаго интереса.

Вотъ каковы были отношенія турокъ къ Аѳону въ 1821 году, во время возстанія грековъ. Вмѣстѣ съ другими греками, поднялись было и аѳонцы, снарядили судно и поѣхали воевать; но въ первомъ же столкновеніи съ турками были, конечно, побиты; тогда военные отряды турокъ заняли всѣ монастыри, покинутые монахами и стояли тамъ десять лѣтъ, стрѣляли въ св. образа, выдирали изъ рукописей листы для закуриванія трубокъ и приготовленія ружейныхъ пыжей, раскрывали свинцовыя кровли и изъ листовъ ихъ отливали себѣ пули, выкалывали глаза на иконахъ и такимъ образомъ попортили всѣ лица, наконецъ зажгли лѣсъ на значительномъ пространствѣ (I, 82; II, 198). Плохо было отъ турокъ и потомъ. Авторъ, путешествуя уже въ 1845 — 46 году по многимъ областямъ Турціи, говоритъ: «гдѣ

турокъ станетъ, тамъ все вянетъ, и гдѣ онъ поселится, тамъ все лучшее валится» (I, 10).

По удаленіи турокъ съ Аѳона, на святогорцевъ пали другія тяжести — увеличеніе податей и строгій таможенный надзоръ. Удивительно ли, что монахи чувствуютъ это иго, среди самаго глубокаго самоотверженія. Вотъ строгій подвижникъ, духовникъ пяти монастырей и архіереевъ, прерываетъ бесѣду съ авторомъ скорбными словами: «Россія, по прочествамъ, уже должна бы взять себѣ Константинополь, но вѣроятно, чей-то грѣхъ препятствуетъ ей совершить сіе дѣло. Что вы думаете объ этомъ?» (I, 179). Авторъ не могъ утѣшить подвижника. На Аѳонѣ, какъ и вездѣ на Востокѣ, глубоко вѣрятъ въ паденіе Турціи; эта вѣра выражается и въ книгахъ и на картинахъ. При входѣ въ лаврскую библіотеку, авторъ увидѣлъ прилѣпленный на стѣнѣ большой листъ бумаги, на которомъ бойко написана характеристика каждаго государства въ Европѣ и замѣчено, что предъ паденіемъ Турціи сокрушится и исчезнетъ одно старое государство (Австрія) (I, 226).

Не всѣ монахи Аѳона — подданные Турціи; монахи Павловскаго монастыря — англійскіе подданные; монахи же Лавры, Ивера въ 40-хъ годахъ хлопотали было принять покровительство Франціи, лишь бы она обезпечила неприкосновенность святогорскихъ имѣній въ Валахіи и Молдавіи, но затѣя ихъ скоро улетучилась.

Напуганные неудачнымъ исходомъ греческаго возстанія, аѳонскіе монахи стали крайне остерегаться самихъ грековъ, ихъ политическаго и вооруженнаго нашествія на св. гору. Объ этомъ нашествіи дѣйствительно думали въ Аѳинахъ, но монахи аѳонскіе, узнавъ объ этомъ, извѣстили Порту и просили ее усилить стражу на Аѳонѣ (I, 186).

Въ 1845 г. греческое правительство послало было на Аѳонъ своего консульскаго агента, подъ тѣмъ предлогомъ, что туда заходятъ греческія суда для торговли. Появленіе агента встревожило всѣ обители. Опасаясь зарожденія революціонной гречес-

кой *етеріи*, мрачнаго подозрѣнія Порты, внутренняго разстройства въ монастыряхъ, присылки агентовъ со стороны прочихъ державъ, всѣ монастыри единодушно стали хлопотать — поскорѣе устранить греческаго агента, и достигли своей цѣли. Незванный, непрошенный агентъ скоро удалился съ Аѳона.

Можетъ быть, тотъ же страхъ преслѣдованій турецкихъ заставилъ грековъ опасаться и русскихъ. Въ 1837 г. русскіе монахи (астраханскій архим. Евгеній, іеромонахъ Амвросій, настоятель нашей посольской церкви въ Константинополѣ) домогались овладѣть однимъ монастыремъ на Аѳонѣ, дабы въ немъ жили исключительно одни русскіе. Но аѳонскіе монахи не пожалѣли дать туркамъ и фанаріотамъ 200 тысячъ піастровъ (10 т. рубл.), только бы не было русскихъ хозяевъ на св. горѣ (I, 341). Всѣ подобныя столкновенія едва-ли устранились бы тѣмъ проэктомъ, который предлагаетъ нашъ авторъ своимъ рѣшеніемъ Восточнаго вопроса. Онъ говоритъ: «намъ нуженъ Дарданельскій проливъ для того, чтобы не громили насъ флоты соединенныхъ державъ — у нашихъ береговъ Чернаго моря, и преимущественно для того, чтобы Константинополь, съ придачею къ нему частицы Ѳракіи и Малой Азіи до Никомидійскаго залива, сдѣлать городомъ Божіимъ, городомъ постояннаго вселенскаго собора, въ которомъ должны присутствовать мудрые и святые мужи изъ всѣхъ народовъ, не одни духовные, а и мірскіе, и давать направленіе всемірнымъ дѣламъ (!?), судя гражданскія правительства, если онѣ въ чемъ либо будутъ виноваты предъ Богомъ и предъ народами (?)» (I, 3). Намъ кажется, что мысль о подобномъ соборѣ совершенно неосуществима; да если бы и исполнилась, соборъ имѣлъ бы ту же участь, какую имѣла недавняя константинопольская конференція.

Выслушаемъ лучше простой анекдотъ, сообщаемый авторомъ:

«Одинъ султанъ отъ скуки позвалъ къ себѣ главнаго жидовскаго раввина, чтобы поговорить съ нимъ о раѣ, и предлагалъ ему свои вопросы, выслушивалъ его отвѣты.

«Кто будетъ въ раю?

— Мы держимъ старый законъ Моисея: такъ мы и будемъ въ раю.

«А гяуры греки гдѣ будутъ?

— За воротами рая, потому что они придерживаются нашего стараго закона.

«Гдѣ же мѣсто для турковъ?

— Вы на чистомъ полѣ будете жить въ палаткахъ.

«*Пеки, пеки*, хорошо, хорошо, сказалъ султанъ. Принесите же мнѣ 200 милліоновъ піастровъ на покупку палатокъ.

Раввинъ, испуганный такимъ внезапнымъ оборотомъ разговора, упалъ къ ногамъ султана и издохъ» (II, 152).

Помимо такого историческаго характера своей книги, авторъ изрѣдка касается духовной стороны Аѳона, его богослуженія, жизни монаховъ и высказываетъ свое мнѣніе обо всемъ. Въ Иверѣ напр. онъ останавливается на всѣхъ особенностяхъ богослуженія, какихъ въ Россіи онъ не видалъ и не слыхалъ (I, 68 — 73). Въ Лаврѣ онъ развиваетъ взглядъ свой на иконную живопись (I, 195 — 196). Много разъ высказываетъ свое мнѣніе о монашествѣ и монахахъ. Лучшіе монахи, по его мнѣнію, тѣ, которые кормятся трудами рукъ своихъ; таковы насельники Подъаѳонья: они работаютъ, безмолвствуютъ, молятся Богу, платятъ подати за землю, огороды и кельи свои. Такіе самоотверженные труженики достойны полнаго уваженія нашего. Они-то, на взглядъ мой, и суть божьи люди и истинные монахи на Аѳонѣ. Тамошніе монастырники, беззаботно проживающіе въ обителяхъ, гдѣ имъ и покойно, и хлѣбно, при всѣхъ внутреннихъ достоинствахъ ихъ, стоятъ ниже оныхъ тружениковъ. Причину живучести монашества авторъ объясняетъ такъ: она кроется въ глуби нашей души, скорбящей о грѣхахъ, сознающей временность своего пребыванія на землѣ, чающей жизни будущаго вѣка и порывающейся къ самоусовершенствованію (I, 286, 290, 298; II, 117). Для многихъ, вѣроятно, новостью будетъ то, что святогорцы смотрятъ на монаховъ какъ на мірянъ, но уже от-

служившихъ міру и служащихъ Богу, и не причисляютъ ихъ къ церковному клиру, т. е. къ пресвитерству и діаконству, какъ это дѣлаемъ мы (I, 339. А все таки и на Аѳонѣ монахи постоянно титулуютъ другъ друга «*отецъ, отецъ*»; отчего же не «*братъ?*»).

Служитель религіи и науки, авторъ глубоко чтитъ ту и другую и въ разысканіяхъ своихъ всегда стремится идти путемъ истины, не уклоняясь ни на право, ни на лѣво. На св. Аѳонѣ правда должна имѣть мѣсто главное и вѣчное, и нашъ авторъ служитъ истинѣ въ высшей степени честно. Онъ довѣрчиво относится только къ сказаніямъ древнихъ писателей, сказаніямъ единственнымъ, незамѣнимымъ, коихъ нечѣмъ ни провѣрить, ни пополнить. Но ко всѣмъ не первымъ источникамъ онъ относится всегда критически, пользуется ими осмотрительно и скупо, исправляетъ ошибки; о самомъ почтенномъ преданіи онъ говоритъ: вложимъ это золото въ раскаленное горнило исторической критики, дабы узнать качество его (II, 166). Самыя житія святыхъ онъ читаетъ разсудительно, съ разборомъ содержащихся въ немъ подробностей, со взвѣшиваніемъ нѣкоторыхъ выраженій его, и съ повѣркою его другими мѣстными же извѣстіями (2, 115). Житіями же — сочиненіями риторическими — онъ пользуется съ большею осторожностію и скупостію. Въ разсказѣ о древнихъ дняхъ Аѳона, онъ допускаетъ и соображенія, коль скоро нѣтъ ни прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни надписей, ни тому подобнаго. При такихъ пріемахъ, его изысканія имѣютъ всю силу точности и полны неотразимыхъ доказательствъ. Прочитайте напр. его изслѣдованія о скитѣ Кавсокалива (I, 290 — 291), объ икономствѣ Богоматери въ Лаврѣ (299 — 306), о захватѣ Лаврою Амальфійской мѣстности (316 — 317), о хрисовулахъ Ксиропотамскихъ (349 — 376) и пр. и пр., и вы согласитесь, что авторъ имѣлъ право воскликнуть: «О критика! ты — вѣрная подруга моему разуму! Не разстанусь я съ тобою, пока хожу по Аѳону, какъ громовержецъ» (2, 116). «Громовержцемъ», вѣроятно, и назовутъ его аѳонскіе иноки, но это будетъ

неосновательно. Авторъ безпристрастно относится и къ ученымъ и къ монахамъ. Онъ откровенно разсказываетъ напр. о болтовнѣ многоученаго наставника своего архим. Иннокентія Борисова, который училъ, что мы, по воскресеніи своемъ, будемъ летать, и что для этого волосы подъ мышками нашихъ рукъ преобразятся въ крылья (I, 93); такъ же свободно замѣчаетъ онъ вообще объ ученой братіи: «иной профессоръ съ виду — такой важный и величавый Акимъ Семенычъ, что хоть въ пророки записывай его, а мелетъ такой вздоръ, что уши вянутъ» (94 и 101). Отзывы его о нѣмецкихъ ученыхъ мы уже знаемъ. Съ тою же прямотою и откровенностью относится авторъ и къ монахамъ. Это — не святогорецъ, умилявшійся до нельзя предъ всѣмъ аѳонскимъ, а спокойный, прямодушный наблюдатель. Онъ откровенно разсказываетъ все, что видитъ. Вотъ какіе-то старцы подъ монотонные звуки церковнаго пѣнія преспокойно засыпаютъ вмѣстѣ съ задремавшими на нихъ клопами (90). Вотъ стѣнныя изображенія восточныхъ мучениковъ-воиновъ, русскою кистью написанныя такъ, какъ будто эти воины родились въ Россіи и выросли среди нашихъ дебелоплотныхъ мѣщанъ и купцовъ (90). Вотъ икона святаго, на которой лицо написано такъ моложаво и миловидно, что самъ греческій архимандритъ называетъ икону фрейлиною (92). Вотъ аѳонскій іеродіаконъ, который полученіе и раздачу св. огня іерусалимскаго называетъ *драматургіею* (121). Вотъ главный проэстосъ обители, отлично знающій славянскую брань, которая не печатается (160). Вотъ арендаторъ-монахъ, который заѣдаетъ 24,000 р. с. доходу обители (2, 151). Вотъ аѳонскій писатель скучной схоластики, у котораго голосъ деревянный, да и слогъ дубовый, и разсужденія его такъ же вкусны, какъ желуди (I, 59). Вотъ скимникъ съ предлинной, окладистой, пушистой бородой, кисловато-любезный и разсыпчатый, тяжело вздыхающій, подлѣ котораго ощущается въ воздухѣ кисловатый запахъ водки (II, 317, 318). Но довольно отдѣльныхъ личностей; вотъ общія черты: Въ 1845 г. вселенскій патріархъ, во время великаго поста, строжайше повелѣлъ выслать съ Аѳона всѣхъ

малолѣтковъ и юношъ для прекращенія педерастіи; но повелѣніе его осталось безъ исполненія (2, 85). — Монастыри спорятъ и тягаются по судамъ за границы своихъ владѣній. — Споры святогорцевъ о частомъ и нечастомъ причащеніи св. Таинъ, безъ приготовленія и съ приготовленіемъ къ нему, продолжаются (2, 136). Монахи общежительныхъ обителей нерѣдко причащаются безъ строгаго поста, такъ что наканунѣ ѣдятъ даже сыръ и масло; отшельники этого не одобряютъ, конечно, помня слово Златоустаго, что причащающійся тѣла и крови Христовой долженъ быть чище солнечнаго луча. А были на Аѳонѣ и такіе монахи, которые воображали, что они въ св. Причащеніи принимаютъ въ себя не всего Христа, а только частицу его, кто ушко, кто глазокъ, кто носокъ, пальчикъ и проч. За эту ересь властные старцы утопили въ морѣ 70 человѣкъ, и такимъ способомъ прекратили распространеніе заблужденія. «Грекамъ — говоритъ авторъ — давно надоѣли ереси; они не любятъ ихъ и хоронятъ въ морѣ. Туда имъ и дорога» (1, 342). Да, если бы можно было отвлеченную ересь утопить въ морѣ, но если топятъ несчастнаго заблуждающагося человѣка, то храни Богъ съ этимъ соглашаться. Вотъ хрисовулы подложные, описи лживыя, книги торопливыя утопить слѣдовало бы. А монахи аѳонскіе ихъ неразъ поддѣлывали, стяжанія ради, какъ это доказываетъ авторъ особенно въ своей Исторіи Аѳона (см. и здѣсь I, 317, 369).

Не мало интереснаго сообщаетъ авторъ и о монастырскихъ имѣніяхъ, доходахъ съ нихъ; но мы не станемъ группировать его свѣденій, какъ уже устарѣвшихъ. Событія въ Молдавіи и Валахіи, болгарскій вопросъ сильно измѣнили составъ монастырскихъ доходовъ. Турки также много отняли владѣній у аѳонцевъ. Какъ ни богаты монастыри теперь, но прежде они были гораздо богаче. Многія свѣдѣнія автора по этому предмету имѣютъ несомнѣнный интересъ для исторіи Аѳона; мы приведемъ ихъ здѣсь два — три. Монастырь Ватопедъ получалъ ежегодно со всѣхъ имѣній своихъ 600 тысячъ піастровъ (30 т. р.). Лавра имѣетъ

на Аѳонѣ самыя обширныя владѣнія и въ разныхъ мѣстахъ *тридцать* сборщиковъ милостыни. Монахи держатъ на откупу имѣнія и поглощаютъ половину доходовъ (I, 185; II, 84, 151). Турецкій ага, полицейскій на Аѳонѣ, получаетъ жалованья отъ монаховъ 1,000 р. (341).

Разсказывая спокойно о многомъ, авторъ увлекается только тогда, когда любуется природою, когда погрузится въ классицизмъ. Читайте его поэтическое описаніе Солунскаго залива (1, 5) *), дорогу отъ Кареи до Ивера (61), восходъ на вершину Аѳона (168 — 172), описаніе водопада Друваниети (II, 3, 90); монастыря Симопетры (140 — 141), мѣстность Морфино (I, 313), которая понравилась ему такъ, что онъ купилъ бы его у лавры и тутъ, неотмѣнно тутъ, построилъ бы монастырь для своихъ соотечественниковъ. (Другому путешественнику по Аѳону — извѣстному архим. Антонину болѣе всего нравилась Керася, см. его «Замѣтки», с. 230).

Увлеченіе свое классицизмомъ и миѳологіею авторъ объясняетъ, кромѣ указанной выше причины, еще слѣдующею: «На Аѳонѣ, гдѣ на столъ подаютъ тебѣ овощи вареные и печеные, жареные и пареные, тамъ только и посластишься чтеніемъ Омира, Есхила, Ѳеокрита, Пиндара, Аполлинарія (I, 108). Миѳы — загадки, но мудреныя. Отгадывайте ихъ, и вы узнаете глубокія истины, и подивитесь древней мудрости, умѣвшей выдумывать дивные миѳы (310).

Часто авторъ нашъ является и филологомъ и неологомъ, хотя не всѣ неологизмы его можно назвать удачными. *Привысь* (отрогъ, холмистая мѣстность (?) стр. 9); *ушельцы* (въ противоположность пришельцамъ, 78); *костовница* (кладбищная церковь, 93); *емъ, вытокъ* (русло, истокъ, 165); *обрамія* (края оклада на иконахъ, 193); *увясла* (клобуки, 223); *щупало* (критеріумъ, 233); *провидѣничество* (провидѣніе, способность провидѣть, 237); *памяти* (памятники, 301); *яйность* (субъективность, II, 20); *то-*

*) Одну изъ надписей онъ переводитъ даже стихами. I, 225.

варка (подобный предметъ 65); *свѣтотѣнь* (свѣтлое и темное въ описаніи чего либо, 153); *омонашился* (поступилъ въ монахи, 157); *разгласіе* (отчего же не разногласіе? 101, 162 и ч. I, 238); *вольникъ* (прихотливый, 220); *отподобить* (снять копію, срисовать, 180); *отобразить* (тоже, 91); *укромники* (монастыри, 252); *отрокованіе* (обученіе отроковъ, 269); *втюрмилъ* (посадилъ въ тюрьму, 324) и друг.

Для оживленія своего разсказа, авторъ передаетъ иногда повѣрья и анекдоты (I, 16, 54, 93, 157, 180, 324; II, 64, 132, 137, 152, 308 и друг.).

Сдѣлавши такъ много, авторъ нерѣдко указываетъ, чего не успѣлъ сдѣлать онъ и что надо сдѣлать другимъ, о чемъ онъ настоятельно и проситъ всякаго путешественника. Мы обозначимъ эти страницы, какъ серьезное указаніе другимъ полезнаго труда: I, 11, 26, 99, 107, 118, 183, 199, 275, 280, 286, 296; II, 9, 63, 125, 144, 279, 325).

При такомъ многостороннемъ содержаніи своего сочиненія, при такомъ безпристрастномъ исполненіи его, авторъ имѣлъ полное право сказать, что Аѳонъ въ его описаніи будетъ представленъ въ истинномъ видѣ его, въ естественной свѣтотѣни его и съ выраженіемъ его тысячелѣтней жизни и дѣйствій и вмѣстѣ разныхъ скорбей, бѣдствій и соблазновъ II, 153).

Къ подобной содержательной книгѣ необходимъ былъ бы указатель предметный и указатель личныхъ именъ. Гдѣ говорится о многихъ сотняхъ предметовъ, интересныхъ для ученаго, любознательнаго, тамъ необходимо пособіе читателю, для удобнѣйшаго пользованія книгою. А сберечь время другаго значитъ продлить жизнь его.

Языкъ «Путешествія» — живой, своеобразный, мѣткій, прямой, сжатый, энергическій. Намъ показались излишними только нѣкоторые пріемы автора; напр. вотъ онъ ѣдетъ на пароходѣ и говоритъ: «Наступала ночь. Море смирно. Небо мирно. Мѣсяцъ свѣтитъ. Мертвый ѣдетъ, горя, дымя, дрожа. Порфирій, не бо

ишься ли? Я испугался бы только тогда, когда бы небо начало падать на землю» (1 стр.). Но въ другомъ мѣстѣ неустрашимый авторъ говоритъ: «Смотрю внизъ (съ вершины Аѳона) и вижу одно синее море. А вѣтеръ бушуетъ; и я начинаю робѣть, вообразивъ, что онъ сброситъ меня въ Эгейскую пучину. Робѣю и говорю своему домочадцу: Иванъ, боюсь я, какъ бы вѣтеръ не снесъ меня въ море. А онъ покачалъ головою и отвѣтилъ мнѣ: да развѣ вы хлопчатая бумага? Признаюсь: такой отвѣтъ пристыдилъ меня, но и ободрилъ (171). Или: «чтобы видѣть паденіе водопада, я ничкомъ прилегъ къ самому краю утеса, а ноги свои велѣлъ держать Ивану, боясь, какъ бы не помутила меня робость при видѣ ужасной стремнины, и какъ бы не ринула меня туда вмѣстѣ съ водопадомъ (2, 91). Но это еще не такъ странно, а вотъ: «Вы скажете, что тѣ (змѣи) напоминаютъ евангельскія слова: *будите мудры яко змія*. А я вамъ скажу: извините, не угадали! Тутъ иная мудрость, великая мудрость, старинная мудрость! Вонмемъ. Слушайте» (91). «Я переписалъ для себя завѣщаніе св. Аѳанасія Аѳонскаго, хорошо владѣя скорописнымъ перомъ и твердо зная греческое правописаніе (186). «Объясняю. Слушайте» (306). «Теперь у меня въ рукахъ другое перо; и имъ я пишу иное повѣствованіе» (376). «Готовъ. Ѣду. Поѣхалъ» (II, 1). «Въ эти три дня мнѣ нездоровилось: тружусь для науки, а сердце ноетъ и голова вздрагиваетъ отъ какихъ-то ударовъ въ лѣвой полости живота моего» (II, 85). «Какъ? спросите вы; да въ 829 г. развѣ были монастыри на Аѳонѣ? ... Совопросники мои, не сомнѣвайтесь въ этомъ, и знайте твердо, что» и пр. (167). Намъ кажется, что подобная бесѣда на распашку и нѣкоторая кичливость излишни и возбуждаютъ улыбку.

А пуще всего досадно, что опечатокъ въ книгѣ море великое и пространное, имъ же нѣсть числа. Немного найдется страницъ безъ одной, безъ двухъ и трехъ опечатокъ. Есть и описки: «въ 383 г. построена была *первая* на Аѳонѣ клирикальная обитель въ Ватопедіонѣ» (с. 42); нѣтъ, это не первая, а *вторая* (см.

Исторію Аѳона, т. II, с. 109). Приходъ преп. Антонія Печерскаго въ Кіевъ относятъ обыкновенно къ 1028 (Русскіе Святые, архіеп. Филарета, май, стр. 69), а не къ 1051 г., какъ показано у автора (с. 74). Одно и то же событіе — устраненіе вселенскаго патріарха Іоасафа — показано въ 1560 и 1564 годахъ (I, 40, 51), и проч.

Да извинитъ насъ высокоуважаемый авторъ за эти замѣчанія: намъ хотѣлось всесторонно и съ внимательной любовію поговорить о его многосодержательной книгѣ, тѣмъ болѣе, что о ней молчатъ наши духовные и свѣтскіе журналы, какъ будто у насъ такими книгами поле засѣяно.

Двумя вышедшими книгами не оканчивается описаніе путешествія преосв. Порфирія по Аѳону. Это только одна часть, въ двухъ отдѣленіяхъ, въ которой описаны 9 монастырей и 3 скита; остаются еще 11 монастырей и 7 скитовъ, въ которыхъ предстоитъ болѣе обильная жатва. Авторъ скромно называетъ свою книгу *incultus;* точно, въ ней есть нѣкоторая топорность, а все-таки, дай намъ Богъ побольше такихъ необработанныхъ книгъ! Мы будемъ очень рады, если читатель изъ нашей статьи на столько ознакомился съ любопытнымъ, полезнымъ и разнообразнымъ трудомъ преосв. Порфирія, что вмѣстѣ съ нами пожелаетъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ его окончанія. Съ такимъ мастеромъ дѣла, съ такимъ прямымъ, здравомыслящимъ человѣкомъ и добрымъ христіаниномъ пріятно встрѣчаться какъ можно почаще.

1877. Октябрь.
Конотопъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ XVIII ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

Авраамовичъ. **6.** 29.

Адамсъ, акад. **5.** 29.

Адольфъ Фридрихъ, шведскій король **1.** 3. 57.

Академія Наукъ. VII. LII. Избраніе г. Потебни въ члены-корреспонденты. Назначила Ломоносовскую награду за Записки по русской грамматикѣ LXXXVII. Проэктъ ея устава **7.** 58—97. Ея члены въ эпоху Александра I. **5.** 28—33. Ея преобразованіе **5.** 11—33. Ея уставъ. **5.** 98. Объ учрежденіи премій Кушелева-Безбородки за біографію кн. А. А. Безбородки. Коммиссія для присужденія этой премій. **7.** 1. 2. 3. 13. 33. Упом. LXVII. **3.** 15.

Академія Россійская. См. Россійская Академія.

Александровъ Г. Н. **7.** 4.

Александръ II. Дарованіе новаго устава университетамъ. **5.** 42.

Александръ Македонскій. **1.** 43.

Александръ I. Рѣчь по случаю его юбилея XXX. Акад. Соловьевъ издалъ сочиненіе о немъ. XXX. Его рожденіе и оды на его рожденіе **5** 1—2. Воспитаніе **5.** 2—4. **1.** 34. 35. Восшествіе на престолъ **5.** 4—7. О связи между временемъ Екатерины II и Александромъ I. **5.** 7. Его

уваженіе къ закону **5.** 8. Его желаніе приблизить къ себѣ людей мысли и науки. **5.** 10. Его отношенія къ Карамзину **5.** 10. Его уваженіе къ памяти Екатерины **5.** 33. Начало его царствованія и просвѣщеніе народа **5.** 11. 35. Преобразованіе академіи наукъ **1.** 5—11. 33. Его вниманіе къ нуждамъ и потребностямъ академіи **5.** 27. Его заслуга въ отношеніи войны 1812 г. Учрежденіе училищъ и университетовъ **5.** 9. 11. 35—43. Значеніе началъ внесенныхъ въ университетскую жизнь **5.** 42. Возстановленіе Россійской Академіи **5.** 33—35. Его эпоха **5.** 1. 9. 16. Упом. VII. **5.** 14. 18. 31. 32. 34. 38. 41. 46.

Алексѣй Комининъ, импер. **9.** 6.

Альбединь. **1.** 48. **4.** 10. 14. 15. 16.

Амальфинскій монастырь. **9.** 11.

Амартолъ, Георгій. **9.** 13.

Амвросій, Іеромонахъ **9.** 22.

Аѳанасій, архиманд. Его описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки. XXVII. **9.** 8.

Ангелина, Сербская деспотица **9.** 7.

Англія и **Англичане.** **8.** 7. **1.** 51. **7.** 15. 18.

Андроникъ, царь **9.** 12.

Анкарстремъ. **1.** 69.

Антонинъ, архимандритъ. **9.** 27.

Антоній Печерскій, препод. **9.** 30.

Антонъ, докторъ XI.

Аполлинарій, еписк. **9.** 8. 27.

Армфельтъ, Густавъ Маврикій. **1.** 41. 46.

Арндтъ, Богд. XXVI.

Археографическая комиссія. **1.** 49.

Аѳанасій, св. **9.** 29.

Аѳцеліусъ, врачъ **1.** 43.

Аѳцеліусъ, доцентъ правъ въ Упсальскомъ университетѣ. **2.** 14. 49.

Аѳины. **9.** 8.

Аѳонская лавра. **9.** 8.

Аѳонъ. **9.** 3. 4. 5. 6. 7. 17. 21. Исторія и описаніе Аѳонской горы Порфирія. **9.** 10. Афонцы. **9.** 20. Ихъ опасенія. **9.** 21. 22.

Байронъ. **3.** 14.

Бакмейстеръ. **5.** 13.

Бакунинъ, П. В. **7.** 9. 12. 26.

Бантышъ-Каменскій, Д. Н. **6.** 43.

Барановскій, Антоній XII.

Барклай-де-Толли. **5.** 9.

Бароцци. 7. 93.

Барсовъ, проф. VI. XXII. LXIX.

Бартелеми. XXIX.

Бартеневъ, П. И. 7. 4.

Бауеръ. 1. 42.

Баузе, Ф. проф. 5. 18. 97.

Безбородко, кн., канцлеръ Ал. Ан. 1. 44. 45. 3. 25. О біографіи. Премія за нее. 7. 1. 33. Біографія, написанная Н. И. Григоровичемъ 7. 2—5. 32—34. О значеніи его писемъ 7. 4. О служебной его дѣятельности, ученыхъ занатіяхъ и о его вліяніи. 7. 6—32. Финансовый вопросъ. 7. 8. Вопросъ о татарахъ и присоединеніе Крыма 7. 9—10. Почтовое дѣло. 7. 12—13. Историческое путешествіе въ Тавриду 7. 13—14. Заключеніе Ясскаго мира 7. 20—25. Отношенія къ П. А. Зубову. 7. 26—29. Отношеніе къ нему императора Павла 7. 30—31. Смерть его. 7. 32.

Безродный, Ф. 3. 33.

Безсоновъ, П. А. Объ оперѣ «Горе-богатырь» О пьесѣ Екатерины II «Кославъ». 1. 72. 74. 75. 77.

Бенкендорфъ. 1. 34.

Бенфей. Его теорія LXIX.

Берлинъ. 1. 52.

Бернулли. 5. 13.

Бестужевъ, П. 4. 11. 30.

Бетлингъ. 8. 18.

Бецкій, И. И. 1. 23. 26.

Блудовъ, графъ Д. Н. LIII. 3. 10. 36.

Богумильская ересь. 6. 11. 12.

Бодянскій, О. М. LVII. 3. 24. 6. 1. 3. О немъ записка Срезневскаго VIII. Образованіе. Его диссертація 6. 31. Предметъ диссертаціи 6. 31. 32. Его наставникъ и главный виновникъ при выборѣ предмета диссертаціи 6. 32. 33. Путешествіе и дѣятельность во время путешествія 6. 33—35. Какъ профессоръ. Порядокъ и характеръ изложенія его лекцій 6. 36. 37. Участіе въ трудахъ своихъ слушателей. 6. 37. Литературная дѣятельность. 6. 38—41. Новый періодъ его дѣятельности. 6. 39—41. Перечень печатныхъ трудовъ. 6. 41—44. Неутомимость, стойкость характера и самостоятельность воззрѣній. Его изслѣдованіе «О времени происхожденія Славянскихъ племенъ» 6. 45. 46. Разборъ книги Лавровскаго и рѣчь о Ломоносовѣ. Его личные труды по изданію памятниковъ. 6. 46 и сл.

Болонскій университетъ. 2. 11.

Болотовъ. 7. 31.

Бороздинъ, К. М., попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа XXXV.

Брадке. 3. 7. 8. 9. 10. 28. 32. 34. 36. 37. 40. Отзывъ Гоголя о немъ. **3.** 11. 38.

Бретель, бар. **1.** 67. 68.

Брикнеръ, А. Г. профессоръ дерптскаго университета **1.** 2. 71. Разсмотрѣнія отзывовъ на его записку. XXII.

Брюкке, проф. VIII. **8.** 20. Его мнѣніе объ эвфоніи **8.** 3. О звукѣ *jot* **8.** 7. 13. О звукѣ *еры* **8.** 16. О цѣли двойного начертанія согласной. **8.** 21.

Брюсъ, гр. **1.** 18.

Будиловичъ, пр. А. С. IX. «Анализъ славянскихъ словъ» V. VIII. **8.** 2. О его трудѣ «Первобытные славяне» IX. XI. Изслѣдованіе о древнеславянскомъ переводѣ 13-ти словъ Григорія Богослова. Терминологія Анализа **8.** 2. О терминѣ *придыхательный*. Теорія о согласной натурѣ звука *й*. **8.** 3. 4.

Булгаковъ, Я. И. **3.** 12. 42. **7.** 24.

Булгаринъ. 3. 32. Письмо къ Гоголю. **3.** 8.

Буняковскій, ак. В. Я. LIII.

Бурбоны. О спасеніи ихъ престола. **1.** 63.

Буслаевъ, ак. Ф. И. LXVIII. LXXVI. XC. CV. Его «Историческая грамматика Русскаго языка» CII. Значеніе его грамматики. Главная особенность его труда CIII.

Бутырскій, проф. XXXV. XXXVI.

Бычковъ, ак. А. Ф. I. **7.** 3. 4. Его записка о матеріалахъ для исторіи славяно-русской литературы. III. О путешествіи Шейна по Бѣлоруссіи VIII. Былъ посланъ въ Казань на IV археологической съѣздъ. Выбранъ въ члены комиссіи для разсмотрѣнія отзывовъ на записку проф. Брикнера XXII. Его записка о пергаментномъ евангеліи по недѣлямъ XI вѣка. Напечаталъ отчетъ о матеріалахъ для библіографическаго словаря П. М. Строева. Членъ археологической комиссіи. Печаталъ: новгородскія лѣтописи. XXVIII. и томъ Сборника для Историческаго общества. Составилъ описаніе рукописей. Его занятія въ государственномъ архивѣ по собранію писемъ и бумагъ Петра Великаго. XXIX. Подъ его наблюденіемъ сдѣланы копіи списка «Орѣховецкаго договора». **4.** 5.

Бьельке. 1. 9. Откровенная переписка Екатерины II съ ней. **1.** 11—14.

Бьёрншерна, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Швеціи. **2.** 29.

Бѣлорусское нарѣчіе. Словарь этого нарѣчія Носовича XX. По поводу задачи Отдѣленія Шейну. XXI.

Бѣлосельскій, кн. А. М. **1.** 98.

Бѣлоусовъ, экспроф. **3.** 25. 38—40.
Бѣляевъ. 6. 39.
Бэръ. ак. К. М. **5.** 16. 54.
Бюгденъ. 2. 65.
Бюшингъ. 4. 11. 24.
Валленіусъ. Его шведскій и финскій книжный магазинъ. **2.** 65.
Варлаамъ Хутынскій, св. Его служебникъ. XXVII.
Василій Іоанновичъ, вел. кн. **9.** 7.
Ватопедовъ монастырь. **9.** 26.
Вацерадъ. Писанная имъ рукопись начала XIII вѣка XXXI.
Вейгандъ. О звукѣ jot. **8.** 7.
Вейдемейеръ. 1. 60.
Великорусское нарѣчіе. LXXVIII, XCII.
Верельскій трактатъ. 7. 19. **1.** 62. 64.
Вержень, франц. посланникъ. **1.** 29. 51.
Веселовскій, А. Н., акад., проф. С.-Петербургскаго университета. XXXI. XXXII. LXVII. Читалъ записку о снаряженіи экспедиціи въ Болгарію IX. О занятіяхъ изслѣдованіями по средневѣковой словесности западно-европейской. Его трудъ по объясненію русскихъ и вообще славянскихъ памятниковъ. Его «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» LXVIII. Его «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды». Общее заключеніе о его работахъ. О русскихъ оплакиваніяхъ мертвыхъ LXIX. Списокъ его трудовъ LXX—LXXIII.
Веселовскій, К. С., акад., непрем. секретарь **5.** 23.
Викторовъ, А. Е. **6.** 27. 17.
Вильбуа. 4. 11.
Виргилій. 5. 44. 45.
Вишневскій, акад. **5.** 30.
Водовозовъ. LI.
Вольтеръ. 5. 32. **1.** 7. 15. О значеніи его въ отношеніи къ Екатеринѣ II и Густаву III. **1.** 5. Его отзывъ о Густавѣ III. Его Генріада **1.** 6. Сочинилъ въ честь Густава III особую поэму **1.** 8. Переписка съ Екатериной **1.** 11. Желалъ посѣтить Екатерину II. **1.** 12. Его языкъ **1.** 14 Переписка съ нимъ Крейца. **1.** 38.
Вольфъ, Фридрихъ Августъ. **5.** 40.
Вороновъ, А., проф. Кіевской Духовной Академіи. О его трудѣ. VI
Воронцовъ, графъ С. Р. **7.** 14. 18. 19. 27. См. Воронцовы.
Воронцовы, гр. Александръ и Семенъ Романовичи. **7.** 4.
Востоковъ, А. Х., акад. LXXVI. **5.** 35. **6.** 5. 14. 23. 46. Объ *й* и *ъ* **8.** 12. 14. Руководитель Прейса **6.** 6. Отзывъ о Прейсѣ **6.** 6.

Вышеславцевъ, Л. В. IV.

Вяземскій, кн. А. А. Пользовался полнымъ довѣріемъ Екатерины **7.** 12.

Вяземскій, кн. П. А. **3.** 14. 30. 31. 43. Его слова о значеніи писемъ **7.** 32. Напечаталъ: Письмо изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго XXX, «Московское семейство стараго вѣка» и стихотвореніе «Поминки». Сообщилъ замѣтки о русскомъ языкѣ и объ отдѣльныхъ словахъ. XXXI.

Вятская губернія. XVIII.

Гавенъ. **4.** 11.

Гавріилъ, митрополитъ. **1.** 23.

Гагбергъ. **2.** 18. 19.

Гадолинъ, акад., А. В. **2.** 20. 54. Представитель Академіи Наукъ на юбилеѣ Упсальскаго университета. **2.** 1.

Галичъ, А. И. XLIX.

Галіани, аббатъ **1.** 54.

Гамильтонъ, графиня Эбба. **2.** 53.

Гамильтонъ, графъ А. **2.** 2. 17. 18. 49. 55. 58.

Гамильтонъ, графъ Геннингъ. **2.** 15. 25.

Ганка. XXXI.

Гаррисъ, англійскій посланникъ. **7.** 7.

Гаттала, чешскій ученый, проф. LXXVI. CIII. CV. Его «Brus jazyka českého» II. XXVIII.

Гегель. **6.** 16.

Геденіусъ, проф. **2.** 15. 63.

Гедеоновъ. Его «Варяги и Русь» XXVIII.

Гейэръ, профессоръ. **1.** 5. 36. 43. 52. **2.** 14. 53. Изданы имъ бумаги Густава III. **1,** 4.

Гейтлеръ, Л. XCVI.

Гендрикова, Христина, урожденная Сковронская. **4.** 20. 22. 25.

Генрихъ, принцъ прусскій. **1.** 16.

Георги, акад. **5.** 10.

Георгій Амартолъ. **9.** 13.

Георгъ Людовикъ, герцогъ. **1.** 57.

Гервинусъ, историкъ. **5.** 37.

Германъ, Карл. Фед. XLVII.

Гермундередъ, хуторъ въ Швеціи **4.** 12.

Геродотъ. **9.** 3.

«**Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten**» Шафарика. **6.** 17.

Гильдебрандъ. 4. 2.

Гильфердингъ, А. Ф. 6. 29.

Гирсъ, Н. К. бывшій посланникъ въ Стокгольмѣ. 1. 5.

Гіэртсенъ. 2. 35.

Глюкъ, пасторъ 4. 10.

Гоголь, Н. В. 3. 13. 15. 19. 21. О письмахъ къ Максимовичу. 3. 1. 4. 13. 24. 25.—къ Погодину. 3. 4. Внѣшняя сторона писемъ. 3. 2. 3. Вирша запорожская 3. 4. 5. Неточность изданія его писемъ. 3. 4. 5. Народная пѣсня. 3. 6 и слѣд. 27. О пріобрѣтеніи профессорской должности для себя и Максимовича. 3. 7. 8. 9. 12. 28. 29. 34. 36. 37. 41. Его отзывъ о Брадке. 3. 11. Собственныя выраженія о своей душѣ. 3. 14. Біографическое значеніе его писемъ. 3. 16. О письмахъ къ нему русскихъ писателей. 3. 21. Переведенная имъ комедія съ итальянскаго языка. Его отзывъ о ней. 3. 22. 23. Его любовь къ пѣснямъ 3. 26. 28. О пѣсняхъ 3. 29—31. 34. 40. Отзывъ о Максимовичѣ. 3. 31. По поводу опредѣленія Максимовича въ Кіевскій университетъ. 3. 32. Его замѣчаніе о переводахъ Максимовича. 3. 33. Исторія Малороссіи. 3. 35. Его совѣты Максимовичу при занятіяхъ со студентами. 3. 37. 38. Совѣтъ Максимовичу относительно препровожденія времени. 3. 39. Принялъ предложеніе кн. Допд.-Корсакова занять кафедру въ Петербургскомъ университетѣ Ставитъ «Ревизора» и готовитъ «Женитьбу» 3. 41. Хорошій отзывъ о Шаржинскомъ. 3. 40. 42. — о Тарновскомъ. 3. 43. Совѣтъ Максимовичу устранить хандру. 3. 44. Намѣревается ѣхать въ Кіевъ. 3. 45.

Голицынъ, кн. А. Н. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія XXXIII XXXV. 6. 44.

Головацкій, Я. Ф. VIII. 6. 43.

Голштинскій домъ. 1. 57.

Гордонъ. 4. 15.

«Горе-Богатырь», опера. 1. 3. Происхожденіе, цѣль и значеніе. 1. 71.

Горловъ, И. Я., проф. 6. 16.

Горскій, профессоръ, ректоръ Московской духовной академіи. Ему первая Ломоносовская премія. LXXXVII. LXXXVIII. Описаніе славянскихъ рукописей синодальной библіотеки LXXXVIII.

Грей, элегія: «Сельское кладбище». XLVII.

Греки. 9. 20.

Грефе, акад. 5. 54.

Гречъ, Н. И. LXXVI. 3. 8. 12. 32. 43.

Григоріатская обитель. 9. 14.

Григорій Богословъ. 9. 9.

Григорій Палама. 9. 11.

Григорій Цамблакъ, митрополитъ. **9.** 13.

Григоровичъ, В. И. О немъ записка акад. Срезневскаго VIII. О воспитаніи. Характеръ. Его отношенія къ товарищамъ и профессорамъ. Его увлеченія. **6.** 15. Любознательность. **6.** 16. Занятія славянствомъ. **6.** 16. 17. Диссертація «Опытъ изложенія литературы Славянъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ»; о пособіяхъ къ этому труду. **6.** 17. Двѣ особенныя черты его «Опыта». **6.** 16. 17. Предпринимаетъ путешествіе по славянскимъ землямъ. Цѣль его путешествія. **6.** 18. 19. Затруднительность путешествія; страданія во время путешествія. «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи». **6.** 19. 28. 29. и Ученыя записки Казанскаго университета. **6.** 19. Послѣдствія путешествія. **6.** 19—21. О его профессорской дѣятельности. **6.** 21. Изъ воспоминаній о немъ. **6.** 22. О занятіяхъ по палеографіи. **6.** 23. Характеръ преподаванія. **6.** 23. 24. Труды. **6.** 24. 25. Причина развитія недовѣрія къ себѣ **6.** 25 и сл. Послѣдніе труды его. **6.** 26. О рукописяхъ. **6.** 27. 28. О смерти. **6.** 27. 30. Упом. **6.** 1. 3.

Григоровичъ, Н. И. Написанная имъ біографія кн. А. А. Безбородки. О присужденіи за нее премія. **7.** 2. 3. 33. О содержаніи и достоинствѣ біографіи. **7.** 3—5. 32—33. О значеніи писемъ кн. Безбородки. **7.** 4. 33.

Григорьевъ. XXXVII.

Гриммъ, Як. XXVII. ХС. **1.** 47. 48. 55. **6.** 6. 8. **7.** 11. О звукѣ *jot* **8.** 7.

Гротъ, акад. Як. К. О сравнительномъ словарѣ Екатерины Вт. I. Его статья: «Екатерина II и Густавъ III» III. XXVI. О словарѣ Дубровскаго. Замѣтка о суффиксѣ *це* и *цо*. Занимался въ Тамбовѣ въ архивахъ отысканіемъ бумагъ относительно Державина. IV. XXII. Депутатъ на юбилеѣ Упсальскаго университета. IV. XXII. **2.** 1. О сочиненіи Рюдберга и объ «Орѣховскомъ договорѣ». О словѣ *моржъ*. V. По поводу командированія Шейна въ Бѣлорусскій край. VI. VII. О Екатеринѣ Вт. VI. О Макаровѣ, Сковронскихъ. О пріобрѣтеніи собранія книгъ Караджича. О сочиненіяхъ преосв. Порфирія. VII. Читалъ о происхожденіи слова *девяносто* VIII. Его «Записка о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка». VIII. **8.** 1. Біографія Державина. Составилъ статью «Сотрудничество Екатерины Вт. въ Собесѣдникѣ». По поводу Орѣховскаго договора. Преданіе о происхожденіи Екатерины I. Замѣтка о филологическихъ занятіяхъ Екатерины Вт. XXVI. Написалъ первыя главы русской грамматики. Занятія въ государственномъ архивѣ по разбору бумагъ Екатерины Вт. XXVI. XXVII. Его записка о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. **2.** 1. 2. О поѣздкѣ въ Стокгольмъ. **2.** 3. О пребываніи въ Стокгольмѣ. **2.** 4. О газетной литературѣ въ Швеціи. **2.** 5. О механической гимнастикѣ и о заведеніи док. Цандера. **2.** 6. 7. О внѣшней сторонѣ жизни въ Швеціи. **2.**

21. Его привѣтствіе Упсальскому университету. **2.** 25. О своеобразной сторонѣ быта шведскихъ студентовъ. **2.** 33. Его рѣчь на юбилеѣ Упсальскаго университета. **2.** 43. О бесѣдѣ съ нимъ короля Оскара Вт. **2.** 50. О національныхъ произведеніяхъ скандинавскихъ композиторовъ. **2.** 52. О Дротнингольмскомъ вечерѣ. **2.** 55. Его отвѣтная рѣчь королю Оскару Вт. **2.** 59. О князѣ А. А. Безбородкѣ. **7.** 2. О Диканьскомъ архивѣ. **7.** 3. Доставилъ Н. И. Григоровичу письма кн. А. А. Безбородки къ Н. А. Львову. **7.** 4. О дѣятельности А. А. Безбородки, по біографіи написанной Григоровичемъ. **7.** 5—32. О трудѣ Н. И. Григоровича. **7.** 2—5. 32—34. Составилъ отчетъ комиссіи о присужденіи преміи гр. Кушелева-Безбородки. **7.** 1. «Филологическія Разысканія» **8.** 1. 7. 20. О трудѣ профессора Будиловича. IX. **8.** 2. О звука *и* и *й*. **8.** 5. 6. О недоразумѣніяхъ относительно натуры *й*. **8.** 6. 7. О правильномъ взглядѣ на *й*. Исконная особенность славянскихъ языковъ. О сущности и значеніи *ера* и *еря*. **8.** 11. О звукѣ *э*. **8.** 11, 18. Объ *й* и *ь*. **8.** 12—14. О звукѣ *ъ*. **8.** 14. О произношеніи *ы* и звуковомъ элементѣ *ъ*. **8.** 15—17. О цѣли двойного начертанія согласной. **8.** 20—22. Упом. XI. XXXI. **1.** 1.

Гумеліусъ, паст. **2.** 41.

Густавъ Ваза. **2.** 18. 21. 55.

Густавъ II Адольфъ. Оказывалъ особенное покровительство Упсальскому университету. **2.** 12. Упом. **1.** 76. **2.** 40.

Густавъ III. **2.** 56. **4.** 10. О сближеніи съ Екатериной II. **1.** 1. О дружбѣ и враждѣ съ Екатериной II. Свѣдѣнія о немъ. **1.** 2. Его отецъ. Рожденіе и воспитаніе. **1.** 3. О вліяніи на воспитаніе частой смѣны наставниковъ. Его свѣдѣнія по исторіи и необыкновенная начитанность. Авторскій талантъ; началъ вести свои записки. Главные источники для характеристики Густава III. **1.** 4. Его отношеніе къ Екатеринѣ II. **1.** 4. 9. 10. Его «De Gustavianska rapporten». **1.** 4. О вліяніи домашней жизни на его характеръ. Значеніе Вольтера для него. **1.** 5. Его переписка съ Крейцомъ. **1.** 6. Отзывъ о немъ Вольтера. **1.** 6. 7. Переписка съ Мармонтелемъ. Его заграничное путешествіе. Союзъ съ Франціей. **1.** 7. Защищалъ Вольтера. Вольтеръ написалъ ему особую поэму. **1.** 8. Вліяніе энциклопедистовъ. Сходство съ Екатериной II. **1.** 9. Неудовольствіе противъ него Екатерины II. Мечта о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи. **1.** 11. Желалъ свиданія съ Екатериной II. **1.** 13. Характеристика его, набросанная Екатериной II. Старался поднять національное чувство. Писалъ безъ орфографіи. **1.** 14. 49. Непрочность мира съ Екатериной II. Опасался войны съ Россіей. **1.** 15. Желалъ возстановить себя въ мнѣніи Екатерины II. Жизнь въ отечествѣ. Семейныя отношенія. Женитьба. **1.** 16. Любовь къ нему народа. Первыя шесть лѣтъ его царствованія. Переворотъ 1772 г.

Свобода печати. Неудовольствія народа. Обвиненія. Его положеніе въ 1777 г. 1. 17. Намѣреніе склонить Екатерину II къ союзу. 1. 18. О приготовленіи къ путешествію и пріѣздъ въ Петербургъ. 1. 18. 19. Встрѣча съ нимъ Панина. 1. 20. О его пребываніи въ Петербургѣ. 1. 20—28. Свиданіе его съ Екатериной II. 1. 21. Его отъѣздъ. Его дружеская интимная переписка съ Екатериной. Впечатлѣніе, произведенное на него Екатериною II. 1. 28. 29. Значеніе свиданія его съ Екатериной II. 1. 31. Обмѣнивался любезностями и подарками съ Екатериной II. 1. 33. О введеніи національной одежды. 1. 35. 36. 38. Бесѣда съ Екатериной II. 1. 35—37. Тщеславіе. 1, 36. На очередномъ сеймѣ 1778 г. 1. 38. 39. Причина его гибели. О коронной монополіи винокуренія. 1. 39. Дружескія отношенія съ Екатериной II. Воинственные планы. 1. 40. О свиданіи съ Екатериной II въ Фридрихсгамѣ. 1. 41—42. 44—46. 52. Несчастіе съ нимъ. 1. 43. О приготовленіяхъ къ войны съ Даніей, 1. 44. Отзывъ о немъ Екатерины II. 1. 47. Переписка съ Екатериной II. 1. 48. 49. 53 и сл. 96—115. Похвалы ему Екатерины II. Сомнѣнія Екатерины II насчетъ его прямодушія. Интересовался крымскими дѣлами. О его вооруженіи противъ Даніи. 1. 50. Путешествіе въ Италію. 1. 52. Его колебанія въ отношеніи къ Екатеринѣ II. 1. 53. Перемѣна отношеній къ Россіи. Поводъ къ этому. 1. 56—58. Его враждебные замыслы противъ Россіи. Начинаетъ наступательную войну съ Россіей. Побужденія къ этому. 1. 59. Литературное единоборство съ Екатериной II. 1. 60. Двухлѣтняя борьба съ Россіей. 1. 62. О спасеніи престола Бурбоновъ. О коалиціи монарховъ. Возобновленіе дружеской переписки съ Екатериной II. 1. 63—67. О союзѣ сѣверныхъ державъ. 1. 66. Созваніе новаго сейма. 1. 68. Смертельно раненъ. О его кончинѣ. 1. 69. По поводу оперы Екатерины II «Горе-богатырь». 1. 71—77. «Journal du voyage du Roi à St.-Pétersbourg en 1777». 1. 79—95.

Густафъ IV Адольфъ. Наставленія Екатерины II о первоначальномъ его воспитаніи. 1. 34.

Гюлленборгъ. 1. 7.

Далинъ. 1. 7.

Даль. XX. XXI. Статья о нарѣчіяхъ русскаго языка. XIX.

Даничичъ, Ю., сербскій ученый. О его трудѣ V. Упом. XXVIII. LXXVI. CIII.

Данія. 1. 61.

Дашкова, княг. XXVI. 3. 10. 12. 36. 41. 5. 34. О свиданіи Густава III съ Екатериной II въ Фридрихсгамѣ 1. 44. 45.

Девяносто, слово VIII. XIII—XV. XXVI.

Дельвигъ. 3. 9. 33.

Демосфенъ. 9. 3.

Державинъ. 1. 72. 5. 4. 7. Его ода на рожденіе въ сѣверѣ порфироднаго отрока. 5. 1. 2. 5. 8.

Дидро. 1. 55.

Діодоръ Сицилійскій 9. 3.

Діонисіатскій монастырь. 9. 13.

Дмитріевъ. 5. 45.

Дмитрій, арх., ректоръ Тамбовской духовной семинаріи IV.

Добровскій. 6. 23.

Долгорукій-Крымскій. 1. 10.

Домашневъ, директоръ Академіи Наукъ. 1. 20 24. 25. 26.

Дротнингольмъ, дворецъ, около Стокгольма. 2. 55. 1. 66.

Дубасовъ, И. И., учитель Елизаветинскаго института въ Тамбовѣ IV.

Дубровинъ, Н. Ф. 7. 4.

Дубровскій, П. П., членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ. О польско-русскомъ словарѣ III.

Дуэ, шведскій посланникъ въ Петербургѣ. 4. 2.

Дьюгерстъ. V.

Дьяковскій, В. Ф., докторъ. 2. 5.

Дюбарри. 1. 7.

Дядьковскій. 3. 25.

Евгеній, астраханскій архим. 9. 22.

Евгеній, митрополитъ. 6. 23.

Евреи. 9. 17.

Екатерина II. О сближеніи между ею и Густавомъ III. 1. 1. О дружбѣ и враждѣ ея съ Густавомъ III. 1. 2. Ея комическая опера: «Горе-богатырь». 1. 2. 3. Очеркъ мирныхъ сношеній ея съ Густавомъ III. 1. 3. Значеніе Вольтера въ отношеніи къ ней 1. 5. Вліяніе энциклопедистовъ; сходство съ Густавомъ III. 1. 9. Отношеніе ея къ Густаву III. 1. 9. 10. Неудовольствіе противъ Густава III. 1. 11. Вела откровенную переписку съ Бьельке. 1. 11. 12. 13. 14. Вела переписку съ Вольтеромъ. 1. 11. 13. Желаніе Вольтера посѣтить ее. Переговоры объ уступкѣ ей притязаній на Голштинію 1. 12. Густавъ III желалъ съ нею свиданія 1. 13. Характеристика короля Густава III. Хвалилась англоманіей 1. 14. Ея вражда къ французамъ. Французское воспитаніе, — ученица французовъ. 1. 15. Непрочность мира ея съ Густавомъ III. 1. 15. Густавъ желаетъ возстановить себя въ мнѣніи Екатерины II. 1. 16. Намѣреніе Густава III склонить ее къ союзу 1. 18. Ея свиданіе съ Густавомъ III. 1. 21. О пріемѣ Густава III. 1. 21—28. Ея наказъ. 1. 25. 5. 13. День ея восшествія 1. 27. Ея переписка съ Густавомъ III. 1. 28. 96—115. Впе-

чатлѣніе, произведенное ею на Густава III. 1. 28. 29. Ея расположеніе къ Шефферу 1. 30. Значеніе свиданія ея съ Густавомъ III. 1. 31. Обмѣнивалась любезностями и подарками съ Густавомъ III. 1. 33. Наставленія о первоначальномъ воспитаніи Густава Адольфа и о воспитаніи ея внука Александра 1. 34. 35. Бесѣды съ ней Густава III. 1. 35. 36. О національной одеждѣ дамъ при ея дворѣ 1. 37. Ея политика. 1. 40. О ея свиданіи съ Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ 1. 41. 42. 44. 45. 46. Ея отзывъ о Густавѣ III. 1. 47. Переписка съ Густавомъ III. 1. 48. 49. 53. 54. 55. Ея замѣчаніе о Финляндіи. 1. 48. Ея похвалы Густаву III. Ея сомнѣнія въ прямодушіи Густава III. 1. 50. Колебанія Густава III въ отношеніи къ ней 1. 53. О правѣ на Голштинію. 1. 55. Перемѣна отношеній къ Густаву III. 1. 57. 58. 59. Литературное единоборство съ Густавомъ. 1. 60. Двухлѣтняя борьба съ Швеціей. 1. 62. Ея геній. Возобновленіе дружеской переписки между ею и Густавомъ III. 1. 63. 64. 65. 66. 67. 68. О союзѣ сѣверныхъ державъ 1. 66. Чувствительный ударъ для нея. 1. 69. Ея опера: Горе-богатырь. 1. 71. 72. 73. 74. 75. Ея «Ославъ». 1. 72. 73. 77. Сказка о Фуфлыгѣ-богатырѣ». 1. 73. 74. 77. Ея заботы о воспитаніи внука Александра. 5. 2. Ея намѣреніе насчетъ греческой имперіи. 7. 9. О Прусской системѣ. 7. 18. Почтовое дѣло. 7. 12. Ея секретарь А. А. Безбородко 7. 6. Учрежденіе ордена св. Владиміра. 7. 8. О ея предпріятіяхъ 7. 8. Историческое путешествіе въ Тавриду. 7. 13. 14. Милостивое расположеніе къ Безбородкѣ 7. 29. Ея совѣты Зубову. 7. 26. Участіе ея въ литературныхъ трудахъ. 5. 33. Ея любимое созданіе — Россійская Академія. Дорожила успѣхами русскаго языка и словесности. 5. 34. Ея эпоха. 5. 9. 16. Связь между ея временемъ и временемъ Александра I. 5. 7. Упом. I. VI. XXVII. XXX. 5. 4. 8. 9. 28. 32. 33. 35. 56. 57. 7. 2. 11. 19. 20. 25. 27. 29.

Екатерина I. Вторая супруга Петра Великаго. Сводъ догадокъ о ея происхожденіи. 4. 7. О дѣтствѣ. 4. 9. О происхожденіи ея. 4. 7—32. Указъ ея по поводу разныхъ толковъ о ея происхожденіи. 4. 31. 32.

Елагинъ, И. П. 1. 18.

Елизавета Петровна. 1. 3.

Есхилъ. 9. 27.

Ефимовскіе. 4. 24. 25.

Ефремъ, патріархъ іерусалимскій. 9. 9.

Жеффруа, Г. 2. 26.

Жуковскій, В. А. XLVI. XLVII. XLIX. 3. 10. 12. 28. 31. 33. 36. 40. 41. 43.

Заводовскій, гр., министръ народнаго просвѣщенія 5. 25.

Записки по русской грамматикѣ. LXXX—LXXXVIII. LXXXIX. XCVII—CXVII. См. Срезневскій.

Зарульскій, С. **6.** 43.

Зоричъ. 1. 32. 33.

Зотовъ. 7. 28.

Зубовъ, П. А., совѣтникъ Екатерины II. **7.** 18. 26. 27. 29. Его возвышеніе **7.** 19.

Зубрицкій, Д. LVI. **6.** 38.

Иверсенъ, Ю. Б. **4.** 9.

Иверскій монастырь на Аѳонѣ (Иверъ). **9.** 6. 17. 18. 21.

Изеусъ. 2. 9.

Ильмень. XVIII.

Императорская Публичная библіотека. 6. 6.

Императорское русское Историческое общество. XXVII. XXVIII.

Иннокентій (Борисовъ), архим. **9.** 25.

Иноходцевъ, акад. **5.** 10. **5.** 28.

Ире. 1. 7.

Искандеръ. 9. 8.

Историческая грамматика Русскаго языка. Буслаева. CII. О ея значеніи CIII.

Исторія Аѳона, Пр. Порфирія. **9.** 1. 5.

Іеронимъ, афонскій монахъ. **9.** 7.

Іерусалимъ. 9. 17.

Іоанна Елизавета. 1. 3.

Іоаннъ III, сынъ Густава Вазы **2.** 11. 21. 55.

Іоасафъ, патр. **9.** 30.

Іозефсонъ, профессоръ **2.** 9. 17. 37.

Іосифъ II. 1. 1. 20. 40. 47. 53. 56. **7.** 7. 8.

Калайдовичъ. 6. 47.

Каллимахи, кн. **9.** 7.

Капріоль, дюкъ-Серраде. **7.** 21.

Караджичъ, Вукъ. Ст., сербскій писатель. О пріобрѣтеніи собранія его книгъ. VII.

Карамзинъ. 5. 4. 6. 7. 10. 36. 37. 38. 40. 43. 48. Объ Александрѣ I **5.** 11.

Каргополь. XVIII.

Карлсонъ, пр. **2.** 51.

Карлъ VIII. 2. 11.

Карлъ XII. 1. 2. 60. 76. **4.** 16.

Карлъ IX, отецъ Густава II Адольфа. **2.** 11. 20.

Карлъ X. 2. 56.
Карлъ XIV, Іоаннъ (Бернадотъ) **2.** 21.
Карновичъ. Его статья о герцогинѣ Кингстонъ XXVI.
Каулей, лордъ. **9.** 19.
Кауницъ. 7. 8.
Каховскій. 7. 20. 21.
Качеповскій, М. Т., проф. **6.** 32. 33. 35.
Кекерекекскпо. 1. 22.
Кингстонъ, герцогиня XXVI.
Кирилліца. 9. 9. 12.
Кириллъ, апостолъ славянскій. 9. 10.
Кирпичниковъ. LXIX.
Киселевъ, П. В. **7.** 4.
Клопштокъ. 5. 5. **7.** 46.
Книга Іисуса сына Сирахова. XXVII.
Кобенцель. 1. 74. 75.
Колосовъ, М. А. проф. Варшавскаго университета. XCVI. О матеріальномъ участіи Отдѣленія въ ученой командировкѣ его. Изслѣдовалъ языкъ жителей Новгородской и Вятской губерній. XVII. XVIII. Его разъѣзды по губерніямъ. Объ *окающемъ* нарѣчіи. XIX. Отчеты о результатахъ поѣздки. XIX. Наблюденіе надъ звуковыми явленіями въ говорахъ сѣверныхъ губерній. XX.
Кольбергъ, О. О его трудѣ. XII.
Конпискій, Г. **6.** 42.
Конфедерація въ Аньялѣ. 1. 2.
Конитаръ. 6. 17. 23.
Корсаковъ, кн. **3.** 12. 41.
Коскуль. 4. 10.
Костомаровъ Н. И. **4.** 11.
Котошихинъ. Рукопись. **1.** 49.
Кохъ. 1. 60.
Кочубей, кн. Викт. П. **7.** 4.
Кочубей, кн. Серг. Викт. Его архивъ. **7.** 3.
Кочубинскій. Его сочиненіе. «По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій» I.
Крейтеръ. VIII. Его «Zur Lautverschiebung» **8.** 7. 19. О натурѣ звука *jot.* **8.** 7—10.
Крейцъ, поэтъ. **1.** 7. 47. Его переписка съ Густавомъ III. **1.** 6. 29. 40. Переписка съ нимъ Вольтера. **1.** 38.
Кривцовъ, Ф. В. IV.

Крижаничъ. LVI.
Крыловъ. **5.** 3.
Крымъ. **7.** 2. 9. 14.
Крузенштернъ. Его экспедиція. **7.** 29.
Кириопотамская обитель. **9.** 12.
Кулишъ, П. А. **3.** 2. Объ изданіи писемъ Гоголя къ Максимовичу. **3.** 3. 4. Замѣчанія о его изданіи **3.** 5. 6. 8. и сл. 14. 15. 16.
Кульманъ, Елиз. XLVI.
Куникъ, ак. А. А. VII. **7.** 3.
Куторга, М. С. **6.** 2.
Кутузовъ. **5.** 9.
Кушелевъ-Безбородко, гр. Н. А. Объ учрежденіи имъ преміи за біографію кн. А. А. Безбородко. **7.** 1. 2.
Лавелэ, проф. **2.** 17.
Лавра св. Аѳанасія, монастырь на Аѳонѣ. **9.** 10. 11. 21. 26—27.
Лавровскій, П. А. XCI. **6.** 46.
Лагаринъ, воспитатель Александра I. **5.** 2. 3.
Ланской, А. Д. **1.** 45. 45.
Ланласъ Бартельсъ **5.** 41.
Ласси, гр. **1.** 23.
Латышскій языкъ. CXII.
Лафатеръ. **9.** 2.
Левашевъ. **3.** 12. 40. 41.
Левъ Мудрый. **9.** 9.
Лежеръ, А. Л., проф. Его «Grammaire russe» VII.
Лекселль, астрономъ. **1.** 26.
Леонидъ, архимандритъ. **6.** 29.
Лепехинъ, акад. **5.** 28. 29.
Лепсіусъ. VIII. О звукѣ *jot.* **8.** 7. О звукѣ ы. **8.** 16.
Лербергъ. акад. **5.** 30.
Лермонтовъ. L.
Лескинъ. **8.** 13.
Леффлеръ, шведскій филологъ. VIII. Его трудъ **8.** 20. О цѣли двойного начертанія согласной **8.** 21. 22.
Линь. **5.** 57.
Линней. **2.** 9. 21.
Ловиза Ульрика. **1.** 3. 6. О ея характерѣ. **1.** 5. О семейныхъ отношеніяхъ. **1.** 16.
Ломоносовъ. VI. XXII. **1.** 73. **5.** 1. 16. **6.** 46.
Лошкаревъ. **7.** 21. 22.

Львовъ, Александръ Ник. **7.** 4.

Любичъ Романовичъ. 3. 21.

Людовикъ XIV. 1. 32.

Людовикъ XVI. 1. 7. 52. 63.

Магнусъ, шведскій король. **4.** 2. 4. 5.

Мадвигъ, профессоръ Копенгагенскаго университета. **2.** 19. О его рѣчи на юбилеѣ Упсальскаго университета. **2.** 32.

Майковъ, В. И., **5.** 1. 4. 6. «Исторія Сербскаго языка» **6.** 37.

Макаровъ, А. В. VII. **4.** 20. 21. 22.

Макарій, акад., архіепископъ литовскій и виленскій. VIII томъ Исторіи церкви XXVII.

Максимо́вичъ, М. А. **3.** 8. 13. 46. О письмахъ къ нему Гоголя. **3.** 1. 2. 3. 6. 24. 46. О Виршѣ запорожской. **3.** 4. 5. 24. Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ». **3.** 24. 34. «Размышленія о природѣ» **3.** 24. Его «Деннница» **3.** 25. 27. О неудачахъ въ пріобрѣтеніи профессорской должности. **3.** 7. 8. 28. 29. 30. 31. 32. О раздѣленіи пѣсень, изданныхъ имъ. **3.** 30. Замѣчаніе Гоголя о переводахъ съ малороссійскаго. **3.** 33.

Малиновскій. 7. 13.

Малорусское нарѣчіе. LXXVIII. XCII.

Мальмстенъ. 2. 48.

Мамоновъ. 1. 74. **7.** 19.

Марія Терезія. 1. 31.

Марія Федоровна, великая княгиня. **1.** 21.

Марковъ. 7. 26.

Мармонтель. 1. 23. Переписка между нимъ и Густавомъ III. **1.** 7.

Мацѣевскій. 6. 17.

Менделѣевъ, Д. И. **2.** 52.

Мерзляковъ, профессоръ. **5.** 4. 41.

Мещерскій, кн. VII.

Миклошичъ. 8. 4. О звукѣ ъ. **8.** 14. О звукѣ ы **8.** 15. О звукѣ э. **8.** 18. Упом. LIII. LXXVI. CIII. CV. **6.** 23. **8.** 4.

Миличевичъ, М. Ю. Его книга «Княжество Сербія». XXVIII.

Милке. XXXI.

Миллеръ, Всев. Ѳ. Его «Взглядъ на слово о полку Игоревѣ». II. LXIX—LXX.

Миллеръ, О. Ѳ. LI.

Михаилъ Палеологъ. 9. 18.

Моллеріусъ, А. Е., генеральный консулъ въ Швеціи. **1.** 5.

Монтескье. 5. 32.

Морена, графъ, **1.** 20.

Морокъ, слово. V.
Московская Духовная Академія. LXXXVII.
Московскій публичный музей. XXVIII.
Московскій университетъ. VI.
Муравьевъ, М. Н. **5.** 18. 20. 97.
Мурзакевичъ, Н. Н. **7.** 4.
Надеждинъ, Н. И. **3.** 28.
Наполеонъ. 7. 31.
Нартовъ, А. А. **1.** 23.
Нарышкина, Ан. Никит., урожденная Румянцева. **1.** 27.
Нарышкинъ, А. А. **1.** 27.
Нарышкинъ, Л. А. **1.** 22. 26. 27. 44. 45.
Некрасовъ, Н. А. XLVIII. L.
Нессельманъ. XXXI.
Несторъ. 6. 43.
Никитенко, А. В. акад. Его рожденіе, воспитаніе, образованіе XXXII—XXXIII. Рѣчь на публичномъ засѣданіи Россійскаго Библейскаго общества въ Острогожскѣ XXXIII. LXIII—LXVI. Студентъ философско-юридическаго факультета. Его первый трудъ, «О преодолѣніи несчастій». XXXIV. Его разсужденіе «О политической экономіи». Опредѣленъ въ канцелярію Попечителя округа. Занималъ кафедру политической экономіи. Званіе адъюнкта. Его сочиненіе: «О главныхъ источникахъ народнаго богатства». О преподаваніи русской словесности XXXV. Его лекція «О происхожденіи и духѣ литературы». Профессорская дѣятельность. Оцѣнка литературныхъ произведеній XXXVI. Удостоенъ степени доктора философіи. Характеръ и значеніе лекцій и его занятія со студентами. XXXVII. XXXVIII. Его рѣчи XXXVIII. LII. Его рѣчь о критикѣ XXXIX. Его опытъ исторіи русской литературы XL. Педагогическая служба въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. XLI. XLII. Цензоръ XLII. XLIII. Его административно-ученые обязанности. Его отношенія къ Норову. XLIV. Литературно-ученая дѣятельность XLV—XLIX. Велъ отдѣлъ критики XLVIII. Поѣздка за границу. Статья: «Рафаэлева Сикстинская Мадонна» XLIX. Біографія Галича XLIX. Редакторъ періодическихъ изданій L. LI. Ординарный академикъ. Его разборы драматическихъ произведеній LII. Сообщилъ нѣсколько некрологовъ. Обязанности по Академіи Наукъ LIII. Его нравственныя и душевныя качества LIV. LV—LVI.
Николай I, императоръ **5.** 10.
Новаковичъ, С. Его «Српске народне загонетке» II. XXVIII.
Новгородская губернія. XVIII.
Новиковъ. Его разборъ Сербо-лужицкихъ нарѣчій **6.** 37.

Новосильцовъ, Н. Н. Участникъ въ преобразованіи академіи **5.** 25. Его рѣчь къ академикамъ **5.** 26. Упом. **5.** 97. 98.

Нолькенъ, шведскій министръ **1.** 15. 19. 21.

Номоканонъ. Слав. рукоп. **9.** 11.

Норвегія. О присоединеніи къ Швеціи **1.** 51.

Нордбергъ. Историкъ Карла XII. **4.** 16. 18.

Нордстремъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета **4.** 2.

Норовъ, А. С., министръ народнаго просвѣщенія LI. Отношенія къ нему Никитенки XLIV.

Носовичъ, составитель словаря бѣлорусскаго нарѣчія XXXXI.

Нѣжинскій Историко-Филологическій институтъ 3. 1.

Нѣмецкіе филологи. 8. 1. О звукѣ jot. **8.** 7.

Нюбломъ, профессоръ. **2.** 29. 41. 53.

Оберъ, проф. О его рѣчи на юбилеѣ Упсальскаго университета **2.** 45.

Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій, кн. Его архивъ. XXX.

Общество исторіи и древностей въ Москвѣ **6.** 46. 47. О дѣятельности въ немъ Бодянскаго **6** 39. 40.

Одоевскій, кн. Вл. Ф. **3.** 7. 28. 34.

Озерецковскій, акад. **5.** 10. 28. 29. 38.

Оксеншерна, Аксель **2.** 11. 40.

Олонецкая губернія. XVIII.

Ольденбургскіе герцоги. 1. 56.

Орловъ, Григ. Григ., князь. **1.** 42.

Орѣховецкій договоръ. Русскій текстъ **4.** 1. 2. О значеніи **4.** 4. Копіи списковъ **4.** 5. Упом. V.

Осиповскій, проф. **5.** 41.

Оскаръ II, король шведскій. Его рѣчь Упсальскому университету **2.** 29. Его рѣчь упсальскимъ студентамъ **2.** 50. Его рѣчь къ иностраннымъ депутатамъ Упсальскаго юбилея **2.** 56—57. Упом. **2.** 16. 49. 54.

Остерманъ, гр. И. А. **1.** 10. 15. 22. 23. 29. **7.** 8. 11. 31.

Остроградскій, акад. **5.** 42.

Отдѣленіе II, русскаго языка и словесности. II. III. XII. XXXII. LIII. CXVII. О приглашеніи Шейна для наблюденія надъ говорами бѣлорусскаго нарѣчія и о командированіи его въ Бѣлорусскій край IV. VI. XXI. О пріобрѣтеніи книгъ Караджича VII. Матеріальное участіе въ ученой командировкѣ проф. Колосова XVII. Объ изданіи словаря Бѣлорусскаго нарѣчія XX. Выборъ въ адъюнкты проф. Веселовскаго XXXI.

Павелъ I. 1. 21. 55. 59. **7.** 29. **5.** 34. Его довѣріе къ А. А. Безбородкѣ **7.** 30.

Павловскій, монастырь. **9.** 21.

Павскій, протоіерей LXXVI.

Палацкій. **6**. 8. 38. 41.

Паленъ, генералъ **1**. 66.

Палласъ, акад. I. XXVI. **1**. 26. 5. 10. 28. 29.

Панаевъ. L.

Панинъ, гр. Н. И. **7**. 8. 9. 15. **1**. 10. 19. 22. 31. 40. 42. Встрѣча съ нимъ Густава III. **1**. 20. 21.

Панумъ, проф. Его рѣчь на юбилеѣ Упсальскаго университета **2**. 45.

Парело, Маркизъ-де **7**. 12.

«**Патерикъ**», слав. рукоп. **9**. 11.

Патера, А. О., чешскій ученый. Его изслѣдованіе о глоссахъ, XXXI. V.

Пелличчіони, профессоръ **2**. 19.

Петри Лаврентій первый лютеранскій архіепископъ въ Швеціи **2**. 21.

Петровъ, лирикъ **5**. 1. Его ода на рожденіе Александра I. **5**. 1.

Петръ Великій. Похвальное ему слово XXXVIII. XXXIX. Учрежденіе университета **5**. 14. Его мысль объ учрежденіи академіи **5**. 13. Оцѣнка его дѣйствій и воззрѣній **5**. 15. Его вторая супруга Екатерина I. **1**. 7. Упом. XXIX. **1**. 2. 12. 36. 49. **4**. 9. **9**. 11.

Петръ III. **1**. 58.

Пиктетъ, А. Его «Origines indoeuropéennes». XI.

Пиндаръ. **9**. 27.

Пинскій край. XXI.

Плетневъ, П. А. Характеризовалъ лекціи Никитенки XXXVI. Упом. XXXVIII. XLI. L. **3**. 38.

Погодинъ, М. П. **3**. 10. 13. 34. 41. О письмахъ къ нему Гоголя **3**. 4.

Полевой, Н. А. **3**. 28.

Половцовъ, А. А. сенаторъ **7**. 4.

Польша. **7**. 16. 17. 19.

Поповъ, В. С. **7**. 21.

Пономаревъ, С. И. VII. **3**. 1. 24.

Порфирій, преосвященный. Его два Путешествія на Синай и по Египту. Разнородные труды по исторіи востока «Исторія Аѳона» **9**. 1. VII. Его библіотека. Его путешествіе въ Аѳонскіе монастыри **9**. 2. Разборъ этой книги **9**. 2. 3. 4. **5**.» Источники для составленія «Путешествій» **9**. 5. 6. Объ Аѳонѣ. **9**. 6. 7. 10. По поводу «словъ» царя Льва Мудраго. **9**. 9. Объ іероглифахъ. О глаголитской азбукѣ **9**. 9. О Лаврѣ св. Аѳанасія Его любовь къ классицизму. О себѣ **9**. 11. Описаніе Филофеевскаго монастыря **9**. 11. 12., ксиропотамской обители **9**. 12. О монастырѣ св. Павла **9**. 12. 13. О языкѣ св. Писанія **9**. 13. О голосникахъ **9**. 13. О рукописяхъ Григоріатской обители **9**. 14. О мощахъ **9**. 14. и слѣд. Из-

слѣдованіе о явленіи иконы Иверской Божіей Матери **9.** 15. Объ обычаѣ Афонцевъ. Объ инокахъ Иверской обители **9.** 16. *О кувасрасахъ* **9.** 16. 17. О стихахъ Феодорита **9.** 17. О духовныхъ плачахъ **9.** 17. О глаголитской письменности **9.** 18. Объ отношеніяхъ Турокъ къ Афону **9.** 20. О паденіи Турціи **9.** 21. Объ отношеніяхъ Афонцевъ **9.** 22. О монахахъ. Причины живучести монашества **9.** 2. 3. 24. Его изысканія **9.** 24. Его безпристрастіе и истинна при описаніи Афона **9.** 25. 26. Увлеченіе классицизмомъ и мифологіею **9.** 27. Какъ филологъ и неологъ **9.** 27. Языкъ его «Путешествія» **9.** 28. 29. Опечатки въ его «Путешествіяхъ». **9.** 29. 30.

Порфирьевъ, И. Я., профессоръ казанскаго университета **6.** 23.

Поссе, графъ. **1.** 13. 103.

Потебня, А. А., профессоръ харьковскаго университета. О первыхъ его трудахъ. О его разборѣ строя русскаго языка LXXV. XCI. Его задача LXXVII. Направленіе его изслѣдованій LXXVIII. LXXXIII. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. О русскомъ полногласіи LXXIX. XCII. XCIII. Самостоятельность въ употребленіи научныхъ пріемовъ LXXIX. LXXX. Особенная черта въ его произведеніяхъ. Разборъ грамматическаго строя языка. Его трудъ: Записки по русской грамматикѣ LXXX. LXXXVIII. Разборъ этой книги; ея значеніе LXXXI. LXXXIV. LXXXV. LXXXIX. XCVII. О его знаніи языковъ LXXXIII. О значеніи его трудовъ. Избраніе членомъ-корреспондентомъ. Академія назначила ему Ломоносовскую награду LXXXVII. Начало его работъ по разсмотрѣнію явленій и условій выразительности русскаго языка LXXXIX. XC. Направленіе въ первые годы его учено-литературной дѣятельности XCI. Общая точка зрѣнія на языкъ русскій XCIV. Его трудъ: замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи; значеніе его изслѣдованія по фонетикѣ русскихъ нарѣчій XCV. Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка. Общее заключеніе о его трудѣ XCVI. CVI. Особенности первой книжки Записокъ по русской грамматикѣ. Значеніе второй книги Записокъ CII. Достойный продолжатель Буслаева CIII. Характеръ изложенія дѣла въ Запискахъ CIII—CV. Общее заключеніе о значеніи Записокъ CXVI. XXXI. Его отзывъ о словарѣ братьевъ Юшкевичей II. XXX.

Потемкинъ. 7. 4. 27. 26. 19, 10. 12. 8. 9. 11. 17. 18. 14. 20. **3.** 4. **1.** 42. 43. 51. 72. 74. 75. 76. 77. 23. 29. Его переписка съ Екатериной II. **1.** 46. Его кончина. **7.** 20.

Потоцкій, гр. Северинъ. **5.** 18. 97.

Прейсъ, П. И. **6.** 1. 3. 16. Его попеченія о матери. Самообразованіе. Первые его труды **6.** 4. Общее уваженіе къ нему ученыхъ **6.** 5. 8. Содѣйствіе его друзей для полученія профес. должности. Его научныя убѣж-

денія и направленія дѣятельности **6.** 5. Изученіе языка славянскаго **6.** 6. Предположенный планъ его путешествія. Отзывъ о немъ Востокова **6.** 6. Его путешествіе по славянскимъ землямъ. Отчеты о своихъ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ **6.** 7. Болѣзнь его **6.** 8. Причина развитія его болѣзни **6.** 8. Его распорядокъ чтеній въ университетѣ **6.** 10. Хорошій отзывъ о немъ его слушателей. О дозволеніи ему держать экзаменъ прямо на степень магистра. О его трудолюбіи. Предметъ диссертаціи и рѣчи, произнесенной на университетскомъ собраніи **6.** 11. Его труды по вопросу о Богумильской ереси. О его смерти **6.** 12. Бумаги, послѣ него оставшіяся **6.** 12. 13. О письмахъ къ нему и отъ него **6.** 13. 19.

Прусикъ, О словѣ девяносто. VIII. XIII. XIV. XV.

Пруссія. 7. 19. **1.** 32.

Пугачевъ. 1. 76.

Пушкинъ, А. С. **3.** 2. 15. 30. 33. 43. О Байронѣ **3.** 14. «Исторія Пугачевскаго бунта». **3.** 43.

Рабе, Кастенъ **4.** 10. 12—17. Упом. VI.

Раванница, монастырь. **9.** 13.

Раде, LXIX.

Растончина, гр. Е. П. L.

Редовскій, ак. **5.** 29.

Рейтеръ. 2. 3.

Рейхенбахскій конгрессъ. 1. 62.

Ренинъ, кн. А. П. VII. **1.** 29. **4.** 20—22. 28.

Рибасъ, **7.** 22.

Риворола, патрицій. **7.** 11.

Ригельманъ, А. **6.** 42.

Ригинъ. 4. 18.

Россійская Академія. 5. 33—35.

Россія и русскіе. 1. 12. 32. **5.** 12. **8.** 1. 6.

Россы, далматскіе Сербы **9.** 6. 7. 9.

Румовскій, акад. **5.** 10. 28.

Румовскій, русскій посланникъ въ Неаполѣ. **1.** 53.

Румянцова. См. Нарышкина А. Н.

Румянцовъ-Задунайскій. 1. 23. **7.** 14. 17. Его побѣды. **5.** 9.

Рунебергъ, поэтъ **2.** 17. 41. 47. 48.

Русикъ, монастырь. **9.** 6. 7. 10. О богослужебныхъ книгахъ. **9.** 8.

Русскіе университеты. Учрежденіе и преобразованіе ихъ. **5.** 11. 35—43.

Русскій языкъ. LXXVI. LXXVII. LXXVIII.

Руссо. 1. 5. **5.** 32.

Рюдбергъ, Викторъ, шведскій писатель. О его кантатѣ для Упсальскаго юбилея. **2**. 37. 40. Упом. **2**. 37.

Рюдбергъ, О. С. Объ Орѣховецкомъ договорѣ. V. Издатель «Договоровъ Швеціи съ иностранными державами». **4**. 1. 5—7.

Савостьяновъ, П. И. **6**. 29.

Сали́нъ, профессоръ. **2**. 15. 19. 66.

Саломонъ, Констанцскій епископъ XXXI.

Самойловъ, генералъ-поручикъ. **7**. 22. 25.

Сандбергъ, докторъ. **2**. 5.

Севергинъ, акад. Монографія о немъ. Его произведенія. Труды по естествознанію. Значеніе его обширныхъ трудовъ. Редакторъ изданія «Технологическій журналъ». XXIX. Его учено-литературныя дѣятельность. XXX. Упом. **5**. 10. 29.

Сегюръ, гр. **1**. 71. 74. 75. **7**. 11.

Семевскій, М. И. **7**. 4.

Сенковскій, О. И. **3**. 12. 43.

Сенъ-При, французскій посланникъ въ Константинополѣ. **1**. 13.

Сербскій языкъ, CXII.

Сибирь. **5**. 57.

Сиверсъ, VIII. О натурѣ звука *jot*. **8**. 8. 9. 13. Его книга «Grundzüge der Lautphysiologie». О новомъ раздѣленіи звуковъ. **8**. 19.

Сикстъ IV, папа. **2**. 11. 45.

Симолинъ. **1**. 29.

Симоновскій, П, **6**. 42.

Симонстръ, монастырь. **9**. 14. 15.

Сирица, А. Д. IV.

Сковороцкій, Дидрихъ Самуилевъ. **4**. 20.

Сковронская, См. Гендрикова.

Сковронскіе, VII. XXVI.

Сковронскій, С. **4**. 11.

Славянская филологія. **6**. 2.

«**Слово о полку Игоревѣ**», II.

Служебникъ, XIII в. XXVII.

Смирдинъ, L. **3**. 10. 25. 26. 30. 35.

Смитъ, Адамъ. XXXV.

Соколовъ, А. Е. **6**. 44.

Сокуровъ. XXIX.

Соловьевъ, акад. С. М. **4**. 11. **7**. 6. Напечаталъ XXVII томъ Исторіи Россіи. Издалъ сочиненіе: «Императоръ Александръ Первый». XXX.

Соловьевъ, проф. М. **1**. 49.

Сомовъ, акад. О. И. **5**. 41.

Софія Магдалина, Датская принцесса. **1**. 16.

Сохацкій. **5**. 4.

Сперанскій, М. М. **6**. 44.

Срезневскій, акад. И. И. Указалъ на сочиненія Кочубинскаго и Фортинскаго I. О «Словѣ о полку Игоревѣ» трудѣ Всев. Миллера; — С. Новаковича. О словарѣ братьевъ Юшкевичей II. О трудахъ Патеры, Будиловича, Даничича V. О трудѣ проф. А. Воронова VI. О трудѣ Лежера. VII. О слав. рукописи VII. VIII. Записка о жизни и о трудахъ Бодянскаго, Прейса и Григоровича. Его соображенія касательно «глоссъ чешскаго памятника» Патеры. VIII. О трудѣ Будиловича «Первобытные славяне» XI. О трудѣ Кольберга XII. Былъ посланъ въ Казань на IV археологическій съѣздъ. Командированъ съ ученою цѣлью въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи. XXII. Прочелъ нѣсколько рефератовъ о древнѣйшихъ иконахъ XII и XIII в. XXIII. XXIV. Обратилъ вниманіе на драгоцѣнные остатки «Старой Рязани». О поселеніяхъ русскаго народа по Окѣ, Волгѣ и по Дону. XXV. Путешествіе по Россіи. Нашелъ три древнѣйшія рукописи. Напечаталъ Воспоминаніе о П. М. Строевѣ. Написалъ рецензію на сочиненія, представленныя на соисканіе уваровскихъ наградъ. XXVII. Прочелъ статью «Свѣдѣнія о современной Сербіи» Заявилъ о «Српске народне загонетке» Новаковича. Сообщилъ о важности археологической энциклопедіи. XXVIII. О присужденіи Ломоносовской преміи. LXXIV. О Русскомъ языкѣ. LXXVI. О книжномъ общественномъ языкѣ. LXXVII. О трудахъ Потебни. LXXIX. LXXXIX. Объ особенной чертѣ въ произведеніяхъ Потебни. LXXX. Его Записка объ ученыхъ трудахъ А. Н. Веселовскаго. LXVII. Разборъ книги записки по Русской грамматикѣ. LXXX—LXXXV. О чертѣ характера и направленіи изслѣдованій г. Потебни. LXXXIII. О послѣдующихъ книгахъ Записокъ. LXXXVI. О значеніи трудовъ Потебни. LXXXVII. Объ общей точкѣ зрѣнія на языкъ Русскій XCIV. Объ Исторической грамматикѣ. Русскаго языка CII. Значеніе этой грамматики. CIII. Упом. LVI. **3**. 35 7. 3. 9. 2.

Старославянскій языкъ, LXXVI. LXXVII.

Стедингъ. **1**. 75.

Стефанъ Высокій. **9**. 12. 13.

Стрекаловъ. **1**. 45.

Строгановъ, графъ. **1**. 45.

Строевъ, П. М. III. XXVIII. Срезневскій напечаталъ о немъ «Воспоминаніе» XXVII.

Струве, акад. О. В. **2**. 35. 58.

Струэнзе. 1. 30.

Стурe, Старшій. 2. 11. 46.

Суворовъ. 1. 64.

Сундбергъ, архіепископъ упсальскій. 2. 15. 48.

Сухомлиновъ, акад. М. И. 7. 3. О печатаніи IV выпуска «Исторіи Россійской Академіи». III. XXIX. О собираніи матеріаловъ, относящихся къ трудамъ членовъ Академіи Наукъ. V. Объ Александрѣ I-мъ VII. Командированъ въ Москву собрать свѣдѣнія, относящіяся къ трудамъ членовъ Россійской академіи. XXII. Монографія о Севергинѣ. XXIX. Разсматриваетъ учено-литературную дѣятельность Севергина Напечаталъ рѣчь по случаю юбилея Александра. XXX. 5. 1—11. О рожденіи, воспитаніи и воцареніи Александра I. 5. 1—11. Объ одахъ на его рожденіе и воцареніе. 5. 1. 2. 4. 6—8. 44—47. Объ эпохахъ Екатерины II и Александра I. 5. 9. О просвѣщеніи народа въ эпоху Александра I. 5. 9—10. О мысли Петра Великаго объ учрежденіи Академіи наукъ и объ оцѣнкѣ дѣйствій и воззрѣній Петра Великаго. 5. 12—16. О Екатеринѣ II относительно Академіи наукъ. 5. 16—17. О преобразованіи Академіи наукъ при Александрѣ I. 5. 17—31. О Новосильцовѣ, какъ о дѣятельномъ участникѣ въ преобразованіи Академіи наукъ. 5. 25—27. О доказательствѣ вниманія Александра I къ нуждамъ Академіи. 5. 27. Объ академической средѣ въ эпоху Александра I. 5. 28—33. О трудѣ акад. Шторха. 5. 31—33. О возстановленіи Россійской академіи. 5. 33—35. Объ учрежденіи и преобразованіи русскихъ университетовъ. 5. 35—43. Объ акад. Озерецковскомъ и его вліяніи на устройство внутренняго управленія русскихъ университетовъ. 5. 38. О значеніи устройства Александровскихъ университетовъ и вообще о значеніи эпохи Александра I по народному образованію. 5. 38—43.

Тарновскій. 3. 43. Хорошій отзывъ Гоголя о немъ 3. 44 и сл.

Татары. 7. 9.

Татищевъ. 5. 12.

Таубе. 1. 42. 47. 50. 52. 103.

Таузингъ, Его «Das natürliche Lautsystem». О дифтонгахъ. О звукѣ *jot* 8. 9.

Тессинъ, гр. 1. 3.

Тессинъ, Никодимъ старшій. 2. 56.

Тилезіусъ, акад. 5. 29.

Тихонравовъ, Н. С. профес. VI.

Толмачевъ, проф. XXXVI.

Толстой, Ю. В. XXVIII.

Томсонъ, Вайвиль, профессоръ. 2. 17.

Топеліусъ, профессоръ, писатель поэтъ. **2**. 46. Его рѣчь на юбилеѣ Упсальскаго университета. **2**. 47. Упом. **2**. 48.

Тредьяковскій, VI. XXII. **1**. 73. **5**. 16.

Тролле, адмир. **1**. 43. 46.

Трощинскій. **5**. 5. **7**. 31.

Турки, Отношеніе ихъ къ Аѳону. **9**. 20. 21.

Уваровъ, С. С. министръ Народнаго просвѣщенія. **6**. 5. 6.

Ульфсонъ, Яковъ, архіепископъ. **2**. 11. 21. 25. 46.

Университеты, Русскіе См. Русскіе университеты. См. Упсальскій университетъ.

Упсала. Объ участіи жителей въ приготовленіяхъ къ университетскому юбилею. **2**. 8. Посреди приготовленій къ юбилею. **2**. 7. Ея соборъ. **2**. 21. Объ убранствѣ и иллюминаціи. **2**. 22. 35. Ея лучшій рестораторъ. **2**. 28. Упом. **2**. 10. Ея университетъ См. Упсальскій университетъ.

Упсальскій университетъ, Университетское зданіе Carolina Rediviva **2**. 7. 20. О происхожденіи и прошлой судьбѣ университета. **2**. 10. Число упсальскихъ студентовъ. **2**. 12. Студенческіе кружки. **2**. 13. Корпорація. **2**. 13. О національномъ значеніи университета для Швеціи. **2**. 14. Его Одинова роща. **2**. 14. Объ ожиданіи и встрѣчѣ юбилейнаго поѣзда въ Упсалѣ. **2**. 15. 16. О совѣщаніи депутатовъ: о передачѣ университету торжественныхъ поздравленій. **2**. 18. О русской депутаціи. **2**. 20. Первый день юбилея. **2**. 22. О собраніяхъ студентовъ. **2**. 34. Второй день юбилея. **2**. 35. О промоціяхъ. **2**. 35. О рѣчахъ, произнесенныхъ на юбилеѣ университета. **2**. 44. Третій день юбилея. **2**, 51. Успѣхъ концерта. **2**. 52. Успѣхъ и значеніе празднествъ университета. **2**. 61. 67. О появленіи новыхъ сочиненій по поводу упсальскаго юбилея. **2**. 65. Упом. IV. V. См. *Гротъ*, *акад.* Я. К.

Успенскій, См. Порфирій.

Устряловъ, акад. Н. Г. **7**. 29.

Фалькенштейнъ, гр. **7**. 14.

Фаустъ Іоаннъ. **1**. 30.

Ѳеодоритъ, игуменъ. **9**. 5. 14.

Ѳеокритъ. О его стихахъ. **9**. 17. 27.

Филаретъ, архіепископъ III. **9**. 30. Его обзоръ русской духовной литературы XXVIII.

Филологическія разысканія. См. Гротъ.

Филоѳеевскій монастырь. **9**. 11.

Фонетика. **8**. 1. Русская. **8**. 1.

Фортинскій. «Приморскіе вендскіе города» I.

Фотій, патріархъ. **9**. 8. 17.

Франція и французы. Образецъ для Европы. **1.** 3. Упом. **1.** 42. 47 52. 68. 63. **7.** 2. 15.

Френъ, ак. **5.** 30. 31. 54.

Фридрихсгамъ, крѣпость. **1.** 41. 44. 45. 46. 61.

Фридрихъ Августъ, епископъ любскій. **1.** 56. 57.

Фридрихъ Великій. **1.** 1.

Фридрихъ II. **1.** 3. 5. 10. 13.

Фридрихъ V. **1.** 58.

Фрисъ, проф. **2.** 48. 63.

Фукидидъ. **9.** 3.

Фуссъ, акад. П. И. **5.** 17. 18. 21. 29. 97. 98.

Ханенко, Д. **6.** 43.

Харьковскій университетъ. LXXV.

Харьковъ. LXXV.

Херасковъ. **5.** 4.

Хаакъ. XXXI.

Хомяковъ. XLVIII. **3.** 14.

Храповицкій. **1.** 60. 62. 69. 72. 79. **7.** 19. 25. 26. 28. Его «Дневникъ» **1.** 63. 64. 73. 76. 77.

Христіанъ I. **2.** 45.

Хютеръ, проф. **2.** 26.

Цандеръ, докторъ. Его Механико-врачебное заведеніе въ Стокгольмѣ **2.** 5—7.

Цертелевъ. **3.** 35.

Цыхъ. **3.** 9. 10. 31. 34. 36.

Чекинъ, Ѳ. **4.** 20.

Челяковскій. **6.** 8.

Черкасскій, кн. IX.

Чернышевъ, гр. Ив. **1.** 44. 45. **1.** 22. 26.

Черткова, Е. Г. **3.** 21.

Чертковъ. **1.** 45.

Чесма. **1.** 21.

Чешскій языкъ. XXVIII.

Чулятовъ. XXVII.

Шаржинскій, С. Д. Хорошій отзывъ Гоголя о немъ **3.** 40. Воспитаніе и служба **3.** 42.

Шауманъ, епископъ. **2.** 47.

Шафарикъ II. XXXI. LVI. **6.** 8. 20. 17. 23. 37. 38. 41.

Шаховской-Стрѣшневъ, князь М. В. тамбовскій губернаторъ IV.

Швеція и шведы. **1.** 2. 12. **2.** 34. 62. **7.** 18. 19. **8.** 7. Олигар-

хія. 1. 8. 10. О времени вольности. 1. 8. О присоединеніи Норвегіи 1. 51.

Шевыревъ, С. П. проф. 6. 46.

Шейнъ, П. В. Какъ собиратель великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ XX. Задача отдѣленія XXI. О приглашеніи отдѣленія IV. О командированіи его въ Бѣлорусскій край. VI. VII. О путешествіи по Бѣлоруссіи VIII.

Шекспиръ. 2. 18. 1. 15.

Шембера, проф. Телеграмма къ нему I.

Шереметевъ, фельдмаршалъ. 4. 20.

Шефферъ, графъ Ульрихъ 1, 18. 19. 29. 47. 50. 51. Приближенный Густава III. 1. 9. Расположеніе къ нему Екатерины II. 1. 30. 31.

Шефферъ, Карлъ Фридрихъ, филантропъ, наставникъ Густава III. 1. 6.

Шефферъ, Петръ, зять Іоанна Фауста. 1. 30.

Шникель. 1. 20.

Ширвидъ. XXXI.

Шифнеръ, акад. А. А. I.

Шишковъ, А. С. 5. 4. 5.

Шлейхеръ. 8. 4. 12. 13. 14. VIII. О звукахъ *ера* и *еры*. 8. 16.

Шлецеръ. 5. 9. 49. 12. 1. 39.

Штакельбергъ, гр. 1. 66. 67.

Шторхъ, акад. 5. 37. 30. 31. 32. 33.

Шуазель. 1. 15.

Шуваловъ, графъ 1. 15.

Шульцъ. 2. 2. 56. 63.

Щепкинъ. 3. 36. Письмо къ нему Гоголя. 3. 22.

Эвфонія. 8. 2.

Эйлеръ, акад. Леонгардъ. 1. 26. 5. 13.

Эрикъ св. 2. 21.

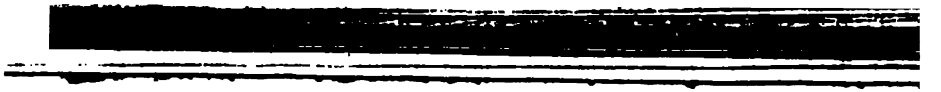
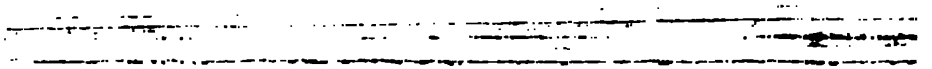
Ювеналъ. 9. 12.

Юмъ. 1. 6.

Юнгманъ. XXXI. LVI.

Юрій. новгород. князь. 4. 2. 4. 5.

Юшкевичи, братья Ихъ «Литовско-Русскій словарь» II. XXXI. Отзывъ Потебни о ихъ трудѣ. III.

Ягичъ, И. В. проф. славянскихъ нарѣчій въ Берлинскомъ университетѣ III.

Яковичъ де Мирієво. XXVI.